Зов безумия
Посланники магии

Дж. Р. Р. Толкин

Зов безумия
Посланники магии

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Дж. Р. Р. Толкин

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

JULIE DEAN

SMITH

Call of Madness

Mission of Magic

ДЖУЛИЯ ДИН

СМИТ

Зов безумия

Посланники магии

АСТ ЛЮКС ПРЕСС
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
С50

Серия основана в 1999 году

Julie Dean Smith
CALL OF MADNESS
1990
MISSION OF MAGIC
1991

Перевод с английского Ю. Волковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Jabberwocky и Александра Корженевского.

Подписано в печать 16.06.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 2104.

Издание подготовлено при участии А/О «ТИТУЛ»

Смит Д.Д.
С50 Зов безумия. Посланники магии: Фантаст. романы / Д.Д. Смит; Пер. с англ. Ю. Волковой. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 701, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-025020-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0190-1 (ОАО «ЛЮКС»)

Говорят — дар к волшебству дается человеку при рождении, дремлет в нем двадцать лет и, проявляясь, отнимает у «волшебников поневоле» разум.

И лишь в далекой Рэйке, обители Совета магов, смогут великие мастера чародейства обучить носителя «дикой магии» СОЗНАТЕЛЬНО пользоваться своим даром...

Нелегко в этом мире девушке Атайе, чудом спасшейся от «зова безумия» — и теперь отправившейся из Рэйки в королевство, где магов считают одержимыми дьяволом, где любому «приспешнику сатаны» одна дорога — на костер. Снова и снова пытается Атайя спасти ни в чем не повинных обладателей дара, пытается, еще не зная, что люди Церкви уже ведут охоту НА НЕЕ САМУ...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Julie Dean Smith, 1990, 1991
© Перевод. Ю. Волкова, 2002, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Зов безумия

И Дьявол воззовет их к безумию,
И так узнает он детищ своих,
И будут творить они зло на земле.

Адриэль из Делфархама
«Эссе о природе магии»

Глава 1

— Опять жульничаешь, черт тебя побери! — проревел пьяный, довольно пожилой и весьма грязный мужик, обращаясь к темноволосой молодой женщине, которая сидела напротив него за игорным столиком.

Злобно сверкнув черными глазами, налитыми кровью, старик долбанул кулаком по видавшей виды деревянной столешнице.

— Никому еще не удавалось обыграть старину Рафа! Об этом можешь и не мечтать...

Атайя пожала плечами, серебряные гвоздики, украшавшие ее кожаный камзол, весело блеснули, отражая мерцающий свет факелов.

— А я ни о чем таком и не мечтаю. Просто играю в карты лучше, чем ты.

— Ха! — Он ухмыльнулся и звучно рыгнул. — Если наступит тот день, когда меня оставит в дураках женщина, да еще соплячка вроде тебя, клянусь, я тут же повешусь!

Взяв лежащую перед ним карту, старик взглянул на нее и с торжествующим видом швырнул на стол.

— Что скажешь? Десятка и дама! Побей, если сможешь.

Его противница едва заметно улыбнулась.

— Готовь петлю, — произнесла она, спокойно покрывая карты тузом и королем, и с довольным видом откинулась на

спинку расшатанного стула. — Теперь ты должен мне еще две кроны. Итого, если не ошибаюсь, ровно десять.

Женщина потянулась за монетами, сложенными в кучку посередине стола.

Старик выпучил глаза. Вскочив на ноги, слегка пошатываясь, он наклонился и схватил Атайю за запястье грязной заскорузлой лапой.

— Не торопись! — заорал он, явно рассчитывая привлечь внимание окружающих. — Я не собираюсь отдавать свои денежки каждому проходимцу, заколдовывающему карты! Все слышали? Она обманула меня!

Пара игроков с соседних столиков раздраженно подняли седеющие головы. Остальным посетителям тесной, мрачной, прокуренной таверны не было никакого дела до разъяренного пьянчуги, его обвинений и угроз.

— Не распускай свои паршивые руки! — процедила сквозь зубы Атайя, с отвращением глядя на короткие узловатые пальцы, вцепившиеся в ее запястье. — Или наша игра станет последней в твоей ничтожной жизни.

В первый момент ей показалось, что старик испугался: он недоверчиво уставился на женщину и часто заморгал, пытаясь, видимо, сфокусировать взгляд. Но буквально тут же Атайя заметила, что его небритая, мерзкая физиономия расплывается в ехидной улыбке. Еще через секунду Раф уже заходился от хохота, ударяя себя по ляжке свободной рукой. При этом он отвратительно повизгивал и похрюкивал.

— Ах ты, маленькая бестия!

Старик еще крепче вцепился в запястье молодой женщины и принялся скручивать кожу.

Почувствовав обжигающую боль, Атайя сжала зубы и моргнула.

— Вообще-то ты мне нравишься!..

Старик грубо дернул ее за руку, заставляя резко подняться с места. Обшарпанный стул, на котором сидела женщина, с грохотом упал на заляпанный пол. На удивление быстро и проворно для своего возраста и телосложения Раф выхватил

висевший за поясом у Атайи кинжал, не оставляя противнице ни малейшего шанса вовремя перехватить его руку, и, притянув женщину ближе к себе, приложил остро отточенное лезвие к ее белой тонкой шее.

Атайя затаила дыхание.

Раф окинул ее оценивающим взглядом. Он остался доволен: округлые формы под плотно облегающими бриджами и камзолом, отделанным серебряными гвоздиками, пришлись ему по вкусу.

— Не выношу, когда меня пытаются надуть, — проговорил Раф, приближая свою отвратительную рожу к лицу Атайи. Девушка поморщилась: в нос ударил резкий запах пивного перегара. — Но ты слишком красива для того наказания, которое заслуживаешь... Думаю, мы сможем договориться. Я забуду твои бессовестные выходки, если сумеешь как следует извиниться.

Старик кивком указал на притаившуюся у противоположной стены затемненную узенькую лестницу, ведущую на верхний этаж таверны.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Атайя не на шутку испугалась. Ее глаза возмущенно сверкнули.

Догадаться о намерениях старого Рафа было нетрудно. Там, наверху, ютились крохотные грязные комнаты, отделенные друг от друга изъеденными молью занавесками и скудно обставленные скрипучими кроватями с кишащими клопами матрасами. Второй этаж — рабочее место здешних шлюх.

Стиснув зубы, Атайя постаралась выглядеть спокойно и уверенно. Гнусный старик не должен догадаться о ее истинном состоянии.

Сегодня вечером, принимая решение выйти в город, молодая женщина и представить не могла, что вляпается в подобную переделку. Выпить пару стаканов вина, прогуляться — вот и все, чего ей хотелось... а еще оказаться где-нибудь подальше от дома.

— Эй, послушай, если ты так взбесился из-за денег, то оставь их себе. На этом и разойдемся, согласен? — предложи-

ла Атайя, искренне надеясь, что старик отстанет от нее. — Забирай все.

Раф злобно ухмыльнулся.

— Не сомневайся, свои денежки я никому не отдам. Но ты должна извиниться передо мной. — Он крепче сжал пальцы, больно сдавливая ее руку. Атайя закусила губу. — Итак, крошка, решайся. Могу тебя заверить: это намного приятнее, чем валяться в подворотне с перерезанным горлом. Все, кто пытается меня надуть, кровью расплачиваются за свои грешки.

— Клянусь, я и не думала обманывать тебя...

— Закрой рот и пойдем со мной! — взревел старик и ударил Атайю кулаком по плечу, заставляя двигаться по направлению к мрачной полуразвалившейся лестнице.

Он последовал за ней, приставив к спине девушки ее собственный кинжал. Подобно выброшенной на берег рыбе, беспомощно глотающей воздух, Атайя закрутила головой, тщетно пытаясь найти защиту. Посетители таверны спокойно потягивали пиво и продолжали играть, не обращая ни малейшего внимания на несчастную женщину. Даже снующая от столика к столику девушка, подливающая пиво в быстро пустеющие бокалы, не проявила к происходящему ни капли интереса.

Атайя ужаснулась: поддержки ждать не от кого. Придется выкручиваться самостоятельно.

— Поторопись-ка, красавица! — прохрипел Раф и грубо подтолкнул ее сзади.

От сильного удара женщина пошатнулась и споткнулась о ступеньку, но ухватилась за поручень и устояла на ногах.

Добравшись до второго этажа, они очутились в узеньком, тусклом коридоре. Одна из комнат оказалась свободной: потрепанная, выцветшая занавеска, служившая, так сказать, дверью, была отодвинута.

Атайя вздрогнула: один вид обшарпанной кровати вызвал тошноту и отвращение.

Наверняка матрас кишит клопами или еще какой-нибудь гадостью, — подумала она, оглядывая мрачную каморку. Де-

ревянный пол пестрел буро-коричневыми пятнами грязи. На закопченных, перепачканных стенах плясали угрюмые тени, отбрасываемые мерцающим светом свечи, что стояла на полу в жестяной кружке.

— Входи! — скомандовал Раф.

Теперь его голос звучал спокойно и приглушенно. Наверное, его разморил алкоголь, а может, он расслабился в предвкушении предстоящего удовольствия.

Атайя одарила его соблазняющим взглядом. Бороться с мужчиной бессмысленно: он сильнее ее. А вдруг получится перехитрить старого пьянчугу?

Она тряхнула головой — длинные, густые, черные как смоль волосы красиво рассыпались по плечам. Раф уже терял бдительность, рука, в которой он держал кинжал, постепенно опускалась. Скорее всего ему казалось, что победа одержана и оружие больше не пригодится.

Атайя взглянула на старика, подошла ближе и положила руку ему на плечо. Медленно облизнув губы, она прижалась к груди Рафа и почувствовала, что старый мерзавец сильно возбудился.

Сейчас меня вырвет, — промелькнуло в голове женщины, однако ей удалось сохранить обворожительное выражение лица. — *Господи, и угораздило же меня ввязаться в эту гнусную историю!..*

— Поцелуй меня, — прошептала Атайя, опуская ресницы.

Раф наклонился к ней. Невыносимая вонь шибанула прямо в нос девушке, но она удержалась и не отвернула лица. Старик медленно поднял корявую руку с почерневшими от грязи ногтями и провел ладонью по шелковистым волосам Атайи.

В следующий миг Раф пронзительно заорал и согнулся, корчась от боли.

Получилось!..

Нельзя терять ни секунды! Атайя схватила его за плечи и толкнула к лестнице. Кувыркаясь, Раф с грохотом покатился вниз по ступеням. Выпавший из его руки кинжал весело звякнул и отлетел в сторону.

Несколько мгновений спустя мерзкий старикашка уже лежал внизу с перекошенным лицом, извиваясь и повизгивая.

Атайя даже не ожидала, что сможет с таким блеском справиться с обидчиком. Ведь Раф весил вдвое больше нее, да и удар в пах, которым так ловко удалось угостить его, был не очень сильным. И все благодаря Николасу! Ведь это он, брат Атайи, показал девушке, как надо действовать, чтобы защитить себя от грязных приставаний нежеланных кавалеров. Она никогда и не думала, что доведется применить этот замечательный прием на практике. Только бы не забыть рассказать брату, как кстати оказалась его наука!

Быстро собравшись с мыслями, Атайя подняла с пола кинжал и помчалась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, подскочила к Рафу и, буквально оседлав негодяя, постаралась вдавить его в пол. Серебро отточенного лезвия блеснуло в тусклом свете факела, когда она приставила кинжал к мясистой грязной шее противника.

— Я скорее соглашусь переспать с безумным колдуном, чем лягу в постель с тобой! — тихо и медленно проговорила Атайя твердым, решительным тоном и осторожно поднялась на ноги, удерживая кинжал у горла Рафа.

Остро отточенный кончик кинжала врезался в грубую темную кожу. Старик тщетно пытался скрыть безумную боль и страх.

Ты бы чувствовал себя намного паршивее, если бы не напился, как свинья, — подумала Атайя, с отвращением глядя на Рафа и медленно отводя руку.

Его лицо позеленело, глаза готовы были выскочить из орбит. Казалось, еще мгновение — и мерзавца вырвет.

Когда кинжал находился уже на приличном расстоянии от его горла, Раф как подстегнутый вскочил на ноги и поплелся к выходу, содрогаясь всем телом и пошатываясь. Грубо оттолкнув у порога наблюдавшего за происходящим молодого незнакомца в светлой одежде, старик вышел на улицу, выкрикивая проклятия.

Атайя сунула кинжал в ножны, вернулась за свой столик, пересчитала монеты и достала из специальной замшевой су-

мочки изящную курительную трубку, вырезанную из вишневого дерева и покрытую лаком. Прикурив от стоящей на столе свечи, она с удовольствием вдохнула струю успокаивающего сладковатого дыма.

Ее кубок был почти пустым. Жестом подозвав молоденькую дочку хозяина таверны, Атайя заказала еще вина. Круглолицая девушка в перепачканном сажей и грязью переднике отвесила неуклюжий поклон и, развернувшись, направилась к перекошенной дубовой двери, ведущей на кухню. Через минуту служанка уже спешила обратно, неся в руке графин с темно-красным тягучим вином. Атайя подала ей одну из лежавших на столе монет.

— Сдачи не надо, — произнесла она спокойным голосом.

— О! Премного благодарна, — прощебетала девушка, широко раскрыв от удивления глаза, бережно, словно не веря своему счастью, провела пальцем по драгоценной монетке, еще раз поклонилась, теперь более грациозно, и поспешила к стойке.

Атайя наполнила кубок, откинулась на спинку стула и собрала со стола разбросанные карты. Лениво перетасовав колоду, она разложила пасьянс и уныло вздохнула.

За соседним столиком двое пьяниц громко обсуждали незатейливую проблему: стоит отправиться домой или же продолжить игру.

Домой... Нет, уж лучше сидеть в этой мрачной таверне, — подумала Атайя и пожала плечами.

Еще одна глубокая затяжка, и приятная дурманящая волна наполнила девушку своим теплом, затуманивая голову, помогая поскорее отделаться от гадких воспоминаний о старом Рафе. Несмотря на то что опыта в общении с мужчинами Атайе еще не хватало, она уже догадывалась: многие из них в большинстве случаев размышляют вовсе не мозгами, а совсем другим органом. Сегодняшнее столкновение с мерзким старикашкой только усилило ее подозрения...

Достойными Атайя могла назвать лишь немногих из знакомых ей мужчин. Они были совсем не похожи на осталь-

ных — не считали, что смысл жизни должен сводиться к демонстрации своей удали, будь то за бутылкой или в постели. Девушка подумала о своем брате Николасе.

И о Тайлере.

Тайлер...

При одной мысли о нем губы Атайи сами по себе расплылись в улыбке.

Ее вдруг охватила тревога. Наверное, нужно было рассказать Тайлеру о своих планах на вечер. С другой стороны, что бы изменилось? Он заявил бы, что девушке не стоит этого делать, но она все равно отправилась бы на прогулку и сейчас чувствовала бы себя еще более виноватой.

Пора возвращаться домой. Тайлер убедится, что с ней все в порядке, и успокоится.

Атайя почувствовала усталость, уже хотелось спать. Было довольно поздно, от табачного дыма начинали слезиться глаза, а мысли путались в голове. От выпитого вина еще больше клонило в сон.

Неожиданно на столешницу упала чья-то тень. Девушка вздрогнула и подняла голову. Незнакомец, которого так грубо оттолкнул от двери бесславно уходящий из таверны Раф, сидел теперь на его месте.

— Каждый раз, когда этот старый хрыч проигрывает, он считает, что его обдурили.

Мужчина с легкостью завел беседу. Он разговаривал с легким акцентом.

Скорее всего этот человек был старше Атайи: на вид ему можно было дать лет двадцать пять. Несомненно, он выглядел лучше всех в замызганной таверне, выделяясь ярким пятном на фоне коричнево-черной массы — местных фермеров, шахтеров и торговцев. Голубой камзол и идеально чистая белая рубашка незнакомца радовали глаз. На светловолосой голове красовалась фетровая шляпа с невысокой тульей. Шляпа эта, наверное, не случайно была немного сдвинута набок.

Интересно, чем он занимается? — подумала Атайя.

Белые нежные руки мужчины говорили о многом: грязная работа была им непривычна.

Незнакомец очаровательно улыбнулся и дружелюбно взглянул на девушку. Однако она никак не отреагировала. Этот человек знаком с Рафом. Значит, им не о чем разговаривать.

— Может, вы на самом деле...

Атайя нахмурилась.

— На самом деле что?

— Воспользовались каким-нибудь колдовством?

Сердито сверкнув глазами, девушка бросила на стол карты.

— Послушайте, с меня довольно. Я уже достаточно натерпелась за сегодняшний вечер! — возмущенно проговорила она, отхлебнула вина и сделала несколько затяжек.

Это подействовало: через несколько минут девушке удалось расслабиться и успокоиться.

— Между прочим, в Кайте есть всего один колдун, он живет в замке Делфар, — добавила она.

Незнакомец смутился и некоторое время молчал. Затем удивленно взглянул Атайе в глаза.

— Простите, я вовсе не хотел никого обижать, — пробормотал он и, желая оправдать свою оплошность, добавил: — Сам-то я не здешний...

— Мои поздравления, — сухо произнесла молодая женщина, намереваясь уколоть незнакомца своим высказыванием.

Но в тот момент, когда слова слетали с губ, Атайя, к великому своему изумлению, отметила: а ведь его и впрямь можно было только поздравить с этим. Если бы ей самой представилась возможность, она давно бы уже уехала из Делфархама. На континенте существует множество гораздо более прекрасных мест, чем убогий и тесный стольный город страны Кайт.

Непременно существует, — подумала Атайя.

Таинственный незнакомец взял со стола карты и начал тасовать их, внимательно разглядывая каждую с лицевой стороны.

— Нет никаких отметок, — произнес он наконец и положил колоду на прежнее место. — Рафу просто не повезло. — Его губы растянулись в улыбке. — Но убеждать старика в том, что против него вели честную игру, совершенно бессмыслен-

но. Он слишком болезненно и нервно воспринимает собственный проигрыш.

Атайя нахмурила брови.

— Если я поняла вас правильно, вы не из здешних мест. Откуда же вам так много известно об этом мерзавце Рафе?

Ее холодный, колючий взгляд привел незнакомца в еще большее смятение. Он посмотрел на узкую лестницу, ведущую на второй этаж, и весь как будто съежился.

Наверное, вспомнил о той участи, которая постигла беднягу Рафа, ведь этот парень видел, как мне удалось расправиться с ним, — с гордостью подумала Атайя.

— Я всего несколько дней в Кайте, — быстро заговорил незнакомый мужчина. — Я курьер из Рэйки. Сегодня днем, покончив с поручениями, решил заглянуть в эту таверну и выпить вина. Мы играли с Рафом в кости, и он продул мне несколько крон. Так я и познакомился с этим вздорным типом... Он клялся, что его надурили, а когда узнал, что я из Рэйки, обозвал меня безумным ведуном и сказал, будто бы кости заколдованы.

Атайя засмеялась. А этот наивный незнакомец довольно мил!

— Надеюсь, вы понимаете, что в наших местах отнюдь не безопасно, — заметила она.

Парень уставился на нее, о чем-то размышляя. По всей вероятности, раньше ему никогда не доводилось бывать в Кайте.

— Но ничего не бойтесь. — Атайя взяла в руку графин и взболтала темно-красную жидкость. — Хотите?

Он наклонился и взял пустой кубок с соседнего столика.

— Спасибо. Кстати, меня зовут Джейрен. Джейрен Маклауд.

— Ваше здоровье, Джейрен, — произнесла девушка и протянула бокал.

Звонко чокнувшись, они выпили.

Прошло около часа. Джейрен так и не решился на партию в карты, догадываясь, что девушка отлично играет и может в два счета обставить его. Так глупо расставаться с последними деньгами не имело смысла.

Атайя опять разложила пасьянс. Джейрен без умолку болтал, рассказывая о самых разных вещах, причем увлеченно и эмоционально, развлекая новую знакомую и пытаясь поднять ей настроение. Он поведал о своем путешествии из Рэйки, о том, как ужасны дороги и как отвратительны постоялые дворы, рассказал о последних придворных сплетнях из Ат Луана, центрального города Рэйки.

— ...Конечно, Осфонин страшно расстроился. — Джейрен говорил о рэйкском короле. — Ему и в голову не приходило, что в один прекрасный день его сын явится домой и сообщит о своем решительном отказе жениться на кайтской принцессе. Наверное, он представлял невесту совсем другой... Меня это удивляет, ведь принц Фельджин никогда не был особенно разборчивым в отношении женщин.

Джейрен усмехнулся, словно видя какой-то второй смысл в сказанных им же словах, и допил остатки вина.

— Только не подумайте, что я хочу оскорбить вашего почтенного короля и его красавицу дочь, — поторопился добавить он. — Я просто пересказываю то, о чем услышал в дороге. Но всем известно, что Кельвин уже довольно долго занят поисками мужа для своей наследницы и... гм... наверное, никак не может подобрать достойного человека.

— Вы очень дипломатичны, — заметила Атайя, пряча улыбку.

Бедственное положение Кельвина ни для кого в Кайте не являлось секретом. Над тщетными попытками короля выдать свое чадо замуж потешались на протяжении уже почти пяти лет.

— К сожалению, на свете много злых на язык людей, — вздохнул Джейрен. — Болтают, будто если жених и отыщется, то он потребует в два раза больше приданого за то, что возьмет в жены дочь Кельвина.

— А ваш принц Фельджин? Он нашел себе другую невесту? — рассеянно спросила Атайя. Разговоры о придворных сплетнях успели ей порядком поднадоесть.

— Пока еще нет. Но скоро состоится встреча южных союзников с круачи, и Осфонин может послать своего сына в эту забытую богом пустыню, чтобы встретиться с дочерьми монарха. Говорят, у него их больше дюжины. Страшно представить.

Джейрен увлекся рассказом о круачи, добродушно посмеиваясь над их замысловатыми нарядами и неподдельно восторгаясь прославленным мастерством выращивать быстроногих, выносливых лошадей.

Внезапно он замолчал, углубившись в свои мысли. Лицо Джейрена сделалось серьезным и сосредоточенным. Наверное, ему хотелось придумать что-то более интересное для продолжения беседы, чем затрепанные сплетни о королевских семьях. Пару раз Джейрен уже готов был снова заговорить, поднимал на девушку глаза, но, передумывая в последний момент, ограничивался лишь милой улыбкой.

Как странно выглядела подобная нерешительность: ведь молодой человек с такой невиданной легкостью завел знакомство с девушкой, так искусно развлекал ее своей непрерывной болтовней...

Наконец Джейрен продолжил.

— Насколько я понял из ваших слов, вам не очень-то нравится жить здесь. — Он старался говорить небрежным тоном, но Атайя чувствовала, что чужестранец неспроста завел эту беседу. — Когда я сказал вам, что я не местный, вы позавидовали...

Девушка пожала плечами.

— Даже не знаю. Вполне возможно, что Делфархам ничем не отличается от других городов.

— Если вам надоело здесь, то почему бы не уехать отсюда? Попутешествовать, посмотреть мир.

Атайя решительно покачала головой.

— Это невозможно.

— Нет денег? Вы не поверите: имея буквально несколько крон, можно уехать очень далеко. Кроме того, вы, как я понял, — отличный игрок в карты и обладаете, таким образом, прекрасной возможностью подзаработать!

— Это не деньги, — произнесла Атайя и снова рассмеялась. Джейрен уговаривал ее с такой забавной настойчивостью. — Не то чтобы мне не хотелось уехать на какое-то время из дома. Напротив. Но моя семья никогда не допустит ничего подобного.

— Но объясните мне почему? Сколько вам лет? Девятнадцать? Двадцать?.. Самое время посмотреть мир. Побывать, например, в Рэйке. — Атайя обратила внимание: его тон становился все менее и менее небрежным. — Теперь мало кто приезжает из Кайта в Рэйку. Я знаю лишь несколько человек. Меня это удивляет. Наша страна очень красива. На западе — великолепные песчаные дюны вдоль берега моря и потрясающие леса. Могучие белые сосны, выше самого высокого соборного шпиля... Природа у нас как будто бы более дикая, чем в здешних местах, наверное, потому что там множество скал. А еще в Рэйке другое небо. Оно бывает серым либо голубым, но всегда в его цвете присутствует какой-то серебристый оттенок.

— Звучит неплохо, — произнесла Атайя больше из вежливости.

Но Джейрен, казалось, вовсе не заметил ее безразличного тона. Он решительно вскочил на ноги.

По-моему, этот парень перебарщивает, — подумала девушка.

— Наша столица находится намного севернее, чем Делфархам. Осень у нас приходит рано, — продолжал тем временем ее собеседник с энтузиазмом. — Листья начинают желтеть уже в августе. Мне хочется попасть домой вовремя и полюбоваться золотом листвы.

Джейрен на мгновение замолчал.

Он неспроста так красочно и подробно описывает свою родину. Что задумал этот юноша?..

— Послушайте, — чужестранец понизил голос, — через несколько дней я отправляюсь в обратный путь...

Вновь последовала пауза. Вероятно, Джейрен хотел подобрать наиболее подходящие слова.

Атайя уже не хотела ничего слышать. И как она раньше не догадалась, к чему клонит этот светловолосый красавчик? Наверное, выпила слишком много вина. Теперь ей все понятно.

С мрачным видом Атайя откинулась на спинку стула и сердито уставилась на собеседника.

Лицо Джейрена озарилось невинной улыбкой.

— А почему бы вам не...

Ее терпению наступил конец. Девушка в бешенстве ударила рукой по столу. Карты разлетелись в разные стороны, подобно сухой листве от дуновения налетевшего порыва ветра.

— Послушайте, Джейрен, — произнесла Атайя, грозя ему пальцем. — С меня довольно. На сегодня я сыта по горло непристойными предложениями. Подыщите себе другую дурочку, которая смогла бы удовлетворять все ваши прихоти по дороге домой.

— Н-но... я совсем не это имел в виду! — пробормотал чужестранец, запинаясь. Ее слова, похоже, удивили и обидели его. — Я говорил совершенно о другом.

Атайя уже не слушала. Она поднялась с места, убрала свою трубку и направилась к выходу, на прощание окинув Джейрена презрительным взглядом.

Сегодня девушке довелось пережить слишком много неприятностей. Пора домой. Там по крайней мере никто не станет унижать ее достоинство.

Атайя уже приблизилась к порогу, мечтая поскорее выбраться из этого отвратительного заведения. Неожиданно прямо перед ней появились двое здоровенных мужчин, преградивших девушке путь. Один из них тут же выхватил кинжал из-за ее пояса.

На незнакомцах были мрачных цветов рубахи, чулки, изрядно перепачканные грязью, и измятые плащи. На кожаные сапоги налип засохший навоз. Атайя сморщила нос — от пришедших ужасно воняло.

Тот из них, что повыше, уставился на великолепную отделку ножа. Глаза великана казались меньше, чем были на самом деле, на фоне огромного крючковатого носа, напоминавшего клюв. Второй человек был ниже ростом, но более мускулистый. Торчащие по бокам его лысеющей головы космы напоминали вздыбленную кошачью шерсть. Одежды очень плотно облегали крепкое тело, казалось, в любой момент они могут разойтись по швам.

— Попрошу!.. — твердым голосом произнесла Атайя и протянула руку, требуя вернуть кинжал.

Великан злобно ухмыльнулся и отдал нож своему плотному другу. Тот спрятал оружие в сапог.

— Это ты играла недавно с Рафом? — спросил верзила, сцепляя за спиной мозолистые руки.

Атайя почувствовала, что к щекам прилила кровь.

О нет, пожалуйста! — взмолилась она про себя.

— Если и так, что из этого? — Придать голосу уверенный тон стоило немалых усилий.

Мускулистый тип повернулся и присел на ближайший из обшарпанных столиков. Второй, с носом, похожим на клюв, подошел к Джейрену, окинул его не внушающую ни малейшего опасения фигуру презрительным взглядом и положил руку молодому человеку на плечо.

— Думаю, тебе лучше уйти. Мы с другом собираемся поговорить по душам с этой девицей.

— Послушайте... гм... джентльмены, — произнес Джейрен и нервно моргнул. Угрожающий вид великана не сулил ничего хорошего. — Почему бы нам не присесть и спокойно не обсудить ситуацию. Я уверен...

Верзила схватил его за шиворот и тряхнул.

— Так ты уходишь сам или тебе помочь?

В руке негодяя блеснул нож.

Джейрен взволнованно взглянул на свою новую знакомую.

В следующее мгновение чужестранец неожиданно для всех вцепился в запястье великана, толкнул его и попытался выбить стилет. Атайя видела, как второй дружок Рафа хватает со стола увесистый деревянный кувшин и целится им в затылок Джейрену.

Все произошло в считанные секунды: посудина угодила точно в намеченную цель. Бедняга вскрикнул, закачался и рухнул на пол. Из раны потекла струйка крови, окрашивая воротник белоснежной рубашки в ярко-алый цвет.

М-да, к тому моменту, когда этот несчастный придет в себя, у него на затылке вскочит огромная шишка, — подумала Атайя.

Но она не забыла о тех грязных намеках, которые он делал ей буквально четверть часа назад. Поэтому проявлять

сочувствие вовсе не хотелось. Сейчас необходимо позаботиться о себе!

Внезапно чья-то мощная лапа схватила девушку за шею, больно сдавливая, перекрывая дыхание. В следующую секунду Атайя получила удар в спину.

Девушка отлетела к стене, сильно ударившись головой о дубовые бревна. В ушах зазвенело, пьяная толпа, на этот раз проявившая гораздо больший интерес к происходящему, слилась в расплывчатое, мутное пятно...

— За моего друга Рафа! — проревел великан. — Никто не смеет выставлять его идиотом! Поняла?

Он подскочил к девушке, вцепился в плечо и еще раз долбанул головой об стену. Атайя, совершенно уже не способная ясно мыслить и видеть, а тем более драться, не сопротивлялась. Сильные, грубые клешни больно сдавили ее руки, но она не закричала, лишь закусила губу.

Второй защитник мерзавца Рафа подошел к Джейрену и несколько раз пнул его носком своего замызганного сапога, желая удостовериться в том, что курьер из Рэйки больше не выкинет неожиданных фокусов. Затем он решительно направился к Атайе, намереваясь, по всей вероятности, приложить собственную руку к процессу наказания.

Приблизившись, здоровяк отстранил друга и склонился над девушкой.

— Тебе следовало хорошенько подумать, прежде чем дурить Рафа, — произнес он, злобно прищуривая глаза. — В следующий раз будешь умнее.

Тут негодяй вцепился в волосы Атайи, слипшиеся от густой крови — ударившись о стенку, она разбила голову, — и отшвырнул ее в сторону. Атайя отлетела к ближайшему столику, стоявшие на нем пустые кубки с грохотом повалились на пол. От нестерпимой боли уже мутился рассудок. Хотелось только одного: исчезнуть отсюда, прекратить жестокую расправу.

Девушка повернулась на бок. Голова раскалывалась, перед глазами плавали темные круги. Проклятое вино!.. Не нуж-

но было столько пить. Атайя позволила себе расслабиться, поэтому-то реакция ухудшилась, и на сопротивление просто не хватило сил.

— Эй, только драк мне еще тут не хватало! — прогремел низкий мужской голос.

Хозяин таверны выбежал из кухни, вытирая руки о заляпанный передник, и схватил со стола глиняный кувшин. С угрожающим видом он поднял его над головой, как будто намереваясь швырнуть посудину в первого, кто шелохнется.

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям!

Его взгляд устремился на дружков Рафа.

— Вон!..

— Правильно, Орэн. Гони этих гадов в три шеи, — ухмыльнулась пьяная старуха, сидевшая за крайним столиком.

Поднялся шум. Исполинского роста мужчина — кузнец, судя по тонкой металлической стружке, налипшей на перепачканный сажей рабочий халат, — поднялся с места.

— Вы что, не слышали? Пошли прочь!

Трое его товарищей присоединились к нему, поднимаясь из-за стола.

Дружки Рафа лишь ухмыльнулись.

— Мы еще не закончили разговор, — пробасил высокий и взглянул на Атайю. Она лежала на полу, скорчившись от боли, сжимая руками голову. — И это никого не должно касаться.

— Что?! — возмущенно взревел кузнец. — Орэн — мой друг! Он велел вам убраться отсюда, но, кажется, вы плохо расслышали.

Богатырь закатал рукава, обнажая мускулистые руки, привычные к работе молотом.

— Боюсь, нам с товарищами придется показать вам, где находится выход...

Через несколько мгновений все смешалось в таверне Орэна. Кузнец и его друзья налетели на обидчиков Атайи, а следом за ними повскакивали со своих мест и остальные мужчины, желающие поучаствовать в драке.

Орэн вздохнул, закатил глаза и отправился на кухню. По-видимому, подобные представления нередко разворачивались в его заведении.

Поднялся невероятный гвалт. Мужчины воинственно кричали, махая кулаками, женщины вопили тонкими голосами, поддерживая разбушевавшихся героев. Деревянные стулья то и дело взлетали в воздух и, ударяясь о пол и стены, с треском разваливались на куски.

Атайя подползла к ближайшему столу, мечтая укрыться от разлетающихся щепок, но попала прямо под летящий глиняный кувшин, сбитый с соседнего столика. Ударившись о ее плечо, сосуд разбился, дешевое вино тут же впиталось в одежду.

Атайя тряхнула головой и часто заморгала. В ушах стучало, затылок, казалось, готов был вот-вот расколоться на части от безумной боли, отвратительная тошнота сводила желудок. С трудом приподнявшись и осторожно высунув голову из-за обшарпанной столешницы, девушка попыталась обозреть происходящее.

Народу в таверне стало как будто больше, чем несколько минут назад. У входа появились облаченные в одинаковые одежды люди. Войдя в помещение, они сразу принялись разнимать дерущихся.

Королевская гвардия!

Атайя узнала форму: ярко-малиновые мундиры, поверх них кольчуги с внушительных размеров медными пряжками. Гвардейцы короля Кельвина оголили сабли. Заслышав звуки лязгающей стали, хулиганы прекратили побоище. Один из солдат склонился над Джейреном, который все еще лежал у двери без сознания, и слегка пихнул его ногой. Удостоверившись в том, что несчастный не в состоянии причинить какой-либо вред, он оставил его в покое.

Гвардейцы вышвырнули из таверны дружков Рафа и утихомирили разъяренного кузнеца и его товарищей.

Капитан окинул помещение сердитым внимательным взглядом, снял перчатки и провел рукой по светлым густым волосам, практически не обращая внимания на подчиненных, лов-

ко расправляющихся с горе-драчунами. Он нахмурил густые брови, приблизился к хозяину, вышедшему из убежища с целью оценить понесенные убытки, и о чем-то спросил его. В ответ владелец таверны указал пальцем на Атайю.

Капитан повернул голову и, увидев зачинщицу беспорядков, притаившуюся у поваленного стола, прикрыл на мгновение глаза. Затем быстро сунул в руку хозяину несколько монет в качестве компенсации за доставленные неприятности и направился к девушке.

Приблизившись, капитан слегка наклонился и протянул ей руку. Атайя нехотя позволила поднять себя на ноги.

— Спасибо, Тайлер, — пробормотала она и покорно последовала за ним к стоящему в углу треногому табурету.

Голова у девушки шла кругом, а ноги подкашивались. Каждый шаг отзывался болью во всем теле.

Добравшись наконец до намеченной цели, Атайя уселась и провела ладонью по голове. На затылке вскочила здоровенная шишка. Она кашлянула, вытерла о бриджи перепачканные кровью руки и принялась вытаскивать из своих длинных волос мелкие щепки.

Капитан возмущенно покачал головой. Он был очень недоволен ее поведением, но Атайя хорошо знала его и видела сейчас по изгибу широких бровей, что гнев Тайлера не страшен. Она жива. И в данную минуту скорее всего только это казалось важным для него.

— Я ведь рассказывал тебе об этом месте? Ты помнишь, Атайя?

Он начал было бранить девушку, но голос прозвучал както слишком спокойно и даже нежно. Вздохнув, Тайлер взял лежавшую рядом салфетку, обмакнул краешек в вино и принялся вытирать кровь с ее лица и шеи.

— Ай!.. Перестань, мне больно! — Атайя закрутила головой, нахмурила брови и, крепко обхватив капитана за запястье, отвела от себя заботливую руку. — Не надо.

— Ты ведешь себя как маленький ребенок. Успокойся и потерпи немного.

Тайлер приложил смоченную ткань к ране на лбу Атайи и подождал несколько секунд, пока кровотечение не прекратилось. Он обрадовался — повреждение не слишком страшное. Отбросив в сторону салфетку, капитан принялся осматривать шишку на затылке несчастной девушки.

Внушительных размеров гематома, слипшиеся от крови волосы — это выглядело неприятно. Однако Тайлер чувствовал, что с Атайей все в порядке. Раны на голове всегда отвратительны на вид. Его прикосновение было настолько нежным, что девушка не смогла сдержать улыбку: человек со столь мощной фигурой, в военной форме, со знаками отличия на груди и смертоносным оружием на поясе так ласково и заботливо ухаживает за ней! Ей одной был известен настоящий Тайлер, тот, что скрывался под устрашающим облачением и грозным видом. При этой мысли глаза девушки озарились радостным светом.

Капитан окинул неодобрительным взглядом одежду Атайи: рубашка с разорванным рукавом, взятые у кого-то взаймы перепачканные бриджи... Она смутилась, опустила глаза и принялась вытирать щеки ладонями. Это не помогло. Руки оказались ничуть не чище измазанного кровью и грязью лица.

Тайлер поднялся на ноги и протянул Атайе руку.

— Пойдем домой. Там и приведем тебя в порядок.

Девушка подняла синие глаза, обрамленные темными густыми ресницами, и прищурилась.

— Домой?..

Ее голос прозвучал настороженно.

Капитан отвернулся, словно желая проверить, все ли из подчиненных на месте. На самом деле он просто старался оттянуть неприятный момент. Ужасно не хотелось говорить Атайе о той новости, которую он был обязан сообщить ей.

Девушка демонстративно кашлянула, Тайлер повернул голову и встретился глазами с ее требовательным, обеспокоенным взглядом. Хранить молчание дальше не имело смысла.

— Твой отец желает немедленно побеседовать с тобой.

Атайя тяжело вздохнула и обхватила изнывающую от боли голову обеими руками.

— Черт возьми!.. — простонала она. — Только этого мне не хватало в завершение сегодняшнего проклятого денька!

Ощущая себя абсолютно несчастной и невезучей, Атайя крепко зажмурила глаза. Вот бы превратиться в совершенно другого человека, очутиться в каком-нибудь ином месте! Избавиться от жуткой тошноты и нестерпимой боли!

Тайлер помог ей подняться на ноги и заботливо накинул на плечи свой теплый плащ. Эта непослушная девчонка, как обычно, и не подумала как следует одеться!

Как бы было здорово, если бы он не убирал руки, если бы так и поддерживал ее до самого дома! Но нет, Тайлер не посмеет, тем более когда вокруг столько народу. Наверное, ему на ум пришли те же самые мысли: его теплая ладонь задержалась подольше на плече Атайи, а в глазах появилась печаль.

В последнее время его взгляд слишком часто бывает таким...

— Думаю, что я обязан предупредить тебя, — произнес он приглушенным голосом, почти шепотом. — На этот раз твой отец не на шутку рассердился.

Атайя злобно рассмеялась.

— И что в этом нового?

— Веди себя с ним сегодня сдержаннее, — предупредил Тайлер. Нужно было во что бы то ни стало убедить ее. — Я серьезно. Пожалуйста, прислушайся к моим словам.

Атайя задумчиво кивнула. Несмотря на то что голова шла кругом от выпитого вина и нанесенных ран, она прекрасно осознавала: Тайлер на самом деле обеспокоен. Расстраивать его вовсе не хотелось. В чем причина его тревоги? Что там задумал отец?

— Я обещаю быть осторожной...

Атайя послушно последовала за Тайлером. В прозрачной пустоте теплой летней ночи царила тишина. Было совсем не холодно. Полная луна, похожая на крупную жемчужину, озаряла дорогу ласковым мягким светом, таинственно сияя в окружении мерцающих огоньков далеких звезд.

Впереди, там, где кончалась главная дорога, вырисовывался величественный силуэт замка Делфар, возвышающего-

ся над безмолвными морскими водами. Стены крепости под лучистым покровом лунного света казались серебристыми, лишь несколько окон горели в ночи запоздалым мерцающим светом факелов, подобно самым ярким звездам на бархатном небосклоне...

При любых других обстоятельствах Атайя залюбовалась бы этой волшебной величавой красотой. Но только не сегодня. Сейчас она молча следовала за Тайлером, уставившись себе под ноги, обхватив руками живот, как будто боялась, что, если оторвет взгляд от земли, случится что-то страшное.

Булыжники старой мостовой расплывались перед глазами, а магазинчики по обе стороны дороги раскачивались, кивали и подмигивали черными глазницами окон.

Пройдя всего несколько ярдов, Атайя неожиданно остановилась.

— Тайлер...

Ее голос был едва различим.

— Что?..

Девушка положила руку капитану на плечо.

— Подожди меня здесь.

Быстрыми шагами Атайя направилась в сторону темной и грязной аллеи, крепко прижимая ко рту ладонь, и через несколько секунд скрылась за деревьями. Тайлер направился было вслед за нею, но тут же передумал: по доносившемуся звуку нетрудно было догадаться — ее рвало.

Принцессе лучше было побыть одной.

Глава 2

Капитан Тайлер Грайлен сопровождал единственную дочь короля Кельвина, ее высочество принцессу Атайю Чэндис Тэйя Трелэйн, от личных покоев до королевской приемной палаты замка Делфар.

Чтобы девушка не споткнулась о неровные каменные ступеньки и не упала, он крепко держал ее за руку. Хотя сознание Атайи несколько прояснилось, голова у нее все еще гудела, а тело изнывало от боли. Вот бы остаться в своей комнате, укрыться мягкими теплыми одеялами и забыться сном часов так на двенадцать! Но отец желает поговорить с ней. Непременно сегодня. Она должна предстать перед ним.

Желудок девушки, казалось, вывернулся наизнанку. Возможно, так оно и было — перед центральными воротами ее снова вырвало. При одной мысли о еде щеки Атайи бледнели и сводило живот. А ведь эта прогулка — далеко не первая в ее жизни. В последнее время ей частенько удавалось сбегать из дома. Но чтобы чувствовать себя по окончании ночных похождений настолько разбитой и несчастной — такого еще не случалось.

Хотя кафедральный собор находился в противоположной стороне города, Атайя услышала едва различимый звук колоколов — два часа ночи. Тайлер отворил дубовую резную дверь, украшенную позолоченным гербом рода Трелэйн с незамысловатым рисунком и надписью сверху — *Per pale gules and or, two lions passant guardant sable**.

Сегодня два черных льва показались Атайе более зловещими, чем обычно. В какое-то мгновение ей привиделось даже, что один из них, тот, который располагался ниже, повернул свою могучую голову и оскалил клыки, будто приготовился сожрать бедную девушку заживо.

Они с Тайлером переступили порог и очутились в передних покоях приемной палаты короля.

Атайя думала, что остальные члены семьи, за исключением ее и отца, давно уже отправились спать. К сожалению, она ошиблась.

Из всех живущих на земле людей меньше всего на свете, — пронеслось в ее голове, — *хотелось бы встретиться сейчас с этой ведьмой!..*

---

* В лихие годины иль нет, два льва избегнут мечей защитников (*староангл.*).

Принцесса выругалась про себя и замедлила шаги. Тайлер слегка подтолкнул ее локтем, желая приободрить и поддержать.

Помимо двух стражей, постоянно охранявших королевские покои, у дверей, ведущих в приемную палату правителя, стояла полная женщина в плотно облегавшем фигуру платье темно-зеленого цвета. Ее пронзительный голос звенел в ушах: еще немного, и деревянные балки потолка, казалось, переломятся и обвалятся ей на голову, не выдержав напряжения. Повелительным тоном она выговаривала что-то стоявшему перед ней со скучающим видом молодому человеку примерно одного с Атайей возраста. По его виду можно было понять, что пылкая речь представительной дамы ему совершенно неинтересна. Из-под небрежно наброшенного легкого халата выглядывала длинная ночная сорочка. Юноша стоял, облокотившись о каминную полку, и нервно постукивал пальцами по гладкой каменной поверхности.

Завидев на пороге Атайю и Тайлера, молодой человек с нескрываемым пренебрежением отвернулся от собеседницы, приводя ее тем самым в ярость, и направился к пришедшим. Женщина открыла было рот, собираясь разразиться бранью, но в этот момент тоже заметила появившуюся принцессу, и выражение ее лица тут же изменилось: на смену возмущению пришло злобное удовлетворение.

— Ага, вот и ты!.. — Королева Дагара, третья жена короля Кельвина, положила пухлые руки на жирные бедра и окинула падчерицу презрительным взглядом. — Только посмотри на себя! Ты что, спала в этих одеждах? — Дагара звонко прищелкнула языком. — Если бы я не знала, на какие выходки ты способна, то подумала бы, что передо мной обыкновенная горничная, обрядившаяся в обноски своей хозяйки. Могу себе представить, на кого ты была похожа *до того*, как привела себя в порядок!

Атайя уставилась на рисунок старого ковра на полу и машинально провела рукой по складочке на синей бархатной юбке, пытаясь разгладить ее. После сегодняшнего приключения ей пришлось изрядно потрудиться, чтобы придать своему

облику приличный вид, и девушка думала, что неплохо с этим справилась. Вступать в спор с Дагарой вовсе не хотелось, да на это и не было сил.

Молодой человек в халате глубоко вздохнул и провел изящной рукой по мягким коротко подстриженным каштановым волосам.

— А не могла бы ты оставить ее в покое, хотя бы раз в жизни?

— Не вмешивайся не в свое дело, — прошипела Дагара и хлопнула ладонью по его плечу, словно перед ней был не человек, а назойливый комар, от которого можно запросто отделаться метким шлепком. — Это тебя не касается.

— Я одно хотел сказать: если ты считаешь, что обязана накричать на нее, то почему бы не отложить это до завтра. Утром она по крайней мере будет себя лучше чувствовать. Ты ведь сама видишь, что Атайе плохо.

— Плохо, — передразнила его Дагара. — Да, я вижу, не слепая. Но прекрасно знаю: ей плохо не оттого, что у нее жар. Она чувствует себя паршиво, потому как напилась, и для тебя это тоже не секрет, Николас. Переживаешь, что ей нехорошо? Подожди, сейчас этой девчонкой займется отец!

Принц открыл было рот, желая ответить королеве, но она не дала ему такой возможности.

— Итак, я больше ничего не хочу слышать. Или помолчите, или все убирайтесь отсюда. А ты, Николас, совершенно напрасно постоянно стремишься защитить свою сестру. Ее поведение достойно только порицания. И ваша дружба плохо сказывается на тебе. Если не изменишь свое к ней отношение, то скоро я совсем разочаруюсь в твоей порядочности.

Когда королева закончила свою пламенную речь и отвернулась, Николас закатил глаза, опять подошел к камину и, сняв с крючка медную кочергу, принялся ворошить тлеющие угли. Несколько мгновений спустя, улучив минутку, он поднял голову и взглянул на сестру. Их глаза встретились.

Атайя понимающе повела бровью. У нее было два старших брата: с Николасом их всегда связывали теплые, довери-

тельные отношения. Оба они постоянно недоумевали: как их отец мог жениться на такой неуклюжей, сварливой женщине, как Дагара, которая представляла собой прямую противоположность Чэндис, матери троих детей Кельвина, и была совсем не похожа на Эвин — терпеливую, мягкую, не отличавшуюся большим умом предыдущую мачеху Атайи. Нынешняя супруга короля обладала твердым и жестким характером, и так она постоянно проявляла себя на протяжении вот уже четырнадцати лет — с самого первого дня пребывания в королевской семье.

Выдержав паузу и убедившись, что Николас не намеревается продолжать спор, Дагара приблизилась к Атайе и угрожающе покрутила пальцем, украшенным огромным перстнем, перед лицом несчастной принцессы.

— Пора прекращать эти унижающие наше достоинство выходки! Ты выставляешь на посмешище всю семью: отца, братьев и меня! Довольно!

Тайлер сделал шаг вперед, как будто пытаясь отгородить Атайю от колких слов королевы.

— Ваше величество...

— Молчать, капитан! — завизжала Дагара. — Кстати, и вы повинны в том, что случилось сегодня. Если бы ваши подчиненные добросовестно выполняли возложенные на них обязанности, то Атайя не улизнула бы из замка без охраны.

Королева осуждающе покачала головой и взмахнула руками, как будто распугивала стаю голубей.

— Совершенно не могу себе представить, как такое могло произойти: она спокойно вышла из ворот перед носом у целого взвода неплохо подготовленных солдат, и *никто ничего не заметил!*

Капитан вздрогнул. Резкие слова задели его достоинство.

Неплохо подготовленных!.. Эти воины, гвардейцы короля, — лучшие во всем Кайте. Об этом известно каждому в замке Делфар, подумал со злостью капитан.

Атайя хорошо знала Тайлера. Сейчас он выглядел несколько растерянным, но сохранял спокойное выражение

лица. Она прекрасно понимала, что творилось в данную минуту в его душе: там уже пылало пламя обиды и злости. Нижняя челюсть капитана слегка выдалась вперед, а складки вокруг губ слегка углубились.

Умение Тайлера держать себя в руках, контролировать свои эмоции всегда вызывало в Атайе искреннее восхищение. Ей никогда не удавалось выработать подобную черту в собственном характере. Обычно она вела себя дерзко и несдержанно, особенно если дело касалось отца или мачехи.

— Ваше величество, я лично опросил своих людей, и они поклялись честью, что принцесса не выходила из ворот замка.

— Помилуйте, капитан. Такого ответа и следовало ожидать от солдат. Теперь они будут покрывать друг друга и ни в чем не признаются. *Поклялись честью!* О какой чести может идти речь? Это все равно что рассуждать о добропорядочности воров.

Тайлер глубоко вздохнул.

— Ваше величество, — произнес он ровным, спокойным голосом. — Я очень сожалею о случившемся. Обещаю принять все необходимые меры для исключения повторения подобного в будущем.

Капитан низко поклонился, и выражение лица Дагары несколько смягчилось. Скорее всего ее подкупила его вежливость и уважительное отношение. Королева медленно прошлась по комнате, бросив мимолетный взгляд на Атайю. Принцесса все еще выглядела очень бледной, стояла неподвижно, уставившись в пол.

Тайлер уже начинал нервничать. Когда же Кельвин пригласит свою дочь? Еще немного, и бедняжка упадет без сил или, не выдержав злобной брани королевы, выдаст какую-нибудь грубость ей в ответ.

— Его величество еще не готовы принять принцессу? — мягко спросил он.

Дагара раздраженно вздернула голову и перевела взгляд на дверь, ведущую в приемную палату.

— Король сейчас беседует с Дарэком, который все еще пытается убедить его отказаться от безумного предложения

Курии. Честно говоря, я абсолютно не понимаю намерения вашего отца заставить епископов изменить мнение о лорнгельдах. Они никогда не пойдут на это. Но не волнуйся, Атайя, — произнесла Дагара, вспомнив о начале разговора. — С тобой беседа будет краткой. Король в бешенстве. Сегодня днем он получил письмо от Осфонина из Рэйки и, прочитав его, пришел в ярость.

Королева неспешно прошлась по комнате, покачивая головой, не обращая ни малейшего внимания на то, что Атайя сжала кулаки, пытаясь побороть в себе нахлынувшие эмоции.

— Вероятно, ты опять скажешь, что не могла поступить иначе, что должна была так обойтись с сыном Осфонина Фельджином. Ты поиздевалась над беднягой и высмеяла его, заставив тем самым принять твердое решение отказаться от женитьбы на тебе. Мне стыдно, что Кельвин вынужден называть тебя дочерью!

Выдержав многозначительную паузу, Дагара добавила:

— Ты позоришь весь род Трелэйнов.

Атайя подняла голову, впервые за время пребывания в передних покоях в ее глазах горели злобные огоньки. Она видела, как отвернулся в отчаянии Тайлер, знала, что он отдал бы сейчас многое, лишь бы остановить принцессу. Но это уже не имело значения. Дагара зашла слишком далеко.

— По крайней мере эта фамилия досталась мне по наследству с самого рождения, — произнесла Атайя, отчетливо выговаривая слова. — Ради того, чтобы получить это имя, мне не пришлось опускаться до гнусных козней и дешевых интриг. Я не пробивала себе путь в благородные круги путем подкупов и обманов. В моих жилах, Дагара, течет королевская кровь. В отличие от *твоих!*

— *Атайя!* — прозвучал чей-то низкий мужской голос, резкий и жесткий: даже королева, буквально парализованная от гнева, вздрогнула и испуганно повернула голову.

Дарэк, старший сын короля Кельвина, наследник престола, вышел из приемной палаты и стремительными шагами направлялся сейчас к младшей сестре, полы его малинового плаща развевались позади, как огненные крылья.

Приблизившись, принц окинул Атайю испепеляющим взглядом, который Дарэк явно перенял у Кельвина, но у короля это всегда получалось гораздо лучше.

Дарэк схватил трясущиеся ладони стоящей рядом Дагары и поцеловал ее в густо напудренную щеку. На брата наследник королевской короны даже не посмотрел, демонстрируя таким образом свое полное пренебрежение к его персоне.

— Ты слышал, что она посмела сказать мне, Дарэк? — произнесла королева, прижимаясь к подоспевшему защитнику.

Ее нижняя губа дрожала, в этот момент она была олицетворением уязвленной гордости. Атайя едва сдерживалась от смеха. Да ведь у Дагары вовсе нет никакой гордости!..

Дарэк отпустил руки мачехи, нежно провел ладонью по ее плечу и, повернувшись к сестре, окинул ее полным отвращения взглядом.

Наследник престола не обладал ни привлекательностью, ни стройной фигурой, которыми природа щедро одарила Николаса. Ему только что исполнилось двадцать восемь, а темные волосы уже заметно поредели. И одевался Дарэк гораздо безвкуснее, чем младший брат. В своем парадном камзоле пепельно-серого цвета с серебряным поясом — единственным украшением — принц выглядел на все тридцать пять. Атайя привыкла к его осуждающему взгляду: единственное, что постоянно раздражало ее, так это слегка припухшие веки брата, нависавшие на глаза. Они придавали наследнику заспанный вид: создавалось такое впечатление, что он очень поздно просыпается по утрам. Между Дарэком и его сестрой никогда не существовало теплых дружеских отношений. Временами Атайе казалось, что в старшем брате ей нравится единственное: его молодая жена Сесил и их двухлетний сын Майлен.

— Как ты смеешь так разговаривать с королевой? — произнес Дарэк холодно.

Когда-то наступит день, и он, унаследовав корону Кельвина, будет оглашать королевские указы таким же спокойным, невозмутимо-равнодушным голосом.

Атайя вздохнула. Да, уж тогда-то ее братец станет вовсе невыносимым.

Принцесса вызывающе взглянула на своих противников и сложила руки на груди.

— Твоя демонстрация бесконечной привязанности к ней отнюдь не обязывает *меня* вести себя так же.

В ее голосе звучали нотки раздражения.

Дагара отвернулась и провела под глазом краем длинного рукава, словно вытирая проступившую слезинку.

— Ну, что я тебе говорила, Дарэк! Она меня просто ненавидит... — всхлипнула королева.

— Давай поговорим об этом после.

Всем своим видом наследник престола выражал безграничное сочувствие несчастной мачехе. Однако через мгновение, когда он повернулся к Атайе, лицо принца резко изменилось. Повелительно указав рукой на дверь, ведущую в приемную палату короля, Дарэк медленно произнес:

— Проходи, отец ждет тебя. И будь осторожна, сестренка. — В его глазах светились злобные огоньки. — Там Родри. Попробуй-ка надерзить ему так же, как Дагаре, и этот безумный колдун немедленно превратит тебя в мерзкую жабу.

Атайя направилась к двери, нахмурив брови, стараясь отделаться от неприятного предчувствия. Такие ощущения всегда охватывали ее, когда она слышала имя Родри.

В то время как Дарэк презирал колдуна и все его фокусы, в сердце принцессы жил какой-то непонятный страх перед ним. Объяснения этому не находилось, ведь чародей никогда не причинял девушке никакого вреда. Более логичным со стороны Атайи было бы благодарное отношение к Родри. Он так много сделал для Кайта, несмотря на то что являлся представителем проклятого рода лорнгельдов — детей дьявола, одаренных с рождения магическими силами, страдающих безумием. Атайя прекрасно знала обо всех благодеяниях Родри. Если бы колдун не присутствовал при короновании Кельвина и не прочитал своего заклинания, если бы не помогал ему на протяжении долгих лет правления, то Кайт и по сей день, наверное, представлял бы

собой кучку разрозненных, постоянно воюющих между собой земель, каким он был со времен Безумия.

Атайя осторожно открыла дверь и вошла в приемную палату короля, внутренне готовясь к предстоящему разговору.

Даже в столь поздний час в камине горело яркое пламя, и просторное помещение с резными деревянными стенами и потолком было хорошо прогрето и освещено. Отец, склонившись над широким столом из красного дерева, что-то сосредоточенно писал пером на куске пергамента. Колдун Родри в элегантной мантии темно-синего цвета с серебристой отделкой сидел у окна, задумчиво уставившись через зарешеченное стекло на сияющее отражение луны в морской воде. В его глазах светилась какая-то спокойная радость и даже гордость. Можно было подумать, что красоты природы, простиравшиеся перед глазами чародея, только что созданы им самим.

Родри открыл окно, и соленый свежий ветерок ворвался в комнату, задувая свечу на столе короля.

— Черт возьми, — проворчал Кельвин, рассеянно очертил рукой какую-то фигуру в воздухе и прошептал неизвестное Атайе слово.

Внезапно свеча снова загорелась, весело потрескивая.

По спине принцессы пробежали мурашки. Ей всегда делалось не по себе, когда приходилось становиться невольной свидетельницей тех магических экзерсисов, которым обучил короля Родри.

Кельвин не принадлежал к роду лорнгельдов — как никто и никогда из Трелэйнов. Странно, что у короля получалось использовать магические силы. И почему он захотел овладеть этой необычной наукой? Ведь волшебные таинства осуществлялись при помощи самого дьявола! Священники говорили, что люди, занимающиеся колдовством, обречены на безумие или на адские муки.

Сейчас Атайю беспокоили не только деяния отца. Заклинания Родри навевали не меньший страх. С самого детства она знала, что должна быть осторожной с лорнгельдами. Не так-то просто отставить свои предубеждения!..

Кельвин отложил перо, посыпал пергамент мелким песком и, когда чернила высохли, осторожно стряхнул его. Тут он заметил стоящую возле двери дочь.

— Атайя, — сердито произнес он. — Подойди сюда.

Король свернул документ, закрепил его горячим желтым воском и, сняв с пальца перстень с изображением королевского герба, поставил печать.

— Добрый вечер, ваше высочество, — поприветствовал принцессу Родри.

Атайя приблизилась к столу отца, повернулась к колдуну и ответила ему нерешительным кивком.

Кельвин подошел ближе, сложил руки за спиной и окинул внимательным, осуждающим взглядом безрассудную дочь.

Он двигался спокойно и медленно, ему всегда было свойственно тщательно и серьезно продумывать каждое свое последующее действие. Говорил король тоже обычно неторопливо и сдержанно, прекрасно понимая, что поспешность и вспыльчивость только навредят. Атайя знала отца: когда он злился, не стоило ожидать бури и скандала. Гнев мог подождать. Кельвин обдумывал любую ситуацию рассудительно и трезво. Атайя боялась родителя, хоть и не любила признаваться себе в этом. Он был не просто ее отцом, но и властным, расчетливым правителем. Кельвин представлял собой само олицетворение монаршей силы и достоинства. Позолоченный воротник, украшенный драгоценными камнями, величаво красовался на его могучих широких плечах — Кельвин всегда гордился своей фигурой: не каждый мужчина, даже гораздо более молодой, мог похвастаться подобным телосложением. В каштановых волосах, аккуратно подстриженных и причесанных, практически не было седины. Золотая корона красиво блеснула в свете горящей свечи, когда король поднял голову и устремил на непослушную дочь неодобрительный взгляд.

Он ведет себя слишком спокойно, — встревоженно подумала Атайя. — *Тайлер был прав. Отец что-то задумал.*

— Я послал за тобой более четырех часов назад. По всей вероятности, капитану и его людям пришлось изрядно потру-

диться, чтобы отыскать тебя. Наверное, ты решила испробовать все сорта вин, какие только подают в самых отвратительных тавернах Делфархама. И никого не поставила в известность. Я прав?

— Да, сир, — ответила Атайя спокойным голосом.

— Мне сообщили, что ты пьянствовала сегодня в заведении с довольно сомнительной репутацией и вступила в перебранку с двумя известными в городе преступниками, обвинившими тебя в жульничестве. Как они заявляют, ты обманула их дружка, играя с ним в карты. Верно?

Известные преступники? Нет, об этом Атайя не знала. Господи, как хорошо, что Тайлер отыскал ее. Страшно представить, что могло случиться, если бы он не подоспел на помощь. Возможно, она валялась бы сейчас мертвая в какой-нибудь грязной канаве.

Неплохая кончина, — усмехнулась про себя принцесса. — *Если я всю жизнь живу не по предписанным правилам, почему бы и не умереть соответственно?*

— Да, сир.

— Мне известны еще кое-какие подробности: после того, как ты вышла из таверны, тебе стало плохо, не замедлили проявиться последствия пьянства и курения.

При одном воспоминании о только что упомянутых событиях у девушки забурлило в желудке.

— Да, сир...

— Понятно, — произнес король, постукивая пальцами по отполированному красному дереву. — Что ж, я рад хотя бы тому, что ко всем своим проделкам ты не решила добавить еще и ложь.

Атайя отвела взгляд от грозного лица Кельвина и посмотрела на Родри, с невозмутимым видом наблюдавшего за происходящим со своего места у окна. Ей вдруг ужасно захотелось увидеть отражение каких-нибудь эмоций на этой спокойной, безучастной физиономии... пусть бы он лучше позлорадствовал или вместе с отцом осудил ее. Тогда раздражение по поводу присутствия Родри было бы оправданным.

Но колдун оставался бесстрастным и продолжал тихо сидеть на стуле, сложив свои тонкие руки на коленях, опустив плечи. Родри напоминал сейчас утомленного священника, нехотя, из чувства долга выслушивающего чьи-то предсмертные признания.

— Я не собираюсь тратить драгоценное время на обсуждение твоего отвратительного поведения, — продолжил Кельвин начатый разговор. — Несмотря на то что стены в замке довольно толстые, я прекрасно слышал: Дагара позаботилась об этом. Пообещаю тебе одно: ты никогда, ни при каких обстоятельствах не выйдешь больше за пределы замка без вооруженной охраны.

Почему? — отчаянно закричал внутренний голос Атайи. — *Какое тебе дело до того, чем я занимаюсь и что происходит в моей жизни? Если со мной что-нибудь случится, то для тебя это будет означать просто потерю дочери, о чьей судьбе ты никогда не задумывался всерьез. Почему бы не принять меня такой, какая я есть?..*

Вообще-то она прекрасно понимала, что не имеет ни малейшего права оплакивать тот факт, что отец не уделяет особого внимания ее персоне. Атайя обладала бунтарским, своенравным характером. А Кельвин ожидал, что его дочь, повзрослев, превратится в хрупкое создание, подобное хрустальному кубку, заботящееся только о своей красоте и грации. Ему хотелось, чтобы девушка была нежной, безмозглой принцессой, чтобы все ее мысли сводились к одному: исполнению прихотей будущего мужа.

Короля ждало жестокое разочарование.

Кельвин вернулся на свое место за столом, беззвучно ступая по покрытому коврами полу мягкими подошвами кожаных сапог. Свитки пергамента, сложенные в стопки на столе из красного дерева, ласково зашелестели — он сосредоточенно искал что-то.

Найдя наконец нужный документ, король протянул его Атайе. Листок выглядел весьма неприглядно: был измят и даже надорван в нескольких местах. По всей вероятности,

кто-то смял его в порыве ярости, а потом попытался вновь расправить.

— Знаешь, что это такое?

— Нет, сир.

— Нет? Попытаюсь объяснить тебе. — Кельвин развернул бумагу, и Атайя заметила изображение зеленых развевающихся лент внизу — королевский знак. — Это письмо от Осфонина из Рэйки. Не желаешь ознакомиться?

Принцесса отвела взгляд. Он мог и не читать ей сообщение, она и так прекрасно знала, о чем в нем шла речь. И потом, зачем задавать глупые вопросы? Независимо от ее желания или нежелания отец все равно прочитает злосчастное послание.

— Не буду останавливаться на вежливых формальностях, сразу перейду к главному. — Указательный палец Кельвина скользнул вниз и через мгновение остановился. — А, вот. «Хочу выразить глубочайшее сожаление по поводу того, что нашему обоюдному желанию не суждено осуществиться. Мой сын Фельджин категорически отказывается обсуждать возможный брак с вашей уважаемой дочерью сегодня и в любой иной день по причине непримиримых противоречий, возникших между молодыми людьми». Это еще не окончание письма, но, надеюсь, ты ухватила главную мысль. Изложено в довольно вежливой форме, но не сомневаюсь: Осфонин взбешен. — Король отложил листок и, злобно сверкнув глазами, уставился на Атайю. — Ну? Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Принцесса многое могла бы объяснить отцу, но он просто не стал бы слушать. Хотелось подобрать нужные слова, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить ситуацию, но ничего не приходило в голову.

Кельвин гневно поджал губы и осуждающе покачал головой.

— А ведь ты прекрасно знала, сколько надежд мы возлагали на этот брак. Он мог бы помочь нам восстановить дружественные отношения с правительством Рэйки. Однако ты решила беспощадно разрушить все наши планы: повела себя

с принцем грубо и враждебно. При каждом его слове ты затевала спор, несколько раз намекала, что он не настолько грамотен, каким пытается казаться, и в довершение всего осмелилась предложить бедняге сыграть в шахматы, а ведь отлично знала: он играет хуже тебя. Но самым возмутительным и постыдным было предложение играть на деньги. В первый момент я посчитал, что ты неудачно пошутила. — Кельвин глубоко вздохнул. — Не стану вспоминать об остальных подробностях. Хорошо еще, что Осфонин просто обиделся, а мог бы развязать против нас войну. У него на то имелись все основания.

Атайя опустила глаза.

Этот Фельджин — надменный, самовлюбленный сноб. Как я еще могла вести себя? Совсем неудивительно, что в свои двадцать семь он все еще не женат.

Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться и привести в норму дыхание.

— Я не солгала тебе относительно... гм... событий сегодняшнего вечера. И дальше собираюсь говорить только правду. Полагаю, что брак между мной и Фельджином стал бы непоправимой ошибкой.

— Вот как? — язвительно произнес король, прищуриваясь. — Может, пояснишь своему неразумному отцу, почему же, по-твоему, этот союз представляется тебе столь безуспешным?

Атайя нервно теребила вышитую оборку юбки, чувствуя себя сейчас четырехлетним ребенком. К щекам прилила кровь, она совсем растерялась под пристальным взглядом отца.

— Я... Мы просто не понравились друг другу.

Как неубедительно и наивно прозвучали ее слова!

Кельвин изумленно поднял брови.

— Помилуй, дорогая моя! Подумать только — они друг другу *не понравились*. А ты ожидала чего-то иного? С каких это пор взаимная симпатия стала определяющим фактором при заключении выгодного брака?

А ведь для тебя это играло первоочередную роль! Я наслышана. По крайней мере в первый раз.

Нет, она не смела произнести ничего подобного вслух. Отец назовет ее поступок неслыханной наглостью.

— Я хочу сказать еще кое о чем, — продолжила Атайя, пытаясь выбраться из той ямы, в которую сама себя загнала. — Отец, не могу не согласиться с твоими доводами: было бы замечательно, если бы Кайт и Рэйка стали союзниками. Но между мной и Фельджином существует одно очень важное и *непримиримое противоречие.* — Принцесса недовольно взглянула на Родри, помолчала несколько секунд и продолжила: — И это противоречие может породить немало проблем между нашими почтенными государствами.

— Что ты имеешь в виду? — спросил король, нахмурив брови. — Объясни.

Атайя закусила губу. По холодному выражению лица Кельвина можно было понять: он догадывался, о чем пойдет речь. Ему не раз приходилось выслушивать многочисленные соображения и доводы Дарэка на эту же самую тему. Она не очень хотела заводить разговор, тем более в присутствии Родри. Но в данных обстоятельствах выбора не было.

— Принц Фельджин — представитель рода лорнгельдов, отец. И ты знал об этом еще до того, как пригласил его сюда. У меня нет ни малейшего желания выходить замуж за человека его расы, тем более заводить от него детей — твоих внуков. Ведь они будут обречены либо на безумие, либо на проклятие...

Атайя взглянула на Родри. Колдун, как и прежде, сидел у окна с абсолютно невозмутимым видом, сложив руки на коленях. Он походил на мраморную статую. На безразличном лице не промелькнуло ни тени раздражения или обиды. Если даже слова принцессы и задели его, чародей ни единым движением не выдал своих эмоций. Утомленные глаза поблескивали, отражая свет свечей: казалось, что подобные разговоры он слышал сотни раз и уже устал реагировать на них.

Кельвин же, напротив, был явно рассержен.

— Ответь мне на такой вопрос: почему ты привыкла безоговорочно верить священникам? Просто потому, что они священники? — взревел король и ударил кулаком по столу. — Ты начинаешь походить на Дарэка!

В следующее мгновение он вдруг замолчал и задумался, напомнив Атайе получившую сигнал поводьями лошадь. Через минуту вновь заговорил, теперь гораздо более спокойным тоном.

— Я вовсе не желаю оскорблять служителей церкви. Правы они или нет, нельзя забывать о том, что их учения помогли Кайту пережить тяжелейшие времена, уберегли его от страданий и разрухи. Не могу согласиться с ними в одном: я не верю, что весь род лорнгельдов проклят. Потому-то священники и осторожничают со мной. Кельвин — первый король, кто открыто заявил о своем убеждении. В моих жилах не течет кровь лорнгельдов, но я понимаю и принимаю правила их игры. Именно по этой причине церковь вынуждена будет выслушать меня.

Атайя, как и все остальные жители замка, прекрасно знала об этой задумке короля, однако отлично понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Кельвин уже собирал высших сановников духовенства Делфархама, желая ознакомить их со своими доводами. Ни у кого не хватило наглости не явиться на собрание. Однако все осознавали: их просто вынуждают вступать в спор с собственным королем, подвергая опасности навлечь на себя его гнев. Борьба на стороне лорнгельдов будет нелегкой и повлечет за собой неминуемые осложнения.

По-видимому, папочка серьезно недооценивает ту реакцию, которая незамедлительно последует, если ему удастся все-таки выдать свою единственную дочь замуж за самого дьявола...

— Я заставлю их изменить свое мнение, — продолжал Кельвин, повышая тон. — Никогда не стану прислушиваться к бредовым россказням о лорнгельдах. Это бессовестные наговоры. Только взгляни на Родри! Без его помощи, без тех магических таинств, которым он обучил меня, я никогда бы не смог в столь короткие сроки остановить кровопролитную гражданскую войну. Да, Родри — настоящий колдун, но сделал для Кайта столько добрых дел. И я отказываюсь верить в то, что за свои благодеяния ему суждено расплатиться адскими муками. Что скажешь?

Атайя уставилась на лежащее на столе письмо от Осфонина. Смотреть на отца или на молчаливого чародея в данную минуту вовсе не хотелось. Конечно, она и сама надеялась, что колдуну удастся избежать преисподней. С детских лет принцесса задумывалась о загробных мирах. А с чем суждено столкнуться ей? Какая жизнь ожидает ее после смерти?

Неожиданно мысли девушки прервал низкий мужской голос.

— Дозволительно ли мне будет присоединиться к вашему разговору, ваше величество?

Родри грациозно поднялся с места, серебряная отделка его мантии загадочно блеснула, напоминая сверкающий в лунном свете лед.

Колдун был на несколько лет моложе Кельвина, но выглядел гораздо старше. Наверное, в этом был виноват мертвенно-бледный цвет лица и еще волосы, уже абсолютно седые.

Сейчас, когда проникавший через окно туманный свет луны озарял его своим тихим сиянием, колдун казался еще более бледным. Родри беззвучно ступил на мягкий ковер, присоединяясь к беседовавшим.

— Принцесса Атайя, я прекрасно понимаю ваши чувства по отношению ко мне и ко всем представителям моего рода. И я не смею обижаться. Вы имеете полное право отстаивать свою позицию и верить в свои идеалы, независимо от того, соглашусь я с вами или нет.

Родри улыбнулся.

Кельвин не мог видеть выражения его лица, но Атайя смотрела ему прямо в глаза. Какой красноречивый взгляд у этого колдуна! Он определенно считает, что все ее убеждения просто глупы и не имеют оснований. Поэтому-то и не обижается.

— ...Но в том, что касается принца Фельджина... я не думаю, что ваш брак с ним принес бы нам какие-то несчастья. Хотя, по всей вероятности, об этом союзе больше не стоит говорить. По крайней мере сейчас, — произнес Родри печальным тоном и взглянул на письмо с изображением зеленых лент.

— Вы хотите сказать, что, если бы наша женитьба состоялась, на моих детей не распространилось бы проклятие?

— Нет, это не исключено. Но никому не ведомо, что ожидает каждого из нас в будущем, тем более после смерти. Знаете, я много лет прожил в Рэйке. В этой стране к лорнгельдам относятся с почтением и уважением. А к тем из них, кто принадлежит к королевской семье, — с еще большим поклонением. Став супругой Фельджина, вы превратились бы в самую известную и респектабельную женщину Рэйки. Однако должен признать: несмотря на то что я не согласен с вашим решением, я восхищен стойкостью вашего характера и непоколебимостью убеждений.

— Довольно, Родри, — прервал его Кельвин. Последняя фраза колдуна просто возмутила его.

Только не хватало, чтобы этот чародей принял сторону Атайи! — подумал король.

Родри спокойно поклонился и вернулся на свое место, с грациозностью кошки сел, откинулся на спинку стула.

Атайя в изумлении смотрела на него. Возможно, этот колдун вовсе не разделял мнения короля: не считал, что вступление в родственные отношения с Рэйкой принесет Кайту невиданные перемены к лучшему.

Или, несмотря на все те красивые слова, которые он только что произнес, ему просто нет до этого особого дела?..

— Независимо от того, из каких побуждений ты поступила подобным образом — из вредности или «благородства», — Кельвин окинул Родри мимолетным взглядом, — ситуация остается прежней. И я обязан ответить на послание Осфонина. Письмо уже готово.

Король взял со стола сложенный вдвое запечатанный лист бумаги.

Так вот что он писал, когда она вошла в комнату!..

— И что в нем? — спросила Атайя больше из вежливости, а вовсе не из желания узнать содержание письма.

— Так как Фельджин категорически отказывается предпринимать дальнейшие попытки получить твое согласие на

брак, я расцениваю его поведение как недоброжелательное и даже враждебное по отношению ко всему народу Кайта. Признаю, что ты отвратительно приняла принца. Но не вижу серьезных оснований для полного нарушения столь грандиозных планов. Как вижу, Осфонин недостаточно серьезно подумал, прежде чем заявить, что его сын может стать для тебя прекрасным мужем. Об этом я и написал в своем ответном послании. Кайту нанесли серьезное оскорбление, и, возможно, им еще придется поплатиться за это.

Атайя смотрела на отца широко раскрытыми глазами.

— Ты не сможешь так поступить, — пробормотала она. — Да ведь подобным письмом ты, можно сказать, объявляешь войну Рэйке!

— Не совсем так. Я просто хочу заставить Осфонина пересмотреть свое решение. Мои намерения сделать его союзником вполне серьезны. За последние несколько лет Кайт превратился в преуспевающее государство. Королю Рэйки не следует забывать об этом. Теперь мы уже совсем не те, кем были прежде, — неразвитые, нищие западные соседи. На сегодняшний день мы ни в чем не уступаем Рэйке и можем при необходимости вступить в равную борьбу. Мне кажется, Осфонин сам должен быть заинтересован в вашей с его сыном повторной встрече. Фельджин должен еще раз увидеться с тобой и изменить свое решение относительно женитьбы.

У Атайи перехватило дыхание.

— Ты хочешь сказать, что опять пригласишь его к нам?..

— Нет. Я не собираюсь этого делать, — произнес Кельвин, задумчиво проводя пальцем по приготовленному письму. — Видишь ли, Атайя, я вызвал тебя не для того, чтобы просто отругать за отвратительное поведение. Надеюсь, сейчас ты и сама осознаешь, что поступила прескверно. Твои увеселительные прогулки за городом без охраны не только омерзительны, но еще и очень опасны. Гражданская война закончена, однако в округе полно негодяев, пьяниц и преступников, для которых не существует ни правил приличия, ни понятия чести.

Король выдержал небольшую паузу, затем продолжил говорить спокойным, уравновешенным голосом:

— Раз уж тебе так нравится покидать пределы замка, выполни одно мое поручение.

Кельвин взял со стола письмо. На его губах играла улыбка.

— Ты передашь послание Осфонину собственноручно.

У Атайи закружилась голова.

— Что?! — выкрикнула она и застыла в изумлении. Наверное, ей это только послышалось...

— Думаю, ты все прекрасно поняла. Я отдам распоряжение капитану Грайлену, чтобы он и еще человек десять его подчиненных сопроводили тебя туда. Вы отправитесь в Рэйку послезавтра на рассвете.

Атайя все еще не могла поверить, что король не шутит с ней.

— Но, отец, неужели ты не понимаешь... Неужели ты сможешь так обойтись со мной? Осфонин вышвырнет меня прежде, чем я успею раскрыть рот.

— Возможно, это поможет тебе избавиться от пагубной страсти болтаться по ночам по задворкам Делфархама, — невозмутимым и непреклонным тоном произнес Кельвин. — В конце концов, ты сама виновата в том, что необходимость написать это письмо вообще возникла. Ты унизила и меня, и весь Кайт. Полагаю, что я придумал для тебя достойное наказание.

Атайя в отчаянии покачала головой. Перед глазами отчетливо возникла отвратительная картина: Осфонин в ярости отдает приказ схватить ее и выставить за ворота замка, а Фельджин покатывается со смеху... Да ей придется сгореть со стыда!

Однако в глубине души принцесса понимала, что отец прав. Наказание и в самом деле достойно ее поведения...

В висках застучали молоточки, а в желудке опять забурлило. Кончится ли когда-нибудь эта проклятая ночь?

Кельвин повернулся к столу и сложил в аккуратную стопку свои документы.

— Уже очень поздно. Лично я немедленно отправляюсь спать. Настоятельно советую и тебе поступить так же. Думаю, ты нуждаешься в хорошем отдыхе.

Он еще раз окинул беглым взглядом свою дочь, повернулся и вышел из покоев.

Внезапно послышавшееся шуршание заставило Атайю вздрогнуть. Она совсем забыла о присутствии Родри. Колдун закрыл деревянные ставни и беззвучными шагами направился к девушке, задувая на ходу горящую свечу на широком столе из красного дерева.

— Не стоит слишком сильно расстраиваться, ваше высочество, — произнес он. — Осфонин — уравновешенный и сдержанный человек. И весьма доброжелательный. Несмотря на неприятную цель вашего визита, вы сможете убедиться в справедливости моих слов.

— Вам доводилось общаться с ним?

Родри скромно пожал плечами.

— Всего один раз. И очень давно. Но на меня эта встреча произвела неизгладимое впечатление.

Будто для короля Рэйки это так важно — произвести на тебя впечатление, — подумала Атайя.

— Меня представил Осфонину мой старый учитель много лет назад. — Лицо Родри вдруг погрустнело, затем вновь приобрело обычное выражение. — Полагаю, ваша поездка окажется не настолько неприятной, как вы думаете.

Атайя едва заметно кивнула.

— Очень хотелось бы надеяться.

— Желаю вам спокойной ночи.

Колдун поклонился и удалился из комнаты, бесшумно закрыв за собой тяжелую дверь.

Оставшись одна, принцесса устало опустилась на плетеный коврик перед камином. Рыжие языки пламени сплетались в своем диковинном танце, завораживая и успокаивая.

И почему со мной все время происходит что-нибудь ужасное?— угрюмо подумала Атайя, укладывая голову на согнутые в коленях ноги. — *Я постоянно сама себя загоняю в угол, а потом жалуюсь, что не в силах выбраться из него!*

Девушке вдруг вспомнилось язвительное предостережение Дарэка.

А может, и в самом деле было бы лучше для всех, если бы Родри превратил меня в жабу...

Глава 3

Огонь в камине уже почти погас.

Раздавшийся неожиданно скрип двери заставил Атайю вздрогнуть. Кто бы это мог быть? Скорее всего отец — вернулся, чтобы прочитать еще какую-нибудь нотацию. Вероятно, забыл упомянуть о чем-то, когда разговаривал с ней полчаса назад.

Принцесса осторожно повернула голову. Резная дубовая дверь медленно отворилась, и комната озарилась ярким светом факелов, горящих в передних покоях. Атайя с облегчением вздохнула, увидев появившуюся на пороге знакомую фигуру.

— Тайлер. — Ее голос прозвучал ласково и радостно. Капитан был единственным человеком, которого ей хотелось видеть сейчас. — Проходи.

Плотно закрыв за собой дверь, молодой человек подошел к Атайе и сел рядом с ней на плетеный коврик возле камина. Тлеющие угольки мерцали в темноте загадочным красным светом.

— Ты в порядке? — спросил Тайлер.

Она устало пожала плечами.

— Не сказала бы.

Чувствуя себя совершенно обессилевшей, Атайя прильнула к нему, как маленький пушистый котенок, доверчиво укладывая голову на могучее плечо.

Капитан обхватил ее руками, привлек ближе и нежно провел пальцами по щеке. Каким дурманящим, сладким и родным был запах его тела!

— Я так устала!..

Принцесса вздохнула, поуютнее устраиваясь у него на груди. Вот бы так и проспать всю ночь в объятиях ласковых рук Тайлера! Ничто на свете не способно так успокоить и поддержать ее. Никто не справился бы с этим лучше, чем он.

— Хочешь, я отнесу тебя в кровать? — спросил капитан, потом увидел, как у Атайи полезли на лоб брови, и уточнил: — В *твою* кровать?

— Эй, не шути так, — произнесла она кокетливо, вздохнула и удобнее уложила голову на его плече. — Если бы даже нам можно было это сделать, ну... лечь в постель вместе, чувствую, что *я* просто не в состоянии... Только не сегодня.

Тут девушка зевнула, прикрывая рот ладошкой.

— Довольно забавно: я абсолютно выбилась из сил и, казалось бы, без задних ног заснула бы сейчас, но отправляться в кровать нет ни малейшего желания...

Помолчав немного, Атайя добавила:

— Наверное, потому, что не хочу опять видеть свои страшные сны. В последнее время они меня просто замучили.

— Страшные?..

Она кивнула.

— Настоящие кошмары. От которых бешено колотится сердце и бросает в холодный пот, а по спине бегут мурашки. И с чем это, интересно, связано? Может, с моим состоянием? Я чувствую себя подавленной. Меня постоянно что-то беспокоит...

Тайлер нахмурил брови.

— Что именно?

— В том-то все и дело — я сама не имею понятия *что*. Знаю одно: я все время хочу убежать от... от чего-то... чего-то *непонятного*. Мне кажется, что стены вокруг меня сдвигаются, и я не в состоянии остановить их.

— А это связано каким-то образом с твоим решением пойти в эту таверну сегодня вечером?

— Думаю, да, — призналась Атайя и тяжело вздохнула. — Я надеялась, что пара хороших затяжек и крепкое вино помогут мне избавиться... избавиться от этих ощущений, чем бы

они ни были вызваны. Днем я пребывала в ужасно подавленном состоянии. Поэтому и захотела взбодриться — выиграть несколько крон за игорным столиком...

— У тебя получилось, — укоризненно произнес Тайлер, напомнив об отвратительных событиях сегодняшнего вечера. — Но тот негодяй, который проиграл тебе, насколько я понял, вовсе не собирался отдавать свои денежки. А потом он же подослал своих дружков, чтобы те разобрались с тобой...

Атайя умоляюще вскинула брови.

— Прошу тебя, Тайлер. Не начинай сначала. Я уже получила свое. Как хорошо, что ты вовремя нашел меня.

— Это точно. — Его лицо вдруг стало очень серьезным. — Знаешь, я ужасно волновался за тебя. Убежав сегодня из дома без охраны, ты, вероятно, вовсе не подумала о той опасности, которая подстерегает молодую женщину в подобных заведениях. Я прав?

Атайя, смутившись, немного отстранилась от него.

— Прав. Но если бы я и предвидела сегодняшние события, то все равно ушла бы. Возможно, сейчас это звучит странно, но мне было на все наплевать — пусть бы меня даже убили. О, Тайлер, умоляю тебя, не смотри на меня так! — взмолилась она, заметив отразившиеся в его глазах ужас и боль. — Я как будто бы не в состоянии была трезво мыслить. Понимаю, что подобные слова кажутся не вполне нормальными. Но в последнее время меня не покидает ощущение, что я обязана делать нечто невероятно важное, делать сейчас. А я не имею ни малейшего представления, что это за невыполнимое задание... что за миссия такая, которая невозможна — в который уже раз!.. Мне плохо и неуютно. Я нахожусь как будто не в своей тарелке. Звучит глупо, но эти ощущения постоянно одолевают меня на протяжении вот уже довольно долгого времени... Нескольких месяцев.

Атайя помолчала, неуверенно улыбнулась и продолжила:

— Мне кажется, *это* имеет какое-то отношение к этой гнусной истории, связанной с принцем Фельджином. Все началось с его визита к нам, то есть в июне. Я чувствую, что

виновата, потому что так отвратительно вела себя тогда. Наверное, мой мозг решил наказать меня и помучить, чтобы я исправилась. Кстати, — нехотя добавила девушка, — отец сказал тебе о нашей поездке?

— Да. Упомянул на ходу, когда вышел отсюда после вашего разговора. Завтра утром собираюсь встретиться с ним и расспросить обо всем поподробнее. Вернее, сегодня утром. Уже четвертый час.

— Ерунда. Я, например, готова вообще не ложиться спать, если ночь — единственное время суток, когда можно побыть с тобой наедине.

Атайя ласково провела ладонью по бедру Тайлера, с удовольствием прислушиваясь к его участившемуся дыханию.

Он глубоко вздохнул и положил свою крупную ладонь поверх ее руки.

— Если ты не хочешь, чтобы мы совершили нечто, о чем придется сожалеть, лучше не делай этого.

— Я никогда бы ни о чем не стала сожалеть. — Глаза Атайи озарились нежным, теплым светом. Через мгновение ее лицо вдруг опечалилось, и она вновь заговорила: — Я мечтаю о близости с тобой. Единственное, чего боюсь, так это последствий.

— Я знаю, — печально произнес Тайлер и нежно убрал с ее лица сбившуюся прядь волос. — Мы подвергнем себя ужасной опасности. Кстати, ты первая заговорила об этом вслух.

Атайя кивнула и отвела взгляд в сторону.

— Я все прекрасно понимаю. Знаешь, я с огромным удовольствием родила бы нашего ребенка. Но страшно представить, что произойдет, если я забеременею, и об этом станет известно всем. Моя жизнь будет разбита. Отец срочно выдаст меня замуж за какого-нибудь мерзкого типа вроде Фельджина, только чтобы избежать позора. А ты... Тебя незамедлительно вышвырнут из рядов королевской гвардии. Это в лучшем случае. Если отец не решит упрятать тебя в темницу.

Тайлер не произнес ни слова. Принцесса абсолютно права. Добавить было нечего. Но Атайя прекрасно помнила о

том периоде, очень непродолжительном и безвозвратно минувшем, когда они, несмотря на возможные последствия, готовы были пойти на риск.

Она задумчиво смотрела на угли в камине. Теперь красные искорки лишь изредка поблескивали в темноте.

— Знаешь, иногда мне нестерпимо хочется сбежать куда-нибудь вместе с тобой, — произнесла Атайя задумчиво и тихо. — Даже не важно куда. В такое место, где мы смогли бы позабыть обо всем, что случалось с нами раньше, обо всех, кого мы знали. Туда, где смогли бы начать совершенно новую жизнь. Где зажили бы счастливо, ничего не боясь.

— Не будем исключать такую возможность, — ответил Тайлер и взял ее за руку. — Но, согласись, поступать подобным образом не очень разумно.

Атайя раздраженно закатила глаза.

— Только не начинай, пожалуйста, рассказывать мне о том, как я должна вести себя, за кого выходить замуж и куда отправляться на прогулку. Я прекрасно помню о своем положении в обществе. Мне приходится выслушивать эти занудные речи с первых дней жизни. И я согласна терпеть их, но когда ты говоришь мне об этом, становится тошно. — На ее щеке блеснула слезинка, она тут же смахнула ее резким движением руки. — И очень больно.

— Догадываюсь почему. Ты прекрасно знаешь, что обязана вести себя именно так. И не иначе. Ты не вправе решать свою судьбу. — Тайлер смотрел девушке прямо в глаза. — Мне самому тяжело осознавать это. Но ты родилась в королевской семье, Атайя. И мы не в силах что-либо изменить.

— О Господи! Ты так по-философски рассуждаешь о моей участи. Как невыносимо скучно!

— Я просто говорю правду. — Голос капитана звучал спокойно и твердо. — Ведь ты же не хочешь, чтобы я кривил душой? — спросил Тайлер и крепче сжал ее ладошку.

Девушка печально улыбнулась.

— Ты прав. Архиепископ Вэнтан, к примеру, использует этот прием, чтобы добиться расположения Кельвина: он говорит отцу только те вещи, которые ему приятно слышать.

Если бы ты тоже стал вести себя подобным образом, я взвыла бы от отчаяния.

Атайя повернулась к Тайлеру и внимательно посмотрела на него. И как она жила раньше, до того, как три года назад капитан Грайлен поступил на службу к королю?

— Ты такой милый и так добр ко мне, — прошептала принцесса.

Он улыбнулся:

— Я знаю.

Сейчас, в столь поздний час, когда в замке стихли все голоса и звуки, можно было ничего не бояться. Тайлер слегка наклонился и прильнул к ее губам.

Атайя повернулась к нему и придвинулась ближе, трепетно отвечая на сладостные поцелуи. Внезапно нахлынувшее ощущение нескончаемой радости заставило позабыть обо всем на свете: семейных разборках, предстоящей поездке в Рэйку, гадком вечере в отвратительной таверне. Тайлер, его нежные, но властные руки, пьянящие прикосновения, аромат его мягких губ, слившихся сейчас с ее губами, — это все, о чем она могла думать.

Атайя легла на спину, притягивая его к себе. Все опасения, тревоги и страхи показались вдруг совершенно неважными и незначительными.

В это мгновение она почувствовала обжигающую боль, стрелой пронзившую голову и шею: неровная поверхность плетеного коврика врезалась в едва затянувшуюся рану на затылке.

Атайя изогнулась, как разъяренная кошка, и выругалась вслух, резко поднимаясь с пола. При этом она с силой ударила Тайлера лбом по голове.

— Ой, прости, пожалуйста.

Ее голос прозвучал смущенно и растерянно.

Помолчав пару секунд, Атайя тихо хихикнула. Ну и ситуация! И как тут поступить: рассмеяться над своей неуклюжестью или закричать от нестерпимой боли? Она помедлила еще пару мгновений, затем разразилась звонким смехом, сни-

мающим накопившееся напряжение, дарящим облегчение, несколько нервным и необычным.

Тайлер замер в изумлении. Возбуждение, боль в голове и недоумение нахлынули на него с такой силой, что в первые секунды он ничего не мог понять.

— Не очень-то романтично, — заметила Атайя.

Проведя по голове в том месте, где она ударила его, Тайлер попытался определить, вскочит ли шишка.

— М-да... Мне еще не приходилось общаться с такими буйными женщинами.

Атайя удивленно подняла бровь.

— У тебя большой опыт?

— А ты думала, любовь моя, что за тридцать четыре года мне не доводилось заводить подруг?

— Нет. — Она опять улеглась на спину, на этот раз подложив под голову руку. — Наверное, тебе следовало остаться с одной из них. И сейчас у тебя есть полное право знакомиться с женщинами и вступать в серьезные отношения с ними. Тебе нужна жена, которая смогла бы окружить мужа теплом и заботой. Со мной ты все равно никогда не сможешь быть счастлив.

— Но я безгранично *счастлив* с тобой. Разве ты не знаешь об этом, Атайя? — Тайлер взял в руку прядь ее шелковистых волос и нежно провел по ним пальцами. — Я очень люблю тебя.

— Правда?..

— Эй, перестань, — ласково проворчал он. — Я столько раз признавался тебе.

— Мне бы хотелось, чтобы ты всегда говорил мне эти слова. Чтобы я была уверена в этом, ты должен постоянно напоминать о своих чувствах. Я тоже тебя люблю, Тайлер, — добавила принцесса. — Несмотря на то что для меня ты *слишком* старый.

Он игриво потрепал ее по щеке, привстал и, протянув руку, взял подушечку с невысокой скамейки, расположенной рядом с камином.

Атайя, разгадав его замысел, с благодарностью улыбнулась и приподняла голову.

— Так будет лучше, правда? — спросил Тайлер, заботливо укладывая подушку.

Она кивнула, крепко обняла его за плечи и привлекла к себе.

— Итак... На чем мы остановились?

Их губы встретились. Вскоре Атайя абсолютно позабыла о боли в голове, стараясь полностью раствориться в драгоценном сладостном моменте.

Почему-то в комнате стало намного теплее, хотя огонь в камине погас. Она чувствовала, как с каждым поцелуем, с каждой последующей лаской Тайлер становится все более безудержным, все более страстным. Его требовательные губы опускались все ниже, постепенно приближаясь к ее охваченной волнением, жаждущей непонятно пока чего груди... а потом еще дальше, к уже распускающемуся, к уже пламенеющему, хоть и залитому влагой сладчайшей истомы, пресловутому трепещущему бутону плоти... а там, глядишь, и до кратера, ведущего в наполненные секретной... то есть вечно таинственной... магмой любви огнедышащие бездны прародительницы прародительниц совсем недалеко... Нет, нельзя допускать этого! Нужно оттолкнуть его, остановить... удержать и этот напористый чудо-корень любви, пока не стало слишком поздно, пока голова еще способна здраво мыслить, а тело не забилось в предпоследней, то есть еще не окончательной, судороге... Атайя, издав страстный стон, мысленно поклялась себе, что так и поступит. Еще немного, и она это сделает, еще мгновение, минутку... часик... дьявол, да кто придумал эти пуговицы и завязки?! Ну вот, что-то оторвалось...

— Ого! Что здесь происходит?!

Объятая ужасом, разгоряченная Атайя резко и порывисто отпрянула от Тайлера и вскочила на ноги.

Вне себя от страха она повернула голову в ту сторону, откуда раздался голос. В проеме двери, находившейся в противоположной стороне комнаты, показалась чья-то фигура. На человеке были длинные одежды, в руке он держал лампу. На его лицо падала тень, поэтому в первый момент ей не удалось разглядеть вошедшего.

Родри, — пронеслось в голове принцессы. — *Теперь он, не теряя времени даром, доложит королю о том, что увидел сейчас.*

Но тут ее осенило: да ведь на колдуне была темно-синяя мантия с серебряной оторочкой, а не легкий сатиновый халат! Человек, ни капли не смутившись, прошел в комнату, освещая теперь свое лицо, на котором играла озорная улыбка.

— *Николас!* — выкрикнула Атайя, содрогаясь от нахлынувшего облегчения. — Никогда больше не шути так! Слышишь меня?! Я чуть было с ума не сошла.

Николас поставил лампу на широкий стол Кельвина. Для привыкших к темноте глаз влюбленных даже этот мягкий свет показался резким и неприятным.

— Прости, сестренка, — весело произнес принц, — но вам следовало бы быть поосторожнее. Что, если сейчас здесь появился бы не я, а отец, Дарэк или и того хуже — сама драконихa Дагара?

Николас провел тыльной стороной ладони поперек горла и, скосив глаза, запрокинул голову, живописно изображая, какая участь постигла бы обоих, если бы их застукал здесь кто-нибудь другой.

Тайлер встал на ноги, отряхнул измятый камзол, поднял с пола упавшее с головы принцессы убранство и, расправив вуаль, водрузил его на место. Атайя разгладила руками складки на бархатной синей юбке и привела в порядок сбившиеся оборки на рукавах.

— Так-то лучше, — произнес Николас, одобрительно кивая головой. — Теперь вы выглядите вполне прилично.

Атайя нетвердыми шагами прошла через комнату и уселась в дубовое кресло отца.

— Да уж! Ну и ситуация.

— Представляю, что бы было, если бы я пришел минут на пять попозже. — Николас наклонился и чмокнул сестру в пылающую щеку. — Мне очень жаль, ребята.

Теперь его голос звучал довольно печально. Принц перевел взгляд на Тайлера.

— Если бы вы только знали, как бы мне хотелось прийти в один прекрасный день на вашу свадьбу в собор Святого

Адриэля! Вы стали бы самой потрясающей супружеской парой из всех, что мне доводилось когда-либо видеть!

Тайлер поднял голову. Его грустные глаза тоскливо сверкнули, отражая свет лампы.

— Поверьте, ваше высочество, мы сами мечтаем об этом. Ничего большего нам не надо.

Николас поморщился.

— Тайлер, перестань, пожалуйста. В комнате, кроме нас троих, больше никого нет. Оставь эти штучки — ваше высочество и все прочее. Я ведь не обращаюсь к тебе «капитан Грайлен», правда?

— Да, но...

— Итак, договорились, — произнес Николас решительным, не терпящим возражений тоном. — Можешь считать, что это приказ.

Атайя оперлась на стол локтями и положила голову на ладони.

— Вообще-то правом отдавать распоряжения капитану королевской гвардии обладает только Кельвин, но сделаем вид, что мы об этом не знаем. Ответь мне на один вопрос: что ты здесь делаешь?

— Просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. И, кстати говоря, убедился — то, чем вы тут занимались, когда я вошел, не под силу человеку нездоровому или отчаявшемуся.

— А нельзя ли...

— Да, Атайя, я вполне серьезно хочу поговорить с тобой.

Взгляд принца стал вдруг каким-то угрюмым и надменным, таким, как у Дарэка.

— Я слышал от отца о вашей поездке в Рэйку, он сказал об этом Тайлеру, когда вышел отсюда после вашего разговора. Я шел за ним до самой его спальни и всю дорогу пытался поподробнее выспросить обо всем. К сожалению, в ответ получал лишь укоризненные взгляды. Мне кажется, он считает меня причастным каким-то образом к твоим сегодняшним похождениям. Складывается такое впечатление, что я обязан поблагодарить их за то, что и мне не придумали наказания. —

Николас недоуменно и возмущенно развел руками. — А потом, когда отец скрылся в своих покоях, на меня буквально набросились Дагара и Дарэк, стали кричать, отчитывать за то, что я играю у отца на нервах. Дагара приказала мне убраться в свои покои, и я, как обычно, повинуясь чувству братского долга, направился прямиком сюда — посмотреть, как ты тут.

Атайя покачала головой.

— Ладно, не умничай. Ты тоже можешь влипнуть однажды в какую-нибудь историю, может, еще и похлеще моей. Посмотрим, сколько возникнет проблем и последствий...

— Исключено! — Николас поднял вверх указательный палец и энергично помахал им. — Ты, моя дорогая, давно уже побила все рекорды, известные когда-либо семейству Трелэйнов, обойти тебя или хотя бы достичь твоих результатов практически невозможно.

— Вот и замечательно! Отец ведь всегда мечтал, чтобы я преуспела хоть в *чем-нибудь,* — серьезным тоном произнесла Атайя, но не смогла сдержать озорной улыбки.

С самого раннего детства Николас знал, как развеселить и успокоить сестру, в каком бы подавленном состоянии она ни пребывала. А ведь он жил в том же месте, в окружении тех же стен, общался с теми же людьми. Ему постоянно удавалось сохранять бодрое и веселое расположение духа, в то время как она беспрестанно всматривалась в даль, пытаясь разглядеть серые тучи на горизонте...

— Думаю, нам всем следует отправиться спать, — сказал Тайлер и зевнул. — Мне уже через три часа надо быть на службе.

Капитан подал руку Атайе, помог ей подняться с места, и они направились к двери. Николас взял со стола лампу и последовал за ними.

В передних покоях принц разъединил руки влюбленных и обнял сестру за талию.

— Пойдем, Атайя, *я провожу* тебя в комнату. — Он бросил на Тайлера шаловливый взгляд. — Так по крайней мере я буду уверен, что ты ляжешь спать целой и невредимой.

* * *

От наполнявшего воздух запаха дыма, густого, едкого, кружилась голова и хотелось чихать.

Атайя растерянно бродила по пустынным коридорам замка.

Куда это все подевались? Почему я одна? — в недоумении размышляла она.

Каменные плиты под ее ступнями были обжигающе горячими, стены — перепачканы толстым слоем сажи, принцессу повсюду преследовало тошнотворное зловоние, какое могло исходить только от опаленной человеческой плоти. Внутренний голос беспрестанно нашептывал: *Беги отсюда! Спасайся!* Однако девушка, словно подчиняясь какой-то неведомой силе, шла вперед. Желание узнать, что происходит, разгадать зловещую загадку было сильнее страха и возрастало с каждым шагом.

Вдруг послышались голоса — дикие, истеричные. Атайя не могла разобрать слов — они терялись в океане стонов и криков. Она побежала, спотыкаясь о возникавшие на пути камни — неровные, горячие. Чем дальше удавалось пробраться, тем труднее становилась дорога, казалось, чья-то невидимая исполинская рука удерживает девушку, не давая возможности достичь цели, до которой, как ей казалось, необходимо было дойти во что бы то ни стало. Атайя не сдавалась, так как чувствовала: если оставить свою безумную затею и повернуть назад, то произойдет нечто более страшное, чем то, что ждет впереди.

Она совершенно выбилась из сил, когда добрела наконец до тронного зала. Могучие дубовые двери открылись на удивление легко.

Волна раскаленного воздуха окатила Атайю, опаляя кожу. Весь зал был объят пламенем. Оранжевые огненные языки поднимались от пола до самого бревенчатого потолка, превращая столь привычное для принцессы место в адское пекло. Обжигающий огонь заключил Атайю в свои объятия, но ее кожа и одежда оставались невредимыми. Она шагнула внутрь, отводя руками бушующее пламя, и оно послушно отступило, освобождая ей путь. Пол оказался густо усеянным человеческими костями и отдельными частями тела, обуглен-

ными и изуродованными. Принцесса побежала вперед, спотыкаясь о многочисленные преграды. Теперь откликавшиеся эхом крики слышны были более отчетливо и громко. Они звенели в ее ушах тысячей церковных колоколов.

Атайя! — вопили голоса обезумевших от боли людей. — *Атайя, помоги нам!*

В центре зала она увидела несколько человек — странные незнакомые лица, искаженные ужасом. Они молили ее о помощи. Вокруг них, казалось, возведена была невидимая стена, не пропускавшая огонь. В самой середине круга стоял Тайлер. Он спокойно и смиренно взирал на Атайю и на происходившее вокруг, как будто знал, что принцесса не в силах предотвратить неизбежный финал. Неожиданно защитная стена рухнула, пламя вплотную подступило к несчастным жертвам и мгновенно заключило их в свои цепкие объятия, превращая в кипящую смесь из крови и плоти. А Тайлер все продолжал смотреть на Атайю, невозмутимо и храбро, его лицо до последней секунды оставалось все тем же, спокойным и умиротворенным, пока огонь не превратил его в обугленную головешку, пока глаза не растеклись ручьями вскипевшего белка. Атайя, забрызганная кровью, обезумевшая от ужаса, пронзительно закричала. Через несколько мгновений безжалостные языки пламени подползли к ней и принялись за свою последнюю жертву.

Внезапно проснувшись, Атайя открыла глаза и осмотрелась вокруг. Руки дрожали, ночная сорочка, насквозь промокшая, прилипла к вспотевшему телу. Только через несколько минут учащенное дыхание нормализовалось. В небольшой уютной спальне все стояло на своих местах, старинные часы на стене, принадлежавшие когда-то ее бабушке, как обычно, умиротворенно тикали. Лишь сейчас Атайя поняла: безумный кошмар ей просто приснился. Наверное, она не кричала — если бы это было так, то уже сбежались бы слуги и суетились бы сейчас вокруг нее.

Чувствуя себя совершенно разбитой, принцесса встала с кровати и, слегка пошатываясь, направилась к расположенному в

углу умывальнику. Холодная вода не помогла: влаги на теле добавилось, а состояние ничуть не улучшилось. После выпитого вечером вина во рту пересохло. Вспотевшая кожа была липкой и неприятно пахла потом. Необходимо полежать в ванне!

Почему Тайлер? — задумалась Атайя. — *Почему он так спокойно стоял там? Почему не корчился от боли, как остальные? Почему не кричал?..*

Она постаралась отделаться от неприятных мыслей, возвращавших ее вновь и вновь в пережитый во сне кошмар.

Негромко выругавшись, принцесса дернула за веревку колокольчика, вызывая служанку.

— А! — воскликнула Сесил, хватая черного коня с шахматной доски и откидывая его в сторону. — Ну вот, Атайя, одного ты уже потеряла. Будь повнимательнее, моя дорогая. А то я быстро расправлюсь и с остальными.

Сесил заправила выбившийся золотистый локон под изящную шляпку с вуалью, звонко рассмеялась, окидывая гордым взглядом отвоеванную фигурку, и приложила ко лбу краешек обшитого кружевом носового платка.

Они сидели за резным деревянным столиком во внутреннем дворе замка. Даже в тени ветвистой дикой яблони сейчас, когда дело близилось к полудню, становилось довольно жарко. Атайя сосредоточенно обдумывала свой следующий ход.

Внимательно оглядев фигуры, принцесса решила быть более осторожной. Если соперница продолжит играть в таком же духе, то сможет без труда обставить ее. Сесил оказалась необыкновенно сообразительной, проявила себя как предусмотрительный и умный стратег. Запросто выиграть, как у большинства придворных дам, не ломая особенно голову, теперь не получится...

Сейчас именно это и нужно было Атайе, ведь таким образом можно отвлечь свои мысли от многочисленных переживаний и тревог. Ее сердце переполняла благодарность: Сесил ни словом не обмолвилась о событиях вчерашнего вечера, хотя Дарэк не преминул рассказать ей обо всем в мельчайших

подробностях, еще раз пытаясь убедить жену не заводить дружбу со своенравной принцессой. Как оказалось, под нежной внешностью Сесил, неравнодушной к шелкам и кружеву, скрывалась сильная личность. Она вовсе не намеревалась позволять мужу вмешиваться в совершенно не касавшиеся его вещи, например, выбирать для нее друзей.

Атайя сосредоточенно обдумывала ход. Что, если сходить оставшимся конем на слона Сесил?..

Тут ее внимание привлекла появившаяся из-за угла знакомая фигура. Полный человек в ермолке и рясе шел по направлению к ним, переваливаясь с ноги на ногу.

— Интересно, что ему нужно? — пробормотала Атайя, глядя на приближавшегося священника.

Он был настолько тучным, что полы его длинных одежд, обтягивая толстый живот, приподнимались и открывали взору мясистые ступни в кожаных сандалиях. Пухлые руки, как обычно, были сложены на груди. Широкие рукава, украшенные бархатной отделкой, практически полностью скрывали их.

Архиепископ Даниэль Вэнтан являлся самым высокопоставленным священнослужителем Кайта. Все смертные Дельфархама находились под его божественной защитой. Поэтому-то он и расхаживал с таким важным видом. На нем лежала *невероятно* большая ответственность.

Атайя никогда не могла понять, какими такими поступками именно Вэнтан заслужил подобную честь. Да, его готовность исполнить любое пожелание короля не могла остаться незамеченной, но среди верховных иерархов церкви многие люди отличались тем же качеством, поэтому подобная особенность вовсе не делала Вэнтана исключением.

— Добрый день, дамы, — произнес он, наклоняя седую голову. — Замечательный денек выдался, не так ли?

— Вы правы, святой отец, — ответила Сесил. — День потрясающий. Только не для фигур Атайи. Бедняги с треском проигрывают битву. Не присоединитесь к нам?

— Нет. Видите ли, я пришел к вам с более важной миссией. — Священник повернулся к принцессе. — Я ненадолго

оторву вас от игры, ваше высочество. Мне необходимо переговорить с вами один на один.

О Господи! Что еще я сделала не так?— обеспокоенно подумала Атайя, поднимаясь с места.

Шутливо приказав Сесил не передвигать фигурки в ее отсутствие, она последовала за архиепископом.

Священник внимательно осматривался, вращая своими серыми, слишком маленькими для такого представительного человека глазками. Атайя все больше нервничала, прикидывая, о чем пойдет речь. Если Вэнтан так осторожничает, значит, не хочет, чтобы об их разговоре кто-либо знал. Вдруг ее осенило: кое в чем их мнения с Кельвином расходились. Только бы отцу не стало известно об этой беседе. Он и так был слишком зол на нее.

— Что-то случилось, архиепископ?

Священник улыбнулся, обнажая ряд ровных, слегка пожелтевших зубов.

— Нет-нет. Вовсе нет. Я не думал, что заставлю вас волноваться. И надеюсь, что этот разговор останется между нами. Так будет лучше. Я хочу подарить вам кое-что.

Его рука скрылась в складках просторных одеяний. Через мгновение он вытащил небольшой кожаный мешочек и протянул его принцессе. Атайя растерянно осмотрела вещицу, ослабила завязки и вынула изящную драгоценность: перламутровая крупная жемчужина на серебряном стержне, длиной примерно в мизинец, слегка изогнутая, подобно клыку дикого кабана.

— Что это?

Принцесса вопросительно подняла брови, любуясь необычным украшением — в сиянии солнечных лучей оно смотрелось особенно красиво. Казалось, что свет вдыхает жизнь и какую-то странную, поразительную энергию в великолепную жемчужину.

— Никогда не видела ничего подобного...

— Корбаловый кристалл, — гордо произнес Вэнтан. — Большая редкость в Кайте. Эту штучку подарил мне один

знакомый священник. Он путешествовал в Круачи, а там подобные драгоценности достать не так трудно.

— Но почему вы решили отдать ее мне?

Архиепископ придвинулся ближе. Наверное, боялся, что кто-нибудь может подслушать их разговор, хотя поблизости не было видно ни души.

— Корбал защищает человека от злого воздействия колдовства, — сказал он приглушенным голосом. — В Рэйке полным-полно лорнгельдов. Когда я услышал, что вы должны ехать туда, решил отдать вам свой камень, чтобы уберечь от возможного несчастья. Но... не решился делать этого в присутствии его величества. Ведь король питает симпатию к лорнгельдам. Не исключено, что он запретил бы вам принимать мой подарок.

— Если отец ничего не узнает о нашем секрете, то будет спать спокойно, — заключила Атайя, поражаясь тому, что архиепископ отважился на столь смелый поступок.

Священник пожал плечами:

— Я повел себя так, потому что не хотел тревожить и огорчать его величество.

Он перекрестился.

— М-да... От меня отец никогда не видел проявления подобной заботы, — произнесла Атайя и повертела в руках загадочное украшение.

Похоже на сосульку, — подумала она. — *Полупрозрачное и переливается на солнце...*

— Несмотря ни на что, я прекрасно понимаю отношение короля к лорнгельдам, — продолжил Вэнтан, покачивая головой. — В конце концов, они составляют значительную часть его подданных, а нависшее над ними проклятие — настоящее несчастье. Только вчера ко мне приходил один из них — молодой человек, работник соляных шахт в Фекхаме. Беднягу мучают галлюцинации и приступы ярости. Три дня назад он чуть было не снес голову собственной жене, кинулся на нее с топором. Ему почудилось, что она собирается убить его.

— И что же сделала эта женщина, чтобы заставить мужа прийти в ярость?

— Ровным счетом ничего. Его жена клянется, что всего лишь навсего готовила ужин. — Вэнтан расстроенно прищелкнул языком. — Наверное, вы сами догадались, как она поступила после случившегося. Ушла. Взяла с собой маленькую дочку и исчезла. Вероятно, ей и в голову не приходило, что ее муж — представитель рода лорнгельдов. Да и как она могла узнать об этом? Только увидев своими глазами проявление безумия. После всего, что произошло, отец молодого человека привел его ко мне. — Вэнтан тяжело вздохнул. — Завтра я отпущу ему грехи.

Отпущение грехов. Этот термин всегда вызывал в Атайе массу неприятных эмоций. Ей казалось, что это выражение было придумано когда-то для замены слова «убийство». Но она прекрасно понимала, что в данном случае ничего нельзя поделать. Когда в лорнгельдах просыпалось безумие, они становились очень опасными. Поэтому, чтобы спасти окружающих, необходимо было уничтожить их. Два столетия назад, вскоре после окончания Времен Безумия, священник по имени Адриэль написал трактат. По его мнению, отпущение грехов — единственный путь лорнгельдов к вечной жизни. За спасение многочисленных душ и возвращение детей дьявола Богу вскоре после смерти этот человек был причислен к лику святых, а главный собор Делфархама и по сей день носил его имя.

— А ему известно, что с ним случится завтра? — спросила Атайя спокойным голосом.

Несмотря на палящую жару, она вдруг задрожала, представив себе молодого шахтера из Фекхама и подумав о той участи, которая ожидала беднягу.

— Да. Когда у него наступил момент просветления, я все объяснил ему. Он сам захотел, чтобы я выполнил свою печальную миссию. Всегда лучше, когда они сами этого хотят.

Атайя отвела взгляд в сторону.

Конечно, лучше, — злобно подумала она. — *И как у священников поднимается рука? Что они ощущают, когда подводят несчастных к алтарю и вливают им в горло смертельный яд?*

— Это совсем не страшно, — продолжал Вэнтан. — *Кахнил* действует быстро и почти не причиняет боли. Зато, умирая, они знают, что скоро окажутся рядом с Отцом Небесным.

Если таковой вообще существует, — подумала Атайя.

Ее собственное отношение к Богу было каким-то непонятным. Она не могла определенно сказать, что верит в его силы, но заявить об обратном тоже никогда не решилась бы. О своих сомнениях вообще не стоило ни с кем заговаривать — кроме, возможно, Тайлера и Николаса. Если бы об этом стало известно Дагаре, Дарэку и Кельвину, то они, определенно, обрадовались бы. Недостаточно крепкая вера — еще один порок, который послужил бы добавлением масла в огонь, огонь зла и ненависти.

— Все это очень печально, — пробормотала Атайя, не находя более подходящих слов.

Архиепископ кивнул.

— Вы совершенно правы. Но факт остается фактом: лорнгельды — обреченный, проклятый народ. Поэтому-то я категорически против вашего брака с принцем Фельджином. Если свадьба все-таки состоится, боюсь, нам не избежать будет страшнейших последствий.

Я тоже так считаю, — пронеслось в голове Атайи.

Но сейчас она думала о Фельджине не как о колдуне, а как о самовлюбленном грубияне, преуспевшем лишь в одном при встрече с ней: он вызвал в принцессе худшие эмоции, на проявление каких только способна была ее душа. Скорее всего этот болван не осмелится больше вести себя подобным образом. Ей вдруг вспомнился разговор Вэнтана с отцом — тот самый, когда священник пытался убедить короля пересмотреть планы относительно замужества дочери. А ведь это была единственная на ее памяти беседа, при которой архиепископ не соглашался безоговорочно с мнением Кельвина! Один только этот факт служил веским доказательством тому, что убеждения Вэнтана имели под собой достаточно оснований.

— Нельзя допускать вступления Кайта в союз с государством, где процветает колдовство, — продолжил свою мысль священник, теперь он говорил более решительным и серьезным голосом. — Подвергать свой народ такой опасности — непростительная глупость. И скоро Кельвин убедится, что с

ним не согласны не только я и принц Дарэк, но и многие другие. Не думаю, что ему удастся найти поддержку в Курии. Я уже разговаривал с некоторыми из приехавших на собор служителями церкви. Все они решительно настроены выступить за сохранение обряда отпущения грехов. Сомневаюсь, что Кельвин сможет отменить его.

— Очень странно то, что Родри, похоже, тоже не во всем согласен с отцом, — пробормотала Атайя, размышляя вслух.

Ей всегда казалось это непонятным: Родри принадлежал к роду лорнгельдов, но держался в стороне от других, а иногда даже высказывался враждебно о своем народе. Можно подумать, они имели право выбирать свою судьбу!

Тут на ум принцессе пришло простое объяснение поведению колдуна: он не мог открыто заявлять о своей принадлежности к лорнгельдам, так как их учение запрещалось действующими в стране законами. Уклоняться от обряда отпущения грехов и покрывать других людей также не разрешалось.

Других людей, но не Родри, напомнила себе Атайя. Быть советником самого короля предполагает наличие определенных привилегий.

При упоминании имени колдуна архиепископ скривил пухлые губы, изображая полное отвращение.

— Убежден, что Родри постоянно преследует какие-то корыстные цели и ни о чем не задумывается всерьез, кроме своих собственных интересов, — произнес священник уверенным тоном. — Кельвин много раз говорил мне, что без помощи этого колдуна гражданская война продолжалась бы. Но я просто отказываюсь верить в благородство и возвышенность мотивов, побудивших Родри помочь королю. Возможно, он потребовал большого вознаграждения, ведь по окончании кровопролития этот «добряк» неожиданно быстро разбогател. — Вэнтан нахмурил седеющие брови. — Но меня не покидает такое ощущение, что ему этого мало.

Атайя подняла руку с сияющим на солнце хрустальным украшением. Ее губы расплылись в озорной улыбке.

— А ему известно о наличии у вас вот этого?

— Я никогда не упоминал о своей драгоценности, — произнес Вэнтан и лукаво поднял брови. — А вы замечали когда-нибудь, каким он становится раздражительным, если мы находимся в одной комнате? Признаюсь честно, мне известно, что колдун ведет себя так, потому что презирает меня. Но и мои защитные камешки играют в этом немалую роль. — Архиепископ указал на кольцо на указательном пальце левой руки. — Присмотритесь: бриллиант окружен мельчайшими корбалами. Родри все понимает, но гордость не позволяет ему попросить меня снять кольцо.

Атайя рассмеялась. Так, значит, могущественный колдун ощущает себя зависимым от почти незаметных перламутровых камешков! Ей вдруг ужасно захотелось найти в один прекрасный день столько корбалов, чтобы хватило на целое ожерелье. Тогда она смогла бы постоянно носить его и не бояться быть подверженной колдовским чарам вездесущего Родри.

Проведя рукой по полупрозрачному камню, принцесса сказала:

— Я уже чувствую себя более защищенной.

— Кристалл наиболее эффективен при ярком свете, — произнес Вэнтан. — В темноте его действие заметно ослабевает, хотя и не пропадает совсем. — Он кивком указал на кожаный мешочек. — И берегите это. Внутри чехол отделан бархатом. Поэтому камень не поцарапается. Вообще же эти камни очень хрупкие. Когда на поверхности появляются царапины или иные повреждения, их эффективность снижается.

— Спасибо вам, — ответила Атайя. — Очень мило с вашей стороны позаботиться о моей защите.

— Возвращайтесь к шахматам. Наверное, принцесса Сесил с нетерпением ждет вас, мечтая продолжить игру. И не сидите на открытом солнце. Если позволите заметить, вы выглядите несколько бледно.

Такое случается, особенно если перепить вина накануне вечером, — подумала принцесса. — *Признаться, я ожидала худшего.*

Но рассказывать архиепископу о своих порочных пристрастиях совсем не стоило. Еще раз поблагодарив иерарха за подаренный кристалл, Атайя вернулась в приятную тень яблоневого дерева.

Глава 4

Рано утром, когда на траве еще лежала роса, уже можно было понять, что предстоящий день будет жарким и не очень подходящим для начала путешествия.

Подчиненные Тайлера уже вывели лошадей из конюшен и занимались сейчас укреплением седельных вьюков. Атайя задумчиво наблюдала за происходящим. Да, погодка, по всей вероятности, выдастся под стать порученному ей заданию. И чем дальше отъедут они от морского побережья в глубь материка по направлению к Рэйке, тем сильнее будет палить солнце.

Тайлер с озабоченным видом разговаривал со своими людьми: отдавал последние распоряжения, осведомлялся о количестве взятой с собой воды, пищи и денег. Все должно быть тщательно проверено и предусмотрено! Атайя, прислонившись к каменной стене конюшни, вертела в руках соломинку и не спускала глаз с капитана. Она обожала наблюдать за ним, когда он работал. Тайлер был прирожденным лидером, и подчиненные любили его. Порой им приходилось нелегко, но они знали: их командир честен, справедлив и пользуется большим уважением, особенно у Кельвина, ведь он знает свое дело.

— Наверное, не терпится покинуть отчий дом?

Тайлер подошел к Атайе, смахивая с темно-красного плаща комочки налипшей грязи.

— Очень смешно! — Она откинула в сторону изломанную соломинку. — Вообще-то мне, конечно, хочется уехать отсю-

да на время, но о новой встрече с Фельджином даже думать противно.

— Ну, Атайя, я уже говорил тебе и еще раз повторю: когда бедняга приезжал сюда в прошлый раз, ты перегнула палку. Можно было вести себя поучтивее. И знаешь, признаюсь честно, думаю, принц не настолько плохой.

— Этот тип сказал, что ты отлично владеешь саблей. Я прекрасно помню. Наверняка только поэтому он и кажется тебе таким хорошим, — ответила Атайя, криво улыбаясь. — Но, может, Фельджин и на самом деле не так отвратителен, каким показался мне. Кто знает, а вдруг еще придется обратиться к нему за помощью: я очень боюсь гнева Осфонина.

— Не надо так сильно волноваться. — Тайлер обворожительно улыбнулся. — Уверен, Осфонин — человек благоразумный. И не станет обижать тебя.

Атайя, все еще терзаемая сомнениями, отвела взгляд.

— Родри тоже пытался убедить меня в этом.

Она задумчиво смотрела в даль, слегка нахмурив брови. Тайлер решил перевести разговор на другую тему.

— Недавно видел Николаса. Он сообщил, что все семейство собирается выйти во двор, чтобы проводить тебя.

Атайя закатила глаза.

— Жду не дождусь!

— Держись! До отъезда осталось меньше часа. — Тайлер бросил на землю полупустой седельный вьюк. — Присмотри за этим, пожалуйста. Мне еще нужно упаковать кое-что из вещей. Боюсь, как бы лейтенант Парр не схватил мою сумку и не привязал ее раньше времени к седлу. Несомненно, он один из лучших воинов в моем эскадроне, но его отвратительное стремление услужить мне, когда это вовсе не требуется, выводит из себя.

— Наверное, ты перестарался с тренировками, — заметила Атайя и взглянула на стройного молодого человека с темными волосами. Лейтенант старательно прикреплял свои сумки к седлу пегой лошади. — А может, он мечтает в один прекрасный день сам стать капитаном?

— У всех моих воинов большие амбиции, — сказал Тайлер спокойным голосом. — В противном случае они не попали бы в мой эскадрон.

Капитан обогнул конюшню и направился к казармам. Там, на самом верхнем этаже, располагалась его комната.

Атайя осмотрелась по сторонам: все заняты работой. Стражники, заступившие утром на пост, бдительно охраняли зубчатые стены крепости, с суровыми лицами расхаживая взад-вперед, работники кухни и горничные то и дело выбегали к колодцу, чтобы набрать воды для приготовления пищи и стирки, а конюхи кормили лошадей и расчесывали им хвосты и гривы. В противоположном углу двора напротив аккуратно сложенных стогов сена стояла группка молодых рекрутов — кандидатов на прохождение службы в королевской гвардии. Они тренировались в стрельбе из лука.

Даже со столь приличного расстояния Атайя отчетливо слышала, как орал на солдат их командир каждый раз, когда кто-нибудь попадал мимо мишени. Принцессе вдруг показалось, что она наблюдает за всеми этими людьми и их работой откуда-то со стороны. Каждодневная жизнь Делфархама давно превратилась для нее в скучную повседневность.

Интересно, — уныло подумала Атайя, — *когда это случилось? Когда именно у меня пропал интерес ко всему, что происходит вокруг?*

Она еще раз обвела глазами привычную с детских лет картину. А что, если закричать сейчас, громко, истерично, во весь голос? Наверняка никто не обратит на это ни малейшего внимания, ее даже не заметят.

— Ваше высочество?

Атайя вздрогнула от неожиданности и повернула голову. Колдун! Как неслышно он ходит!..

— Простите, не хотел напугать вас.

На его губах играла улыбка. Сапфировые глаза весело поблескивали. Наверное, Родри специально подкрался к ней так незаметно и теперь радовался своей маленькой шалости.

— Ничего страшного. Я все утро какая-то рассеянная.

Не очень-то веселись!

— Я хотел поговорить с вами кое о чем. Не будете ли вы так любезны сделать мне одно одолжение?

Рука колдуна скрылась в складках синей мантии. Через пару мгновений он достал откуда-то свиток, перевязанный красной лентой, и протянул его принцессе.

— В столице Рэйки живет один мой старый друг по имени Хедрик. Не могли бы вы передать ему это послание?

Атайя взяла скрученный в трубочку лист бумаги и удивленно повертела его в руках. Насколько ей известно, колдун никогда в жизни не писал никому писем. Особенно людям, живущим в других странах. Она и подумать не могла, что у Родри есть друзья — тем более старые друзья. Он всегда держался в стороне от людей, мало с кем общался и старался никого не подпускать к себе. Все это очень подозрительно!

— А как я отыщу этого... Хедрика? Я правильно запомнила имя?

Колдун разулыбался, как будто услышал смешную шутку. Но не засмеялся. Родри никогда не смеялся.

— Найти Хедрика совсем несложно. Вы сможете спросить о нем при дворе Осфонина. Мой друг — верховный колдун короля. Очень почетный в той стране титул.

Колдун?

Атайя выругалась про себя.

Нет, двоих мне будет не вынести.

— Вы в близких отношениях?

Родри выдержал продолжительную паузу, как будто собирался с мыслями.

— Мы с Хедриком знакомы очень давно. Не стану утомлять вас рассказом о своей молодости, скажу одно: Хедрик был моим учителем. Я давно не видел его. Знаете, мы однажды поссорились с ним. — Родри печально нахмурил брови. — Но очень надеюсь, что его порадует моя весточка.

Он сжал пальцы в кулаки. По всей вероятности, этот разговор всколыхнул в нем довольно неприятные воспоминания.

— Я передам ваше письмо, как только у меня появится такая возможность, — заверила Родри Атайя, хотя вмеши-

ваться во взаимоотношения колдунов у нее не было ни малейшего желания.

Наклонившись, она открыла сумку, которую оставил Тайлер.

В этот момент корбаловый кристалл, висевший на цепочке на ее шее, выскочил из-под рубашки и весело засиял в лучах яркого летнего солнца.

Родри схватился за голову, как будто в него выстрелили из лука, и пронзительно завизжал. Пошатываясь, он пошел в сторону, задыхаясь, тараща глаза, но не смог уйти далеко и, совершенно обессилев, опустился на колени.

— Сейчас же убери это! — гневно закричал колдун. — Сними! Накрой чем-нибудь!..

Атайя, сбитая с толку поведением Родри, не сразу сообразила, что нужно сделать. Несколько секунд она смотрела на него, корчившегося от боли, широко раскрытыми глазами. Но потом все поняла, быстро заправила кристалл под рубашку и прижала свою драгоценность ладонью к груди.

Вот это да! Могущественный колдун извивается в мучениях прямо у ее ног.

Тебе кое-что удалось узнать, не так ли? — спросила сама у себя Атайя, мысленно поднимая брови. — *Камушек-то действительно необыкновенный!*

— Эту гадость подарил вам Вэнтан, не так ли? — спросил Родри с несвойственной ему резкостью, потирая виски и массажируя голову.

Помолчав немного, он добавил:

— Проклятые священники! Вечно суют нос не в свое дело.

Родри довольно быстро пришел в себя после того, как принцесса убрала кристалл, — поднялся на ноги и отряхнул одежды. Лишь слегка учащенное дыхание и появившаяся на лбу морщинка напоминали о том, что произошло буквально несколько мгновений назад. Выражение его лица тоже изменилось: теперь вместо ярости и злости в глазах светилось сожаление.

— Пожалуйста, примите мои извинения, ваше высочество. Поверьте, я вовсе не хотел быть столь грубым с вами, но корбал причиняет мне адскую боль. Простите меня.

— Очень жаль, что так получилось.

На самом же деле сцена показалась ей необыкновенно забавной.

— Архиепископ дал мне этот камень, чтобы я могла защитить себя по приезде в Рэйку.

— Я понял, — пробормотал Родри сквозь зубы. — Но вам не стоит опасаться «зла колдунов». Уверен, Вэнтан, рассказывая об этом, изрядно сгустил краски. Боюсь, наш многоуважаемый священник опасается не того, чего стоило бы опасаться. Люди, о которых он рассказывает так много ужасных историй, наверняка не сделали ему ничего плохого. Лорнгельды — не порочный народ, ваше высочество. На земле наряду с хорошими и порядочными человеческими существами живут отвратительные и греховные. И даже я признаю тот факт, что у колдунов все точно так же: одни — добрые, другие — злые.

— А вы? Какой вы? — спросила Атайя, не задумываясь.

Раньше она, наверное, не смогла бы позволить себе так беспардонно поступить. Но сейчас, когда на шее висел чудодейственный кристалл, это получилось само собой.

Родри задумчиво склонил белую, как будто присыпанную снегом голову.

— Не мне судить об этом. Я делаю что могу, а оценивать мои поступки будут другие, те, кому я служу. Король и Бог.

Атайя опустила глаза. Ей вдруг стало стыдно за свои низкие мысли и поступки. В то же время она испытала прилив каких-то неприязненных ощущений. Слова колдуна прозвучали невероятно возвышенно, заставляя Атайю почувствовать себя недалекой, злобной девчонкой. Однако в его ответе сквозила фальшь. Чересчур благородные фразы всегда не очень убедительны. Скорее всего этот хитрец не так-то прост и чист, каким стремится показаться.

— Еще раз простите меня за кристалл, — пробормотала принцесса.

— Не стоит переживать по этому поводу, — сдержанно ответил Родри. — Однажды меня обучили таинству колдовства. Это великий дар. В нашем мире за все приходится платить.

Поэтому я вынужден мириться с некоторыми вещами, например, с существованием корбалового камня. — Колдун почтительно поклонился и повернулся в сторону главного входа в замок, собираясь уйти. — Удачного дня, ваше высочество.

Атайя проводила его взглядом. Родри шел спокойно и неторопливо, длинные полы синей шелковой мантии развевались от дуновения налетевшего с моря ветерка, подобно крыльям диковинной птицы. Поднявшись по ступеням, он неожиданно остановился и грациозно отошел в сторону, по-видимому, уступая кому-то дорогу. Атайя затаила дыхание. В следующее мгновение в проеме парадного входа появились Кельвин и архиепископ Вэнтан, за ними следом вышли Дагара, Дарэк и Сесил. Родри присоединился к процессии, подчеркнуто стараясь держаться подальше от священника. Он занял почетное место по другую сторону от короля. Атайя заметила, как Вэнтан стал поглаживать кольцо с бриллиантом и корбалами на пальце левой руки, на благочестивом лице появилась едва заметная постороннему глазу усмешка. Сесил, держа под руку Дарэка, о чем-то без умолку болтала, но по выражению лиц принца и королевы было понятно, что их ее разговоры нисколько не интересовали.

Неожиданно Атайя услышала какой-то шум за спиной. Она повернула голову и увидела приближавшегося к ней со стороны казарм Николаса.

— А ведь у тебя была возможность где-нибудь спрятаться и не появляться на глаза до самого отъезда. — Легким кивком он указал на шествовавшую по двору процессию. — Теперь уже поздно. Наверняка они заметили тебя.

— А ты почему не с ними?

Николас содрогнулся, его лицо исказилось, застыв на мгновение в ужасной гримасе.

— Прошу тебя, не издевайся надо мной. Знаешь, я только что позавтракал и не хочу портить себе настроение. Отца еще можно терпеть, Сесил вообще просто прелесть, но компания Вэнтана, Родри, Дарэка и Дагары, собранных вместе, показалась бы мне невыносимой. Стоит только представить, что я

вышагиваю сейчас рядом с ними, так сразу ощущаешь тошноту. Кстати, о тошноте, — добавил Николас дурашливым тоном. — Где Тайлер?

— Между прочим, я все прекрасно слышал, маленький мерзавец. — В дверях казармы показался капитан. — Если бы твой отец не смотрел так пристально в нашу сторону, ты ответил бы мне за свою наглость.

Тайлер наклонился к оставленной под присмотром Атайи сумке и положил в нее колоду карт, игральные кости и небольшой кошелечек с монетами.

— Все, что нужно для трудной поездки, — заметил Николас, весело улыбаясь.

— Ты же не хочешь, чтобы мы умерли от скуки где-нибудь по дороге, так ведь?

— Конечно, нет. Но я достаточно хорошо знаю вас обоих. Мне кажется, вы нашли бы, чем заняться холодными одинокими ночами.

Атайя густо покраснела и шутливо ткнула брата локтем в живот. В следующее мгновение, когда она увидела, как Дагара, сказав что-то Кельвину, ускорила шаг, отделившись от остальных, хорошее настроение как рукой сняло. Приблизившись, королева окинула Атайю злобным взглядом.

— Надеюсь, ты взяла с собой более приличную одежду. Ведь ты не собираешься предстать перед Осфонином в *таком виде?* — произнесла она, недовольно поджимая ярко накрашенные губы. — Он и без того не обрадуется твоему появлению.

По выражению лица Дагары Атайя видела, что мачеха несказанно счастлива ее отъезду. Предстоящие несколько недель в отсутствие непокорной принцессы, наверное, покажутся ей настоящим раем.

Держу пари, эта ведьма мечтает, чтобы меня вышвырнули с королевского двора Осфонина, не дав и рта раскрыть, — подумала Атайя.

Но произносить эту дерзость вслух не решилась. Скоро они отправятся в путь, и на какое-то время можно будет выкинуть Дагару из головы. Надо немного потерпеть.

Королева всегда ратовала за неукоснительное соблюдение приличий и предписанных правил. Атайя знала об этом. Но в мягких удобных бриджах и белоснежной льняной рубашке она чувствовала себя необыкновенно удобно и не считала нужным усложнять нелегкую поездку, поэтому решительно отказалась надевать на себя широкие, длинные юбки. Прическа и обувь принцессы гармонировали с ее нарядом: волосы были собраны на затылке и зажаты серебряной заколкой, на ногах красовались свеженачищенные сапоги из мягкой кожи. Если бы она являлась гвардейцем королевского войска, Дагара нашла бы ее внешний вид вполне приемлемым.

— Тебе следует ехать в карете, — произнесла королева надменным тоном и прищелкнула языком. — Это будет выглядеть гораздо более благопристойно.

— Но это гораздо менее удобно, — жестко ответила Атайя. — Дорога до Ат Луана и так займет не менее двух недель. И я не собираюсь провести в пути в два раза больше времени только ради того, чтобы покрасоваться в карете.

— Уверяю вас, я позабочусь о том, чтобы ее высочество выглядели достойно, когда мы достигнем замка Осфонина, — вмешался в разговор Тайлер, пытаясь сгладить накалявшуюся ситуацию. — Смею заметить, ваше величество, нам уже пора выезжать, к ночи мы должны добраться до Эваршота.

— Верно, капитан, — произнес Кельвин. Он, Родри, Вэнтан и остальные члены семейства Трелэйнов только что присоединились к Дагаре. — Люди готовы и ожидают вас.

Король ничего не сказал Атайе, но она почувствовала, что, несмотря на строгое выражение его лица, отец доволен ее поведением: принцесса готова выполнить возлагаемую на нее миссию и не делает из этого много шума. Кельвин окинул оценивающим взглядом внешний вид дочери, не упуская, по-видимому, ни малейшей детали, и не выразил ни единым движением в отличие от Дагары своего неодобрения.

Сегодня он сам оделся довольно просто: на нем была вышитая белая сорочка и широкая накидка. На голове вместо короны красовалась фетровая шляпа с небольшими полями.

Выражение глаз короля, несмотря на вольную форму одежды, оставалось серьезным и задумчивым. Наверное, Кельвина одолевали какие-то беспокойные мысли. Черты его лица как будто несколько обострились, а поведение казалось слегка напряженным и неестественным. В какой-то момент Атайя даже подумала, что отец еще может пересмотреть свое решение и не пошлет ее в Рэйку, но тут же поняла: такого не случится. Она слишком хорошо его знала и как родителя, и как короля. Он не передумает.

Если бы я не знала его как свои пять пальцев, решила бы, что Кельвин станет волноваться за меня, — пронеслось в голове Атайи.

Никогда ей еще не доводилось видеть отца таким нерешительным и задумчивым. Принцесса не могла припомнить случая, чтобы Кельвин демонстрировал проявление каких-либо чувств к ней. И сейчас можно было не сомневаться: он не выразит ни словом, ни взглядом своих переживаний, если таковые и зародились в его душе.

Дарэк сделал шаг вперед и едва заметно поклонился сестре.

— До свидания, Атайя.

Его голос прозвучал сухо и недружелюбно. Она ответила сдержанным кивком. Девушке было понятно, почему братец вообще решился выйти во двор: его обязывали так поступить правила приличия. Он должен был проводить ее, чтобы не показаться невежливым.

Не забываете о чувстве долга, не так ли? — подумала принцесса и почему-то загрустила. — *Разве можно ожидать чего-то еще от наследника престола?*

— Как я буду скучать по нашим играм в шахматы, — печально произнесла Сесил. — К тому времени, когда ты вернешься, наверное, похолодает, и мы не сможем выходить во двор.

Она подошла к Атайе и взяла ее за руки, не обращая никакого внимания на гневные взгляды мужа.

Архиепископ Вэнтан благословил принцессу и пожелал ей счастливого пути.

— Да пребудет с вами Господь, ваше высочество, — произнес он, приложив руку к сердцу, затем ко лбу.

Они обменялись мимолетными взглядами, а когда Родри отвернулся, Атайя прижала ладонь к груди в том месте, где находился сейчас корбаловый кристалл, и слегка поклонилась священнику в знак благодарности.

— Поскорее возвращайся, сестренка, — сказал на прощание Николас, нежно обнял Атайю и поцеловал в щеку. — Здесь будет невыносимо тоскливо и ужасно до тех пор, пока вы с Тайлером не приедете назад, — шепнул он ей на ушко.

Взяв сестру за руку, Николас повел ее в противоположную сторону двора, туда, где их уже ожидали люди Тайлера.

Капитан привязал сумку к седлу гнедого жеребца, а Атайя тем временем при помощи Николаса забралась на свою любимую серую лошадь. Тайлер хотел было дать подчиненным сигнал об отправке, но заметил, что Кельвин идет в их сторону, и решил подождать.

Приблизившись к дочери, король произнес неожиданно мягким голосом:

— Будь осторожна и слушайся капитана.

Сейчас, кроме Атайи, его никто не слышал, и Кельвин не постеснялся проявить чуточку заботы и внимания.

— Тайлер — опытный воин и знает, как вести себя в любой ситуации.

Король повернулся к принцессе спиной, собираясь отойти, но почему-то медлил, как будто хотел сказать что-то еще и не решался. Помолчав несколько мгновений, он покашлял и добавил чуть слышно:

— Чтобы выполнить мое задание, тебе понадобится немало храбрости. Ты держишься молодцом. Я, можно сказать, горжусь тобой.

Резко отвернувшись и смутившись, король быстрыми шагами удалился.

Атайя замерла от удивления: впервые в жизни отец дал волю эмоциям. Когда Тайлер взялся за поводья и подал знак трогаться, она молча последовала за ним, то и дело оглядываясь назад. Кельвин все стоял во дворе, пока дочь не скрылась из виду, старательно пытаясь казаться безразличным...

* * *

Первую остановку путники планировали совершить в аббатстве Эваршот, небольшом пристанище монахов, занимавшихся в свободное от молитв время изготовлением вина. При монастыре выращивали виноград. Атайя никогда не бывала там, но знала, что эваршотское вино — любимый напиток Кельвина. По его требованию хозяин кухни был обязан следить за тем, чтобы в погребе всегда стояли наполненные бочки из Эваршота.

Наверняка их встретят радушно: короля давно знали в аббатстве. Атайя с удовольствием думала о предстоящем вечере — к концу первого дня поездки лучшего отдыха, чем в уединенном монастыре, и не пожелаешь.

Атайя и Тайлер ехали впереди, остальные десять человек следовали за ними на расстоянии ярдов восьми, построившись ровными рядами.

Небо было прозрачным и чистым, ясное летнее утро радовало теплом и пением птиц. Когда они ехали по равнине в восточной части Делфархама, пришлось растянуться в ряд и прижаться к самому краю пыльной, неровной дороги — деревенские жители убирали жатву с полей и, разбившись на многочисленные группы, отвозили урожай домой.

Август — самая занятая пора для земледельцев, а этот год, насколько могла судить Атайя, выдался особенно плодоносным. Зерна было много, крестьянские тележки ломились от туго набитых мешков. Другие люди занимались заготовкой сена. Вдалеке на зеленых холмах паслись стада — коровы и козы мирно пощипывали траву, греясь под летним солнышком. Молодой свинопас гнал свиней к лесу — там его подопечные могли полакомиться желудями. Когда путники проезжали мимо старой полуразваленной мельницы, в нос ударил терпкий запах — первые яблоки, появившиеся в этом году, перетирали для сидра.

Суетившиеся люди были настолько увлечены своей работой, что не проявили особого интереса к принцессе и ее сопровождающим, и девушка радовалась этому. За последние несколь-

ко дней ей удалось наделать много шума и сосредоточить тем самым все внимание окружающих на своей персоне. Сейчас выдалась редкая возможность отдохнуть от привычной, изрядно надоевшей жизни, и Атайя наслаждалась каждой минутой.

Она завидовала этим людям. Наверное, никто из них не понял бы ее и не поверил ей. Любая из крестьянских женщин наверняка готова пожертвовать многим, чтобы хоть на денек оказаться на ее месте. Если бы они только знали, как трудно быть принцессой!..

По дороге путники несколько раз останавливались — чтобы напоить лошадей и перекусить. В сумке у каждого лежал хлеб с сыром. Но, несмотря на частые привалы, Атайя быстро почувствовала усталость. По прошествии часов восьми она уже с нетерпением ждала вечера и то и дело вглядывалась в даль, желая увидеть на горизонте шпили часовни Эваршотского аббатства.

— Долго нам еще ехать, Тайлер? — спросила девушка утомленным, сонным голосом.

— Думаю, мили две-три. Устала?

Атайя кивнула.

— У меня ноги и руки как будто задеревенели.

Принцесса повернула голову и взглянула на показавшиеся уже вдалеке первые признаки заката — нежно-розовые полосы на безоблачном небе. Даже в столь ранний час можно было увидеть неясные очертания луны, появившиеся над заросшими елями и кленами холмами. Там же, далеко позади, Атайя заметила что-то еще. Нечто подвижное. Рядом с небольшим пригорком, покрытым деревьями, повисло странное воздушное облако. Оно колебалось и волновалось, напоминая исходящий от земли туман.

Атайя моргнула и протерла глаза: может, это от усталости? Такая долгая и утомительная поездка — первая в ее жизни. Но когда она вновь взглянула в даль, то убедилась, что не ошиблась: туманное пятно все еще висело на том же месте, все так же двигаясь и колыхаясь.

Атайя нахмурила брови.

— Тайлер, что это там?

— Где?

— Посмотри, там, вдалеке, рядом с высокими елями. Оно... По-моему, оно шевелится.

— Гм... Я ничего не вижу, — ответил капитан, напряженно вглядываясь в даль, пытаясь увидеть нечто движущееся, но ничего не заметил и покачал головой. — Солнце начинает садиться, освещение меняется каждые несколько минут. Скорее всего ничего там нет. Тебе просто показалось.

Атайя раздраженно вздохнула.

— Тайлер, я ничего не выдумала. Я уверена, что видела что-то.

Она еще раз повернула голову.

— Хотя сейчас оно исчезло...

— Атайя, ты просто сильно устала, поверь мне. В течение часа мы доедем до монастыря и сможем как следует отдохнуть.

Краски на окраине неба сменились: теперь неровные полоски вместо нежно-розового горели ярко-оранжевым светом.

Тайлер, Атайя и десять воинов королевской гвардии, сопровождавших их, достигли наконец ворот Эваршотского аббатства.

Каменное строение было довольно старым, но достаточно крепким: густые виноградные лозы обвивали высокие стены. Все вокруг выглядело аккуратно и ухоженно. Приятный аромат, исходивший от кустов красных роз, наполнял прохладный вечерний воздух. Позади здания Атайя увидела множество белых решетчатых подпорок, оплетенных виноградом, они тянулись вдоль вымощенной булыжником дорожки. По ней навстречу гостям шел невысокий полный мужчина с седыми волосами, в простой мантии коричневого цвета с капюшоном. За ним следовали человек шесть братьев из аббатства, одетых точно так же.

Подойдя к металлическим воротам, послушники открыли их, и невысокий монах вышел к путникам. Его лицо сияло, на губах играла добродушная улыбка. Разведя пухлые руки в стороны, он обратился к Атайе:

— Должно быть, вы — принцесса Атайя.

Толстячок поклонился настолько низко, насколько позволяло ему его телосложение.

— Вчера здесь был гонец из Делфархама. Он сообщил о вашем приезде. Я — аббат Торн. Добро пожаловать в наше скромное пристанище, ваше высочество. Надеюсь, вы сможете хорошо отдохнуть у нас.

Аббат Торн отдал распоряжение братьям, оставшимся на некотором расстоянии позади него, отвести лошадей в конюшню и как следует позаботиться о них. Атайя слезла с седла. Ноги ее затекли и в первый момент отказывались слушаться. Тайлер и его люди отстегнули седельные вьюки и передали поводья монахам.

Аббат повел гостей вниз по булыжной дорожке, добродушно знакомя их с внутренним обустройством обители.

Кухня, небольшая часовня, здание, где располагались комнаты для приезжих и монашеские кельи, — здесь все было пропитано каким-то особенным, необычным духом. По пути аббат Торн оживленно рассказывал об истории Эваршота и о жизни монастыря. Заведя гостей в храм, он гордо показал новые окна из цветного стекла и высокий алтарь. В завершение маленькой экскурсии монах продемонстрировал гостям знаменитые виноградники. Атайе понравилось здесь: трава на лужайке была аккуратно подстрижена, за садом наверняка хорошо ухаживали. И хотя монастырская жизнь всегда представлялась ей скучной и однообразной, принцесса нашла монастырь местечком мирным и невероятно милым. Так, наверное, и должно выглядеть настоящее аббатство.

— У нас тихо и спокойно, — сказал Торн, — и мы любим свою обитель. Нам нравится наш жизненный уклад. Молитвы и службы, выращивание овощей и фруктов, уход за территорией — нам хватает занятий.

— А что у вас там? — спросила Атайя, указывая в сторону полуразрушенного здания, окруженного обломками камней и обугленными деревянными балками. В воздухе пахло намокшей жженой древесиной. Этот заброшенный уголок совсем

не вписывался в общую картину красивого, умиротворенного монастырского быта.

Монах тяжело вздохнул. Атайя заметила, что на его лбу появилась вдруг напряженная складка. Наверняка она затронула какую-то неприятную тему.

— Когда-то здесь располагалась наша оранжерея, — печально произнес аббат. — В прошлом месяце ее не стало, когда деревенские жители привели к нам женщину, представительницу рода лорнгельдов, и попросили позаботиться о ней. Я понимаю, что выглядит это довольно неприглядно, но мне захотелось, чтобы остатки здания какое-то время еще стояли нетронутыми... Я и братья, глядя на эту печальную картину, размышляем о судьбах тех, кому в жизни повезло гораздо меньше, чем нам. Это не первый несчастный случай, причиной которого стали лорнгельды. Но они не в силах изменить свой рок. С несчастной женщиной случился приступ сумасшествия — оранжерея взорвалась и запылала, разваливаясь на куски под воздействием страшной силы колдовства. Один из наших монахов, садовник, погиб.

Аббат печально покачал головой.

— Возможно, женщине стало известно, что оранжерея — то место, где делают *кахнил*...

— И часто такое случается? — нерешительным голосом спросила Атайя.

Сколько же оранжерей нужно построить или восстановить, если лорнгельды вдруг зачастят сюда? — подумала она.

— Нет, не сказал бы. Раньше, как рассказывают, подобное происходило чаще. Но это было очень давно. В нашей библиотеке хранятся дневниковые записи наших предшественников. По свидетельствам одного из них, который жил... гм... уже почти два века назад, в какой-то год сюда привели целых шестьсот представителей лорнгельдов!

— Чтобы осуществить церемонию отпущения грехов?

— Конечно, — серьезным тоном ответил аббат и зашептал слова какой-то молитвы.

— Даже дети дьявола имеют право на наслаждение райским великолепием, если их очистить от прегрешений.

— Очистить? — спросил Тайлер. Он заговорил впервые с того момента, как они вошли на территорию монастыря. — Вы имеете в виду «отравить», не так ли?

— Дорогой мой капитан, мы не любим называть этот обряд только что произнесенным вами словом, — ответил аббат. На его лице отобразилась боль. — Мы предпочитаем рассматривать это как начало пути — пути к спасению и небесному царству.

Тайлер взглянул на монаха с презрением, и Атайя, поняв его настрой, постаралась перевести разговор в другое русло. Они никогда не обсуждали данную проблему, но она догадывалась, что ее друг не совсем согласен с идеей церемонии отпущения грехов, хотя понимает, что церковь вынуждена совершать ее вновь и вновь.

Решив, что вечер будет намного более приятным для всех, если сейчас ей удастся предотвратить развитие напряженного спора, Атайя стала задавать Торну разнообразные вопросы, не касающиеся религиозных убеждений присутствующих. Она расспрашивала о количестве живущих в Эваршоте монахов, о книгах, имеющихся в библиотеке, и прочих подобных вещах.

Когда компания приблизилась к могучим дверям, через которые можно было пройти к комнатам для гостей, Атайя услышала негромкий звук, похожий на рычание. Растерявшись, принцесса повернула голову в сторону ворот и увидела небольшую собаку. Ей показалось, что это щенок спаниеля. Животное расхаживало по лужайке, злобно скаля зубы, потом гавкнуло несколько раз. Но рядом с ним никого не было. Приглядевшись повнимательнее, Атайя вновь заметила все то же дрожание воздуха — странное облако, которое она увидела у пригорка часа два назад. Оно висело шагах в десяти от собаки, затем стало медленно перемещаться по двору.

Резко отвернув голову, принцесса зажмурила глаза.

Вероятно, я устала больше, чем можно было предположить, — подумала девушка.

— Эй, иди сюда, маленький ворчун, — добродушным голосом позвал щенка аббат. — Ну, иди же.

Пес колебался несколько мгновений, потом бросился к ногам монаха, радостно завиляв хвостом. Время от времени он все же оглядывался назад и поскуливал.

— Постоянно твержу брату Джеймсу, чтобы не приводил новых щенков. — Аббат почесал спаниеля за ухом. — Но они отпугивают лис.

Когда они шли по длинному коридору, Тайлер взглянул на Атайю и заметил, что она как-то странно выглядит.

— В чем дело? — спросил он.

Принцесса покачала головой.

— Все в порядке. Просто очень устала.

Девушка улыбнулась. Не стоит понапрасну волновать его. Все, что ей сейчас нужно, — это хороший отдых, после которого скорее всего ничего уже не привидится. Особенно такие странные вещи.

Как оказалось, монахи в Эваршотском аббатстве являлись еще и потрясающими поварами. Предложенный ужин очень понравился Атайе: сочная мягкая баранина с луком, горохом и бобами, наваристый бульон, свежеиспеченный хлеб с медом и восхитительное теплое вино. Аббат и еще несколько братьев высшего ранга составили гостям компанию. Тайлер рассказал монахам о последних новостях придворной жизни, тщательно выбирая и обдумывая слова, постоянно имея в виду, что перед ним люди, давно утратившие интерес к мирской жизни. Капитан лишь в общих словах описал цели поездки принцессы. Однако по косым взглядам жителей аббатства Атайя поняла, что они прекрасно знают о возможном союзе Кайта с Рэйкой и том пути, посредством которого этот альянс планируется заключить.

Когда чудесное эваршотское вино было выпито, а церковные колокола пробили одиннадцать, Тайлер отдал приказание своим людям отправляться спать. Аббат попросил одного из помощников проводить воинов к небольшой сторожке, где им уже приготовили место для ночлега. Затем вместе с капитаном и Атайей аббат Торн проследовал в ее комнату в помещении для гостей, дабы удостовериться, что ей там будет удобно. Вежливо спросив принцессу, не требуются ли ей еще

какие-либо услуги, и убедившись в том, что капитан в состоянии сам найти дорогу к сторожке, где и для него была приготовлена кровать, аббат пожелал гостям спокойной ночи, раскланялся и отправился в свою келью.

— На рассвете мы должны отправиться в путь, — сказал Атайе капитан.

Он стоял у дверей ее комнаты и не торопился уходить, как будто надеялся, что она пригласит его пройти внутрь. Но даже если все произошло бы именно так, ему пришлось бы ответить отказом.

— Я буду готова, — ответила Атайя и шагнула навстречу Тайлеру, желая поцеловать его.

Но сначала она решила удостовериться, что поблизости никого нет. А вдруг где-нибудь в полумраке коридора притаился монах-шпион? Осторожно выглянув из-за двери, принцесса осмотрелась вокруг. Было тихо и пустынно.

Наверное, все уже спят, — подумала принцесса.

Вдруг ей показалось, что что-то зашевелилось у стены в дальнем конце прохода. Она пригляделась: что за оказия! Опять то же самое движение воздуха!

Теперь-то я уверена: все, что я видела сегодня, — не обман зрения! — пронеслось в ее голове.

Атайя затаила дыхание.

Только бы не выдать себя! Чем бы ни оказалось это странное облако, оно не должно понять, что я его заметила.

Она повернулась к Тайлеру. Он изумленно поднял брови, увидев выражение ее лица.

— Не оборачивайся, Тайлер, — прошептала Атайя ему на ухо. — Мне кажется, за нами наблюдают. Я думаю, нас преследуют от самого Делфархама.

— Но это исключено, — обеспокоенно пробормотал капитан. — Если бы на дороге показались наездники, то лейтенант Парр и остальные заметили бы это и сообщили мне. И потом, после нашего приезда никто больше не заходил на территорию аббатства.

— По крайней мере никто, кого бы мы смогли увидеть, — прошептала Атайя. — Помнишь, сегодня днем я сказала тебе,

что заметила подозрительное движение воздуха. Щенок лаял на него, возможно, почувствовал какой-то запах, вел себя очень беспокойно. Наверное, потому, что ничего не видел. Буквально несколько мгновений назад я опять заметила то же самое движение.

Тайлер выглянул в коридор.

— А ты уверена в этом? Я, например, ничего не вижу.

Атайя медленно подняла руку и дотронулась до воротника своей рубашки.

— Знаешь, мне в голову пришла одна идея. Если ничего не получится, тогда я просто не смогу уснуть. Но чувствую, что это сработает...

Резким движением она сорвала с шеи кристалл и, подскочив к одному из факелов, установленных на стенах в металлических держателях, поднесла камень к свету. Послышался душераздирающий крик.

Внезапно шевелящееся воздушное пятно в дальнем конце коридора стало приобретать форму и превращаться в нечто материальное...

Атайя наблюдала за происходившим широко раскрытыми глазами. Через несколько секунд вместо странного облака у стены уже лежал человек — молодой мужчина со светлыми волосами и в шляпе с белым пером. Он извивался, обхватив голову обеими руками, воя и содрогаясь от боли.

В первый момент Тайлер не поверил своим глазам: он стоял как вкопанный, не понимая, что случилось. Но боевые инстинкты взяли верх над страхом и недоумением, и капитан бросился к незнакомцу, захватывая его сзади за шею.

— *Ты?!* — разъяренно прокричала Атайя.

Ее щеки пылали, в глазах запрыгали огоньки ненависти. Она узнала в появившемся из ниоткуда человеке того самого Джейрена — курьера, с кем ей довелось познакомиться в таверне два дня назад, который предлагал отправиться в путешествие и делал грязные намеки.

Атайя подскочила к лжекурьеру, выхватила кинжал у него из-за пояса и угрожающе помахала им.

— Ах ты, ничтожный...

— Пожалуйста! — простонал Джейрен, закрывая лицо руками. — Уберите кристалл!..

— Ишь чего захотел! Я уберу свой камешек только после того, как ты расскажешь, зачем, черт возьми, тебе понадобилось следить за мной. Ведь ты преследовал нас, не так ли?

— Да, да. Но позвольте мне все объяснить...

— Так почему же ты медлишь? — спросил капитан, крепче сжимая руку вокруг шеи бедняги.

Лицо курьера побагровело. Он стал задыхаться.

Интересно, что на него подействовало больше, действия Тайлера или сила кристалла? — подумала Атайя.

— Хорошо, я все расскажу, — прохрипел Джейрен. — Только уберите корбал!

Нарочито медленно принцесса положила камень в кожаный мешочек, привязанный к поясу. Постепенно курьер пришел в себя: дыхание успокоилось, напряженные складки на лбу и вокруг рта разгладились. Атайя поднесла к его горлу кинжал — с красивой резной ручкой и, наверное, дорогой.

Скорее всего у кого-нибудь украл!

Джейрен запрокинул голову.

— Можешь начинать, — скомандовала принцесса. — А не то я позову аббата Торна и скажу ему, что обнаружила еще одного колдуна, жаждущего пройти церемонию отпущения грехов!..

Глава 5

По предложению Тайлера они решили пройти в комнату Атайи, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь из монахов.

Если бы выяснилось, что гости привели с собой колдуна, то неизвестно, чем закончилось бы их пребывание здесь. Аббату это бы определенно не понравилось. Капитан провел Джейрена в небольшую, по-спартански обставленную ком-

натку, не очень-то любезно обращаясь с ним, и посадил непрошеного гостя на скамейку возле окна.

Атайя проследовала за ними.

Поставив лампу на подоконник, она передала оружие курьера Тайлеру. Так ей будет спокойнее.

— Итак, мы готовы внимательно выслушать тебя. И не смей лгать, — грозным тоном произнесла Атайя и бросила многозначительный взгляд на мешочек, где находился сейчас корбал.

Джейрен опустил плечи и провел рукой по лицу.

— Я преследовал вас, потому что должен был с вами поговорить, — угрюмо произнес он. — У меня и мысли не возникало обидеть вас каким-либо образом.

— Тебе повезло, дружище, — вступил в разговор Тайлер. — Малейшая попытка обидеть ее высочество стоила бы тебе жизни. За подобные вещи король Кельвин приговаривает к казни, которую приводят в исполнение незамедлительно.

Джейрен кивнул и взглянул на принцессу.

— Так, значит, ты знаешь, кто я? — спросила Атайя несколько удивленным голосом. Затем, вспомнив их первый разговор, добавила: — Тебе и тогда было все известно, но, несмотря на это, ты осмелился сделать мне настолько хамское предложение!

Если у этого парня нет достаточно веских оснований, то он просто наглец, — подумала Атайя и, взглянув на Тайлера, чуть не рассмеялась.

Лицо капитана перекосило от ревности и злости.

Джейрен смущенно отвел глаза.

— Мне очень жаль, ваше высочество, что все так вышло. В тот вечер в таверне я, вероятно, неправильно изложил свои мысли, точнее... Вы поняли меня совсем неверно. Мне и в голову не могло прийти, что вы расцените мое предложение как...

Испуганно взглянув на капитана, он затих и молчал несколько секунд, наверное, подбирал подходящие слова. Затем продолжил:

— Я вовсе не имел в виду того, о чем вы подумали тогда. Я пришел в таверну только для того, чтобы встретиться с

вами и побеседовать. Мне уже было известно, что вы давно мечтаете уехать куда-нибудь из Кайта. Просить об официальной встрече я не смел. Если бы вам стало известно о цели моего визита, меня схватили бы и арестовали. Моя задача состояла в том, чтобы убедить вас каким-то образом поехать со мной в Рэйку. Когда же вы так открыто заявили, что не пылаете большой любовью к Делфархаму, я подумал: а не подать ли принцессе идею о побеге?

Джейрен тяжело вздохнул.

— Теперь я понимаю, что выбрал неверный подход...

— Конечно, неверный! — ответила Атайя строго, прошла к окну и, подбоченившись, встала у подоконника. — С чего ты взял, что сможешь убедить принцессу бежать без охраны с иностранцем? Да еще с которым она познакомилась буквально час назад?

Последовала напряженная пауза. Джейрен совсем смутился. Посмотрев на вещи ее глазами, бедняга-курьер понял: его поведение выглядело просто глупо. Ему явно не хотелось встречаться с нею взглядом — опустив плечи еще ниже и нахмурившись, он уставился на кожаный мешочек, прикрепленный к ее поясу.

— Но вы должны признать, — выдавил наконец Джейрен, произнося слова медленно, вероятно, тщательно обдумывая каждое из них. — Ваши поступки и поведение... Вряд ли их можно назвать типичными для принцессы.

Атайя старалась вести себя строго и твердо, но, услышав подобную оценку своих действий, не сдержалась и улыбнулась.

Мне бы выпить еще кувшин вина в тот вечер, и тогда не исключено, что я приняла бы твое предложение, — подумала она.

— Кстати, — продолжил Джейрен, — вы ведь не знали, что мне известно о вашем высоком положении. Я разговаривал с вами так, как бы разговаривал с любым другим человеком. Теперь это, конечно, не имеет особого значения. Когда же мне сказали, что вы и так планируете ехать в Рэйку, то я решил отправиться вслед за вами, воспользовавшись простейшим заклинанием, при помощи которого человек становится

невидимым... Вернее, при помощи которого человек *должен* стать невидимым, — добавил он и криво усмехнулся. — Я хотел дождаться момента, когда бы капитан ушел. Тогда я смог бы поговорить с вами наедине и передать записку от моего учителя. Я должен был вручить вам ее до приезда в нашу столицу.

— От учителя?..

Атайя удивленно вскинула брови. Она была знакома лишь с одним человеком из Рэйки — Фельджином. А он вряд ли стал бы посылать курьера с письмом и просил бы разыскать ее во что бы то ни стало после того, как получил столь отвратительный прием во время своего визита в Кайт. Если бы ему и пришла в голову идея передать ей послание, то его просто доставили бы во дворец. Зачем Джейрену понадобилось красться за нею по пятам, прятаться под невидимым покровом? Атайя начинала сомневаться в правдивости слов курьера — если Джейрен вообще таковым являлся.

— И ты надеешься, что я поверю хотя бы одному из твоих слов? — сердито произнесла она. — Абсолютно нелогично! Ты появляешься, чтобы убедить меня отправиться в Рэйку, в тот же самый вечер, когда Кельвин приказывает мне ехать туда. Думаешь, я восприму это как простое совпадение? Кто прислал тебя?

Ее голос звучал требовательно и твердо.

— На кого ты работаешь?..

— Меня отправил к вам учитель Хедрик, — ответил Джейрен, произнося имя с почтением и уважением. — Верховный колдун в нашем королевстве.

Атайя не ожидала услышать ничего подобного. Слова курьера пугали и настораживали.

— А ты знаешь этого Хедрика? — обратился к принцессе Тайлер.

По его небрежному тону можно было понять, что он не верит ни единому слову из рассказа Джейрена. Но, заметив выражение лица Атайи, которая смотрела в пустоту, слегка нахмурившись, ему стало ясно, что ей это имя о чем-то говорит.

— Мы с ним не знакомы лично. *И я не горю желанием* встречаться с ним. Но я знаю, что он — друг Родри. У меня для него письмо. Родри попросил передать его по приезду в Ат Луан.

— Я — личный секретарь и ассистент учителя Хедрика, — сказал Джейрен. — По его просьбе я поехал в Кайт и должен был попытаться привезти вас в Рэйку на встречу с ним. Естественно, — добавил он несколько раздраженным тоном, — мы и понятия не имели в тот момент, что Кельвин сам надумает отправить вас к нам. Если бы мы только знали об этом, то мне удалось бы избежать массы проблем и неприятностей: об ужасной шишке, которую по милости ваших дружков я получил в той отвратительной таверне, и упоминать не хочется. Я мог бы просто остаться дома, а письмо от Осфонина мог бы передать вашему отцу любой из королевских курьеров. К сожалению, у нас не было возможности узнать о вашей поездке. Предсказаниям Хедрика далеко не всегда можно верить.

— Предсказаниям? Что ты имеешь в виду?

Атайя нахмурила брови.

— Предвидение будущего... — ответил Джейрен, удивляясь тому, что его не сразу поняли. Способности лорнгельдов он воспринимал как обычное явление. — Процесс довольно сложный. Лишь немногие из колдунов могут проделывать это. Только самые опытные. И то их предсказания не всегда верны и не во всех случаях сбываются. Хедрик почувствовал, что должен встретиться с вами, — у него было видение. Но не смог определить, что вы скоро сами отправитесь в Ат Луан. Вернее, ему показалось, что однажды вы приедете в Рэйку, но когда точно — он затруднился сказать. Учитель говорит, что должен побеседовать с вами, пока не стало слишком поздно.

— Слишком поздно? О чем это ты?..

Джейрен решительно покачал головой.

— Он сам вам все расскажет.

Атайя раздраженно вздохнула. Она ровным счетом ничего не могла понять, этот странный разговор начинал действовать ей на нервы.

— Нет, я все же хочу узнать, *о чем* Хедрик собирается поговорить со мной.

Джейрен искоса взглянул на Тайлера.

— Ваше высочество, вопрос очень деликатный. Мы могли бы побеседовать наедине?

— Все, что вы хотите поведать мне, можете говорить в присутствии капитана Грайлена.

Тайлер не вымолвил ни слова, но надменное выражение его лица говорило само за себя.

Ничтожный колдунишка!

Капитан вертел в руках кинжал Джейрена — серебро искусно выточенного лезвия игриво поблескивало в свете лампы, как будто намеренно дразня хозяина.

— Прекрасно! — произнес секретарь Хедрика недовольным тоном. — О некоторых вещах учитель предпочел рассказать вам лично, я могу лишь в общих чертах поведать о его намерениях. Он считает, что разговор с вами крайне необходим, это связано с бедственным положением представителей лорнгельдов, проживающих на территории вашего королевства. Они страдают на протяжении долгих лет. Хедрик собирается побеседовать с вами об улучшении их участи.

— Со мной? А почему со мной?

Раздражение Атайи возрастало. Вот бы проснуться сейчас и понять, что присутствие Джейрена, его безумные речи — всего лишь страшный сон!..

— А почему бы ему не обратиться с петицией непосредственно к Кельвину? Мой отец уже занимается пересмотром законов, регулирующих права лорнгельдов и принуждающих церковь производить над ними обряд отпущения грехов.

— В самом деле? Я ничего не знал об этом. Хедрик обрадуется, услышав подобную новость.

— Послушай! — закричала Атайя, ударяя кулаком по стене. — Мне нет никакого дела до этого твоего Хедрика, а тем более до того, чему он обрадуется или не обрадуется. Я весь день провела в пути, смертельно устала и безумно хочу спать. Вместо этого я вынуждена сидеть тут с тобой и выслушивать

бредовые россказни! Либо ты сейчас же мне выложишь, какого черта от меня понадобилось твоему Хедрику, либо я позабочусь о том, чтобы ты вообще не вернулся больше в свой Ат Луан.

— Я не имею права говорить вам об этом, — произнес Джейрен твердым голосом. Раньше Атайя и подумать не могла, что этот человек способен на столь смелые поступки. — Хедрик ясно дал понять: моя задача состоит только в том, чтобы удостовериться в вашем приезде в Рэйку. Об остальном он должен разговаривать с вами лично. Знайте: будущее народа лорнгельдов зависит от вашей беседы.

Атайя закатила глаза, показывая тем самым, что абсолютно не верит Джейрену.

— Будущее? Послушай, у лорнгельдов нет будущего. Это всем понятно. И на что, интересно мне знать, рассчитывал твой Хедрик? Неужели он подумал, что я так просто соглашусь поехать в Рэйку, чтобы выслушивать его безумные речи, даже не зная, что от меня потребуется?

Джейрен ничего не ответил, просто поерзал на скамейке. По всей вероятности, в данный момент он чувствовал себя крайне неловко. Атайе вдруг пришло в голову: ведь этот тип — колдун и наверняка знает массу способов, при помощи которых смог бы заставить ее отправиться в Рэйку, если бы она отказалась ехать добровольно. Наверное, не стоит сильно злить его, по крайней мере до тех пор, пока ей не удалось выспаться и отдохнуть. Утром можно будет спокойно обдумать сложившуюся ситуацию и решить, как вести себя дальше.

Напустив на себя суровый вид, Атайя обратилась к Джейрену:

— Как видишь, я уже еду в Рэйку. Тебе повезло. Но уверяю тебя, если бы мне пришлось выбирать, я все равно не поехала бы с тобой. Что бы ты ни сказал, убедить меня было бы невозможно. Поэтому не особенно задирай нос по возвращении в Ат Луан — ты не справился с заданием.

Она повернулась к Тайлеру, с недоуменным видом наблюдавшим за происходящим.

— Тайлер, я попрошу тебя отвести нашего друга с собой, чтобы он переночевал вместе с остальными. И присмотри за ним. Возьми это. — Принцесса протянула капитану мешочек с корбалом. — Мой камешек поможет тебе — с ним можно быть уверенным, что Джейрен не станет делать глупостей. Дальше ты поедешь с нами, — сказала Атайя, обращаясь к молодому колдуну. — Я очень надеюсь, что по приезде твои слова не окажутся ложью. В противном случае...

Она многозначительно замолчала и подала Тайлеру знак уводить посыльного.

Джейрен беспрекословно подчинился — возможно, потому, что капитан был почти на голову выше его и вдвое шире в плечах. На прощание он, к удивлению принцессы, повернулся и почтительно поклонился. Несмотря на то что Атайя сделала предупреждение в довольно грубой и жесткой форме, что-то подсказывало ей: Джейрен не станет предпринимать попыток к бегству и не создаст никаких проблем во время дальнейшей поездки. Тем не менее подстраховаться не мешало — людям будет отдан приказ не спускать глаз с колдуна.

Атайя упала на жесткую койку, ощущая себя выжатым лимоном. После разговора с Джейреном, который изрядно взбудоражил ей нервы, необходимо было как следует расслабиться и постараться хотя бы на время выкинуть его из головы. Она стала рыться в сумке в поисках курительной трубки. Вдохнуть струю дурманящего дымка — вот чего ей сейчас не хватало для успокоения.

Чем дольше Атайя перебирала свои вещи, тем сильнее злилась. Через несколько минут все содержимое сумки уже валялось на полу. Наконец-то трубка нашлась, однако она совсем не подумала о табаке, когда собиралась в дорогу.

— Черт возьми, и надо же было забыть о самом главном! — пробормотала принцесса, отшвыривая сумку в сторону.

Тут ей в голову пришла отличная мысль: а что, если пробраться в монастырский погреб. Припасы локи у них наверняка имеются, ведь сюда иногда приводят лорнгельдов. А вдруг ее заметят? Что она сможет сказать в свое оправдание?

Но желание покурить только усиливалось...

Мне ведь потребуется совсем немного локи, чтобы набить трубку, — подумала Атайя.

К счастью, решение нашлось само собой. В следующее мгновение внимание принцессы привлек кувшин с эваршотским вином. Спасибо заботливым монахам! Теперь можно обойтись без табака. Она налила полную чашку и тут же осушила ее. Когда голова слегка затуманилась, Атайя выпила еще. И снова наполнив чашку, легла на койку и закрыла глаза.

Я знала, — пронеслось в ее голове. Она потерла виски, как будто желая стереть из памяти воспоминания о Джейрене. — *Я ведь знала, что эта поездка обернется полным кошмаром...*

— Думаю, нам лучше остановиться здесь. — Тайлер указал на приютившуюся у подножия высокого холма группку зданий. — Пока не так поздно, но сомневаюсь, что нам удастся доехать до еще какого-нибудь поселения до темноты.

На шестой день пути они почти достигли дороги, которая тянулась вдоль побережья, проходила через горы, а затем сворачивала к пограничной стене, разделявшей Кайт и Рэйку. Деревушки в отдаленных уголках Кайта встречались редко и были очень маленькими. Предложение Тайлера выглядело разумным.

Атайя кивнула.

— Я согласна. Пара лишних часов отдыха мне совсем не помешает. Кстати, можно будет сыграть в карты или кости, не зря же ты их взял с собой.

— Только при одном условии: если мы не будем играть на деньги. Ты и так уже вытянула из моего кошелька слишком много монет.

— Трус, — ухмыльнулась Атайя.

Они поехали по узенькой пыльной тропе, которую вряд ли можно было назвать дорогой, через поле кукурузы и пшеницы к окраине деревни. Приблизившись к поселению, Атайе показалось, что здесь происходит что-то странное. Сначала она не могла определить, что именно. Тележки и корзины были ос-

тавлены в поле. Тут Атайя в первый раз обратила внимание на неестественную для этого времени суток тишину.

— Странно, — сказала принцесса, осматривая пустынные окрестности. — Еще светло и можно работать в поле, но никого нет. Взгляните, даже овец и коров уже, по-видимому, закрыли на ночь в хлеву.

— Сегодня праздник? — спросил Джейрен, тоже сбитый с толку странной картиной.

Тайлер покачал головой.

— Нет. Во время сбора урожая праздники запрещены. У людей слишком много работы. — По выражению его лица можно было понять, что он встревожен. — Может, жители больны чем-нибудь?

— Не исключено, — неуверенно отозвалась Атайя. — Пойдем и выясним, что здесь происходит. Если никого не окажется дома, остановимся и переночуем без предупреждения.

Она взялась за поводья, и лошадь послушно пошла вперед.

Дойдя до того места, где тропа расширялась и превращалась в улицу, путники опять остановились.

— Очень странно, — пробормотала Атайя. — Посмотрите: вокруг колодца никого, а из трубы в булочной не идет дым. Даже таверна, там, вдалеке, кажется, закрыта. По-моему, я вижу чью-то фигуру на кладбище. В той стороне, за церквушкой. Все остальное выглядит так, как будто люди поспешно закрыли все дома, магазины и ушли куда-то...

Атайя повернулась к Джейрену, желая узнать его мнение по этому поводу, и увидела нечто необъяснимое: он устремил взгляд в даль, при этом глаза его как будто остекленели. Создавалось такое ощущение, что душа Джейрена пребывает в совершенно другом мире.

— Джейрен? Ты в порядке?

— Они идут этой дорогой, — произнес курьер отсутствующим, жутким, монотонным голосом.

Атайе показалось, что Джейрен даже не слышал ее слов. Он несколько раз подряд моргнул и через секунду вернулся из непонятного состояния транса, в котором только что пребывал. Его лицо напряглось и побледнело.

— Безумие. Я чувствую его присутствие здесь, ваше высочество, — прошептал Джейрен.

Атайя не успела и слова вымолвить, как вдруг откуда-то послышалось ритмичное песнопение. Сначала совсем тихо, а потом все громче, как будто оно приближалось к ним. По спине Атайи побежали мурашки, ей захотелось убежать отсюда, спрятаться где-нибудь. Джейрен же дернул за поводья, заставляя лошадь двигаться вперед, туда, откуда раздавались голоса. Принцесса невольно последовала за ним, не зная, зачем она это делает.

В этот момент Атайя увидела жителей деревни. Люди шли по извилистой тропе по направлению к церкви. В руках они держали лампы. Их мерцающий свет сливался в единый колышущийся луч. Сама деревня была небольшой, и, глядя на процессию, Атайя поняла, что в этой странной церемонии принимали участие все: мужчины, женщины и дети. Тут она догадалась, что происходит.

Повернувшись к Джейрену, принцесса схватила его за руку.

— Послушай, нам лучше уйти отсюда. Тебе не следует смотреть на происходящее. Поищем другое место для ночлега.

Джейрен резко вырвал у нее руку и, не обращая ни малейшего внимания на обеспокоенный взгляд Тайлера, произнес:

— Нет, ваше высочество. — Его голос звучал невероятно твердо и решительно. — Я прекрасно понимаю, что здесь происходит. Но я остаюсь.

Джейрен двинулся вперед. Атайя, Тайлер и остальные последовали за ним. Капитану все это явно не нравилось. Несколько раз он даже высказал вслух, что мечтает поскорее добраться до Рэйки и отделаться от компании молодого колдуна, который приносит слишком много неприятностей.

Они проследовали за Джейреном по извилистой улице и очутились на другом краю деревни. Здесь им пришлось посторониться: необходимо было пропустить проходившую мимо процессию.

Впереди шла женщина, молодая и довольно красивая, с загорелой, цвета меда, кожей. На ней было белое платье

простого покроя из легкой шерстяной ткани. Густые золотисто-рыжие волосы свободно спадали на плечи. Голова украшена венком из сухих цветов, связанных между собой разноцветными ленточками. Она ступала по осколкам камней босыми ногами, сбивая их в кровь, но, по всей вероятности, не чувствовала боли.

И Атайя догадалась почему. Глаза несчастной выглядели стеклянными. Она шла вперед, пошатываясь и не замечая ничего и никого вокруг. Когда женщина приблизилась, принцесса почувствовала запах дыма локи, исходящий от ее волос и одежды. Лока, если использовать совсем небольшое количество, действовала успокаивающе и расслабляюще. Большие же дозы вызывали провалы в памяти, а в дальнейшем — полностью поражали мозг. При злоупотреблении локой наступала смерть. Медленная и страшная. Наверное, женщине в белом дали достаточно зелья, чтобы привести ее в состояние невменяемости, но она еще способна была идти самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Дорогу, по которой шла несчастная, осыпали лепестками роз несколько идущих впереди девушек с корзинками в руках. Они делали свое дело грациозно и с умиротворенными лицами, время от времени нашептывая какие-то слова. По обе стороны от женщины шли двое мужчин. Один из них был очень похож на нее, наверное, приходился ей братом. Глаза второго были опухшими и красными. Скорее всего это ее муж, подумала Атайя. За ними следовали жители деревни. В глазах многих из них блестели слезы, но, несмотря на это, люди пели на удивление радостные песни и хлопали в ладоши.

Процессию замыкала пожилая женщина. Она шла медленно, качая на иссохших руках младенца. Джейрен встал позади нее и двинулся вслед за шествием. Тайлер отдал приказание своим подчиненным ожидать его возвращения возле колодца, а сам вместе с Атайей последовал за Джейреном. Воины беспрекословно подчинились — отправились к указанному месту. Они, равно как Тайлер и Атайя, не раз имели возможность наблюдать за подобной картиной, поэтому зрелище не представляло для них особого интереса.

На окраине деревни за небольшой речушкой располагалась местная церковь. Сюда-то и шли люди. Храм был хорошо освещен, по-видимому, здесь уже подготовились для совершения обряда. Жители деревни стали пробиваться внутрь каменной церквушки. Колокола выбивали веселую мелодию, как будто на свадьбе, и Атайя почувствовала вдруг прилив отвращения к происходившему вокруг.

Джейрен слез с коня и, привязав поводья к деревянному столбу, направился к храму. Атайя тоже спрыгнула с лошади и поспешила за ним, желая удержать его.

— Джейрен, ты ничем не сможешь помочь. Пожалуйста, не ходи туда.

— Я уже понял, что не в силах что-либо изменить. Когда она проходила мимо, я заглянул в ее мозг. В голове этой бедняги полный хаос — безумие распространилось слишком обширно. Я бы мог помочь ей... возможно, еще несколько недель назад. Но теперь слишком поздно.

— Тогда давай уедем отсюда. Зачем нам оставаться?

— Зачем?! — вскрикнул Джейрен, вырывая руку, за которую его удерживала принцесса. — Это мой народ, Атайя. Мне небезразлична его судьба, даже если тебе абсолютно нет до них дела...

Он резко повернулся и решительными шагами направился к ровным каменным ступеням, ведущим в святилище, а через пару мгновений скрылся за потемневшей дубовой дверью.

Атайя быстро последовала за ним, оставив Тайлера сторожить лошадей.

В церкви было тепло — от большого скопления народа и горящих свечей — и очень душно. Джейрен стоял у задней стены, прислонившись к каменной колонне, скрестив руки на груди. Он наблюдал за действом с нескрываемым отвращением. Женщина в белом стояла на коленях на специальной подушечке у ступеней алтаря. Ее голова упала на грудь, а худые руки безжизненно свисали вдоль тела, подобно тонким веточкам. Перед ней возвышался местный священник — тощий, костлявый человек с серебряно-золотыми волосами. На

нем была черная мантия с капюшоном, перетянутая белым поясом. Он стоял спиной к прихожанам, подняв руки, и читал молитву.

— Всемогущий Отец наш, — говорил священник звучным, низким голосом, проникавшим, казалось, в каждую щелочку тесной церквушки. — Создатель всего живущего на земле, искупивший грехи человеческие! Услышь нас, молящихся о прощении. Мы исповедуемся в грехах наших, вольных и невольных, и сожалеем о содеянном. Спаси, Господи, и помилуй нас, рабов твоих.

Священник склонил голову и на протяжении нескольких секунд молчал.

— Дети Господни, — продолжал он, опуская руки и поворачиваясь лицом к людям, — мы собрались здесь пред лицом Отца нашего, чтобы убить на корню попытку дьявола подчинить землю своим вероломным замыслам. Мы собрались, дабы провозгласить священные предписания Господа, призванные править землей и всеми живущими на ней, провозгласить нашу преданность и покорность Слову Божиему, воспеть величие и славу небесного Отца нашего.

Священник протянул руки к женщине в белом платье.

— Эта несчастная женщина, которую вы видите перед собой, готова изобличить дьявола и всех его прислужников отречением от данного ей при рождении дара Сатаны, который в своем вечном грехе стремится совратить детей Божиих и переманить их на свою сторону при помощи соблазна колдовства. Покинув жизнь земную, она обретет жизнь вечную. Господь примет ее в свое небесное царство.

Люди отозвались дружным хором голосов:

— Господи, помилуй нас.

— Кто привел эту женщину для обряда отпущения грехов? — спросил священник.

Человек с покрасневшими глазами, которого Атайя заметила еще на улице, вышел вперед.

— Я, — ответил он прерывающимся от слез голосом.

— По доброй ли воле отдаете вы ее в заботливые руки Отца небесного для очищения души и дарования вечной жизни?

— Да.

— Тогда пойте же и возрадуйтесь, дети Господни! Сегодня мы чествуем эту благословенную мученицу и празднуем ее победу над сатаной.

Прихожане запели старинный гимн, а священник в черной мантии повернулся к алтарю. Атайя стояла в дальнем углу церкви, поэтому не могла видеть, что делает священнослужитель. Но ей не нужно было видеть этого. Она прекрасно знала, что происходит в эту минуту. Знал и Джейрен. Его лицо исказилось, злость и ненависть мелькнули в темных глазах.

Когда пение прекратилось, священник опять повернулся к прихожанам и поднял руку. В ней он держал сейчас начищенную до блеска серебряную чашу, в которой, как в зеркале, отражался огонь горящих на алтаре свечей.

— О наш всемогущий Отец! Благослови этот сосуд и рабу твою, решившуюся испить животворящей жидкости. Ибо, сделав так, она приблизится к твоей божественной природе и отправит свою грешную душу в твое царствие. Этот путь был выбран ею по доброй воле и большому желанию.

Движением руки священник велел женщине подняться с колен.

— А теперь встань, дитя мое, и возьми чашу. То, что ты сделаешь сейчас, поможет тебе попасть на небеса и обрести вечное счастие, — торжественно произнес он, медленными шагами подошел к ступеням алтаря, встал прямо перед женщиной и снял с ее головы венок.

На протяжении всей церемонии несчастная вела себя тихо и покорно. Она не моргала, взгляд устремлен был в одну точку — на располагавшийся перед ней алтарь. Атайя усомнилась даже в том, что женщина вообще понимала, что с ней происходит, куда ее привели и что собираются проделать с ней.

В этот момент священник поднес к ее губам серебряную чашу.

— А теперь пей, дитя мое, — сказал он твердым требовательным тоном, — и разбей дьявольские оковы.

Край сосуда коснулся рта женщины, но в то мгновение, когда ей нужно было сделать глоток, она вдруг отпрянула

назад и душераздирающе закричала от ужаса, как будто вернулась из беспамятного состояния и осознала, что с ней происходит. Затем отступила назад, шатаясь, и обезумевшим, исполненным ужаса взглядом обвела собравшихся людей. Муж крепко обхватил ее, но женщина попыталась вырваться, беспомощно размахивая руками.

Послышался еще один крик, еще более страшный и жалобный, чем первый. Атайя отвернулась. Джейрен же, напротив, не сводил с женщины глаз, как будто поспорил с кем-то, что сможет спокойно понаблюдать за происходившим, и был намерен выиграть.

— Смотрите!.. — закричал священник пронзительно и громко: казалось, даже толстые каменные стены вздрогнули от неожиданности. — Ее голосом говорит сам Сатана! Он знает, что еще раз оказался побежденным, и не хочет отдавать ее душу Господу.

Подозвав жестом двух помощников, специально подготовленных для подобных случаев, священник с их помощью схватил женщину и опустил ее на пол.

— Михаэль, Михаэль! *Заставь их отпустить меня!* — кричала женщина и отчаянно крутила головой, пытаясь отыскать глазами своего мужа.

Но Михаэль, прекрасно осознававший, что помочь ей не в состоянии, уже отошел от алтаря и направился туда, где стояли его друзья и семья. Отсюда он смиренно понаблюдал, как помощники, крепко держа его жену, зафиксировали ее голову, а священник насильно разжал ей губы и, влив в рот женщины вино с добавлением *кахнила*, заставил ее проглотить жидкость.

Прихожане в полной тишине смотрели на бьющуюся в предсмертных конвульсиях несчастную. Через пару секунд из ее груди вырвался жуткий стон: женщина опустилась на колени и схватилась за живот, с ужасом глядя на людей. Ее плечи судорожно вздрагивали, как будто от сильного холода, а по щекам потекли слезы — слезы безумного страха и безысходности.

Женщина в последний раз взглянула на мужа. Сколько боли и непонимания было в ее глазах! Почему он поступил с ней подобным образом?!

Михаэль отвернулся, не в силах выдержать этот взгляд, и сел на скамью, опустив голову на плечо друга, закрыв лицо руками. Его тело вздрагивало — бедняга старался подавить нахлынувшие рыдания.

Глаза умирающей стали медленно закатываться, и через мгновение остались видны лишь белки, неестественно взиравшие на толпу людей. Вскоре она стала задыхаться — яд подействовал. После пары минут агонии женщина издала последний глубокий вздох, как будто сознавая, что наступил конец, и, обмякнув, замерла.

Помощники священнослужителя уложили тело перед алтарем на спину и скрестили руки усопшей на груди. Она еще раз вздрогнула — в последний раз.

— Взгляни, Господи, — воззвал к Всевышнему священник. — Мы сделали все, как ты велел, и спасли душу рабы твоей от коварных соблазнов сатаны и вечных мук преисподней. Прими ее в свое царствие, Отец наш. Одари ее небесными радостями, дай успокоение и бессмертие нетленной душе.

Протянув руки к безмолвствующей толпе, он благословил собравшихся.

— Молим тебя, Господи, упокой душу рабы твоей, даруй ей жизнь бесконечную. Царь наш небесный, избави нас от всяких мирских бед и дьявольского искушения. Помилуй нас, Господи. Аминь.

— Аминь, — отозвались люди.

Священник подал какой-то сигнал, и прихожане, находившиеся в святилище, запели радостными голосами в ознаменование новой победы над Сатаной.

Выругавшись вслух, Джейрен выскочил из церкви. Его щеки пылали от ярости и негодования.

Атайя поспешила вслед за ним, опасаясь, что в таком состоянии он может совершить что-нибудь необдуманное и опрометчивое.

Оказавшись на улице, Джейрен отвязал поводья и повел коня, уходя прочь от этого отвратительного места. Он выбрал извилистую дорожку, огибавшую расположенное позади церкви кладбище. Атайя нерешительно последовала за ним, подав сигнал Тайлеру присоединиться к ней.

— Ах! Полюбуйся!.. — неожиданно закричал Джейрен, поворачивая голову к Атайе. — Ты это видишь? Могила готова и ожидает ее. И надгробный камень уже оформлен и стоит почти на месте! Как же много вы знаете о смерти!

Атайя посмотрела туда, где среди некошеной травы и потемневших от времени надгробий зияла свежевырытая яма — новое пристанище для умершей женщины. Пока они находились в церкви, вечер плавно перешел в ночь. Открытая могила под темно-синим небосклоном... Отвратительное зрелище!

Атайя содрогнулась.

— И как вы позволяете процветать такой невероятной жестокости? — выкрикнул Джейрен.

Его ноздри возмущенно расширились, пальцы сжались в кулаки.

Он взглянул Атайе прямо в глаза.

— А ты, член королевской семьи... — Его голос сорвался. Переполнявшие эмоции буквально душили Джейрена. — Да ведь вы несете большую ответственность, чем кто бы то ни был, за судьбы людей. Ваша задача — управлять народом и защищать его, а не заниматься слежкой и *убийствами!*

— Эй, по-моему, ты перегибаешь палку, Джейрен, — предупредил расшумевшегося колдуна Тайлер. — Пока ты находишься на кайтской земле, будь любезен не забывать, с кем разговариваешь. Попрошу обращаться с принцессой с должным уважением.

— *Уважением?!* Да что вам может быть известно об уважении? Ни один из вас не уважает жизнь. Я увидел это собственными глазами! Боже праведный, чувствую, учитель Хедрик глубоко заблуждается, — отчаянно бормотал Джейрен, обхватив голову обеими руками. — Разве можно еще на что-то надеяться? Разве здесь...

Быстрым движением он вскочил на коня и помчался галопом прочь из деревни. Ошарашенный конь стучал по земле копытами, вздымая клубы пыли. Тайлер хотел было отправиться вслед за ним, но Атайя остановила его.

— Пусть уезжает, — тихо проговорила она, наблюдая за исчезавшим в темноте мрачной ночи разъяренным человеком. — Он еще вернется. — Окинув деревушку печальным взглядом, принцесса почувствовала вдруг, что смертельно устала. — Пойдем к нашим, пусть позаботятся о ночлеге.

Глава 6

На следующее утро Атайя и ее сопровождающие достигли побережья.

Воздух здесь пах свежестью и солеными бризами. На белых песках пляжей темнели тут и там пестрые ракушки и нити водорослей с замысловатыми узорами. Берег изгибался дугой, напоминая формой полумесяц. Крики чаек да приглушенный стук копыт по песчаной почве — только эти звуки нарушали ритмичную песню плескавшихся у берега пенистых волн. Солнечные лучи отражались от водной глади, слепя глаза, и Атайя вынуждена была слегка зажмуриться. Великолепный пейзаж, открывавшийся взору, поднимал настроение и помогал отделаться от мерзких воспоминаний о вчерашнем вечере.

Около полудня принцесса заметила лошадь знакомого окраса, шествовавшую позади с всадником на спине на расстоянии четверти мили. Атайя приказала людям сбавить темп, чтобы дать возможность молодому колдуну нагнать их. Но, по всей вероятности, Джейрен был решительно настроен следовать за ними на определенном расстоянии: он тоже замедлил шаг и, дабы не встречаться взглядом с принцессой и ее сопровождающими, ехал, уставившись на дорогу, опустив голову.

— Хочу узнать, как он себя чувствует, — сказала Тайлеру Атайя. — Поезжайте дальше, не увеличивая скорости. Мы вас скоро догоним.

Она отошла к обочине, пропуская капитана и его воинов вперед, развернула лошадь и через несколько минут уже приблизилась к Джейрену.

— Как ты? — спросила Атайя.

Ее сердце было переполнено сочувствием к этому парню. Несмотря на все неприятности, которые он доставил во время поездки, принцесса искренне сожалела о том, что ему довелось стать свидетелем ужасной сцены в деревенской церквушке. В какой-то степени его даже можно было понять.

Наверняка он чувствует себя несчастным и совершенно беспомощным!

— Прости меня за то, что вышел из себя вчера вечером, — произнес Джейрен спокойным тихим голосом, не поднимая глаз. — Я не раз слышал рассказы о принятом в вашей стране обряде отпущения грехов, но увидеть это собственными глазами не доводилось до вчерашнего дня. Я был просто не готов хладнокровно воспринять подобную жестокость.

— Где ты провел ночь?

Джейрен небрежно пожал плечами.

— В конюшне на чердаке. Я опять воспользовался заклинанием, чтобы стать невидимым, и спокойно пробрался туда. Хозяин ничего не заметил.

— Хорошая вещь — умение делаться невидимым. Очень удобно, — заметила Атайя.

И тут ей в голову пришла невероятная мысль. Она нахмурила брови и задумалась. Так, значит, человек, вернее, колдун, обладающий подобными способностями, может спокойно проникнуть куда угодно, и никто даже не догадается о его присутствии. Ее внезапно охватил страх, когда она подумала о Родри. Да ведь он имеет возможность беспрепятственно приходить на любое собрание и любой совет, куда его не приглашают. И никто, кроме, возможно, Кельвина, не знает об этом.

— Это заклинание сложное? Трудно научиться пользоваться им? — спросила Атайя, пытаясь выкинуть из головы навязчивые мысли о Родри.

— Да нет, это не так сложно. Необходимо, в сущности, только одно: полностью сосредоточиться на желании быть невидимым. Естественно, очень важен мыслительный процесс, управляющий концентрацией человека. Он составляет неотъемлемую часть тренировок колдуна.

Атайя покачала головой.

— Так необычно и странно слушать, как ты спокойно рассказываешь мне об обучении лорнгельдов, — призналась она. — Я не встречала ни единого человека, за исключением отца, который бы поддерживал их. На протяжении всей жизни с самого рождения мне внушали...

— Я знаю, о чем ты хочешь сказать, — перебил Атайю Джейрен и взглянул на нее обиженно и раздраженно. — Тебе внушали, что Лорнгельды — проклятые люди, получающие свой дар при рождении от самого Сатаны, у которых есть один выход: очистить свою душу посредством добровольного ухода из жизни. Мне это кажется несколько нелогичным, если позволишь мне высказать свое мнение. Согласно вашему же Священному Писанию, самоубийство считается тяжким грехом. Тебе, конечно, сказали, что обряд убиения лорнгельдов — это не настоящее убийство. И не самоубийство. Так ведь? — добавил он возмущенным, резким тоном. — Ваши люди считают, что уходят из жизни так, как подобает благородным мученикам, либо же они вообще ничего не считают: обкуренные локой, они теряют способность мыслить.

Атайя открыла было рот, желая возразить, но вовремя передумала, оставив при себе язвительное замечание, которое крутилось на языке. Поразмыслив немного, она вообще отказалась от возражений. Соглашаться со всем, о чем молодой колдун говорил сейчас, принцесса вовсе не собиралась, но необходимо было выслушать его. Тем более, как призналась себе Атайя, ей даже хотелось выслушать соображения Джейрена.

— А разве эти люди виноваты в чем-то? — продолжил молодой колдун с еще большим негодованием. — Когда чело-

век заболевает гриппом, никому и в голову не приходит выносить ему страшные приговоры. Его отправляют к врачу и помогают вылечиться. Если вы не способны воспринимать это по-другому, назовите *мекан* болезнью. Направление дарованных нам способностей в нужное русло — это и есть своеобразный курс лечения. Тренировки необходимы лорнгельдам, без этого мы можем погибнуть. Ты считаешь это правильным? Отказывать человеку в лечении лишь только потому, что его недуг кому-то отвратителен?

Атайя отвела взгляд, почему-то сильно смутившись. Джейрену хватило каких-то пяти минут, чтобы заставить ее взглянуть на привычное учение кайтской церкви совершенно по-новому, увидеть всю его жестокость и несправедливость. Оно напомнило ей вдруг братство экзекуторов, скрывавшихся под личиной благочестия и набожности.

Принцесса подумала об отце. Что бы он, интересно, сказал про Джейрена? Кельвин был первым монархом за два столетия, который не поддерживал отношения церкви к роду лорнгельдов. Потом она вспомнила, что отец уже видел Джейрена, ведь он передал королю письмо от Осфонина. Письмо с изображением зеленых лент, которое и натолкнуло Кельвина на мысль отправить дочь в поездку.

— *Мекан*... Никогда не слышала этого термина, — заметила Атайя.

— Так мы называем поражение мозга — безумие, в которое впадают лорнгельды, если не занимаются специальными тренировками. А здесь это обозначают каким-то другим словом?

Атайя пожала плечами.

— Мы вообще никак не называем это. Признаться честно, я не совсем понимаю, что это такое. Но священникам скорее всего тоже ничего не известно. Единственный человек, кто знает в этом толк, Родри... и, возможно, мой отец. Но мне никогда в голову не приходило спрашивать их о подобных вещах.

— Что ж, тогда я преподам тебе небольшой урок, Атайя, — сказал Джейрен.

Он произнес эти слова отчетливо и спокойно, как учитель.

Интересно, — подумала принцесса, — *сколько времени понадобилось Хедрику для обучения своего секретаря.*

— В древнем рэйкском языке слово *мекан* означало «время перемен». *Мекан* начинает проявляться в молодости, но точный возраст определить невозможно. Приблизительно это двадцать — двадцать один год. Состояние здоровья, плохое либо хорошее, способно повлиять на развитие процесса, но в незначительной степени. Можешь назвать это юношеством разума, ведь *мекан* — умственное, а не физическое изменение человеческого организма. После проявления первых признаков так называемой болезни она развивается на протяжении приблизительно шести месяцев. Лучше не терять времени и с самого начала приступать к тренировкам, пока мозг работает четко и восприимчив к обучению. Это уникальная возможность овладеть удивительными навыками — навыками колдовства. Если же никаких мер не будет предпринято, то *мекан* переходит в безумие. На поздних стадиях развития в запущенной форме — как в случае с той деревенской женщиной — он опасен. Сознание помрачается, мозг начинает разрушаться и уже не способен воспринять и усвоить те вещи, которые ему необходимы для спасения.

Джейрен сделал паузу, позволяя Атайе задать возникшие по ходу его рассказа вопросы. Но она кивком дала ему понять, что готова слушать дальше. Несмотря на то что далеко не все в его объяснениях ей было понятно, рассказ заинтриговал девушку и сильно увлек.

— Если первые признаки незаметны окружающим и самому человеку, то есть другие показатели наступления *мекана* — вскоре «больному» начинают сниться безумные кошмары. Изменяется поведение — люди совершают опрометчивые поступки и жалуются на самочувствие. Многие ищут утешение в пьянстве и курении локи. Иногда человек впадает в состоянии агрессии — это самое пугающее проявление *мекана.* Но все вполне понятно и объяснимо: агрессия — реакция

мозга на происходящие в нем на подсознательном уровне изменения. Возможно, именно по этой причине священники в вашей стране признают волшебство тяжким грехом и считают, что оно исходит от самого дьявола. При наступлении *мекана* люди как будто теряют контроль над собой, ими словно овладевает какая-то сверхсила. И в некотором смысле я понимаю тех, кто опасается лорнгельдов...

— Но от чего конкретно человек сходит с ума?

— Точную причину объяснить достаточно трудно, особенно тому, кто не принадлежит к роду лорнгельдов. Но я все же попробую. Представь себе, что слышишь голоса, которые что-то шепчут тебе, но ты не можешь разобрать слов. На ранних стадиях голоса звучат очень тихо, и ничего не стоит не обращать на них внимания. Но со временем они становятся все громче, настойчивее и в конце концов превращаются в неистовые крики. Необученный лорнгельд не понимает, что с ним происходит. Ему нужно подсказать, что он должен делать: попытаться сконцентрироваться на той части мозга, в которой происходят изменения, и, прислушавшись к голосам, понять то, о чем они говорят. В противном случае непрекращающиеся крики просто сводят человека с ума.

Атайя передернулась. Какая отвратительная, мерзкая, ужасающая история!

— А как ты можешь определить, что с человеком стали происходить подобные вещи?

— Боюсь, способа обнаружить что-либо заранее не существует. В большинстве случаев невозможно сказать, является человек лорнгельдом или нет, до тех пор, пока не проявится *мекан*. Но знатоки способны определить подходящий для начала тренировок момент. Ведь приступы *мекана* на первоначальных стадиях происходят периодически. Люди совершают бессознательные поступки, и лишь опытный волшебник в состоянии обуздать пробудившуюся в них силу и направить в нужное русло. Учеба дается нелегко, но результаты просто поражают. К сожалению, знатоков не так много. Хедрик — один из них. Но он уже слишком стар, ему почти семьдесят, его силы ослабевают, а навыки утрачиваются.

— Насколько я понимаю, помочь, используя какое-либо заклинание, невозможно, — выпалила Атайя.

— Пока нет, — ответил Джейрен с улыбкой на губах. — Колдуны способны использовать дар волшебства, но они стареют подобно остальным людям. А если вернуться к твоему предыдущему вопросу, то вынужден признать, что определить *мекан* на самых ранних этапах развития очень сложно. У меня, например, стало резко меняться настроение. В понедельник я порхал на крыльях счастья, во вторник мог изнывать от страшнейшей депрессии. Я ощущал прилив сил, но абсолютно не возникало желания выходить из дома и чем-либо заниматься. Конечно, такие вещи нередко случаются и с другими, теми, кто не имеет отношения к лорнгельдам, особенно с людьми молодыми. Поэтому различить разницу не так-то просто. В моем случае все получилось следующим образом: я часами, а иногда и целыми днями просиживал в своей комнате, размышляя о том, как ничтожна и ужасна жизнь. Позднее начались приступы бессонницы: по ночам я бродил по поместью, совершенно не понимая, что делаю. Затем, когда проявились признаки агрессии — я бил посуду и ломал стулья, — мой отец понял, что происходит, и отправил меня к Хедрику для тренировок.

— Твой отец... Он тоже колдун?

— Нет. И мать не принадлежит к числу лорнгельдов. Мои родители — обыкновенные люди. — Джейрен заметил, что Атайя задумалась и нахмурила брови. Необходимо объяснить ей еще кое-что... — Способности волшебника не имеют никакого отношения к крови или наследственности. Их нельзя сравнивать с цветом глаз, волос, врожденными заболеваниями, передаваемыми от поколения к поколению. Это дар — как склонность к музыке или рисованию. Понимаешь? Допустим, если сравнить нас с тобой: у обоих есть пара рук. Они даны нам от рождения. Но это вовсе не означает, что мы оба в равной степени наделены талантом, скажем, для игры на музыкальном инструменте. Наши руки практически одинаковы, но применить их мы можем абсолютно в разных областях. Согласна?

Атайя кивнула, но довольно нерешительно.

— Думаю, да.

— Когда я был моложе, играл на̀ арфе, — произнес Джейрен мечтательным голосом, вспоминая о минувших днях. — Но сколько бы я ни занимался, никогда не добивался особых успехов. У меня не все в порядке со слухом. При дворе Осфонина я встретил такого музыканта, который играет на арфе, как ангел. Когда слушаешь его музыку, невозможно удержаться от слез. У меня вроде бы такие же руки, как у него, но я знаю наверняка, что никогда в жизни мне не сыграть так же. Мне не хватает таланта.

По лицу Джейрена скользнула тень печали, и он как-то странно усмехнулся.

— Вот и вся история моей жизни. Я неплохо обучился многим вещам, но высот не достиг ни в чем.

— И в умении применять магию тоже?

Джейрен вздрогнул и прищурил взгляд. Атайя смутилась и густо покраснела. Она ведь вовсе не намеревалась обидеть его! Почему-то ей показалось, что если у него и были какие-то недостатки, то в области колдовства он обязательно должен был преуспеть. По-видимому, интуиция ее подвела.

— Боюсь, ты права, — признался Джейрен. — Своим положением при дворе в качестве помощника Хедрика я больше обязан тому факту, что мой отец является герцогом Улардским, чем собственным дарованиям. Только не подумай, что мне не хватает таланта, — произнес он и выдержал многозначительную паузу. — Просто мои способности не представляют собой ничего из ряда вон выходящего.

— Счастливчик! — Атайя криво улыбнулась. — Мне, например, предстоит еще потрудиться, чтобы открыть в себе хотя бы *не представляющие собой ничего из ряда вон выходящего* таланты. Если, конечно, не принимать во внимание умение играть в шахматы и карты и несомненный дар постоянно вляпываться в переделки.

Джейрен расхохотался, от нахлынувшей на него печали через пару мгновений не осталось и следа.

— Ты шутишь. Никогда в жизни мне не доводилось встречать принцессу, которая бы не могла похвастаться какими-нибудь блестящими достижениями.

— Значит, я первая, — пробормотала Атайя. — Из-за отсутствия у меня каких-либо выдающихся успехов отец всегда был недоволен мной. У нас напряженные отношения. А Дагара только подливает масла в огонь. Она прямо-таки из кожи вон лезет, лишь бы убедить Кельвина в том, что я хуже, чем даже есть на самом деле.

— Пресловутая мачеха? Злобная и вредная? Угадал?

— Типичная представительница. Еще и переманила на свою сторону моего старшего брата, который раньше относился ко мне вполне нормально. Она настроила его против меня. Мой второй брат терпеть не может их обоих. Так мы и держимся вместе, плачемся друг другу и делимся секретами. А вообще-то зачем я рассказываю тебе все это? Наверное, ты знаешь обо мне больше, чем я сама о себе...

— Сомневаюсь, Атайя, — произнес Джейрен неожиданно серьезным тоном. — Но мне кажется, я способен понять тебя, хотя бы отчасти.

Он пристально взглянул принцессе в глаза — так, как никогда раньше. В это мгновение Атайе показалось, что весь мир вокруг затаил дыхание. Слышны были лишь крики проносившихся над головой чаек.

— Ты не очень счастлива от того, что являешься дочерью короля, правда?

Она усмехнулась, отчужденно и холодно.

— Что ты имеешь в виду?

— Правда? — повторил Джейрен нежным, спокойным тоном, все так же серьезно глядя ей в глаза.

Атайя отвернулась и долго ничего не отвечала.

Морские волны тихо плескались у берега, белые чайки грациозно рассекали воздух, перекрикиваясь о чем-то. Впереди шли люди в форме королевской гвардии — подчиненные Тайлера Грайлена. Взгляд Атайи остановился на капитане: легкий бриз дул ему в лицо, растрепывая густые золотистые

волосы; озаренный утренним солнечным светом, Тайлер выглядел еще более красивым.

— Нет, — пробормотала она наконец. — Думаю, что несчастлива.

— Мне кажется, я знаю, какие чувства ты испытываешь по отношению к нему, — сказал Джейрен и жестом указал на Тайлера. — Я видел, как ты смотрела на него там, в коридоре Эваршотского аббатства, когда еще не догадалась о моем присутствии. Ты влюблена в него.

Атайя резко подняла голову. Она была настолько обескуражена внезапным появлением Джейрена в монастыре, что совсем не подумала тогда о том, что он мог увидеть.

— Можешь быть совершенно спокойна, — произнес молодой колдун, как будто прочитав ее мысли. — Я не собираюсь причинять вам больше никаких неприятностей. Но, признавшись в своих чувствах к другому человеку, ты могла бы несколько утешить задетое самолюбие принца Фельджина. Наверняка бедняга думает, что ты не изъявила желания выходить за него замуж потому только, что он показался тебе отвратительным.

У Атайи перехватило дыхание.

— Джейрен, пообещай, что не скажешь никому ни слова о нас. И Фельджину тоже. Не дай Бог, об этом станет известно моему отцу. Даже представить страшно, что он тогда с нами сделает. Кельвин доволен Тайлером как воином, но видеть в нем потенциального зятя не пожелает ни при каких обстоятельствах.

— Я никому ничего не стану рассказывать. Но что касается Фельджина... Думаю, ты сама могла бы открыть ему свою тайну. Принц вовсе не так плох, как ты считаешь. Ему можно доверять, он честен и является моим хорошим другом. Иногда, конечно, Фельджин бывает несколько заносчивым, но в общем и целом человек он неплохой. Если бы ты сказала ему, что влюблена в другого, и попросила не рассказывать об этом никому, уверен, что от него никто и слова бы никогда не услышал.

Атайя воспроизвела в памяти тот период, когда Фельджин гостил в Делфаре. Это было в начале лета. Если не обращать внимания на впечатления о нем Тайлера, то она могла сказать о принце только одно: самодовольный и надменный тип! То, что сказал о нем Джейрен, на ее взгляд совершенно не соответствовало действительности, если, конечно, Фельджин не притворялся.

— Во всяком случае, у меня сложилось о нем абсолютно другое мнение, — пробормотала Атайя.

— Насколько мне известно, ты не оставила ему и капли надежды, — произнес Джейрен шутливо-сварливым тоном. — Фельджин — человек с легкоранимой душой. Ты приняла его крайне холодно, и это обидело и расстроило его.

Атайя засмеялась.

— Не могу поверить, честное слово. — Она искоса посмотрела на Джейрена с нескрываемым любопытством. — Фельджин сам тебе такое сказал?

— Не сразу. Поначалу он прямо-таки бушевал, рассказывая всем и каждому о том, как оскорбительно ты вела себя. Наверное, хотел, чтобы ему посочувствовали. Кстати говоря, это сработало, — сухо добавил Джейрен. — Но потом, когда нам выдалась возможность посидеть вдвоем без посторонних, он выпил пару кубков эля и поделился со мной своими переживаниями. Сказал, что ты показалась ему очень красивой и необычной и что ему хотелось понравиться тебе. Несколько раз Фельджин даже дал понять, что считает себя виноватым в том, что у вас не сложились отношения. Но он никогда не признается в этом публично. Возможно, наутро, протрезвев немного, принц пожалел и о том, что рассказал о своих истинных переживаниях даже мне. Если бы ему стало известно о нашем с тобой разговоре, он отрубил бы мне голову.

Атайя зажмурилась, словно почувствовала приступ головной боли.

— Прекрасно! — пробормотала она беспомощным, жалобным голосом. — Я и так-то с трудом представляла нашу повторную встречу, а теперь, узнав о том, что ты только что поведал мне, вообще не смогу взглянуть ему в глаза.

— О, не беспокойся. Фельджин нормально встретит тебя, — сказал, улыбаясь, Джейрен. — И король тоже, держу пари. Осфонин слишком хорошо знает своего сына, чтобы прислушиваться ко всему, что он говорит.

Атайя тяжело вздохнула. Ах если бы можно было вычеркнуть из истории тот визит Фельджина и начать все сначала...

— Честно признаться, я нашла его не таким уж и отвратительным, хотя временами он вел себя чересчур напыщенно. Я приняла бы точно так же любого, изъявившего желание жениться на мне.

— За исключением Тайлера, верно?

— За исключением Тайлера, — ответила Атайя с печальной улыбкой на губах.

Внезапно выражение ее лица изменилось. На нем отразились отчаяние и боль.

— Я в ужасном положении. Знаешь, иногда я сижу и часами думаю об одном: почему я не родилась в обыкновенной семье, без богатства и титулов? Я могла бы тогда свободно выбирать, за кого выходить замуж и как мне жить. На мне не висели бы тяжким грузом многочисленные обязательства. Ведь никто никогда даже не спрашивал меня о том, нужно ли мне все это. Иногда я просто ненавижу свою жизнь.

Джейрен понимающе смотрел на нее.

— Всегда трудно бороться с предписанными тебе с самого рождения нормами. Кому-то суждено одно, кому-то — нечто совершенно другое. Такова реальность.

— Ты начинаешь напоминать мне Тайлера.

Лицо Атайи помрачнело.

— Прости. Я заговорил, наверное, именно о том, что мешает вам быть вместе. Но поверь, вы — далеко не единственные люди, недовольные своим положением в жизни. Я просто уверен, что большинство крестьян, работающих от зари до зари в поле, изнывают от бедности, а молодые мужчины, которых забирают в армию, с удовольствием бы остались дома и читали бы книги или писали глупые стишки своим возлюбленным. То же самое происходит у людей благородных кровей —

многие согласны променять свою жизнь на чью-нибудь другую. Подумай о своей собственной семье, Атайя. Ты уверена в том, что твой отец стал королем, потому что ему этого захотелось, а не потому что он обязан был взойти на трон?

— Не уверена, — ответила она, удивленно пожимая плечами.

А ведь раньше ей и в голову не приходило задуматься над подобными вещами...

— Кельвин — мой отец, но я плохо знаю его. Иногда это просто поражает меня саму.

— Такое часто случается. Кстати, то, насколько хорошо ты знаешь окружающих тебя людей, нередко является показателем того, знаешь ли ты самого себя.

Атайя открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь в ответ, но не произнесла ни слова. Столь неожиданное замечание Джейрена привело ее в смятение. Мысль о проникновении в собственную душу буквально пугала ее. Она очень боялась откопать в себе что-либо такое, о существовании чего не хотела знать.

На протяжении довольно долгого времени Джейрен молчал. Он слушал крики чаек, успокаивающую мелодию прибоя и наслаждался свежим воздухом и резким запахом моря. Атайя погрузилась в раздумья.

— Разговор о Кельвине кое о чем напомнил мне, — заговорил наконец Джейрен. — Тебя можно только похвалить за то, как ловко ты обнаружила меня в монастыре и заставила сдаться. А ведь это не каждому удалось бы. Никогда не думал, что ты носишь с собой корбаловый кристалл. Ведь твой собственный отец является одним из представителей моего народа.

— Естественно, *не является*, — резко ответила Атайя. — В Трелэйнах нет и никогда не было ни единой капли зараженной крови лорнгельдов.

Когда последнее слово слетело с ее губ, девушка вдруг осознала, что обидела Джейрена, причинила ему боль. А ведь она совсем не собиралась этого делать.

Щеки принцессы вспыхнули от стыда.

Джейрен подмигнул ей.

— Все в порядке. Закоренелые предубеждения невозможно уничтожить в одночасье. Но я тебе уже говорил: это не связано с кровью.

— Хорошо, хорошо, с чем бы это ни было связано, у Кельвина ничего такого нет, — решительным тоном заявила Атайя. — Корбаловые кристаллы не оказывают на него никакого воздействия. Архиепископ Вэнтан всегда носит на пальце кольцо с корбаловыми камушками. Отец никогда не сказал ему ни слова по этому поводу. Кроме того, ему почти пятьдесят, а проявлений у него *мекана* не наблюдалось. Он не может быть лорнгельдом.

Джейрен нахмурил брови и задумался.

— Кельвин не был рожден с даром колдуна, — бесхитростно объяснила Атайя. — Волшебству его обучил Родри, друг Хедрика.

В то же мгновение принцесса поняла, что сказала нечто ужасное. Лицо Джейрена стало вдруг мертвенно-бледным. Он закачался в седле, как будто кто-то только что ударил его по голове, и схватился за поводья с совершенно растерянным видом. Его нижняя губа задрожала.

— Джейрен, что случилось? Тебе плохо?

— Ты уверена в том, что рассказала? — выдавил он из себя еле слышно.

Атайя покачала головой, абсолютно сбитая с толку.

— Да, если мне не солгали. Совершили там какой-то ритуал, и все... Я не знаю подробностей, ведь это произошло еще до моего рождения. А что такое? В чем дело?

Джейрен закрыл лицо ладонями и настолько ушел в свои мысли, что, казалось, забыл о присутствии принцессы. Он выглядел отвратительно и скорее всего пребывал в ужасном, как будто предобморочном состоянии.

— О Всевышний! Дела обстоят намного хуже, чем ты предполагал, Хедрик, — пробормотал Джейрен себе под нос. — Намного хуже, чем все мы предполагали.

— В чем дело? — не отступала Атайя, совершенно ошарашенная его реакцией. — Пожалуйста, расскажи мне!

Она умоляла и упрашивала его, в конце концов даже приказала ответить, но потом вспомнила, что рэйкский гражданин вовсе не обязан подчиняться кайтской принцессе. Джейрен ничего так и не сказал. Он вел себя неестественно тихо и отрешенно до конца дня, говорил что-нибудь, только если возникала необходимость, и даже тогда ограничивался лишь краткими односложными репликами. На предложение Атайи догнать остальных Джейрен не отреагировал, и ей пришлось оставить его позади наедине с таинственными проблемами, причинявшими ему столь явные страдания.

— Как он? — спросил Тайлер, когда она догнала его, и, повернув голову, окинул колдуна беглым взглядом.

Джейрен ехал сзади все на том же расстоянии от них.

— Ты имеешь в виду — после вчерашнего вечера? — Атайя постаралась придать голосу оттенок равнодушия. — О! Церемония отпущения грехов произвела на него сильное впечатление, но, думаю, он скоро полностью придет в себя.

О том, что теперь, после разговора с принцессой, колдун пребывал в еще более подавленном состоянии, сама Атайя не упомянула.

Ведь причиной его расстройства была уже не бедная крестьянская женщина, а сам король Кайта.

Глава 7

Последний день путешествия близился к завершению, и волнение Атайи возросло до невероятных пределов.

Девушка потеряла аппетит и не могла ни о чем думать, кроме как о предстоящей встрече. Джейрен, почувствовав состояние принцессы, беспрестанно болтал о чем-то, пытаясь успокоить ее и убедить в том, что бояться Осфонина вовсе не стоит. Это в какой-то степени помогло: во время обеда Атайя съела приличный кусок сыра.

Джейрен продолжал развлекать ее, рассказывая о достопримечательностях страны, мимо которых они проезжали, и об истории городов, в которых останавливались. Сердце Атайи переполнялось благодарностью за оказываемое им внимание и поддержку. После пересечения границы Джейрен заметно оживился и лишь время от времени впадал в задумчивость. Но и в эти моменты он выглядел не настолько несчастным, как после их разговора на побережье, и Атайя решила, что ему удалось найти решение проблемы, так обеспокоившей его тогда.

Когда небосклон на горизонте окрасился в пастельные тона, оповещая о скором закате солнца, Тайлер придержал коня и поравнялся с Атайей.

— По словам Джейрена, мы прибудем в Ат Луан примерно через час.

Принцесса нехотя кивнула, ощутив вдруг неприятную пустоту в желудке.

— Все будет хорошо, не волнуйся, — произнес Тайлер и ласково улыбнулся. Его улыбка — именно такая — всегда действовала на нее успокаивающе. — Осфонин окажется полным идиотом, если посмеет прогнать такую красавицу со двора. И я скажу ему об этом.

— Обещаешь?

— Обещаю. Постараюсь успеть. Если они захотят захлопнуть ворота перед нашим носом, я помешаю им при помощи своего клинка. Но все равно скажу им все, что о них думаю.

Атайя звонко расхохоталась. Она была уверена: что бы ни случилось, Тайлер придет на помощь. Принцессе всегда казалось это просто поразительным: он мог угадывать ее настроение с полувзгляда, с полуслова. И постоянно знал, как поддержать ее, какие подобрать слова, каким образом утешить. В трудные моменты Тайлер неизменно был рядом.

Да уж! — призналась мысленно Атайя сама себе. — *Трудных моментов в моей жизни случалось немало. У Тайлера достаточно опыта.*

Они достигли окраины города в тот момент, когда солнце опускалось за горизонт. Великолепное небо, раскрашенное

разноцветными красками, придавало и без того красивому местечку дополнительное очарование.

Ат Луан располагался в долине, которую со всех сторон окружали заросшие высокими золотистыми травами скалы. Сейчас, в лучах заката, они как будто светились волшебным пурпурным сиянием. Покрытые черепицей крыши домов, озаренные заходящим солнцем, казались приветливыми и милыми. Атайя услышала умиротворенный звон церковных колоколов и немного успокоилась. Белоснежные зубчатые башни окружающей королевский дворец крепостной стены эффектно выделялись на фоне остальных построек в городе.

Войдя в Ат Луан, Джейрен повел гостей из Кайта по извилистым, переплетавшимся друг с другом улочкам. Они медленно продвигались вверх, к вершине холма, пока наконец не очутились перед главными воротами Грендольского дворца.

Город показался Атайе удивительно красивым: по обеим сторонам улиц располагались аккуратные домики с резными деревянными окнами. Еще шла торговля, и кругом толпился народ. Покупатели суетились у овощных лавок, пытаясь выторговать картофель и репу в последние перед закрытием полчаса по более низким ценам. Горожане обращали внимание на довольно необычное шествие — кайтских солдат можно было увидеть в столице Рэйки далеко не часто. Однако никто не находил зрелище особенно захватывающим. На приезжих показывали пальцем, некоторые люди оживленно перешептывались друг с другом, но лишь немногие отрывались от своих дел, чтобы поглазеть на процессию. Причем большинство любопытных взглядов были устремлены не на принцессу, как она того ожидала, а на Джейрена. Атайе это не очень понравилось, даже немного огорчило.

Наверное, я не совсем еще утратила желание быть известной, — пронеслось в ее голове.

Дорога заканчивалась у массивного сторожевого здания замка, более высокого и представительного, чем аналогичное строение в Делфаре. Над воротами была укреплена покрытая глазурью тарелка с позолоченным ободом. На ней гордо

красовался герб короля: шестнадцать орлят вокруг креста, небесная лазурь и серебро.

Более дружелюбный вид, чем у герба семьи Трелэйнов. Крылья орлят были подняты вверх, и Атайе показалось, что они приглашали ее пройти внутрь. Она вспомнила черных львов и их угрожающие морды. Какая огромная разница. На мгновение страх перед встречей с Осфонином как будто исчез.

Первым, что бросилось в глаза, когда Джейрен провел гостей через ворота во двор королевского замка, были стражники в синих мундирах и белоснежных рубахах. Атайя и глазом не успела моргнуть, как откуда ни возьмись появились вдруг несколько конюхов и слуг. Лошадей повели в конюшню, седельные вьюки и сумки отстегнули и понесли в замок. Проходя мимо Джейрена, люди почтительно кланялись.

Как забавно! — подумала Атайя, но сумела сдержать улыбку.

Она уже привыкла относиться к Джейрену как к приносящему постоянные неприятности курьеру, а не как к сыну иностранного герцога.

Во дворе почти никого не было, и по доносившимся из тронного зала звукам — смеху и обрывкам разговоров, а также по запаху жареной оленины, наполнявшему воздух, — Атайя поняла, что они приехали во время ужина. Она облегченно вздохнула. Король, по всей вероятности, занят принятием пищи, поэтому их встреча наверняка будет отложена до утра. Можно спокойно помыться и переодеться и, что казалось наиболее важным, подумать о том, что сказать Осфонину.

Вдруг она заметила человека, идущего через двор по направлению к ним. Вот бы исчезнуть куда-нибудь! Провалиться сквозь землю! Походка, надменная и важная, и смуглое лицо показались ей подозрительно знакомыми.

Молодой мужчина был одет в дорогую накидку, отороченную изысканным мехом, с золотистого цвета воротником. Он подошел к приезжим и высокомерно осмотрел каждого из них, на принцессе взгляд сияющих карих глаз задержался несколько дольше.

— Джейрен, наконец-то ты вернулся, — весело произнес Фельджин и по-дружески похлопал молодого колдуна по спи-

не. — Хедрик ждет не дождется твоего приезда! С самого первого дня он клянется, что без тебя у него ничего не клеится.

— Не верь ему, — ответил Джейрен и улыбнулся. — Хедрик специально это делает, чтобы заставить меня почувствовать себя полезным.

Фельджин жестом указал на прибывших гостей.

— Насколько я понимаю, к нам пожаловала делегация из Кайта?

— Да, ваше высочество. Уверен, вы помните...

— Не нужно представлять нас друг другу, Джейрен. Я прекрасно помню капитана Грайлена. Меня поразило его умение владеть клинком. В июне мне представилась возможность наблюдать за тем, как он тренирует молодых рекрутов короля Кельвина. А что касается принцессы... — добавил он и тихо, как-то угрожающе усмехнулся, — ...то с ней мы очень хорошо знакомы.

К щекам Атайи прилила кровь, но, прежде чем она успела подумать о чем-либо подходящем, чтобы ответить принцу, он уже вновь заговорил:

— Друзья мои, вы приехали как раз вовремя. Ужин только что подали. Если вы последуете за мной, то я представлю вас королю.

Фельджин учтиво протянул принцессе руку, и после секундного колебания она смущенно приняла ее, просто не зная, как еще можно поступить в подобной ситуации.

— Пойдемте, моя дорогая, — сказал он, направляясь к тронному залу. В его глазах поблескивали злобные огоньки. — Нам с отцом не терпится отплатить вам за недавнее гостеприимство.

Войти в тронный зал Грендола было подобно проникновению в прошлое, во времена вековой давности.

Помещение выглядело простоватым, и все здесь как будто дышало стариной. Наверное, этот зал являлся главным местом обитания королевской семьи еще в те годы, когда строительство замка Делфар в Кайте даже и не планировалось. В

тронном зале царила атмосфера устойчивой традиционности. Столы-подставки были покрыты цветами, а не привычными для Атайи дорогими полотнами. На обеденных столах горело множество свечей белого цвета. Здесь было необыкновенно светло. Неужели при помощи одних только свечей можно добиться такого замечательного результата, удивилась было Атайя, но в следующее мгновение заметила, что в центре зала висели какие-то необычные шары, каждый величиной с кулак. Они располагались по кругу и излучали ярко-красный свет. Свет этот сливался с сиянием свечей, озаряя все вокруг подобно заходящему осеннему солнцу.

Или подобно пламени ада, — подумала Атайя, догадавшись, что странные шары связаны каким-то образом с колдовством.

Капитана и его воинов повели в противоположную сторону тронного зала, и Атайя проводила Тайлера печальным взглядом. Фельджин шествовал к столу, предназначенному для членов королевской семьи, держа ее за руку. То, что рядом находился Джейрен — он шел позади, — служило некоторым утешением. Все, о чем могла сейчас думать Атайя, так это о том, что ей не дали возможности переодеться и привести себя в порядок. Придется предстать перед королем Рэйки в столь ужасном виде: с растрепанными волосами, в запыленных кожаных крагах. И хотя Тайлер постоянно твердил ей, что в одеждах, из которых вырос Николас, она выглядит настолько же красиво, как в своих изысканных платьях, сейчас представлялся совсем другой случай. Нужно произвести впечатление не на Тайлера, а на самого рэйкского короля, который наверняка обладает совершенно иным вкусом.

В центре стола, расположенного на небольшом возвышении, сидел плотный, мускулистый мужчина в синей накидке, отороченной мехом куницы. Откинувшись на спинку резного дубового стула, он оживленно беседовал с белокожей женщиной, тоже в синем, сидевшей справа от него. Время от времени оба добродушно смеялись над чем-то. Король и королева, догадалась Атайя, взглянув на красовавшиеся на их головах изящные золотые короны с сапфирами. Супруги общались

друг с другом просто и непринужденно. Сразу можно было понять, что этих людей связывали теплые, близкие отношения. Слева от них восседал далеко не молодой уже, седовласый мужчина в необычной мантии изумрудно-зеленого цвета. Его посох из вишневого дерева с изогнутой ручкой стоял рядом у стены.

Должно быть, этот старик и есть тот самый Хедрик, друг Родри, — подумала Атайя.

Джейрен, пройдя вперед, обогнул стол, приблизился к старцу и, наклонившись, шепнул ему что-то на ухо. Хедрик изумленно уставился на принцессу, обжигая ее своим странным немигающим взглядом. В этот момент они с Фельджином уже подошли к нижней ступеньке, ведущей на возвышение.

Увидев Атайю, король тут же прекратил разговор с женой. Добродушное выражение мгновенно исчезло с его лица, оно стало вдруг напряженным и строгим. Карие глаза испытующе смотрели на принцессу. Толстые пальцы нервно постукивали по столешнице, при этом рубин в дорогом перстне весело переливался в свете свечей. Казалось, король вовсе не удивился ее появлению.

— Отец, позволь представить тебе принцессу Кайта Атайю Трелэйн, — торжественно произнес Фельджин. — Принцесса Атайя, его величество король Рэйки Осфонин!

Осфонин окинул ее осуждающим взглядом и ничего не ответил. Напряженная тишина действовала угнетающе.

Нарочито медленно король поднялся со стула и неторопливыми шагами прошелся вдоль стола и обратно, держа руки за спиной, то сжимая, то разжимая пальцы. Затем спустился с возвышения и остановился прямо перед Атайей.

— Итак, к нам пожаловала дочь Кельвина, — сказал он наконец. Его голос был низким и звучным.

— Да, ваше величество, — ответила девушка, склоняя голову.

Если бы она была в платье, а не в несвежих дорожных одеждах, могла бы сделать реверанс. В данной ситуации этот жест выглядел бы просто нелепо.

— Я привезла...

— Принцесса с дурными манерами, насколько мне известно, — продолжил Осфонин резким тоном.

Он нахмурил широкие брови, и они слились в изогнутую полоску.

Глаза Атайи возмущенно сверкнули, но она постаралась взять себя в руки. В конце концов, она настраивалась именно на такую реакцию с его стороны.

— Да, ваше величество, — ответила принцесса.

Ее руки слегка дрожали, щеки пылали от нахлынувшего вдруг жара. Осфонин продолжал испытующе и сердито смотреть на нее. В отчаянии, детском, беспомощном, девушка мечтала очутиться в этот момент где-нибудь совершенно в другом месте, где-нибудь, только бы исчезнуть отсюда. Ее вдруг осенило: те же самые ощущения ей сотню раз доводилось испытывать, когда она сидела в своих покоях в Делфаре. Как странно! Наверное, королевские замки похожи друг на друга, в любом из них ее охватило бы, наверное, то же самое желание — желание поскорее сбежать. А ведь большинство молодых людей и девушек, в какой бы стране они ни проживали, прямо-таки мечтают хоть раз в жизни попасть в обиталище королевской семьи!

— Так это вы та самая молодая особа, которую предложил Кельвин в качестве жены для моего сына?

— Да, ваше величество, — ответила Атайя очень тихо.

Осфонин направил ей в прямо лицо свой толстый палец.

— Та самая особа, которая выставила на посмешище моего сына, наследного принца рэйкского, и тем самым посмела глубоко оскорбить меня? — продолжал король, не слушая девушку. — Та самая молодая особа, которая общалась с моим сыном, совершенно позабыв о правилах приличия, которая дразнила его, вступала с ним в бесконечные споры, которая в своем собственном доме приняла его крайне недружелюбно?

— Только когда он заслуживал такого обращения, ваше величество, — твердо ответила принцесса и приподняла голову. — И должна признаться, он вынуждал меня вести себя

подобным образом на протяжении практически всего времени пребывания в моем доме.

Атайя искоса взглянула на Фельджина. В этот момент принц отпустил ее руку.

В глазах короля вспыхнул огонь ярости, он весь напрягся и подался вперед, как будто желая схватить оружие и наброситься на дерзкую гостью.

Атайя не двинулась с места, спокойно и твердо глядя на Осфонина. Если король возненавидит ее, то с этим ничего уже не поделаешь. Она предпочитала, чтобы ее ненавидели за неуважительное поведение и непочтительность, а не за трусость и нерешительность. Атайя не могла видеть Тайлера, но чувствовала его присутствие. Он находился в другом конце зала и сейчас сидел, наверное, закрыв лицо руками, не в силах что-либо исправить. Сколько раз он говорил ей держать свое мнение при себе!

Совершенно неожиданно выражение лица Осфонина резко изменилось. Он ударил себя ладонью по бедру и взорвался хохотом, запрокидывая голову назад. Глаза, пару секунд назад исполненные гнева, засветились радостью и весельем, на щеках появился задорный румянец.

— Хорошо сказано, принцесса Атайя, — выдавил из себя король, продолжая смеяться. Успокоившись немного, он указал пальцем на сына. — Ах ты, хитрец, Фельджин. Ведь я подозревал, что хотя бы некоторые из уроков, которые она преподнесла тебе, были вполне заслуженными.

Последовал еще один взрыв хохота, добродушного и заразительного. Даже принц не удержался и улыбнулся краешком рта.

— Ты смелая, Атайя, — продолжил наконец Осфонин. — И честно высказываешь свое мнение, как я понял из рассказов Фельджина. Мне это нравится. Только трусы и дураки тратят время на формальности и лесть... никогда не поймешь, *что* у них на уме и *о чем* они думают на самом деле. Если они вообще способны думать...

Осфонин вернулся к столу и, взяв кубок с медовым напитком, повернулся к принцессе.

— Добро пожаловать в наше королевство, принцесса Атайя. Надеюсь, ваше пребывание здесь будет приятным и продолжительным.

Итак, король принял ее! После сказанных им слов остальные члены семьи, собравшиеся за столом, с облегчением вздохнули, и напряженная обстановка сразу разрядилась. Король выпил за принцессу, и все присутствовавшие в зале, следуя его примеру, тоже подняли кубки в честь приезда Атайи.

Она почувствовала себя гораздо более свободно и комфортно, но что-то все-таки не давало ей покоя. Осфонин подозрительно быстро простил ее, и это наводило на мысль, что рэйкскому королю известно нечто такое, о чем не знала Атайя и что сподвигло его быть столь благодушным по отношению к ней.

Принцессе ужасно не хотелось разрушать ту гостеприимную атмосферу, которая воцарилась в зале, но нужно было переходить к делу. Она приехала в Рэйку с одной целью.

— Я привезла письмо от отца, — сказала Атайя, стараясь никоим образом не выдать своего волнения.

Осфонин махнул рукой.

— Да-да. Наверное, он написал ответное послание. И я непременно уделю ему должное внимание... Но я целый день провел на охоте и нагулял зверский аппетит. Никогда не занимаюсь делами на голодный желудок, — произнес король, поглаживая упитанное пузцо. — Достаточно один раз взглянуть на мой живот, чтобы догадаться, что я люблю поесть.

Он хлопнул в ладоши, давая знак слугам, что настало время нести первое блюдо, и челядь тут же поспешила на кухню.

Осфонин жестом указал на Джейрена, сидевшего рядом с Хедриком.

— Джейрен сообщил нам, что вы приедете сегодня вечером, и мы как следует подготовились. Сейчас подадут лучший ужин, каким только могут угостить в Рэйке.

Атайя окинула Джейрена удивленным взглядом. За все время совместной поездки она не видела, чтобы он писал

письмо либо нанимал курьера, который мог бы поехать вперед и передать королю какие-то вести.

— Джейрен сообщил вам?..

— Да, дня два назад, — ответил Осфонин небрежно. — Он передал это через свою сферу.

Атайя молча кивнула.

Даже не стану спрашивать, что это такое, — подумала она.

Фельджин провел гостью к свободному месту рядом с королевой, а сам направился к той части стола, где сидели Хедрик и Джейрен.

Как только принц присоединился к колдунам, все трое стали оживленно, но приглушенными голосами беседовать о чем-то.

— Здравствуйте, Атайя. И добро пожаловать в Ат Луан, — произнесла королева, слегка наклоняя украшенную короной голову. — Меня зовут Исел. А это сестра Фельджина, Катя.

Она жестом указала на сидевшую рядом девушку — рыжеволосую красавицу, которая, по всей вероятности, была на несколько лет моложе Атайи. В ее светло-голубых глазах плясали озорные огоньки, как у энергичного шаловливого ребенка.

Хозяева обменялись с гостьей приветственными фразами, а затем расспросили ее о поездке: о состоянии дорог, погоде и подобных вещах. Королева слушала очень внимательно, даже если ответы были односложными и неинтересными, и, казалось, на самом деле желала узнать о подробностях путешествия отважной принцессы. Поэтому Атайя сразу почувствовала себя легко и непринужденно, как будто была не незнакомкой, приехавшей впервые из соседнего королевства, а старым добрым другом семьи, отлучившимся на какое-то время и теперь возвратившимся назад.

Какое-то время спустя, когда королева отвернулась к Осфонину и стала разговаривать с ним, Катя с таинственным видом наклонилась к Атайе, словно собиралась открыть ей секрет.

— Фельджин рассказывал, что у тебя есть братья, — прошептала она. — Вы с ними ладите?

Пораженная чистосердечностью и бесхитростностью вопроса, Атайя не сдержалась и рассмеялась.

— С которым из них?

Катя понимающе улыбнулась.

— Братья чаще всего бывают скверными. От них нельзя ожидать ничего хорошего. У меня их двое. Сестры — совсем другое дело. С ними гораздо интереснее. А у тебя есть сестра?

— Нет. У меня два брата. Николаса я люблю. Он славный, веселый и относится к жизни с легкостью и юмором. А мой старший брат Дарэк... Дарэк довольно занудный и полон предрассудков.

— Представляю, что ты имеешь в виду. Наверное, он способен мыслить лишь в одном направлении: о том, что в один прекрасный день станет королем. При этом человек забывает обо всех общечеловеческих ценностях. Фельджин тоже вел себя подобным образом, но в последнее время он исправляется.

Катя подозвала слугу и велела наполнить медом кубок Атайи.

— Значит, у тебя нет сестер. Знаешь, мне было бы приятно, если бы ты относилась ко мне как к сестре. Кто знает? Вероятно, когда-то так оно и будет.

— Возможно, — ответила Атайя.

Меньше всего на свете ей хотелось заводить сейчас разговор на эту тему. В данный момент она вообще не знала, как воспринимать их с Фельджином ситуацию, так как добродушие Осфонина, а теперь и предложение Кати стать друзьями совершенно сбили ее с толку. Когда представится возможность уединиться в своей комнате, надо все как следует обдумать. Если, конечно, на это хватит сил, если сон не сморит ее в то самое мгновение, когда голова коснется подушки. От сладкого медового вина еще больше хотелось спать.

— Признаюсь честно: чем больше Фельджин разглагольствовал о том, как беспардонно ты вела себя, тем большей симпатией я проникалась к тебе, — забавно скривив губы,

сказала Катя и окинула беглым взглядом увлеченного разговором с Хедриком и Джейреном брата. — С его высочества необходимо было сбить немного спеси. Мой братец временами ведет себя чересчур высокомерно.

— Я, между прочим, все прекрасно слышала, Катя, — произнесла Исел, повернулась к дочери и осуждающе посмотрела на нее из-под густых темных ресниц.

Сестра Фельджина громко вздохнула.

— Мама, ты сама знаешь, что это правда!

— Да, но это вовсе не означает, что ты должна рассказывать гостье обо всех недостатках нашей семьи, — сказала королева. — Какое у нее сложится впечатление о нас? Принцесса, послушав тебя, чего доброго, соберется домой и даже не попробует десерт.

Атайе безумно понравились все поданные к ужину блюда, включая десерт. В этот день у нее от волнения пропал аппетит, поэтому она практически ничего не ела. Теперь же отказываться от еды, настолько вкусной и изысканной, не имело смысла.

Атайя пробовала все блюда, какие только ей предлагали. Ее тарелку вновь и вновь наполняли яствами: жареной олениной и бараниной, мясом куропатки и гусятиной, копченой сельдью, разнообразными овощами, экзотическими сладостями, которые ей никогда ранее не доводилось пробовать. Время от времени она поглядывала туда, где сидел со своими подчиненными Тайлер. Он весело смеялся и разговаривал с братьями по оружию: старыми друзьями и только что приобретенными — сменившимися с поста стражниками рэйкского замка.

Когда блюда со сладким были опустошены, Осфонин, насытивший желудок, изъявил желание перейти к делам.

— Если не возражаешь, Атайя, мы могли бы пройти в мои приемные покои, и я прочту письмо, которое ты привезла. Понимаю, что уже поздно и что ты устала, поэтому не собираюсь задерживать тебя надолго.

Принцесса подошла к Тайлеру, чтобы взять у него послание, и он пожелал ей удачи.

Король повел Атайю через проход, отделенный от тронного зала красивыми бархатными занавесками, в уютные, прекрасно освещенные приемные покои.

Стены здесь были украшены мечами и кинжалами — в сиянии свечей их стальные лезвия таинственно поблескивали. Осфонин сел в дубовое кресло с высокой спинкой рядом с камином. Позади короля, опираясь на палку из вишневого дерева, встал тот самый старик в зеленой мантии, с которым шептался о чем-то Джейрен. Он не спускал с Атайи глаз, походя на дотошного врача, внимательно осматривающего пациента и пытающегося обнаружить признаки болезни. Принцесса расположилась напротив на устланной подушечками скамье, взволнованно крутя в руках письмо от отца.

— Наверное, Джейрен рассказывал тебе о моем колдуне Хедрике, — произнес Осфонин и указал на старика в шелковой зеленой мантии.

Колдун сложил свои тонкие руки на груди и поклонился так низко, как только мог.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, принцесса, — сказал Хедрик.

Его голос был на удивление молодым — не дрожащим и срывавшимся, чего можно ожидать от человека столь преклонного возраста, а уверенным и звучным.

— Я очень ждал встречи с вами.

Атайя улыбнулась — из вежливости. Она понятия не имела, к чему клонит старик. Когда Джейрен впервые сказал о том, что Хедрику необходимо поговорить с ней, это привело ее в полное замешательство. Теперь же в голове Атайи зародились смутные догадки: скорее всего предстоящая беседа связана каким-то образом с Кельвином и теми способами, при помощи которых он обучился применять магию. Ведь когда она заговорила именно об этом, Джейрен прямо-таки изменился в лице. Хотя не исключено, что вся эта история окажется полным недоразумением. До недавнего времени два государства слишком мало общались между собой, и суждение жителей Рэйки о Кайте и его короле могло большей частью основываться на слухах и сплетнях.

Атайя протянула запечатанное письмо Осфонину.

— Прежде чем вы прочтете послание, позвольте мне заранее извиниться. Полагаю, отец написал его сгоряча, просто чтобы заставить меня приехать к вам и оказаться в унизительном положении. С одной стороны, он поступил верно. Я действительно вела себя с вашим сыном непростительно грубо и больше не потому, что мне не нравилось его поведение, а чтобы разозлить свое семейство. Боюсь... что мне кажется малопривлекательной сама идея выходить замуж.

— Многие молодые люди относятся к этому подобным образом, — заметил Осфонин. — Но мало кто из них может как следует обосновать свое нежелание вступать в брак. Исел, например, тоже показалась отвратительной перспектива замужества, когда ее родители заговорили о свадьбе со мной. — Король добродушно усмехнулся, как будто самому себе. — Но со временем все изменилось. Так же, я думаю, будет и у вас с моим сыном. Фельджин иногда проявляет себя как человек невоспитанный и нестерпимо тщеславный. Эти черты — моя супруга с радостью подтвердит — он унаследовал от меня. Но однажды ему придется вступить на престол, и я уверен, что из него выйдет отличный король. Наверное, Фельджин даже превзойдет меня, ведь он обладает неплохим талантом к использованию волшебства, — добавил Осфонин.

В его голосе прозвучали нотки отеческой гордости. Затем он продолжил свою речь уже более серьезным тоном.

— Из рассказов Хедрика о религиозных убеждениях большинства людей в Кайте я понял, что брак с представителем лорнгельдов для тебя кажется просто недопустимым.

Щеки Атайи вспыхнули. Она бы предпочла не обсуждать столь деликатные вопросы, тем более в присутствии могущественного колдуна. Вовсе не хотелось случайно обидеть человека, обладавшего такими знаниями и умениями, о которых Атайя не имела ни малейшего представления. А что, если он тут же отправит ее обратно в Кайт, причем каким-нибудь необычным способом, используя свои колдовские методы?

— Можешь ничего не говорить, Атайя, — произнес король. — Не смею осуждать тебя за твои чувства. Но боюсь,

они порождены неведением и ничем иным. Я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы во время твоего пребывания у нас убедить тебя в том, что твои представления о лорнгельдах — заблуждение.

Осфонин распечатал письмо и принялся читать, а Атайя приблизилась к колдуну в зеленой мантии и протянула ему свиток.

— У меня есть еще одно послание. Для вас.

Густые, белые, как снег, брови старика в изумлении изогнулись. Он взял скрученный в трубочку пергамент, отошел в дальний угол комнаты, шелестя шелком широких одеяний, словно разбрасывая под ногами сухую листву, и углубился в чтение письма.

Через несколько секунд напряженной тишины Атайя увидела, как колдун, передернувшись, стал комкать письмо. Он щелкнул пальцами второй руки, и вдруг откуда ни возьмись в его ладони засветился ярко-красный шар, точно такой же, как те, которые она видела в тронном зале. Хедрик положил измятый пергамент в горящую ярким огнем ладонь, и он, мгновенно вспыхнув, превратился в кучку пепла.

— Кто может написать тебе из Кайта? — осторожно спросил Осфонин, откладывая в сторону письмо от Кельвина. — Насколько я понимаю, не друг. Ты так обошелся с посланием!

— Мой ученик по имени Родри, — ответил Хедрик. Его плечи заметно опустились, словно под тяжестью невидимого груза. Он стряхнул с ладони пепел и сел в кресло с невысокой спинкой и мягкими подушечками на сиденье. Лицо колдуна выражало невероятную грусть и вскипающую ярость. — Возможно, вы его помните.

Король мрачно кивнул.

— Ах да.

Больше он не добавил ни слова и, оставив Хедрика наедине с его, по всей вероятности, нерадостными мыслями, продолжил читать письмо Кельвина.

— Вижу, твой отец изрядно рассердился на меня, — произнес Осфонин. Но в его голосе не было ни злобы, ни обиды.

— Вы позволите мне говорить с вами откровенно, ваше величество? — спросила Атайя.

— Из того, что я слышал о тебе, могу сделать вывод: откровенность и прямота — твои характерные качества, — сказал Осфонин.

В его глазах горели веселые огоньки.

Атайя улыбнулась. Король Рэйки ей понравился гораздо больше, чем можно было ожидать.

— Думаю, мой отец рассердился не на вас, а на меня. Я разрушила все его грандиозные планы. Могу вас уверить, Кельвин весьма заинтересован в укреплении дружеских отношений с вами и вашим народом. Тот гнев, который он выразил вам в письме, — это гнев на меня, просто неверно адресованный.

— Возможно, — ответил Осфонин. — Но прежде чем ты продолжишь свои объяснения, позволь мне высказать личное мнение. Мои взаимоотношения с Кайтом на протяжении долгих лет оставались напряженными и очень ограниченными, но мне прекрасно известно, что со времен правления короля Фалтила в вашей стране отсутствовала централизованная власть. Почти два столетия проживающие в Кайте благородные семейства враждовали между собой, и страна развалилась на отдельные части. Кельвин посвятил свою жизнь восстановлению государства — объединению разрозненных провинций. Ему это удалось, и теперь он хочет подчеркнуть, что Кайт — могущественная держава, с которой обязаны считаться. Я прав?

Атайя была поражена. Осфонин осведомлен о происходивших в Кайте событиях не хуже, чем она сама, если не лучше.

— Возможно, это так, ваше величество. Но прошу вас, не рассматривайте письмо от отца как угрозу. Полагаю, Кельвину бы этого тоже не хотелось.

— Думаю, ты права. Но знаю, что люди, желающие, чтобы он слегка припугнул меня, существуют.

Атайя закатила глаза. Ей тоже было известно об этом.

— Да. Отец находится под постоянным давлением со стороны своих епископов, а еще моего брата Дарэка, когда ему представляется такая возможность. Он предлагает организовать поход против Рейки, потому что здесь приветствуется обучение лорнгельдов.

Осфонин печально покачал головой.

— Никак не могу понять, почему ваши священники считают колдунов людьми проклятыми. На каком основании? Способности, которыми обладает этот народ, не что иное, как дар Господа — знак божественного покровительства.

Только что услышанное Атайей мнение настолько отличалось от привычных для нее убеждений, но прозвучало так просто и убедительно, что у нее не нашлось слов, чтобы каким-либо образом опровергнуть его.

— Возможно, тебя это удивит, но мы в Рэйке на протяжении уже долгого времени очень встревожены принятыми в Кайте законами. И не столько в политическом смысле, — подчеркнул король. — Признаюсь честно: когда соседнее государство находится в состоянии гражданской войны, живется спокойнее. Это значительно снижает вероятность того, что оно ополчится против тебя.

Атайя рассмеялась. Своеобразная логика Осфонина поразила ее. Он же в свою очередь обрадовался реакции гостьи: она не обиделась на его откровенные замечания.

— Что нас всерьез волнует, так это судьба лорнгельдов, проживающих в вашей стране, — продолжил король. — Ты даже представить себе не можешь, какие страдания доставляет нам тот факт, что людей, наделенных божественным даром умения применять магию, систематически истребляют. Знаю, знаю, — произнес он, видя по выражению лица принцессы, что она готова возразить. — Вы называете это отпущением грехов. Но мы видим ситуацию совершенно в другом свете. Сам я не являюсь лорнгельдом, но мой сын Фельджин и близкий друг Хедрик принадлежат к их числу. Мне небезразлична участь их братьев, живущих в Кайте. Я хочу передать с тобой письмо, в котором опишу свои взгляды и переживания Кельвину.

— Он будет рад. Мой отец не согласен с мнением церкви относительно лорнгельдов и пытается предпринять меры для искоренения обряда отпущения грехов. Кельвин будет только благодарен за поддержку с вашей стороны.

— Если он все еще не сердится на меня за то письмо, в котором я заявил ему, что Фельджин категорически отказывается жениться на тебе. Признаюсь, я многое переосмыслил с тех пор, как написал его, — добавил Осфонин, взглянул на все еще пребывавшего в печальной задумчивости Хедрика, а затем на Атайю. — Наверное, нам с Кельвином стоит еще раз обсудить возможность твоего вступления в брак с Фельджином.

Атайя почувствовала, как неприятно сжалось сердце в груди. Все, чего ей удалось добиться, так это еще больше убедить Осфонина в необходимости заключения союза с Кайтом. Тем самым она поставила себя в еще более опасное положение. Теперь замужества, которое представлялось ей ненавистным, будет не избежать.

Атайя попыталась придумать что-нибудь подходящее, чтобы отговорить рэйкского короля от его затеи женить на ней сына, но в этот момент в дверь громко постучали, и на пороге появился принц Фельджин.

— Когда вы закончите разговор, отец, мне бы хотелось побеседовать с принцессой.

Осфонин кивнул:

— Конечно. Кстати, ты пришел вовремя. Мы уже обсудили те вопросы, о которых собирались поговорить сегодня.

Король поднялся со своего места, положил письмо Кельвина на полку из орехового дерева, прошел в тот угол комнаты, где все еще стоял Хедрик, и дотронулся ладонью до его плеча.

— Пойдем, старый мой колдун. И перестань хмуриться. Надеюсь, по дороге к моим покоям расскажешь мне о письме от Родри.

Хедрик пошел было за Осфонином, но приостановился и, обернувшись, взглянул на Атайю. Глаза старика выражали невероятную тревогу и обеспокоенность. Может, причина его

волнений крылась в содержании письма от Родри... а может, в чем-то еще?

— Нам необходимо поговорить, ваше высочество, не позднее, чем завтра, — произнес Хедрик. По его интонации было понятно, что дело совершенно не терпит отлагательства. — Мы должны обсудить некоторые вещи, касающиеся лорнгельдов, проживающих в вашем государстве, а также касающиеся непосредственно вас.

Голос Хедрика прозвучал очень напряженно.

Атайе захотелось вдруг отказаться от беседы с колдуном, придумать для этого любую причину, но ничего не пришло в голову.

— Я...

— Пожалуйста. Я не просил бы об этом, если бы не знал, что разговор очень важен, — добавил он уже спокойнее. — Но речь действительно пойдет о жизни и смерти.

Чьей? — подумала Атайя, но не решилась произнести вопрос вслух, наверное, из страха услышать от Хедрика ответ.

— Хорошо, — вежливо произнесла она. — Как вам будет угодно.

Колдун поклонился и, медленно отвернув голову, словно не желая уходить, направился к выходу. Король попрощался и тоже вышел из приемных покоев, оставляя Атайю наедине с Фельджином. Даже в Делфархаме, во время визита принца, они никогда не оставались вдвоем, и девушка не могла представить, о чем он собирался разговаривать. Возможно, Фельджин тоже испытывал некоторую неловкость: какое-то время оба молчали.

Наконец наследник рэйкского престола заговорил:

— Думаю, настало время помириться.

В его голосе слышалось некоторое напряжение. Принц сидел сейчас напротив Атайи в том кресле, которое несколько минут назад занимал его отец, и водил по ковру сапогом — мерцание свечей отражалось в начищенной черной коже, как в темном зеркале.

— Вообще-то, — продолжал Фельджин, — это Катя посоветовала мне поговорить с вами. Боюсь, что, несмотря на

юный возраст, она обладает гораздо большим здравым смыслом, чем я.

Он провел рукой по густым черным волосам, выдавая этим жестом крайнюю неуверенность в себе. Тут Атайя увидела в нем того самого Фельджина, о котором рассказывал ей Джейрен. Какая поразительная разница! Перед ней сидел не изнеженный молодой человек, приезжавший пару месяцев назад в замок Делфар, нахальный, поглядывавший на всех свысока. Теперь это был совсем не тот самодовольный сноб, с которым она умышленно вступала в бесконечные споры, которого стремилась обидеть.

Принц склонил голову, вероятно, пытаясь подобрать нужные слова. Сейчас Атайя не видела в нем и капли былой важности и напыщенности. Его глаза выражали искреннее желание примириться, найти общий язык, а вовсе не высокомерие и надменность. Она была обезоружена этой резкой переменой в поведении Фельджина. Если он смог справиться со своей гордыней и проявить благоразумие, то почему бы и ей не последовать его примеру?

— Это я должна извиниться перед вами, Фельджин, — пробормотала Атайя. — Моему поведению нет оправдания. Я просто...

— ...хотела проучить меня за то, как я вел себя? — продолжил он ее мысль с улыбкой на губах. — Только не отрицайте этого из желания пощадить мои чувства, Атайя. Полагаю, мы оба оказались жертвами первого неверного впечатления друг о друге. Своими дальнейшими действиями и поступками мы только усугубили ситуацию.

— Простите меня за партию в шахматы, — сказала принцесса. — Я не должна была предлагать играть на деньги. Знаю, что только из-за этого ваши люди остались понаблюдать за игрой.

— М-да, эта партия явилась настоящим ударом по моему самолюбию, — признался Фельджин. — Я не люблю проигрывать, так как привык к тому, что окружающие поддаются мне, позволяя при любом раскладе выходить из игры победи-

телем. А оказаться в положении пораженного в присутствии всей своей свиты — это вообще безумно неприятно. Интересно, — произнес он, криво улыбнувшись, — что вы сделали с пятьюдесятью кронами, которые выиграли у меня тогда?

Атайя виновато усмехнулась.

— Если вам действительно интересно узнать, то я скажу. В тот вечер я отправилась в вояж по игорным заведениям Делфархама и удвоила выигрыш.

Фельджин добродушно рассмеялся, очень напоминая сейчас отца.

— Вы удивляете меня, Атайя. Я знаком со многими молодыми особами, некоторые из них прекрасно поют, танцуют, другие творят настоящие чудеса простой иголкой и нитками, но до настоящего момента мне ни разу не доводилось встречать такую, как вы, — преуспевшую в умении играть в карты. Может, вы скрываете от меня еще какие-нибудь таланты?

— Нет. У меня их не так много. С моей способностью обижать людей вы уже знакомы. Я совершенствуюсь в этом на протяжении уже нескольких лет. Вы ведь не первый жених, с которым я обошлась подобным образом.

Фельджин улыбнулся краешком рта.

— Вы хотите сказать, что это уже вошло у вас в привычку?

— Да. С того момента, когда отец решил избавиться от меня, чтобы я больше не путалась под ногами. Не могу сказать, что не хотела уезжать из дома, просто во мне не появилось ни капли желания стать женой хотя бы одного из тех молодых людей, которых предлагал мне Кельвин.

Тут Атайя заметила, как Фельджин вдруг поднял бровь, и, обхватив ладонями щеки, смущенно рассмеялась.

— Вот видите? Я опять отличилась. А ведь я вовсе не хотела обижать вас.

— Не волнуйтесь. Я вас прекрасно понимаю, — сказал Фельджин и усмехнулся. — Мне известно, что это такое — когда тебя заставляют вступать в брак. Возможно, я настрадался от этого больше, чем вы, так как являюсь наследником престола. Отец пока ничего не говорил мне, но я догадыва-

юсь, что он уже переживает: думает, я никогда не женюсь. И не обзаведусь, таким образом, собственными сыновьями.

— А вы собираетесь создать семью?

— Когда-нибудь — конечно. Мне всего двадцать семь. Для неженатого принца это достаточно много. Но для расставания с личной свободой — достаточно мало. Надеюсь, голос долга, живущий внутри меня, помолчит хотя бы еще какое-то время.

Долг. И почему это отвратительное слово всплывает каждый раз, когда я заговариваю с кем-нибудь? — угрюмо подумала Атайя.

Даже Тайлер считал своей обязанностью постоянно напоминать принцессе о том, как подобает вести себя королевской дочери. Иногда слово «долг» приводило ее в такую ярость, что она давала себе зарок никогда не произносить его.

— Наверное, мне лучше уйти. Вам нужно как следует отдохнуть с дороги, — сказал Фельджин и приподнялся с кресла, собираясь удалиться.

Атайя жестом попросила его остаться.

— Пожалуйста, подождите. Думаю, я обязана все объяснить, — нерешительно пробормотала она. — Джейрен посоветовал мне рассказать вам... Он сказал, что я могу быть откровенной с вами, сказал, что вы умеете держать слово.

— Возможно, я иногда веду себя как человек грубый и невоспитанный, но болтливостью никогда не отличался. Уверяю вас, вы можете довериться мне.

Атайя улыбнулась. Он повел себя так, что у нее на душе стало невероятно легко. Она представляла себе эту сцену гораздо более затруднительной.

— Я вела себя с вами так беспардонно не потому, что вы мне не понравились, — сказала принцесса, подавшись немного вперед. — Просто... Видите ли, я влюблена в другого человека.

— А-а... — ответил Фельджин и облегченно вздохнул. Наверное, услышав ее признание, он успокоился: по крайней мере это не задевало его гордость. — Полагаю, ваш избранник не нравится Кельвину.

— Да нет, не совсем так. Просто он не принадлежит к благородному роду. Его отец — управляющий имением одного графа в южном Кайте. Довольно уважаемый человек, но не настолько, чтобы иметь возможность женить сына на королевской дочери.

— Печальная история, — произнес Фельджин.

Затем, после продолжительной паузы, добавил:

— Я никому не скажу ни слова, так как прекрасно понимаю: подобные ситуации могут повлечь за собой массу неприятностей, если о них становится известно окружающим. — Он улыбнулся принцессе ободряюще и как-то по-доброму. — Я рад, что Джейрен посоветовал вам открыться мне. Этот парень очень умен. И практичен — хорошо иметь такого друга. В критических ситуациях можно полностью положиться на него. Трудно сосчитать все случаи, когда Джейрен спасал меня от наказаний отца — за те или иные проступки. Возможно, он упоминал о некоторых моих склонностях. — Фельджин ухмыльнулся. — Да, нас связывает крепкая дружба с того самого момента, как он приехал к нам, чтобы тренироваться с Хедриком... уже пять лет назад...

Упомянув о Хедрике, Фельджин вдруг осекся и замолчал. Создалось такое впечатление, что ему запретили заговаривать на эту тему, а он забылся и нарушил уговор. Несколько минут принц сидел молча, сжав пальцы в замок, пристально глядя в лицо Атайе.

— Вы сможете откровенно ответить мне на один вопрос? — спросил он неожиданно серьезно и спокойно.

— На какой?

Фельджин немного нагнулся вперед, опираясь локтями на бедра.

— Вы думаете — только честно, — у вас когда-нибудь появится возможность выйти замуж за человека, которого вы любите?

В комнате воцарилась тишина. Ее нарушало лишь потрескивание горящих в камине поленьев и отдаленный гул голосов все еще сидевших в тронном зале людей. Атайя растерян-

но поправила волосы, которые так и не успела привести в порядок после утомительной поездки, и подумала о том, где в данную минуту находится Тайлер.

— Я мечтаю об этом... Я надеюсь...

Добавить ей было нечего. Никто никогда не задавал принцессе этот вопрос. Сейчас она впервые осознала, как велико ее желание не отвечать на него, в первую очередь самой себе.

— Неужели вы надеетесь, хотя бы в глубине сердца, что в один прекрасный день станете его женой? — опять спросил Фельджин.

Атайя почувствовала, что к глазам подступили горячие слезы, и вонзила в ладони ногти, чтобы только не расплакаться.

— Нет, — прошептала она, не в силах поднять глаза и встретиться взглядом с Фельджином. — Он тоже наверняка не верит в это, потому что уже говорил мне, что все поймет, когда придет время и мне необходимо будет выйти замуж за кого-то другого.

— Гм... Должно быть, он по-настоящему любит вас.

Фельджин медленно поднялся с кресла и зашагал по комнате, теребя бородку, стараясь подобрать подходящие слова.

Атайя отвернулась, чтобы вытереть покатившуюся по щеке слезинку. Ей не хотелось показывать свои чувства Фельджину, но она прекрасно понимала, что скрыть нахлынувшие эмоции не в состоянии. Он наверняка давно все понял по появившимся под глазами красным кругам.

— Никто не запрещает вам любить его, Атайя, — сказал наконец принц. — В этом нет ничего плохого. Но вам — и ему тоже — необходимо признать тот факт, что у вас практически нет шансов создать семью. Если же вы отвергнете желание ваших родственников и сбежите, то сильно навредите отцу. Люди решат, что если король не сумел управиться с собственной дочерью, то он не в состоянии управлять целым государством. Уверен, вы не захотите поступить подобным образом.

— Вы считаете, что я обязана согласиться выйти замуж за вас? — спросила Атайя, удивленно поднимая глаза.

— Я не это имел в виду. Признаться честно, мне бы не хотелось жениться на женщине, заранее зная, что в ее жизни я буду лишь вторым по значимости мужчиной. Возможно, это звучит эгоистично, но...

— Нет-нет, я прекрасно вас понимаю, — пробормотала Атайя, проглатывая подступивший к горлу комок. — Я тоже достаточно эгоистична и хочу поставить свои желания на первое место, отодвигая на задний план все остальное, в том числе и свои обязанности — обязанности дочери короля Кельвина.

Опять эти проклятые обязанности!

— Извините меня, я вовсе не хотел так расстроить вас. — Фельджин грустно усмехнулся. — Я пришел сюда с намерением примириться, а сам довел вас до слез.

— Вы ни в чем не виноваты, — заверила его Атайя. — Вы прямо сказали мне о том, в чем я давно должна была себе признаться. Просто невероятно трудно...

Голос девушки оборвался, она отвернулась и несколько секунд молчала.

— Невероятно трудно сознаваться в том, что тебе никогда не получить того единственного, чего хотелось получить от жизни. Очень больно отказываться от мечты...

Фельджин положил руку ей на плечо.

— Пройдет какое-то время, Атайя, и у вас появятся новые мечты. Такие, которым суждено будет сбыться.

Она кивнула, но поверить его словам не могла. Возможно, когда-нибудь ей станет понятно, что он был прав, но в данный момент никто не в силах заставить девушку забыть о сладких грезах. Разве зря поется в прекрасных песнях — для двух влюбленных нет ничего невозможного?

К сожалению, стихи, слагаемые поэтами-мечтателями, совсем не подходили для той ситуации, в которой оказалась Атайя. Теперь, когда она убедилась в том, что все здесь настроены по отношению к ней доброжелательно, что ни Фельджин, ни Осфонин не питают к ней злых чувств, принцессе нужно было лишь смириться с судьбой: вероятность стать женой принца Рэйки только возросла. А желание Осфонина поддержать Кельвина в его стремлении изжить обряд отпуще-

ния грехов и помочь таким образом народу лорнгельдов только увеличивало необходимость сближения двух государств. Вскоре оба монарха придут к выводу, что тянуть со свадьбой их детей не имеет никакого смысла.

И хотя у Атайи имелись свои личные соображения по этому поводу и свои собственные, отличные от королевских, желания, девушка понимала: вскоре она вынуждена будет смириться с судьбой и признать тот факт, что возложенные на нее от рождения обязанности возьмут верх над мечтами и надеждами.

Глава 8

На следующий день, поздним утром, Атайя задумчиво сидела рядом с Тайлером в тронном зале над предложенным им завтраком: хлебом с сыром и куском холодного бекона.

В этот час здесь почти никого не было, лишь слуги периодически появлялись, чтобы сменить свечи. Атайя радовалась возможности пообщаться с Тайлером в сравнительно непринужденной обстановке.

— Осфонин настаивает на том, чтобы мы остались здесь по крайней мере до конца месяца, — сообщила она. — Вообще-то он отпускает шуточки по поводу раннего снега. В этом году якобы предсказывают именно такую зиму. Тогда нам придется ждать до апреля.

— Знаешь, я бы не возражал, — ответил Тайлер. — Вчера вечером мы разговаривали с Ларсом — капитаном здешнего караула, — он пообещал мне показать город, а еще места, где можно порыбачить. Неплохой парень этот Ларс. Достаточно дружелюбный и не лишен чувства юмора. Держу пари, он знает больше непристойных шуток, чем кто бы то ни было из моих знакомых. Ну, если не считать тебя, конечно, — добавил Тайлер и весело ухмыльнулся.

Атайя с удовольствием бы шлепнула ладонью по этой самодовольной улыбке, но не стала этого делать — у стола суетились несколько слуг.

— Можешь поблагодарить Николаса, — ответила она. — Это он научил меня всему, что я знаю.

— Этот мальчишка оказывает на тебя дурное влияние. Напомни мне о том, что я собирался поблагодарить его, когда мы вернемся домой.

Тайлер взял буханку свежего хлеба, отломил кусок и предложил его Атайе, но та лишь покачала в ответ головой.

Тут капитан заметил, что еда в ее тарелке почти не тронута.

— В чем дело? Ты не хочешь оставаться здесь на зиму? Ни за что не поверю, что тебе не терпится вернуться домой.

Атайя пожала плечами, рассеянно водя по тарелке кончиком ножа.

По какой-то неведомой ей самой причине принцесса не испытывала особенной радости, когда думала о возможности остаться в Ат Луане до самой весны. Хотя не могла не признаться в том, что здесь чувствовала себя гораздо лучше, чем где бы то ни было — особенно чем дома, в Делфархаме. Одна часть ее души хотела находиться в Рэйке, другая — странно, но она ясно ощущала это, — стремилась вернуться в Кайт, а третья, совсем крохотная частичка, вообще предпочла бы отправиться в никуда.

— Да нет. Я не говорю, что мечтаю вернуться домой. Здесь мне даже нравится: нет ни Дагары, ни Дарэка, вечно пытающихся научить меня жизни, нет вездесущего Родри, прячущегося по углам... Но знаешь, мне кажется, в этом замке происходит нечто странное. И я никак не могу понять, что именно...

Тайлер обмакнул ломтик белого хлеба в душистый мед и отправил его в рот.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мы ехали сюда, я ожидала, что меня встретят в Ат Луане холодно и недружелюбно, — сказала Атайя, отрезая кусочек темно-желтого сыра. — Но что произошло? Осфонин принял меня с распростертыми объятиями, Катя предложила

стать мне сестрой, так как своих собственных у меня нет, а Фельджин... я тебе говорила? Фельджин изъявил желание побеседовать со мной наедине вчера вечером и извинился за то, как вел себя, когда приезжал к нам в Кайт. Тайлер, не подумай, что я жалуюсь, — подчеркнула девушка, — но мне все это кажется чертовски странным. У меня такое ощущение, что я больна неизлечимой болезнью и все вокруг стараются быть со мной милыми и добродушными, потому что знают: я в любую минуту могу умереть. Мне кажется, что люди ведут себя так из какого-то сострадания, жалости ко мне.

Тайлер громко засмеялся.

— Атайя, перестань. Все это выдумки. У тебя сильно развито воображение.

— Ты так же отреагировал, когда по дороге в Эваршот я сказала тебе, что нас преследуют, — произнесла Атайя, размахивая перед его лицом столовым ножом.

Тайлер отломил еще кусок хлеба, но не обмакнул его в мед, а стал задумчиво мять в руке — на стол посыпались мягкие белые крошки.

— Значит, вчера ты беседовала с Фельджином, — сказал капитан небрежным тоном. — Он говорил о свадьбе?

Несмотря на кажущееся безразличие, с которым задал свой вопрос Тайлер, Атайя почувствовала, что он очень взволнован: его голос прозвучал несколько напряженно и неестественно. Она опустила ресницы.

— Фельджин не особенно распространялся по этому поводу, но я смогла понять одно: перспектива жениться на мне тоже не приводит его в восторг.

Неожиданно еда, предложенная на завтрак, показалась принцессе гораздо более привлекательной, чем буквально несколько мгновений назад, и она принялась жадно поглощать бекон и сыр, словно почувствовала внезапный приступ голода. На самом же деле ей просто хотелось избежать назревавшего разговора, который опять разбередил бы едва затянувшуюся после беседы с Фельджином рану на сердце.

— Ты что-то не договариваешь, я прав? — продолжил Тайлер, отодвигая тарелку. — Что он еще сказал?

— Ничего особенного, правда. — Атайя постаралась, чтобы голос звучал как можно более убедительно. — Мы просто выяснили, что ни один из нас не горит желанием быть втянутым в эти игры.

По скептическому выражению лица капитана Атайя видела: он прекрасно понимает, что принцесса пытается скрыть от него что-то. Но у нее не было другого выхода. Рассказать ему о последней части беседы с принцем? О том, что Фельджин заставил ее признать горькую правду? Правду о несбыточности ее самых сладких грез и надежд? Нет. На подобное она не решится. Не сможет заговорить с Тайлером об этом, по крайней мере сейчас. Пусть он еще хотя бы немного понаслаждается чаяниями жениться на ней. Не стоит рушить в одночасье и его счастье. Только не сейчас.

— Атайя, не бойся задеть мои чувства и переживания. Ты не должна об этом задумываться. Я всегда знал и знаю, что разговор о твоем замужестве непременно возобновится, и готов к этому. Мне кажется, Фельджин сказал нечто такое, что расстроило тебя.

— Тайлер, пожалуйста. Я вовсе не расстроена. Просто не хочу говорить сейчас на эту тему.

— Хорошо. Извини, что напомнил об этом, — проворчал капитан, сердито откидываясь на спинку стула. — Но ведь раньше ты спокойно обсуждала со мной подобные вопросы.

— Да, но... Я просто...

— Забудь, — отрезал Тайлер. — Наверное, я лезу не в свое дело.

— Боже! Перестань вести себя, как ребенок. Если это не твое дело, тогда чье же, черт возьми?

На протяжении долгого времени Тайлер сидел молча, собирая со стола хлебные крошки и скатывая их в маленькие шарики. Его лицо было напряженным, он неотрывно смотрел в одну точку, и Атайе казалось, что скоро Тайлер прожжет взглядом большую дыру в деревянной столешнице. Затем он медленно наполнил элем кубок и выпил его одним глотком.

— Знаешь, как это больно, — заговорил наконец капитан, — слушать нескончаемые разговоры о твоем замужестве и сознавать, что твоим мужем стану не я.

— Знаю, — прошептала Атайя, охваченная сейчас одним-единственным желанием: обнять его прямо здесь, сейчас, прижать к себе и утешить. — Ты забыл о том, о чем постоянно напоминаешь мне в подобных случаях? — поспешила выпалить Атайя, увидев, что он собирается сказать еще что-то.

— О чем?

Лицо принцессы исказилось в некрасивой гримасе.

— О долге, об обязательствах!

— Я не стану напоминать тебе об этом, — ответил Тайлер. — Мне кажется, я тоже начинаю ненавидеть эти слова.

Заметив краем глаза появившееся в проеме двери светлое пятно, Атайя подняла голову и увидела направлявшегося к ним Джейрена. Сначала она даже не узнала его, наверное, потому что он никогда еще не появлялся перед ней в таких изысканных одеждах. Зеленый бархатный камзол идеально сидел на его фигуре. Из-под него выглядывала ослепительно белая рубашка с гофрированными манжетами. Начищенные пряжки на туфлях красиво поблескивали при ходьбе. Непокорные вихры теперь были аккуратно зачесаны назад и покрыты шляпой с небольшой тульей. На воротнике красовалась необычная брошь в форме креста, украшенного изумрудами. В таком виде Джейрен выглядел как настоящий образец герцогского сына, являя собой воплощение сдержанной элегантности, и принцесса не могла не отметить, что он невероятно красив.

— Осторожнее, Атайя, — прошептал ей на ухо Тайлер, словно прочитав ее мысли. — Я ведь очень ревнивый.

— Я давно это поняла, — улыбнувшись, ответила она, но вскоре почувствовала, что ее друг не шутит.

Он встретил Джейрена не очень дружелюбно, старался разговаривать с ним сдержанно и холодно и вел себя так, как будто знал, что с Джейреном надо быть осторожнее, но пока не понимал почему.

Молодой колдун не стал садиться за стол и держался несколько отчужденно и официально, не так, как обычно. Атайя почувствовала, что он пришел не для того, чтобы просто поболтать, а по какому-то важному делу.

— Мастер Хедрик хочет поговорить с вами. Сейчас, если вы не возражаете, — сообщил Джейрен Атайе.

Принцесса напряглась и слегка побледнела. Конечно, она помнила о вчерашней договоренности, но в глубине ее души теплилась надежда: а вдруг Хедрик забудет про девушку и ей удастся улизнуть по личным делам в город и таким образом избежать встречи со старым колдуном.

Наверное, я должна набраться мужества и побеседовать с ним, — подумала Атайя, сознавая, что этого испытания ей не избежать, ведь им предстояло находиться здесь по крайней мере до конца сентября.

Она попрощалась с Тайлером и последовала за Джейреном, который повел ее через главный внутренний двор замка по направлению к арочному входу, ведущему в одну из башен.

Они поднялись по спиральной лестнице — ступени здесь были гораздо более крутыми и узкими, чем те, к которым Атайя привыкла в Делфархаме, — и остановились лишь на самом верхнем этаже перед старой дубовой дверью. На ней на потемневшем от времени гвозде висел такой же крестообразный знак, как на воротнике Джейрена.

Принцесса и молодой колдун вошли в комнату. Здесь царил невероятный беспорядок — повсюду были разложены книги, расставлены сосуды с растениями, кругом валялись обрывки разноцветной ткани, использованные перья для письма. Атайя едва смогла различить очертания письменного стола под кипой разбросанных, исписанных корявым почерком бумаг.

Пол в комнате был обляпан застывшим воском, усеян огарками свечей и обрывками пергамента с изображением каких-то непонятных символов, выведенных небрежно, как будто второпях. Эта комната являла собой абсолютную противоположность обиталищу Родри, настолько чистому и оп-

рятному, что иногда можно было усомниться в том, что в нем кто-то жил.

Хедрик в черной мантии сидел за рабочим столом, сосредоточенно перелистывая изрядно потрепанные страницы какой-то книги в кожаном переплете. Услышав, что в комнату вошли, он поспешно захлопнул книжку, вложив в нее полоску жесткой ткани золотистого цвета, и отложил в сторону.

— Принцесса Атайя, прошу вас, входите, — сказал он, буквально вскакивая с места. — Извините за беспорядок. Колдовство не всегда творится в аккуратной обстановке. Присаживайтесь. Вот как раз свободный стул... И, пожалуйста, не стесняйтесь.

Хедрик жестом указал на корявое сиденье. Казалось, его смастерили когда-то из крючковатых, изогнутых ветвей. Взглянув на него, можно было подумать, что, простояв здесь на протяжении долгих лет, оно... или это стул?.. значит, *он* пустил корни в пол комнаты и постепенно стал опять превращаться в дерево.

К великому удивлению Атайи, сидеть на стуле, который словно принял форму ее тела, оказалось довольно удобно. Если она немного меняла положение, он как будто подстраивался под нее.

Надеюсь, колдовство применяется и для более полезных целей, — размышляла Атайя, устраиваясь поудобнее.

— Я очень долго ждал встречи с вами, — заговорил Хедрик.

Сегодня в отличие от вчерашнего дня старик пребывал в бодром расположении духа. На его щеках горел румянец, как будто он только что гулял на морозе. Заметив недоуменное выражение лица Атайи, Хедрик добавил:

— Мои речи могут показаться вам несколько странными. Начну по порядку и постараюсь все вам объяснить. Но прежде позвольте предложить вина. Джейрен, не будешь ли ты так любезен?

Атайя с удовольствием приняла кубок с бургундским из рук Джейрена. Возможно, успокаивающее воздействие алкоголя поможет расслабиться, и она перестанет так сильно нервни-

чать. Девушка чувствовала себя неуютно, скованно и неуверенно: оказываться в подобных ситуациях она жутко не любила.

Хедрик тоже наполнил кубок и уселся на свое место за рабочим столом.

— Полагаю, Джейрен уже рассказал вам немного о причинах, побудивших меня искать встречи с вами...

— Он лишь упомянул о лорнгельдах, проживающих в Кайте, и вашем желании оказать им помощь. Честно признаться, понятия не имею, какое отношение к этой проблеме могу иметь я.

Старый колдун загадочно улыбнулся. Его распирало от совершенно непонятной Атайе гордости. Он походил сейчас на счастливого отца, сумевшего найти для дочери идеального мужа и собиравшегося в данную минуту сообщить ей столь радостную новость.

— Мне не терпится подробно рассказать вам о том, как вы можете помочь людям. — Старик отхлебнул вина и отставил кубок. — У вас уникальная судьба, Атайя. И вы можете гордиться этим. Возможность достичь великих целей представляется в жизни далеко не всем, а лишь избранным.

Великие цели? — подумала она, окончательно сбитая с толку. — *Что-то не могу припомнить ничего великого из всех своих достижений за исключением, наверное, того случая, когда честно обыграла Дарэка в соревнованиях по стрельбе из лука. Тогда мне было двенадцать лет. А все остальные мои успехи можно смело оценить как посредственные.*

— Вот уже на протяжении двух столетий лорнгельды в вашем государстве подвержены гонениям, — перешел к главному старый колдун, сцепляя в замок тонкие пальцы. — Как вы сказали, ваш отец заинтересован в изменении данной ситуации. Это замечательно! Вы спросите: каким образом добиться намеченной цели? Существует один способ — позволить людям, одаренным при рождении талантом творить чудеса, спокойно жить на земле. Единственное, что им требуется, — получить соответствующие указания и пройти обучение по применению их способностей.

Когда я был моложе, мне казалось, что помочь лорнгельдам Кайта просто невозможно. Конечно, некоторым из них удавалось и удается сейчас пересечь государственную границу или нанять судно, чтобы переправиться в Рэйку и избежать таким образом обряда отпущения грехов. Здесь при желании можно найти людей, которые в состоянии им помочь. Если обращаются к нам, мы с радостью всех принимаем. К сожалению, чаще всего нам приходится иметь дело с теми, у кого *мекан* слишком обширно распространен. В этих случаях мы уже не в силах ничего изменить — бедняги обречены на смерть. Время от времени колдуны из нашей страны отправляются в Кайт с целью разыскать кого-нибудь из братьев-лорнгельдов и убедить их эмигрировать в Рэйку, чтобы пройти обучение магии. Я сам раньше занимался этим, когда был более молодым и сильным. Дело, скажу я вам, не из легких: многих из подающих большие надежды молодых колдунов арестовывают кайтские стражи порядка и предают огню за распространение ереси.

— Если они обладают способностями колдовать, то почему бы не применить волшебные силы для собственной защиты? — недоуменно спросила Атайя.

— Защитить себя, причинив вред обидчику? Это лишь послужило бы доказательством того, что лорнгельды приносят человечеству зло. Священники бы обрадовались и использовали это в своих целях. В борьбе за сохранение нашего народа мы предпочитаем не прибегать к секретам магии. Если бы мы стали действовать своими методами, то поставили бы под угрозу сам смысл существования колдовства. Уверен, то, о чем вы говорите, не привело бы ни к чему хорошему. Этим способом можно помочь лишь единицам, а глобальных результатов не достичь. Если вычерпать из моря несколько ведер воды, разве удастся предотвратить наводнение? Лорнгельдам Кайта нужен какой-то человек — человек, обладающий властью, их соотечественник, которому они смогли бы довериться, который направлял бы их. На протяжении долгих лет я искал такого, но безрезультатно. Теперь же, — произнес

Хедрик и взглянул на принцессу горящими глазами, — теперь все изменилось.

Атайя посмотрела на Джейрена, но по его лицу ничего невозможно было понять, он оставался спокойным и невозмутимым.

— Первые сигналы о вашем существовании я получил прошлой весной, — продолжил свою странную речь старик. — Тогда я еще, конечно, не знал, что это именно вы. *Тогда* еще не знал. Все, что я смог различить, — смутное изображение вашего образа. Но я сразу понял: кто бы это ни был — мужчина или женщина, — этот человек обладает невероятной мощью и является представителем благородного рода. К нему люди станут прислушиваться, за ним пойдут.

Внезапно Атайя почувствовала приступ сильного головокружения, ее пальцы задрожали. Она изумленно уставилась на старого колдуна, не веря своим ушам. Но вскоре ее шок перешел в невероятный страх и гнев. Схватившись за подлокотники с такой силой, что они, казалось, вот-вот рассыплются в щепки, принцесса произнесла:

— Не думаю, что мне понравится то, на что вы намекаете.

Но Хедрик продолжал невозмутимым голосом, как будто не слышал ее слов:

— Вашим людям нужен — простите за избитый термин — спаситель. Человек, который взял бы на себя ответственность за поиск мест, где для лорнгельдов будет организовано обучение, который возглавил бы движение против ортодоксального учения церкви, который выступил бы за изменение старых устоев. Вы сможете стать защитницей своего народа, Атайя. К вашим словам станут прислушиваться, ведь вы — член королевской семьи. И в вас заложена огромная мощь. Вы обладаете невероятными талантами и способны стать одним из самых могущественных представителей колдунов современности — величайшей из самых великих мастеров. Господь предоставляет вам уникальную возможность, потрясающий шанс — спасти целый народ, позволить ему нормально жить и работать. Вы можете произвести настоящий переворот,

подобного мало кому удавалось добиться, большинство людей и мечтать не могут о такой судьбе...

У Атайи снова закружилась голова, в глазах потемнело.

Это просто страшный сон, отвратительный, мерзкий кошмар.

Ей хотелось проснуться, вернуться к обычной жизни. Мысли путались в голове, к горлу подступила тошнота. Надо вырваться из этой мрачной комнаты и бежать отсюда подальше, как можно дальше, насколько хватит сил...

Принцесса медленно поднялась со стула, но, почувствовав, что ноги ослабли, ухватилась за подлокотник.

— Вы сумасшедший, — выпалила она.

— Вам следует согласиться, Атайя. Вы — избранная.

— Боже праведный, только прислушайтесь к своим словам! — закричала девушка, гневно размахивая руками. — Вы хоть слышите себя?! Вы принуждаете меня выступить в роли дочери самого Господа!

— Все мы сыновья и дочери Отца нашего небесного, — спокойно сказал Хедрик, напоминая в эту минуту священника.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, — злобно проговорила Атайя, сверкая глазами. — Я не собираюсь оставаться здесь и выслушивать ваши бредовые планы. Хотите убедить меня в чем-то? Не выйдет! Не знаю, что вы задумали и почему решили обойтись подобным образом именно со мной, но я не верю ни единому вашему слову. Наглая ложь!

Девушка резко повернула голову и окинула Джейрена презрительным, осуждающим взглядом.

— Тебе ведь все было известно, верно? Я догадывалась, что ты знаешь, о чем со мной хотят поговорить, просто ничего не рассказывал. Так вот почему меня встретили здесь так мило и приветливо!

— К вам просто отнеслись с почтением, как к человеку столь талантливому и необычному. Тем более вы принадлежите к королевской семье. Встретиться с вами — большая честь для каждого.

— Теперь я понимаю и причину всеобщей заинтересованности в моем браке с Фельджином. Вы убедили всех в том, что я — одна из лорнгельдов!

— Атайя, прошу вас, успокойтесь.

— А я не собираюсь успокаиваться, черт побери! — закричала принцесса, ударяя по протянутой к ней руке Джейрена. — С какой это стати я должна успокоиться, если вы только что ужасно обидели меня?! Кто сказал, что я обязана выслушивать ваши бредни, которые вы вместе выдумали своими недоделанными колдовскими мозгами? *Если* позволите...

Атайя рванула к выходу.

С меня довольно, — думала она. — *Я сыта по горло разглагольствованиями двух сумасшедших. Большего я просто не вынесу.*

Схватившись за металлическую ручку, принцесса с силой дернула за нее и почувствовала вдруг обжигающую боль в ладони, в то время как дверь даже не приоткрылась. Еще две попытки привели к тому же самому результату. В отчаянии Атайя крепко сжала пальцы в кулаки и яростно заколотила по неподдающейся двери, но и это не помогло. Кричать о помощи было бессмысленно. Отсюда ее все равно никто бы не услышал.

Отдышавшись, она медленно повернулась. От негодования, злости и обиды ее всю трясло.

— Нечестно играете, господа.

— Полагаю, вам лучше сесть на место и выслушать меня до конца, — сказал Хедрик спокойным голосом, ни тоном, ни взглядом не выказывая обиды. — Мне не хотелось вынуждать вас остаться, но другого выхода не было. То, что я собираюсь сказать вам, чрезвычайно важно. Вы должны уделить мне еще немного внимания.

— Как вижу, поступить по-другому у меня просто нет возможности.

Она снова села на дерево-стул, потирая разбитые костяшки рук, вызывающе оперлась ступнями о край стола и, схватив свой кубок, допила остатки вина.

— Джейрен рассказал мне все, что сумел узнать о вас в первый же вечер по приезде в Ат Луан, — сказал Хедрик. — Думаю, мы можем привести вам более чем достаточно оснований, чтобы убедить в том, во что вы отказываетесь верить.

— Попробуйте, — ответила Атайя и пожала плечами.

Джейрен придвинул ближе свой стул и немного наклонился к ней.

— Помните тот вечер в таверне, когда старик обвинил вас в жульничестве?

— Конечно, помню.

— Так вот: он был прав.

— Я не жульничала! — закричала Атайя. Ее щеки вспыхнули. — Да что ты можешь об этом знать? Тебя вообще там не было до тех пор, пока...

— Я смог бы почувствовать применение волшебных чар, даже находясь в другом конце города, ведь вы не очень-то осторожничали. Но это естественно на вашем уровне.

— Моем уровне? О чем это ты?

— Сами понимаете, что я не мог просто так подойти к вам и заявить, что вы являетесь одной из «проклятых Богом», человеком, которого опасаются все вокруг. Вы управляли картами своим сознанием, поэтому все выгодные из них переходили к вам. — Джейрен негромко засмеялся. — Вы могли довести того старика до сумасшествия. Он ведь понимал, что вы жульничаете, но ни за что бы не догадался, каким образом вы делаете это.

Атайя нахмурилась и ничего не ответила, но практическая часть ее ума уже заработала: было бы очень неплохо и выгодно усовершенствовать в себе эту способность — заманивать в свои руки нужные карты.

— А еще я видел, как вы сбросили его с лестницы. Не обижайтесь, Атайя, но ведь тот мужчина был вдвое крупнее вас — вам никогда не удалось бы расправиться с ним так, как вы это сделали. Иногда во время *мекана* в человеке пробуждаются невероятные силы. Это не вы, а ваше волшебство одержало тогда победу над противником. И еще одно, — продолжил Джейрен, не оставляя ей ни малейшего шанса возразить. — Как вы смогли в тот вечер выйти незамеченной из замка Делфар? Ведь караул стоял на посту?

— Конечно, стоял, — раздраженно пробормотала она.

— Тогда почему же вас никто не увидел? Я отвечу. Вы спрятались под невидимым покровом — настолько сильно сосредоточились на желании быть незаметной, что стали невидимой.

— Это просто смешно, Джейрен, — сказала Атайя и закатила глаза. — Я понятия не имею, как прятаться под невидимым покровом, даже если бы я знала соответствующее заклинание, ни за что не смогла бы им воспользоваться.

— Вы сделали это подсознательно. Та часть мозга, в которой заложены способности лорнгельдов, подсказала вам, как поступить. Я наблюдал за вами через свою сферу большую часть дня, пытаясь выбрать наиболее подходящее время для того, чтобы подойти и завести разговор. Я обнаружил вас под покровом, а стражники ничего не заметили. Да, еще...

Атайя приподнялась со стула, эта безумная беседа изрядно действовала ей на нервы.

— Джейрен, ты зашел слишком далеко, тебе не кажется?

— А как вы узнали, что я иду за вами следом по дороге в Эваршот? — спросил он, жестом прося ее сесть на место и дослушать его. — Как вы смогли разглядеть меня в коридоре монастыря?

Атайя грубо отбросила его руку.

— Я заметила какое-то движение воздуха, что-то странное.

— Но ведь капитан Грайлен ничего не увидел?

— Н-нет...

— Атайя, послушайте меня: лишь хорошо натренированный либо плохо натренированный, но обладающий большими задатками колдун способен различить невидимый покров, под которым скрывается человек. При условии, что вокруг нет зеркал, конечно. В этом случае любой бы увидел мое отражение. Атайя, вопрос стоит не в том, являетесь вы представительницей лорнгельдов или нет, — в этом нет сомнений. Необходимо точнее определить ту мощь, которая заложена в вас.

— Хорошо. Допустим, я колдунья. Почему же я не сошла с ума? — выпалила принцесса. — Мне двадцать лет, так ведь? И я себя прекрасно чувствую. Я не бью посуду, не ломаю мебель, не поджигаю дома, как другие колдуны.

— Пока нет, — произнес Джейрен как-то очень зловеще. — Но признайтесь, в последнее время вы часто пребываете в дурном настроении и на душе неспокойно. Я прав?

Атайя недовольно вздохнула.

— Да, действительно. Вот уже на протяжении месяца или двух я ощущаю, что нахожусь в несколько странном состоянии, но периодически каждый человек переживает не лучшие времена в своей жизни. И это вовсе не означает, что все люди — колдуны! Просто в данный момент у меня много неприятностей: семья допекала до самого отъезда разговорами о замужестве с Фельджином, Тайлер...

Атайя резко замолчала. Она и так уже наговорила о Тайлере больше, чем должна была, а теперь сомневалась в том, что Джейрену можно доверять. Хедрик вообще способен, наверное, на что угодно. Для достижения поставленной цели — заставить ее выполнять ту роль, которую он ей заготовил, — старик, как ей показалось, не остановится ни перед чем.

— В последнее время вас мучают кошмары, так ведь? — спросил Джейрен.

— Возможно. Но это случается и с нормальными людьми.

— Вы пьете и курите локу гораздо чаще, чем раньше, правильно? С теми, у кого в скором времени должен проявиться *мекан,* подобное происходит довольно часто. Воздействие алкоголя и локи притупляет ощущения, таким образом люди пытаются заглушить звучащие в голове голоса.

— И нормальные люди иногда напиваются до чертиков, — сострила Атайя. — К тому же в моей голове не звучат никакие голоса.

А может, она и вправду что-то слышала? С чего начались ее беспокойство, страхи, депрессивные настроения? С какого момента? Может, это и есть голоса, но разговаривают они на непонятном ей языке?

Голоса?

Нет. Весь этот разговор — смешон и нелеп. Атайя все больше и больше убеждалась, что если она еще и не начала сходить с ума, то Джейрен с Хедриком в конце концов добь-

ются этого, лишь бы убедить ее в справедливости своей идиотской теории.

Хедрик покачал головой. Белые пряди волос взметнулись, окутывая на мгновение лицо легкой дымкой.

— Меня удивляет то, что ни Кельвин, ни тем более Родри не заметили в вас эти перемены.

— Что они должны были заметить? — в негодовании закричала Атайя. — И замечать нечего! Если вы считаете, что они должны суетиться по поводу моей вспыльчивости, раздражительности и непослушания, так я скажу вам: я веду себя так на протяжении вот уже лет десяти!

Атайя на секунду замолчала, чтобы перевести дыхание, но еще не закончила. Она долго выслушивала их обоих. Теперь настал ее черед. Сейчас они попрыгают!

— Если я лорнгельд, то почему же могу спокойно носить на шее свой корбал? Не желаете ли взглянуть? Он у меня здесь.

Атайя хотела было развязать ремешки на мешочке, прикрепленном к поясу, но Джейрен не дал ей такой возможности. Он подскочил к ней и сердито схватил за руки.

— Как вы смеете носить этот корбал в присутствии столь великого мастера?

— Успокойся, Джейрен. Все в порядке, — сказал Хедрик невозмутимым голосом. Казалось, его даже позабавила реакция ученика. — Ты ведь не думаешь, что никто раньше не пытался испытать меня корбалом? Я почувствовал, что у нее есть камень, еще вчера вечером, в приемных покоях Осфонина. Я уловил исходящие от кристалла вибрации. Но это меня не очень взволновало. В тот момент... моя голова была занята кое-чем другим...

— Вы знали, что у меня есть корбал?

Да уж, прекрасная защита от колдунов, замечательное оружие! Тем более если они могут спокойно узнать о его наличии.

— Но тогда, в монастыре, этот камушек тоже был у меня. Почему же Джейрен не почувствовал этого?

— Я обладаю более мощными силами, — спокойно пояснил Хедрик. — Только не подумайте, что Джейрен ленивее,

чем я, просто мне дан больший дар. Чем лучше способности человека к колдовству, тем выше его чувствительность к корбалу. От этого камня исходит особый сигнал, воздействующий на психику. В темноте, а также когда кристалл накрыт чем-либо, сигнал очень слабый, но при других обстоятельствах достигает такой силы, что вызывает нестерпимую боль. Чем больше мозг человека натренирован для применения магии, тем сильнее его восприимчивость к вибрациям корбала.

— Хорошо. Вы утверждаете, что я — лорнгельд. Почему же тогда этот камень не оказывает никакого воздействия на меня?

— Потому что у вас еще не проявился *мекан*, — ответил Хедрик таким тоном, как будто объяснял, что два плюс два — четыре. — За удивительный дар использовать волшебство нужно платить. Испытывать невероятную боль от исходящих от корбала сигналов — риск, на который идут все колдуны.

За удивительный дар использовать волшебство нужно платить... Где-то она это уже слышала. Или что-то подобное. Ах да! Родри сказал нечто похожее, когда отдавал ей письмо для Хедрика. Интересно, большим ли талантом обладает Родри? И какую цену платит за свои способности?

Атайя откинулась на спинку стула, почувствовав, что невероятно устала и не может дальше спорить.

— Никто из представителей рода Трелэйн не являлся лорнгельдом, — пробормотала она.

— Вы в этом абсолютно уверены? — спросил Хедрик. — Многие семьи в вашем государстве, особенно благородные, настолько стыдятся признаться людям в том, что кто-то из их детей родился с даром, что, когда у чада проявляется *мекан*, они просто-напросто убивают его — якобы из милосердия — и рассказывают всем, что ребенок скончался от внезапной болезни. Я знаю, так случается, Атайя. Самому доводилось становиться свидетелем подобного. Если одаренного пытаются скрыть или же, что еще хуже, отдать для прохождения практических тренировок, беднягу, когда правда всплывает, предают огню, так же поступают и с родственниками — за распространение ереси и укрывательство детей дьявола.

— Так вы хотите, чтобы именно я положила всему этому конец? Просто пришла и заявила, что выступаю против установленных порядков? Верно?

— Я хочу, чтобы вы признали свою принадлежность к нашему роду и помогли своим людям, Атайя. Вы можете это сделать. Вы просто обязаны.

Обязана! Опять мне напоминают об этих проклятых обязательствах!

— Я до смерти устала выслушивать от всех подряд, в чем состоят мои обязательства! — закричала принцесса. — Да кто, черт возьми, сказал вам, что именно в этом заключается смысл моей жизни, *я сама* не могу пока определить его. Почему это вы так уверены в том, что этим вашим спасителем должна стать я, а не кто-нибудь другой? Думаю, вы сильно заблуждаетесь.

— Нет, Атайя, я подошел к этому вопросу крайне серьезно. Я почувствовал великую мощь... необыкновенный талант. А после того, что рассказал мне Фельджин...

— Фельджин? А он-то какое имеет отношение к этому?..

Неужели все обитатели этого проклятого замка уже знают о безумных замыслах старика? Похоже, только она одна не имела об этом ни малейшего понятия.

— Он не сказал ничего конкретного. Способности Фельджина нельзя назвать выдающимися, их можно сравнить со способностями Джейрена. После визита принца в Кайт мы долго разговаривали. Из этой беседы я понял, что вы показались ему весьма неординарной личностью, но почему у него сложилось именно такое впечатление, он затруднился объяснить. Позднее, следуя внутренней потребности, я при помощи своей сферы сфокусировал внимание на вас и понял, что вы являетесь источником той мощи, которую я ищу.

Атайя потерла виски, чувствуя возрастающую головную боль.

— Объясните мне ради Бога, о каких таких сферах твердят все вокруг.

— Визуальная сфера — средство сосредоточения мыслей, обозрения происходящих на расстоянии событий или уста-

новления контакта с другим человеком, — пояснил Хедрик. — Используя ее, можно заглянуть в прошлое либо увидеть, что делается в настоящий момент в каком-то другом месте. Только не путайте это понятие со старым мифом о хрустальных шарах. При помощи сферы невозможно предсказать будущее. Вообще-то некоторым это удается, но гарантировать точность пророчеств невозможно. Предвестить судьбу крайне сложно. Даже я плохо справляюсь с подобными задачами. Но создать сферу достаточно просто, если знаешь, как это делать. Джейрен, например, использовал свою, чтобы сообщить, когда вы и сопровождающая вас свита приедете в Ат Луан.

— Почему-то я ничего не заметила, — сказала Атайя, повернувшись к Джейрену.

— Вы не должны были заметить. Колдуны работают со сферой, когда никого нет поблизости. В этот момент становишься довольно беззащитным, так как сосредоточиваешь все свои силы на удержании визуального изображения. При этом используется практически вся имеющаяся у тебя в данный момент энергия, и если возникает необходимость защищаться от внезапного нападения, то можно считать, что ты проиграл. Находясь на территории Кайта, заниматься этим надо вообще крайне осторожно, чтобы тебя не заметила ни единая душа. Если процесс работы со сферой прерван кем-то извне, когда ты к этому не готов, то... почувствуешь себя очень неприятно...

Неожиданно Атайя заинтересовалась рассказом Джейрена.

— Таким способом можно общаться с кем-нибудь?

— Только при определенном условии, — ответил Хедрик. — Очень трудно определить, что кто-то следит за тобой при помощи сферы, до тех пор, пока наблюдающий сознательно не откроет каналы связи. Если желаете, я могу научить вас пользоваться сферой.

— Что? — выпалил Джейрен, пораженный предложением Хедрика. — Но ведь она ни дня не тренировалась!

— Верно... Но мне кажется, ее мощь еще больше, чем я мог предположить. Наверное, ей это будет под силу. Думаю, на подсознательном уровне она знает о магии очень многое.

Атайя решительно покачала головой:

— Нет, я не собираюсь ничему учиться. Как вы это себе представляете? Ведь я не лорнгельд. И не надейтесь переубедить меня.

— А-а. Я все понял, — сказал Хедрик, лукаво улыбаясь. — Вы отказываетесь пробовать, потому что боитесь. У вас все получится, и тогда продолжать спор будет бессмысленно.

Атайя закусила губу.

— Пытаетесь добиться своего хитростью? — спросила она, прищурив глаза.

М-да, старик сделал верный ход!

Теперь отказаться практически невозможно, ведь это будет расценено как признание собственного страха. С другой стороны, мозг подсказывал принцессе, что у нее есть все основания для опасений. Вчера в разговоре с Фельджином пришлось трезво взглянуть на отношения с Тайлером и впервые честно сказать самой себе, что надеяться на совместное с ним будущее невозможно. Сможет ли она вынести еще один удар?

Вообще-то почему бы не попробовать? Разве стоит бояться чего-то? Кто сказал, что все получится? В конце концов, я смогу таким образом положить конец этому идиотскому разговору...

— Хорошо, — сказала Атайя. — Хорошо, я согласна. Сделаю все, что скажете, лишь бы поскорее отвязаться от вас обоих. Только не плачьте, когда убедитесь, что у меня ничего не выйдет.

— Я не заплачу, — заверил ее Хедрик. — Но давайте сначала попробуем.

— Ладно. Надеюсь, я не умру от этой вашей пробы.

Заметив, что колдуны обеспокоенно переглянулись, она на мгновение засомневалась:

— В чем дело? Это опасно?

— Не волнуйтесь, Атайя. Мы с Джейреном не допустим, чтобы произошло что-нибудь неприятное, — произнес Хедрик. — А теперь сложите руки — вот так.

Он поспешил начать эксперимент, не дав девушке возможности передумать, — сложил ладони вместе, как будто собирался помолиться.

— И разведите их примерно на такое расстояние. Да-да, достаточно.

Атайя почувствовала, что оказалась в невероятно глупой ситуации. Она волновалась гораздо больше, чем даже мгновение назад, но оставила при себе ругательства и проклятия, крутившиеся на языке, и последовала указаниям старого колдуна.

Надеюсь, ничего страшного не случится, если я сделаю то, о чем он просит.

— Хочу предостеречь вас перед тем, как вы начнете, — сказал Хедрик, подняв вверх указательный палец. — Что бы ни произошло, не отводите глаз от сферы до того момента, пока не прикажете ей раствориться.

— Почему это? — спросила Атайя, уже не на шутку испугавшись.

— Представьте, что выпили приличное количество алкоголя и просыпаетесь наутро в ужасном состоянии, — сказал Джейрен, прекрасно зная, что принцессе не понаслышке знакомы подобные ощущения. — Если резко отвлечь внимание от сферы, наступят похожие последствия. Или того хуже...

— Хватит, Джейрен, — пожурил его Хедрик. — Не запугивай ее. Теперь подумайте о чем-нибудь, что хотели бы увидеть в данную минуту, Атайя. О чем угодно — это может быть человек, место или еще что-то. Просто расслабьтесь и сконцентрируйте на этом внимание.

Атайя уставилась на кончики собственных поднятых вверх пальцев, и чем дольше она сидела так, тем более нелепой казалась ей ситуация. А что, собственно говоря, должно произойти? И как выглядит эта самая сфера? Кроме того, на ум не приходило ничего, что хотелось бы увидеть...

Эта история начинала действовать на нервы. Интересно, как отреагирует Тайлер, когда она расскажет ему обо всем, что здесь случилось?

Хедрик восторженно следил за ней, а Джейрен, все еще не веря, что из этого что-нибудь получится, стоял у стены. Атайя чувствовала себя полной идиоткой...

Вдруг совершенно неожиданно она почувствовала легкое покалывание в пальцах и чуть было не отвернула лицо в

сторону, но, вспомнив о предупреждении старика, совладала с собой. От ладоней стали медленно исходить струйки странного тумана, похожие на дымок только что потушенной свечи. Они красиво закручивались в кольца, создавая между расставленными руками загадочный водоворот. Туман постепенно сгущался, превращаясь в белый шар, совершенно невесомый, как мыльный пузырь.

— Не могу поверить своим глазам, — воскликнул Джейрен.

— Тс-с, не мешай ей, — прошептал Хедрик и махнул на ученика рукой.

Все внимание Атайи сосредоточилось на созданной ею сфере, и, оцепенев от неожиданности и удивления, принцесса совершенно позабыла о страхах и сомнениях, равно как и о присутствии Джейрена и Хедрика. В сфере появилось вдруг изображение, настолько отчетливое, что у нее перехватило дыхание. Ей показалось, что она уже не сидит в уродливом кресле в кабинете Хедрика, а плывет на белом облаке. Туман перед глазами приобрел какой-то зеленоватый оттенок, а через пару мгновений превратился в картинку.

Атайя увидела густой лес. Осень уже вступала в свои права — листья на деревьях начинали желтеть. Ярко светило солнце, пробиваясь к земле сквозь густые ветви высоких дубов. Какое четкое изображение! Она словно могла почувствовать запах зеленого мха и сырость почвы. Вдалеке показались несколько наездников. Они радостно улюлюкали, преследуя выныривнувшего из чащи оленя, встревоженного лаем охотничьих собак. Атайя узнала в некоторых из мужчин людей Тайлера, он сам ехал впереди рядом с принцем Фельджином.

Фельджин? С какой это стати они вместе проводят время? — удивилась она, в изумлении уставившись на картинку.

Молодые люди смеялись и шутили, общались друг с другом как старые друзья. В душе Атайи зародились подозрения. Неужели Тайлер решил отправиться с Фельджином на охоту для того, чтобы выяснить больше подробностей о его вчерашнем с ней разговоре? Неужели они подружились? Почему-то ей стало не по себе, когда она подумала об этом. С другой

стороны, разве они не могут понравиться друг другу? Ответа на этот вопрос не находилось.

— Вы что-нибудь видите, Атайя?

Голос Хедрика вызвал в ней некоторое раздражение, словно возле уха прожужжал комар. Состояние легкого транса, в котором она пребывала, нарушилось.

— Вижу...

Нет, рассказывать о Тайлере Атайя не собиралась. Хедрик сразу задумался бы, почему ей захотелось увидеть непременно капитана королевской гвардии Кайта.

— Я вижу Фельджина. Он на охоте, — пробормотала принцесса.

— Верно! Фельджин говорил мне, что собирается пойти на оленя, — восторженно воскликнул Джейрен.

— Отлично, Атайя! — радостным голосом сказал Хедрик. — Вы делаете невероятные успехи. Теперь попробуйте усложнить задачу. Выберите отдаленное место. Например, Кайт.

Она нахмурилась, потому что образ Тайлера и Фельджина исчез. Сфера вновь выглядела как туманное пятно. Если в первом случае все оказалось достаточно просто, сейчас, когда перед глазами стала появляться следующая картинка, у нее сильно закружилась голова. В отличие от предыдущего раза изображение было смутным и нечетким, словно окутанное густым дымом.

— Что-то появляется, — сказала Атайя, прищуривая глаза. — Пока трудно точно определить. Все как будто в тумане. Но мне кажется, это именно то, что я хочу увидеть... Да! Замок Делфар.

— Невероятно, — прошептал Хедрик.

— Вижу тронный зал, — продолжила принцесса, почему-то хмуря брови. — Но в нем никого нет.

Сконцентрировав все свое внимание на сфере, она осмотрела другие помещения замка, но смогла увидеть лишь трех горничных. Они стояли кружком в углу коридора и о чем-то перешептывались, с опаской поглядывая по сторонам, будто боясь, что кто-нибудь подслушает их разговор. Изображение

все еще оставалось смутным, но по резным стенам Атайя определила, что женщины находятся недалеко от входа в королевские покои. Покрытые белыми платками головы то и дело взволнованно поворачивались в сторону комнаты Кельвина.

— Что-то случилось, — прошептала принцесса.

— Только не отводите взгляда, Атайя, — напомнил Хедрик. — смотрите на сферу и сосредоточьтесь. Что еще вы видите?

Изображение вдруг совсем исказилось, а Атайя почувствовала очередной приступ головокружения. Через мгновение перед глазами появилась другая картина — большая кровать под великолепным пологом, который был довольно плотным — он не пропускал солнечные лучи.

Принцессе показалось, что она ощущает запах фимиама, исходящий от расположенных в углу лампадок, заполняющий комнату сладковатой дымкой. Сквозь туман сферы Атайя увидела Николаса. Его волосы были сильно растрепаны, а под глазами темнели круги. Создавалось впечатление, что он не спал на протяжении уже нескольких ночей. Одной рукой он обнимал за плечи Сесил, а другой вытирал слезы с ее лица. Дарэк нервно расхаживал по комнате, время от времени говоря что-нибудь утешительное Дагаре, которая одиноко сидела на скамейке с подушками перед каминoм. Она выглядела ужасно.

Архиепископ Вэнтан суетился у кровати: он был похож на обвешанного драгоценностями стервятника. Золотой пояс его мантии выделялся неестественно праздничным блеском на фоне мрачной обстановки спальни. Вэнтан бормотал молитвы. В нескольких шагах от него стоял Родри, склонившись над королем, по-видимому, пытаясь применить последние меры для того, чтобы привести Кельвина в сознание.

— Я никогда этого не прощу, — закричал Дарэк. — *Никогда!*

— Дарэк, прошу тебя, — сказал Николас тихим, изможденным голосом. — Не сейчас. Подумай об отце.

— Я и думаю о нем, идиот! Именно поэтому я собираюсь усилить власть закона...

— Ваше величество, — обратился к Дарэку Родри. На нем не было лица. — Король мертв.

Задыхаясь, Атайя закрыла глаза и резко убрала руки. Сфера лопнула, окутывая ладони принцессы белой дымкой, похожей на мыльную пену, и опадая на пол крупными каплями. Соприкасаясь с половицами, странная жидкость шипела, словно попала на раскаленную сковородку.

Атайя почувствовала, что в голове застучало, словно там, где-то внутри, за глазами, заработал молоток. Она вскрикнула и стала падать, как будто оказавшись на краю пропасти.

— Нужно уложить ее на кровать в соседней комнате. — Голос Хедрика звучал отдаленно и еле различимо.

Джейрен подхватил принцессу на руки, отнес во внутренние покои, принадлежавшие старику, и уложил на набитый гусиным пухом матрас. Атайя чувствовала, что ей на лицо брызгают холодную воду, и слышала стук передвигавшихся стеклянных кувшинов. Ее укрыли теплым покрывалом. Затем она ощутила прикосновение ладони Джейрена — она была слишком гладкой и мягкой и не могла принадлежать Хедрику — на своих щеках. Он повторял ее имя, пытаясь привести в чувство.

Вдруг комната закружилась, и Атайя почувствовала, что падает с кровати... и проваливается в затуманенную, зловещую бездну. Она попыталась крикнуть, позвать на помощь, но не смогла. Горло пересохло, а в голове опять застучал молоток, казалось, еще немного — и она разобьется вдребезги, превратится, подобно сфере, в пену и жидкость.

Неожиданно все вокруг потемнело и замерло.

Глава 9

Атайя стояла у задней стены в деревенской церквушке и наблюдала за церемонией отпущения грехов.

Священник с кошачьими глазами прочел молитву о прощении и отвернулся, чтобы добавить *кахнил* в священное вино. У его ног на коленях стояла женщина в белых одеждах.

Голова ее была запрокинута, в глазах светился божественный восторг. Он озарял своим сиянием весь ее образ. Она хотела этого, она пришла к алтарю по доброй воле и сейчас, когда наступил долгожданный момент, мечтала поскорее избавиться от дара дьявола и получить вознаграждение — вознестись на небеса.

Священник повернулся и подал ей чашу. Он не спускал своих зеленых с узкими зрачками глаз с жертвы. Женщина приняла сосуд с радостью и, прочитав молитву, поднесла его к губам.

— *Нет!* Не делайте этого! — закричала Атайя. — Они просто хотят убить вас!

Она рванулась вперед, но люди, находившиеся в храме, тут же повскакивали с мест, преграждая принцессе путь, и оттолкнули ее назад к стенке. Двое здоровенных мужчин схватили Атайю за руки, десятки осуждающих взглядов устремились в ее сторону. Но женщина в белом улыбнулась девушке и сказала:

— Не беспокойтесь за меня. Я сознательно пошла на этот шаг и ощущаю невероятную радость. Я не хочу принимать дар от дьявола и, как объяснил мне мой священник, смогу обрести настоящую, вечную жизнь, лишь избавившись от этого бремени.

— Священники ошибаются! — выкрикнула Атайя, тщетно пытаясь вырваться из сильных рук стражников-самозванцев.

Она подняла голову к округлой формы разноцветному окну над алтарем. С высоты на нее молча взирали изображения святых.

— *Почему меня никто не слышит?* — закричала Атайя, глядя в их стеклянные глаза, сотрясаясь всем телом от нахлынувших рыданий. — *Почему вы не хотите помочь мне переубедить их всех?*

Она перевела взгляд на священника и, заметив, что тот поднял руки, заорала от ужаса: на его пальцах горели перепачканные алой кровью острые когти. Можно было подумать, что он только что вырвал внутренности убитого животного. Женщина

умирала у его ног, в ее мутнеющих глазах все еще светилась радость. Священник словно позабыл о ее существовании. Теперь все его внимание было сосредоточено на Атайе. Он медленно спустился с возвышения, направился к принцессе и, приблизившись, протянул свои когтистые руки прямо к ее горлу.

В этот момент окно над алтарем разбилось вдребезги, распадаясь на тысячу разноцветных осколков, обрушиваясь на голову священника и его прихожан беспощадным градом, врезаясь в лица, глаза, тела. Через несколько мгновений пол церкви уже был залит кровью...

Атайя резким движением поднялась и закрыла голову руками, чтобы защититься от рассвирепевших осколков. И тут она внезапно поняла, что бояться нечего. Все вокруг было тихо и спокойно. Принцесса находилась в своей спальне, темной и безопасной. Ее ночная рубашка насквозь промокла от пота, и Атайя, обнаружив это, вздрогнула от неприятного ощущения влаги. Через несколько секунд дыхание пришло в норму. Голова гудела от тупой боли.

— Все уже в порядке, Атайя, — послышался чей-то ласковый, успокаивающий голос. — Не волнуйся.

Исел поправляла тяжелые занавески из парчи, чтобы получше защитить комнату от проникновения солнечных лучей. Она направилась к кровати Атайи, мягко шурша бархатными юбками, и, склонившись над девушкой, приложила к ее лбу прохладную ладонь.

— Замечательно. Жар спал.

Королева села на стул с голубой подушечкой рядом с кроватью Атайи.

— Хедрик рассказал мне, что произошло. Если разрушить сферу, становится больно и неприятно, он всегда говорил об этом. Но таких последствий, как в твоем случае, обычно не возникает.

Несколько мгновений Атайя соображала, о чем ведет речь Исел, так как все еще не могла прийти в себя после приснившегося кошмара. В памяти стали медленно всплывать воспоминания о сфере, а еще о чем-то ужасном, что показало изображение

туманного шара. Или это ей тоже пригрезилось? Она откинулась на мягкие подушки и стала растирать виски. Чем меньше мыслей крутилось в голове, тем слабее чувствовалась боль.

— Мне приснился ужасно страшный сон...

— Я так и подумала, — ответила Исел. — Я оставалась в твоей комнате почти всю ночь. Ты спала очень беспокойно.

— Почти всю ночь? А сколько времени?

— Только что рассвело. Ты проболела два дня.

От удивления, неприятно поразившего ее, Атайя резко села на кровати. Боль в голове опять обострилась, а перед глазами поплыли темные пятна.

— Ляг и расслабься, — произнесла Исел, нежно толкая ее на подушки. — Сегодня тебе следует весь день провести в постели. Ты еще слишком слаба и не должна вставать.

— Но я не хочу спать... — пробормотала Атайя.

Пусть у нее раскалывается голова, но возвращаться в жуткий мир кошмарных снов не было ни малейшего желания.

Исел ласково похлопала ее по руке и, поднявшись со стула, направилась к двери.

— Об этом не беспокойся. Сейчас я принесу тебе отвар, который поможет крепко заснуть и не видеть снов. А еще отдам распоряжение, чтобы капитану вашей гвардии сообщили: принцесса проснулась и чувствует себя относительно нормально. Очень преданный человек. В эти дни он места себе не мог найти. Сильно переживал за тебя. А сейчас просто полежи, я скоро вернусь.

Дверь беззвучно закрылась, и Атайя поудобнее улеглась под теплыми одеялами, стараясь не обращать внимания на спазматическую боль в желудке. Она отбросила мысли об ужасном сне, но им на смену пришли другие: воспоминания о вчерашнем дне — или позавчерашнем, как сказала Исел? — о дне, когда она потеряла сознание. Хедрик и Джейрен говорили ей странные вещи о реформе церкви, об использовании магии и спасении людей.

А еще она держала в руках сферу и видела в ней изображение отца в спальных покоях. Он умирал. Он умер.

Проклятые Хедрик и Джейрен со своими идиотскими рассказами! — сердито подумала Атайя. — *Они издеваются надо мной и хотят убедить в том, что я сошла с ума!*

Но картинка, появившаяся тогда в сфере, казалась необыкновенно реальной и никак не шла из головы. Она никогда не испытывала к Кельвину сильной привязанности, но мысль о его смерти заставляла сердце сжиматься в маленький твердый комочек, а душу — трепетать и рваться, подобно сухим листьям на ветру.

Атайя постаралась вспомнить те времена, когда, будучи маленькой девочкой, она смотрела на Кельвина с восхищением и трепетом, когда его блестящие одежды и командный голос вызывали в ней восторг, когда сознание того, что этот похожий на бога человек является ее отцом, переполняло сердце гордостью и счастьем. Как давно это было! Ей хотелось тогда вести себя так, чтобы доставить ему радость, и она старалась делать все, что в ее силах.

Позднее выяснилось, что обрадовать его невозможно. Повзрослев, Атайя поняла, что все ее старания напрасны, и, запрятав переживания в дальний уголок своей души, постаралась обо всем забыть и убедить себя в том, что это не имеет для нее особого значения. Но иногда боль вырывалась наружу, и принцесса вспоминала о тех редких случаях, когда отец останавливал на ней пристальный взгляд. Спокойный, исполненный отчаяния. В эти мгновения ей казалось, что он все понимает, знает, как сильно стремится его маленькая дочь завоевать любовь родителя, но сознает в глубине души, что не способен дать ей желаемое.

Атайя часто задумывалась: почему? *Почему? Как я должна вести себя? Что я сделала не так?* При этом по щекам от обиды и безысходности катились слезы. Но принцесса быстро брала себя в руки, прекращала плакать и сердито говорила себе: реветь над столь глупыми вещами могут лишь несмышленые дети.

Атайя вновь и вновь убеждала себя, что не стоит задумываться над этим всерьез. А как было на самом деле? Что значило в ее жизни отношение к ней отца? Любила ли она

Кельвина? Трудно сказать... Возможно, да... когда-то. Какая-то частичка ее сердца, наверное, любила его до сих пор...

Несмотря ни на что, Атайя, естественно, никогда не допускала и мысли о смерти родителя, также не задумывалась она и о том, как отреагировала бы на столь печальное известие. Наверняка это видение — страшный сон, пыталась успокоить себя принцесса. Иллюзия. Когда они уезжали из Кайта, отец был в прекрасной форме.

Верить в то, что показала сфера, никак не хотелось. Однако полностью отделаться от неприятных мыслей не получится, и девушка понимала это. Необходимо каким-то образом удостовериться в том, что волшебный шар обманул ее.

Пережитый шок от приснившегося кошмара и размышления об отце помогли совершенно отойти ото сна. Темнота в комнате навевала уныние и апатию. Двигаясь медленно и осторожно, чтобы не усилить головную боль, Атайя откинула одеяла, опустила ноги на пол и увидела рядом с кроватью пару мягких кожаных тапочек, специально приготовленных кем-то для нее. Она направилась к окну, чтобы раздвинуть тщательно задернутые Исел занавески, и заметила, что они колышутся, словно от сильного сквозняка.

Теперь понятно, почему здесь так холодно, подумала принцесса, поежилась и отодвинула занавеску.

В следующее мгновение она резко отшатнулась и закричала: в лицо ударил порыв ледяного ветра. Оконное стекло было разбито.

Содрогаясь всем телом, Атайя оперлась на подоконник и осторожно, стараясь не коснуться торчащих из рамы острых остатков стекла, выглянула во двор. Прямо под ее окном на траве, переливаясь в лучах утреннего солнца, поблескивали десятки мелких осколков. Кто-то выбил стекло изнутри!

Атайя в ужасе задернула штору, села на пол, сжавшись в комочек, и заплакала от страха и отчаяния. Ее всю трясло, голова раскалывалась.

Я должна найти объяснение этим странным явлениям, — твердила она себе, не желая признавать очевидное. — *Я не схожу с ума! Нет! Нет! Нет!..*

Когда в комнату вернулась Исел, принцесса сидела под окном, съежившись, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Королева поставила глиняную чашку на тумбочку у кровати, подошла к Атайе и обняла ее за плечи.

— Кажется, я попросила тебя оставаться в кровати, — пожурила она ослушавшуюся гостью.

— Ок-кно... Это сделала я? — выдавила Атайя, тщетно пытаясь прекратить рыдать в присутствии королевы Рэйки.

— Только ты можешь ответить на этот вопрос. Тебе снилось что-нибудь про разбитое стекло?

Атайя едва заметно кивнула, воспроизводя в памяти картину разлетающихся разноцветных осколков и забрызганного кровью пола деревенской церквушки. Она огляделась. На ковре посередине комнаты и на полу не было ни пятнышка.

Исел подала девушке руку, помогла подняться на ноги, довела до кровати и накрыла мягкими стеганными одеялами.

— Я знаю, тебе страшно, — произнесла королева, заботливо поправляя постель Атайи. — Я не отношусь к роду лорнгельдов, поэтому сáма не переживала *мекан*, но когда пришло время Фельджина, постоянно находилась рядом с ним. Нелегкое было время. Трудно сосчитать все окна, которые он разбил тогда, — добавила она, смеясь.

— Я в полном замешательстве, — призналась Атайя. — До сих пор не могу в это поверить.

Исел ничего не ответила, протянула руку и стала нежно, по-матерински гладить принцессу по волосам своими мягкими теплыми пальцами, тихо напевая какую-то песню. Атайя почувствовала, что попала вдруг в страну детства, которого у нее, как ей казалось, никогда и не было. В ней неожиданно появились уверенность и ощущение собственной безопасности.

— Вы такая добрая, — прошептала принцесса. — И относитесь ко мне так, словно я — ваша дочь.

Закрыв глаза, девушка добавила:

— Я не знала своей матери. Бедняжка умерла через несколько дней после моего рождения.

— Как печально, — ответила Исел и, достав из тумбочки гребешок из слоновой кости, принялась расчесывать черные

волосы Атайи. — Но ведь твой отец женился потом на другой женщине?

— Да. Даже дважды. Но по слухам я знаю, что он никогда не любил ни вторую, ни третью жену. По крайней мере так, как любил мою маму, Чэндис. Много лет назад, когда между мной и моим братом Дарэком существовали еще вполне нормальные отношения, он рассказал мне, что отец был убит горем после кончины Чэндис. Думаю, ему никогда не смириться с утратой. Знаете, раньше я мечтала, чтобы Кельвин хоть кого-то полюбил так же сильно... — добавила она с горечью в голосе. — Отец — человек жесткий и очень сдержанный.

— Короли часто отличаются подобными чертами характера. Крайне сложно нести на себе ответственность за целое государство. В молодости Осфонин был другим, вовсе не таким веселым, как сейчас. Серьезность, замкнутость, отсутствие чувства юмора — такие качества являлись главными в его характере. Я постаралась его изменить и добилась неплохих результатов, — сказала Исел, улыбнувшись. — Королевский титул вовсе не обязывает человека быть бесчувственным чурбаном. Теперь он понял это.

Атайя усмехнулась. По описанию молодой Осфонин вел себя в точности как Дарэк.

— Мне бы хотелось, чтобы и отец немного изменился. Часто создается такое впечатление, что он меня просто-напросто ненавидит.

Неожиданно Исел прекратила расчесывать волосы Атайи и посмотрела ей прямо в глаза. Спокойно и серьезно.

— Кельвин не ненавидит тебя. Я очень сомневаюсь в этом. Скорее всего ему просто не подобрать подходящих слов, чтобы рассказать тебе о своих истинных чувствах.

— Я знаю, что он чувствует. Считает, что я позорю семью, и стыдится меня. Ему хотелось, чтобы я стала самой умной, самой красивой, самой талантливой молодой особой из всех, живущих при дворе. Чтобы я стала такой, о ком можно с гордостью сказать: это моя дочь. — Атайя печально улыбнулась. — А у Кельвина, похоже, никогда не возникало такого желания.

— Он мечтал о невозможном, — спокойно сказала Исел, словно услышанное вовсе не удивило ее. — Неужели ему казалось, что на это можно надеяться?

Королева отложила гребень и взяла с тумбочки глиняную чашку.

— Выпей, Атайя. Отвар поможет тебе спокойно заснуть. Обещаю, кошмаров больше не будет.

Принцесса понюхала странную жидкость, похожую на помои, и сморщила нос.

— Что это?..

Содержимое чашки напомнило ей смесь прокисшего пива и грязи, какой бывает обляпан пол в замызганных тавернах.

— Тебе лучше не знать, что входит в состав этого напитка. Так ты быстрее согласишься выпить его, — ответила Исел.

В ее глазах светились огоньки.

— Поверь мне, более подходящего средства, способного помочь тебе расслабиться, не сыщешь. Я всегда готовила его для Фельджина, хотя мой сын возмущался намного больше, чем ты.

Атайя сделала небольшой глоток. К счастью, на вкус жидкость оказалась гораздо менее неприятной, чем на вид.

Вскоре принцессе ужасно захотелось спать.

— Спасибо, что побыли со мной, — прошептала она, улыбаясь. — И... простите меня за окно.

— Тебе здесь все рады, — ответила Исел, нежно проводя ладонью по щеке Атайи. — А за окно не переживай. Я отдам распоряжение, и стекло заменят. Тебе нужно отдохнуть. Ни о чем не думай.

Приоткрыв один глаз, Атайя сказала:

— Может, не стоит так заботиться обо мне?

Исел засмеялась, очень мелодично и по-доброму, и вышла из комнаты. Принцесса тут же уснула сладким, глубоким сном. На этот раз видений не было.

На следующий день Атайя чувствовала себя абсолютно здоровой и за ужином в тронном зале присоединилась к Исел и остальным членам семейства.

Принцесса с облегчением отметила, что Хедрик и Джейрен отсутствовали, и взмолилась про себя:

Где бы они ни были, пусть остаются там и дадут мне возможность спокойно поесть.

Но на протяжении всего ужина с нее не сводил пристального взгляда Тайлер, она это чувствовала.

По окончании трапезы, когда слуги уже начали убирать со столов, Атайя пожелала королю и королеве спокойной ночи и направилась к капитану, чтобы поговорить с ним.

— Ты меня так напугала, — сказал Тайлер, как только девушка уселась на скамейку рядом с ним. — Джейрен сообщил, что тебе стало плохо, что якобы у тебя поднялась температура. Насколько помню, раньше с тобой не случалось ничего подобного.

— А больше он ни о чем не говорил?

— Нет. Поэтому-то я так разволновался. Ты не болела на протяжении уже нескольких лет.

Атайя кивнула, обрадовавшись тому, что у Джейрена хватило ума ничего не рассказывать Тайлеру. Наверное, он решил предоставить ей возможность самой решать, сообщать любимому о своих неожиданно открывшихся талантах или нет. В конце концов, люди в Кайте привыкли относиться к лорнгельдам с предубеждением, поэтому не стоило предавать огласке принадлежность принцессы к этому роду. Джейрен поступил довольно мудро.

— У меня сложилось впечатление, что он скрывает от меня что-то, — продолжал Тайлер. — Но признаться честно, мне всегда казалось, что ему известна какая-то тайна. А что, кстати говоря, они с Хедриком собирались с тобой обсудить?

Атайя уже готова была поведать ему о случившемся, но в последний момент засомневалась.

До настоящего момента у нее никогда не возникало желания утаить от него что-либо... Но теперь! Теперь речь шла совершенно о другом. О магии. И независимо от того, чьим даром она являлась — Божьим либо дьявольским, — о ней, кажется, можно разговаривать лишь со священниками и

убеленными сединами мудрецами. Кроме того, эту тему они с Тайлером почему-то никогда не обсуждали. Наверное, не возникало такой необходимости. Поэтому трудно было представить его реакцию.

Атайя знала, что концепция отпущения грехов всегда вызывала в Тайлере внутренний протест, но он принимал ее как неизбежное жизненное явление. Какие ощущения возникнут в его душе, если ему станет известно, что его возлюбленная — представительница лорнгельдов? Вдруг эта новость отпугнет его? Тем более сейчас, когда ее свадьба с Фельджином становилась все более вероятным событием. Что, если он захочет побыстрее порвать их отношения? Все равно это когда-то должно произойти...

Атайя вдруг испугалась и почувствовала себя невероятно одинокой.

Как я могу сказать тебе об этом, Тайлер? — кричала она про себя. — *Ты — моя единственная радость в жизни, я не хочу терять тебя, по крайней мере раньше, чем обстоятельства вынудят нас расстаться. Особенно если это произойдет из-за того, что я поведаю тебе о выдуманной Хедриком и Джейреном нелепой истории.*

— Они хотели поговорить со мной о судьбе лорнгельдов, — произнесла она, стараясь придать своему голосу небрежный тон. — Помнишь, Джейрен упомянул об этом еще в ту ночь, в аббатстве? Они особенно обеспокоены принятым у нас обрядом отпущения грехов. Сам понимаешь, им хочется изменить существующие в Кайте порядки. Вот они и обратились ко мне с просьбой посодействовать им в этом.

По крайней мере то, что она говорила сейчас капитану, соответствовало действительности. Просто о некоторых вещах пока не стоило упоминать. Например, о том, что Хедрик предложил ей возглавить целую кампанию против проводимой церковью политики как одной из лорнгельдов...

— Они обратились к тебе? Странно. Почему бы им не побеседовать об этом с Кельвином?

— Возможно, потому что я здесь, а он в Кайте, — ответила Атайя несколько раздраженно: ей не терпелось закрыть эту

тему. — Кроме того, почему ты считаешь, что со мной нельзя обсуждать серьезные вопросы? Думаешь, я настолько глупа? Я могла бы рассказать об их соображениях отцу и убедить его прислушаться к мнению Хедрика.

— Я вовсе не хотел тебя обидеть, Атайя, — произнес Тайлер, тоже начиная выходить из себя.

— Тем не менее мне стало обидно.

Капитан скептически взглянул на нее и нахмурил брови.

— Не пойму, почему ты так нервничаешь.

— Потому что ты пренебрежительно относишься ко мне.

— Послушай, Атайя. Мне просто показалось это чертовски странным: Хедрик посылает Джейрена в столь дальнюю поездку, дает задание привезти тебя во что бы то ни стало в Рэйку. Для чего? Для обычного разговора? Они могли поступить гораздо проще: написать письмо и передать его непосредственно Кельвину. Ничего не понимаю... Может, ты что-нибудь от меня скрываешь?

— О Боже! Тайлер! С чего это вдруг ты стал таким невыносимым? Постоянно подозреваешь меня в чем-то, — воскликнула принцесса, защищаясь. — На следующий день после нашего сюда приезда ты устроил мне допрос по поводу разговора с Фельджином, а теперь обвиняешь в том, что я утаиваю от тебя что-то... Кстати, с каких это пор вы с Фельджином стали такими близкими друзьями? Несколько дней назад вы вместе ездили на охоту, не так ли?

— А какое *это* имеет отношение к нашему разговору? — спросил Тайлер, сбитый с толку неожиданной переменой темы. — Фельджин задумал поохотиться. И меня пригласил. Вот и все. Между прочим, мы неплохо провели время.

— Очень рада за тебя, — сухо ответила принцесса.

— Ради Бога, Атайя, скажи, что с тобой происходит? И почему ты так отнеслась к моей прогулке с Фельджином? Думаешь, я стану трепаться с ним о тебе, пытаясь убедить его, что ты прекрасна и неподражаема, чтобы развеять засевшие в его душе сомнения относительно вашей свадьбы? Я никогда не стану этого делать. Хотя твой отец, узнай он о нашей совместной охоте, пожелал бы, чтобы я повел себя именно так.

— Наверное... — ответила Атайя.

И почему приятельские отношения Тайлера с Фельджином вызывали в ней настолько непонятные ощущения?

— Если прикажете, ваше высочество, — сказал капитан неожиданно официальным тоном, — я перестану вести себя с принцем по-дружески.

Ей стало вдруг не по себе, лицо напряглось и побледнело. Она непременно ударила бы его за эту выходку, если бы они находились в каком-нибудь другом месте.

Тайлер, увидев реакцию Атайи, сильно опечалился. Он умышленно бросил ей в лицо ее титул, а сам выступил в роли покорного слуги, хотя прекрасно знал: для нее нет в мире ничего более обидного и неприятного. Поступив подобным образом, он озарил ярким факелом ту пропасть, которая их разделяла, ударил по самому больному...

— Ты несправедлив ко мне, Тайлер.

— Я не задумываюсь о справедливости, просто пытаюсь тебе помочь. Но вижу, что ты больше не нуждаешься в моей помощи. В таком случае, думаю, нам стоит закончить разговор. Хватит спорить, тем более в присутствии посторонних. Но я чувствую: что-то происходит, и ты не доверяешь мне, как раньше, потому что пытаешься изворачиваться и уклоняешься от ответов.

Тайлер вышел из-за стола, сдержанно и элегантно поклонился принцессе на прощание и направился к выходу. Его лицо оставалось невозмутимым, но Атайя знала: ему непросто сохранять спокойствие. Чтобы не выдать переполнявших душу эмоций, капитан сильно сжал пальцы в кулаки, и девушка заметила это.

Когда стихли последние звуки его решительных шагов, принцесса, опустив плечи, медленно поднялась со скамьи и побрела в свою комнату.

Они с Тайлером редко ругались, и каждый раз, когда происходило нечто подобное, ей казалось, что земля уходит из-под ног. Атайя ощущала себя бесконечно несчастной, покинутой, опустошенной. Надо хорошенько выспаться... Воз-

можно, утром ситуация предстанет перед ними в другом свете, и они смогут еще раз поговорить, более спокойно и дружелюбно. Но рассказывать о своих способностях она не станет даже утром. Даже после продолжительного сна Тайлер не будет готов воспринять столь невероятную новость.

Увидев у двери своих покоев Джейрена, Атайя остановилась как вкопанная.

Молодой колдун стоял, прижавшись спиной к стене, сложив руки на груди, беспокойно водя по полу носком сапога. Принцесса хотела было сбежать, вернуться в тронный зал, но тут Джейрен повернул голову и заметил ее.

— Не приближайся ко мне, — гневно произнесла Атайя, увидев, что он направляется к ней. — Я не собираюсь разговаривать с тобой сейчас.

— Тебе придется, — ответил Джейрен твердым голосом.

Теперь принцесса обратила внимание на его вид: лицо выглядело потемневшим и напряженным.

Скорее всего ему тоже необходим хороший отдых.

— Ты должна пойти со мной к мастеру Хедрику. Прямо сейчас.

Атайя демонстративно прошла мимо.

— И не мечтай об этом. Я ни за что не соглашусь.

— Ты выслушала лишь часть того, что он собирался сказать тебе...

— Лишь часть?! Но после этой *части* я лишилась сознания, а потом три дня не поднималась с постели! Нет уж, Джейрен, я не хочу быть замешанной в ваших идиотских волшебных делишках. Никуда не пойду. И это мое окончательное слово.

Атайя резко распахнула дверь, собираясь захлопнуть ее перед носом колдуна, но в этот момент Джейрен поднял руку и щелкнул пальцами. Дубовая дверь замерла на месте, словно подпертая каменной плитой.

— Это очень важно, Атайя, — произнес колдун, понижая голос. — Крайне важно. Если ты не согласишься, я вынужден буду применить свои методы.

Завуалированная угроза Джейрена лишь усилила ее гнев.

— Да оставьте же меня в покое, вы оба!

— На этот раз речь пойдет не о тебе. Это касается Кельвина.

У Атайи закружилась голова, в глазах потемнело. Картина, показанная ей сферой, всплыла в памяти невероятно отчетливо. До настоящего момента девушка твердила себе, что жуткое видение ей просто приснилось, но Джейрен только что разубедил ее в этом, разрушая теплившуюся в душе надежду.

Схватившись за дверной косяк, чтобы не упасть, Атайя прошептала:

— Он умер. Верно?

— Пойдем со мной, — ответил Джейрен, взял ее за руку и повел к выходу. — Мастер Хедрик все объяснит.

Глава 10

Хедрик стоял у окна, задумчиво вглядываясь в усыпанный звездами небосклон, когда Атайя и Джейрен вошли в его кабинет в башне.

На старом колдуне, как и в прошлый раз, была черная мантия. В комнате царила тишина, какая-то неестественная и пугающая — даже дрова в камине горели совершенно беззвучно. Джейрен бесшумно прошел к дивану у окна и уселся на залитые лунным светом подушки. Махнув своей белой рукой, Хедрик пригласил Атайю тоже сесть, но она, чувствуя, что расслабиться не сможет, лишь прислонилась к спинке стула-дерева и нервно забарабанила пальцами по подлокотнику.

— Джейрен сказал, что-то случилось с отцом. В чем дело? Он не должен умереть... Кельвин чувствовал себя прекрасно, когда я уезжала из дома.

С тех пор прошло всего три недели, но внезапно девушке показалось, что она не видела отца уже очень давно, на протяжении долгих месяцев. К своему великому удивлению,

Атайя почувствовала, что охвачена в эту минуту единственным желанием: оказаться в Кайте, в замке Делфар, для того только, чтобы развеять жуткие страхи и опасения. Показанная три дня назад сферой картина потрясла ее и не давала покоя, а печальный вид Хедрика только укрепил в ней мрачное предчувствие: в Кайте произошло нечто ужасное.

— Ваш отец не умер, — сказал старый колдун слабым, уставшим голосом. Языки пламени, горевшего в камине, отбрасывали на его морщинистое лицо причудливые тени. — Но не стану лгать вам, Атайя. Думаю, ему осталось жить недолго.

Несколько мгновений принцесса стояла не двигаясь, уставившись в одну точку. Стены комнаты, все вокруг как будто растворилось, превращаясь в мутное, расплывчатое пятно.

— Я ничего не понимаю, — пробормотала наконец девушка. — Он болен?

Хедрик тяжело вздохнул.

— Если *оно* еще не наступило, то проявится в ближайшее время. Я говорю о сумасшествии. Боюсь, надеяться не на что...

— Но это исключено! — закричала Атайя. Сообщение старика настолько поразило ее, что она даже не подумала рассердиться. — *Мекан* не может поразить его мозг. Ему почти пятьдесят, к тому же отец не принадлежит к роду лорнгельдов!

— Я знаю. В этом-то и заключается трагедия. Если бы он был лорнгельдом, то смог бы спастись. Но...

Голос Хедрика сорвался, они с Джейреном обменялись печальными понимающими взглядами.

— В тот вечер, когда вы приехали в Ат Луан, Джейрен рассказал мне о том, что вы поведали ему в дороге. Значит, способности Кельвина были дарованы ему не от рождения, а посредством волшебного ритуала. Я догадывался об этом, но до настоящего момента не мог быть уверенным... Чтобы объяснить вам, в какой ситуации оказался ваш отец, расскажу о том методе, при помощи которого он получил дар. Мы называем это обрядом передачи.

— Впервые слышу... — сказала принцесса.

Наверное, раньше ей и не следовало об этом задумываться. Кто мог посвятить ее в тайны колдовских ритуалов? До недав-

него времени все ее знания о лорнгельдах сводились к тому, что эти люди прокляты и обречены на безумие. Выяснять подробности никогда не возникало необходимости и желания.

— Вы не могли об этом слышать, — ответил Хедрик, усаживаясь на стул с высокой спинкой за рабочим столом. — На протяжении вот уже двух столетий подобный ритуал запрещен.

Запрещенный ритуал.

Да, ей вдруг вспомнились слухи, гулявшие по замку Делфар. Болтали о каком-то запрещенном знании, использованном Родри при передаче Кельвину колдовских способностей. Но Атайя никогда не задумывалась об этом всерьез до настоящего мгновения. Отец всегда умел использовать волшебные заклинания, он обучился этому еще до ее появления на свет. Она знала, что магия является неотъемлемой частью Кельвина, с первых дней своей жизни. Каким образом ему удалось проникнуть в мир колдовских таинств? Подобные вопросы не интересовали ее. В последнее время король редко прибегал к магическим трюкам, так как в Кайте установилась относительно мирная обстановка, поэтому о его умениях можно было вообще забыть.

— Кто наложил запрет на проведение ритуала? И зачем? — спросила Атайя. — Если человек хочет рискнуть, то почему бы не дать ему такой возможности?

Джейрен метнул обеспокоенный взгляд в сторону учителя. Старый колдун напрягся, поджал губы и расправил плечи. Сейчас он выглядел сердито и как-то угрожающе. Раньше Атайя никогда не видела его таким.

— Потому что люди, которых Бог не одарил талантом, не имеют права претендовать на получение удивительных способностей. Господь руководствуется своими, неведомыми нам соображениями, когда отбирает тех, кто достоин быть волшебником. Мы не должны вмешиваться и изменять его решения. Подобные действия влекут за собой страшные последствия. Поэтому Совет Мастеров — орган, занимающийся управлением представителей лорнгельдов по всему континенту,

наложил запрет на проведение ритуала. Это случилось после последнего раза.

Атайя нахмурила брови.

— Последнего раза? Что вы имеете в виду?

— Я говорю о вашем короле Фалтиле. Двести лет назад он получил способности колдовать при помощи обряда. И вызвал наступление Времени Безумия.

От неожиданности и ужаса Атайя широко раскрыла глаза. Она никогда не проявляла большого интереса к учебе, но историю своего народа знала и прекрасно помнила рассказы о том периоде, когда в Кайте правили смерть и разорение. Тогда государство распалось на многочисленные, воюющие между собой, разрозненные мелкие провинции. Во всем обвиняли лорнгельдов, которые якобы довели страну до такого состояния бесконтрольным применением магии. Власти выступили за массовое уничтожение лорнгельдов, так как сотни представителей этого народа сходили с ума, устраивали поджоги и взрывы, крушили и разбивали все вокруг. Неужели самый мрачный период из истории страны и ее отец каким-то образом связаны между собой, имеют сходное начало? При этой мысли принцесса содрогнулась, по спине побежали мурашки.

Джейрен, который все это время молча сидел у окна, подхватил мысль Хедрика и продолжил его рассказ:

— Фалтил уговорил своего друга-лорнгельда обучить его волшебным способностям, сказав, что король, обладающий умением колдовать, сможет добиться лучших результатов в управлении страной.

Атайя, ничего не понимая, закрутила головой. Либо ее память неправильно устроена, либо информация в учебниках, по которым она занималась в детстве, была искажена.

— Подожди, насколько я знаю, Фалтил являлся лорнгельдом...

— Нет. К такому заключению решили прийти ваши историки, когда король скончался. Фалтил не являлся лорнгельдом. Но завидовал этим людям, очень завидовал. Как это так? Они наделены чудесными способностями, а он — нет! Од-

нажды его друг по имени Сенал рассказал ему о новом открытии — возможности передавать дар при помощи обряда. И Фалтил пришел в неописуемый восторг. Наконец-то жизнь предоставила ему шанс овладеть столь желанным умением! Он убедил Сенала пойти на рискованный шаг, сказав, что стремится научиться колдовать исключительно ради благородных целей. Король, способный творить волшебство, в состоянии сделать для своего народа гораздо больше добра, чем обыкновенный колдун, не принадлежащий к королевскому роду. А взамен Фалтил пообещал подарить другу обширный участок земли, удостоить титулов и званий и наградить несметными богатствами.

— Что-то я не совсем понимаю... Колдуну пришлось полностью отказаться от *своего* дара?

— Человек не в состоянии создать волшебную силу из ничего, создать ее там, где ей не суждено быть, Атайя, — ответил Хедрик тихо. — Дар можно передать, но творить... Это право принадлежит лишь Господу. Вообще-то мы не должны даже отдавать кому-либо свои способности. Бог наделяет нас талантами.

— Так что же случилось с другом Фалтила? — спросила Атайя, желая узнать, какое наказание, по мнению Хедрика, посылает этот его Бог тому, кто сознательно передает свой дар другому человеку.

Хедрик немного наклонился вперед и сложил руки на груди.

— Сенал по натуре являлся идеалистом, причем был очень предан своему государству. Конечно, он невероятно обрадовался возможности сыграть столь грандиозную роль, поэтому согласился осуществить обряд. Наверное, доводы Фалтила прозвучали довольно убедительно, так как Сенал, недолго думая, решил отказаться от своих способностей, от самого ценного в жизни. Это напоминает мне о старых легендах, рассказывающих о продаже души дьяволу, — добавил Хедрик, сердито нахмурившись. — Но скорее всего Сенал был уверен, что поступает правильно и благородно: приносит себя в жерт-

ву ради счастья других. Наверное, он надеялся, что Фалтил и впрямь станет величайшим королем, принесет стране радость и благополучие, а его, Сенала, прославит и сделает национальным героем. Естественно, король просто использовал друга, чтобы добиться желаемого. Колдун должен отдать свой дар по доброй воле, в противном случае ничего не выйдет.

Обряд проводился в секретной обстановке. Никто не должен был знать о том, что способности короля даны ему не от Бога, а просто позаимствованы у другого человека. Как только Фалтил получил то, что хотел, и выучился всем секретам и заклинаниям, он тут же предал Сенала. Творить добро и помогать людям — эти вещи не входили в его планы. Король поставил перед собой совершенно иную задачу: уничтожить всех лорнгельдов, проживающих в Кайте, и стать единственным человеком в государстве, наделенным волшебным даром. Надо сказать, он добился в этом деле немалых успехов. Люди, сумевшие перебраться в те ужасные времена в Рэйку, рассказывали нашим соотечественникам о жестоких расправах и убийствах...

Фалтил развернул целую кампанию: настраивал отдельные группы лорнгельдов выступать против братьев, обещая сделать помощников своими приближенными. Когда цель была достигнута, король предавал подчиненных, просто-напросто уничтожая их. Расправившись со всеми, он добился своей главной цели: стал единственным человеком в Кайте, умеющим использовать магические заклинания.

В глазах Хедрика отразилась искренняя боль, его старое лицо на мгновение как будто потемнело.

— Итак, в стране не осталось ни одного живого лорнгельда, но вскоре подросли те, у кого только начал проявляться *мекан*. Сами понимаете, что тренировать молодых было некому, поэтому бедняги сходили с ума и совершали в своем безумии страшные поступки: поджигали целые поселения и леса, разрушали стены, которые защищали города от противника на протяжении столетий, вызывали бури и смертельные болезни. Уверен, вы наслышаны об этих кошмарах. Теперь все изменилось. Но на смену тому злу пришло другое — об-

ряд отпущения грехов. Священники придумали его именно тогда — как способ избавления от лорнгельдов до момента наступления их полного безумия.

Конечно, церковь можно понять: лорнгельдов боялись как огня, потому-то священнослужители и решили, что эти люди — дети дьявола. Тогда всем казалось, что Бог избрал Фалтила в качестве защитника народа от проклятого племени, а королю это было только на руку. Он обожал свою власть и могущество и не желал появления в стране хотя бы еще одного колдуна, поэтому всячески поощрял проповедников, выступавших за умерщвление безумных. Фалтил заявил, что получил указание от самого Господа Бога: использовать магию для уничтожения всех детей дьявола и освобождения государства от черни.

Атайя не могла поверить своим ушам. Услышанная ею история казалась ей невероятной, но, с другой стороны, очень походила на правду... Принцессе преподносили это совершенно по-другому. Говорили, что Фалтил являлся лорнгельдом, потому-то и довел государство до столь ужасного состояния. Она и понятия не имела о том, что этот человек страстно любил власть и получил свой дар при помощи обряда передачи волшебных способностей, что он был завистливым, подлым и жестоким человеком. Верили историки Кайта тому, что Фалтил являлся лорнгельдом, или нет, в любом случае они решили убедить потомков в том, что он — типичный представитель этого рода, и обвинить его во всех обрушившихся на страну бедах. С тех самых пор слово «лорнгельд» ассоциировалось у кайтских жителей со злом и угрозой мирному существованию на земле.

А сильно ли поведение Фалтила отличались от действий нынешней церкви? — подумала Атайя. — *Он занимался массовым уничтожением ни в чем не повинных людей. А как назвать осуществляемую изо дня в день церемонию отпущения грехов? Разве это не одно и то же?*

— Как повел себя друг Фалтила? — спросила Атайя. — Он не попытался что-нибудь предпринять?

Джейрен покачал головой.

— Сенал осознал свою ошибку, но было уже слишком поздно. Ему хотелось изменить ситуацию, но, утратив свои волшебные способности, он не мог бороться против короля. Фалтил отобрал у бывшего друга подаренную землю и лишил его присвоенных титулов, а также обвинил в измене и клевете, назвав откровения Сенала наглой ложью. — Лицо Джейрена помрачнело. — Вскоре Сенал был казнен.

— Он дорого заплатил за свой поступок, — сказал Хедрик. — После смерти Сенала Совет Мастеров наложил запрет на проведение подобных экспериментов. Обряд передачи появился на свет лишь за несколько лет до вступления Фалтила на престол. Тогда люди еще не понимали, к каким последствиям он может привести. — Старик задумчиво взглянул на мерцавшие за окном огоньки далеких звезд. — Надеюсь, ситуация не повторится.

— Я в полной растерянности, мастер Хедрик, — сказала Атайя, впервые обращаясь к старому колдуну подобным образом. — Мне говорили, что Фалтил скончался от сумасшествия. Если он не был лорнгельдом, что же тогда произошло?

— Историки Кайта предположили, что Фалтил являлся лорнгельдом, так как король действительно умер от сумасшествия. На протяжении нескольких лет он наслаждался своей огромной властью, спокойно наблюдая, как лорнгельдов, проживавших в его государстве, отлавливали и убивали. Людей, осмеливавшихся выступать против невиданной жестокости, тоже уничтожали. Их обвиняли в распространении ереси и предавали огню. Прошло двадцать лет, и магия стала давить на его мозг. Фалтил оказался не в состоянии бороться с этим. В его случае безумие наступило не постепенно, как оно бывает у лорнгельдов, а быстро и ужасающе бурно. С каждым днем ему становилось хуже, пока в конце концов магия окончательно не вырвалась из-под контроля. Фалтил сжег самого себя.

Атайя почувствовала, что у нее свело желудок. Страшно представить себе такую кончину. Воображение тут же нарисовало принцессе ужасную картину: огненные языки, обнимаю-

щие человеческую плоть, куски пылающей одежды, горящая кожа, тошнотворный запах, нестерпимая боль... У нее на лбу проступили крупные капли пота.

— По крайней мере эта история научила нас многим вещам, о которых раньше никто не знал. Мы стали лучше понимать устройство мозга и природу колдовства. На примере Фалтила мы увидели, что передать волшебные способности совсем несложно. Оказывается, колдун любого уровня может сделать это. Главная сложность состоит в подготовке принимающего чудесный дар. У человека, не являющегося лорнгельдом, мозг устроен по-другому. Поэтому, прежде чем передать ему свои способности, колдун должен кое о чем задуматься...

Хедрик прервался на мгновение и взглянул на Атайю. Она слушала его объяснения с большим интересом.

— Понимаете, — продолжал старик, — у лорнгельда примерно лет до двадцати с момента его появления на свет, то есть до периода наступления *мекана,* способность колдовать пребывает в латентном состоянии. Когда дар передают другому человеку, его можно использовать сразу. Обратный эффект проявляется лишь по прошествии тех же двадцати лет со дня получения способностей. Никто не может объяснить этого явления. Вероятно, так случается из-за несоответствия устройства головного мозга происходящим в нем процессам. Фалтил получил от друга дар, когда ему было двадцать семь. Безумие поразило его примерно в пятьдесят.

Атайя поежилась, как будто от налетевшего внезапно порыва ветра.

— Возраст моего отца...

— Я тоже об этом думаю. Когда Кельвин принял дар, срок пошел. Ты сказала, что это случилось примерно за год до твоего рождения, а тебе двадцать. Значит *мекан* вот-вот проявится в нем. У тебя он уже наступил и находится сейчас где-то на средней стадии, если судить по тому, что рассказала Исел. Ты переносишь события из снов в свой реальный мир. Я имею в виду разбитое окно. Но у тебя есть шанс выучиться использовать дарованные тебе Господом способности. Кельвин не в состоянии это сделать.

— Нельзя ли как-то помочь ему? — в отчаянии закричала Атайя. — Если отцу суждено в скором времени пережить *мекан,* то неужели он не сможет пройти тренировку?! Она предотвращает сумасшествие, так ведь?

— В его случае это невозможно, Атайя. Его мозг устроен по-другому, не так, как твой. В нем отсутствует зона, отвечающая за обучение магии. Способность понять — по-настоящему понять, что такое колдовство, — не может быть передана от одного человека другому. Это дар Божий, шестое чувство.

Лицо Атайи было напряженным и расстроенным. Ей рассказали много нового: воспринять сразу столько информации, причем далеко не радостной, крайне сложно.

— Все ваши истории бессмысленные и непонятные. Если Кельвин не в состоянии пройти тренировку, то почему он не может воспользоваться колдовством сейчас, пока не наступил критический момент?

— Силы Кельвина никогда не являлись истинными, — объяснил Хедрик. — Ваш отец произносит заклинания, подобно ребенку, читающему заученное стихотворение, но не понимающему его смысла. Кельвину был передан инструмент для использования магии, но самим даром овладеть невозможно. Родри как будто подарил ему арфу и рассказал, как называются ноты. Но сами понимаете: если не умеешь сочинять музыку, то больших успехов никогда не добьешься. Способности Фалтила вряд ли отличались от способностей вашего отца. Сенал передал королю свою силу, но талант использовать ее остался при нем. К сожалению, талант этот не мог принести уже никакой пользы. Представляете, как больно было Сеналу наблюдать за выходками Фалтила и сознавать, что ничего нельзя изменить. Его состояние, наверное, можно сравнить с состоянием виртуоза-арфиста, которому отрезали руки.

Атайя опустилась на стул-дерево, наклонилась вперед и сильно сжала голову руками, словно боясь снова упасть в обморок.

— Не понимаю... — пробормотала она. — Родри постоянно твердил, что отец не сойдет с ума, потому что не является лорнгельдом.

— Родри переоценил свои возможности, — ответил Хедрик, в отвращении кривя губы. — Он был уверен, что обратная реакция в мозгу Фалтила произошла лишь потому, что Сенал не обладал достаточной компетентностью и не подготовил короля должным образом к обряду передачи. Этот умник решил повторить страшный эксперимент, чтобы доказать несправедливость наложенного на ритуал запрета. В том письме, которое вы мне привезли, он написал именно об этом. По прошествии двадцати лет, мол, с Кельвином ничего не случилось. По его мнению, я должен подать петицию в Совет Мастеров, чтобы там пересмотрели решение о запрете на обряд передачи. Естественно, я и не подумаю заниматься такими глупостями. Боюсь, Родри уверовал в свой успех слишком рано...

Горло Атайи внезапно сдавила черная безумная ярость.

— Вы хотите сказать, Родри на протяжении всех этих долгих лет знал, что с отцом может произойти нечто страшное? Он решил поставить на карту жизнь короля из-за какого-то эксперимента?

Хедрик кивнул. Его нижняя челюсть напряглась и немного выдалась вперед — наверное, старика переполняли гнев и возмущение.

— Полагаю, жизнь короля ничего не значит для этого подлеца, моральных принципов для него не существует. Единственные люди, к которым он испытывает уважение, — те, кто входит в Совет Мастеров. Ему всегда хотелось вступить в наши ряды. Наверное, это желание совсем свело его с ума...

Старый колдун откинулся на спинку стула. Лицо его, бледное, напряженное, почему-то вдруг несколько смягчилось и приобрело какое-то ностальгическое, даже грустное выражение.

— Родри был одним из самых смышленых учеников из всех, что мне доводилось тренировать, — произнес Хедрик и печально вздохнул. — Помните, я рассказывал вам о своих поездках в Кайт? Родри — один из найденных мною лорнгельдов, проживавших в вашей стране. Его родители арендовали небольшое поместье в расположенном неподалеку от

рэйкской границы местечке. Мысль о том, что священнослужители заберут и отравят их сына, приводила этих людей в ужас. Поэтому они отправили его со мной. Я привез Родри в Рэйку. Тогда ему было девятнадцать, и он переживал первую стадию *мекана*. Уже в первый момент я отметил, что он необыкновенно талантлив. Я вложил в него все, что только мог. В учебе Родри прекрасно проявил себя, усваивал преподаваемые ему уроки быстро и легко. Но всегда отличался горделивостью и самодовольством. Если бы ему действительно удалось добиться успеха в осуществлении обряда передачи, то, уверен, он ни с кем бы не стал делиться своим секретом. В этом Родри очень напоминает Фалтила.

Мне видны были его отрицательные черты, потому что я общался с ним каждый день, в то время как другие члены Совета Мастеров — многих из них уже нет в живых, упокой Господи их грешные души, — ничего не замечали. Все восхищались его выдающимися способностями к магии и при любом удобном случае говорили ему об этом.

Колдун печально усмехнулся, помолчал немного и продолжил:

— К сожалению, Родри воспринимал многочисленные комплименты чересчур серьезно и вскоре возомнил себя чуть ли не лучшим колдуном на свете, думая, что знает и умеет больше, чем даже его учителя. Возможно, отчасти он был прав. Если рассматривать его способности чисто с технической точки зрения, то можно с уверенностью сказать, что этот человек подходил для роли Великого Мастера. Но ему не хватало главного... Он обращал мало внимания на этику, которая определяет, как и в какой ситуации можно прибегать к магии. Именно чувство этики отличает истинного мастера от всех остальных колдунов. Когда Родри рассказали об обряде передачи дара и о существующем запрете, а также об опыте Фалтила, в нем зародился повышенный интерес и желание проделать подобный эксперимент на практике. Я велел ему оставить нелепую задумку, а он пришел в ярость. В чем-то я даже понимаю Родри: с такими незаурядными способностями

ему было под силу справиться с любым заданием. Почему же он не *должен был* делать то, что *мог* сделать?

В голове Атайи вновь застучал молоточек. Ей пришлось выслушать слишком много всего, большего, казалось, она уже не выдержит.

— Если вы знали, что Родри одержим идеей проделать этот жуткий эксперимент, то почему же ни вы, ни этот ваш чертов Совет Мастеров не предприняли никаких действий, чтобы остановить его?!

Ее охватил порыв невероятной злости. Они обо всем догадывались, но и пальцем не пошевелили, чтобы предотвратить наступление ужасных последствий.

Лицо Джейрена вспыхнуло, ноздри гневно расширились.

— Чертов Совет Мастеров?! Да как ты смеешь произносить такие слова? Попрошу относиться с должным почтением к...

— Довольно, Джейрен, — жестом прервал его Хедрик. — Думаю, Атайя и так достаточно натерпелась за последние дни. Не усугубляй ее страданий.

Джейрен окинул принцессу вызывающим взглядом и уселся на свое место, подавляя кипящую внутри ярость.

— Мы несколько раз спорили с Родри по этому поводу, — сказал Хедрик. — Я пытался занять его другими увлекательными вещами, но для него ничего уже не представляло большего интереса, чем обряд передачи дара. Возможно, он казался Родри настолько привлекательным именно потому, что был запрещен. Запретный плод всегда сладок... Наша дружба приблизилась к завершению в тот момент, когда Совет сообщил нам о необходимости избрания нового члена. Родри прекрасно знал, как высоко ценят его способности, и был уверен, что выберут именно его. Через несколько недель состоялось голосование... Его кандидатура стояла на первом месте. Но для принятия решения в пользу того или иного кандидата необходимо, чтобы за него проголосовало абсолютное большинство членов Совета. Один из мастеров проголосовал тогда против Родри. — Хедрик сделал многозначительную паузу. — Это был я.

«Однажды между нами произошло одно недоразумение», — всплыли в памяти Атайи слова Родри. Да уж, он очень мягко выразился.

— И что же?.. — поинтересовалась принцесса.

— Через день после того, как я сообщил Родри о результатах голосования, он исчез, не сказав никому ни слова. Я пытался связаться с ним при помощи сферы, но он, по всей вероятности, применял способ отражения, и у меня ничего не вышло. Прошло несколько месяцев, прежде чем я услышал первые вести о проявившихся у Кельвина невероятных способностях, при помощи которых он сумел остановить гражданскую войну. Болтали, что король Кайта способен проникнуть в мозг лордов в момент произнесения ими клятв верности и понять, искренни ли их намерения. Говорили, что ему каким-то образом становилось доподлинно известно местонахождение врагов и численность их войск. Скорее всего он использовал сферу. Как только я услышал о чудесных вещах, происходящих в Кайте, сразу заподозрил, что в этом замешан Родри.

— Вы хоть что-нибудь предприняли? — закричала Атайя, охваченная негодованием.

Старик казался совершенно спокойным.

— Все, что было в моих силах. Я уже говорил, что неоднократно пытался связаться с Родри при помощи сферы. Не знаю, кто это делал, Родри или Кельвин, но замок Делфар постоянно окружала плотная стена отражения. Я даже собрался было сам отправиться в Кайт, но не получил разрешения от Совета Мастеров. В вашей стране меня могли арестовать и уничтожить по одной простой причине: я — колдун. Родри тоже шел на невероятный риск. Не знаю, как ему удалось добиться встречи с Кельвином и убедить его в необходимости принятия волшебных способностей.

Хедрик развел руками.

— К тому же, как сказали мне представители Совета, я ничем не смог бы помочь Кельвину, если обряд был уже осуществлен. Единственный способ спасения в подобном случае — передать дар еще кому-нибудь. Но кому? Кто вправе опреде-

лять? Нам запрещено подвергать опасности жизнь людей, брать на себя такую ответственность. Это диктуют нам понятия этики.

Хедрик вздохнул и пожал плечами.

— Тем более что я не был уверен, что именно Родри передал Кельвину свои способности. Ведь он мог привлечь для осуществления своих замыслов кого-то третьего. Представители Совета Мастеров не исключали и другой возможности: никто достоверно не знал, является ли король Кайта лорнгельдом или нет. Родри мог выступить в роли учителя для Кельвина, надеясь на то, что, обучившись магии, правитель отменит обряд отпущения грехов. В тот момент вашему отцу было около тридцати. В крайне редких случаях *мекан* проявляется и в столь позднем возрасте. Кроме того, мы очень надеялись на то, что над безумным желанием поэкспериментировать в Родри возобладает здравый смысл, и он не решится пойти на риск. Позднее выяснилось, что при дворе короля Кельвина живет колдун, помогающий ему управлять страной советами и рекомендациями. Тогда мы сошлись в едином мнении, посчитав, что Кельвин — лорнгельд, а Родри просто обучает его использовать магию.

Хедрик печально вздохнул.

— По-видимому, он нашел какого-то колдуна, согласившегося отдать свои способности. Думаю, это не составило ему труда. В Кайте любой лорнгельд с радостью распрощался бы со своим даром.

Атайя нахмурилась.

— Не могу припомнить... Слышала ли я от кого-нибудь, кто передал Кельвину магические знания? Скорее всего нет. Я знала одно: он получил их в результате проведения обряда.

— Полагаю, человеку, согласившемуся на этот шаг, приказали держать язык за зубами. Представьте только, к чему привело бы разглашение тайны. Лорнгельды, узнав о возможности избавиться от своего дара, подняли бы переполох.

Хедрик положил руки на колени и задумался.

— Родри не понимает одного: даже если бы он добился положительного результата в своем опыте, то я все равно

проголосовал бы против его вступления в Совет Мастеров из чисто этических соображений. Родри слишком амбициозен, возможно, он дожидается моей смерти... Прошло уже двадцать лет. Вероятно, ему осталось ждать недолго...

— Просто не понимаю, с какой это стати мой отец должен расплачиваться за непомерный эгоизм этого проклятого Родри! — в бешенстве заорала Атайя.

Сердце ее переполняла ненависть — к Родри и на того, кем бы он ни оказался, кто согласился отдать свои дурацкие способности ее отцу.

Хедрик сцепил пальцы.

— За умение использовать магию нужно платить, Атайя. Даже король не является исключением из этого правила. Чем больше дар, тем выше цена.

— Почему же Родри ничего не платит? — выпалила Атайя. — Сидит себе преспокойненько при королевском дворе и дожидается результатов своего идиотского эксперимента, мечтая попасть в ваш величайший многоуважаемый Совет. И даже не помогает отцу добиться отмены обряда отпущения грехов. Зачем утруждать себя? Ему, подобно Фалтилу, доставляет удовольствие быть вторым после короля колдуном в стране.

— Фалтил расплатился за свои деяния дорогой ценой, — произнес Хедрик. — Когда-то настанет и час Родри.

— А отец? — дрожащим голосом спросила Атайя.

Хедрик не отвел взгляда, он спокойно смотрел на девушку своими мудрыми усталыми глазами.

— Сожалею, Атайя, но мне кажется, Кельвину придется расплатиться за использование магии, ведь этот дар не был преподнесен ему при рождении. Но, возможно, ситуация не настолько трагична, какой вы ее видите в настоящий момент. Кто знает, не исключено, что совершение обряда и передача вашему отцу волшебных способностей связаны каким-то образом с тем, что его дочь — лорнгельд и наделена столь выдающимся талантом. Утверждать ничего не могу. У Фалтила, после того, как он получил дар колдовать, не было детей.

— Боже праведный, вы только прислушайтесь к своим словам! — Атайя вскочила на ноги и долбанула кулаком по

рабочему столу Хедрика. — Хотите убедить меня в том, что принадлежность к роду сумасшедших должна служить мне утешением? Подумаешь: отец вскоре умрет, причем жуткой смертью. Какие пустяки! Никогда не слышала ничего более безумного и бессердечного! И почему, собственно, я должна верить вам? Кто сказал, что вы не лжете мне? Даже рассуждая о моих способностях к магии? А может, сфера, которую я якобы создала, — не что иное, как ваши фокусы или штучки Джейрена?

Атайя знала, что ведет себя отвратительно, что не права, что оскорбляет людей незаслуженно, но контролировать свое состояние была уже не в силах. По щекам покатились горячие слезы, и она резким движением смахнула их с лица.

За последние несколько дней девушке пришлось выслушать невероятно много ошеломляющих новостей, темных историй, мрачных предсказаний. Слишком много. Ей казалось, она вынуждена пребывать в каком-то нескончаемом, кошмарном сне, нереальном, страшном мире, из которого нет выхода. Но что-то странное и непонятное как будто удерживало принцессу здесь, не позволяло сбежать, исчезнуть, уехать. Что это было? Неизвестно. Она ненавидела все вокруг, себя, окружающих ее людей и жалела, что вообще приехала в Рэйку.

Руки принцессы задрожали, сердце бешено колотилось в груди. Вот бы покурить локу! Это помогло бы забыться, хоть на время отделаться от бешеных мыслей, разрывающих на части голову.

— Не понимаю, зачем я согласилась слушать вас, — закричала она. — Вы хотите, чтобы я сошла с ума, оба стараетесь довести меня до безумия. Оставьте...

В этот момент послышался странный звук: один из глиняных кувшинов на деревянной полке сдвинулся с места и через секунду, пролетев через всю комнату, вдребезги разбился от удара о противоположную стенку. На пол посыпались обломки и то, что находилось внутри, — какой-то зеленый порошок.

Атайя вздрогнула и зажмурила глаза.

— Оставьте меня в покое, слышите? — испуганно закричала она, сознавая, что с ней происходит нечто странное и ужасное. — *Перестаньте издеваться надо мной!*

Еще один кувшин с грохотом повалился с полки на пол, за ним — второй, третий... Вскоре вся комната была усеяна осколками сосудов, рассыпавшимися сухими травами и кореньями. Отвратительно запахло, как будто кто-то разбил протухшее яйцо. Атайя, ничего уже не понимая, обезумев от страха и отчаяния, упала на стул-дерево и яростно заколотила кулаками по подлокотникам, стараясь заглушить переполнявшие душу неведомые ей до сих пор эмоции и ощущения.

Джейрен схватил ее за плечи и встряхнул.

— Атайя, прекрати! Постарайся взять в себя в руки!

— Уйди прочь! Прочь от меня! — орала принцесса, пытаясь оттолкнуть его. — Я не могу взять себя в руки! Все рушится, я просто не знаю, что мне делать!..

Атайя не слышала и не сознавала, что говорит, лишь смутно представляя, где и с кем она находится. Вскоре раздался оглушительный треск, наверное, ударили чем-то тяжелым по оконному стеклу. Вдруг комната закружилась перед глазами, руки Джейрена ослабли, а сам он превратился в прозрачную тень...

Неожиданно Атайя почувствовала, как кто-то влепил ей пощечину. Тень определенно на такое не способна. Она прижала ладонь к пылающей щеке, к тому месту, по которому ударил Джейрен. Комната тут же приняла обычные очертания, все встало на свои места, темные пятна перед глазами исчезли. Хедрик сидел на полу, согнувшись, спокойно собирая валявшиеся повсюду осколки. Он лишь на мгновение повернул голову и остался доволен: его ученику удалось довольно быстро привести принцессу в чувство.

Джейрен выглядел несколько сконфуженно. Заложив руки за спину, молодой колдун направился к своему месту.

— Прошу прощения, Атайя. Необходимо было нарушить твою концентрацию. Иногда помогает лишь это.

Атайя потерла все еще побаливавшую щеку и постаралась изобразить улыбку в знак того, что вовсе не обижается.

— Мне действительно стало гораздо лучше. — На самом деле она даже прониклась уважением к Джейрену, далеко не каждый осмелился бы дать пощечину иностранной принцессе. — Спасибо тебе.

Атайя сделала глубокий вдох и с отвращением поморщилась: все еще воняло протухшими яйцами.

— Простите меня за кувшины.

— Об этом можете не беспокоиться, — ответил Хедрик, выбрасывая в мусорную корзину очередную партию обломков. — С годами я привык к подобным явлениям. Джейрен просто обожал поколотить посуду в период *мекана*. Да и Фельджин тоже, насколько я помню. В этом нет ничего удивительного.

— Не знаю, что на меня нашло. Но когда я услышала ваш рассказ и подумала об отце, что-то оборвалось внутри. Я ничего не могла с собой поделать.

— Ваш мозг находится под давлением магии. Необходимо научиться управлять ею. Возможно, это произойдет не очень скоро. Чем больше талант, тем тяжелее его контролировать.

Хедрик подошел к принцессе и положил руку ей на плечо.

— А что касается Кельвина... Только не считайте меня черствым и бесчувственным. Вы даже представить себе не можете, как меня самого расстроила эта жуткая новость. Ваш отец — один из наиболее выдающихся правителей. Он — первый человек за два столетия, задумавшийся всерьез о судьбах лорнгельдов. А ваш старший брат, насколько мне известно, не поддерживает его в этом...

Атайя угрюмо кивнула.

— Дарэк ненавидит Родри, а отца терпит лишь потому, что он не является лорнгельдом. Мой братец полностью поддерживает архиепископа Вэнтана: считает, что лорнгельды — проклятый народ. Когда Дарэку стало известно о намерении Кельвина выдать меня замуж за Фельджина, он прямо-таки взбесился.

Атайя опустила плечи и, подавшись немного вперед, задумчиво обхватила голову руками.

— Нет, я просто не могу в это поверить... Неужели с отцом случится нечто страшное? Как бы хотелось узнать, что с ним все в порядке...

Тут, по всей вероятности, ей в голову пришла какая-то идея. Она выпрямилась и приподняла брови, как будто обдумывая что-то.

— Может, мне воспользоваться сферой, своей сферой, чтобы взглянуть на него?

Нет! — неистово заорал внутренний голос. — *Что ты несешь? Идиотка! Значит, ты признаешь свою принадлежность к лорнгельдам? Учти, если искренне поверить во что-либо, это сбудется. Будь поосторожнее в своих желаниях...*

— Почему бы не попробовать? — отозвался Хедрик. — Хотя вы еще не тренировались, поэтому показанные вашей сферой картины могут не всегда совпадать с действительностью. Если хотите, я могу воспользоваться своей, но не уверен, что в состоянии вам помочь. В тот день, когда вы связывались с Кайтом, я попытался проделать то же самое. У меня ничего не получилось. Замок Делфар был окутан пеленой отражения. Боюсь, там действительно не все в порядке, и Родри решил защититься, чтобы никому из представителей Совета Мастеров ничего не удалось разузнать.

— Нет! Так не пойдет! — твердо сказала Атайя, не обращая внимания на тот факт, что находится среди колдунов и что положение Хедрика намного выше ее положения. — Я должна взглянуть на все собственными глазами! Я должна убедиться в том, что увиденное мною ранее — просто ошибка. Мне нужно удостовериться в том, что отец не умер!

Хедрик резко повернулся, его глаза горели.

— Вы видели? Видели, что Кельвин мертв?

Атайя кивнула, а Джейрен сделал глубокий вдох.

— Вы ведь не думаете, что она уже способна предсказать будущее?

— В этом я сильно сомневаюсь, — ответил старый колдун, окидывая ученика неодобрительным взглядом. Джейрен высказал свое предположение в слишком беспардонной форме.

Неужели она способна на такое?

— Атайя, то, что вы увидели в сфере, вряд ли можно воспринимать как правду. Ваша мощь еще не подвергалась тренировкам. Вы сами говорили, что не очень ладите с отцом. Вполне возможно, что появившееся в сфере изображение связано каким-то образом с вашим воображением. Вы боитесь, что не успеете помириться с Кельвином, вот и нарисовали себе подсознательно такую картинку.

— Я знаю, как должна поступить.

Атайя встала со стула-дерева и решительными шагами направилась к двери.

— Подожди, Атайя, — выкрикнул Джейрен. — Куда ты?

— Хочу найти Осфонина, — ответила принцесса твердо. — И сообщить ему, что я немедленно уезжаю.

— Тебе нельзя уезжать сейчас, — пробормотал Джейрен. — У тебя уже проявился *мекан*. Как сказал мастер Хедрик, ты находишься где-то на средней стадии. Никто не может предсказать, насколько интенсивно *мекан* станет развиваться. Уехать сейчас означает для тебя подвергнуться страшной опасности. Ты просто погибнешь. Поэтому ты должна остаться и начать обучение...

Атайя прищурила глаза.

— И спокойно позволить отцу умереть?

Хедрик расправил плечи и пристально и серьезно взглянул на принцессу — точно так, как в тот вечер, когда она впервые появилась в тронном зале.

— Если вы поедете домой сейчас, вы просто умрете вместе, Атайя.

Зловещее предостережение старого колдуна заставило ее вздрогнуть.

— Вы не понимаете, мастер Хедрик...

— Нет, это вы не понимаете, Атайя. Вы прекрасно знаете, к чему может привести необузданная магия. Думаете, в вашем случае все произойдет по-другому? С вашим талантом стоит ожидать самого худшего...

Атайя тревожно вздохнула.

— Я обещаю вернуться. Съезжу домой, удостоверюсь, что все в порядке, и сразу вернусь.

Хедрик печально покачал головой.

— Вы не успеете вернуться вовремя. Даже сейчас вы находитесь в невероятно опасной ситуации. Но битье посуды и окно — это еще не страшно по сравнению с тем, что может последовать на более поздних стадиях.

— Но мой отец...

— Вы не сможете ему помочь, — ответил Хедрик печальным голосом. — Кроме того, в таком состоянии вы не должны находиться в Кайте. Если священникам станет известно о вашей принадлежности к лорнгельдам, они уничтожат вас. Подумайте еще и о Родри. Во-первых, он не захочет, чтобы в Кайте у него появилась соперница, во-вторых, теперь вы многое знаете о нем. Если...

— Но ведь ни для кого и так не является секретом то, что именно Родри помог Кельвину обрести волшебные силы.

— Никто не знает, что король может сойти с ума. Послушайте, Атайя, я прекрасно понимаю ход мыслей Родри. Этот эксперимент крайне важен для него. Если ему станет ясно, что кто-то способен поставить его замысел под угрозу срыва, то он ни перед чем не остановится. Когда Родри догадается о вашем таланте, то поймет, что и мне об этом уже известно. Ему непременно бросится в глаза перемена в вашем отношении к Кельвину, он забеспокоится: подумает, что я все рассказал вам, и станет опасаться за дальнейшее развитие событий. Вы спокойно можете предать огласке истинные помыслы Родри. Если у Кельвина начнется *мекан* и ваши слова подтвердятся, поражение Родри станет очевидным. Священники получат еще одно доказательство того, что колдовство — невиданное зло, а Родри, если ему посчастливится сбежать из страны, чтобы спасти свою шкуру... — старик серьезно посмотрел в глаза Атайе, — ...во всех неудачах обвинит вас.

— Значит, я буду рассматривать это как риск, на который я обязана пойти. — Принцесса была настроена решительно. — Мастер Хедрик, простите меня. Даже не знаю, как объяснить

вам... Понимаете, я просто должна увидеть отца. Если ему угрожает опасность, то мне нужно находиться рядом.

Прежде чем уйти, Атайя повернулась к окну и взглянула на сияющие на бархатном небе звезды.

А ведь они точно такие же, как над замком Делфар, находящемся на расстоянии пяти сотен миль отсюда...

— Я должна извинится, — прошептала Атайя, обращаясь не к Хедрику и не к Джейрену, а к самой себе, и к звездам, и к тому, кто назывался Господом, к создателю этих волшебных светящихся огоньков, всего вокруг... — Но мне обязательно нужно помириться с ним, пока не стало слишком поздно.

Глава 11

Как и предполагала Атайя, Тайлер, узнав о срочном возвращении в Кайт, заподозрил неладное.

Естественно, девушка не могла представить ему никаких объяснений. Капитан и не настаивал на этом, возможно, понимая, что от нее ничего не добьешься. Однако наутро, привязывая кожаные седельные вьюки к лошади, он несколько раз пристально и задумчиво смотрел в ее сторону. Как только их взгляды встречались, Тайлер поспешно отворачивался, делая вид, будто сильно обижен.

Атайя прекрасно сознавала, что не в состоянии изменить ситуацию, и решила не мешать ему готовиться к предстоящей дороге. Она не хотела расстраивать его, рассказывая о сложном положении Кельвина. Тайлер всегда был невероятно предан королю, как воин и как друг, и всю дорогу только об этом бы и думал.

Но существовала и другая причина, которая останавливала принцессу, пожалуй, самая главная. Как объяснить Тайлеру, на чем основываются ее опасения?

Все очень просто, мой милый. Я — колдунья и увидела страшную картину — умирающего Кельвина.

Атайя вдруг ясно представила его реакцию. Тайлер удивленно поднимет брови, расширит глаза, потом нахмурится, соображая, дразнит она его или же говорит правду. Капитан придет к заключению, что с девушкой не все в порядке — Хедрик и Джейрен заморочили ей голову или она просто сошла с ума, — а когда поймет, что ее слова соответствуют действительности, что Атайе дан дар колдовства — а у нее по этому поводу уже практически не было сомнений, — то их отношения никогда уже не станут прежними.

А может, я плохо знаю его, — подумала Атайя. — *Вдруг он все поймет?*

Но идти на такой риск девушка не решалась. По крайней мере сейчас. Тайлер являлся для нее единственным утешением в жизни, тихой гаванью, к которой можно причалить в самые ужасные времена. Без него принцессе не выжить в водовороте страшных событий и неурядиц...

Пока Тайлер занимался подготовкой ее лошади, Атайя стояла в окружении Осфонина, Исел и Кати. Они говорили ей теплые слова и желали удачной дороги. Фельджин, находясь на другом конце двора, отдавал распоряжения своим людям, которые должны были сопровождать гостей до самой границы.

Атайя, как и подобало представителю королевской семьи, укуталась в мягкое длинное пальто, отороченное мехом. Погода уже не баловала теплом, особенно по утрам. Тем более к середине дня ожидали дождь: небо было затянуто серыми тучами. Но о дожде Атайя думала меньше всего, сейчас ее занимали совсем другие мысли. Отъезд из Ат Луана так разительно отличался от того утра, когда они покидали Делфар. Сегодня ее провожали совсем по-другому. Интересно, суждено ли ей вернуться сюда? Если да, то когда это случится?

— Это письмо для Кельвина, — сказал Осфонин и протянул Атайе скрученный в трубочку пергамент с изображением зеленых лент.

Те же самые ленты, при виде которых у нее три недели назад замерло сердце!..

— В нем речь идет о том, что я переменил свое решение относительно вашей с Фельджином свадьбы. Теперь я смотрю на вещи совершенно по-другому и готов обсудить с Кельвином договор о помолвке в любой удобный для него момент. Да, я ничего не написал об открывшихся у тебя способностях. Ты должна сообщить ему об этом сама. Думаю, он обрадуется.

Лицо Осфонина опечалилось. Он вздохнул и добавил:

— Наверное, Кельвин будет единственным человеком в Кайте, кого эта новость порадует...

— Благодарю вас за оказанное мне гостеприимство, ваше величество, — сказала Атайя, смущенно улыбаясь. — Я думала, вы меня возненавидите.

Осфонин рассмеялся.

— Возненавидеть тебя? Исключено! Я не могу возненавидеть того, кто сумел так ловко проучить Фельджина. Признаюсь, поначалу я сердился, но после долгого разговора с Хедриком, в котором он поведал мне о твоем необычном таланте к магии, я понял, что твое поведение вполне естественно для человека, у которого начал проявляться *мекан*. Неудивительно, что ваша первая с Фельджином встреча прошла именно так. Он тоже настороженно отнесся к возможному браку с тобой и предстоящей поездке в Кайт, ведь в вашей стране не любят лорнгельдов.

Осфонин добродушно усмехнулся.

— Теперь это все в прошлом...

— Да, — ответила Атайя и посмотрела на Фельджина.

Тот разговаривал с одним из воинов рэйкской гвардии — человеком в синем камзоле. Если бы кто-нибудь сказал ей о том, что они подружатся с принцем Рэйки, каких-нибудь пару месяцев назад, она расхохоталась бы этому идиоту в лицо.

— Фельджин так же мил, как его отец.

— Счастливо добраться домой, дорогая, — произнесла Исел и пожала Атайе руку. — И помни о нашем разговоре:

Кельвин любит тебя, просто не может проявить свою любовь. Я так думаю, — поправилась она.

Налетевший порыв ветра закружил первые опавшие листья. Осфонин в последний раз кивнул на прощание и повел свое семейство к центральному входу в замок.

Лишь только они скрылись из виду, на пороге показалась фигура человека в сером плаще. Некто в сером направился к Атайе, длинные полы его одежды волочились по земле, разметая сухую листву. В глазах затаились печаль и страх, старое лицо выглядело напряженным и расстроенным. Атайя могла и не спрашивать, в чем дело. Она все понимала.

Он не произнес ни слова, и принцессе пришлось первой начать разговор.

— Мне очень жаль, мастер Хедрик. Я прекрасно знаю, что вы и Джейрен не одобряете моего решения. Но я не могу оставаться здесь, ведь мне известно, что отец в опасности.

— Я понимаю, Атайя, но не согласен с вами.

В глазах колдуна застыл немой упрек.

Принцесса спрятала руки в складки теплого пальто. С появлением Хедрика она сильно разволновалась.

— Неужели я поступаю настолько неправильно? Эгоистично? Я хочу успеть наладить отношения с отцом, пока не поздно. Хотя, если я верно поняла вас, возможно, *уже* опоздала.

Хедрик пристально посмотрел ей прямо в глаза.

— Подумайте сами, Атайя: вы собираетесь сконцентрировать все свое внимание лишь на одном человеке, а могли бы спасти тысячи. Кельвину вы не в состоянии помочь, а для них способны сотворить настоящее чудо.

Атайя на мгновение зажмурила глаза, словно почувствовала внезапную боль.

— Прошу вас, мастер Хедрик. Не вешайте на меня столь тяжкий груз. Я не в состоянии вынести это.

— Вам придется взглянуть правде в лицо.

Хедрик вздохнул, его старческие плечи опустились.

— Больше ничего не буду говорить. Время покажет.

Атайя нахмурила брови. От его слов на душе стало больно и страшно. Нужно выкинуть их из головы. Ей и так предстоит слишком о многом подумать. Не стоит тратить время и нервы на переживания из-за зловещих предчувствий старика. Одно настораживало: он сдался слишком быстро и покорно. А ведь мог применить свои способы и заставить ее остаться, если ситуация настолько серьезна.

— Передать что-либо кому-нибудь в Кайте? — спросила принцесса, желая перевести разговор в другое русло.

— Да. Хотелось бы, чтобы вы поговорили с Родри.

Лицо старика резко изменилось, на нем отразились гнев и негодование.

— Скажите ему, что я обо всем знаю и что не собираюсь выполнять его просьбу. И не стану заводить о нем беседу в Совете. Просто передайте ему мои слова.

Взгляд Хедрика смягчился, и он посмотрел на девушку так, как будто видел в последний раз.

— Прощайте, принцесса. Вы сделали свой выбор. Желаю вам удачи.

Хедрик пошел прочь, сильнее, чем обычно, опираясь на трость.

Атайя осталась одна во дворе замка. Она взглянула на небо, становившееся все более серым и неприветливым.

*Скорее всего дождь начнется раньше, чем можно было ожидать, — п*одумала Атайя и поежилась от внезапно налетевшего порыва ветра.

— Господь, наверное, тоже не одобряет принятого вами решения, вот и послал дождь, чтобы убедить вас остаться хотя бы еще ненадолго.

Атайя вздрогнула от неожиданности и повернула голову. Рядом с ней стоял принц Фельджин. Он, по-видимому, в отличие от нее совсем не замечал холода, так как одет был довольно легко.

— Фельджин... С добрым утром. Наш эскорт уже готов?

— Почти. Одна из ваших лошадей поранила ногу, поэтому я попросил конюха приготовить другого скакуна. Ждать придется недолго.

— Очень мило с вашей стороны. М-да... Капитан Грайлен не любит выезжать поздно. Сегодня он планировал отправиться в путь на рассвете, чтобы к ночи достичь побережья.

— Тайлер... Он очень хороший человек, — сказал Фельджин и взглянул в сторону конюшен.

Капитан осматривал гнедого мерина, которого собирался взять в дорогу вместо раненого коня. Принц немного наклонил голову и добавил:

— Но вы и сами об этом знаете.

Атайя удивленно уставилась на принца, пытаясь разгадать его мысли. В его глазах заиграли огоньки, а губы расплылись в довольной улыбке.

— Я вспомнил кое о чем... У меня есть для вас подарок, — произнес он загадочно, сунул руку в карман и извлек оттуда маленькую бархатную коробочку зеленого цвета.

— О, Фельджин! Не стоило...

— Мне захотелось сделать вам приятное. Надеюсь, вам понравится.

Атайя открыла коробочку. В ней лежал круглый серебряный медальон на изящной цепочке. Снаружи медальон был отделан крошечными изумрудами и жемчугом, а внутри!..

Когда девушка увидела, что находится внутри, у нее перехватило дыхание: изображение человеческого лица, оно словно висело в воздухе между раскрытыми серебряными створками. Довольно маленького размера, величиной с ноготь, но невероятно реальное и как будто живое. Картина не в состоянии так четко передать облик — она плоская и нередко искажает пропорции. Изображение же в медальончике, созданное искусным прикосновением Фельджина из волшебной дымки и воздуха, казалось, вот-вот заговорит.

Это был Тайлер.

— Фельджин, как вам удалось это сделать? — спросила Атайя срывающимся от нахлынувших эмоций голосом.

— У колдунов много секретов, — хитро поднял бровь Фельджин, и девушка улыбнулась. — Знаете, когда мы ездили с Тайлером на охоту, я заговорил о вас. Мне стало понятно,

какие чувства он к вам питает: не те, которые зарождаются обычно у капитана гвардии по отношению к дочери короля. Его привязанность гораздо более серьезна и глубока. Я заглянул в мозг Тайлера — возможно, не стоило делать этого без разрешения... Его любовь столь сильна, что мне сразу удалось уловить ее. Надеюсь, вы не станете на меня сердиться.

— Все в порядке. Не волнуйтесь, — ответила Атайя, закрывая медальон. — Он, думаю, тоже не обиделся бы на это. И... Спасибо вам. Удивительно красивый подарок.

Девушка была очень тронута вниманием Фельджина и несколько озадачена. Разве не он заставил ее признать тот факт, что ей никогда не выйти замуж за Тайлера? Зачем тогда дарить такую вещь — постоянное напоминание о любимом человеке?

— Но почему... — прошептала Атайя. — Насколько я помню, вы сказали...

— Как я уже говорил, никто не запрещает вам любить человека, даже если вы никогда не сможете создать с ним семью. Мне захотелось подарить вам что-нибудь как напоминание о поездке в Рэйку. Лучшего, более приятного для вас, чем это, думаю, не найти...

Фельджин пожал плечами, пытаясь скрыть смущение.

— С заклинанием, позволяющим создать образ, мне помог Хедрик — оно довольно-таки сложное, одному колдуну обычно не удается с этим справиться. Необходимо было взять капельку самой сути капитана — ему мы не причинили ни малейшего вреда, — заверил он Атайю. — Для него это произошло совершенно безболезненно и безопасно. Сначала я подумал обратиться с этой просьбой к Джейрену. Но потом передумал. Ему, насколько я понял, не очень нравится Тайлер, а негативное отношение к человеку может испортить изображение.

Фельджин лукаво улыбнулся и добавил:

— И я догадываюсь, почему Джейрен недолюбливает капитана... Он просто ревнует. Признаться честно, я тоже ему немного завидую. Тайлеру удалось завладеть сердцем самой красивой женщины Кайта.

С улыбкой на губах Атайя надела цепочку с медальоном на шею и заправила ее под рубашку. Корбаловый кристалл она больше не носила, давно убрала его в мешочек и спрятала на самое дно сумки. По крайней мере здесь, в Рэйке, ей опасаться некого.

В этот момент во дворе появился Джейрен. На плече у него висела сшитая из добротной кожи сумка. Вместо изысканных одежд на нем был обычный кожаный камзол, сапоги и фетровая шляпа, слегка сдвинутая набок.

— Эй, взгляни на время, — крикнул ему Фельджин. — Они уже собираются выезжать.

Джейрен еле заметно кивнул и скрылся в конюшне. На Атайю он даже не взглянул.

Плохой знак, — подумала она. — *Интересно, когда этот колдун собирается подойти, чтобы, подобно Хедрику, еще раз попытаться уговорить меня остаться.*

Но, по всей вероятности, Джейрен был слишком обижен на нее и не собирался устраивать прощальных сцен.

— Думаю, нам пора отправляться, — сказала Атайя, испытывая странное нежелание расставаться с Фельджином. — Попытаемся продвинуться как можно дальше, пока не начался дождь.

— До свидания, Атайя. И будьте осторожны. Я буду сильно переживать за вас. До тех пор, пока не вернетесь.

— Постараюсь. Спасибо за заботу.

Атайя пожала его руку, и Фельджин направился к конюшне, навстречу ветру, растворяясь в толпе готовых к отъезду всадников.

Джейрен стоял в стороне, застегивая медную пряжку плаща. Атайя медленно подошла к нему, но он ничего не сказал, лишь взглянул ей в глаза, как будто чего-то ожидая.

— Насколько я понимаю, ты даже не хочешь со мной попрощаться.

— Я не буду прощаться с тобой, — ответил Джейрен спокойным тоном.

Глаза его сияли каким-то странным светом, он смотрел на нее вызывающе. Атайе это совсем не понравилось.

— Я наговорила тебе много ужасных вещей за последние несколько дней. Но вы с Хедриком рассказали мне столько нового и странного... Мне нужно время, чтобы все обдумать и осознать. Я до сих пор нахожусь в некоторой растерянности. Но хочу, чтобы ты знал: я никогда не хотела обидеть тебя.

Джейрен кивнул:

— Я понимаю.

— Но ведь ты...

— Ничего не говори. Не надо извиняться. Только теряешь время. — Он улыбнулся.

Слишком уж уверенной была его улыбка...

— Я еду в Кайт вместе с вами.

От неожиданности принцесса часто заморгала.

— Ты... *Что?..*

— Что слышала. Ты отказываешься оставаться и обучаться магии. Значит, я отправлюсь вместе с тобой, и мы будем заниматься твоей подготовкой там. Мы долго разговаривали с Хедриком. Это единственный выход.

— Но ты не должен... Мы не должны. Если кто-нибудь в Кайте узнает об этом, нам с тобой просто не жить.

— Не спорь, Атайя. Решение принято. Я еду с тобой. Постараюсь научить тебя, чему смогу, пока твоя магия не вышла из-под контроля.

Джейрен решительно зашагал к конюшне за лошадью, а Атайя поспешила вслед за ним.

— Джейрен, послушай меня...

— Атайя, ты не можешь махнуть на все рукой — на свой талант, на свою жизнь. Я не позволю тебе так поступить. Я не позволю безумию задавить тебя. Понимаю, сейчас ты не осознаешь всей опасности. Людям обычно кажется, что нечто ужасное случается лишь с другими...

Атайя обхватила голову руками, дрожа всем телом от переполнявших душу эмоций, стремящихся вырваться наружу.

— Почему, скажи на милость, моя жизнь для тебя так дорога?

— Да потому что я...

Джейрен замолчал и почему-то густо покраснел.

— Ты нужна своему народу, Атайя. Лорнгельды Кайта нуждаются в таком человеке, как ты, обладающем талантом и властью. Кельвину просто не успеть.

— Может, ты прекратишь называть их моими, — ответила Атайя, пытаясь сдерживаться, чтобы не перейти на крик. — Я не знаю, чьи они — Бога, дьявола или еще кого-нибудь, но *мне-то* эти люди точно не принадлежат.

— Они такие, как я, как Хедрик, как Фельджин, как ты, в конце концов! — Джейрен сжал пальцы в кулаки. — Разве ты сможешь так наплевательски отнестись к ним? Интересно, как бы ты повела себя, если на карту была поставлена не жизнь тысяч неизвестных тебе человеческих существ, а судьба Тайлера? Способна ли ты отвернуться от него? Позволить ему умереть?

Не колеблясь ни секунды, принцесса залепила ему звонкую пощечину.

— Да как ты смеешь разговаривать со мной подобным образом? — прокричала Атайя срывающимся голосом. — Не имеешь права.

— Имею полное право! — проревел Джейрен. — Жизнь каждого лорнгельда зависит от тебя, и я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы заставить тебя понять это.

Резким угрожающим жестом она велела ему замолчать.

— Сбавь тон! Тайлер находится совсем рядом, а я не хочу посвящать его в эти вещи. Понял? Если хотя бы намекнешь ему о чем-нибудь, клянусь, я оторву тебе голову. Я вовсе не шучу, — процедила Атайя сквозь зубы. — А сейчас уходи отсюда и оставь меня одну. Не хватало только, чтобы в конюшню заглянул Тайлер и подумал, что у нас любовное выяснение отношений.

Щеки Джейрена вспыхнули — не то от гнева, не то от смущения. В любом случае ей не было до этого никакого дела. Если бы Джейрен упал замертво у ее ног в эту самую секунду, то она спокойно перешагнула бы через его тело и оставила гнить, даже не оглянувшись

Звонко прищелкнув каблуками, Атайя развернулась, подошла к своей лошади и буквально вырвала поводья из рук перепуганного конюха. Проходя по двору в направлении главных ворот, она о чем-то сосредоточенно размышляла.

Через несколько минут ее нагнал Тайлер.

— Отдавай команду, и отправимся в путь, — сказал Тайлер и оглянулся.

Позади стояли, выстроившись в колонну, шесть пар воинов королевской гвардии Кайта, сзади к ним примыкали люди Осфонина, собиравшиеся сопровождать гостей до границы.

Внезапно Тайлер нахмурился и озлобленно поджал губы.

— Постой-ка, а этому что нужно? — спросил он, указывая на Джейрена, пристроившегося к группе отъезжавших.

— Он едет с нами, — резко ответила Атайя, избегая встречаться взглядом с Тайлером.

— Что?! По-моему, Осфонин уже выделил нам эскорт!

— Нет, Тайлер. Джейрен собирается ехать до самого замка Делфар. Я уже пыталась разговаривать с ним.

Тайлер нервно вздохнул.

— А он не поведал тебе о цели своей поездки?

Конечно, поведал. Джейрен собирается обучать меня магии, чтобы я могла впоследствии возглавить движение против церкви. Правда, здорово?

— Он... он хочет поговорить с Кельвином о судьбах лорнгельдов. Помнишь, я рассказывала тебе о нашей с ними беседе? Хедрик отправляет его в качестве своего посланника.

Тайлер слегка прищурил взгляд, понимая, наверное, что она что-то не договаривает.

— Людям это не понравится. Они отнеслись к этому колдуну с подозрением, когда он присоединился к нам по дороге в Ат Луан. А теперь, черт возьми, им придется терпеть его еще и на протяжении всего пути в Делфархам.

— Мне нет никакого дела до того, что им нравится, а что нет, — резко ответила Атайя. — Кельвин платит солдатам не за их мысли. Они должны неукоснительно выполнять отдаваемые тобой приказы, больше в их обязанности ничего не входит.

Пару секунд Тайлер молчал, затем почтительно склонил голову и произнес:

— Да, ваше высочество.

Через четверть часа после того, как процессия выехала из города, пошел дождь. Несмотря на это, Атайя остановилась на высоком мосту и повернула голову, чтобы еще раз взглянуть на столицу Рэйки. Неделю назад, когда она стояла на этом же самом месте, все ее мысли были заняты одним — переживаниями о предстоящей встрече с Осфонином. Теперь же думать приходилось совершенно об ином: о состоянии отца и о том, что произойдет, если кому-либо в Кайте станет известно о ее таланте... Но самой пугающей казалась другая мысль: какая-то часть ее мозга как будто желала начать тренировки, обучиться магии.

И принять, таким образом, дар дьявола...

Глава 12

Последнюю ночь в Рэйке Атайя провела при старом, обветшалом постоялом дворе, располагавшемся у подножия высокой горы недалеко от границы.

Принцессе доводилось бывать в местах и похуже, поэтому она не жаловалась. После долгого дня в дороге простой бульон и жилистый кусок баранины, поданные к столу, показались необыкновенно вкусными. Когда Тайлер и его люди поднялись наверх — там для них приготовили комнаты, — она все еще сидела в пустынном обеденном зале, намереваясь допить остававшееся в кувшине вино и заглушить таким образом переполнявшую душу тревогу.

Неужели она поступает неверно и эгоистично, желая наладить отношения с отцом и отодвигая на второй план все другие дела? Может, в первую очередь действительно нужно было заняться обучением? Сколько невинных людей погибло со вре-

мен правления Фалтила? И что злило Атайю больше всего, с чего это вдруг ответственность за их судьбы должна лечь на ее плечи? У Хедрика, естественно, нашелся бы достойный ответ на подобный вопрос. У него всегда находился ответ.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Принцесса подняла голову и увидела усаживающегося напротив нее Джейрена. Колдун взял видавший виды кубок с соседнего стола и налил себе вина, затем взглянул на почти уже догоревшую тростниковую лампу.

— Уже поздно. Почему ты до сих пор не спишь?

— Могу задать тебе тот же самый вопрос.

Джейрен отхлебнул вина и несколько неуверенно улыбнулся.

— Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь. И еще кое о чем: сильно ли ты сердишься на меня за то, что я поехал с вами без приглашения.

— Не знаю. Сейчас я чувствую себя совершенно опустошенной. Возможно, от вина... Просто хочу, чтобы все поскорее закончилось.

Девушка опустила голову и обхватила ее ладонями.

— Думаю, я уже не так сильно злюсь на тебя, хотя ты этого и заслуживаешь.

— Тебе еще не раз придется убедиться, что временами я бываю не менее упрям, чем ты.

Атайя улыбнулась:

— В этом я даже не сомневаюсь.

В лампе погас, пошипев пару секунд, последний огонек, и зал окутала кромешная темнота. Джейрен раздраженно фыркнул и щелкнул пальцами. Откуда ни возьмись в его ладони появился светящийся красный шар, точно такой же, какие Атайя увидела в тронном зале Осфонина, когда впервые вошла в него.

— Что ты делаешь? — спросила она недовольным тоном, пытаясь закрыться руками от яркого света. — Убери эту штуку.

— Мы еще не в Кайте, — ответил Джейрен и приказал шару подняться в воздухе и повиснуть над столом. — Обык-

новенный колдовской светильник. Если хочешь, я научу тебя делать их.

Атайя нагнулась и взяла с соседнего столика свечу.

— Я предпочитаю пользоваться проверенными средствами. Которые к тому же являются гораздо более естественными.

— Да ладно. Это очень просто. Все, что тебе нужно сделать, так это пойти по тропе заклинания.

Атайя окинула его скептическим взглядом.

— Тропе?

Кажется, от Хедрика она не слышала ничего подобного.

— О чем ты?

— Тропе собственного мозга, — терпеливо пояснил Джейрен. — Они помогают выйти к участку, отвечающему за сферу заклинаний.

— Но ведь я никогда не создавала таких шаров. Каким образом заклинание появится в моей голове, если я никогда не обучалась ничему подобному?

— Оно находится там с самого рождения, у меня тоже. А насчет тропы... Ты поймешь, что я имею в виду, если попытаешься вникнуть. На первый взгляд это звучит довольно запутанно, но именно таким методом ты сможешь исследовать свой мозг и найти то, что ищешь. Рано или поздно ты обнаружишь нужную тебе тропу, а когда это случится, сможешь использовать заклинание. У тебя уже получалось несколько раз применить магию, тебе помогало твое подсознание.

Атайя нахмурила брови. Сознание того, что в ее голове находится столько непонятного, доставляло некоторый дискомфорт.

— А если я набреду на неверную тропу? — спросила она, не имея ни малейшего представления, в чем это может выразиться.

— Не беспокойся. Пока тебе не придется столкнуться с подобным. Сначала нужно освоить простейшие заклинания. Твой мозг будет блокировать доступ к более сложным. Но если *мекан* обширно распространяется и дело доходит до запущенной формы, то естественные преграды рушатся. Тропы

начинают пересекаться, перекрывая друг другу путь, и, наконец, состояние человека доходит до такого предела, когда никому уже не под силу вернуть все на свои места и упорядочить работу сознания.

— А что происходит в голове человека, которому дар передан кем-то? У них есть эти самые тропы?

— Такие люди даже не способны развить тропы — тропы готовят для них отдельно перед совершением обряда передачи. Родри, например, создал тропы искусственным путем. Поэтому-то волшебные силы Кельвина настолько ограничены. Полагаю, твой отец может использовать лишь те заклинания, тропы которых были имплантированы в его мозг особым методом. А тебе представляется возможность научиться пользоваться любым заклинанием, ведь у тебя есть все тропы. Не хочешь попробовать?

Атайя моргнула.

— Что? Прямо здесь?..

— А почему нет? Я, например, зашел на тропу, чтобы создать светящийся шар. И пребывал там не более секунды. Ничего в этом нет экзотического — вхождения в транс и подобных штучек. Такие трюки проделывают шарлатаны и обманщики, пытаясь поразить зрителя и заморочить ему голову. В нашем случае все происходит незаметно для постороннего взгляда, и ты при этом остаешься в сознании и нормально воспринимаешь происходящее вокруг.

Атайя положила локти на стол и задумалась.

— Н-не знаю... Мне кажется, все это слишком сложно.

Джейрен пожал плечами.

— Когда-то необходимо сделать первый в твоей жизни шаг. Ходить — настолько же естественное для человека занятие, как для колдуна — применять магию. Если научишься один раз, уже никогда ничего не забудешь. Ну, почему бы нам не попробовать?

— Нам?

— Тебе потребуется помощь опытного колдуна, когда ты начнешь тренировки. Я подскажу тебе, как найти отправную

точку к прогулкам по тропам, ведь ты пока не знаешь, что делать. Кто-то должен направлять тебя, чтобы ты не запуталась в лабиринтах троп. Мозг каждого колдуна обустроен по-своему, но общая картина и расположение дорожек одинаковы.

— Ты проникнешь в мое сознание? — спросила Атайя нерешительно.

Эта идея ей не очень-то понравилась.

— И ты сможешь читать мои мысли?..

— Только если ты мне позволишь, — уверил Атайю Джейрен. — Практически невозможно прочесть мысли другого колдуна, если он сознательно отгораживается от тебя. Мой мозг может связаться с твоим, и я помогу тебе ходить по тропам. Если ты этого захочешь.

Атайя чувствовала себя все более растерянной. Оказывается, научиться магии не так-то просто!

— Наверное, будет лучше, если я начну тренировки как можно раньше. Возможно, я перестану себя ощущать полной идиоткой.

Джейрен понимающе кивнул.

— Итак, попробуем?

— Наверное. Только не дай мне заблудиться.

— Не дам. Не хочу, чтобы ты запуталась и стала выбирать не те заклинания, которые нам нужны. Следуй за мной. Начинаем.

Атайя не закрыла глаза. Просто сидела неподвижно и напряженно ждала. Что-то должно произойти...

Поначалу она ничего не чувствовала, лишь некоторую неловкость и смущение. Внезапно в голове появилось странное, какое-то прохладное ощущение — ощущение присутствия постороннего. Это было похоже на щекотание перышком, но не снаружи, а внутри головы.

— Не делай резких движений, Атайя. Я уже здесь.

Принцесса отчетливо слышала спокойный голос Джейрена, хотя его губы не двигались.

— Сейчас я осмотрюсь и поведу тебя по тропе. Следи за моим местонахождением.

На протяжении некоторого времени ничего не менялось. Атайя видела светящийся шар над столом и еле различимые очертания комнаты, только теперь стало как будто темнее. Неожиданно перед глазами появилось изображение, которое словно наложилось на реальную картину.

Атайя почувствовала, что неожиданно оказалась в какой-то странной, едва освещенной пещере. Стены здесь были гладкими и выглядели как черное дерево. Хотя девушка прекрасно понимала, что ее физическое тело находится в обеденном зале, ей казалось, что она могла ощутить мягкую землю под ногами.

— *Полагаю, мы на правильном пути,* — уловила она мысль Джейрена.

Атайя не видела своего проводника, но чувствовала его присутствие. Он был рядом, даря ощущение уверенности и надежности.

Джейрен повел ее к расположенной у стены каменной плите. Над ней были вырезаны какие-то странные символы.

— *Прикажи двери открыться. Просто подумай об этом. Она должна подчиниться тебе.*

Нерешительно Атайя велела плите сдвинуться с места.

К ее немалому удивлению, камень послушно отъехал в сторону, открывая широкий вход во множество извилистых коридоров. Каждый из них вел в определенную пещеру. Некоторые из коридоров были заблокированы, другие — сооружены только наполовину. Они напоминали стены недостроенного собора. Джейрен повел принцессу по достроенному коридору — тропе, которая лучше остальных освещалась таинственным сиянием, — и остановился у небольшого углубления в стене. Атайя увидела те же самые непонятные символы.

— *А теперь попробуй создать волшебный шар,* — сказал Джейрен. — *Вот заклинание.*

— *Но... как?*

— *Прислушайся. Сейчас ты все узнаешь.*

Атайя сконцентрировала внимание на символах, вслушиваясь в тишину, пытаясь уловить каким-то образом их значе-

ние. Она не слышала никаких звуков, но чувствовала раздающийся отовсюду шепот — он буквально окружал ее, напоминая шум волн в океане, шелест летней листвы. Неожиданно ее пальцы щелкнули, как будто сами по себе. Однако огненный шар так и не появился.

— *Все верно,* — терпеливо произнес Джейрен. — *Просто попробуй еще разок.*

Атайя вновь посмотрела на символы и, сосредоточившись, повторно щелкнула пальцами. На этот раз в ладони показался светящийся шар.

— Взгляни! — воскликнула она, не веря своим глазам. Изображение коридоров и пещер внезапно исчезло, остались лишь очертания обеденного зала и горящее чудо у нее на ладони.

Джейрен откинулся на спинку сиденья, довольно улыбаясь. Его ученица делает успехи!

Атайя отпустила свой шар, он плавно подплыл к шару Джейрена и повис в воздухе над столом.

Минут через пять в зале появилась полногрудая молоденькая женщина с небрежно заколотыми белокурыми волосами. Она подошла бочком к столу Атайи и Джейрена и наполнила вином их кувшин.

— Парочка колдунов? — проворковала она.

Окинув Атайю лишь мимолетным взглядом, девица уставилась на Джейрена.

— У нас не много ваших братьев. Штуки две на всю деревню. И ни один из них не выглядит так потрясающе, как ты.

Она бесцеремонно положила руку Джейрену на шею и наклонилась, придвигая к его лицу пышную полуобнаженную грудь.

— Может, я покажу тебе свою магию? Если ты понимаешь, что я имею в виду...

Джейрен отвернул голову в сторону.

— Гм... Нет, спасибо.

Не находя подходящих слов, он указал на Атайю и добавил:

— Я с ней.

Девушка деланно надула губы.

— Очень жаль. Но... Если вдруг передумаешь... Меня зовут Лорна. Моя комната находится прямо рядом с кухней, — произнесла она и направилась к выходу, вызывающе виляя бедрами.

Атайя откинулась на спинку стула и взглянула на Джейрена так, словно видела его впервые. А ведь он молод и чертовски привлекателен, но она уже привыкла рассматривать его не иначе как постоянную помеху на своем пути. Ей никогда и в голову не приходило представить Джейрена в качестве любовника. Эта женщина так явно хотела завлечь его в свои сети, причем ее определенно заинтересовала главным образом не его привлекательная внешность, а тот факт, что он являлся колдуном.

— И часто тебе делают подобные предложения? — спросила она, игриво поднимая бровь.

Джейрен пожал плечами:

— Случается.

— Наслаждайся, пока имеешь возможность, — произнесла Атайя более печальным тоном. — После того, как мы пересечем границу, женщины и не подумают бросаться тебе в ноги.

Принцесса кивнула в сторону горящих красным светом шаров:

— Малейшая выходка, подобная этой, и тебя готовы будут поджарить на костре, как убитую на охоте утку.

Джейрен опечалился.

— Я ничего не понимаю. Если в Кайте уверены, что магия — это зло, почему же тогда все уважают и почитают Кельвина? Человека, использующего дьявольские силы?

— За это, как ни странно, можно поблагодарить церковь. Она не решается пойти против короля, хотя могла бы. Архиепископу Вэнтану удалось каким-то образом убедить Курию в том, что отец решился на этот шаг лишь из желания спасти страну. Кайт на протяжении двух столетий был развален на мелкие, воюющие между собой провинции. Кельвин посчитал, что должен использовать любой способ для восстановле-

ния государства. И знаешь, — задумчиво добавила она, — у моего отца, конечно, есть недостатки, но он не желает никому зла и искренне стремится сделать все, что в его силах, для своего народа.

— В отличие от Фалтила, — пробормотал Джейрен, проводя пальцем по краю кубка.

— Поначалу многие не одобряли поступок Кельвина. Моя мама, например, насколько я знаю, очень испугалась, решив, что он накличет на себя безумие...

— Твоя мама... Раньше ты о ней никогда не упоминала. Какой она была?

— Чэндис? Я не могу сказать ничего определенного, потому что не знала ее. Но мне говорили, что я очень на нее похожа. По всей вероятности, они с отцом были влюблены друг в друга. Прожить вместе им суждено было недолго, около восьми лет. Мать умерла от какой-то болезни — лихорадки или чего-то в этом роде.

Джейрен совсем погрустнел и опустил глаза.

— Возможно, уже тогда Кельвин начал расплачиваться...

— Что?

— Наверное, Бог отнял у него любимую женщину в качестве расплаты за использование магии.

Атайя сложила руки на груди и посмотрела на Джейрена с отвращением.

— Насколько я могу судить, вы с Хедриком верите в какого-то жадного и злого Бога.

Джейрен ничего не ответил. Он сидел, погрузившись в свои мысли, спокойно попивая вино.

— Не понимаю, для чего бы понадобилось Господу наказывать короля за то, что он решил сделать жизнь своего народа более счастливой и упорядоченной. Если сам Бог наделил Кельвина властью, то зачем наказывать его за добросовестное выполнение своих обязанностей перед людьми? Да, у нас с отцом много разногласий, но он замечательный король. Может... не очень хороший отец.

Атайя потерла глаза, ощущая навалившуюся вдруг усталость.

— А я, наверное, не самая лучшая дочь...

На этой нерадостной ноте она закончила разговор, пожелала Джейрену спокойной ночи и отправилась спать, больше, чем когда бы то ни было, мечтая очутиться дома.

Атайя, залитая лучами солнца, проникавшими сквозь разноцветные стекла окон собора Святого Адриэля, шла по проходу к алтарю.

Все святилище было украшено удивительной красоты цветами, в воздухе витал их тонкий аромат. В руках принцесса держала букет белых роз, а платье, которое идеально сидело на ее фигурке, представляло собой настоящее произведение искусства — чудесная фантазия из белого атласа, расшитого жемчугом и алмазами. С красовавшейся на голове короны белым облаком спадала на плечи полупрозрачная фата. Колокола отбивали радостную мелодию, извещая людей о наступлении праздника, и Атайя радостно улыбалась, слушая их переливистый звон.

В передних рядах у алтаря сидело все ее семейство. Все выглядели счастливыми и гордыми. На лице Дарэка светилась нехарактерная для него улыбка, Сесил смахивала со щек слезы. Николас смотрел на сестру восторженно и явно очень за нее переживал. Дагара — да-да, даже Дагара! — улыбалась ей и одобрительно кивала.

Тут Атайя увидела *его*, и сердце подпрыгнуло от радости.

Тайлер ждал ее на ступеньках перед алтарем. Как потрясающе он выглядел! В великолепном белом плаще, отороченном мехом, с аккуратно зачесанными назад волосами, в белом берете с пером ее возлюбленный показался ей не просто красавцем, а чем-то нереальным, божественным... Глаза Тайлера горели, затемняя своим светом сияние украшенных драгоценными камнями воротника и пояса. Нужно подождать еще совсем немного, и он навсегда будет принадлежать ей!

Вот принцесса уже приближается к возлюбленному, они стоят у алтаря, колокольный звон затихает... Архиепископ Вэнтан сходит с кафедры и направляется к молодым. На свя-

щеннике белоснежная ряса и золотистая риза. В одной руке Вэнтан держит молитвенник в позолоченном переплете, а в другой — шелковую красную ленточку. Он водит лентой по строчкам в поисках нужного места. Вот его рука останавливается... и сердце Атайи замирает. Сейчас она услышит долгожданные слова: «Согласна ли ты, Атайя Чэндис Тэйя Трелэйн, взять в мужья этого мужчину...»

— Всемогущий Отец наш, — заговорил архиепископ. — Создатель всего живущего на земле, искупивший грехи человеческие! Услышь нас, молящихся о прощении. Мы исповедуемся в грехах наших, вольных и невольных, и сожалеем о содеянном. Спаси, Господи, и помилуй нас, рабов твоих.

Атайя нахмурила брови.

Слова...

Он читал не те слова.

Вэнтан, наверное, что-то перепутал. Принцесса достаточно много раз присутствовала на свадьбах и была уверена: таинство заключения брака начинается не с молитвы прощения. Атайя подняла голову и взглянула на Тайлера, который продолжал смотреть на священника и, похоже, не находил в его словах ничего странного. В его глазах светились слезы, но они вовсе не походили на слезы радости...

Вэнтан не останавливался, невозмутимо делая свое дело. Атайя уже не слышала, о чем он говорил.

Что-то не так!..

Только сейчас она заметила корону на голове Дарэка и отсутствие Кельвина. И рыдания Сесил. И то, как крепко прижимал ее к себе Николас, пытаясь хоть немного утешить. И улыбку Дагары, еще более счастливую, чем раньше.

Архиепископ Вэнтан закрыл молитвенник, повернулся к алтарю и взял чашу.

— Кто привел эту женщину для совершения священного обряда отпущения грехов?

Она почувствовала на плече нежное прикосновение руки Тайлера. Его голос дрогнул, когда он произнес:

— Я.

— *Нет!* — закричала Атайя, роняя на пол букет из белых роз и впиваясь ногтями в красивые одежды Тайлера, разрывая изысканную ткань, отрывая прочно пришитые украшения. — Как ты мог? Как ты мог *так поступить* со мной?

Тайлер крепко сжал ее руки и подошел ближе, топча на ходу нежные белые бутоны.

— Я вынужден пойти на это, потому что люблю тебя, Атайя. Я должен уберечь тебя от сумасшествия. Мы не сможем быть вместе вечно, если ты попадешь в ад, а я — в рай. У меня нет другого выхода. Я делаю это для нашего же блага.

— Ты говорил, что хочешь *жениться* на мне, — простонала девушка, трясясь всем телом от безумного страха.

— Да. Но я ничего не могу изменить. — Теперь слез в его глазах уже не было, он смотрел на нее решительно и серьезно. — Ну же, Атайя, выпей священное вино. И жди меня на небесах. Я приду к тебе, когда наступит и мой час.

— Да-да, Атайя, ты обязана выпить это. Ради Кайта. И ради своего брата, его короля.

— Ты должна, — произнесла Дагара, обнажая в злобной улыбке заостренные, похожие на клыки зубы.

— Ты должна, — сказала Сесил и еще больше расплакалась.

— Ты... должна, — повторил нерешительно Николас.

Архиепископ Вэнтан приблизился к ней с чашей в руках. В его глазах светились радостные огоньки.

— Слушай, что тебе говорят, дитя мое. Твой мозг уже не в состоянии принимать решения, поэтому поверь своей семье. Они желают тебе лучшего. Хотят спасти тебя...

— Нет! Вы ошибаетесь... Все вы! Тайлер, пожалуйста, объясни им!

Она пронзительно закричала, когда Тайлер повернулся к ней. В его глазах пылал огонь, лицо покраснело... Сейчас ее возлюбленный походил на самого сатану. Он швырнул ее к ногам Вэнтана и резким движением насильно запрокинул ей назад голову.

— Быстрее вливайте вино, — проревел Тайлер. — Давайте покончим с этим поскорее.

Атайя сопротивлялась из последних сил, но не могла вырваться из железных объятий Тайлера.

— *Нет!* — выкрикнула она, когда чаша с вином находилась уже у самых губ.

Неожиданно послышался раскат грома, за ним последовал удар молнии, церковь озарилась разноцветным светом. По кровле забарабанил дождь. Вскоре святилище стало наполняться водой, которая проникала сюда через все двери и окна.

Но Тайлер, продолжая все так же крепко держать ее, не обратил никакого внимания на разбушевавшуюся стихию и еще раз, уже гневно и неистово, закричал:

— Пей!

Он начал в ярости трясти ее за плечи.

— Атайя, тебе следует выйти из этого состояния.

Голос, который она слышала теперь, звучал странно, как будто с ней разговаривал человек с отрезанным языком.

— Атайя, проснись, тебе говорю!..

Принцесса резко открыла глаза и увидела перед собой склонившуюся над кроватью фигуру в белых одеждах.

— Уйди прочь! — заорала принцесса и подняла руку, собираясь защищаться от неизвестного врага.

— Да взгляни же на меня! — крикнул полуночный гость. — Ты что, совсем очумела?! Это я, Джейрен!

— Джейрен? — переспросила Атайя растерянно, словно впервые слышала это имя.

Принцесса моргнула несколько раз, пытаясь прийти в себя, но все еще не могла понять, где находится: в реальном мире или во сне. Гроза не казалась ей уже настолько пугающей, дождь стихал. По закрытым деревянным ставням, по всей вероятности, хлестали ветви расположенного рядом с окном дерева. Очертания храма практически исчезли, но она еще могла видеть его словно сквозь пелену густого тумана.

— Атайя?..

Она покачала головой, стараясь отделаться от странного видения.

— Кто... Что произошло?

Джейрен положил руку ей на лоб, чтобы проверить, не поднялась ли температура.

— Я проснулся от грозы. Мне кажется, что это не природное явление. Это вызвано колдовскими силами. Звук слишком глухой.

Гроза... Собор... Потоки воды... Да, да, теперь она вспомнила. Их собирались обвенчать... там была вся ее семья.

Видение все ярче и ярче всплывало в памяти. Вот перед глазами появился Тайлер с чашей в руках...

— Остановитесь! — закричала Атайя, возвращаясь в свой кошмарный сон. — Джейрен, вели им оставить меня в покое! Уйдите!

Она открыла глаза, но увидела не комнату при постоялом дворе, а все тот же собор, наполненный людьми, и ужасную грозу.

— Отпусти меня! Я все равно не стану это пить! Тайлер, как ты *мог?*

Джейрен прижал ее к подушкам, пытаясь успокоить, называл ее имя, но до девушки уже не доходил его голос. Атайя видела Тайлера и архиепископа и извивалась всем телом, пытаясь вырваться из их цепких рук...

— Атайя, слушай меня. Постарайся выйти из этого состояния, не дай ему захватить тебя. Изо всех сил постарайся!

Его слова ничего не значили для нее. Принцесса их практически не слышала. В ушах звенели яростные крики людей, находившихся в церкви.

— *Колдунья должна умереть! Уничтожьте дьявольское отродье!..*

Внезапно Атайя почувствовала, что кто-то ударил ее по щеке. Оба мира — реальный и нереальный — перепутались в ее голове, и она не могла понять, где получила пощечину: там или здесь.

— Что, скажите на милость, здесь происходит?!

Вне себя от страха, Атайя резко подняла голову. В проеме двери стоял Тайлер. По-видимому, он одевался второпях — выглядел взъерошенным и заспанным. Лицо его было искажено гневом.

— Ты! — закричала Атайя, показывая на него пальцем. — Как ты мог отдать меня на растерзание этим мерзавцам?!

Двумя прыжками Тайлер подскочил к кровати, схватил Джейрена за воротник ночной рубашки, оттащил от Атайи и швырнул к стене. Увидев след от удара на щеке принцессы, он пнул беднягу ногой в живот.

— Что, черт возьми, тебе от нее понадобилось? — проревел разъяренный капитан и ударил Джейрена головой об стену. — Что ты задумал, сопливый колдунишка?!

— Тайлер, перестань! — сказала Атайя. — Он только хотел...

Что? Он говорил ей что-то про грозу... Но сейчас ничего уже не было слышно, лишь несильный дождик барабанил по крыше.

Тайлер вцепился в горло своей жертвы, и Джейрен стал хватать ртом воздух, тщетно пытаясь высвободиться из железных капитанских рук.

— Захотел проверить на ней какие-нибудь из своих колдовских штучек? — орал Тайлер, грубо тряся несчастного Джейрена. — Отвечай! И как так вышло, что ты оказался у нее в спальне посреди ночи?!

— Тайлер, отпусти его! — крикнула Атайя. — Это приказ!

Капитан дернулся, как будто его укололи, и немного ослабил хватку.

Теперь, хоть вырваться ему бы все равно не удалось, Джейрен мог хотя бы дышать.

— Что он тебе сделал? Настраивает тебя против меня, не так ли?

Атайя потерла виски. Начинала болеть голова.

— Пожалуйста, перестань говорить глупости, — резко ответила она. — Это не имеет к тебе никакого отношения.

— Наверное, придется вытащить тебя отсюда и поговорить по-мужски.

Тайлер бросил на Джейрена убийственный взгляд и уже собрался было выполнить свою угрозу, но Атайя остановила его:

— Если ты еще раз тронешь его хоть пальцем, я расскажу о твоем поведении Кельвину, как только мы приедем домой. Ты слышишь меня?

Тайлер не поверил своим ушам. Он выпустил бедного колдуна, который упал на пол, хватая ртом воздух, и уставился на Атайю.

— Ты не можешь...

— *Вы свободны,* капитан.

Уже в тот момент, когда безжалостные слова слетали с губ принцессы, она с удовольствием забрала бы их обратно, но было слишком поздно. Стиснув зубы, кипя от злости, Тайлер повернулся к ней спиной, подошел к выходу и громко хлопнул дверью. Второй хлопок, не менее шумный, раздался на втором этаже, когда капитан добрался до своей комнаты.

Чувствуя себя совершенно несчастной и опустошенной, Атайя упала на подушки и принялась утирать горькие слезы рукавом промокшей от пота ночной рубашки. Джейрен тихо постанывал, скрючившись на полу у стены. Несколько мгновений спустя он приоткрыл глаза, подполз к кровати и приподнялся на локтях. Его дыхание все еще было прерывистым и тяжелым.

— Как ты? — спросила Атайя.

Джейрен кивнул.

— В порядке. Еще немного, и все придет в норму.

Атайя слышала, как капли дождя, стекая с крыши, с бульканьем падали в лужи.

— Эта гроза... Она и в правду была?

— Вызванная колдовством, но была, — ответил Джейрен, жадно заглатывая воздух. — Ты постаралась. Часть крыши нашего здания снесло ветром, долину затопило. Поэтому-то, наверное, Тайлер и прибежал сюда — проверить, как ты себя чувствуешь. А может, услышал, как ты кричала.

— Теперь он бог знает что подумает, — нахмурила брови Атайя. — Конечно, ему не очень-то приятно было обнаружить тебя здесь. Особенно в *этой* одежде.

Джейрен натянул на колени смятую рубашку.

— Прости меня, Атайя. Я постоянно доставляю тебе кучу неприятностей. Так ведь?

— С этим нельзя не согласиться. Но в том, что Тайлер выскочил отсюда как ошпаренный, ты не виноват. Я не дол-

жна была разговаривать с ним в таком тоне. — Она печально вздохнула. — Но я не хочу, чтобы Тайлер обо всем узнал. Я так боюсь увидеть его реакцию... Что он подумает?

— А сейчас что он думает? — спросил Джейрен с некоторым раздражением в голосе. — Тайлер уверен, что я воздействую на тебя своей магией против твоей воли. Или, что еще хуже, считает, что я хочу получить от тебя то, что предлагала мне та женщина.

Атайя покачала головой.

— Это ужасно. Но я не могу рассказать ему правду. По крайней мере не сейчас. Позже.

— Когда же? После того, как он сам обо всем догадается? Случайно увидит, например. К тому же, если мы будем тренироваться по нескольку часов каждый день, Тайлер точно подумает, что у нас любовная связь.

Атайя рассмеялась:

— Да это просто смешно. Он прекрасно знает, что я не могу увлечься никем иным.

Джейрен молчал несколько секунд, на его лице отразилось какое-то разочарование.

— Я очень хорошо понимаю причины, по которым ты боишься признаться ему во всем. Но позволь мне задать тебе один вопрос: если Тайлер не примет тебя такой, какая ты есть, то стоит ли он твоей любви?

Некоторое время оба молчали. Затем Джейрен медленно поднялся с пола и тихо вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Атайя приподнялась, собираясь окликнуть его. Она готова была ответить ему на этот непростой вопрос, но тут вспомнила выражение лица Тайлера в тот момент, когда он уходил. Нет, теперь ей не так просто ответить...

Черт бы его побрал! — сердито подумала Атайя. — *Я тебя ненавижу, Джейрен. Прекрати заставлять меня принимать те вещи, о которых я и слышать не хочу.*

Ей так и не удалось заснуть в эту ночь. Свернувшись калачиком, принцесса пролежала с открытыми глазами, слушая завывания ветра за окном, напоминавшие стон умирающего.

Глава 13

— Видишь там, вдали, сторожевую башню, Джейрен?..

Тайлер указал рукой в сторону появившихся на горизонте очертаний замка Делфар.

Он впервые заговорил с колдуном с того момента, как застал его в комнате Атайи при постоялом дворе две недели назад.

— А копья на воротах видишь? Сделай хоть один неверный шаг, и твою голову наткнут на одно из них!

Джейрен ничего не ответил, лишь слегка поежился под испепеляющим взглядом Тайлера. Капитан ясно дал ему понять, что, если застанет его за колдовством, молчать не будет.

Атайя тоже смотрела на замок, но не на острые наконечники копий. Траурных знамен над башенками не было видно, а это означало, что Кельвин пока жив. У нее еще есть время!

Принцесса с облегчением вздохнула.

— Джейрен и не собирается жить в Делфаре, — раздраженно воскликнула Атайя, реагируя на угрозу Тайлера. — Он спокойно может остановиться в городе. Например, на постоялом дворе за лавкой красильщика, в том, что находится рядом с таверной Орэна, всегда бывают свободные комнаты.

— Конечно, бывают, — ответил Тайлер. — А ты знаешь, как там воняет? Но для Джейрена, я думаю, сойдет, если не обращать внимания на его благородное происхождение.

Лицо Тайлера ничего не выражало, но по его тону было понятно: он считает это место идеально подходящим для колдуна.

Атайя сделала вид, что пропустила мимо ушей язвительное высказывание капитана, хотя он верно подметил: пахло в этом районе города отвратительно. Дело в том, что для окрашивания тканей использовали основанный на урине раствор, и, несмотря на то что материал приходилось затем тщательно выполаскивать, цвета получались очень яркими и насыщенными, поэтому красильщик не желал отказываться от данного метода.

— Думаю, Джейрену лучше не показываться в Делфаре, пока я не поговорю с отцом о целях его визита, — сказала Атайя. — А еще необходимо объяснить Кельвину, что он уже встречался с Джейреном, но тогда он появился при дворе в качестве курьера из Рэйки.

Вообще-то так будет лучше для меня, ведь Джейрен и не собирается беседовать с королем. Если он поселится где-нибудь вне замка, то мы сможем спокойно заниматься обучением. Я должна научиться пользоваться заклинаниями.

— Ты так заботлива и внимательна, — подчеркнуто вежливо произнес Тайлер. — Я поеду вперед и предупрежу его величество о нашем прибытии... Лейтенант Парр, — окликнул он своего заместителя, который вместе с остальными следовал за принцессой и капитаном на расстоянии десяти ярдов. — Вы остаетесь за главного.

Не дав Атайе ни малейшей возможности произнести хотя бы слово, Тайлер дернул за поводья, пришпорил лошадь и рванул вперед.

Атайя отстала от воинов эскадрона Тайлера, и они с Джейреном договорились о сдаче ему нескольких небольших и как можно более чистых комнаток. Затем принцесса направилась домой. Ей не было страшно возвращаться, и это ощущение дарило радость и умиротворение.

Когда Атайя въехала в главные ворота замка, она увидела Николаса. Принц встречал ее, стоя у конюшни.

— Я скучала по тебе, Ники.

Девушка крепко обняла брата, приподняла его шляпу и потрепала по волосам.

— Как хорошо, что ты вернулась, сестренка. Когда ты уехала, Дагара стала искать другого человека, к кому можно постоянно придираться. Естественно, ее выбор пал на меня.

— Очень хорошо. Можешь и дальше оставаться при этой роли. Я не буду возражать.

Атайя слезла с седла, отстегнула сумки и передала поводья конюху. Николас обнял ее за талию, и они направились к центральному входу в замок.

— Тайлер приехал примерно час назад. Мы перекинулись с ним буквально парой слов. По-моему, он в ужасном настроении. Что-то случилось? Вы поссорились?

Атайя споткнулась, ее лицо напряглось. Отвечать ей очень не хотелось.

— Прости, не хотел тебя расстраивать. Задам другой вопрос, хотя не уверен, что эта тема покажется тебе более приятной. Как вы пообщались с Осфонином?

— На удивление хорошо. Он и не собирался вышвыривать меня из своего замка и принял нас очень дружелюбно.

Николас покачал головой с наигранной печалью:

— Бедная Дагара, как велико будет ее разочарование...

Атайя не могла сдержать улыбки.

— Ей станет еще хуже, когда я скажу, что мы подружились с Фельджином.

Принцесса подняла руку и потрогала висевший на шее медальон.

— Кстати, у меня есть письмо для отца. От Осфонина. Где он сейчас?

— На очередном закрытом заседании с Курией. Все никак не может договориться с ними, стал нервным и раздражительным. Архиепископ Вэнтан обычно ни в чем не возражает ему. Но когда речь заходит об обряде отпущения грехов, он становится непреклонным и не желает ничего слушать. К единому мнению они пока не пришли, но одно ясно: Дарэк на стороне Вэнтана.

— Неудивительно. И почему отец всегда так восхищается Дарэком, если их взгляды на жизнь расходятся практически во всем, особенно в *этом* вопросе.

— Верно. Если признание отца можно завоевать лишь путем возражения ему во всем, тогда он должен боготворить тебя, а не Дарэка.

Атайя ткнула его локтем в ребро.

— Послушай, Ники, можешь сделать мне одно одолжение? Я, наверное, буду занята оставшуюся часть дня. Передай, пожалуйста, кое-что архиепископу Вэнтану.

Девушка расстегнула сумку и достала оттуда мешочек с корбаловым кристаллом.

— Скажи, что я благодарна ему, но больше не нуждаюсь в этой вещице.

— Что это? — спросил Николас, развязал веревочки и вытряхнул на ладонь полупрозрачный камень.

Атайя почувствовала, как в голове, где-то в районе глаз, что-то кольнуло и опять застучал молоточек.

Боль была не очень сильной и вполне терпимой, но она поразилась, так как вовсе не ожидала, что кристалл окажет на нее воздействие. Атайя вспомнила разговор с Хедриком. По его словам, чем более опытным становился колдун, тем сильнее страдал от воздействия корбала. Она лишь начинала обучение. Наверное, ощущения, возникшие сейчас в голове, можно рассматривать лишь как намек на то, что последует дальше.

— Это корбаловый кристалл. Вэнтан дал мне его для защиты от колдунов. Этот камень... гм... вызывает у них головную боль. Путает мысли.

Николас рассмеялся:

— Знаешь, у нашего друга Родри и без всякого кристалла все перепутано в голове. Особенно в последнее время. Он сидит часами, закрывшись в своих комнатах, читает старинные книги, рисует какие-то фигуры в воздухе и бормочет что-то несуразное себе под нос.

Атайя проследовала за братом в тронный зал, где находились в этот момент Дагара, Дарэк и Сесил. Они сидели возле камина и наблюдали за играющим с тряпичными куклами маленьким Майленом. Увидев Атайю, мальчик отбросил игрушки, с ликующим криком подбежал к ней и обхватил за ноги.

Как только малыш отпустил свои ручки, к Атайе подошла Сесил и обняла ее, не обращая никакого внимания на неодобрительный взгляд мужа. Она искренне обрадовалась ее возвращению домой.

Явно сгорая от любопытства, Сесил поинтересовалась:

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне все в подробностях о поездке! Это правда, что в Рэйке повсюду можно встретить колдунов?

— Ради Бога, Сесил. Неужели тебя так волнует кучка проклятых колдунов? Не ожидал, что ты спросишь об этом, — сердито перебил ее Дарэк.

Взяв ребенка на руки, наследник престола отнес его к игрушкам и усадил на прежнее место.

Сесил тряхнула белокурыми локонами.

— Ладно. Как пожелаешь. Я ничего больше о них не спрошу сейчас. Мы с Атайей поговорим после, когда тебя не будет рядом.

Дарэк окинул жену злобным взглядом, но ничего не сказал.

— Как себя чувствует отец? С ним все в порядке? — спросила Атайя, адресуя свой вопрос всем присутствующим.

Дагара вздрогнула, как будто ее ужалила пчела.

— А почему тебя это так интересует?

— Так, — ответила Атайя беспечно. — Просто позавчера мне приснился сон, будто он заболел, вот и все.

Сесил изменилась в лице.

— Раз уж ты спросила об этом... В последнее время Кельвин постоянно пребывает в дурном расположении духа и...

— Не глупи, — резко оборвал ее Дарэк и язвительно засмеялся. — Атайя всю свою жизнь пребывает в дурном настроении и при этом вполне здорова.

Дагара расхохоталась, а Атайя промолчала, решив не отвечать грубостью на едкий комментарий. Ей и так хватало забот. Добавлять к их списку очередную перебранку с семейством не имело смысла.

— Отец желает встретиться с тобой сразу по окончании собрания. Ему не терпится услышать рассказ о вашей встрече с Осфонином.

Атайя кивнула. Принцессе самой не терпелось поведать Кельвину о том, как радушно принял ее рэйкский король у себя в замке и как ей понравилась его семья. Но сейчас она ничего не собиралась говорить. Пусть Дагара подольше на-

слаждается накопившейся в ней злобой. Как бедняжка разочаруется, когда узнает, что ее ожидания не оправдались.

— Приходи через час, — произнес Дарэк. — К тому времени отец уже освободится.

Атайя погладила по голове малыша, вышла из зала и направилась во внутренний двор замка. Николас последовал за ней.

— Интересно, что имела в виду Сесил? Она сказала, что отец часто бывает в плохом настроении, — спросила Атайя.

Николас пожал плечами.

— Кельвин стал очень раздражительным. Что-то его тревожит, наверное, проблемы с Курией. К концу дня нередко забывает о том, о чем говорил утром. Невозможно предугадать, в каком расположении духа он будет через минуту. То настроен нормально, то ни с того ни с сего взрывается.

У Атайи похолодели руки. Ее брату, как и всем остальным жителям Кайта, за исключением одного, ни о чем не говорило изменение в поведении короля. А она понимала, что происходит. Эти описания совершенно точно соответствовали симптомам начальной стадии *мекана*.

— Увидимся позже. — Атайя махнула брату рукой. — Прежде чем разговаривать с отцом, я должна встретиться с одним человеком.

Принцессе доводилось бывать в комнатах Родри лишь несколько раз, она очень не любила появляться здесь.

Сегодняшний визит также не сулил ничего хорошего.

Атайя громко постучала в дверь. Лишь через несколько секунд изнутри донесся приглушенный голос колдуна — он приглашал войти. В передних покоях царил непривычный беспорядок: повсюду были разложены раскрытые книги, на полу валялись обрывки бумаги. Родри сидел в углу за письменным столом с книгой в руках. Перед ним горела лампа. Его явно что-то тревожило: лицо выглядело не таким белым и спокойным, как обычно. Теперь колдун больше походил на нормального человека. Атайя насторожилась. Что бы все это значило? Как вести себя с ним?

— А-а, ваше высочество, проходите, пожалуйста, — сказал Родри добродушно. Вынужденная необходимость улыбаться лишь усугубила его подавленное состояние. — Добро пожаловать домой.

— Извините, что прерываю вас, но я должна передать вам слова вашего друга Хедрика.

Родри вскочил с табурета с нехарактерной для него проворностью, его сапфировые глаза заблестели.

— Говорите же.

— Я не знаю, что означает эта фраза. Но Хедрик уверил меня в том, что вам она скажет о многом.

Атайя пустила в ход все свои артистические способности, коими никогда особенно не отличалась, чтобы изобразить полное непонимание ситуации.

— Хедрик велел передать следующее: он знает о том, чем вы занимаетесь, и он не может выполнить вашу просьбу.

Родри стиснул пальцы. Атайе показалось, сейчас он станет стучать кулаками по столу, но колдун расслабил руки. Его глаза превратились в холодные стекляшки.

— И это все?..

— Да. Вы что-нибудь поняли?

— Прекрасно понял.

Родри опустился на табурет и нервно забарабанил пальцами по гладкой столешнице. Его губы беззвучно двигались, наверное, он посылал проклятия в адрес старого учителя.

— Насколько я поняла, вы хорошо знакомы с Хедриком. Ваш друг сказал, что обучал вас когда-то магии... — произнесла Атайя с невинным выражением лица.

— Правда? — Родри удивленно поднял бровь. — Мне даже не верится, что он признает это. Хедрик и я... мы разошлись во мнении по одному вопросу. Много лет тому назад.

— Вы поссорились?

Родри усмехнулся.

— Можно сказать. Боюсь, Хедрик считает меня фанатиком своих убеждений. Но я понимаю, почему он так думает: ему трудно отказаться от собственного мнения. При сравне-

нии многое может показаться крайностью... Понимаете, двадцать лет назад я помог вашему отцу получить колдовские способности. Хедрик выступал против. Теперь, когда я получил переданное им сообщение, становится ясно, что он до сих пор не одобряет мой поступок. Несмотря на то что Кельвин нормально себя чувствует, несмотря на то что с помощью волшебных сил король Кайта осчастливил сотни людей, подарил им долгожданный мир и спокойствие. Хедрик, Хедрик... Упрямый старый...

Родри сложил пальцы вместе. Его взгляд становился все более и более напряженным и решительным: казалось, колдун позабыл в этот момент, что находится в комнате не один. Его голос зазвучал вдруг резко и грубо.

— Этот старик еще убедится... я найду какой-нибудь способ, заставлю его поверить, что я не хуже других, что достоин быть одним из...

Внезапно Родри замолчал. Наверное, вспомнил про Атайю.

— Простите меня, — произнес он спокойным тоном и улыбнулся. — Вам не очень-то интересно выслушивать рассказы о моих отношениях с Хедриком.

В глазах Атайи отражалось вежливое недоумение: посторонний человек, взглянув на нее, не усомнился бы в том, что она ровным счетом ничего не понимает.

К сожалению, ей все было известно.

— Мне кажется, вы поступили невероятно благородно, отдав отцу часть своих способностей, — сказала Атайя, надеясь, что колдун поправит ее.

Заговаривать об этом не стоило, но ей нужно было выяснить, кого привлек Родри для совершения обряда передачи и что стало с этим человеком. Принцесса дала себе слово никогда не разговаривать с ним больше после сегодняшней беседы.

Родри снисходительно улыбнулся:

— Боюсь, вы ошибаетесь, Атайя. Мне понравился ваш комплимент, но все дело в том, что мои способности остались полностью при мне. Не думаю, что вы сможете понять меня, но постараюсь объяснить вам кое-что. Я просто переместил

волшебные силы из одного человека, которому они были не нужны, в другого, пожелавшего обрести их. Вот и все.

— Чьи же способности получил мой отец?

Родри выдержал паузу. Но, к счастью, вопрос не показался ему подозрительным.

— Вы слышали когда-нибудь о друге Кельвина по имени Доннели? Стефан Доннели? Вы не могли знать этого человека. Его убили на войне, когда вам был всего один год от роду. Очень печально, — добавил Родри, пытаясь придать голосу оттенок сочувствия и сожаления, но его слова прозвучали как-то неубедительно. — Тогда Доннели исполнилось двадцать пять лет. Он был всего на несколько лет моложе вашего отца. О принадлежности к роду лорнгельдов Стефан и не догадывался, ведь обычно безумие проявляется в более раннем возрасте. У него же первые признаки дали о себе знать позже, чем у остальных лорнгельдов. Он очень испугался, пришел в отчаяние. В этот период я как раз рассказал Кельвину о возможности совершения ритуала. Все складывалось невероятно удачно. Ваш отец получил волшебные силы, о которых мечтал, а Доннели освободился от них.

— Как жаль, что ему не суждено было увидеть, как много добра сделал Кельвин для своего народа, используя подаренные ему волшебные силы, — произнесла Атайя грустным тоном.

— Да-да, очень жаль, — отозвался Родри, явно кривя душой.

Атайя взялась за дверную ручку.

— Мне пора идти. Отец, должно быть, уже ждет меня.

Родри кивнул и уткнулся в книгу. Принцесса вышла из комнаты колдуна и бесшумно закрыла за собой дверь.

Он определенно ни о чем не догадался! Спишет ее заинтересованность на обычное любопытство.

Колокольный звон в часовне известил о наступлении вечера. Скоро подадут ужин. Отец, должно быть, уже закончил собрание и готов встретиться с дочерью. Ей хотелось поскорее отдать ему письмо от Осфонина и рассказать о поездке в Рэйку. И самое главное: она обязана наладить с ним отношения. Лучше поздно, чем никогда...

Глава 14

Атайя взволнованно ожидала встречи с отцом в передних покоях королевской приемной палаты.

После разговора с Родри она переоделась, сменив дорожную одежду на более женственный наряд: простое, но элегантное бархатное платье темно-синего цвета, вышитое серебристой ниткой, и украшенную драгоценными камнями диадему.

Юбки мягко шелестели, когда принцесса прохаживалась по комнате, теребя в руках переданный Осфонином свиток. Собрание с Курией закончилось полчаса назад, а отец все не вызывал ее. Как не хотелось откладывать беседу на более позднее время! Скоро подадут ужин, за стеной были слышны оживленные голоса — придворные короля уже собирались в тронном зале.

Через несколько минут дверь приемной палаты отворилась, и слуга в красной ливрее, появившийся на пороге, поклонился принцессе и объявил:

— Король готов принять вас.

Атайю охватило волнение: она всегда нервничала, отправляясь на встречу с отцом. Он обладал неподражаемым талантом запугивать людей одним своим видом.

Замечательное качество для короля, — подумала принцесса. — *Но вот для родителя...*

Кельвин стоял у окна, задумчиво глядя на плещущиеся морские волны. Серебристый лунный свет, проникая в комнату, озарял его лицо и начинавшие седеть волосы.

Когда Кельвин услышал, что дочь вошла в комнату, он резко повернул голову и посмотрел на нее с какой-то радостной нежностью. У девушки сжалось сердце: отец никогда раньше не проявлял подобным образом своих эмоций. А может, Исел была права?

Кельвин любит ее.

— Ты опять дома, — произнес он спокойным голосом и улыбнулся. — Как давно я не видел тебя.

— В последние дни шел сильный дождь, поэтому мы затратили больше времени на обратную дорогу, чем предполагали.

Атайя замолчала, не зная, с чего начать свой рассказ о поездке. Как объяснить отцу причину срочного отъезда из Рэйки, как поведать о не дающих покоя мыслях и опасениях? Каким образом сократить разделявшую их годами пропасть?

Может, рассказать ему о своем даре, — мелькнуло в ее голове.

Принцесса обрадовалась этой мысли и ухватилась за нее.

Тогда все получится само собой. Король станет более категорично разговаривать со священнослужителями об отмене обряда отпущения грехов, чтобы спасти от страшной участи собственную дочь. Мы вместе преодолеем все трудности. И тогда я смогу приступить к осуществлению планов Хедрика... и улучшить отношения с отцом.

— Я волновалась за тебя, — сказала Атайя, понимая, что не в состоянии описать словами пережитые за последние дни тревоги и страхи. — Как у тебя дела?

Кельвин подошел к столу, оперся на него руками и пожал плечами с таким видом, будто ему задали невероятно странный вопрос.

— Все хорошо. Конечно, я скучал по тебе.

Атайя отдала ему свиток.

— Это письмо от Осфонина. Он говорит, что готов помочь тебе всем, чем только сможет, в борьбе за улучшение жизни лорнгельдов.

— Хорошая новость, — произнес король и отложил письмо в сторону, даже не взглянув на него.

— Осфонин пересмотрел свое решение относительно нашей с Фельджином свадьбы.

Атайя ожидала, что отец обрадуется этому известию, ведь он приложил столько усилий для восстановления дружеских отношений с Рэйкой. Она пришла в полное замешательство, когда отец, бледнея от злости, схватился за край стола и подался вперед.

— *Вашей свадьбы?!*

Атайя озадаченно подняла брови.

— Ну ты помнишь...

— Боже праведный! Как ты можешь думать о подобных вещах! — закричал Кельвин. — Ты не можешь выйти за него замуж!..

Атайя открыла от удивления рот. Он ведь сам послал дочь в Рэйку для того, чтобы она постаралась исправить ситуацию и убедить Осфонина продолжить переговоры о свадьбе. Теперь, когда все получилось, ему опять что-то не нравится.

— Но... Я думала, ты отправил меня...

Увидев, как изменилось выражение лица Кельвина, Атайя моментально замолчала. Король выглядел изможденным и испуганным, в глазах отражались ужас и недоверие. Пару раз, как ей показалось, он собирался было заговорить, но как будто не решался.

Потом король резко повернул голову и закричал:

— Я просто не могу понять, как ты могла так поступить! Разве ты не сказала ему, что влюблена в другого?

Перед глазами Атайи появились вдруг темные круги, по спине пробежала дрожь. Как он узнал о Тайлере?! Как?..

— Ты хорошо себя чувствуешь, отец? — спросила она взволнованно.

Вид Кельвина не мог не обеспокоить: все лицо его напряглось, глаза покраснели.

— Ты ведь не собираешься выходить за него замуж? — грубо и раздраженно спросил король.

Атайя покачала головой. Разговор развивался невероятно странно...

— Нет, если ты этого не хочешь, — ответила она.

И что здесь могло произойти в ее отсутствие, почему его планы так резко изменились?

Кельвин успокоился и улыбнулся.

— Хорошо, хорошо. Значит, решено: никакой свадьбы.

Неожиданно Атайя почувствовала, что страшно боится его. Даже в те моменты, когда он устраивал ей публичные скандалы, после которых все придворные смущенно отворачивали от нее головы, она не испытывала подобного ужаса.

Необходимо уйти отсюда, придумать какую-нибудь отговорку. Здесь попахивает опасностью, серьезной опасностью.

— Ты выглядишь бледно, — сказала Атайя и попятилась к двери, пытаясь сохранять внешнее спокойствие. — Думаю, нужно позвать твоего врача.

— Не покидай меня! — истерично заорал Кельвин пронзительным, дребезжащим голосом. — Ты ведь только что вернулась!

Кельвин подскочил к Атайе и схватил ее за запястье с такой силой, что девушка вскрикнула:

— Мне больно!

Принцесса попыталась вырваться, но король не отпускал ее, лишь крепче сдавил нежную руку. Атайя почувствовала, что пальцы немеют, а обжигающая боль распространяется выше, доходя до плеча.

Король с силой притянул девушку к себе и умоляюще взглянул ей в глаза.

— Ты не можешь уйти. Просто не можешь...

— Отец! Оставь меня!..

Он неожиданно ослабил руку и нахмурился.

— Почему ты так назвала меня? Ты что, не помнишь, кто я? Неужели за двадцать лет ты успела обо всем позабыть?

В его голосе она уловила нотки раздражения и негодования.

— Конечно, я ничего не забыла, — ответила она успокаивающим тоном, надеясь, что отец пояснит, о чем именно ей необходимо помнить.

Кельвин на удивление быстро поверил ей, поспешно прошел к буфету и достал оттуда два серебряных кубка и большой кувшин. Наполняя бокалы, он пролил вино на белоснежную скатерть, так как его руки взволнованно дрожали. Взглянув на Атайю с восторгом и каким-то странным трепетом, король протянул ей один из кубков.

— Выпей со мной. Мы должны отпраздновать!

Отпраздновать?.. Отпраздновать что? Отметить радостную встречу и выпить за твое идиотское поведение?

Тут ее осенило. Она вдруг все поняла.

Идиот... Или безумец...

О нет! — мысленно взмолилась Атайя. Ее сердце сжалось от ужаса и отчаяния. — *Господи! Не сейчас. Дай мне хоть немного времени!*

Кельвин всунул кубок ей в руку и жестом указал на диван у окна.

— Иди ко мне. Сядь рядом. Здесь мы не раз бывали счастливы, ты помнишь?

Атайя нерешительно опустилась на бархатные подушки и сделала глоток вина. Это был замечательный эваршотский напиток, но она даже не почувствовала вкуса. В данную минуту ее занимала лишь одна мысль: что творится в измученном мозгу отца? Сейчас его лучше не сердить. В этом состоянии благодушное настроение может в одну секунду смениться на гнев и ярость.

Вдруг он повернулся к ней и нежно потрепал по щеке.

— Именно здесь я впервые сделал тебе предложение. Здесь же ты ответила согласием. О, Чэндис... Ты все еще необыкновенно красива. У меня такое ощущение, что ты никогда и не покидала меня.

У Атайи в жилах буквально застыла кровь, руки задрожали, вино заплескалось в кубке, подобно маленькой буре.

— Я так скучал по тебе! Так скучал, — пробормотал Кельвин и погладил дочь по волосам, глядя на нее с обожанием и любовью.

Но совсем не по-отцовски. Он смотрел на нее так, как смотрит муж на любимую жену. Король видел перед собой супругу, умершую двадцать лет назад.

Атайя не стала отстраняться от него, боясь вызвать в нем гнев. Теперь она все поняла.

Вот почему его так возмутило упоминание о женитьбе с Фельджином. Кельвин считал, что эта женщина должна принадлежать только *ему*.

Король придвинулся ближе, прижимая Атайю к спинке дивана, взял в руку прядь ее длинных волос и нежно намотал на палец. Не успела она опомниться, как отец прильнул к ее

губам и стал страстно целовать. Его язык требовательно проник в ее рот, а руки скользнули вверх, к груди.

Атайя в панике оттолкнула от себя Кельвина, охваченная отвращением, изо всех сил пытаясь сдержать навернувшиеся на глаза слезы.

Король нахмурил брови и с явным недовольством и обидой в голосе спросил:

— В чем дело, любовь моя?

Она колебалась, не зная, как поступить.

Будь осторожна, — предупредил внутренний голос. — *Не напугай его. Ведь он не понимает, что делает.*

— Я не могу, — пробормотала Атайя.

Кельвин снисходительно улыбнулся.

— Ты всегда была стеснительной, малышка. Со временем это пройдет. Мы должны привыкнуть друг к другу...

Положив руку на ее бедро, король стал нежно водить пальцами по мягкому бархату платья.

Атайя сделала глубокий вдох, чтобы прийти в себя, и постаралась успокоиться. Кельвин потерялся в собственном бессознательном мире и не понимал, с кем сейчас находится. Его время пришло слишком рано. Она так и не успела поговорить с ним... Теперь необходимо было позаботиться о единственном — о способе выбраться отсюда до того момента, пока он не навалился на нее.

— Пожалуйста, — сказала Атайя. — Я целый день провела в дороге и очень устала.

Кельвин резко отдернул руку, как будто от раскаленного утюга, и гневно взглянул на нее.

— Наверное, я зря так обрадовался твоему появлению! — воскликнул он, повышая голос на целую октаву. — Ты ушла от меня, не сказав ни слова. Я так скучал...

Король угрожающе прищурил глаза и покачал головой:

— После всего, что ты сделала, дорогая моя Чэндис, я должен возненавидеть тебя.

Он резко вскочил на ноги, и от испуга у Атайи перехватило дыхание. Она уже видела его таким: с немного выдвинутой

вперед нижней челюстью, расширенными от злости ноздрями и сверкающими, как два бриллианта, глазами. Зловещее, властное выражение лица! Таким оно не раз бывало во время войны, когда королю приходилось оглашать смертные приговоры бывшим друзьям. Друзьям, предавшим его.

Атайя почувствовала, как в жилах леденеет кровь. Кельвин стоял перед ней, сжимая и разжимая пальцы, как будто пытался побороть в себе желание вцепиться дочери — или жене? — в горло и вытряхнуть из нее душу.

— Только посмотри на меня. Видишь, во что я превратился без тебя?! — заорал Кельвин. — Я несчастен и одинок. После твоего ухода я дважды женился, но ни одна из жен не доставила мне и капли той радости, которую я знавал с тобой. Особенно невыносима та драконiха, которая носит корону сейчас, — злобно добавил он. — Мой старший сын черств и бессердечен, и я ненавижу самого себя за то, что люблю его. Младший — идиот, считающий, что пробежит по жизни с песнями и шутками, подобно скомороху. Моя дочь... О Господи! Моя дочь. Она отвратительна. Играет в карты и дерется в замызганных тавернах, сквернословит и постоянно поступает наперекор моим требованиям и желаниям только для того, чтобы разозлить меня. Каждый раз, когда я смотрю на нее, я вижу тебя, Чэндис. О Боже, она так похожа на тебя. Те же глаза, те же волосы... Но ее поведение... — Кельвин сжал пальцы в кулаки. — Я просто не могу это видеть. Это оскорбление для тебя.

Его голос достиг наивысшей ноты, затем охрип и сорвался.

— Я хотел любить ее, ради тебя, Чэндис. Хотел, но не могу. Она позорит меня, она позорит весь Кайт. Если бы ты не ушла, наша дочь росла бы милой и нежной, любила бы музыку и книги, как ты. Но ты решила бросить нас, ты, маленькая сучка. Поэтому-то у нас ничего не ладится!

Он хлестнул ее по лицу, обезумев от ярости, схватил за руку и швырнул на пол.

— Ты просто никогда не любила меня. Если бы любила, то не оставила бы меня одного на столько лет!

В глазах у Атайи потемнело. Она приподнялась и затрясла головой, пытаясь прийти в себя...

Отец мысленно переносился из одного времени в другое: сначала вел себя как жених, потом вдруг вспомнил, что три раза был женат и являлся отцом троих детей. Но он был уверен в единственном: что Чэндис не умерла, а просто оставила его на какой-то период и теперь снова вернулась домой.

Кельвин опять схватил ее за руку, готовясь нанести новый удар.

— Отец, послушай, пожалуйста! — взмолилась принцесса. — Это я, Атайя!

Его рука замерла в воздухе. Лицо помрачнело и исказилось, как будто от внезапной боли, пальцы задрожали.

— Атайя?..

Теперь его голос звучал тихо и изможденно. Он выглядел испуганно и смущенно, как потерявшийся ребенок.

— А где же моя жена? Где Чэндис?..

— Она *умерла!* — закричала Атайя, вскипая от гнева. — Ты не помнишь? Умерла двадцать лет назад, сразу после моего рождения!

Воцарилась мертвая тишина. Ее нарушало лишь прерывистое дыхание Атайи. Ей не хотелось плакать, а слезы буквально наворачивались на глаза. Как она должна была поступить?

Кельвин еле заметно кивнул:

— Ах да, маленькая Атайя.

Король посмотрел ей в глаза — впервые с того момента, как узнал в ней свою дочь. Теперь в его взгляде не было и намека на любовь, лишь разочарование и холодная сдержанность.

— Да, теперь я вспомнил, Атайя, — пробормотал Кельвин. — Чэндис умерла. *Это ты убила ее!*

Кельвин повернулся к ней спиной, не обращая внимания на отразившийся на лице дочери ужас, и, подняв руки, нарисовал в воздухе какую-то фигуру.

Атайя почувствовала, что шею с мучительной медлительностью сдавливает невидимая, обжигающая, как крапива, веревка. Она схватилась руками за то место, где ощущалась

боль, — ни крапивы, ни веревки там не было. Становилось все труднее дышать, уже не хватало воздуха, кожу на шее как будто разрывали на кусочки...

Атайя попыталась позвать на помощь, но не смогла вымолвить ни единого слова. Вместо этого из ее горла вырвались странные булькающие звуки, похожие на предсмертные хрипы повешенного.

В глазах потемнело, но Атайя еще смутно видела своего отца. Он смотрел на нее, улыбаясь, напоминая демона, с радостью наблюдающего за умирающей жертвой, потом разразился злым, мстительным смехом. Девушку охватила страшная паника. Как хватающийся за соломинку утопающий, она из последних сил пыталась не поддаться власти надвигавшегося забытья...

Вдруг наступила полная темнота...

Через несколько мгновений Атайя увидела, что находится в едва освещенной пещере. Испуганно оглядевшись вокруг, она отыскала взглядом каменную плиту и, бросившись к ней, приказала отодвинуться. Камень подчинился и тут же начал двигаться. Атайя побежала по тропинкам, стараясь найти что-нибудь, что помогло бы ей противостоять заклинанию Кельвина. Многие из проходов были заблокированы, и принцесса мчалась дальше, даже не задумываясь о том, что за заклинания скрывались за преградами. Вдруг она увидела перед собой вход в малюсенькую комнату и, ни минуты не колеблясь, проникла внутрь. На стенах были вырезаны те же символы, какие ей уже доводилось видеть. Дрожа от волнения и страха, Атайя уставилась на знаки и попыталась сконцентрироваться. В следующее мгновение она уже указывала пальцем на Кельвина и произносила вслух слова, которые раньше даже никогда не слышала.

— *Ignis confestim sit!*

Обжигающие шею веревки исчезли, и Атайя жадно вдохнула глоток воздуха. Тут послышался жуткий крик. Девушка раскрыла налитые кровью глаза и, ужаснувшись, схватилась за голову.

Кельвин валялся у ее ног, извиваясь и корчась от боли, объятый языками голубовато-зеленого пламени. Огненные веревки вились вокруг него зловещими кольцами и казались живыми существами. Это она подарила им жизнь! В воздухе запахло паленой тканью и горелой человеческой кожей. Глаза Кельвина были похожи на глаза загнанного дикого зверя, он запрокинул голову и орал от боли.

— Остановитесь! — крикнула Атайя, желая освободить отца из огненного плена. — Оставьте его!..

Но диковинное пламя не слушалось. Лишь сейчас принцесса заметила, что зеленые кольца появляются из ее собственных пальцев и, не причиняя ей самой ни малейшего вреда, устремляются к Кельвину.

Еще находясь в сознании, отец умоляюще взглянул на нее и произнес:

— Атайя, нет! *Пожалуйста, не надо!*

По ее щекам покатились крупные слезинки. Она стояла перед ним, беспомощно наблюдая за его страданиями, не зная, что должна делать. Единственным ее желанием было помириться с ним... извиниться. Сказать о своей к нему любви. О том, что она не ненавидит его...

— Боже праведный! Что ты делаешь?

Атайя услышала за спиной громовой голос Дарэка.

— Прекрати! Ты слышишь меня?! Немедленно прекрати!

Она опустила руки и повернула голову: и зеленые огненные ленты мгновенно исчезли.

Если бы можно было исчезнуть отсюда! Испариться! Провалиться сквозь землю!

На пороге стояли Дарэк и Родри, застыв в безмолвном шоке. Глаза Дарэка яростно сверкали, в то время как Родри выглядел очень испуганно, как будто только что кто-то пригрозил его убить. Но в данную минуту Атайю не волновали ни брат, ни колдун...

За их спинами она увидела Тайлера. Он смотрел на нее со страшным выражением лица и как будто отказывался верить в то, о чем только что узнал.

Дарэк с побагровевшим от возмущения лицом приблизился к ней.

— О Боже! Так, значит, ты тоже принадлежишь к их числу. В Рэйке тебя превратили в безумную колдунью!

— Они ничего мне не сделали плохого, — запротестовала Атайя, утирая слезы. — Просто я... Я такая...

Ее брат повернулся к колдуну и резким движением руки указал на Кельвина:

— Родри, позаботься о короле. Наверное, он нуждается в помощи. Тайлер, может, и ты пригодишься.

Капитан отвел взгляд от Атайи, поспешно подошел к Кельвину и уложил его голову себе на колени. Родри тоже склонился над королем и стал проверять его пульс, опасливо поглядывая на Атайю и явно пытаясь оценить ее силу. Принцесса чувствовала на себе его взгляд — напряженный, обжигающий, как пламя.

Тайлер же вообще не смотрел в ее сторону, и девушке оставалось только догадываться, почему он так себя ведет: до сих пор не может оправиться от пережитого шока либо чувствует к ней отвращение?..

Дарэк с силой оттолкнул сестру от того места, где лежал Кельвин, словно боясь, что одним своим присутствием она сможет причинить отцу еще какой-нибудь вред.

— Ты сумасшедшая, ты знаешь об этом? Совершенно обезумела, как все они.

— Но он...

— Уверен, что Кельвин ничего тебе не сделал. Это ты на него *напала!*

— Он первый начал! Пытался убить меня!

Лицо Дарэка исказилось ненавистью и отвращением.

— Думаешь, я поверю в эту чушь?

— Да нет, ты ничего не понимаешь. Он просто подумал, что...

— Послушай, по-моему, ты зашла слишком далеко. Привезла плохие новости от Осфонина? И чтобы избавиться от проблем, решила убить собственного отца? Убить *короля?*

— Он еще жив, — тихим голосом произнес Родри, убирая руку с шеи Кельвина. — Но очень слаб.

Дарэк бросил уничтожающий взгляд в сторону сестры.

— Клянусь тебе, Атайя. Клянусь всем святым, что только существует на земле. Если отец умрет, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты появилась на свет.

Атайя опустилась на колени.

Я уже жалею, Дарэк. О Господи, как я жалею, что родилась когда-то!..

В голове застучал молоточек, перед глазами появились расплывчатые круги. Она не могла больше здесь оставаться, хотя хотела убедиться в том, что отец выживет. Если он умрет, то Дарэк обвинит ее в страшнейшем преступлении — в убийстве короля. Если нет, брат немедленно сообщит архиепископу Вэнтану о принадлежности сестры к роду лорнгельдов и договорится о проведении церемонии отпущения грехов.

А что предпримет Родри? Что можно ожидать от него теперь, когда ему стало обо всем известно? Он наверняка уже догадался, что она привезла от Хедрика не только краткое сообщение для его бывшего ученика... Когда Родри определит ее силу и поймет, что показавшиеся на первый взгляд невинными вопросы, которые принцесса задавала ему всего пару часов назад, были вполне осмысленными, он придет к заключению, что ей все известно об обряде передачи и о возможных последствиях. А вдруг Родри посчитает, что Атайе захотелось вмешаться каким-то образом в процессы, происходящие в мозгу Кельвина, и помешать колдуну добиться достижения мечты — продемонстрировать свою правоту Совету Мастеров? В таком случае он пойдет на все что угодно, лишь бы не допустить повторения подобного в будущем...

Атайя огляделась. Нужно бежать отсюда. Но каким образом? Дверь из передних покоев вела прямо в тронный зал. А там придется встретить еще больше народа. Крики Кельвина слышали не только Дарэк, Родри и Тайлер. Ее обязательно поймают...

Атайя вздохнула.

Вдруг ей в голову пришла потрясающая мысль.

Да, ее, безусловно, остановят, *если смогут увидеть...*

Девушка принялась молиться, прося Бога о помощи. Если раньше ей удавалось воспользоваться заклинанием на подсознательном уровне, то, может, и сейчас получится стать невидимой? Искать заклинание целенаправленно не было времени.

В этот момент Дарэк повернулся к ней спиной, чтобы проверить, как чувствует себя Кельвин, и Атайя приступила к осуществлению своего замысла. Она сконцентрировалась и, выбросив из головы все другие мысли, стала думать лишь об одном — о желании стать незаметной для окружающих.

Девушке представлялись воздух и туман. Секунд через тридцать у нее появилось ощущение, что кто-то укутал ее в мягкое покрывало. Ноги и руки как будто превратились в легкие перышки.

Атайя открыла глаза. Ее тело все еще было видимым — по крайней мере для нее самой. Пальцы дрожали от страха — от боязни, что заклинание не сработает. Уходя, она пристально смотрела на Родри, который, склонившись над Кельвином, все еще пытался привести его в сознание.

Вдруг Дарэк повернул голову, его лицо снова побагровело. Он смотрел прямо в сторону принцессы, но как будто сквозь нее.

— Куда она подевалась? — заорал наследник престола, пытаясь скрыть свой страх под видом гнева. — Где она, черт возьми?!

Родри резко поднял голову и вскочил на ноги.

Выбегая из приемной палаты, Атайя услышала, как он закричал:

— На ней невидимый покров!.. Зеркала! Нам нужны зеркала!..

Атайя молнией пронеслась мимо накрытых к ужину столов в тронном зале, где собралась уже толпа людей. Они попивали вино и болтали, совершенно не обращая на нее внимания... люди просто не видели ее...

Позади раскатами грома звучал голос Дарэка. Он отдавал распоряжения охране.

— За ней! Закройте все двери, окна, ворота! Как только поймаете ее, тут же ведите ко мне! Черт вас побери, вы слышите меня, капитан?! Не стойте как вкопанный, действуйте!

Спотыкаясь на каменных ступеньках, Атайя выскочила во внутренний двор. В лицо ударил холодный ночной ветер, но она не заметила этого. Луну затянули черные тучи, поэтому на улице было очень темно.

Атайя выбежала из главных ворот за считанные секунды до того момента, когда затрубили тревогу и охрана опустила металлические решетки на всех выходах из замка. Девушка чувствовала, что задыхается, но не могла остановиться, несмотря на то что ступни уже кровоточили от врезавшихся в них сквозь тонкую подошву тапочек камней.

Потрясенная, перепуганная, растерянная, Атайя бежала в темноту ночи и плакала.

Что я наделала? — думала она. — *О Боже, что я наделала?..*

Впервые в жизни реальный мир показался ей страшнее самых ужасных кошмарных снов.

Глава 15

Атайя громко постучала в дверь.

Холодный ветер беспощадно хлестал ее по лицу, дождь, казалось, вот-вот превратится в мокрый снег. Вся аллея была покрыта лужами и грязью. По пути Атайя несколько раз поскользнулась и упала, поэтому некогда красивое платье выглядело теперь отвратительно. Волосы растрепались и промокли, глаза опухли и покраснели от слез и переживаний.

— Впусти меня! Ради Бога, впусти меня!

Она услышала поспешно приближающиеся шаги и щелканье железного замка. Джейрен распахнул дверь, взял принцессу за руку и завел внутрь.

Споткнувшись о порожек, Атайя вошла в теплую сухую комнату, бросилась на шею Джейрену и доверчиво прижалась к нему.

— Помоги мне! — взмолилась принцесса, рыдая. — Помоги мне... Я совершила нечто ужасное. Ты даже представить себе не можешь, что я наделала!..

После секундного колебания Джейрен тоже обнял ее, погладил по спутанным мокрым волосам, пытаясь хоть немного успокоить, затем медленно повел к невысокому табурету, стоявшему возле камина.

Девушка послушно уселась, содрогаясь всем телом, все еще продолжая плакать. Джейрен укутал ее в теплое мягкое одеяло и убрал с лица налипшие пряди волос.

— Все хорошо, Атайя. Тебе необходимо успокоиться. Теперь ты в безопасности.

Он снял с ее головы диадему и положил украшение на стол. Драгоценные камни, переливаясь, выглядели как-то странно и неестественно на фоне обшарпанной деревянной столешницы. Джейрен вышел в соседнюю комнату и через минуту вернулся с кусочком смоченной в теплой воде чистой мягкой ткани. Подойдя к Атайе, он склонился над ней и принялся заботливо вытирать ей лицо, перепачканное грязью и забрызганное дождем. Она закрыла глаза и постаралась хоть на время забыть о том, что привело ее сюда. Нежные движения Джейрена действовали успокаивающе и почти гипнотически.

— Я пытался взглянуть на тебя несколько часов назад, но ничего не получилось. Наверное, Родри все еще скрывается под стеной отражения.

Голос молодого колдуна звучал ласково и обеспокоенно.

— Расскажи мне, что произошло.

Джейрен присел на край стола и стал слушать ее — очень терпеливо и внимательно, не перебивая, не обращая внимания на периодически усиливавшиеся рыдания. Когда одеяло на плечах Атайи промокло, он заменил его на другое и подбросил дров в камин.

Руки принцессы сильно дрожали — не то от холода, не то от пережитого шока. Она чувствовала себя опустошенной и совершенно разбитой, как будто ее вывернули наизнанку. Вскоре Джейрену стало известно все: о сумасшествии Кельвина, о его видениях и разговорах с Чэндис, о том, как он напал на Атайю, и о ее ответной реакции.

— Я его убила... Мой отец мертв, и в этом виновата я.

— Ты не можешь быть в этом уверена, — спокойно ответил Джейрен. — Ты ведь сама сказала, что, когда ты уходила из замка, Кельвин был еще жив.

— А сейчас скорее всего уже нет. Тебя там не было, ты не видел этой ужасной сцены...

Атайя на мгновение задумалась, по-видимому, еще раз воспроизвела в памяти случившееся. На ее лице отразились боль и отчаяние.

— Если бы ты только мог взглянуть в его глаза... Отец умолял меня остановиться, а я просто не знала, что должна делать. Он умер, будучи уверенным, что я его ненавижу! А ведь я хотела добиться единственного: сказать ему, что я его люблю, что сожалею о наших прошлых разногласиях.

Принцесса с силой ударила себя кулаками по бедрам.

— Черт возьми! Я думала, что не в состоянии пользоваться заклинаниями, которые не могу остановить! Ты говорил, к ним у меня нет доступа!

Джейрен посмотрел на нее очень серьезно и задумчиво, нахмурив брови.

— Возможно, *мекан* уже находится у тебя на более поздней стадии развития, чем предположил Хедрик. Наверное, защитные механизмы разрушаются.

— Я так и знала, — сказала Атайя, закрывая лицо ладонями. — Дарэк прав. Я схожу с ума.

— Нет, Атайя. Ты не сумасшедшая. И не лишишься рассудка.

Джейрен протянул руку и заботливо заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос.

— Тебе необходимо пройти интенсивный курс обучения. Когда освоишь азы, угроза стать безумной полностью исчез-

нет. Но ты должна будешь продолжать учиться контролировать свое состояние. Для этого потребуется время и практика...

— Но у нас *нет* времени! — закричала Атайя и тут же с опаской оглянулась по сторонам, словно ожидая, что с минуты на минуту в комнату ворвутся воины королевской гвардии в красных одеяниях. — Нам нужно убираться отсюда сейчас же!

Джейрен опустился на пол перед Атайей и взял ее руку.

— Мы останемся здесь. Ты должна прийти в себя и успокоиться. К тому же твой брат наверняка приказал солдатам обыскать город. Если мы высунемся отсюда, то нас непременно поймают. Я думаю, Родри рассказал, как можно обнаружить скрывающегося под невидимым покровом колдуна при помощи зеркал.

— А если Родри определит наше местонахождение через сферу?

— Надеюсь, ему это не удастся. Когда ты ушла отсюда сегодня днем, я окутал комнаты стеной отражения. Хотя, — обеспокоенно добавил Джейрен, — Хедрик предупредил меня, что Родри гораздо более сильный волшебник, чем я. Поэтому нам стоит подстраховаться и воспользоваться твоими способностями — ты тоже прочтешь заклинание отражения. Тогда Родри будет просто не в состоянии найти нас. А обычным людям это вообще не под силу. Отражающая стена окутывает комнаты особой оболочкой, которая посылает любому приблизившемуся человеку психологический сигнал: пусто, здесь никто не живет. Никому и в голову не придет разыскивать нас тут.

Атайя чувствовала себя отвратительно. Казалось, у нее просто не хватит сил на поиски незнакомого ей заклинания. Но она понимала, что молодой колдун абсолютно прав. Наверняка солдаты Кельвина уже прочесывают город, и если они с Джейреном предпримут попытку бежать, то их обязательно поймают. Лучший выход — воспользоваться всеми доступными способами защиты, дождаться того момента, когда воины королевской гвардии, нигде не обнаружив ее, оставят эту затею. Тогда им спокойно можно будет покинуть Делфархам раз и навсегда.

— Покажи мне, что делать.

Джейрен повел ее в дальний угол маленькой комнатки, совершенно пустой, если не принимать в расчет сделанную из прутьев метлу, стоявшую у стены, плетеную койку и толстый слой пыли на подоконнике. Стены здесь как-то странно поблескивали, словно были покрыты утренней росой.

Атайя протянула руку и дотронулась до необычной поверхности — стену как будто намазали маслом.

— А теперь расслабься и позволь мне помочь тебе справиться с этим делом, — сказал Джейрен.

Несколько секунд спустя Атайя почувствовала легкую прохладу — присутствие Джейрена в своем мозгу. Он повел ее по тропам в поисках заклинания отражения. Теперь свет был более ярким. Атайя впервые заметила, что коридоры отличаются друг от друга шириной стен и высотой потолков.

Они свернули в один из проходов, но вскоре, когда на пути возникла блокирующая каменная плита, поняли, что ошиблись. Пришлось вернуться обратно. Атайя забеспокоилась, но Джейрен терпеливо пояснил: тропы в мозгу колдунов располагаются несколько по-разному, поэтому то, что произошло, — явление вполне естественное.

— *Но должен отметить,* — добавил он, и его мысли эхом отозвались в голове принцессы, — *никогда еще ни у одного человека не видел такого количества открытых коридоров, как у тебя.*

Неожиданно Джейрен остановился, Атайя последовала его примеру. Она стояла на теплом, цвета ржавчины, мелком песке. Девушке стало вдруг невероятно спокойно, уютно и легко, словно кто-то запрятал ее в шелковый кокон и заверил, что теперь опасаться нечего.

— Это то, что нам нужно, — произнес Джейрен. — Просто повторяй за мной.

Переключив ее концентрацию с волшебных троп на реальный мир, Джейрен широко развел руки в стороны и коснулся кончиками пальцев стен комнаты. Затем сложил ладони вместе, будто собирался помолиться.

— *Periculum absit,* — прошептал он.

Угол комнаты засветился ярче, красивым серебряным сиянием, подобно звезде на ночном небосклоне.

Атайя сделала то же самое, стараясь запомнить все слова и движения, чтобы в случае необходимости воспользоваться заклинанием самостоятельно. Они обошли обе комнаты, совершая нехитрый ритуал в каждом углу. Это занятие помогло Атайе забыть на время о том, что произошло в замке, и по окончании волшебного таинства она чувствовала себя намного лучше.

— Теперь, надеюсь, мы защищены, — воскликнул Джейрен исполненным радости и гордости голосом. Стены светились спокойным, мягким блеском, как лунный свет на покрытой снегом земле.

— Сколько времени сохраняется стена отражения?

— Примерно сутки. Не беспокойся. Когда заклинание начнет терять свою силу, мы повторим то, что только что проделали.

Джейрен выдвинул из-под стола треногую табуретку и сел у камина. Пламя весело потрескивало, создавая теплую и уютную атмосферу. Атайя устроилась рядом на деревянном стульчике.

— Что ты имел в виду, когда сказал об открытых коридорах?

— Ты уже видела, что некоторые пещеры в твоем мозгу открыты, а некоторые заблокированы. Тебе доступно необычно большое количество троп, для колдуна твоего уровня тренировки это нетипично. Чем талантливее человек, тем большим количеством заклинаний он может воспользоваться. По подсчетам Хедрика, даже самые великие волшебники используют на практике лишь половину заложенного в них потенциала. Представляешь, сколько остается неизведанного? Я помогал Хедрику тренировать колдунов на протяжении всего нескольких лет. Практически у всех из них примерно одинаковые способности: расположение троп подобно моему, доступ свободен лишь для простейших заклинаний и есть воз-

можность освоить некоторые из более сложных. А у тебя, помимо самых несложных заклинаний, открыты и многие другие.

— И что это значит?

— Это значит, Атайя, что ты обладаешь такими силами, о которых большинству колдунов можно только мечтать. Ты в состоянии научиться использовать очень редкие заклинания, возможно, даже те, о каких никто ранее не слышал.

Лицо Атайи помрачнело.

— И обряд передачи? — спросила она печальным голосом.

— Да нет, я не это имел в виду. Данный процесс осуществить совсем нетрудно. Любой в состоянии справиться с подобным делом. Основная сложность, как говорит Хедрик, состоит в подготовке троп для имплантации в мозг принимающего волшебные способности. Само заклинание очень простое. Но свершение обряда приводит к столь ужасающим последствиям, что лучше бы о нем вообще не знали. Хорошо, что он хотя бы запрещен.

— Если последствия настолько страшны, то зачем, черт возьми, вы рассказываете всем о существовании этого ритуала? — удивленно спросила Атайя. — Вы сами во всем виноваты. Создаете собственными руками проблему, а потом жалуетесь на возникающие неприятности.

— Сейчас ты скажешь, что я заговорил словами Хедрика, но иначе я не смогу объяснить тебе этого. Не мы должны решать, какие пласты знаний оставить, какие предать забвению. Это неверный путь, он неминуемо приведет к катастрофе. Хедрик убежден, и я его полностью в этом поддерживаю, что человек вправе осуждать то или иное явление, лишь полностью осознав и поняв его. Магия дана нам Господом, значит, каждое отдельное заклинание имеет свое назначение. Назначение заклинания обряда передачи, возможно, и состоит в том, чтобы научить нас избегать зла. Все это относится к области этики. Позднее тебе тоже необходимо будет освоить основные ее понятия, — добавил Джейрен. — Не рассказывать о существовании этого заклинания нельзя. Не исключе-

но, что кто-нибудь из колдунов сам откроет его и тогда, по незнанию, сотворит нечто ужасное.

— Родри натворил много ужасного, хотя прекрасно знал, что делает, — ответила Атайя. — То же самое можно сказать и о Сенале — о том типе, что передал способности Фалтилу.

— Не могу с тобой не согласиться. Но что бы было, если бы колдуны вообще не знали об обряде? Скорее всего за этот период произошло бы намного больше страшных событий. Обнаружив в себе это заклинание, волшебники с удвоенным интересом принялись бы экспериментировать. Не обладая достаточными знаниями, они просто наделали бы множество ошибок, что в конечном итоге привело бы к полному краху.

— А к чему привели деяния Родри? — спокойно спросила Атайя, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени в камине. — Жаль, что я раньше и не подозревала о том, что случилось с отцом, о том, что ему грозит.

— Знаешь, — произнес Джейрен серьезным голосом, — мы могли бы попробовать взглянуть на замок Делфар через сферу. Ты сказала, что Дарэк велел Родри привести Кельвина в чувство. Если он до сих пор занимается королем, то, возможно, не следит так же внимательно за состоянием стены отражения, как на протяжении вот уже многих дней.

— Я сама этим займусь, ладно? В конце концов, мне необходимо тренироваться.

Джейрен кивнул:

— Как пожелаешь. Но имей в виду: если почувствуешь боль в голове, это означает, ты соприкасаешься с отражающей силой. Не делай резких движений.

Атайя попыталась расслабиться, подняла руки и сфокусировала взгляд на кончиках пальцев. Через некоторое время она почувствовала уже знакомое покалывание в ладонях. Сфера появилась перед глазами достаточно быстро. Сначала ничего невозможно было увидеть, между руками медленно вращался лишь серый туман. Затем в голове, где-то за глазами, почувствовалась слабая боль, но она тут же исчезла, а в сфере

стало вырисовываться изображение. Значит, ей удалось проникнуть в замок сквозь ослабевшую стену отражения!..

Атайя напряженно вглядывалась в висевший между ладонями туманный шар, стараясь думать в данную минуту только об отце. Через несколько мгновений картинка приняла отчетливые очертания.

Спальные покои короля. Парчовые занавески задвинуты, в углу на столе горит одна-единственная свеча. Атайя видела исходивший от лампадок дымок и как будто могла ощутить сладковатый запах. На кровати, под множеством стеганых одеял, лежал король. Взглянув на него, Атайя вздрогнула.

Его волосы были абсолютно седыми — как у Родри, — теперь он выглядел вдвое старше своего возраста. Лицо осунулось и похудело, тонкая белая рука на фоне темно-синего одеяла выглядела как полумесяц на ночном небе. По потрескавшимся, кровоточащим губам можно было определить, что Кельвин еще дышит. С болью в сердце Атайя подумала: человек, всегда вызывавший в ней трепет и страх одним своим взглядом, в одночасье превратился в живого мертвеца.

У противоположной стены сидел Николас. Он выглядел уставшим и изможденным, его волосы были растрепаны, а под глазами темнели круги. Одной рукой Николас обнимал Сесил, а другой периодически вытирал ей слезы. Дарэк в камзоле ярко-красного цвета, такого же, как пылающее гневом лицо, разъяренно расхаживал по ковру, а Дагара, убитая горем и какая-то очень одинокая, сидела на скамейке с подушками.

Архиепископ Вэнтан, в отороченной золотом мантии, стоял в ногах у короля, бормоча молитвы. Родри, еще более бледный, чем обычно, колдовал, склонившись над Кельвином, пытаясь привести его в сознание.

— Я всегда знала, что она — отродье дьявола. Невыносимая, вздорная, упрямая. И ненавидела отца! Они никогда не ладили, — всхлипывала Дагара.

Лицо Сесил исказилось от гнева. Такой Атайя никогда ее не видела.

— Да как ты можешь говорить столь ужасные вещи? Я уверена, что произошло какое-то страшное недоразумение!

— Я никогда этого не прощу, — закричал Дарэк. — *Никогда!*

— Дарэк, прошу тебя, — сказал Николас тихим, изможденным голосом. — Не сейчас. Подумай об отце.

— Я и думаю о нем, идиот! Именно поэтому я собираюсь усилить власть закона...

— Ваше величество, — обратился к Дарэку Родри. На нем не было лица. — Король мертв.

Атайя сделала глубокий вдох. Изображение перед ее глазами превратилось в расплывчатое пятно, но не потому, что сфера нарушилась, а от нахлынувших слез. На этот раз она сумела удержать руки.

Ты так часто ошибалась в своей жизни. Быть может, и сейчас не стоит воспринимать за правду то, что ты видишь? — попыталась успокоить себя Атайя и несколько раз моргнула.

Слезинки, сорвавшись с густых ресниц, покатились по щекам.

Угрожающе спокойным движением руки Дарэк сделал кому-то знак, и в сфере появилось изображение Тайлера.

— Капитан, принесите мне перо и пергамент.

— Что ты собираешься сделать? — вскрикнула Сесил, подаваясь вперед.

Дарэк расправил плечи и холодно взглянул на жену.

— Я собираюсь издать указ о немедленном аресте некоей Атайи Трелэйн, которая обвиняется в совершении тяжкого преступления.

Тайлер вздрогнул и чуть было не уронил чернильницу. Николас вскочил с места:

— Нет! Ты не сможешь...

— Еще как смогу! — отрезал Дарэк. — Теперь я могу делать все, что посчитаю нужным. Я — король.

— Она ведь наша сестра!..

— К сожалению, — ответил Дарэк и прищурился.

— Она является представительницей лорнгельдов, ваше величество, — вмешался в разговор Вэнтан, употребляя новый

титул Дарэка, принадлежавший ему меньше минуты, — и ее магия — страшное зло.

Родри, казалось, не обратил внимания на замечание архиепископа. Он сидел, задумчиво уставившись в пустоту. А ведь прекрасно понимал, что оказался в сложнейшей ситуации. Теперь, когда Кельвин умер, никто не позволит ему находиться при дворе. Положение осложнится, если кто-нибудь узнает, что он повинен в смерти короля.

Дарэк поспешно написал что-то на пергаменте цвета слоновой кости.

— Родри, дай мне перстень отца.

Колдун послушно снял перстень с безжизненной руки Кельвина и отдал его новоиспеченному королю. Дарэк прижал печатку к мягкому воску, заверяя указ.

— Капитан, соберите людей и разыщите ее, — сказал он, протягивая Тайлеру документ. — Осмотрите весь город и прилежащие окрестности в радиусе десяти миль. Не думаю, что пешком она смогла уйти дальше за какой-то час... Когда поймаете эту мерзавку, ведите ее прямо ко мне. Предпочтительно живой, — добавил Дарэк, понижая голос. — Хотя я оставляю это на ваше усмотрение. Она ответит за все...

Он стиснул зубы и сверкнул глазами, словно представляя себе картину расправы с ненавистной сестрой.

Не в силах дальше наблюдать за происходящим, Атайя мысленно приказала сфере исчезнуть. Через несколько мгновений туманный шар рассеялся, и она вытерла руки, на которых, подобно капелькам росы, заблестела прозрачная жидкость, о юбку.

— Я знала. Так я и знала, Джейрен. Он мертв, и в его смерти виновата я.

Джейрен опустил глаза.

— Мне очень жаль, Атайя. Искренне жаль.

— Я никогда себе этого не прощу.

— Тебе не в чем себя винить, поверь мне, Атайя. Быть может, позже ты поймешь: твой отец все равно не прожил бы дольше, даже если бы ты и вовсе не вернулась из Ат Луана. В

скором времени ему в любом случае суждено было умереть. Но за этот период Кельвин мог бы натворить множество страшных вещей. Магия вышла бы у него из-под контроля.

— Я видела, как он умирал, — пробормотала Атайя, будто не слыша слов Джейрена. — Все было точно так же, как тогда.

— Тогда?..

— Да. В тот раз, когда я попыталась связаться с замком Делфар, находясь в кабинете Хедрика. Сфера показала мне ту же самую картину. Поэтому-то я и упала тогда в обморок.

Джейрен несколько секунд молчал.

— А ты в этом уверена?

— Абсолютно. Только сейчас я видела больше...

— Предсказание будущего! — пораженно воскликнул Джейрен. — Ты способна предвидеть будущее даже без специальных тренировок!

Атайя почувствовала легкий страх.

— А это хорошо? — осторожно спросила она.

— Хорошо?! — Джейрен вытаращил глаза. — Ты просто не представляешь, насколько редким талантом наградил тебя Бог. Даже предсказаниям Хедрика не очень-то можно доверять! Лишь немногие из мастеров достаточно успешно справляются с предвидением будущего. Предвидение будущего... — повторил Джейрен и на мгновение задумался. — Возможно, именно поэтому ты смогла проникнуть сквозь стену отражения.

— Плевать я хотела на все эти способности. Зачем мне нужны эти предсказания, если благодаря им раньше времени узнаешь о столь ужасных вещах? — сердито выкрикнула Атайя. — Было бы лучше вообще не связываться со сферой.

Она сложила руки на груди и уставилась на горящий в камине огонь.

— Кстати, как я смогла создать ее в прошлый раз? Ведь тогда мне даже не было известно о существовании троп. А сегодня? Как я справилась с этим сегодня?

— Так же, как и со всем остальным — подтасовкой карт в старой таверне, созданием невидимого покрова... Что-то под-

сказывает мне, что на подсознательном уровне ты способна использовать магию лучше, чем если делаешь это целенаправленно. Интересно посмотреть, что получится, когда ты пройдешь обучение... В том-то и состоит сейчас проблема — более талантливые люди хуже поддаются тренировкам.

Джейрен на минуту задумался.

— Поэтому, наверное, у тебя не получилось остановить огонь, хоть ты и очень желала этого. В тот момент, когда в комнате появился Дарэк, в работу включилось подсознание, поэтому заклинание прекратило свое действие.

— Дарэк, — произнесла Атайя, вспоминая показанную сферой картину. — Он приказал Тайлеру разыскать и арестовать меня. Почему именно ему? — Она беспомощно покачала головой. — Ты бы видел выражение его лица, Джейрен. Наверняка Тайлер возненавидел меня. Я в этом практически не сомневаюсь...

— Да нет, Атайя. Тебе показалось, — ответил Джейрен, но произнесенные им слова прозвучали как-то неубедительно. Возможно, потому, что ему самому не хотелось в них верить.

Достав из буфета кубок, он поставил его перед Атайей и наполнил ароматным вином.

— Выпей. Это поможет тебе расслабиться.

Губы принцессы задрожали, когда она сделала глоток густого ярко-красного напитка.

— Не знаю, как я смогу жить без него. Помню, отец дал ему задание провести первые учения. Это было три года назад. Я тоже появилась на плацу, как будто для того, чтобы понаблюдать за Николасом. На самом деле я смотрела на Тайлера. И ему нравилось, что я находилась там. Он всегда любил покрасоваться передо мной...

Допив вино, Атайя взяла кувшин и вновь наполнила кубок, потом еще и еще раз... Она пила не потому, что ее мучила жажда. Принцессе хотелось заглушить боль, забыть о случившемся.

— Тайлер — первый мужчина, сумевший разбудить во мне любовь, — продолжала Атайя, разговаривая больше сама с

собой, чем с Джейреном. — Я всегда знала, что мужа для меня будет выбирать отец, но ничего не могла поделать с теми чувствами, которые вызывал в душе Тайлер. Он на протяжении долгого времени боялся признать, что тоже влюблен в меня. Если бы кто-нибудь узнал о нас, Тайлера просто выкинули бы из рядов королевской гвардии. А ведь мы с ним никогда не...

Принцесса замолчала. Ее щеки густо покраснели.

— Впрочем, это не имеет значения.

Допив остававшееся в кубке вино, Атайя взглянула на Джейрена. Тот внимательно слушал ее, не перебивая, не произнося ни слова, и выглядел почему-то очень одиноким и уставшим.

— Спасибо за вино, — сказала она. — Мне лучше.

Джейрен заглянул в опустошенный кувшин и улыбнулся.

— Почему бы тебе не прилечь? Можешь пойти в соседнюю комнату. Только сними с себя это мокрое платье, а то умрешь от простуды. Надень пока что-нибудь из моих вещей. Завтра я попробую выйти в город и купить тебе новую одежду. В это время года тебе нельзя отправляться в Рэйку в одном платьице.

— В Рэйку?

— Конечно. Мы не должны оставаться здесь. К тому же тебе нужен более опытный учитель, такой, как Хедрик. Я не гожусь для этой роли.

Прежде чем девушка успела открыть рот, чтобы возразить, он добавил:

— Мы обсудим это позже. После того, как ты выспишься.

— Не думаю, что я в состоянии заснуть после всего, что произошло, — не сдавалась Атайя.

— Я позабочусь об этом, — загадочно произнес Джейрен. — Иди и переоденься. Я приду через несколько минут.

Атайя немного смутилась, нахмурила брови, но, подчиняясь, отправилась в соседнюю комнату.

Открыв сумку Джейрена, она вытащила оттуда первую попавшуюся вещь — шелковую сорочку с вышивкой, слиш-

ком большую для нее, поэтому вполне подходящую для роли ночной рубашки. Сняв с себя мокрое платье, Атайя разложила его на полу, чтобы высушить, надела сорочку, залезла на плетеную койку и укрылась теплым одеялом. Несколько минут спустя Джейрен тихо постучал в дверь и вошел в комнату.

Он присел на край ее кровати и положил ладонь ей на лоб, как будто собирался проверить, не поднялась ли температура.

— Просто расслабься, — сказал Джейрен спокойным голосом, и это подействовало на нее гипнотически. — Закрой глаза.

Вскоре Атайя почувствовала знакомую прохладу — присутствие Джейрена в своем мозгу. Принцессе показалось, что он говорит ей что-то, но она не могла разобрать слов.

Ритмичное приятное звучание голоса молодого колдуна успокаивало и убаюкивало, и через несколько мгновений наступило спокойствие, ощущение защищенности и тепла. Потом голос стал исчезать, девушка уже не понимала, где находится, не помнила о случившихся ужасах.

— *Спи спокойно, Атайя.*

Он говорил еще что-то, но она уже ничего не слышала, отправившись в какое-то волшебное путешествие, словно плыла по морским волнам...

Когда Атайя проснулась, то увидела, что дверь приоткрыта.

Из соседней комнаты струился неяркий свет. Она откинула теплое одеяло, встала с кровати и вышла к Джейрену.

Он сидел у огня на треногом табурете, уставившись в пустоту, склонив голову, рассеянно помешивая деревянной ложкой содержимое стоявшей на плите кастрюли: наверняка еще даже не ложился спать.

— Который час?

Джейрен вскочил на ноги и резко обернулся, уронив ложку на пол.

— Прости, пожалуйста, я не хотела тебя пугать.

— Не думал, что ты так скоро проснешься, — пробормотал Джейрен. — Сейчас час ночи. Ты проспала совсем недолго.

Он выглядел так, словно его оторвали от крайне важных размышлений. А может, его смутил ее вид? Ведь она появилась перед ним в одной его сорочке, с голыми ногами и распущенными волосами.

Джейрен взял две миски с узкой деревянной полки.

— Хочешь есть? Я сварил суп.

Атайя заглянула в кастрюлю и понюхала бульон.

— Я и подумать не могла, что ты умеешь готовить.

— А я и не умею. — Джейрен ухмыльнулся. — Сейчас ты в этом убедишься.

С улыбкой на губах Атайя села за стол. Джейрен отрезал два куска черного хлеба, положил по одному в каждую миску и разлил бульон. Затем взял с камина белую свечу и поставил ее на стол, располагая в центре диадемы Атайи.

— Уверен, — гордо воскликнул он, — мы единственные люди в этом городе, у кого есть столь необычный и дорогой подсвечник.

Атайя рассмеялась и попробовала бульон.

— Очень неплохо. Но, признаться честно, я настолько голодна, что даже кусок вареного кожаного сапога показался бы мне сейчас невероятно вкусным.

Джейрен поднял бровь.

— Постараюсь не принимать твое замечание близко к сердцу.

Атайя с удовольствием поглощала эту простую пищу. В последний раз они ели лишь вчера утром, еще до приезда в Делфархам...

Всего за один день жизнь Атайи буквально перевернулась. Не прошло и суток с тех пор, когда она ощущала себя принцессой Кайта, возвращавшейся из дальней поездки с посланием для короля. А теперь ее разыскивает брат по всему городу для того, чтобы арестовать. Арестовать по обвинению в совершении страшного преступления...

Вдруг она заметила, что в комнате необычно тихо. Джейрен помешивал бульон деревянной ложкой, даже не попробовав его, и о чем-то размышлял, печально наблюдая за игравшими разноцветными огоньками рубинами и сапфирами на золотой диадеме Атайи.

Почувствовав на себе ее взгляд, Джейрен поднял голову. Их глаза встретились, и оба они, смутившись, отвернулись друг от друга. Принцессе и колдуну много о чем нужно было поговорить, но никто не решался заводить беседу. Атайя отважилась первой.

— Не знаю, как тебя благодарить, — пробормотала она. — Ты стольким рискуешь из-за меня. Так обо мне заботишься. Спасибо.

Джейрен медленно кивнул. Казалось, он был разочарован. Наверное, хотел услышать от нее нечто другое.

— Мастер Хедрик велел присматривать за тобой. Вот я и выполняю его поручение.

— Но ведь существует и какая-то другая причина, — сказала Атайя, придвигаясь ближе к нему. — Ведь ты делаешь все это не только для того, чтобы я стала... спасителем, как выражается Хедрик. Я права?

Джейрен взял со стола миски, повернулся к Атайе спиной и принялся выливать оставшийся бульон в кастрюлю.

— Что ты имеешь в виду?

— Думаю, ты понимаешь.

Он замер. Атайя заметила, что у него слегка дрожат руки.

— Джейрен, посмотри на меня, — сказала она мягким, но настойчивым тоном.

Он нехотя повернул голову, и Атайя взглянула ему в глаза. В них отражались — Атайя увидела это так ясно и отчетливо — ужасная боль и отчаяние. Либо эти чувства зародились в нем от сознания того, что ему не под силу полноценно тренировать ее, ведь она обладает гораздо более мощным талантом. Либо он хочет другого — чтобы в ее сердце зародилась любовь к нему... Но это невозможно, и Джейрен это понимает. Он все должен понять. Ведь ей самой приходится страдать

из-за любви к Тайлеру, который никогда не станет полностью принадлежать ей, потому что не имеет на это прав. Или потому что...

— Не бойся разговаривать со мной откровенно, Джейрен, — сказала Атайя. — Я знаю...

— Что это? — испуганно воскликнул Джейрен, прерывая собеседницу на полуслове.

Атайя почувствовала внезапный приступ тошноты. Голова закружилась: где-то вдалеке послышался стук копыт. Всадник приближался.

Джейрен поспешно подошел к двери и прислушался. Лошадь остановилась совсем рядом с их зданием, через пару мгновений Атайя уже слышала звук чьих-то решительных шагов.

— Быстро иди в другую комнату, — прошептал Джейрен, схватил Атайю за руку и поднял ее со стула. — Окно рядом с кроватью выходит на центральную улицу. Если ситуация выйдет из-под контроля, беги отсюда. Поняла? Обо мне не беспокойся.

Атайя нерешительно покачала головой.

— А разве стена отражения не поможет нам?

— Стена отражения предохраняет от магии. На всех остальных тоже должен распространяться слабый сигнал. Я уже рассказывал тебе об этом. Но сейчас нам лучше не рисковать.

Джейрен вытащил из-за пояса кинжал и отдал его Атайе.

— Возьми. На всякий случай.

— А если тебе придется защищаться?

— Не волнуйся, — твердо ответил Джейрен. — Я, конечно, не мастер колдовства, но кое-какие способы защиты применить смогу.

— Но я...

— Не спорь. *Уходи!*

Он буквально вытолкал принцессу в спальню, и она услышала за спиной щелчок — Джейрен закрыл дверь на замок.

Через секунду в переднюю комнату с шумом ворвался кто-то.

Незваный гость прогрохотал сапогами по полу и вытащил клинок из ножен. Атайя догадалась об этом по холодному металлическому звону.

Все ее тело напряглось, как будто заледенело, когда за стеной послышался низкий, угрожающий голос Тайлера:

— Итак, Джейрен, где она?

Глава 16

— Ты что, не слышишь меня? — заорал капитан. — Я спрашиваю, где Атайя?!

Дверь в спальню не очень плотно прилегала к косяку, и сквозь небольшую щель принцесса могла наблюдать за происходящим.

Тайлер снял с себя промокший плащ и отшвырнул его в сторону, оставшись в красной форме королевской гвардии. Он выглядел весьма внушительно на фоне облаченного в простые дорожные одеяния Джейрена, значительно уступавшего ему в росте и ширине плеч.

Голос Джейрена прозвучал на удивление спокойно.

— Ну и что тебе от нее нужно?

— А это, черт возьми, тебя не касается! — рявкнул в ответ Тайлер, приставляя острый край клинка к шее колдуна. — Не вздумай сказать, что ее здесь нет! Если только, конечно, это украшение на столе не принадлежит тебе.

Джейрен окинул беглым взглядом поблескивавшую диадему Атайи.

— Ты ведь обо всем знал, не так ли? — спросил Тайлер. — И никому ничего не сказал. Что ты планировал сделать? Используя ее способности, избавиться от Кельвина, оставаясь при этом чистеньким и незапятнанным? Рэйка этого хотела добиться?

— Я всего лишь стараюсь уберечь принцессу от ваших священников, — выпалил Джейрен, пытаясь не терять само-

обладания и не повышать голос. — Атайя обладает огромным потенциальным даром, но, пока она не научилась управлять им, ей необходима помощь...

Лицо Тайлера скривилось, как будто он по ошибке хлебнул прокисшего вина.

— Не хочешь ли ты сказать, что оказывал ей помощь и там, на постоялом дворе, когда я обнаружил тебя в ее комнате посреди ночи? А мне и в голову не пришло, что ты всего лишь пытался уберечь ее от чего-то...

— Капитан, я готов спокойно объяснить все, если ты прекратишь кричать и вести себя, как взбесившийся от ревности муж.

Побагровев от ярости, Тайлер замахнулся. Над головой Джейрена блеснул клинок.

— Это я должен...

Колдун спокойно поднял руку и произнес какое-то слово. Атайя почувствовала движение воздуха вокруг кисти Джейрена, быстро распространившееся до плеча, и увидела появившуюся прозрачную оболочку, заботливо окутавшую всю его руку. Оружие Тайлера, соприкоснувшись с этой преградой, со звоном отскочило в сторону. Капитан несколько раз мигнул, не веря своим глазам.

— Итак, ты готов спокойно поговорить со мной?

Тайлер закусил нижнюю губу и прищурился. По выражению его лица Атайя видела, что он пытается оценить силы противника. Невыполнимое задание для человека, ничего не смыслящего в магии!

Тут взгляд капитана упал на ведущую в соседнюю комнату дверь, и он с торжествующим видом направился к ней, но, как только поднес ладонь к дверной ручке, невидимая сила чуть не вывернула ему кисть.

— Я повторяю свой вопрос, — спокойно сказал Джейрен.

Тайлер не ответил. Осторожно придвинувшись к двери, он громко произнес:

— Атайя, это я. Что этому типу от тебя нужно? Ты в порядке?

— Принцесса не станет с тобой разговаривать. Если она вообще еще находится там, — произнес Джейрен.

Атайя молчала. В голосе Тайлера звучали отчаяние и мольба, но полагаться на чувства и веление сердца в данной ситуации было бы просто глупо. Он на протяжении нескольких лет служил в гвардии короля и привык беспрекословно выполнять любой приказ. Собирается ли Тайлер помочь ей? Или готов заковать ее в цепи и передать в руки Дарэка?

— Атайя, ты там?..

Теперь Тайлер обращался к ней уже почти шепотом.

Не получив ответа, он растерянно оглянулся на Джейрена, затем перевел взгляд на свой клинок. Против магии его оружие бессильно...

— Я просто хочу найти принцессу до того момента, как она попадется в лапы кому-нибудь другому, — сказал Тайлер почти умоляющим тоном. — Я не позволю убить ее или запрятать в темницу.

— Почему я должен верить тебе? А принцесса? Разве может она доверять капитану гвардии Дарэка? Да-да, я уже знаю о кончине Кельвина, — сказал Джейрен, увидев отразившиеся в глазах Тайлера удивление и испуг. — И Атайе об этом известно. Известно и о том, что тебе был отдан приказ поймать ее и арестовать. А если ты ослушаешься, то лишишься звания... быть может, даже жизни.

— Я просто хотел помочь...

— Несмотря на то, что она наделала? — резко спросил Джейрен. — Несмотря на тот факт, что Атайя причастна к смерти самого короля? Человека, которому ты поклялся в верности?

Тайлер нервно передернулся.

— Наверняка произошла какая-то ошибка. Атайя никогда не решилась бы целенаправленно пойти на убийство короля. Она сказала, Кельвин первый напал на нее. Но Дарэк не верит этому.

— А ты веришь?

Тайлер взглянул колдуну прямо в глаза.

— Я должен ей верить. У меня нет другого выхода, Джейрен.

Несколько минут оба молчали. Лишь потрескивание огня в камине нарушало воцарившуюся тишину. Джейрен обдумывал слова Тайлера, прохаживаясь по кругу в центре комнаты.

— Я даю тебе возможность выбора, — сказал наконец колдун. — Или ты позволишь мне проверить, искренни ли твои намерения, или я буду держать тебя здесь, пока Атайя не окажется в безопасном месте.

Он подошел ближе к Тайлеру.

— Итак, что ты предпочтешь?

Капитан окинул Джейрена скептическим взглядом. Связываться с магией, в которой ничего не смыслишь, — занятие рискованное.

— Собираешься проверить, искренни ли мои намерения? Что это значит?

— Я проникну в твой мозг, если ты согласишься, и смогу узнать наверняка, каковы твои истинные помыслы. Конечно, я мог бы сделать это и против твоей воли, но подобная процедура всегда не очень-то приятна, особенно мерзко почувствуешь себя при этом ты.

Тайлер нахмурил брови. Предложение Джейрена ему явно не нравилось.

— Позволить тебе внедриться в мой мозг? Ни за что бы не согласился. Но, насколько я понимаю, ты не предоставляешь мне какого-то иного варианта?

Джейрен покачал головой:

— Нет, капитан.

— А что ты будешь делать?

— Ты практически ничего не почувствуешь. Бояться нечего, уверяю тебя. Я проверю, искренни ли твои намерения в отношении Атайи, и ничего более. Мне известно, что Кельвин нередко использовал этот прием в своей практике — читал мысли присягавших на верность подчиненных и таким образом определял, кто из них лжет. Попрошу тебя об одном, — Джейрен понизил голос и кивком указал на поблес-

кивавшее стальное лезвие, — убери оружие. Чтобы не отвлекать внимания.

Капитан нехотя вложил клинок в ножны, снял пояс и положил его на стол рядом с диадемой Атайи.

— Теперь сядь сюда и постарайся расслабиться.

Тайлер послушно уселся на обшарпанный деревянный стул. Когда Джейрен прикоснулся ладонью к его лбу, он вздрогнул, но через мгновение, повинуясь указаниям колдуна, сделал глубокий вдох, закрыл глаза и успокоился.

Атайя напряженно вслушивалась в тишину, закусив губу, боясь узнать правду. Воспоминания о той ночи на постоялом дворе, когда она вызвала бурю, никак не шли из головы. Особенно запомнились девушке слова Джейрена: «Если Тайлер не примет тебя такой, какая ты есть, то стоит ли он твоей любви?»

Пожалуйста, Тайлер, — думала она, закрывая глаза. — *Ты — единственное, что у меня есть...*

Несколько минут спустя Джейрен устало опустил руку и вздохнул, облегченно и вместе с тем как-то печально.

— Я верю тебе, капитан.

Он направился к спальне, и Атайя услышала, как щелкнул замок.

— Все в порядке, Атайя. Опасаться, думаю, нечего. Ты можешь выходить.

Отбросив в сторону кинжал Джейрена, принцесса выскочила из комнаты, и Тайлер заключил ее в объятия.

Он стоял, не двигаясь, крепко прижимая девушку к себе, и, казалось, боялся разжать руки.

— Слава Богу, ты жива... Если бы ты только знала, что я пережил за эти несколько часов... Я очень волновался за тебя.

Атайя смахнула со щеки слезинку.

— А как ты догадался, что я здесь?

— Я не был уверен. Но вспомнил о нашем разговоре. Ты сказала, что Джейрен не собирается жить в замке и что за лавкой красильщика всегда есть свободные комнаты. Я молился по дороге сюда, чтобы вы оказались здесь.

Тайлер ласково провел ладонью по щеке девушки.

— О других не беспокойся. Я сказал солдатам, что эту часть города осмотрю сам, поэтому здесь никто не появится.

Атайя благодарно улыбнулась ему в ответ, поцеловала капитана в щеку и взглянула на Джейрена. Колдун был явно чем-то озадачен, он задумчиво прохаживался вдоль стен и периодически проводил по ним рукой.

— В чем дело? — спросила Атайя.

Джейрен растерянно покачал головой.

— Никак не могу понять, почему он зашел сюда. Мы установили двойную стену отражения...

— Двойную стену чего? — переспросил Тайлер.

— Это заклинание. Помогает защититься от незваных гостей, — ответила Атайя. — Я потом расскажу тебе.

— Раз уж вы заговорили об этом, признаюсь, я почувствовал нечто странное, когда приблизился к дому. У меня возникло такое ощущение, что здесь нет ни души. Но уйти, не удостоверившись в этом, я просто не мог. Решил зайти внутрь. Никогда не простил бы себе, если поступил бы иначе.

Джейрен откашлялся.

— Думаю, вам о многом нужно поговорить. Я отлучусь на время.

Он ушел в спальню и через минуту вернулся с плащом в руке. На поясе висел кинжал.

— Куда ты? — спросила Атайя. — Тебя поймают.

— Кто? Родри? Он даже не догадывается о моем существовании. А воины королевской гвардии ищут тебя, а не меня.

— Но те люди, которые ездили с нами в Рэйку, знают тебя, — предупредила Атайя.

— Об этом я позаботился, — вмешался Тайлер. — Я никогда тебе не доверял, Джейрен, но не хотел, чтобы кто-то из моих солдат нашел Атайю раньше меня. Я был уверен, что она направилась к тебе, больше ей просто некуда идти, и сказал своим воинам, что ты являешься посланником из Рэйки и что собирался встретиться с Кельвином. Я убедил их в том, что ты

исчез из Кайта с помощью своих колдовских методов в ту самую минуту, когда король скончался, из боязни быть вовлеченным в расследование по поводу его гибели. Не знаю, сработало ли это, но надеюсь, что о тебе уже позабыли.

— Не беспокойтесь. Я сумею выкрутиться. Если встречу кого-нибудь из них, то воспользуюсь невидимым покровом. Конечно, у них могут оказаться зеркала. В этом случае я просто постараюсь исчезнуть с их пути. Я достаточно опытен в этих делах — уже доводилось скрываться от преследовавших меня людей. — Джейрен рассмеялся. — Когда-нибудь попросите Фельджина рассказать о Брэйден-Холле.

— О чем? — переспросила Атайя.

— Однажды нам пришлось бежать из одного имения на юге Рэйки. Фельджина застукали с дочерью графа. Это случилось довольно давно, в дни бурной молодости принца.

— А ты что там делал? — спросил Тайлер, удивленно поднимая бровь.

— А вот это тебя не касается, — усмехнулся Джейрен. — Я не упомянул, что у графа было *две* дочери?..

Он небрежно набросил на плечи плащ, привязал к поясу кошелек и проверил, надежно ли спрятан кинжал.

Тайлер проводил его до двери и протянул руку.

— Спасибо, что позаботился о ней. Прости, я не доверял тебе раньше, но...

— Не стоит извиняться, капитан. В конце концов, я тебе тоже не верил.

Джейрен посмотрел через плечо Тайлера на Атайю, и его взгляд смягчился.

— По крайней мере теперь мы выяснили, что оба ошибались...

Колдун шепнул что-то капитану, тот довольно кивнул и по-дружески похлопал его по плечу. Щелкнул дверной замок.

— Можете закрыться изнутри, — сказал Джейрен. — Я не беру ключи.

Он пожелал Атайе и Тайлеру спокойной ночи и вышел в темноту.

Капитан закрыл за ним дверь и, повернувшись к Атайе, шутливо нахмурил брови.

— Итак, теперь, когда Джейрен ушел, может, объяснишь, почему на тебе его сорочка?

— Оставь свои глупые подозрения, Тайлер. Мое платье насквозь промокло, нужно было переодеться. Вот он и предложил мне свою одежду.

— Ага, известная песня, — произнес Тайлер, прищурив глаза, но тут же рассмеялся и протянул руки. — Иди ко мне, маленький чертенок.

Обняв Атайю за плечи, он повел ее к камину, и они уютно устроились возле огня.

— Так вот что ты скрывала от меня, — сказал капитан, нежно поглаживая руки Атайи.

— Я не могла рассказать тебе об этом, боялась оттолкнуть от себя. Представить себе не могла, как ты воспримешь такую новость.

Тайлер ласково провел ладонью по ее волосам.

— Я боюсь в жизни только одного — что ты разлюбишь меня. Мне наплевать на россказни священников. Если у тебя есть дар колдовства, значит, в этом не может быть ничего ужасного. Кстати...

Тайлер извлек из внутреннего кармана камзола скрученный в трубочку пергамент с королевской печатью и швырнул его в огонь.

— Не могу поверить, что Дарэк способен был так поступить, — прошептала Атайя, наблюдая за превращающимся в пепел приказом о собственном аресте.

— Никто не ожидал от него такого. Сесил вообще не разговаривает с ним, а Николас... Никогда не видел его в таком состоянии. Он просто пришел в бешенство и устроил Дарэку страшный скандал. Его величество даже пригрозил взбунтовавшемуся братцу, что запрет его, если тот не прекратит орать.

Атайя нерешительно подняла голову.

— Николас... Он все понимает? Он на моей стороне?

— Можешь не волноваться. Конечно, в первую минуту Николас был потрясен, как и я сам, но потом мы пришли в

себя и побеседовали. Знаешь, что он сказал? Он даже обрадовался, что ты оказалась колдуньей. Надеется, что при помощи какого-нибудь заклинания тебе удастся превратить Дарэка в нормального человека.

Атайя засмеялась и смахнула со щеки слезинку рукавом шелковой сорочки Джейрена.

— Да, это похоже на Ники. Что там еще происходит?

— Дарэк, как ты, наверное, уже догадалась, убежден, что ты намеренно убила Кельвина. Дагара, естественно, полностью с ним согласна. Архиепископ Вэнтан бормочет молитвы, рассказывает ужасные вещи о лорнгельдах и говорит, что ты должна добровольно согласиться на проведение обряда отпущения грехов.

— Так я и думала, — мрачно произнесла Атайя. — А как там Родри?

Тайлер нахмурил брови.

— Он ведет себя странно. Не знаешь, что с ним?

— Ему не хочется признавать тот факт, что отныне, помимо него, в Кайте появился еще один человек, обладающий способностями к колдовству.

А еще тот факт, что двадцатилетний эксперимент, произведенный им над моим отцом, провалился, не принеся ожидаемых результатов, — подумала Атайя, а вслух сказала:

— Джейрен прав. Мне нужно как можно быстрее уехать назад, в Рэйку.

— Назад в Рэйку?..

— Там я буду находиться в безопасности. Мне ведь необходимо пройти обучение. Джейрен уже научил меня пользоваться некоторыми заклинаниями, но помочь мне освоить более сложные может только Хедрик.

— А о чем Хедрик разговаривал с тобой? Он уже знал, что ты принадлежишь к их роду?

Атайя кивнула.

— Ему было известно об этом еще до того, как мы приехали в Ат Луан. Хедрик считает, что во мне заложен огромный потенциал. Тем более я являюсь представительницей королевской семьи — хотя в настоящий момент не знаю, так ли это.

Лицо принцессы помрачнело.

— Хедрик хотел, чтобы я возглавила движение против церкви. Выступила за отмену обряда отпущения грехов. Стала кем-то вроде спасителя...

— Серьезное поручение.

— Это *было бы* серьезным поручением. Боюсь, Хедрику придется подыскать для этой роли другого человека. При Кельвине я могла бы попробовать заняться защитой прав лорнгельдов, но сейчас на троне Дарэк, и у меня ничего не получится.

— Не говори так. Твое имя остается при тебе, никто не вправе лишить тебя фамилии.

Атайя сделала глубокий вдох, чтобы удержать подступавшие слезы.

— Кто теперь поверит мне? Я убила короля, который впервые за два столетия проявил интерес к судьбам лорнгельдов. Все посчитают, что я, подобно Фалтилу, захотела стать единственной колдуньей в стране. Церковь вообще обрадуется. Теперь у них есть еще одно доказательство того, что волшебство — страшное зло.

— Перестань повторять, что ты убила Кельвина. Произошел несчастный случай. Ужасная, но случайность. Джейрен сказал мне, что в тот момент ты не могла контролировать свою магическую силу.

Тайлер замолчал, выражение его лица стало вдруг серьезным и решительным.

— Мне наплевать на мнение церкви. Чтобы с тобой ничего больше не случалось, ты должна продолжить обучение. К черту эти идиотские обряды. Я хочу, чтобы ты жила, Атайя. Бог посчитал нужным наградить тебя этими способностями. Ты должна жить.

Несколько минут Атайя не могла вымолвить ни слова. Ее переполняли эмоции. Свершилось то, что казалось просто невозможным. Еще какой-то час назад она думала, что никогда не будет счастлива. А теперь рядом с ней сидел Тайлер. И он принял ее, он любил ее так же, как и прежде!..

— До сих пор не могу полностью в это поверить, — заговорила наконец принцесса. — Какая-то часть моего мозга все еще сомневается, что мне даны такие возможности. Когда я услышала об этом впервые, я боялась даже думать о своем даре, а заговорить о нем с тобой вообще не решилась бы.

Атайя прильнула к Тайлеру и положила голову ему на плечо.

— Особенно после того, как увидела выражение твоих глаз в ту ночь, когда ты обнаружил Джейрена в моей комнате. Помнишь, какая была гроза? Это я ее вызвала. Во сне. Джейрен прибежал, чтобы попытаться успокоить меня...

Тайлер задумался о чем-то.

— Он влюблен в тебя. Ты знаешь об этом?

Атайя посмотрела ему в глаза. Это известие не явилось для нее чем-то неожиданным. Девушка уже давно поняла, что Джейрен относится к ней не просто как к другу. Удивительным было то, что Тайлер настолько уверенно говорил об этом.

— Почему ты так решил?

— Все очень просто. Он смотрит на тебя так же, как когда-то смотрел я. В тот период я раздумывал, стоит ли влюбляться в тебя. Прекрасно понимал, что не стоит, но ничего не мог с собой поделать, — улыбнулся Тайлер.

— Ты что, жалеешь об этом? — промурлыкала Атайя, поглаживая его по щеке, затем добавила более серьезно: — Джейрен так добр ко мне, так заботлив. И я дорожу им как другом. Но я в него не влюблена.

— Знаешь, что он сказал мне перед уходом? Что не собирается вставать у меня на пути.

Атайя нежно провела ладонью по руке Тайлера.

— Теперь я сожалею, что не рассказала тебе обо всем сразу. Ты простишь меня?

Он наклонил в голову и поцеловал ее в щеку.

— Только пообещай никогда ничего больше не утаивать. Я люблю тебя, Атайя. Ничто не изменит мое к тебе отношение.

Вдруг по лицу принцессы пробежала тень сомнения. Она нахмурила брови.

— И что мы будем теперь делать? Я уеду...

Голос Атайи оборвался. Разве она в состоянии расстаться с ним?

Тайлер пожал плечами:

— Я мог бы попросить Фельджина зачислить меня в гвардию Осфонина.

Ее глаза засветились от радости.

— Ты поедешь со мной?

— Думаешь, я шучу?

— А как же Дарэк... твоя служба...

— Я присягал на верность Кельвину, а не Дарэку, — твердо ответил Тайлер. — Понимаешь, я просто не смогу настолько же преданно относиться к твоему брату. Я вообще не в состоянии служить человеку, который мне не нравится. Я хочу находиться рядом с тобой.

Атайе показалось в эту минуту, что она вот-вот умрет от счастья. Всего лишь несколько часов назад жизнь не обещала ничего хорошего, а теперь... Вот бы так и лежать у него на плече...

Тайлер провел пальцами по нежной шее Атайи.

— Что это? — спросил он, увидев медальон на цепочке.

— Подарок Фельджина. Открой.

Открыв створку медальона, Тайлер взглянул на появившееся изображение. На свой портрет.

— Глазам не верю, — изумленно воскликнул он. — У меня такое ощущение, что я смотрю в зеркало!

— Помнишь тот день в Ат Луане, когда я не хотела рассказывать тебе о нашем с Фельджином разговоре?.. Так вот, мы беседовали о тебе. Я не упоминала твоего имени, но призналась ему, что люблю другого человека. Когда вы ездили на охоту, Фельджин обо всем догадался, а в день отъезда преподнес мне этот подарок в знак того, что понимает мои чувства. Хотя выйти замуж скорее всего мне придется за него...

Атайя вдруг схватилась за голову:

— Тайлер!.. Боже мой! Да ведь теперь... И как я раньше не подумала об этом!

Капитан закрыл медальон и удивленно уставился на Атайю.

— Теперь я не обязана выходить замуж за Фельджина, — воскликнула она, сияя от счастья. — Я свободна. Тайлер, ты понимаешь? Это значит, что мы сможем пожениться, как только приедем в Рэйку!..

Несколько мгновений капитан непонимающе смотрел на девушку. Затем выражение его лица стало медленно изменяться. Наверное, до него начал доходить смысл ее слов. Наконец, радостно вскрикнув, Тайлер вскочил на ноги, подхватил Атайю, и они закружились по комнате в веселом танце.

— Уверена, Осфонин примет тебя в ряды своей гвардии, — сказала Атайя, радостно улыбаясь. — Фельджин не раз говорил, что твои способности производят на него сильное впечатление. Мы купим небольшой домик в Ат Луане, у нас будет семья...

— Если, конечно, я соглашусь взять в жены девушку без приданого, — с напускной серьезностью произнес Тайлер.

— Эй, прекрати, — проворчала Атайя и шутливо ударила его по плечу. — У меня есть все, что тебе нужно, — я ведь люблю тебя.

Он крепко обнял ее и улыбнулся.

— Верно. Разве можно мечтать о чем-нибудь еще?

Послышался негромкий звон — три часа ночи.

— Уже поздно, — сказал Тайлер с горечью в голосе, возвращаясь к действительности. — Мне пора возвращаться.

Он разжал руки, отпуская возлюбленную, поспешно взял со стола все еще мокрый плащ и стал расправлять появившиеся на нем складки. Атайя молча наблюдала за ним.

Нельзя отпускать его! Только не сейчас!..

Подойдя к Тайлеру, она взяла у него плащ, обняла за шею и поцеловала.

— Не уходи, — прошептала Атайя. — Останься со мной.

Он ответил не сразу, словно не веря тому, что только что услышал.

— Ты серьезно? — спросил Тайлер и нерешительно обхватил ее за талию, все еще сомневаясь.

— Почему нет? Теперь нам нечего бояться.

— Подожди... А Джейрен? Вдруг он вернется?

— Как ты думаешь, для чего Джейрен оставил нас? — спросила Атайя, улыбаясь.

Она взяла со стола белую свечу и, не говоря больше ни слова, повела Тайлера в спальню.

Дыхание достойного капитана участилось, а сердце бешено заколотилось в груди.

— Вообще-то я могу сказать Дарэку, что занимался поисками всю ночь... но не стану упоминать о том, что нашел тебя.

Глава 17

Атайя проснулась гораздо раньше Тайлера.

Осторожно, чтобы не потревожить любимого, она перевернулась на бок и взглянула на него. Тайлер умиротворенно посапывал, его лицо светилось какой-то спокойной радостью. На мускулистых загорелых руках белели шрамы — последствия былых сражений. Атайя провела по ним ладонью — нежно, едва дотрагиваясь. И кто посмел это сделать?

Не могу поверить, что ты рядом со мной, — думала принцесса, боясь неожиданно проснуться и обнаружить, что чудесная ночь ей просто приснилась. — *Неужели я не сплю? Неужели это ты, Тайлер?..*

Он открыл глаза, по губам скользнула улыбка.

— С добрым утром, — прошептал Тайлер.

Атайя ответила продолжительным поцелуем.

— Я с удовольствием приказала бы слугам принести нам завтрак в постель, но... — Она обвела взглядом пустынную комнату, пожала плечами и вновь повернулась к капитану. — Я так счастлива, Тайлер. Как давно я мечтала об этом — проснуться однажды с тобой в одной постели. Никогда не думала, что моей мечте суждено осуществиться.

Атайя провела кончиками пальцев по его подбородку, по шее, затем ее ладонь скользнула ниже, исчезая под одеялом.

— Нам лучше не делать этого, — сказал Тайлер, нехотя останавливая ее руку. — На этот раз мне действительно пора. Я должен вернуться в Делфар, а то Дарэк узнает о моем отсутствии. Начнет задавать вопросы моим подчиненным, заподозрит что-нибудь.

Он откинул одеяло, встал с кровати и поднял с пола рубашку.

— Только не расстраивайся, любовь моя. Мы еще тысячу раз проснемся вдвоем, у нас вся жизнь впереди. И обещаю тебе, я буду гораздо менее нерешительным.

Атайя с восхищением наблюдала за Тайлером, когда он одевался. Затем встала с кровати, накинула на себя сорочку и вышла с ним в переднюю комнату.

— Ты только взгляни, — произнес капитан и кивнул в сторону камина.

Там, свернувшись калачиком на маленьком плетеном коврике, лежал Джейрен. Вместо одеяла он укрылся плащом, а в качестве подушки, за неимением чего-либо более подходящего, решил воспользоваться сапогами.

— Наверное, ему здесь не очень-то удобно, — воскликнула Атайя, качая головой.

— Это весьма мягко сказано, — раздался из-под плаща голос Джейрена, затем показалось его лицо. — Но у меня не было выбора.

Тайлер усмехнулся:

— Я, пожалуй, пойду. Береги себя, Атайя. Постараюсь прийти вечером. Расскажу об обстановке в замке и захвачу для тебя что-нибудь из одежды.

Капитан поцеловал принцессу на прощание, открыл дверь и вышел. Атайя, содрогаясь от ворвавшегося в комнату холодного октябрьского ветра, помахала ему рукой, провожая взглядом.

Джейрен все еще лежал на коврике у камина. Его бриджи были измяты, волосы взлохмачены, под глазами темнели круги — парень явно не выспался.

Атайя принялась разжигать огонь.

— Ты хоть немного поспал сегодня ночью? — поинтересовалась она, подкидывая в камин парочку увесистых поленьев.

— Очень немного, — ответил Джейрен, потягиваясь. — Меньше, чем ты, это уж точно.

Атайя покраснела и смущенно отвернулась.

— Где ты был ночью?

— В таверне Орэна. На втором этаже.

— На втором этаже? — переспросила девушка и задумалась.

Совсем недавно ей самой довелось побывать в этом убогом отвратительном месте. Там обычно работают шлюхи. Наверняка он провел ночь не в таверне... Просто не мог туда пойти...

— Одна из девушек предложила мне свои услуги. Когда я отказался, она стала настаивать, и я пошел с ней, чтобы не спорить. Уже наверху девица, по-видимому, все еще не веря в то, что я не нуждаюсь в ней, стала раздеваться. Но все равно — бедняге пришлось улечься на коврике, а я поспал на кровати.

Атайя недоуменно усмехнулась.

— Зачем ты пошел в это мерзкое заведение?

— Я подумал, что твоему братцу не придет в голову отдавать приказ искать тебя в замызганном публичном доме, но ошибся. Примерно через час после моего появления в таверне туда ввалились двое гвардейцев. Они заглянули в комнату и, удостоверившись, что девушка на полу — это не ты, ушли. Я их не знаю. Кстати, — произнес колдун, приподнимаясь на локтях, — у меня для тебя кое-что есть. Конечно, смотреть тут не на что, но пока Тайлер не принес тебе твою одежду, ты можешь надеть это. По-моему, оно достаточно чистое.

На спинке стула, стоявшего у стола, висело простое шерстяное платье. Атайя приложила его к себе.

— Где ты это взял?

— Не беспокойся. Посмотри, подойдет ли оно тебе.

— Скажи, где ты его взял.

Джейрен смущенно отвел взгляд.

— Видишь ли, когда я проснулся, девушка еще спала. Я просто взял ее платье.

— Как ты мог? — спросила Атайя и рассмеялась. — И что она будет делать?

— Эти женщины сознательно выбирают данную профессию. И каждый раз рискуют. Кстати, меня побудили пойти на столь низкий поступок весьма веские причины: разве я могу позволить принцессе Кайта весь день разгуливать в своей старой сорочке?

Атайя удалилась в спальню и переоделась. Платье не очень подошло ей: рукава свисали, а юбка была слишком длинной. Ткань выглядела ужасно, наверное, от старости, зато в этом платье Атайя быстро согрелась.

— Да уж, не лучший вариант для тебя, — воскликнул Джейрен, когда она вернулась. — Гм-м... Попробуем немного исправить ситуацию.

Он взял со стола золотую диадему и осторожно надел ее на голову Атайи.

— Потрясающе. Теперь ты представляешь собой само олицетворение несоответствия.

Она озорно улыбнулась:

— По-моему, я всегда этим отличалась!

Взяв с полки кастрюлю с остатками вчерашнего ужина, Атайя поставила ее на огонь, а Джейрен отправился в другую комнату, чтобы немного привести себя в порядок.

Через несколько минут он вернулся, тихо сел за стол, и тут Атайя заметила, что выражение его лица совершенно изменилось — стало серьезным, задумчивым: казалось, мысли Джейрена были где-то очень далеко.

— Полагаю, Тайлер едет в Рэйку с нами, — медленно заговорил он.

Атайя повернулась к Джейрену, продолжая помешивать бульон.

— Да, — ответила она и, выдержав паузу, добавила: — Мы собираемся пожениться, как только приедем в Рэйку.

Джейрен даже не поднял головы, лишь медленно кивнул и забарабанил пальцами по деревянной столешнице.

— Что ж, я поздравляю вас.

Атайя отложила в сторону деревянную ложку и подсела к нему.

— Я...

— Ты не обязана мне ничего объяснять, — быстро проговорил Джейрен. — Пожалуйста, не будем об этом.

Резко поднявшись со стула, он схватил с пола измятый плащ.

— Лавки, наверное, уже давно открылись. Куплю что-нибудь поесть.

Не давая принцессе возможности вымолвить ни слова, молодой колдун поспешно открыл дверь и ушел.

По прошествии часа Джейрен вернулся с двумя караваями черного хлеба, головкой сыра и кувшином ароматного вина. Они с принцессой сели за стол, но разговор не клеился. Оба прекрасно сознавали почему.

Тайлер вернулся вечером, сразу после наступления темноты.

В тот же момент, когда он вошел в комнату, Атайя поняла: что-то случилось.

Его лицо было напряженным, вокруг губ залегли складки. Девушка протянула ему кубок с вином, и капитан с радостью принял его.

— Что произошло? — спросила Атайя. — Не обижайся, но ты выглядишь ужасно.

— Денек выдался не из лучших, — ответил Тайлер, поставил у порога кожаную сумку и осушил кубок. — Дарэк что-то заподозрил. Он вызвал меня сегодня и стал расспрашивать, знаю ли я, где ты прячешься. Твой братец проанализировал ситуацию и задумался: зачем тебе понадобилось возвращаться из Рэйки? Ведь там ты могла пройти обучение и находиться в безопасности. К тому же ему стало известно о том, что с нами приехал колдун.

Тайлер многозначительно посмотрел на Джейрена.

— Не знаю уж, кто из моих людей мог рассказать Дарэку об этом, но наш новый король убежден, что этот колдун

несет ответственность за обнаружившиеся у Атайи... способности.

— И что ты ответил? — встревоженно спросила Атайя.

— Ему определенно не понравился мой ответ. Я сказал, что человек, который приехал с нами, — курьер из Рэйки. То, что он оказался колдуном, — простое совпадение. Дарэк заставил меня поклясться, что я не лгу.

У Атайи перехватило дыхание.

— Тайлер, что ты наделал? Солгать самому королю — тяжкое преступление.

— Знаю. Но я уже совершил серьезный проступок, когда не сообщил немедленно о твоем местонахождении. Если тебя найдут, мы оба окажемся в затруднительном положении.

— Тогда нам нужно уехать из города как можно быстрее, — вмешался в разговор Джейрен. — Как ты думаешь, капитан, сколько еще времени гвардейцы короля будут продолжать поиски сбежавшей принцессы?

Тайлер задумчиво почесал затылок.

— Через пять дней состоятся похороны Кельвина. Полагаю, до того момента солдаты будут искать Атайю. После похорон Дарэк займется подготовкой к коронации. Он наверняка посвятит этому все свое время.

— Отлично. Чем быстрее мы исчезнем из Кайта, тем лучше. Через пять дней город наполнится людьми, желающими попрощаться с Кельвином. Когда все соберутся в храме, для нас наступит самый подходящий момент.

Тайлер кивнул.

— Я предупрежу Николаса. Возможно, ему удастся подготовить для нас лошадей и провизию, а также достать денег, чтобы мы смогли добраться до Рэйки.

Тайлер и Джейрен принялись оживленно обсуждать подготовку к предстоящему путешествию, но Атайя уже не слушала их.

Поднявшись со стула, она задумчиво прошлась по комнате. Необходимо уехать из Кайта... возможно, навсегда. Сердце сжимала непонятная тревога, на душе было неспокойно. Как

будто здесь оставалось нечто нерешенное, что-то, что она обязана доделать.

После нескольких секунд напряженных размышлений Атайя все поняла. Тайлеру и Джейрену это явно не понравится.

— Как ты на это смотришь? — спросил Тайлер.

— На что?

— Мы собираемся добраться до Рэйки морем. Приближается зима, но льда не будет по крайней мере до ноября. Если мы отправимся отсюда, то нас обязательно заметят. Но можно перебраться в Фекхам и отплыть оттуда.

Атайя рассеянно кивнула.

— Но возникнет одна проблема. Дарэк наверняка захочет, чтобы я присутствовал на похоронах. Не знаю, как мне улизнуть.

— Это не проблема, — твердо сказала Атайя.

Тайлер удивленно покачал головой.

— Не понимаю...

Она вернулась на свое место за столом и одним глотком осушила кубок с вином.

— Я тоже собираюсь пойти на похороны отца. Мы отправимся сразу по окончании церемонии.

— Что?.. — Джейрен вскочил на ноги так резко, что стул, на котором он сидел, закачался и упал на пол. — Ты что, с ума сошла? В храме соберется целая толпа народа. Тебе нельзя там появляться.

— Я — колдунья, — произнесла Атайя язвительным тоном. — Ничего удивительного в том, что я веду себя, как сумасшедшая.

Джейрен закатил глаза, затем повернулся к ней, желая что-то сказать, но Тайлер опередил его:

— О чем ты говоришь? Да ты просто...

— Даже не пытайтесь отговаривать меня.

Атайя сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и продолжала:

— Я должна туда пойти, Тайлер. Я хочу проститься с ним и попросить прощения.

Чтобы не расплакаться, принцесса крепко сжала кулаки, вонзая ногти в ладони.

— Атайя, я понимаю, что тебе очень трудно смириться со смертью Кельвина, но уже ничего нельзя изменить. Если ты пойдешь туда, все равно ничем не сможешь помочь отцу.

— Это нужно мне самой, Тайлер, — тихо сказала девушка. — К тому же мне хочется взглянуть на Николаса и Сесил... возможно, в последний раз. Даже если они не будут знать о моем присутствии. Может статься, что я больше никогда не вернусь в Кайт.

— Ты понимаешь, о чем ты говоришь? — взревел Джейрен и ударил кулаком по столу. Раньше Атайя никогда его не видела в таком гневе. — Если ты поступишь так, то будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь!

Она расправила плечи.

— Не пойму, почему ты так взбесился. Нам нечего опасаться. Тайлер займется своими прямыми обязанностями, а мы с тобой спрячемся под невидимым покровом. Никто даже не догадается о нашем присутствии.

— Ага, никто. Кроме Родри. Для него это не составит особого труда. Ты ведь увидела меня, когда я следовал за вами по дороге в Эваршот.

— Мы не станем к нему приближаться. Кроме того, он не ожидает встретить нас на похоронах.

Джейрен продолжал буравить принцессу неодобрительным взглядом, но Атайя оставалась непреклонной.

— Если ты боишься, что мои способности выйдут из-под контроля, то я готова тренироваться на протяжении всех пяти дней.

— На тренировки ты должна потратить не неделю, а долгие месяцы. Только тогда...

Атайя вскочила со стула.

— Наверное, ты плохой учитель. Я пойду на похороны и не собираюсь больше обсуждать этот вопрос.

— Но...

— Джейрен, перестань с ней спорить, — сказал Тайлер. — Я ее хорошо знаю. У нас есть один способ заставить ее отказаться от этой безумной затеи — это если ты воспользуешься каким-нибудь из своих заклинаний, и мы вывезем ее из Кайта помимо ее воли.

— Я подумываю о том же самом.

Тайлер засмеялся и посмотрел на Атайю.

— Возможно, с этим не будет никаких проблем. Я сомневаюсь, что Родри вообще пойдет на похороны. Учитывая обстоятельства смерти Кельвина... — тут Тайлер понизил голос, — Дарэк не захочет, чтобы в соборе находились колдуны. Кстати, твой брат никогда не мог терпеть Родри. Теперь он постарается избавиться от него как можно быстрее.

— Замечательно, — пробормотал Джейрен. — Полагаю, Родри направится в Рэйку...

— Даже если что-нибудь пойдет не так, — продолжал капитан, — я позабочусь о вашей безопасности. Поставлю на выходах ребят, которым могу доверять. Я слышал разговоры своих подчиненных. Многие возмущены тем, как Дарэк обошелся с сестрой.

Атайя повернулась к Джейрену и развела руками:

— Вот видишь, нам нечего бояться.

— Похоже, ты права, — нехотя сказал он. — Кроме того, я понимаю твое желание попасть на похороны отца...

Атайя взглянула на него с благодарностью.

— И еще одно, Тайлер. Не говори ничего Николасу о моем намерении проститься с Кельвином. У него и без нас хватает проблем. Просто передай ему, что я пришлю письмо из Рэйки.

В глазах принцессы отразилась тоска.

— Как бы мне хотелось, чтобы Николас поехал с нами. Он так мечтал побывать на нашей свадьбе...

Джейрен опустил голову, но Тайлер не обратил на это внимания.

— Я собираюсь рассказать Николасу о нашем отъезде и попросить его сообщить Дарэку о моем уходе со службы. Пусть подыщет себе другого человека.

Тайлер поднялся со стула.

— А пока я буду изображать преданного королю капитана гвардии. Думаю, будет лучше, если я не стану больше приходить сюда.

Атайя кивнула.

Они еще раз обсудили план действий на день похорон Кельвина. Тайлер заверил Атайю и Джейрена, что позаботится о подготовке лошадей и провизии. Перед уходом он достал какую-то одежду из оставленной у порога сумки и протянул ее Атайе.

— Старые вещи Николаса. Никто даже не заметит, что они исчезли. А еще возьми деньги. Купите что-нибудь поесть.

— Ладно. Увидимся через пять дней, — грустно сказала Атайя, открывая Тайлеру дверь.

— А потом, любовь моя, мы вообще больше не будем расставаться.

Пять дней пронеслись быстро. Каждое утро начиналось с тренировок. Джейрен научил Атайю пользоваться элементарными заклинаниями, а также некоторыми из более сложных. Она буквально падала на кровать вечером и тут же засыпала крепким сном. Каждый день они создавали новую стену отражения, чтобы защитить себя от возможных попыток Родри узнать об их местонахождении.

После четырех дней тренировок для Атайи уже не составляло большого труда создать сферу, светящийся шар, открыть запертую дверь без ключа, зажечь свечу — так, как поступил однажды Кельвин в ее присутствии. Теперь принцесса быстро попадала в пещеру и уверенно продвигалась по тропинкам. Каждый день по нескольку раз Джейрен заставлял Атайю создавать невидимый покров. Результаты, которых ей удалось достичь, казались просто поразительными.

На четвертый день, когда они сели за стол, Джейрен просто не мог определить, где находится принцесса.

Вечером, накануне дня похорон Кельвина, они собрали немногочисленные вещи, готовясь к предстоящему путешествию.

— Ты научилась многому, — с гордостью воскликнул Джейрен. — У меня ушло бы на это целых четыре недели, а не четыре дня. Но это не значит, что тебе можно забыть об осторожности. Ты ведь еще только учишься. Каждому человеку свойственно совершать ошибки.

— В этом я преуспела, — ответила Атайя и зевнула, прикрывая рот рукой.

Сложив в сумку остатки пищи, Джейрен бросил ее в пыльный угол.

— Нам нужно хорошенько выспаться. Не могу дождаться момента, когда мы сможем уехать отсюда.

Он отряхнул перепачканные сажей бриджи.

— Даже не знаю... — пробормотала Атайя. — По-моему, мне начинают нравиться эти комнаты.

Джейрен изумленно уставился на нее.

— Думаю, ты устала больше, чем можно было предположить.

Он подбросил дров в камин, а Атайя налила себе немного вина. Обведя взглядом комнату — покрытый толстым слоем пыли пол, измазанные сажей стены, занавешенное козьей шкурой окно, — она почувствовала, что сердце сжимается от непонятной тоски. Как странно! Уезжать из этого обшарпанного жилища вовсе не хотелось. Ведь именно здесь ей удалось постичь смысл практического применения магии, именно здесь они провели свою первую ночь с Тайлером...

Странно, но никогда в жизни принцесса не чувствовала себя более счастливой, чем последние несколько дней. Куда бы ни занесла ее судьба, воспоминания о проведенном в этих комнатах времени никогда не сотрутся из памяти. Здесь Атайе наконец-то удалось узнать, что такое душевное равновесие, здесь ее жизнь резко изменилась, и изменилась к лучшему...

Глава 18

На следующий день Атайя и Джейрен поднялись на рассвете и отправились к собору Святого Адриэля.

Еще до момента открытия у дверей храма стал собираться народ. Перед началом церемонии все места уже были заняты, но никто даже не заметил, как Джейрен и Атайя прошли к алтарю и встали у стены.

Атайя радовалась возможности еще раз посмотреть на знакомых ей людей — подчиненных Тайлера. К счастью, ни у одного из них, помимо обычного снаряжения, не было зеркал. Наверное, Дарэк не ожидал ее появления.

Даже обычные службы в соборе могли произвести на человека огромное впечатление, так как окружающая обстановка здесь отличалась невероятным великолепием. По праздникам в храме царила просто сказочная атмосфера — все вокруг было украшено цветами. Атайе казалось: если она закроет глаза, то почувствует дуновение легкого ветерка, как будто находится в чудесном летнем саду. В последний раз тут было так же красиво в день венчания Дарэка и Сесил...

Гроб с телом Кельвина, обитый роскошной тканью, стоял на небольшом возвышении, покрытом шелком, прямо перед алтарем. Вокруг в элегантных, начищенных до блеска подсвечниках горели десятки свечей. Драгоценные камни, украшавшие гроб, торжественно поблескивали.

Когда колокола пробили двенадцать, церемония началась. Шествие открывали мальчики из церковного хора с большими белыми свечами в руках. За ними следовали священники в белоснежных одеяниях, поющие траурную песнь. Затем шли представители высшего духовенства, в основном епископы из Курии, те самые, которых несколько дней назад вызвал на заседание Кельвин. К великой их радости, Дарэк распустил собрание. Теперь вопрос о лорнгельдах отпадал сам собой. Новый король пригласил делегатов из Курии присутствовать на похоронах отца.

Позади одетых в черное епископов вышагивал сам архиепископ Вэнтан. Его мантия была оторочена золотой парчой, на голове возвышалась украшенная драгоценными камнями митра. Щеки достойного служителя церкви возбужденно горели в предвкушении предстоящей церемонии, ведь ему отводилась в ней главная роль.

За Вэнтаном следовала королевская семья, члены которой направились к своим местам в первом ряду, рядом с алтарем. Атайя посмотрела на Дарэка. Сейчас он выглядел еще более серьезным, чем обычно, и, казалось, на несколько лет постарел с того момента, когда она видела его в последний раз, пять дней назад. Скоро, буквально через неделю, ее старший брат наденет на голову королевскую корону. Рядом с ним шла, утирая слезы белым кружевным платком, Сесил, а с другой стороны — Дагара в новом бархатном платье черного цвета. Николас сел рядом с мачехой и сразу отвернул голову в сторону: наверное, не хотел ни с кем разговаривать.

По тебе я скучаю больше всего, Ники, — с грустью подумала Атайя.

Интересно, когда — да и случится ли это вообще — они увидятся снова?

Тут принцесса заметила Тайлера. Он шел по направлению к первым рядам, где уже восседала королевская семья. Сегодня поверх форменного камзола красного цвета на его груди чернели траурные ленты. Взгляд капитана, как обычно, был строгим и сосредоточенным. Атайя улыбнулась. Дарэк даже не догадывается, наверное, что верный капитан гвардии присутствует на подобной церемонии в последний раз. Скоро, возможно, уже через несколько дней, он вступит в ряды армии Осфонина в Рэйке.

Атайя еще раз обвела святилище взглядом и вздохнула с облегчением — Родри нигде не было видно.

Нам повезло, — подумала Атайя. — *Скорее всего Дарэк уже избавился от него.*

Наконец архиепископ Вэнтан взошел на кафедру, поднял руку — *как ему удалось это сделать, ведь он нацепил на нее*

столько драгоценных перстней! — и печальные звуки органной музыки стихли.

— Всемогущий Отец наш! Мы скорбим по усопшему рабу твоему и нашему славному королю и собрались здесь, чтобы почтить его память своим присутствием и молитвами.

Вэнтан принялся долго и занудно восхвалять Кельвина, рассказывая о том, как замечательно король правил своей страной на протяжении двадцати одного года, подробно перечисляя все его достоинства и достижения. Атайя отметила с иронической усмешкой, что архиепископ старательно избегал упоминания о том, что было связано в жизни Кельвина с магией, о тех преимуществах, которыми обладал король благодаря колдовству. Не сказал клирик и о намерениях Кельвина отменить обряд отпущения грехов.

Атайя пожала руку Джейрена, давая понять, что собирается что-то сделать, и стала медленно удаляться от него.

Я подойду к гробу, совсем ненадолго, и сразу вернусь.

Джейрен ничего не ответил, но она почувствовала, что он заволновался.

Осторожно, чтобы случайно не споткнуться о расставленные по обе стороны от алтаря низкие скамейки, покрытые красной материей, Атайя прошла к гробу. Сам алтарь поражал ослепительным блеском — на нем на вышитой золотой нитью скатерти красовались сияющие золотые и серебряные чаши и изысканные подсвечники, осыпанные драгоценными камнями. Атайя старалась ступать очень медленно, чтобы огонь горевших у гроба свечей не выдал ее присутствия. Никто не мог увидеть ее, она была в этом уверена, но тем не менее ощущала некоторую неловкость и страх, так как стояла сейчас буквально в нескольких шагах от сидевших в первом ряду членов собственной семьи.

Почтительно склонив голову, Атайя приблизилась к гробу, опустилась на колени и провела ладонью по бархатной обивке, украшенной изумрудами.

Я пришла попрощаться, отец, — сказала она про себя, прижалась лбом к стенке гроба и смахнула со щеки слезу. — *Надеюсь, ты простишь меня...*

Вдруг в голове, где-то за глазами, появилось слабое покалывание и какое-то движение. Атайя посмотрела на Джейрена, думая, что это он связывается с ней, чтобы сообщить что-нибудь важное. Но Джейрен ничего не сказал, и она продолжила свою молитву.

Отец, где бы ты сейчас ни находился, пожалуйста, выслушай меня. Я никогда не желала тебе зла и очень сожалею о том, что случилось. Мне хотелось помириться с тобой, я мечтала изменить наши отношения. Когда я выезжала из Рэйки, то знала, что ты в опасности, и желала помочь тебе всем, чем смогла бы. Как я боялась опоздать! К сожалению, у меня ничего не получилось...

Атайя закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы немного успокоиться.

Отец, я благодарна тебе за стремление помочь лорнгельдам. Они — мы — не проклятый народ, как утверждает архиепископ Вэнтан...

Принцесса подняла голову и взглянула на Вэнтана, который в данный момент упоенно читал молитвы о передачи души Кельвина Господу.

Ты был одним из немногих, кто верил в лорнгельдов, кто желал им лучшей участи, хотя все пытались разуверить тебя в этом. Ты доказал им, что никогда не изменишь своего мнения. Если бы только у тебя было больше времени... Тогда, возможно, они поверили бы тебе. Я все испортила, — добавила Атайя, утирая слезы. — *Теперь, после того, что я наделала, они считают лорнгельдов еще большим злом. Нужно во что бы то ни стало исправить сложившуюся ситуацию,* — решила вдруг принцесса.

Сейчас, стоя на коленях перед гробом Кельвина, она вдруг поняла, что ничего подобного не случилось бы, если бы тренировки колдунов были разрешены в Кайте, если бы лорнгельдов не заставляли прощаться с талантом, принимая смерть, если бы кто-нибудь попытался изменить сложившуюся после правления Фалтила ситуацию. До нее вдруг дошел смысл слов Хедрика. Именно она — представительница рода

лорнгельдов, член королевской семьи — должна предпринять решительные меры.

Атайя медленно поднялась с пола и почувствовала, несмотря на траурную обстановку, что на душе стало спокойно и легко. На принцессу снизошло умиротворение, то, чего ей всегда так не хватало. Теперь Атайя поняла, почему у нее возникло столь сильное желание прийти к гробу отца. Именно здесь ей удалось осознать цель своей жизни, наметить дальнейший путь. Этот путь предначертан ей судьбой, и нет смысла отказываться от него. Принцесса должна продолжить начатое отцом дело, должна приложить все усилия для спасения рода лорнгельдов.

Я не подведу тебя, отец. Ты можешь рассчитывать на меня, ты будешь мной гордиться.

Атайя еще раз склонила голову и прошептала последнее «прощай». Тут она почувствовала прикосновение чьей-то руки на своем плече.

— Со мной все в порядке, Джейрен. Мы можем идти.

Послышалось шуршание длинных одежд. Атайя нахмурила брови. Джейрен не носит мантию. Сегодня на нем камзол и короткий плащ. И потом, он говорил, что не видит ее через покров. Как ему удалось определить, где она находится?

Атайя затаила дыхание, по спине пробежали мурашки. Вдруг где-то совсем рядом прозвучал знакомый голос... голос Родри:

— Вам следует быть осторожнее.

Он говорил с принцессой мягким, спокойным тоном. Слова эхом отозвались в ее голове — Атайя чувствовала присутствие колдуна, поэтому и решила сначала, что к ней обращается Джейрен.

— Но как...

— Чудесные чаши, вон там, на алтаре, — как бы между прочим заметил Родри.

Атайя растерянно повернула голову и все поняла. В полированной стенке алтаря она увидела свое смутное отражение.

Какая чудовищная неосмотрительность!..

— Вы создали прочный покров, — добавил Родри. *— Я весьма впечатлен. Если бы я сам не встал напротив алтаря и не заметил вашего отражения, то никогда бы не догадался о вашем присутствии здесь.*

Итак, по всей вероятности, он находится в соборе с самого начала церемонии, а когда обнаружил принцессу, проник в ее мысли и теперь о многом знает.

Атайя почувствовала себя так, как будто ее выставили обнаженной перед толпой народа. Взволнованно она взглянула на своего брата — без пяти минут короля Кайта, затем на Вэнтана, монотонно читавшего молитвы.

— Не беспокойтесь, они нас не увидят. Я сам создаю достаточно прочный невидимый покров. Не хотел смущать своим присутствием архиепископа Вэнтана, но Дарэк разрешил мне прийти сюда при условии, что никто меня не заметит. Представляю, что вы думаете обо мне. Но поверьте, мы с Кельвином были большими друзьями.

Атайя не видела колдуна, но ощущала на щеке его дыхание, а также прикосновение его ладони на плече. В отличие от Джейрена, местонахождение которого можно было определить по небольшому движению воздуха, Родри был абсолютно невидимым для нее. Разговор с ним походил на общение с призраком. Намеренно вытесняя его из своего мозга, Атайя уже собралась связаться с Джейреном и сообщить ему о происходившем, но вовремя остановилась. Возможно, Родри знал о приехавшем с ней из Рэйки курьере-колдуне, но сейчас, по-видимому, не догадывался, что курьер этот тоже находится в соборе. Но и Джейрен не знал о том, что у гроба Кельвина стоит Родри, ведь он тоже не мог увидеть его через прочный покров.

— Значит, вы собрались возглавить движение за освобождение своего народа? — спросил Родри с усмешкой. *— Как благородно!*

Атайя стиснула зубы.

— Да что вам может быть известно о благородстве?

— Без сомнения, абсолютно ничего, — смеясь, ответил он. *— А кто поставил перед вами столь серьезную задачу? Полагаю, Хедрик? Этот человек всегда был неисправимым идеалистом.*

— Но Хедрик стремится помочь лорнгельдам. Боже мой, да ведь это ваш народ, Родри! Почему вы не попытались сделать для них что-нибудь? У вас не возникало желания убедить церковь прекратить истреблять ни в чем не повинных людей и разрешить начать проводить обучение лорнгельдов?

Родри опять рассмеялся.

— Вероятно, вы забыли, ваше высочество, что обучение лорнгельдов строго запрещено действующими в стране законами. Даже Кельвин не смог бы помочь мне в этом до того момента, пока не получил согласие Курии. Он проводил беседы с епископами, но не мог открыто выступить против них.

— Но вы даже не пытались посодействовать Кельвину...

— Мне кажется, вы кое-что недопонимаете, ваше высочество, — произнес Родри подчеркнуто вежливо. *— Если у нас появится множество талантливых людей, талант обесценится. Допустим, если каждый человек будет виртуозно играть на флейте, к флейтистам пропадет интерес.*

— Ах да, я понимаю вас, — резко ответила Атайя. *— Конечно, намного удобнее избавиться от конкурентов. И вас совершенно не смущает тот факт, что каждый день в стране убивают ни в чем не повинных людей?*

— Я никого не убивал.

— Не убивал? — Атайя сердито указала рукой на гроб с телом отца, зная, что Родри увидит ее отражение. *— А кто убил Кельвина? В его смерти все обвиняют меня, но именно ты нес ответственность за его жизнь. Ты осуществил запрещенный ритуал, прекрасно зная, к каким последствиям это может привести. Почему ты пошел на этот шаг? Мне это известно. Из желания доказать Хедрику, что ты талантливее его, что ты достоин вступить в ряды мастеров. Тебе было наплевать на то, какому риску ты подвергаешь здоровье и судьбу короля!*

Атайя взглянула на стенку алтаря и увидела отражение Родри. Его лицо было искажено гневом. Но она продолжила. Теперь ей нечего терять!

— *Возможно, ты талантливый волшебник, Родри. Но как человек ты полное ничтожество.* — Охваченная гневом, Атайя сжала кулаки. — *Будь ты проклят, Родри. Я ненавижу тебя за то, что ты сделал с моим отцом!*

Атайя набросилась на него, совершенно не думая о последствиях. Колдун попытался схватить ее за запястья, стремясь защититься от обрушившихся на него ударов. Через пару мгновений принцесса услышала, как Родри вскрикнул — подавшись назад, он задел подсвечник, стоявший у гроба.

Оранжевые языки пламени тут же перекинулись на красивую ткань обивки. В считанные секунды огонь охватил дубовые стенки гроба и стал подбираться к телу. Архиепископ Вэнтан, прервав молитву, замер в ужасе. Некоторые из прихожан приподнялись с мест, послышались взволнованные голоса.

— Сам Бог послал Кельвину это наказание за то, что он использовал магию! — вскрикнул, поднимаясь на ноги, один из сидевших у кафедры священников.

Тысячи собравшихся людей одобрительно закивали, поднялся гул. Никто не видел дерущихся колдунов, все, что могли заметить присутствовавшие, — падение подсвечника.

Атайя обхватила лицо руками, ужасаясь происходящему. Она сама во всем виновата.

— *Атайя, что ты делаешь?*

Голос Джейрена звучал почти истерично, но ей было не до него — в этот момент ее внимание переключилось на Вэнтана, который показывал пальцем прямо на нее. Наверное, внезапно вспыхнувший пожар настолько поразил ее, что она совершенно позабыла о концентрации и невидимый покров растворился.

— Господи, помилуй нас! — закричал Вэнтан. — В святом храме дитя дьявола!

Сжав запястье Атайи настолько крепко, что у девушки онемели пальцы, Родри потащил ее мимо уже горящего алтаря по направлению к Дарэку. На ходу он приказал покрову раствориться, появившись перед собравшимися, будто привидение.

— Ваше величество, — воскликнул колдун, поднимая вверх кисть Атайи. — Вашей сестре недостаточно просто убить отца. Она хочет еще и предать огню его покойное тело.

Атайя повернула голову и увидела Тайлера. Он, казалось, остолбенел от ужаса. В это мгновение Дарэк, придя в себя, приказал тушить огонь, и капитан, не отводя глаз от Атайи, подал знак двоим из своих подчиненных. Те поспешно принялись выполнять порученное им задание.

— Веди ее ко мне, Родри! — срывающимся от ярости голосом заорал Дарэк.

Вдруг Атайя ясно и отчетливо услышала голос Джейрена.

— Я попробую кое-что предпринять, и убираемся отсюда ко всем чертям!

В ту же секунду длинные полы мантии Родри, несмотря на то, что теперь он стоял на приличном расстоянии от горящего гроба, занялись пламенем, и колдун, отпуская руку Атайи, закричал и метнулся в сторону алтаря. Загорелся пол, цветы, дорогая ткань, покрывавшая скамейки.

Следующее мгновение запомнилось Атайе во всех подробностях. Родри схватил с алтаря чашу со священной водой и стал поливать ею пылающую мантию. Николас, кашляя, задыхаясь от едкого дыма, вцепился в руку Сесил и побежал с ней к выходу. Дагара, визжа, как молодой поросенок, рванула было за ними, но огонь уже подкрался к ней, и черное бархатное платье загорелось ярким пламенем. Дарэк подскочил к ней и накинул ей на плечи свою длинную накидку.

Затем послышался звон стекла — разноцветное верхнее окно над алтарем лопнуло и, разбившись на сотню мелких осколков, обрушилось на пол храма.

Защищая голову руками от стеклянного града, Тайлер побежал по лесенкам у алтаря, приближаясь к Атайе.

— Пошли отсюда! Быстро!..

Сзади послышался гневный вопль Дарэка:

— Ко мне! Ведите ее ко мне, капитан!..

Не обращая внимания на недвусмысленный приказ, Тайлер схватил Атайю за руку и устремился, давя сапогами цветные осколки, в противоположном от короля направлении. Там их уже ждал Джейрен. Теперь все могли видеть его, на нем не было невидимого покрова.

— Черт вас побери, капитан!.. — орал им вслед Дарэк срывающимся голосом. — Это государственная измена! Вы слышите? Измена!..

Не обращая никакого внимания на крики Дарэка, Атайя и Тайлер подбежали к Джейрену, и все трое рванули к двери. Здесь уже толпились охваченные паникой люди, и, не найдя другого выхода, Джейрен создал горящий красный шар и повесил его в воздухе. Перепуганный народ в ужасе отпрянул назад. Тайлер быстрым движением схватился за дверную ручку, но тут же отдернул руку — откуда-то сверху на нее обрушился странный дождь из ярко-синих искр, опаляя рукав форменного камзола.

— Черт!.. — вскрикнул Тайлер и прижал к груди обожженную кисть.

Атайя, убедившись, что ранение не представляет собой большой опасности, повернулась к Джейрену:

— В чем дело? Почему не открывается дверь?

— Родри заблокировал выход, — ответил Джейрен, грубо выругался и протянул руку к двери.

Последовала еще одна магическая вспышка, но ему удалось смягчить ее действие. На протяжении нескольких секунд он напряженно пытался найти какой-нибудь способ для противодействия колдовству Родри.

Наконец дверь скрипнула и приоткрылась, впуская в собор луч солнечного света.

В это мгновение Джейрен отшатнулся и вытаращил глаза.

— Нет... Нет! Уйди отсюда! — закричал он, задыхаясь.

Атайю охватила страшная паника.

— Что случилось?

— Родри... Родри у меня в мозгу...

Послышался жуткий вопль, а буквально через секунду Джейрен уже лежал, корчась от боли, у ног Атайи.

Почувствовав приступ головокружения, принцесса схватила за руку Тайлера, чтобы не упасть. Они оказались в ловушке: дверь не открывалась. Из того, чему научил ее за последние дни Джейрен, ничто не подходило для того, чтобы пробить блокировку выхода.

Атайя повернула голову и увидела Родри. Колдун стоял буквально в нескольких шагах от них, в обгоревшей, облитой водой мантии, с ехидной улыбкой на губах. В этой схватке ему удалось одержать победу.

За спиной Родри шел дождь. Крупные капли падали из повисшей под сводами собора серой тучи, заливая разожженный Джейреном пожар.

Родри прошел вперед, остановился прямо перед Джейреном и окинул его презрительным взглядом.

— Должно быть, ты один из учеников Хедрика, — сказал он. — Попробую отгадать... Твой отец является другом Осфонина?

Джейрен ничего не ответил, лишь злобно посмотрел на колдуна.

Родри усмехнулся и прищелкнул языком.

— Твои силы невелики. Очень печально. В свое время Хедрик никогда бы не согласился заниматься с подобной посредственностью. Наверное, к старости бедняга начал выживать из ума.

— Что ты с ним сделал? — гневно спросила Атайя, опускаясь перед Джейреном на колени.

Лицо молодого колдуна выглядело ужасно — стало бледным, совершенно безжизненным. Дыхание Джейрена было прерывистым и тяжелым. Собравшись с силами, он приподнялся на локтях, но встать на ноги пока не мог.

Родри презрительно пожал плечами.

— С ним все в порядке. Небольшая психическая встряска, ничего серьезного. Можете не беспокоиться, ваше высочество. Тропы соединяет нечто похожее на пещеры. Представьте себе, что кто-то громко-громко крикнет, находясь в пещере. Примерно то же произошло в его голове. Наверняка было достаточно больно, — добавил Родри невозмутимым голосом, словно говорил о таких обычных вещах, как изменение погодных условий. — Имейте в виду: если еще раз попытаетесь сбежать, то я поступлю с вами точно таким же образом.

Тут Атайя увидела Дарэка. Он приближался к ним в сопровождении шести воинов. Его мантия насквозь промокла, волосы свисали сосульками, с них на лицо стекали крупные капли воды и катились по щекам, подобно слезинкам. Девушка ожидала, что братец тотчас прикажет убить ее, но, как ни странно, Дарэк даже не взглянул на нее.

— Лейтенант Парр! — взревел король.

Его голос напоминал сейчас раскат грома.

Молодой человек с готовностью подскочил к королю и замер в ожидании.

Дарэк показал пальцем на Джейрена.

— Об этом молодом человеке вы говорили мне?

— Так точно, ваше величество. Он присоединился к нам в Эваршоте на следующий день поездки по дороге в Ат Луан.

Тайлер бросил в сторону лейтенанта уничтожающий взгляд. Так вот кто рассказал Дарэку про Джейрена!

— Не знаю, почему он поехал с нами обратно в Кайт, — продолжал Парр, делая вид, что вовсе не замечает капитана. — Прямо перед отъездом они спорили о чем-то с принцессой Атайей. Я плохо слышал их разговор, но понял, что речь идет о магии.

— Я помню его, — произнес Дарэк. — В августе он привозил письмо для Кельвина от Осфонина.

Король перевел взгляд на Тайлера.

— А вы, капитан, клялись мне, что этот тип не имеет никакого отношения к Атайе.

Лицо Дарэка побагровело, казалось, он вот-вот лопнет от ярости.

— Выходит, вы знали на протяжении всего этого времени, где она прячется! Знали, что этот колдун занимается ее обучением! И так искусно *лгали* мне!

Дарэк злобно топнул ногой, как разгневанный ребенок.

— Я прикажу повесить вас, капитан!..

Тут король перевел взгляд на Атайю.

— А *ты!*.. Тебе недостаточно того, что ты убила отца?! Хочешь прикончить всех остальных? Так? Николас и Сесил чуть не задохнулись от дыма, а Дагара... Дагара получила серьезные ожоги!..

Атайя склонила голову. Теперь даже присутствие Тайлера не могло спасти ситуацию.

— Лейтенант, — обратился Дарэк к стоявшему рядом с ним молодому человеку. — Уведите этих троих с глаз моих долой и заприте их в темнице. Родри, иди с ним.

Он махнул рукой в сторону Атайи и Джейрена.

— Проследи, чтобы все было в порядке. Вдруг они опять задумают воспользоваться своими штучками...

Проигнорировав осуждающий взгляд Тайлера, лейтенант Парр подошел к Джейрену, грубо схватил его за воротник, поднял на ноги, заломил руки за спину и надел наручники. Двое других воинов занялись Тайлером и Атайей. Через пару минут их уже выводили из собора.

Родри, злорадно улыбаясь, последовал за ними.

Глава 19

О том, который был час, оставалось только догадываться.

В тесной камере, куда поместили Атайю, не имелось окон, и принцесса вообще не могла определить, день на дворе или

вечер. Скорее всего дело близилось к полудню, но полагаться сейчас можно было лишь на интуицию.

Каморка, признаться, не из самых худших, — отметила Атайя и тяжело вздохнула. — *По крайней мере под ногами каменный пол, а не сырая земля...*

В углу стоял ночной горшок, но принцесса сомневалась, что его регулярно моют. Ей принесли чернильницу, перо и несколько пергаментов для письменного признания в совершении преступлений, но все эти вещи так и лежали нетронутыми.

Итак, Дарэк решил поселить ее в камере для людей благородного происхождения. Ранее сюда помещали знаменитых лордов, приговоренных к смертной казни за предательство интересов Кельвина во время гражданской войны. Стены, освещаемые единственной свечой, пестрели рисунками и надписями.

А ведь можно было так просто сбежать отсюда! Открыть огромный замок при помощи специального заклинания и, воспользовавшись невидимым покровом, спокойно пройти мимо стражников. Но она знала: Родри обо всем позаботился. У каждого охранника, помимо обычного клинка, имелось приличных размеров зеркало. А дверь, ведущую в ее камеру, Родри окутал прочной ослепляющей стеной, которая при попытке к бегству вызвала бы у Атайи страшную парализующую боль в районе глаз. Поэтому ей лучше было держаться подальше от дубовой двери, укрепленной металлическими пластинами. Принцесса лишь изредка с ненавистью поглядывала на нее.

Перед уходом Родри удостоил Атайю чести в подробностях рассказать о преимуществах примененного им заклинания, ясно давая понять, что он безумно гордится своими способностями, знаниями и умениями и восхищен техническими возможностями ослепляющей стены. При этом, по всей вероятности, колдуна совершенно не интересовало то, на что направлены его действия — на достижение благородных или низких целей.

В тот момент, когда Родри только приступил к совершению таинства, Атайя почувствовала боль в голове, словно изнутри кто-то уколол ее острой иглой, а впоследствии колдун с радостью пояснил ей, что для осуществления задуманного ему понадобилась небольшая частичка самой ее сущности. Она не знала, отвечают ли подобные действия понятиям этики. Принцессе вспомнились вдруг слова Фельджина. Он тоже говорил об использовании какой-то части человеческой сути, когда дарил медальон с изображением образа Тайлера.

Атайя достала медальон и открыла створку. Если сам Хедрик помогал Фельджину создавать это чудо, значит, в подобном деянии нет ничего плохого, опасного или неэтичного. Как приятно сознавать, что, даже находясь на таком расстоянии от любимого, она может посмотреть на него. Теперь частичка Тайлера постоянно будет находиться с ней...

Закрыв медальон, Атайя подняла ладони, собираясь создать сферу — а вдруг удастся увидеть Тайлера и Джейрена? — но в последнюю минуту засомневалась. Если кто-нибудь войдет и застанет ее за этим занятием, то тут же доложит Дарэку. К тому же от испуга она может резко опустить руки, и тогда...

Поразмыслив немного, Атайя криво улыбнулась.

По-моему, ситуация и так уже практически безвыходна. Хуже не будет...

Сфера стала появляться по первому требованию. Струйки тумана закружились, превращаясь в шар. Атайя сконцентрировала все свои мысли на Джейрене.

Поначалу ничего нельзя было различить. Принцесса постаралась сосредоточиться сильнее и вскоре позабыла обо всем остальном, растворяясь в туманном облаке.

Наконец ей удалось увидеть Джейрена.

Атайя ахнула от ужаса.

Джейрена в отличие от нее поместили в одну из самых гнусных крошечных камер, расположенных на нижнем уровне темницы. Они предназначались для наиболее опасных пре-

ступников. Все здесь выглядело просто жутко. На стенах поблескивала отвратительная слизь, в углу шевелились крысы. Дрожащий от холода Джейрен сидел на полу у стенки, из которой торчали два металлических штыря. К ним тяжелыми цепями были прикованы руки молодого колдуна. Через каждые несколько секунд он издавал жуткий стон, как будто чувствовал приступы сильной боли, зажмуривал глаза и мучительно выгибался. Затем опять бессильно опускал голову и замолкал.

Тут Атайе все стало понятно. Она увидела у него на шее серебряную цепочку с кристаллом архиепископа Вэнтана — тем самым, который он давал ей перед поездкой в Рэйку. Чтобы действие корбала оставалось эффективным, над головой Джейрена повесили светящийся шар.

Боже мой, что они с тобой сделали? — с горечью подумала Атайя, вспоминая, как отреагировал на корбал Родри, а также свои собственные ощущения в тот момент, когда она отдавала кристалл Николасу.

Представив на мгновение, что должен испытывать сейчас Джейрен, Атайя содрогнулась.

— Ты слышишь меня, Джейрен?

Никто не рассказывал ей, как можно связаться с человеком через сферу, но она вспомнила, что Хедрик что-то говорил об этом.

Джейрен приоткрыл глаза, но, не увидев никого перед собой, вновь зажмурился и покачал головой, словно желая отделаться от галлюцинаций. При каждом его движении раздавался жутковатый звон цепей.

— Джейрен, это я. Смотрю на тебя через сферу.

— Атайя?

Его голос был приглушенным и охрипшим. Глаза как будто стали стеклянными. Молодой колдун смотрел куда-то в пустоту, будто слепой. Принцесса никогда в жизни не видела его таким.

— Я хорошо тебя слышу...

— Хочешь, я попробую связаться с твоим мозгом?

— Нет! Не делай этого, — вскрикнул Джейрен. *— Все, чего ты сможешь добиться, — это получишь долю тех жутких ощущений, которые испытываю я от воздействия корбала.*

Он с отвращением взглянул на висевший на шее камень.

— Когда стражники притащили меня сюда, Родри повесил у меня над головой светящийся шар и удалился. Затем здесь появился архиепископ Вэнтан и надел мне на шею кристалл.

— Может быть, тебе удастся погасить шар?

— Я уже пробовал. Чуть не отдал Богу душу. Понимаешь, я не могу использовать свои силы, когда рядом находится корбал. Мои тропы как будто перепутались, — ответил Джейрен и изогнулся, почувствовав очередной приступ боли. *— О Господи! Как это ужасно...*

Атайя закусила губу, сердце сжалось от беспомощности и отчаяния.

— Я могу тебе помочь?

— Сомневаюсь. На расстоянии это сделать очень трудно. Даже если бы ты была рядом со мной, вряд ли бы тебе удалось справиться с заклинанием Родри.

Джейрен сделал паузу, переводя дыхание.

— Он очень силен, Атайя. Возможно, Родри намного сильнее, чем думает Хедрик.

— Если тебе больно разговаривать, то я могу...

— Нет-нет! Пожалуйста, не уходи. Так мне легче. Я хоть немного отвлекаюсь от боли.

Изображение в сфере вдруг немного помутнело, но Атайя знала: это от навернувшихся на глаза слез, а не от того, что она делает что-то не так. Если бы можно было ему помочь...

— Но почему Родри поступил так именно с тобой? Ведь он сам сказал, что твои силы нельзя назвать исключительными...

— Да. Но я прошел полный курс обучения, а ты лишь начинающая. Родри опасается, что я могу каким-то образом помешать его планам. Тебя он не боится, так как прекрасно знает, что ты лишь новичок, хотя и исключительный... В последние дни мы интенсивно занимались с тобой, но по сравнению с Родри... У него за плечами долгие годы практики.

Все верно, — подумала Атайя и беспомощно опустила плечи.

Несмотря на то что ей удалось узнать много нового, она все равно лишь новичок в этом деле. Теперь, каким бы огромным ни был ее талант, ничто не сможет им помочь.

При помощи простейших заклинаний — создания сферы, невидимого покрова — невозможно противостоять силам столь мощного и опытного колдуна, как Родри. А как целенаправленно воспользоваться более сложными заклинаниями — огненными кольцами, например, — принцесса пока не знала. Многие вещи ранее получались у нее сами собой, срабатывало подсознание. Что именно нужно делать, если необходимо сознательно применить те же самые заклинания, никто никогда не объяснял ей.

— *Интересно, что планирует сделать с нами Дарэк,* — произнесла Атайя, нарушая молчание.

— *Тут возможны варианты. У тебя есть преимущество. Ты — его сестра. Постарайся убедить Дарэка в том, что вызвала огненные щупальца случайно, что совершенно не хотела причинить вред отцу. Свали все на меня, прошу тебя.*

— *Он меня и слушать не станет,* — пробормотала Атайя. — *И потом, я не собираюсь еще больше осложнять тебе жизнь.*

Джейрен обвел взглядом убогую камеру.

— *Хуже мне не станет.*

Молодой колдун слегка пошевелился, и его лицо исказилось. Малейшее движение отзывалось болью во всем теле.

— *Что касается Тайлера... Кто знает? Возможно, Дарэк примет во внимание былые его заслуги. Ограничится пожизненным заточением. По крайней мере не лишит жизни.*

Атайя вздрогнула. Во всем виновата только она. Провести остаток дней в темнице... Страшно представить. Наверное, лучше умереть.

— *А ты?* — тихо спросила Атайя.

До настоящего момента он не упоминал о том, что думает по поводу своей участи.

Джейрен ответил не сразу, но выражение его глаз изменилось. Наверное, ему хотелось скрыть нахлынувшие эмоции и страх — лицо напряглось и еще больше побледнело.

— Твой брат не выпустит меня отсюда живым, Атайя. Возможно, ты еще тешишь себя какими-то надеждами, но для меня это уже очевидно.

— Не говори так! Из любой ситуации есть выход.

Джейрен поднял голову, прижимаясь затылком к скользкой стене.

— Я не вижу выхода, — спокойно сказал Джейрен. *— Во всех грехах Дарэк обвиняет меня. Я — колдун, я обучал тебя магии, а именно при помощи магии ты нанесла Кельвину смертельные ранения.*

— Тебе нельзя так просто сдаваться, Джейрен.

Хотя Атайя приложила все усилия для того, чтобы слова прозвучали убедительно, ее голос дрогнул. А существует ли такой способ? Способ спасти его? Имеет ли смысл еще на что-то надеяться?

— Я не сдаюсь, просто реально смотрю на вещи. На протяжении всего этого времени я только и думал о том, как мы можем выбраться отсюда. Ничего не приходит в голову.

Джейрен стиснул зубы от ярости и отчаяния.

— Даже если бы мне и было известно такое заклинание, при помощи которого мы смогли бы сразу очутиться в Рэйке, я был бы не в состоянии воспользоваться им из-за этого чертова кристалла на шее.

Джейрен с силой ударил кулаками по стене, и тут же его лицо исказилось от боли. Корбал причинял ему адские муки.

Через секунду молодой колдун ослаб и обмяк, по щекам покатились струйки пота.

— Ты еще здесь, — пробормотал он едва различимо, практически на грани потери сознания.

Атайя с трудом расслышала слова.

— Да, я здесь.

— Послушай меня... Прошу тебя, выслушай меня внимательно. Ты должна выбраться из этого проклятого места, выбрать-

ся во что бы то ни стало. Независимо от того, что случится со мной. Тебе нужно ехать к Хедрику... Он сможет обучить тебя...

— Но я не смогу оставить вас здесь, тебя и Тайлера! — выкрикнула принцесса срывающимся голосом.

Джейрен решительно покачал головой, и Атайя заметила, что в его глазах светятся слезы.

— Я знаю, тебе будет трудно, но ты должна... У тебя огромный талант. Это очень важно. Сделай все, что в твоих силах, чтобы сбежать отсюда.

У Атайи задрожали руки, и изображение в сфере помутнело.

— Я не смогу так поступить. После всего, что ты сделал для меня...

— Позаботься о себе, Атайя, — прошептал Джейрен. *— Сейчас только это важно...*

Больше он не произнес ни слова. Мучительно выгнувшись, Джейрен вскрикнул от боли, а через мгновение уже потерял сознание.

Атайя наблюдала за ним на протяжении нескольких минут. Постепенно его дыхание нормализовалось, и принцесса поняла, что Джейрен спит. Ей не хотелось прерывать связь, хотя бы для того, чтобы видеть, что он жив. Но нельзя было мешать ему. Во сне боль не чувствуется.

Изображение в сфере затуманилось и вскоре исчезло. Атайя вдруг ощутила себя совершенно маленькой, одинокой и несчастной. Впервые принцесса с отчетливостью поняла, какую важную роль играл в ее жизни Джейрен. Он всегда приходил ей на помощь, поддерживал, помогал выкручиваться из сложнейших ситуаций, он рисковал ради нее жизнью. Они знакомы всего несколько недель, а сблизились настолько, как будто всегда знали друг друга. Да разве сможет она просто оставить его здесь?

Атайя не стала убирать сферу и попыталась сосредоточить мысли на Тайлере. Наверняка с ним нельзя будет поговорить — общаться через сферу скорее всего могут лишь лорн-

гельды, — но девушке необходимо было удостовериться в том, что с капитаном все в порядке и что условия, в которые его поместили, не настолько ужасны, как те, в которых находился Джейрен.

Сначала в сфере показались лишь неясные очертания, но через минуту принцесса увидела изображение королевской приемной палаты и Тайлера. Он стоял, не обращая внимания на двух вооруженных гвардейцев. Дарэк расхаживал по мягкому ковру, холодно и злобно поглядывая на Тайлера.

— Вы, верно, не расслышали моего вопроса. Хорошо, я повторю, — произнес король зловеще. — Вы обвиняетесь в государственной измене. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Тайлер стоял неподвижно, как статуя, всем своим видом давая понять, что не собирается отвечать. Его как будто вовсе не интересовали разгневанные речи короля.

Дарэк с отвращением тряхнул головой.

— Я могу понять Атайю: она всегда скандалила с отцом. Ее безумная выходка — убийство Кельвина — не очень-то удивила меня. То, что с ней приехал колдун, тоже не кажется странным. Но вы! — Дарэк злобно выдвинул вперед челюсть и окинул Тайлера испепеляющим взором. — Я доверял вам, капитан. Отец доверял вам. Как вы посмели предать нас из-за парочки сумасшедших колдунишек?

Атайя видела, как в глазах Тайлера вспыхнул огонь, но он промолчал. Очевидным было и то, что его поведение начинало действовать Дарэку на нервы.

— Мои люди обыскали казарму, — продолжил король. — Очень странно, но они обнаружили, что все ваши вещи упакованы. Вы собирались в путешествие? Наверное, в Рэйку... Я прав? С Атайей и этим колдуном? Он, вероятно, обучал ее колдовству и укрывал у себя, когда я разыскивал свою сумасшедшую сестрицу. Вы лгали мне.

Тайлер не отреагировал.

— Черт вас побери, капитан! — взорвался король. — Если вы настолько тупы, что не заботитесь о собственном спасе-

нии, то скажите же что-нибудь в оправдание Атайи! Насколько я понял, вы относитесь к ней как-то по-особому, а мы даже не догадывались об этом.

Дарэк нахмурил брови и с отвращением скривил губы, как будто сама эта связь представляла собой страшное преступление.

Снова молчание. По губам Дарэка скользнула едва заметная улыбка. Он понял, что нащупал слабое место капитана.

— Судьба Атайи еще не решена, мой друг, — мягко произнес он. — Если вы были бы более разговорчивым, я смог бы оставить ее в живых, ограничиться пожизненным заключением. Не очень красиво с моей стороны начинать правление страной с повешения собственной сестры. Людям это не понравится.

Впервые за время разговора Тайлер перевел взгляд на Дарэка, в его глазах светилась тихая ненависть. Наверное, терпению и неподражаемой выдержке капитана пришел конец. Вены на его шее вздулись, ноздри расширились.

— Я прекрасно знаю тебя, — произнес он спокойным тоном, умышленно опуская королевский титул в обращении к Дарэку. — Тебе наплевать на то, что о тебе подумают люди. Не надо пытаться загнать меня в ловушку. Кстати, такая манера разговаривать тебе просто не идет.

Щеки Дарэка вспыхнули. Но Атайя уже не раз видела его таким. Он подал сигнал стражникам и заорал:

— Увести! Немедленно! Поместите его в одну из самых худших камер, где-нибудь рядом с колдуном!

Атайя приказала сфере раствориться. Большего ей просто не выдержать. Она улеглась на жесткую койку и уставилась в потолок.

Зачем ты это делаешь, Тайлер? Ты должен был попытаться спастись, сказал бы, что я воздействовала на тебя колдовством.

Однако Атайя знала: он никогда так не поступит. У Тайлера благородное сердце, на протяжении долгих лет он верно и преданно служил королю и никогда не отступал от своих

принципов. Возможно, именно это и привлекло ее в нем, когда она познакомилась с капитаном. Тайлер сможет пожертвовать собственной жизнью ради того, кого любит.

Атайя сжала кулаки.

Лучше бы мы никогда не встречались. Я всем причиняю одни страдания, — с горечью подумала она.

Заснуть не удалось, и Атайя, так как заняться было нечем, стала наблюдать за горевшей на тумбочке свечой. Жидкий воск стекал вниз, образуя у основания желтоватую лужицу. На стене плясали тени, отбрасываемые колышущимся пламенем. Ей вдруг представилось на мгновение, что среди этих теней она видит человеческие лица, очень ясно и отчетливо, казалось, они вот-вот заговорят тихими, изможденными голосами, такими, каким разговаривал сегодня Джейрен: «Помоги нам, Атайя. У тебя есть дар...»

Неожиданно возник образ Тайлера, но его губы не шевелились — он страдал молча, пристально глядя принцессе в глаза.

Покачав головой, Атайя задула свечу и спрятала голову под тонкую подушку. В этот момент за дверью послышались шаги, кто-то приближался к ее камере.

Загремели замки, и дубовая дверь со скрипом отворилась. На пороге появился архиепископ Вэнтан в длинной черной мантии, с книгой в кожаном переплете в руках.

— Зачем пожаловали? — бесцеремонно поприветствовала гостя Атайя.

Вэнтан мило улыбнулся.

— Я хочу помочь вам спасти душу, ваше высочество. Мы должны это сделать ради вашего же блага, — сказал он и присел на край койки, крепко сжимая книжку толстыми пальцами. Принцессе даже не нужно было смотреть на название, она прекрасно знала, что Вэнтан — большой почитатель трудов святого Адриэля и всегда таскает за собой знаменитую «Природу колдовства».

— Моя душа — не ваше дело, — отрезала Атайя и отвернулась.

— Ваше высочество, выслушайте меня. Я вовсе не собираюсь обвинять вас в убийстве отца, так как знаю, что вы ни в чем не повинны. Сам дьявол управляет вашими действиями и помыслами.

— Я сама контролирую свое состояние! — выкрикнула она.

Вэнтан, словно не слыша ее, спокойно продолжал:

— Вы уже не в состоянии самостоятельно противостоять злым силам, они...

— Мои силы — не зло! Это дар Господа!

Архиепископ вытаращил глаза и несколько секунд молчал. Наверное, ему раньше и в голову не приходило рассматривать колдовство как нечто отличное от страшного наказания.

— Вы не должны произносить такие слова, ваше высочество. Это опасно.

— Правда всегда опасна, святой отец, особенно для тех, кто тщательно пытается скрыть ее.

К своему великому удивлению, Атайя нисколько не боялась священника. Слова с невероятной легкостью слетали с губ, и она чувствовала себя спокойно и уверенно, наверное, более уверенно, чем когда бы то ни было.

Вэнтан поднялся с койки и прошелся по камере.

— Значит, вы утверждаете, что колдовство лорнгельдов не является злом. Почему же тогда оно вызывает столько разрушений и бед? Именно магия послужила причиной наступления самых тяжелых в Кайте времен. Безумие — доказательство того, что этими людьми управляет дьявол. Если ваши силы даны вам Богом, как вы изволили заметить, то почему же тогда Господь посылает на землю вместе с этими силами несчастья и катастрофы?

Несколько месяцев назад Атайя сама бы задала подобный вопрос, окажись она на месте Вэнтана, но сейчас ей был известен ответ.

— Это цена. Так мы расплачиваемся за данный Богом дар. Жизнь испытывает лорнгельдов угрозой сумасшествия. Так

мы страдаем, чтобы заслужить право использовать свои способности.

Сейчас принцессе казалось, что сам Хедрик разговаривает с Вэнтаном ее устами. Впервые в жизни она осознала смысл сказанных ею только что слов.

Архиепископ пренебрежительно махнул в ее сторону рукой.

— Чепуха.

— Вы сами рассуждаете о подобном изо дня в день. Говорите, что мы обязаны страдать на земле, чтобы потом обрести вечную жизнь.

— Да как вы можете проводить такие параллели? — возмутился Вэнтан. — Вы просто пытаетесь выдумать оправдание существованию и процветанию на земле дьявольских сил. Во времена Фалтила, например...

— Вы ошибаетесь, архиепископ. Времена сумасшествия были вызваны не лорнгельдами. Королем Фалтилом, верно, но он не принадлежал к нашему роду.

Глаза Вэнтана готовы были выскочить из орбит.

— Что? — спросил он, визгливо засмеявшись. — Спросите любого историка, и он расскажет вам правду. Фалтил родился с проклятием!

— Да, историки решили прийти к такому заключению, потому что не хотели описывать того, что произошло на самом деле. Фалтил получил способности посредством ритуала, подобно Кельвину. Имя человека, передавшего их ему, решили утаить. Королю Фалтилу захотелось быть единственным колдуном в стране, поэтому-то он и устроил гонения на лорнгельдов. Так как раньше все представители моего народа спокойно могли пройти обучение, то никто и не подозревал, что случится, если такую возможность у них отнять. Мои соплеменники — невинные жертвы элементарной человеческой жадности и тщеславия, архиепископ.

Мои соплеменники...

Хедрик не раз употреблял эти слова, но она заговорила подобным образом впервые.

Вэнтан покачал головой.

— И как вы можете верить в такие глупости? Сам святой Адриэль писал, что Фалтил начал истребление народа, к которому тоже принадлежал, только ради того, чтобы избавиться от великого зла на земле.

Он стал перелистывать затрепанные страницы книги, желая процитировать ей какой-то из отрывков.

— Не трудитесь, — резко заявила Атайя. — Я не собираюсь слушать безумные высказывания, приведенные здесь, так как прекрасно знаю: после смерти Фалтила его сын хорошо заплатил Адриэлю за написание этой книги. Он попросил его сочинить нечто правдоподобное и убедительное.

— Как вы смеете называть обманщиком святого Адриэля?! — закричал Вэнтан, его щеки побагровели. — Этот человек получил вдохновение от самого Господа...

— Он получил его от королевского кошелька.

От негодования на лице Вэнтана появились красные пятна.

— Ересь...

Атайя раздраженно закатила глаза.

— Вы и ваши священники невыносимы. Если кто-нибудь хоть немного не согласен с так называемыми «священными» книжками, вы сразу объявляете этого человека еретиком. А откуда, собственно, такая уверенность в своей правоте? Неужто к вам приходил сам Господь Бог и все объяснил?

Вэнтан напрягся.

— Я никогда не заявлял ничего подобного!

— Тогда все ваши разглагольствования просто неубедительны.

Вэнтан опять зашагал по камере.

— Вы говорите ужасные вещи, ваше высочество. Я не могу больше слушать это. Вы должны согласиться на проведение обряда, другого выхода у вас нет.

— А если я откажусь? Кстати говоря, именно так я и собираюсь поступить.

— Тогда ваш брат прикажет вам пересмотреть свое решение. При повторном отказе вам выдвинут обвинение в государственной измене.

Атайя рассмеялась.

— В этом он меня уже обвинил.

— Поймите же вы наконец: если мы осуществим обряд, то вы хотя бы спасете свою душу. В случае повешения вы обречены на вечные муки...

— В любом случае мне придется распрощаться с жизнью.

— Сделайте правильный выбор, ваше высочество. Это крайне важно для вас.

— Да вам, черт возьми, нет ни малейшего дела до моей души! — закричала Атайя, вскакивая с койки. — Давайте говорить откровенно. Вы просто боитесь меня. Завидуете мне. Мне даны удивительные способности, а вам — нет.

Архиепископ крепко сжал в руках книгу, на протяжении нескольких секунд оба молчали.

— Поймите, ваше высочество, я ни в чем не обвиняю вас. Просто хочу помочь. Мы должны уничтожить злую силу, — устало пробормотал Вэнтан.

— Повторяю еще раз: я отказываюсь от церемонии отпущения грехов. И не передумаю.

Священник тяжело вздохнул, пожал плечами и направился к двери.

— Мне очень жаль вас.

Через несколько часов стражник принес поднос со скудным ужином. Атайя заметила, что он поглядывал на нее с опаской, когда ставил на стол еду. Из желания немного развлечься она подняла вверх руку и нарисовала в воздухе бесформенную фигуру. Бедняга подскочил на месте, побледнел от страха и поспешно удалился из камеры.

Поужинав, Атайя улеглась на койку и через несколько минут забылась крепким сном.

Она проснулась, услышав приближающиеся шаги, грохот замка и скрип двери, и приоткрыла один глаз. Прямо у изголовья стоял человек в черной мантии.

— Если вы опять задумали убеждать меня в целесообразности проведения обряда, то сразу предупреждаю: я не намерена с вами разговаривать, архиепископ Вэнтан.

— Речь пойдет вовсе не об этом. — Голос Родри звучал спокойно и невозмутимо. — Я хочу предложить вам нечто более интересное.

Глава 20

Колдун уселся за обшарпанный стол и жестом пригласил Атайю присоединиться к нему.

Принцесса нехотя встала с койки и села на стул рядом с Родри. Его вид настораживал: глаза загадочно блестели, на губах играла улыбка. Сегодня колдун выглядел довольно элегантно. Сшитая из изысканной ткани мантия очень шла ему. На высоком воротнике поблескивала брошь — точно такой же формы, как та, которую она видела над дверью кабинета Хедрика.

Девушке стало несколько не по себе. Платье измялось, волосы спутались, а от тела неприятно пахло потом.

Родри оглядел помещение.

— Наверное, вам здесь душновато.

Атайя пожала в ответ плечами.

— Надеюсь, я переживу это.

— Относительно вашей жизни... В данный момент этот вопрос можно смело отнести к разряду спорных. Кстати, вам еще повезло. Камера вашего друга выглядит гораздо более отвратительно.

Атайя стиснула зубы.

— Что вы пытаетесь с ним сделать? Хотите, чтобы он умер от боли?

Родри довольно рассмеялся. Все шло по его плану.

— Так и думал, ваше высочество, что вы попытаетесь связаться с ним. Создание визуальной сферы — первая ступень, с которой начинает любой лорнгельд. Кстати, вы можете успокоиться. Джейрен... так его, кажется, зовут... не умрет от воздействия корбала. Этот камень влияет лишь на мозг человека, постепенно сводя его с ума.

— Вам доставляет удовольствие издеваться над ним?

— Не думайте, что инициатива исходила от меня. Я лишь выполнил приказание вашего брата. Архиепископ Вэнтан поведал ему о корбале. Но я пришел сюда не за тем, чтобы обсуждать судьбу вашего друга. На данный момент это не очень важно.

Родри взял со стола перо и стал крутить его в руках.

— Видите ли, — начал он, — ваш брат оказался в очень деликатной ситуации. Слухи о вчерашнем происшествии распространились по городу. Через несколько дней об этом станет известно всей стране...

Атайя покраснела от стыда и опустила глаза.

— Вчера вечером архиепископ Вэнтан сообщил королю о вашем отказе от обряда отпущения грехов. Этот выход из положения выглядел бы наиболее достойно в глазах людей. Дарэк решил прибегнуть к другому способу — попытаться поговорить с Николасом и попросить его убедить вас в необходимости подчиниться. Полагаю, вы представляете, что из этого вышло. Николас устроил страшный скандал. Сесил практически не разговаривает с мужем. Зато Дагара постоянно твердит, что с проведением обряда нельзя медлить. По-моему, она заинтересована в этом больше, чем архиепископ.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила Атайя, чувствуя, что ее терпение на исходе. — Позлорадствовать? Поиздеваться надо мной? Усугубить мои страдания?

— Вовсе нет, ваше высочество. Я хочу помочь вам.

Отложив в сторону перо, Родри встал из-за стола, сложил руки на груди и медленно прошелся по комнате, выдерживая продолжительную паузу. Атайя понимала, что он специально тянет время, хочет помучить ее, и не могла не признать, что

его метод работал прекрасно: она начинала ужасно нервничать.

— Вчера вечером мы беседовали с вашим братом на протяжении нескольких часов. Дарэк не горит желанием устраивать публичную церемонию отпущения ваших грехов. Это совершенно ни к чему. Он собирается решить вопрос тихо, не привлекая общественного внимания.

— Очень странно, что Дарэк вообще стал разговаривать с вами. Я думала, вас выкинут со двора в первый же день после смерти Кельвина.

— Меня не выкинут отсюда по одной простой причине. Королю необходимо иметь при себе человека, обученного магии, до тех пор, пока здесь находитесь вы и ваш дружок-колдун. Он боится вас, поэтому я ему полезен. Вообще-то я могу оставаться при дворе столько, сколько захочу, тут довольно неплохо. Но, признаюсь честно, с внезапной гибелью Кельвина моя нынешняя работа практически завершена. Все благодаря вам, — сердито добавил Родри.

— Мой отец не намного дольше прожил бы. *Мекан...*

— Кто вам сказал такую глупость? Хедрик? — Родри скривил губы. — Да что может знать об этом Хедрик? Когда вы находились в Рэйке, Кельвин чувствовал себя превосходно. Был немного нервным и раздражительным, но только потому, что переживал за вашу поездку.

— Вы ошибаетесь, Родри. Очень ошибаетесь. Вы просто не видели его в день моего возвращения...

— Не видел. И никто ничего не видел, — поспешно выпалил колдун, желая заставить замолчать девушку и не дать возможности сказать правду. — Вы заявляете, что ваш отец сошел с ума, но ни единая душа не в состоянии подтвердить ваши слова, потому что это ложь. Кельвин не должен был превратиться в безумного, ведь я все сделал правильно, когда осуществлял обряд передачи. Я учел все ошибки, совершенные некогда Сеналом, а вы все испортили. Вы уничтожили двадцать лет моей жизни, не дали мне возможности доказать Совету мою правоту.

Родри угрожающе прищурился.

— И вы заплатите мне за это!

— Жажда возмездия? — Атайя даже обрадовалась — она поймала его на очевидной нечестности. — А сами сказали, что хотите мне помочь.

Родри слегка растерянно улыбнулся.

— В том-то и весь секрет, — ответил он. — Если вы согласитесь принять мое предложение, я убью двух зайцев одним выстрелом.

Атайя ощутила, как душу охватывает страх и тревога. Сейчас она чувствовала себя более встревоженно, чем даже несколько мгновений назад.

— Если мы придем к согласию, то вы останетесь в живых, — продолжал Родри, вновь усаживаясь на стул. — В противном случае... Думаю, вам надеяться не на что.

В голове Атайе зазвучали слова Джейрена: «Сделай все, что в твоих силах, чтобы сбежать отсюда».

— А что станет с Тайлером и Джейреном?

— Насчет колдуна обещать ничего не могу. По отношению к нему Дарэк настроен решительно. А для капитана еще не все потеряно. Он солгал королю, это факт, но на протяжении долгих лет безупречно и преданно служил Кельвину. Об этом Дарэк помнит. Я могу побеседовать с вашим братом и замолвить словечко за капитана Грайлена. Возможно, к нему отнесутся снисходительно.

Атайя хлопнула в ладоши — руки дрожали от волнения, а ей не хотелось показывать свою слабость Родри.

— Итак, что за предложение вы хотите мне сделать?

Глаза Родри засияли, губы расплылись в улыбке.

— Хедрик наверняка рассказал вам об обряде, при помощи которого вашему отцу были переданы волшебные способности?

— Да, конечно. Он поведал мне и о том, что этот обряд запрещен на протяжении вот уже двух столетий, а еще о том, что вы грубо нарушили установленные Советом правила, решившись на подобный поступок.

— Я хочу попросить вас кое о чем, Атайя. С вами не произойдет ничего страшного, — произнес Родри, делая вид, что не услышал того, о чем она только что сказала, придвинулся к принцессе и взглянул ей прямо в глаза. — Отдайте свои волшебные способности.

Атайя сидела не двигаясь, чувствуя, как в венах холодеет кровь. Руки как будто онемели, а голова закружилась.

Еще несколько недель назад она с превеликим удовольствием приняла бы его предложение, но сейчас оно показалось ей чудовищным. Теперь трудно было представить собственную жизнь без подаренного ей Господом таланта. Талант составлял неотъемлемую часть ее, с талантом она увязывала смысл своего существования на земле, именно ради спасения этого дара Джейрен попросил ее не отступать ни перед чем.

— И кому же вы хотите подарить мои способности? — язвительно спросила Атайя. — Выбрали новую жертву? Будете управлять и манипулировать беднягой?

Внезапно она все поняла. Сердце бешено заколотилось в груди, щеки запылали. Родри собирался повторить эксперимент. С одним королем ничего не вышло, почему бы не воспользоваться другим?!

— Я не собираюсь подвергать Дарэка столь серьезной опасности. Через двадцать лет он просто-напросто сойдет с ума. Не хочу брать на себя эту ответственность.

Родри весело засмеялся.

— Я говорю не о Дарэке. Ваш брат терпеть не может лорнгельдов и никогда не изменит своего отношения к ним.

Он задумался, поглаживая чисто выбритый подбородок.

— Хотя, признаюсь, идея неплохая...

Атайя ничего не могла понять. Кто, если не Дарэк? Вдруг ее взгляд упал на крестообразную брошь на воротнике Родри, и от внезапно пришедшей на ум догадки у нее перехватило дыхание.

— Вы хотите, чтобы я передала способности вам, — прошептала Атайя. — Собираетесь удвоить свою мощь...

Родри склонил голову набок в знак одобрения.

Охваченная гневом, Атайя с грохотом ударила по столу кулаком.

— Задумали провести еще один эксперимент, черт вас побери! Сначала поиздевались над отцом, теперь собираетесь воспользоваться мной!

— Вы только подумайте, какое мы сделаем открытие, Атайя, — воскликнул Родри. Его глаза блестели, как два отполированных сапфира. — Никто никогда не проделывал ничего подобного!

— Планируете вступить в Совет Мастеров?

Родри блаженно улыбнулся.

— Я подумываю об этом. Вы сорвали мой эксперимент, ваше высочество. Но подали мне еще более блестящую идею.

— Можете и не мечтать об этом. Члены Совета Мастеров все равно никогда не примут вас в свои ряды, сколько бы новых заклинаний ни удалось вам открыть.

— Да что вы знаете о Совете? Лишь то, что рассказал вам Хедрик — злобный старик, не способный смириться с тем, что некоторые из его учеников могут обладать большим, чем он, талантом?

— Его беспокоит не сила вашего таланта, а то, как вы им распоряжаетесь.

Родри удивленно поднял бровь.

— Что я слышу? Человек, убивший собственного отца, пытается читать мне мораль?

Его слова — совершенно справедливые — как нож пронзили сердце Атайи. Она вдохнула побольше воздуха, чтобы сдержать подступившие слезы, и взглянула на Родри с отвращением.

В ответ тот лишь рассмеялся.

— Думаете, я сумасшедший?

— Нет. Уверена, вы в своем уме.

Атайя задумчиво провела ладонью по волосам, пытаясь хоть немного расправить их. А что, если потом она вновь

вернет себе способности? Тем же самым способом? Конечно, затея безумная и идет вразрез со всеми существующими правилами, тем не менее... В Кайте будет просто отыскать человека, желающего распрощаться с талантом.

— Если вы планируете вновь заполучить способности к магии позже, боюсь, должен разочаровать вас, — сказал Родри, словно прочитав ее мысли, и покачал головой, изображая сожаление. — Тропы лорнгельда, передавшего кому-то свои способности, очень быстро видоизменяются. Безвозвратно. Кстати, Дарэк одобрил мою задумку лишь потому, что я заверил его: вы никогда больше не сможете применить колдовство. Это невозможно.

Атайя не знала, лжет он или нет, но его слова прозвучали убедительно. Опустив глаза, девушка стала сосредоточенно обдумывать создавшуюся ситуацию. Отдав свои способности, ей придется распрощаться с важной частью самой своей сути, но самое главное заключалось в другом. Она поможет Родри таким образом приступить к осуществлению его низких замыслов. К чему приведут эти страшные эксперименты?

Вдруг ей в голову пришла ужасная мысль. А остановится ли он на достигнутом? В Кайте сотни лорнгельдов с радостью согласятся отдать кому-нибудь свой дар. Быть может, в планы Родри входит увеличить способности в десятки, в тысячи раз? Тогда ему удастся стать самым могущественным колдуном не только в Кайте или в Рэйке, а во всем мире...

— Нет, Родри, — спокойно ответила Атайя. — Я не согласна. У вас и так достаточно мощи. Я не собираюсь отдавать вам свою.

— Насильно я не смогу это сделать. Человек, отдающий способности, должен *желать* распрощаться с ними. Что ж, вы теряете прекрасный шанс. В таком случае ваш брат прикажет вам согласиться осуществить обряд отпущения грехов либо подпишет смертный приговор. А что станет с Джейреном и Тайлером... Какая смерть их ожидает... Даже страшно подумать.

Родри сделал паузу, давая принцессе возможность обдумать его слова. Затем он продолжил:

— Если же вы отдадите свой талант, то обретете свободу. Из страны вас, конечно, вышлют, но вы сможете жить.

— Это сейчас вы так красиво все описываете. Как я могу быть уверена в том, что вы просто не прикончите меня по окончании обряда передачи?

— Никак, — спокойно ответил Родри и пожал плечами. — Но у вас нет выбора.

Он встал из-за стола и направился к двери. Потом обернулся:

— До конца дня у вас еще есть время, надеюсь, вы сделаете верный выбор.

Родри вышел, мягко закрыв за собой дубовую дверь. Послышался грохот замка.

Атайя упала на кровать, чувствуя себя совершенно опустошенной и беспомощной. Всегда с ней рядом оказывался человек, способный дать совет, помочь и поддержать в трудную минуту. Сегодня ей предстояло принять, быть может, самое важное в жизни решение. Она не сможет справиться с этим одна...

Джейрен. Он знает, как нужно поступить...

Атайя уселась на край койки, скрестила ноги и подняла руки.

— *Volo videre!* — быстро скомандовала она и сконцентрировала мысли на Джейрене.

Туманный шар между ладонями появился достаточно быстро, и буквально через секунду перед ее глазами появилось изображение мрачной камеры.

За день Джейрен разительно изменился. На его шее все так же поблескивал корбаловый кристалл, а над головой висел светящийся шар. Одежда, промокшая от пота, прилипла к телу, лицо стало белым, как у мертвеца. Лишь иногда его грудь поднималась — значит он еще дышал.

— *Джейрен, ты не спишь?*

Он с трудом открыл глаза.

— Это опять я, Атайя. Как ты себя чувствуешь?

Лишь после того, как слова слетели с губ, принцесса поняла, что вопрос прозвучал невероятно нелепо.

— Я еще жив, если ты это имеешь в виду.

Голос молодого колдуна охрип и звучал еле слышно.

— Ко мне приходил Родри... Сделал мне одно предложение. — Атайя чувствовала, что по лбу покатились струйки пота, но вытереть их она не могла, так как руки были заняты. *— Он сказал, что Дарэк отпустит меня, если я соглашусь кое-что для него сделать.*

— Соглашайся, Атайя, — не раздумывая, ответил Джейрен. *— О чем бы ни попросил тебя Родри, сделай это. Ты должна спастись.*

— Да нет, ты не понимаешь, Джейрен. Он хочет, чтобы я отдала свою магию. Ему.

Джейрен очень долго молчал, уставившись в пустоту.

— Что?..

— Он считает, что может добавить мои способности к своим. Это возможно?

— Понятия не имею, — ответил изумленно Джейрен. *— Насколько мне известно, никто никогда не делал ничего подобного.*

— Родри сказал, что в случае моего согласия Дарэк отпустит меня на свободу и более мягко отнесется к Тайлеру...

Атайя сделала паузу, не зная, как сказать Джейрену об ожидавшей его самого участи. Но по выражению лица молодого колдуна поняла, что он сам прекрасно понимает, что ему уготовано.

— Джейрен, мне безумно жаль... Не думаю, что Дарэк отпустит тебя... Я могу попросить Родри попытаться побеседовать с ним еще раз...

— Ничего уже не изменишь, Атайя. Только не изводи себя этим. Я знал, что иду на огромный риск, в тот день, когда решил отправиться с тобой в Кайт.

Джейрен замолчал, сглатывая слезы.

— Знаешь, я был бы рад, если бы Дарэк поскорее покончил со мной. Так я долго не протяну.

— Джейрен, не говори так... — начала было Атайя, но остановилась, прекрасно понимая, что слова утешения бессмысленны.

Возможно, удар палача в данной ситуации окажется спасительным для него, так как избавит от страданий.

— Ты меня слышишь? — спросил Джейрен.

Теперь его голос звучал настолько тихо, что она с трудом различала слова.

Атайя моргнула, и повисшие на ресницах слезинки покатились по щекам.

— Да.

— Не делай этого, Атайя. Не отдавай ему свои силы.

— Но у меня нет другого шанса на спасение. Если я откажусь, то погибнем мы все.

— Ты не должна так поступать. Прошу тебя, не сдавайся.

— Но, может быть, я смогу вернуть себе способности... Когда Дарэк отпустит меня, я найду кого-нибудь, кто согласится отдать их мне. Родри сказал, это будет невозможно. Наверное, он солгал...

К ее огромному разочарованию, Джейрен покачал головой.

— Родри сказал тебе правду, Атайя. Буквально через несколько дней после передачи таланта тропы в твоем мозгу разрушатся, и тебе никогда уже не вернуть свой удивительный дар.

Принцесса видела, что каждое слово давалось Джейрену с трудом, но он был намерен сказать еще что-то.

— Не соглашайся, Атайя. Но не теряй надежды на спасение. Шанс может подвернуться в любую минуту, даже тогда, когда ты предстанешь перед палачом. Поверь мне. — Джейрен вздрогнул и порывисто вздохнул. *— Прости... Я больше не могу разговаривать...*

Атайя закусила губу. Видеть его страдания было просто невыносимо. Вот бы очутиться рядом с ним. Вот бы принять на себя часть его боли...

— *Попытаюсь связаться с тобой позже,* — сказала она и приказала сфере раствориться.

После разговора с Джейреном на душе стало еще тяжелее. Остаток дня принцессу терзали сомнения и страхи. То и дело она вскакивала с кровати и ходила по камере, периодически с силой ударяя по стенам кулаками. Вскоре на руках появились кровоподтеки, но боль не чувствовалась.

Я не должна позволять Родри повторить ошибку Фалтила! — думала Атайя.

Но тут же на ум ей приходили другие мысли.

Если она откажет колдуну, тот спокойно найдет себе кого-нибудь другого. Имеет ли смысл упрямиться? От ее решения зависит не только ее собственная судьба — именно это беспокоило принцессу больше всего.

Атайя вновь уставилась на пламя свечи, наблюдая за бегущими струйками расплавленного воска. Настроение менялось каждые несколько минут, предстоящий вечер казался невыносимым.

Скоро здесь опять появится Родри, и ее судьба решится раз и навсегда. Когда свечка догорела и вот-вот должна была погаснуть, Атайя почувствовала успокоение. Впервые за сегодняшний день.

Она приняла окончательное решение.

Глава 21

Принцессе не пришлось долго ждать.

Вскоре за дверью послышались негромкие шаги и голос Родри. Он говорил что-то стражникам. Через несколько секунд дверь отворилась, и колдун предстал перед Атайей.

Она никогда не видела на нем столь торжественных одеяний. Поверх шелковой мантии ярко-малинового цвета красовалась белая накидка, расшитая золотом. Голову покрывала

треугольная шляпа. На ней прямо в центре поблескивала брошь — колдовской знак. Если бы Атайя не знала, кем является этот человек, то решила бы, что перед ней священник, готовящийся провести праздничную церемонию.

Нет, Родри не священник, — с горечью подумала принцесса. — *А его замыслы повергнут в шок любого.*

Колдун не стал присаживаться, а встал прямо перед девушкой, сложив руки на груди.

— Я отпустил стражу, нам никто не помешает, ваше высочество. Вы приняли решение?

Атайя кивнула:

— Приняла.

Она встала с кровати, чувствуя легкое головокружение, высоко подняла голову и расправила плечи.

— Я отказываюсь.

Итак, решающее мгновение позади.

После мучительных часов раздумий Атайя поняла, что Джейрен прав. Ее магия слишком дорога для нее, непростительно глупо так запросто отказываться от столь удивительного дара. Без него она обязана будет полностью подчинится Родри. Со способностями можно еще на что-то надеться. Об участи Джейрена трудно сказать что-либо обнадеживающее. А для Тайлера, вероятно, еще не все потеряно. Дарэк всегда отличался угрюмостью и упрямством, но лишить жизни человека, который так преданно служил его отцу, он скорее всего не в состоянии.

Самым веским аргументом в пользу выбранного Атайей решения послужило данное у гроба Кельвина обещание. Как она станет бороться за улучшение участи лорнгельдов, если откажется от своего дара, от столь мощного оружия?

Родри не двигался и ничего не говорил несколько минут. Наверное, он не ожидал услышать отказ. Но вскоре его лицо изменилось, принимая обычное выражение.

Небрежно пожав плечами, колдун извлек из складок мантии перевязанный шелковой красной лентой свиток.

— Что ж. Думаю, я должен ознакомить вас с этим.

Сердце Атайи сжалось от страха.

— Что это?

— Смертный приговор, вынесенный капитану Грайлену, — спокойно ответил Родри постукивая пергаментом по пальцам левой руки. — Король уже подписал его.

Лицо колдуна превратилось вдруг в расплывчатое пятно, пол поплыл в сторону и, чтобы не упасть, Атайя крепко схватилась похолодевшими пальцами за спинку стула. Всего несколько мгновений назад принцесса была уверена в том, что Дарэк не способен на подобную жестокость.

Я думала так, потому что знала его другим, — промелькнуло в ее голове. — *Теперь он король, а не сын короля, и ведет себя подобающим образом.*

— В случае отказа я должен отдать этот документ соответствующим лицам для приведения приговора в действие. — Родри шагнул ближе к девушке и помахал свитком перед ее лицом. — Вы уверены, что не передумаете?

Тысяча противоречивых чувств охватила принцессу. Даже если она отдаст колдуну свои способности, то все равно уже не в состоянии вернуть себе прежнюю репутацию. Смерть Кельвина на ее совести. Ей нельзя оставаться в Кайте. А без колдовства не имеет смысла жить, поставленных целей все равно не достичь.

Атайе вдруг стало невероятно стыдно. Какие эгоистичные рассуждения! Разве можно жертвовать жизнью Тайлера ради надежды получить случайную возможность сбежать отсюда и обучиться магии? В голове возникли слова Хедрика: «Великая мощь дорогого стоит». Кстати, она сама пыталась убедить в этом архиепископа Вэнтана...

Но почему, черт возьми, за ее способности должен расплачиваться кто-то другой? Цена... слишком уж высока!

Сохраняя невозмутимость, Родри повернулся к двери.

— Желаю вам спокойной ночи, — сказал он и быстро вышел из камеры.

Лишь в это мгновение Атайя осознала весь ужас своего положения. Целый день сегодня она обдумывала слова Джейрена и свое будущее решение. Перед приходом Родри ей казалось, что единственно верным выбором будет ответить отказом на его предложение. Но теперь, когда угроза жизни Тайлера стала настолько реальной, принцесса совершенно растерялась. Быть может, судьба любимого человека дороже умения создавать визуальные сферы и светящиеся шары? Одобрил бы ее решение Кельвин? Скорее всего нет.

Ради нее Тайлер готов, не колеблясь, идти на смерть, значит, и ей следует вести себя по отношению к нему точно так же. Она должна изменить решение. Если он будет жить, то и ей удастся справиться с трудностями, нужно только смириться с мыслью об утрате своего таланта. Если же Тайлер погибнет, причем по ее вине, будущее превратится в кошмар.

— Постойте! Родри, подождите!..

Атайя рванулась к двери. Внезапная ослепляющая боль в глазах обожгла подобно сотне раскаленных металлических прутиков. Она вскрикнула и отшатнулась назад, хватаясь за виски. Все вокруг как будто потемнело и закружилось. Сознание вот-вот готово было покинуть ее...

— Нет, нет, пожалуйста. Я сделаю что угодно! Вернитесь! — кричала Атайя.

Сердце бешено колотилось в груди. Слез не было — в таком состоянии она даже не могла плакать. Боль сводила с ума.

— Вернитесь... — прошептала Атайя, опускаясь на колени и прижимая ладони к глазам.

Через мгновение дверь отворилась, и в камеру вновь вошел Родри. Его глаза светились радостью победы.

Он и не уходил, — догадалась Атайя. — *Мерзавец прекрасно знал, как я поведу себя. Стоял рядом и наслаждался моими страданиями.*

— Насколько я понял, вы решили передумать, — произнес Родри, пряча пергамент в складках мантии. По его губам пробежала едва заметная улыбка. — Итак, начнем?..

Атайя поднялась с пола, отряхнула с платья пыль и отвернулась. Смотреть в лицо ликующего колдуна было невыносимо.

— Что я должна делать? — тихо спросила она.

Уверенным движением Родри взял два стула и поставил их посередине камеры, напротив друг друга. Прежде чем сесть, он вдруг склонил голову набок, словно прислушиваясь к какому-то звуку. Затем удовлетворенно кивнул.

— Все в порядке. Я проверил, прочна ли стена отражения. Хедрик все еще пытается проследить за мной.

Он жестом пригласил ее сесть.

— Постарайтесь ни о чем не думать и расслабиться. Взгляд сосредоточьте здесь. — Родри показал рукой на колдовской знак на своей шляпе. — Ритуал безвреден, вы практически ничего не почувствуете. Самым сложным этапом в нем является подготовка троп для имплантации в мозг принимающего способности. Но у меня они уже есть, поэтому мы опустим это.

Его голос становился все более мягким и вкрадчивым, воздействуя на принцессу гипнотически.

— Представьте, что вы плывете, Атайя. Плывете на облаке. Почувствуйте себя легкой и невесомой, как под невидимым покровом.

Его слова успокаивали и убаюкивали, и вопреки стремлению не поддаваться им Атайя ощутила, что не в состоянии бороться. Либо в этом была виновата его магия, либо особенности голоса, но вскоре на нее навалилась дремота.

— А теперь, — скомандовал Родри, — создайте сферу.

Атайя оторвала взгляд от броши и подняла ладони.

— *Volo videre,* — прошептала она.

В считанные секунды появившиеся струйки дыма скрутились в туманный шар.

— Что я должна увидеть? — спросила Атайя, не узнавая собственного голоса: он звучал напряженно и неестественно.

— Свои тропы, Атайя, свои тропы, — возбужденно воскликнул Родри. — Только не пытайтесь углубиться в свой мозг, как обычно, а прикажите им появиться в сфере.

Атайя сделала как он сказал. Перед ее глазами возникло изображение пещер и коридоров.

Интересно, можно ли воспользоваться заклинанием, если заходишь на тропу подобным образом? — подумала она, но экспериментировать не стала.

— Я вижу их.

— Выберите ту из них, которая ведет к свету. Идите к источнику своей силы.

Теперь все проходы были освещены гораздо лучше, чем тогда, когда она попала сюда впервые. В конце одного из коридоров Атайя увидела яркий свет и устремилась к нему. Пройдя весь путь, принцесса на мгновение остановилась, но затем шагнула в слепящую пустоту.

Неожиданно ее охватили тысячи эмоций — все, что она когда-либо переживала, все, о чем мечтала, за несколько мгновений отобразилось в сфере. Вот они играют в песке с Николасом, совсем еще маленькие, вот ей исполняется двадцать лет — и сердце рвется на части от переживаний и тревог, вот она — старуха, оглядывающаяся на прошедшую жизнь в последние минуты перед смертью. Прошлое, настоящее, будущее — все закружилось перед глазами.

Вдруг картинка сменилась, и Атайя увидела изображение своего собственного лица. От удивления принцесса открыла рот. Изображение не изменилось, как если бы перед ней было зеркало, оно существовало отдельно от нее и напоминало образ Тайлера в медальоне — было настолько же реальным и объемным. Та Атайя, которая смотрела на нее из сферы, выглядела растерянно и испуганно, как будто ее застали врасплох за совершением преступного деяния.

— Что вы видите? — спросил Родри спокойным голосом.

— Вижу свое лицо. — Атайя подняла бровь. — Только оно не совсем мое.

— Отлично. Вы прекрасно справляетесь. Не отводите взгляда от сферы. Продолжайте концентрироваться.

Боковым зрением Атайя видела, как Родри нетерпеливо облизнул губы, протянул руки и положил их на сферу — ее сферу. Она почувствовала его присутствие — леденящий холод наполнил комнату, проник внутрь нее, сама его сущность как будто вползла в ее собственное тело.

Изображение в сфере внезапно изменилось. Странное лицо исказилось, выражая безумную боль и отчаяние. Атайя ничего не слышала, но по движению губ могла понять: ее умоляли остановиться.

— Произнесите слова, Атайя, — дрожащим от волнения и радости голосом сказал Родри. — Просто повторите за мной. *Arcanum arcanorum.*

Не обращая внимания на лицо в сфере, она беспрекословно подчинилась.

— *Arcanum arcanorum.*

— *Vultus est index animi.*

— *Vultus est index animi.*

В тот момент, когда последнее слово слетело с ее губ, лицо побледнело и заметалось, в глазах — ее глазах — отразились безумный ужас и безысходность. Никогда в жизни она не видела ни у кого подобного выражения глаз. Через секунду изображение исчезло.

Как будто издалека Атайя услышала голос Родри, он отдал сфере команду раствориться. Что-то больно кольнуло в груди, как будто некая невидимая рука выдернула у нее изнутри само сердце. Сфера, исчезая, превратилась в струйки тумана, но теперь эти струйки входили не в ее ладони, а в ладони Родри. Отныне ее магия будет принадлежать ему.

И ее душа.

Атайя подалась вперед, хватаясь за голову руками. Она чувствовала себя совершенно обессилевшей и несчастной, голова закружилась, а перед глазами поплыли круги. Но самым ужасающим ощущением была невероятная внутренняя пустота.

Атайя взглянула на Родри. По-видимому, колдун переживал совершенно противоположные эмоции. Он обхватил себя руками, словно пытался согреться, затем запрокинул голову и громко расхохотался. Его глаза безумно поблескивали, напоминая обмоченные в молоке сапфиры, дыхание участилось.

— Теперь я должен проверить свои силы, — сказал Родри и, поднявшись на ноги, слегка покачиваясь, прошелся по камере.

Его слова прозвучали как-то невнятно, как будто он был пьян.

— *Volo habere lux!* — скомандовал колдун и щелкнул пальцами. Перед его лицом ослепляюще ярким светом вспыхнул вдруг светящийся шар.

От удивления у Атайи перехватило дыхание. Созданный Родри шар по величине достигал размеров человеческой головы. Мрачная каморка осветилась, словно в ней в одну и ту же секунду зажгли сотню красноватых свечей.

— Вот это мощь, вот это сила! — воскликнул Родри, приказал шару подняться вверх и сложил ладони перед лицом, как будто собирался поблагодарить всевышнего за приобретенный дар. И тут же снова расхохотался, безудержно, как сумасшедший.

Атайя с отвращением поморщилась и отвернула голову, не желая наблюдать за неистовым ликованием колдуна.

Может, у нее осталось хотя бы немного сил?

Атайя попыталась сконцентрироваться и обнаружила, что еще в состоянии видеть свои тропы. Теперь в коридорах было значительно темнее. Она протянула руку, надеясь, что сможет создать шар, и щелкнула пальцами. Ничего не вышло.

Родри на протяжении еще нескольких минут любовался своим произведением, затем повернулся к ней.

— А теперь, ваше высочество, мы должны решить, как поступим с вами.

От неожиданности у Атайи закрутило в желудке.

— Со мной? Я думала...

— Неужели вы поверили, что я позволю вам так просто уйти отсюда? — спросил Родри и рассмеялся. — Вы меня удивляете. Никогда не думал, что принцесса настолько наивна.

— Но ведь Дарэк... Он пообещал...

— Обещания, Атайя, иногда нарушаются, и даже королями, — насмешливо сказал колдун. — Ваш брат не имеет ни малейшего желания выпускать вас на свободу живой после всего, что вы натворили. Кстати говоря, я убедил Дарэка в том, что ритуал, который я собираюсь осуществить, очень сложен и опасен для отдающего магию. Но его это не смутило. Проще говоря, для него было бы даже предпочтительным избавиться от вас.

Родри нахмурился, крепко схватил Атайю за запястья и повысил голос:

— Я не собираюсь отпускать вас. Если я допущу подобную глупость, то вы прямиком побежите к Хедрику и доложите ему о случившемся. Я не дурак. Итак, с вами покончено. Теперь надо разобраться с вашим дружком. Возможно, и его удастся уговорить. А уж потом я спокойно прикончу его.

Атайя стиснула зубы.

— Значит, вы и в мыслях не допускали выпустить нас, никого из нас троих...

Родри самодовольно улыбнулся и повернулся к ней, собираясь, по-видимому, что-то сказать, но не успел.

Атайя, ослепленная яростью и негодованием, дернула руку, пытаясь высвободить ее из тисков крепких пальцев колдуна, стала пинать Родри ногами и осыпать проклятиями. Она прекрасно знала, что затеяла совершенно бессмысленную драку — колдун во много раз сильнее ее, особенно сейчас. Но теперь ничего уже не имело значения.

Родри схватил ее за руки и с силой швырнул в сторону двери. Атайя не сразу сообразила, что происходит. В следующее мгновение она почувствовала резкую боль в голове, по-

казалось, что кто-то вонзил в нее остро отточенное лезвие ножа. Даже с зажмуренными глазами можно было отчетливо увидеть ярко-красное пламя. Огненные языки, казалось, сжигают все внутри.

Атайя открыла глаза, но вместо пламени увидела Родри. Он спокойно и с интересом наблюдал за мучениями своей жертвы.

Принцесса не могла больше сопротивляться. Голова сильно кружилась, очертания комнаты и силуэт Родри стали расплывчатыми и затуманенными. Руки и ноги девушки отяжелели и отказывались слушаться.

Прости меня, Тайлер, — стучало в висках. — *Прости меня, Джейрен.*

Находясь на грани потери сознания, Атайя услышала испуганный голос колдуна и открыла глаза.

— Нет! Такого не может быть, не может быть... — бормотал он, тряся головой. — Твоя сила проклята. Ты специально это сделала. Ты знала!..

Родри хотел еще что-то сказать, но у него ничего не вышло. Вместо слов с губ слетали странные звуки. Сгибаясь от боли, колдун схватился за сердце. Внезапно кожа на его руках начала пузыриться, словно какая-то внутренняя сила пыталась вырваться наружу. Колдун ежился, дергался, сучил ногами и хватал ртом воздух.

— Возьми свои способности назад... — с трудом проскрежетал Родри и попытался выпрямиться. — Ты должна...

Вытянув перед собой дрожащие руки, он приказал сфере появиться. Первая попытка не увенчалась успехом, тогда колдун, бледный от страха, повторил слова заклинания молящим, едва различимым голосом.

Атайя замерла от ужаса. На лице и ладонях Родри появились кровавые трещины. Через мгновение из его рук все же стали появляться струйки дыма, но все происходило невероятно медленно. Через пять минут в руках колдуна висел туманный шар.

— Возьми его, — задыхаясь, пробормотал Родри. — Быстрее!..

Атайя осторожно приблизилась к нему и протянула ладони, но не успела она коснуться сферы, как белый шар неожиданно превратился в ярко-красный, и принцесса инстинктивно отскочила назад. Глаза Родри округлились, лицо исказилось от ужаса.

Раздался дикий вопль, и Атайя, не успев понять, в чем дело, закрыла уши ладонями. Накопившиеся в Родри силы, вытесняя друг друга, разорвали его тело в клочья — по камере разлетелись куски кожи и мяса, осколки костей, сизые склизкие внутренности и прочая дрянь, захлестала кровь, окрашивая стены в ярко-алый цвет, затопляя пол.

Атайя зажала ладонью рот, пытаясь сдержать рвоту, но не смогла этого сделать. Остатки скудного завтрака охотно вырвались наружу, добавляя прелести и без того очаровательному натюрморту.

На протяжении нескольких минут Атайя не двигалась, парализованная от ужаса и отвращения. Она сидела в луже крови, но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы хотя бы подняться с пола.

Лишь приблизительно через четверть часа Атайя смогла расслабиться и немного прийти в себя. Только сейчас она обратила внимание на сгустившийся в воздухе туман. Светящийся шар, которому так радовался Родри, исчез, и теперь камера освещалась лишь тусклым светом единственного факела.

Было достаточно темно, но Атайя смогла рассмотреть ужасающую обстановку. Все четыре стены были облиты кровью и обляпаны всякой гадостью. Принцесса всего один раз посмотрела в ту сторону, где еще полчаса назад сидел колдун. Сейчас на этом месте темнела бесформенная масса. Когда взгляд Атайи упал на безжизненный глаз, валявшийся в углу и взирающий на мир со странным любопытством выеденного яйца, ей захотелось исчезнуть отсюда в ту же самую секунду.

Вдруг внимание Атайи привлек свиток. Некогда белый пергамент превратился теперь в ярко-красный: он лежал прямо рядом с ее ногой. Схватив ненавистный приговор, принцесса с остервенением разорвала его на мельчайшие кусочки.

Атайя не знала, когда вернется охрана, но могла быть уверена в одном: когда стражники увидят, как выглядит ее камера, то сразу решат, что во всем виновата ее магия. Все посчитают, что принцесса безжалостно убила Родри, и Дарэк, без сомнения, казнит ее.

Нельзя терять ни минуты!.. — подумала Атайя, подползла к двери и с удивлением обнаружила, что теперь она не чувствует боли.

Значит, заклинание исчезло, растворилось в ту самую минуту, когда его создатель умер. Поэтому-то и исчез светящийся шар...

В сердце вспыхнула искорка надежды. Если магия Родри пропала вместе с ним, то, быть может, ее сила вернулась к ней!

Атайя вскочила на ноги, взялась за металлический замок на двери, сконцентрировалась и через несколько мгновений уже перенеслась в коридоры. Теперь здесь было еще темнее, чем в предыдущий раз, но она не сдавалась. На этот раз дорога до нужной пещеры заняла у нее гораздо больше времени, тем не менее ей удалось добраться до нее.

Атайя приказала замку открыться и замерла, вслушиваясь в тишину. Характерного щелчка не последовало. Она повторила заклинание, на этот раз более сердито и требовательно, но ничего не получилось.

Родри умер и забрал с собой ее силу.

В отчаянии Атайя сползла по двери на пол, все еще удерживая руку на холодном металлическом замке.

— Господи! Если ты видишь меня, то помоги мне, — пробормотала она, умываясь слезами. — Помоги же мне! *Пожалуйста...*

Глава 22

Услышав долгожданный щелчок, Атайя отшатнулась от двери. На мгновение она обрадовалась, решив, что Бог, вняв ее молитвам, вернул ей ее силу. Но тут же принцесса поняла, что ошиблась. Замок открыли с другой стороны.

Стража, — пронеслось в ее голове. — *Они уже вернулись!*

Охваченная паникой, Атайя стала оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего для самозащиты. Если там всего один солдат, она попытается справиться с ним. Скажет, что это она убила Родри, и сделает то же самое с ним, если он не подчинится ее указаниям.

Из бесформенной кровавой кучи торчала остроугольная кость, которая, по-видимому, некогда являлась берцовой костью Родри. Брезгливо сморщившись, Атайя выдернула ее, крепко сжала в руке и замерла в ожидании. Тяжелая дубовая дверь медленно отворилась.

В камеру неслышно вошел человек, худой и изможденный, похожий на тень. Атайя занесла для удара свое импровизированное оружие, но, присмотревшись, опустила его.

На руках пришедшего поблескивали кандалы.

— Джейрен!.. — вскрикнула Атайя и бросилась на шею другу. По ее щекам покатились слезы облегчения. — Слава Богу! Ты здесь! Как ты?..

Атайя отступила на шаг назад и перехватила его взгляд. Джейрен осматривал забрызганные кровью стены и пол широко раскрытыми глазами.

— Господи, Атайя!.. — В его взгляде отразились неверие и страх. — Что ты наделала?!

— Это не я, — быстро проговорила Атайя, боясь, что он не поверит ей. — Пожалуйста, послушай меня. Это просто... ну, так получилось.

Трясущимися руками принцесса принялась вытирать с ладоней засохшую кровь.

— Родри сам виноват в том, что произошло с ним...

Джейрен прислонился к стене.

— Я верю тебе.

Только сейчас Атайя заметила, что он выглядит просто ужасно. Волосы были спутаны и напоминали грязную солому, вокруг глаз чернели круги. Каждое движение, по всей вероятности, доставляло молодому колдуну сильную боль — он то и дело задерживал дыхание и хмурил брови.

— Как ты попал сюда? Ведь кристалл...

— Я догадался, что Родри умер. Светящийся шар в моей камере внезапно исчез. Без света воздействие корбала резко ослабевает. Я нашел в себе силы открыть замок. Справиться со стражником не составило большого труда. Бедняга не ожидал меня увидеть. Сейчас он отдыхает в моей каморке.

Атайя вздохнула с облегчением. Хотя бы одна проблема разрешилась.

— Я так счастлива, что ты здесь, — воскликнула она, положив голову на плечо Джейрена.

— Надеюсь, я не задержусь здесь надолго... Охрана может вернуться в любую минуту.

Он выглянул в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет.

— Ты должна создать невидимый покров. Мы спрячемся под ним вместе и наконец-то сбежим отсюда.

Сердце Атайи окатила ледяная волна.

— У меня не получится...

— Давай не будем терять время на споры. Я с удовольствием предложил бы тебе свои услуги, но нахожусь в таком состоянии, что не смогу спрятать даже себя одного.

— Я говорю вполне серьезно, — тихо сказала Атайя. — Ты не понял меня. Я... Я отдала ему свои способности. Это его и убило.

Она опустила глаза.

Джейрен ничего не ответил. Так и стоял, прислонившись к стене, глубоко задумавшись.

— Джейрен, мне очень жаль, но я не могла поступить иначе. Родри принес с собой смертный приговор Тайлеру. Я...

Голос принцессы прервался. Теперь поздно извиняться. Все уже свершилось, и ничего не изменить.

По лицу Джейрена плясали тени, отбрасываемые пламенем факела, но он даже не мигал. В его голове крутилась сотня противоречивых мыслей, Атайя могла понять это по напряженному выражению лица молодого колдуна. Наверняка Джейрен не сердился на нее, просто не знал, как ей помочь. Через несколько минут он наконец-то заговорил. Тихим, едва различимым голосом.

— Если у меня остались еще силы, я с удовольствием отдам их тебе. Твой талант... Ты не должна его терять.

Слова Джейрена настолько потрясли ее и растрогали, что на глаза навернулись слезы. Как ему пришло такое в голову? Наверное, он слишком устал и слишком истощен. Даже если бы его силы были в полном порядке, она ни за что не согласилась бы принять такую жертву.

Атайя убрала с лица спутанную прядь волос.

— Даже не думай об этом, Джейрен. То, что ты видишь в моей камере, — лишь еще одно доказательство того, насколько опасен ритуал передачи. Ты столько мне об этом рассказывал, ты сам меня в этом убеждал. — Она развела руками, подобно врачу, не знающему, чем он может помочь больному. — Я сама не верю, что со мной случилось нечто подобное. Кстати, теперь пустота внутри ощущается уже не так остро, как непосредственно после завершения ритуала.

— Расскажи мне, как все произошло, — попросил Джейрен, устало потирая глаза. В его голосе слышались нотки надежды. — Может, у нас еще есть шанс...

Атайя принялась в подробностях описывать осуществленный Родри ритуал, а Джейрен с интересом внимал каждому ее слову, напоминая студента, пытающегося освоить весь пройденный материал за час до начала экзамена.

— По окончании этого чертова ритуала я почувствовала себя чудовищно, — добавила Атайя, вспоминая тот момент, когда ее собственное лицо исчезло из сферы. — Мне показалось, что из меня вырвали душу.

— Ну, душу-то у тебя никто не отберет, — заверил ее Джейрен, хмуря брови и потирая подбородок. — Повтори, пожалуйста, последнюю часть. Ты говоришь, что нашла саму свою суть? Свет?

— Да. А после этого увидела свое изображение.

На протяжении нескольких секунд Джейрен еще размышлял о чем-то, затем решительно произнес.

— Возвращайся на то же место за столом. Быстрее. У нас нет времени.

— Но я не смогу создать сферу...

— Зайди на тропы в своем мозгу. Попытайся опять найти свет. Возможно, здесь кроется какая-то подсказка.

— Подсказка?

— Хедрик говорит, что силу можно только передать. Ее нельзя создать. А не означает ли это, что сила и вовсе не исчезает из человека? По крайней мере пока он жив.

Выход из ситуации казался слишком уж простым, а потому сомнительным. Атайя решила не тешить себя напрасными надеждами. Но у них не было времени на споры и обсуждения, и она подчинилась Джейрену.

В коридорах было почти совсем темно. Но свет в конце одного из них горел настолько же ярко, как раньше, и Атайя отправилась туда.

Приближаясь к свету, она чувствовала, как дрожат ее руки и ноги, но не могла понять, с чем связано волнение — со страхом или предвкушением чего-то радостного. Помедлив несколько секунд, принцесса обхватила себя руками и окунулась в яркий свет.

В то же мгновение Атайя почувствовала невероятный прилив сил. Она ощутила себя ожившей, обновленной и свежей. Какие же эмоции пережил, интересно, Родри?..

Запрокинув голову, Атайя стала жадно заглатывать сладкую энергию магии, наполняя все свое тело волшебными силами.

На мгновение взглянув на Джейрена, Атайя поняла, что он догадался обо всем, что с ней происходит.

— Твоя мощь никогда не покидала тебя окончательно, — прошептал Джейрен, не менее, чем Атайя, удивляясь происходившему. — Тебе просто необходимо было поглубже заглянуть внутрь себя.

Она осторожно поднялась на ноги, чувствуя головокружение и пошатываясь.

— Эй, не рассчитывай на то, что я понесу тебя отсюда на руках, — сказал Джейрен, улыбаясь.

— Нет, конечно. Я в порядке. Просто не ожидала, что на меня это окажет столь сильное воздействие.

Через пару минут Атайя пришла в норму.

Джейрен, убедившись, что с ней все нормально, обратился к другой проблеме.

— Ты не знаешь, куда они запрятали Тайлера?

Атайя энергично помотала головой.

— Я как раз наблюдала за Дарэком. *Его величество* приказал поместить его в камере, расположенной рядом с твоей. Наверное, он до сих пор еще там.

— Я так не думаю, — ответил Джейрен, почесывая затылок. — Человека, который сидел за стеной, увели куда-то сегодня утром.

— Значит, Дарэк переместил его куда-то.

Атайя стала судорожно перебирать в памяти места, куда король мог отправить заключенного. Вдруг ее глаза вспыхнули.

— Сторожевая башня!.. Смертный приговор Тайлера был уже подписан, поэтому его могли отвести туда!

— Тогда идем. Скорее! Только не забудь про невидимый покров.

Атайя закрыла глаза и сосредоточила все свои мысли на желании стать невидимой. Теперь все ее коридоры были отлично освещены, и она знала, что сможет без труда найти нужное ей заклинание. Идти по тропам доставляло ей невероятное удовольствие. Она чувствовала себя счастливой.

— *Occulta nos,* — произнесла Атайя, приказывая невидимому покрову появиться.

Через мгновение в руках и ногах появилась знакомая легкость. А пару минут спустя их обоих уже не было видно.

— Только не убегай от меня, — предупредил Джейрен. — Мы должны находиться с тобой в физическом контакте, чтобы и я постоянно был невидимым...

Крепко взяв его за руку, Атайя пошла по мрачному подземному коридору.

Свернув налево, они увидели крутую лестницу. Осторожно, практически не дыша, Джейрен и Атайя стали подниматься по ступеням. Они уже прошли половину пути, как вдруг принцесса задела ногой какой-то камень. Раздался грохот — камень покатился по ступеням. Несколько мгновений Джейрен и Атайя не двигались, у обоих замерла в жилах кровь. Однако, похоже, шума никто не услышал.

Подождав немного, беглецы продолжили свой путь. Поднявшись наверх, они направились через коридор к главным воротам, ведущим во двор.

Атайя увидела двух стражников, сидевших прямо у ворот. Солдаты непринужденно болтали о чем-то, развалившись на скамейке. Старший из них крутил в руках металлическое кольцо со связкой ключей и слушал, добродушно посмеиваясь, рассказ второго, более молодого.

Атайя прислушалась. Парень хвалился достижениями на любовном фронте. Вспоминая то, как усыпил ее Джейрен в день смерти Кельвина, она сконцентрировалась и попыталась связаться с мозгом стражника.

Через пару мгновений ничего не подозревавший охранник стал потирать глаза и сладко зевать. Атайя приблизилась к нему и приложила палец к его лбу. В это же мгновение он забылся глубоким сном.

Атайя быстро повернулась ко второму стражнику. Джейрен последовал за ней. Оступившись, он отпустил руку и на мгновение появился перед застывшим от страха солдатом. Ключи выпали из его руки и со звоном упали на пол.

— Быстрее, — поторопил Джейрен, вновь скрываясь под покровом.

Атайя подскочила к стражнику, сконцентрировалась и приложила палец к его лбу.

— Спи спокойно, — прошептал Джейрен, осторожно кладя ключи ему на колено.

Тут ему в голову пришла замечательная идея. Он аккуратно расстегнул застежки на плащах воинов, снял их и протянул один Атайе.

— Думаю, это нам пригодится, — сказал Джейрен, поеживаясь от холода, и снова взял ее за руку.

Бесшумно закрыв за собой дверь, они вышли на улицу, и Атайя повела Джейрена по направлению к зданию казармы у главных ворот замка. Рядом с ним возвышалась угрожающего вида башня.

Сейчас, когда никто не смог бы их увидеть, беглецам не о чем было беспокоиться, и они шли прямо по центральному двору.

Атайя не раз мысленно поблагодарила Джейрена за плащ. Ночь была темная и очень холодная. Осенний ветер шуршал под ногами сухой листвой. Гвардейцы короля уже разошлись по казармам. Лишь парочка солдат лениво прошлась метрах в десяти от них и исчезла за углом.

— Когда выберемся отсюда, мы должны раздобыть лошадей и провизию, — прошептала Джейрену Атайя. — Только как это все достать, я понятия не имею. На все нужны деньги.

Принцесса провела рукой по висящему на шее медальону, сжала его в ладошке и вытащила из-под воротника. Эта драгоценность — единственная вещь, которую они могли бы продать...

— Можем продать вот это, — печальным голосом произнесла Атайя.

Джейрен положил ей руку на плечо.

— Давай подумаем об этом тогда, когда наступит подходящий момент. Вдруг у Тайлера найдется что-нибудь.

Атайя кивнула, надеясь на то, что Джейрен окажется прав. Подарок Фельджина был самой дорогой для нее вещью. Тут

до нее дошло, что здесь, в Кайте, они не смогут продать медальон. Ведь он создан при помощи магии, причем внутри него изображение бывшего капитана королевской гвардии, а ныне государственного преступника!

Атайя улыбнулась, нежно провела пальцами по верхней створке медальона и открыла ее.

В эту секунду кровь в ее жилах заледенела.

— В чем дело? — спросил Джейрен, сжав руку принцессы. — Почему ты остановилась?

Атайя, окаменев от страха, едва различимо произнесла:

— Он исчез, Джейрен. — Ее голос сорвался. — Образ Тайлера...

Она медленно подняла голову. Ветер гнал тучи на восток, лунный свет, проглядывая из-за них, периодически окутывал двор серебристым сиянием. Сначала верхушку башни было трудно разглядеть, но через минуту, когда большое облако сместилось дальше, она озарилось светом луны. Там, наверху, на металлическом штыре белело пятно. Атайя увидела глаза, застывшие в немом укоре, навеки остановившиеся...

— *ТАЙЛЕР!*

Все внутри оборвалось, земля закачалась и как будто вот-вот должна была перевернуться. В глазах почернело.

Джейрен зажал рот принцессы ладонью и отвернул ее голову в сторону.

— *О Боже, О Боже, О Боже...* — стонала Атайя, оседая к ногам Джейрена.

Воздуха не хватало, голова кружилась, тело отяжелело, а сознание затуманилось. Принцесса закрыла лицо руками и стала раскачиваться взад и вперед, стоя на коленях. Мелкие камни впивались в кожу, но ничего не имело для нее значения. Казалось, кто-то беспощадно отрезал половину от ее собственного сердца.

Встревоженный голос Джейрена заставил ее вернуться в реальность.

— Атайя, твой покров... Его нет...

Он крепко взял принцессу за руку, поднял на ноги и повел к основанию башни. Они нырнули в расположенную рядом заброшенную кузницу.

Здесь сильно пахло паленой древесиной, под ногами валялись обломки металлических прутьев. Атайя глухо рыдала, повалившись на земляной пол. Джейрен услышал шаги воинов наверху. Наверное, их переполошил крик Атайи.

— Мне жаль, Атайя. Очень жаль... — пытался утешить ее Джейрен, нежно поглаживая по волосам.

— Приговор уже был приведен в исполнение, ты представляешь? Я отдала Родри свою магию просто так...

Джейрен позволил ей поплакать еще немного. Вскоре с улицы донеслись встревоженные голоса. Гвардейцы короля уже начали осматривать окрестности.

Взяв Атайю за плечи, Джейрен вытер слезы с ее лица.

— Атайя, я понимаю, что тебе это покажется жестокостью, но я вынужден сказать тебе: на страдания у нас нет времени. Нам дорога каждая секунда. Ты должна помочь нам выбраться отсюда.

— Мне уже нет ни до чего никакого дела, — простонала Атайя. — Теперь мне абсолютно все равно, что со мной будет...

— Мы преодолели столько испытаний, а теперь сдадимся?

— Почему бы и нет?

Она вновь рухнула на землю.

— Для чего все это? Все наши попытки сбежать... Какой в этом смысл?

— Уберечь твой талант, Атайя. Вот в чем смысл. Я говорил тебе об этом сотню раз.

Джейрен взял принцессу за плечи, серьезно и грустно посмотрел ей в глаза.

— Ты обязана спасти себя. Подумай хотя бы о других людях, если не хочешь думать о себе. Или обо мне... Я столько раз рисковал собственной жизнью, чтобы уберечь тебя, чтобы привезти тебя обратно в Рэйку. И сейчас я не собираюсь отступать. Так и знай.

— Но...

— Необходимо прекратить человеческие страдания. Лорнгельды должны иметь право на обучение... право на жизнь.

Голос Джейрена становился все более настойчивым.

— Ты должна взять себя в руки. Нам надо бежать.

Атайя с силой оттолкнула его.

— Не разговаривай со мной так. Мне осточертели благородные речи!..

— Если ты махнешь сейчас на себя рукой, то знай: ты махнешь рукой на сотни человек. Только подумай: Тайлер умер за наше дело. Ты не хочешь сохранить память о нем? Не хочешь довести начатое вместе с ним до конца?

Атайя бросила на него сердитый взгляд.

— Тайлер не хотел бы, чтобы ты сдавалась.

Эти слова подействовали на принцессу. Ее любимый всегда готов был пожертвовать жизнью ради того, во что верил.

— Твой отец тоже умер, борясь за лорнгельдов. Он стремился доказать всем, что магия не является злом, он верил в колдовство. Просто ему не представилась возможность добиться своего. А у тебя, Атайя, такая возможность есть.

Принцесса хотела кричать о том, что больше не выдержит страданий, что готова добровольно сдаться стражникам и положить голову на плаху, лишь бы все поскорее закончилось. Она хотела крикнуть... но не могла. Что-то, идущее из самого сердца, подсказывало ей, что Джейрен прав.

Успокоившись немного, Атайя подумала о Тайлере и об отце. Действительно, ни один, ни другой не одобрили бы ее решения отступить от намеченной цели. Она должна помочь лорнгельдам научиться использовать свой дивный дар. Должна.

Атайя подняла голову и взглянула на Джейрена спокойно и решительно.

— Хорошо. Пойдем.

Вздохнув с облегчением, Джейрен обнял ее. Атайя поняла по его нежному прикосновению, что он безмерно ей благодарен.

— Нам надо пробраться к главному выходу как можно быстрее, пока никто не знает о нашем исчезновении.

Атайя хотела было что-то ответить, но не успела и рта раскрыть, как послышался пронзительный звук горна — сигнал тревоги. Через пару мгновений по каменным ступеням казарм застучали солдатские сапоги.

Атайя и Джейрен обменялись исполненными страха взглядами.

— Родри, — дрожащими губами прошептала Атайя. — Они обнаружили его.

Глава 23

Не теряя ни секунды, принцесса вызвала покров, и беглецы, скрывшись от посторонних глаз, осторожно направились к двери.

Двор уже был переполнен королевскими гвардейцами. Атайя и Джейрен могли отчетливо слышать их возбужденные голоса и отрывистые команды лейтенантов.

— У многих из солдат есть зеркала, — прошептала Атайя и немного отошла от дверного проема, прячась в тени. — Они ищут нас...

Джейрен встревожился.

— Как же мы сможем...

— Тс-с! — прервала его Атайя. — Ты слышишь?

Кто-то приближался к кузнице, ступая медленно и осторожно по мелкому гравию. Когда человек был уже совсем рядом с дверью, он еще больше замедлил шаг. Атайя крепко сжала руку Джейрена.

— *Кто-то идет,* — мысленно сказала она ему, хотя не знала, сможет ли он уловить сигнал, ведь силы молодого колдуна слишком ослабли. — *Не двигайся. Постарайся вообще не дышать.*

В проеме двери появилась фигура человека. На его поясе висел кинжал. В руке он держал небольшое зеркальце с резной ручкой, почему-то очень знакомое Атайе.

Зеркало Сесил!

Дарэк...

Атайя знала, что малейший шорох привлечет к себе внимание, и братец найдет ее. У нее похолодели руки, сердце готово было выскочить из груди. Внезапно она увидела, как зеркало блеснуло. Через мгновение человек уже рванулся в сторону Атайи и схватил ее за руку.

— Прочь от нее!..

Джейрен подскочил сзади и ударил вошедшего по спине.

От неожиданности человек пошатнулся и упал на землю, уронив зеркало. Оно со звоном разбилось, блестящие осколки засияли на черной земле подобно бриллиантам на бархате. Джейрен выхватил кинжал из-за пояса у противника и приложил отточенное лезвие к его горлу.

— Останови своего друга, пожалуйста, — взмолился человек. Он не пытался оказать какого-либо сопротивления. — Ради Бога! Атайя, это же я!..

Атайя вздохнула с облегчением.

— Николас! — вскрикнула она. — Джейрен, отпусти его!

Джейрен смущенно отстранился, извинился перед принцем и вернул ему кинжал. Николас взял оружие осторожно, словно боялся, что оно может обжечь ему руку.

— Атайя?.. — Николас растерянно оглядывался по сторонам. — Где ты?

— Я совсем рядом с тобой.

Он нервно сглотнул.

— Ты... не могла бы появиться? Я слышу твой голос, но чувствую себя как-то неловко, потому что не вижу, где ты находишься.

— Хорошо. Но если кто-нибудь здесь появится, не удивляйся, что я опять исчезну.

Принцесса вышла из-под покрова, и Николас удивленно осмотрел ее с ног до головы.

— Кстати, как ты нас нашел?

— Тем же самым способом, при помощи которого все пытаются это сделать, — ответил Николас и посмотрел на валявшиеся у ног осколки зеркала. Хотя ночь была холодной, на его лбу проступили капельки пота. Он вытер их тыльной стороной ладони. — Я места себе не находил, все пытался придумать какой-нибудь способ, чтобы вытащить тебя из темницы, особенно после того, как услышал, что Родри собирается осуществить какой-то опасный ритуал. Он сказал Дарэку, что таким образом можно лишить тебя способности к магии. Я решил освободить тебя сегодня ночью, чего бы мне это ни стоило. Даже если бы пришлось убить охранников. — Николас криво улыбнулся. — Представляешь, как велико было мое удивление, когда я увидел их мирно посапывающими, как два младенца.

— Есть такое хорошее заклинание...

— Плохо, что ты не можешь обучить меня ему, — заметил Николас. — Я подумал, что Родри не стал бы проделывать такие штучки с охраной, и догадался, что вы нашли способ сбежать. Сигналов тревоги я не слышал и понял: о вашем исчезновении еще никому не известно. Все решетки на выходах опущены. Я решил, что вы прячетесь где-нибудь. Когда раздался крик, я находился на другом конце внутреннего двора.

— Родри мертв, — сообщила Атайя. — Ритуал не удался. Наверное, он чего-то не предусмотрел.

Николас удивился, но ничуть не расстроился.

— Это даже хорошо. Мне уже нравится сознавать, что моя сестра — колдунья, — улыбнулся он.

— Хотя бы один из моих братьев рад этому, — печально сказала Атайя. Ее лицо вдруг помрачнело. — Тебе опасно здесь находиться, Николас. Если Дарэк узнает...

— Черт с ним, Дарэком! — выпалил Николас, его глаза засветились яростью. — Мне все равно, узнает он или нет. После того, что этот мерзавец сделал с Тайлером...

По выражению лица Атайи Николас понял, что ей обо всем уже известно. Положив ей руку на плечи, он прижал ее к себе.

— Мне очень жаль, Атайя, что тебе пришлось узнать об этом подобным образом. Я хотел подготовить тебя, предупредить, но мне не позволили разговаривать с тобой...

Атайя кивнула. Плакать нельзя, твердила она себе. Нужно держать себя в руках. По крайней мере до тех пор, пока они с Джейреном не окажутся в безопасности.

— Как это произошло? — спокойно спросила она. — Я хочу знать.

Николас отвел взгляд. На протяжении нескольких лет они с Тайлером были близкими друзьями. Ему тоже невероятно тяжело было смириться с потерей товарища.

— Его вывели на рассвете. Все случилось очень быстро. Он не страдал.

Джейрен издал горловой звук.

— А ведь я все слышал... Слышал, как за ним пришли. Если бы я мог знать...

— Ты ничем не помог бы ему, — попыталась утешить его Атайя. — Никто из нас не помог бы...

— Послушай меня внимательно, Атайя, — сказал Николас, взяв девушку ее за руку. — Некоторые из людей Тайлера возмущены поведением Дарэка. Кое-кто подумывает уйти со службы. Я разузнал, кто эти люди, и договорился с ними о вашем побеге. Они помогут вам выйти отсюда, помогут с лодкой, чтобы вы имели возможность... — он сделал небольшую паузу, — уплыть, куда хотите...

Атайя прижалась к его груди, душу переполняло чувство бесконечной благодарности.

— Спасибо тебе, Николас.

— Пойдемте...

Атайя взяла Джейрена за руку, и они вновь скрылись под невидимым покровом. Николас вышел во двор, с интересом прислушиваясь к еле слышным звукам шагов рядом с ним.

Время от времени он с любопытством поглядывал в сторону, как будто не верил, что рядом с ним кто-то есть, и каждый раз его губы расплывались в довольной улыбке.

С северной стороны замка располагались самые невысокие башни. Сюда и повел Николас Атайю и Джейрена.

Рядом с железными воротами была установлена дубовая дверь. Приблизившись к ней, Николас незаметно подал сигнал двум воинам, и один из них сразу открыл замок.

— Спасибо, Пауль, — прошептал Николас. — Жди меня здесь. Я вернусь буквально через минуту.

Он придержал дверь, позволяя беглецам выйти. Стражник смотрел на землю в изумлении, прислушиваясь к шагам двух пар невидимых ног. Наверняка его предупредили, что дело, в которое его вовлекают, связано с магией. Но он скорее всего настраивался что-то *увидеть*.

— Да пребудет с вами Господь, ваше высочество, — тихо произнес стражник, с недоверием вглядываясь в пустоту.

— Спасибо, — ответила Атайя.

Солдат подпрыгнул от неожиданности, но потом разулыбался и отвесил почтительный поклон в ту сторону, откуда раздался голос принцессы.

Николас повел их дальше — вниз по крутым, вырезанным в пологой скале ступеням.

Ветер с моря трепал волосы Атайи и вздымал длинные полы плаща. Ей пришлось прижимать его к телу свободной рукой, чтобы не было слишком холодно.

На берегу их уже ждала небольшая лодка. В ней сидели два гребца.

— Кейл и Роберт доставят вас в Фекхам, — сказал Николас, указывая рукой на людей в лодке. — А дальше будете действовать самостоятельно.

Он положил в ладонь Атайе увесистый кошель.

— Это вам поможет.

— Ники, ты не должен был...

— Не беспокойся, пожалуйста, твой побег организуется *не за мой счет*. Это раздобыла Сесил.

— Как взбесится Дарэк, когда обо всем узнает...

Глаза Николаса вспыхнули. Он подобрал с земли приличного размера камень и с силой зашвырнул его в море.

— Негодяй! Я его когда-нибудь...

— Не нужно, Ники, — сказала Атайя и сама удивилась своей доброте. Почему-то по отношению к Дарэку она испытывала сострадание и жалость, но не ненависть. — Он не ведает, что творит.

Последовала непродолжительная пауза. Атайя подошла к Николасу и, пытаясь сдержать слезы, обняла его так крепко, как только могла.

— Я буду ужасно скучать по тебе.

— Пока, сестренка, — ответил принц.

Улыбка вдруг исчезла с его губ, а в глазах появился вопрос.

— Очень надеюсь, что мы еще встретимся...

Атайя медленно повернула голову в ту сторону, где на вершине мрачной башни белела голова Тайлера.

— Конечно, встретимся, — твердо ответила она. — Я еще не сделала того, что обязана сделать для Кайта. Даже не начинала.

Ты будешь гордиться мною, отец. Я продолжу твое дело. Клянусь тебе.

— Позаботься о ней, пожалуйста, — обратился к Джейрену Николас и по-дружески похлопал его по плечу.

Атайя и Джейрен забрались в лодку и укутались плащами. Николас в последний раз помахал им рукой, и гребцы взмахнули веслами.

Не обращая внимания на холод, Атайя опустила в воду руку, сполоснула лицо, смывая засохшую кровь Родри.

— Прощай, Тайлер, — прошептала она и еще раз оглянулась назад.

За великий дар расплачиваются дорогой ценой. Так говорил Хедрик.

Я расплатилась. Невероятной ценой.

Атайя не знала, как и когда это случится, но она обязательно вернется сюда. Она докажет неверящим, что магию не нужно презирать и уничтожать. Она — дар Божий. Это чудо, подаренное Господом избранным.

Я нужна людям. Я должна выполнить перед ними свои обязательства.

С каждой минутой берег становился все более расплывчатым и неясным, и вскоре черные башни замка Делфар слились с темнотой.

Атайя Трелэйн покидала Кайт, и в нем теперь не оставалось ни одного колдуна.

Это ненадолго, — уверенно подумала принцесса. — *Ненадолго...*

Посланники магии

Глава 1

— Богохульство! — негодующе пробормотал архиепископ.

На мясистой физиономии отразились возмущение и гнев. Отложив в сторону куриную ножку, продолжая жевать, он перевернул страницу старинной книги, оставив жирное, величиной с монету пятно на пожелтевшем от времени пергаменте.

— Горделивая, бахвальская ересь — вот что это такое.

— Итак, я понял вас, — проворчал в ответ сидевший напротив мужчина.

Беспрестанная болтовня прелата то и дело прерывала ход его собственных мыслей. Дарэк Трелэйн, король Рэйки, лорд острова Саре, покрутил головой, разминая затекшие мышцы шеи, и поудобнее уселся на стуле с жесткой спинкой. Вообще-то он терпеть не мог книжные наставления, а находиться в тесной, душной палате, где пахло выделанной кожей и чернилами, становилось практически невыносимым. Даже шум пылающего в камине огня не способен был скрасить уныние леденяще-холодного январского вечера.

Однако сегодняшнее занятие представляло собой не обычный скучный урок, сегодня Дарэк планировал извлечь из него нечто крайне важное. Поэтому-то он готов был терпеть не только духоту и неудобный стул, но и занудные речи своего архиепископа. Поуютнее закутавшись в черную мантию, король отхлебнул из кубка подогретого вина с пряностями и

на мгновение закрыл глаза, с наслаждением ощущая разливавшееся по телу тепло корицы. Затем отвернулся, давая понять пастору, что не желает больше слушать его.

Но архиепископ не собирался так быстро сдаваться. Не прошло и минуты, как он раздраженно фыркнул и прищелкнул языком.

— Вы только послушайте! «Господь наделяет даром колдовства лишь избранных, тех, кому предназначено дарить добро окружающим, чье призвание — изменить, улучшить наш мир». Просто глазам своим не верю. Какая чушь! И каким таким образом, осмелюсь спросить, человек, отравляющий жизнь окружающих безумием и разрушениями, может улучшить мир? Смешно. Нелепо.

— Я не просил тебя комментировать и критиковать то, что там написано, просто прочти.

В голосе короля прозвучало предостережение, однако архиепископ сделал вид, что ничего не заметил, и захлопнул книгу с такой силой, что в воздух взмыло облако пыли.

— В этих учебниках магии не найдешь ничего, кроме зла и черни.

— Они пригодятся нам в будущем, Даниэль. И запомни: впредь я больше не намерен выслушивать твое ворчание и критику по этому поводу.

Король окинул архиепископа злобным взглядом, потер уставшие глаза, закрыл свою книгу и отложил ее в сторону, понимая, что дочитать очерк до конца сможет лишь тогда, когда останется один.

— Но ведь *колдовство*... — пробормотал Вэнтан, с отвращением и страхом передернулся и окинул палату боязливым взглядом, словно опасаясь увидеть призрак.

Хотя единственное, что здесь можно было увидеть, так это толстый слой пыли, скопившейся за три месяца на полу и полках. За все это время практически никто не решался заходить сюда. Люди боялись, что человек, некогда обитавший здесь, все еще способен причинить им вред. Лишь король не верил в привидения и спокойно подолгу просиживал тут, ко-

ротая длинные зимние вечера за прочтением многочисленных старинных книг и рукописей, пытаясь постичь таинства магии и узнать больше о тех, кто применяет ее проклятые силы.

О проделанной им здесь работе можно было судить по окружающей обстановке. Повсюду царил страшный беспорядок. Если бы прежний обитатель комнат — ныне покойный колдун Родри — увидел это, то пришел бы в ужас. На полках одна на другой лежали раскрытые книги, вокруг письменного стола, за которым сидели сейчас Дарэк и Вэнтан, валялись развернутые листы пергамента, исписанные причудливыми знаками. Заляпанные окна, казалось, никогда уже не отмыть от сажи и грязи. С потолка, подобно тонкому кружеву, свисала паутина. Но Дарэк терпеливо относился к временным трудностям, твердо зная, что по окончании изучения имевшихся здесь материалов он навсегда закроет эти комнаты и предаст забвению их историю, забудет об их существовании.

Заметив, что Вэнтан набирает в легкие воздух, собираясь начать очередную речь, король жестом остановил его.

— Ты сам знаешь, Даниэль, что я отношусь к магии с той же неприязнью, что и ты. Но для того чтобы изучить искусство ведения боя, не нужно дожидаться момента, когда на тебя нападут. Так и нам, я полагаю, стоит узнать о колдовстве как можно больше, чтобы быть во всеоружии в случае возможной атаки.

Дарэк встал со стула и потянулся — послышался хруст суставов, напоминающий треск сухих веток под ногами.

— Никогда не думал, что Родри увлекался науками. У него столько книг, что можно создать из них целую библиотеку. Я уже нашел кое-что о корбаловом кристалле, том самом, что был у тебя, а также прочитал несколько страниц о так называемой визуальной сфере. Но в некоторых записях Родри, — Дарэк нахмурил брови и покачал головой, — все выглядит так, как будто колдун осуществлял какой-то эксперимент. У меня есть подозрения, что он вовлек в это отца. Увы, заметки Родри очень запутанные — мало того что почерк трудно разобрать, еще и смысл уловить невозможно.

— Все колдуны сумасшедшие, ваше величество, — твердо заявил архиепископ. — А в случае Родри, по всей вероятности, дела обстояли еще хуже. — Он взял с серебряного подноса в центре стола недоеденную куриную ножку, жадно откусил и принялся сердито жевать. — Кельвину стоило сразу же избавиться от этого колдуна и ни в коем случае не позволять ему на протяжении двадцати лет оставаться при дворе и безнаказанно творить зло. Вы ведь помните: ваш отец чуть было не отменил обряд отпущения грехов! А все потому, что ему передали магические способности. Колдовство совратило Кельвина, и в этом нет ничего удивительного. — Архиепископ звучно проглотил прожеванный кусок. — Чего же добился ваш отец? Чем все закончилось?

Дарэк помрачнел и задумался, вспоминая о многочисленных разговорах с отцом. Сколько раз он тщетно пытался заставить Кельвина взглянуть на вещи трезво! Дарэк всегда испытывал глубокое уважение по отношению к родителю, даже несмотря на то что так и не смог полюбить его. И как мог один из лучших королей в истории государства допустить столь непоправимую ошибку? На протяжении всей жизни Кельвин постоянно проявлял себя как проницательный тактик и отличный военный стратег. Перед его способностями преклоняли головы даже бунтующие повстанцы времен гражданской войны. Им пришлось подчиниться воле короля ради установления столь долгожданного мира в Кайте. Теперь-то было понятно, что прекратить войну Кельвин смог бы и своими усилиями, не ввязываясь в колдовские переделки.

При одной мысли о магии Дарэк почувствовал, как по спине побежали мурашки. Вэнтан прав: волшебные заклинания отца, которым его обучили после передачи дара, не привели ни к чему хорошему. Он был просто одержим идеей помочь колдунам, улучшить их жизнь. *Эти проклятые, сумасшедшие колдунишки!* Главной своей задачей Кельвин считал отмену священного обряда отпущения грехов — безумное, нелепое желание! В его планы также входило добиться легализации обучения лорнгельдов их чертовой магии. Он прак-

тически не принимал во внимание бесконечные просьбы старшего сына и Курии отказаться от своей ужасной задумки. А ведь они постоянно напоминали ему о том, что все волшебники — дети дьявола, что к спасению у них есть один-единственный путь — отказаться от магических способностей и добровольно отдать душу Господу. Отказ Кельвина признать этот факт привел к настоящей катастрофе. Он был жестоко убит, убит колдуньей, представительницей того самого рода, которому так мечтал помочь.

Был убит не просто колдуньей, а собственной единственной дочерью Атайей.

Приглушенный стон прервал мысли Дарэка: Вэнтан, зевая, поднялся с места и направился, тяжело ступая по мягкому ковру, к камину. Подол его черной рясы, обтягивая толстый живот, поднимался сантиметров на пять от пола, являя взору мясистые ступни в дорогих бархатных тапочках, вышитых золотистой нитью. Он встал спиной к огню, чтобы погреться. Яркое пламя осветило его рукава: по краям они были испачканы жиром. Вероятно, архиепископ тайком вытер ими губы.

— Уже поздно, ваше величество, — со вздохом пробормотал Вэнтан. — Вам пора отдыхать.

— Благодарю за заботу, — ответил король снисходительным тоном, прекрасно понимая, что прелат просто-напросто ищет повод улизнуть. — Я хочу дочитать начатый очерк. Только потом пойду спать. А ты тем временем мог бы просмотреть вон те документы. — Дарэк кивнул в сторону внушительных размеров стопки каких-то бумаг, перевязанных лентой пурпурного цвета. — Чернила достаточно свежие. Скорее всего это написано не так давно.

Вэнтан опять глубоко вздохнул, взял с полки связку и нехотя принялся перебирать исписанные листы, дотрагиваясь до них самыми кончиками пальцев, словно боясь подцепить какую-нибудь заразу.

Дарэк склонился над книгой, но вскоре с раздражением обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться. С каждой минутой дрова в камине, казалось, трещали все громче и

громче, он слышал, как каждая отдельная градинка ударяет по оконному стеклу. Даже шелест переворачиваемых им же книжных страниц отвлекал внимание. Пришлось принять решение идти спать, хотя ему очень не хотелось так поступать, ведь именно этого ждал от него Вэнтан.

Вдруг Дарэка осенило: в помещении, где находится архиепископ, невозможно сосредоточиться.

Король с любопытством поднял голову, почти уверенный в том, что Вэнтан дремлет. Хотя в этом случае был бы слышен если не храп, то по крайней мере посапывание...

Прелат и не думал спать. Он сидел, уставившись в записи, сильно нахмурив кустистые седые брови. По выражению его лица можно было подумать, что архиепископу подсунули публичное извещение о его собственной смерти. Что могло так подействовать на него?

— Что ты там нашел? Что-нибудь интересное?

Вэнтан вздрогнул от неожиданности, поспешно отложил в сторону пергамент, постарался изобразить на лице спокойствие и умиротворенно кашлянул.

— Не думаю, что вас это заинтересует.

— Я сам решу... Кто там еще?

Дарэк резко обернулся, услышав негромкий стук в дверь.

На пороге палаты колдуна появился стражник. Он боязливо шагнул внутрь, нервно оглядываясь по сторонам.

— Прошу прощения...

— Кажется, я приказал не беспокоить меня.

— Да, ваше величество, — пролепетал охранник и почтительно отвесил королю поклон. — Но я разговаривал с лордом Джессингером, и он велел доложить вам кое о чем, так как думает, что...

— Мозель Джессингер способен думать? — вмешался Вэнтан, округляя глаза. — Господь сотворил еще одно чудо.

— ...думает, что вы захотите узнать эту весть сразу же, — закончил свою мысль стражник, старательно пытаясь сдержать улыбку. Язвительное замечание архиепископа никого не оставило бы равнодушным. — Капитан Парр только что вернулся с границы со своим эскадроном.

Глаза короля оживленно засветились. Он резко выпрямился, приводя в движение затекшие мышцы, и моргнул, почувствовав внезапную боль.

— На этот раз Джессингер прав. Я сейчас же приму капитана. Приведите его.

Стражник скрылся за дверью и тут же вернулся в сопровождении молодого человека с выразительным лицом, в кроваво-красной форме королевской гвардии. На груди у него красовался единственный знак отличия, означавший, что его владелец является личным капитаном королевского военного корпуса. Это звание он носил на протяжении трех месяцев. Подобно глазастой сове, не дремлющей в самую глубокую ночь, капитан Парр смотрел на короля, не моргая.

Дарэк поднялся на ноги.

— Вы хотите доложить мне о чем-то, верно?

— Мы доехали до Бейсдона, ваше величество, — начал капитан решительным тоном, не тратя время на бессмысленные многословные преамбулы, столь любимые архиепископом Вэнтаном. — Это небольшой рыбацкий поселок. От него до приграничной стены — день езды. Они купили лошадей в Фекхаме и отправились на север по прибрежной дороге. Один из докеров сообщил нам, что примерно в конце ноября мужчина и женщина, подходящие под описание, отплыли на торговом судне из Сариана. — Капитан выдержал паузу, вероятно, желая подчеркнуть значимость заключительной фразы. — Корабль должен был через несколько дней прибыть в Торвик.

— Торвик, — угрюмо пробормотал Дарэк. — Наиболее близкий от Ат Луана портовый город Рэйки.

Архиепископ Вэнтан сцепил свои короткие, толстые, похожие на сосиски пальцы в замок и уложил руки на живот.

— Судя по всему, ваша сестра нашла убежище при дворе Осфонина.

— Я в этом даже не сомневаюсь. Король Рэйки — полный идиот, если согласился оставить ее. Думаю, когда он получит мое послание, пересмотрит свое решение, — произнес Дарэк, злобно поблескивая глазами.

— Я согласен с вами, — поддакнул Вэнтан. — Сомневаюсь, что безопасность Атайи для Осфонина важнее, чем спокойствие в собственном государстве.

Капитан Парр откашлялся, напоминая таким образом о своем присутствии.

— Если позволите, ваше величество, я продолжу. С ними, возможно, был еще кое-кто. Из того, что мне удалось выяснить, прихожу к выводу: этот человек один из тех двоих, которые исчезли в день бегства принцессы.

— Один из любимчиков Грайлена, — заметил Дарэк и нахмурил брови, вспоминая о предшественнике Парра.

Тайлер Грайлен, человек, некогда являвшийся любовником Атайи, был казнен. Его голова на протяжении месяца устрашающе взирала мертвыми очами с вершины дворцовой башни. Затем ее сняли и погребли вместе с телом. На могиле даже не поставили каких-либо опознавательных знаков. Грайлена преданно любили подчиненные. Отрицать этот факт — даже сейчас — было бы просто глупо. Неудивительно, что один из его людей решил после казни своего командира последовать за Атайей в знак нескончаемой верности.

Дарэк кивнул гвардейцу с совиными глазами, давая понять, что тот свободен.

— Спасибо, капитан. Вы отлично поработали. Утром я пришлю за вами, чтобы дать последующие распоряжения.

Парр откланялся и отправился спать, а Дарэк принялся разыскивать среди вещей Родри чистый пергамент, перо и чернила. Найдя все необходимое, он уселся за стол, обмакнул тонкий белый ствол пера в чернильницу и вывел несколько слов своим полудетским почерком. Как сложно писать подобное послание, как тщательно нужно продумать каждую фразу. Дарэк понимал, что за сегодняшний вечер ему не управиться с письмом королю Рэйки, над текстом которого он размышлял на протяжении долгого времени. Но можно хотя бы начать.

Прошло больше трех месяцев с тех пор, как его сестра в компании рэйкского друга, Джейрена Маклауда, сбежала из Кайта. Прошло больше трех месяцев с тех пор, как она убила их отца своей магией и помогла таким образом старшему

брату быстрее, чем предполагалось, взойти на трон. На то, чтобы выйти на ее след, ушло гораздо больше времени, чем рассчитывал Дарэк. Его лучшие гвардейцы разыскивали беглянку повсюду, заглядывая в каждый уголок, не пропуская ни клочка земли и постоянно молясь о защите от колдовских сил. От страшных колдовских сил. Сам Родри, последний колдун, живший при королевском дворе, стал жертвой какого-то магического заклинания. Все, что осталось от бедняги, — кучка изуродованной плоти. Вспоминая о Родри, Дарэк злорадно ухмыльнулся: его гибель нельзя назвать крупной потерей для королевского двора.

— Ей придется предстать перед судом, — произнес Вэнтан, выгибая толстую шею, чтобы получше разглядеть из-за плеча Дарэка, что написано в письме. — Даже если суд — лишь формальность.

— Не беспокойся, мой друг, — ответил король зловеще-спокойным тоном, поднял руку, и с пера на стол упали три большие чернильные капли, напоминая почему-то капли потемневшей крови. — Она ответит за свои злодеяния. А если я доберусь до того негодяя из Рэйки, который научил ее этим гнусным вещам, который вбил ей в голову красивую сказку о лорнгельдах, то клянусь, я...

Дарэк внезапно замолчал, багровея от жгучей ярости, сдерживая крутившееся на языке ругательство, и швырнул в сторону перо. Оно упало на край стола, по полированной столешнице из вишневого дерева расплылось уродливое пятно.

— Они оба сумасшедшие, ваше величество, — отметил архиепископ и с притворным сожалением покачал головой. — Несомненно, их надо как следует наказать, но любая кара, какую бы вы ни придумали для них, не сравнится с той, которую уготовил им Господь. За использование сил дьявола они будут гореть в самом страшном огне ада. Несмотря на то что в жилах вашей сестры течет королевская кровь, боюсь, теперь даже церковь не в силах ей помочь.

— Думаю, Атайя нисколько не возражала бы, если бы узнала, что вы отлучили ее от церкви, — сказал Дарэк, не глядя на архиепископа, и печально усмехнулся. — Насколько я знаю

свою сестру, она даже обрадовалась бы этому обстоятельству и восприняла бы подобное заявление как комплимент.

Вэнтан открыл рот и несколько секунд молчал. Даже представить себе подобную ситуацию казалось невозможным.

— Да-да. Вдовствующая королева говорила о том же самом. — Он выдержал паузу. — Кстати, Дагара желает знать, что рассказал вам капитан.

— Само собой разумеется, — пробормотал Дарэк и задумался.

Он мог предвидеть реакцию мачехи: отпустит по этому поводу что-нибудь злобное и язвительное. Труднее предугадать, как к этому отнесется младший брат. В последнее время Николас стал замкнутым и неразговорчивым, практически не появлялся на публичных мероприятиях, еду чаще всего уносил в свои покои, запирался там и часами просиживал в одиночестве. Но по сравнению с тем, что с ним происходило в первые после казни Тайлера недели, нынешнее стремление к уединению казалось просто благодатью. Дарэк и не подозревал, что человек, для которого самым интересным занятием в жизни были поцелуйчики с барышнями в затемненных коридорах замка, способен на столь решительное и бурное проявление протеста. Тем не менее гнев Николаса постепенно стихал, и Дарэк надеялся, что брат начинает понимать, какие причины заставили его прибегнуть к казни Тайлера. За все это время принц ни разу не упомянул имени Атайи, а когда кто-нибудь в его присутствии заговаривал про лорнгельдов, он мрачнел и погружался в раздумья.

Отшвырнув в сторону забрызганный чернилами пергамент, Дарэк встал из-за стола, подошел к окну и взглянул на простиравшийся перед ним Делфархам. Медленно падал снег, покрывая обледенелые после закончившейся недавно бури булыжные мостовые и шиферные крыши. В свете луны лед казался розово-синим. Крепость, окружавшая замок, выглядела спокойной, необычно спокойной даже для столь позднего часа. Если бы не проблема с Атайей, то Дарэк чувствовал бы себя сейчас совершенно умиротворенно.

Если все пойдет по плану, то скоро эта проблема будет успешно решена.

Архиепископ подобрал пергамент и прочел написанное.

— Королева станет возражать.

— Верно. Она, конечно, станет возражать, *если* узнает об этом послании и о том, что сообщил капитан. — Дарэк повернул голову и многозначительно взглянул на Вэнтана. — Не думаю, что кто-нибудь собирается поведать ей о полученных сведениях по дороге в Халсей.

— Вы правы, ваше величество, — ответил Вэнтан, глядя на короля широко раскрытыми глазами. — Тем более в таком положении она не должна беспокоиться понапрасну. Ее первая беременность прошла не очень благополучно, вторая обещает быть менее болезненной.

Дарэк нахмурился, между бровями залегли две глубокие складки. Мысль о Сесил очень беспокоила его. Главная проблема состояла не в том, что он вынужден отправить ее в Халсей, а в ее состоянии. Сесил, подобно Николасу, стала раздражительной и угрюмой, и беременность тут была ни при чем. Сесил тоже никак не могла смириться с мыслью, что ее милая Атайя оказалась обыкновенной преступницей, к тому же сумасшедшей. Теперь Дарэк часто ссорился с женой. Ей надо срочно уехать в Халсей. Южный климат должен благоприятно повлиять на нее и на их будущего ребенка. Хотя и сообщение о поездке Сесил восприняла в штыки.

Дарэк нервно повернулся к Вэнтану, выхватил у него пергамент и нетерпеливо зашагал к двери.

— Пойдем, Даниэль. Я хочу написать сегодня хотя бы первую часть письма. В этой комнате становится все холоднее и холоднее.

Сознавая, что отправиться в постель удастся еще не скоро, архиепископ покорно задул свечу на письменном столе, раздраженно отмахиваясь от прозрачных струек дыма, устремившихся вверх, еще раз откусил кусочек от недоеденной куриной ножки и поспешно поправил стопку документов, которые просматривал.

— Даниэль?

Голос короля отозвался звучным эхом в пустынном коридоре с каменными стенами.

— Иду, иду, ваше величество, — ответил архиепископ, обвязывая бумаги пурпурной ленточкой.

Однако к выходу он направился не сразу. Взглянув на дверь и убедившись, что Дарэк вышел, Вэнтан вытащил из стопки тот самый документ, который показался ему столь интересным, смял его и хотел было бросить в догоравший огонь, но в последнее мгновение передумал. А вдруг под воздействием пламени колдовская рукопись способна сотворить что-нибудь ужасное? С опаской оглянувшись по сторонам, Вэнтан расправил пергамент, сложил его вдвое, засунул в одну из потрепанных книжек, запрятал эту книгу подальше на полку и поспешно вышел из комнаты.

Глава 2

— С дождем ты перебарщиваешь, Атайя, — заметил, качая головой, наблюдавший за сплошным потоком ледяных капель старый колдун. Градинки с шумом барабанили по унылой зимней лужайке. — Я ведь не просил тебя вызвать наводнение. И вот еще что: гром у тебя получается слишком глухим. Постарайся придать ему звучности, сделай его более насыщенным, более мощным, раскатистым. Пусть он будет похож на звук органа, пусть отзывается эхом. — Старик прищелкнул языком. — Тот, который ты создала в последний раз, походил на удар друг о друга жестяных котлов.

Пытаясь скрыть от учителя свое недовольство, Атайя закрыла глаза и повторила заклинание. На этот раз она постаралась произнести его более низким тоном и немного изменила очертания фигуры, которую необходимо было нарисовать руками в воздухе. В ответ на ее действия на небе сгустились темно-серые тучи. На горизонте блеснул желто-оранжевый

зигзаг молнии, словно отражение света лампы в только что повернутом к нему зеркале. А через несколько мгновений послышался удар грома. Теперь он, как и просил мастер Хедрик, звучал громко и правдоподобно, раскатываясь по окрестностям, по опоясывающим Ат Луан скалам гулким эхом, а затем, постепенно затихая, растворился в воздухе.

Атайя засунула руки под украшенный драгоценными камнями пояс на бедрах и улыбнулась.

— Ну вот! — гордым голосом заявила она, повернувшись к учителю. — Что вы думаете...

Ее слова беспардонно прервал еще один раскат грома, настолько мощный, что Атайя подпрыгнула на месте. В то же самое мгновение серые тучи прорвала вспышка молнии. Она ударила по дубу, стоявшему ярдах в двадцати от той башни, где находились сейчас Атайя и Хедрик.

— Будь осторожна в своих действиях! — выпалил Хедрик, но Атайя чувствовала, что резкость в его голосе появилась от испуга, а не от гнева. Старик высунул белую как лунь голову в окно и, нахмурившись, посмотрел туда, где еще пару минут назад стоял могучий дуб. Теперь дерево было расщеплено на две обугленные половины, а воздух наполнен дымом и запахом паленой древесины.

Хедрик вздохнул и погрозил Атайе пальцем.

— Неосторожность крайне опасна в подобных ситуациях.

— Да ведь я не хотела...

— Никогда не задирай нос, особенно если не знаешь, к чему это может привести.

— Но я не...

— Думаю, нам стоит сделать перерыв, — решительным тоном заявил учитель, подавая кайтской принцессе знак умолкнуть. — Тебе не помешает небольшой отдых. Завершай свое заклинание, и я приготовлю для нас чай.

Атайя смиренно опустила глаза, прекращая спорить, и принялась рассеивать грозовые тучи. Мрачное на протяжении вот уже нескольких дней небо засияло, тяжелые облака послушно двинулись на север. По прошествии четырех месяцев

обучения Атайя четко уяснила: с мастером Хедриком лучше не спорить. Однажды, когда она вышла из себя во время занятия шесть недель назад, старик заставил ее выучить наизусть полные имена и титулы всех высших представителей Совета мастеров с момента его основания. Он сделал это для того, чтобы привить девушке чувство уважения к старшим. Теперь Атайя в большинстве случаев умела сдерживать эмоции, хотя временами, когда нескончаемые команды Хедрика порядком надоедали, ее так и подмывало нагрубить ему, сказать, что наставник требует слишком многого, что она просто не в состоянии запомнить все, что ей велят, что уже нет сил практиковаться в применении иллюзорного заклинания либо читать учебники. Хотелось выкрикнуть что-нибудь резкое, напомнить ему, что перед ним принцесса из Кайта, что никто не имеет права обращаться с ней, как с безмозглым школяром. Но Хедрик, даже если его хотя бы в малейшей степени устрашало ее высокопоставленное положение, никогда этого не показывал. Ведь, равно как и сама Атайя, он прекрасно знал: как колдунья она стоит на гораздо более низкой ступени.

Хедрик обладал нескончаемым терпением и всегда поступал справедливо, но обучаться у него было отнюдь не легко. Поначалу он, естественно, относился к Атайе с пониманием и старался не загружать заданиями. После того, что произошло в Кайте, Атайя чувствовала себя отвратительно. В тот момент, когда она только начала привыкать к мысли о принадлежности к роду лорнгельдов, когда приняла свой талант, ей пришлось пережить страшную трагедию — смерть отца и Тайлера. Это привело к тому, что едва приобретенные навыки колдовства исчезли. Над ней нависла угроза возвращения в темную бездну безумства — безумства от *мекана*.

Несколько недель Атайя отдыхала и лишь потом вновь приступила к занятиям. Даже тогда Хедрик обращался с ней невероятно бережно и мягко. Теперь же, когда ее печаль потихоньку начала отступать, а боль хоть и не исчезла, но несколько притупилась, учитель становился все более и более настойчивым, требовательным и жестким и не скрывал разочарова-

ния, если ей что-то не удавалось. Порой, когда, по его мнению, она того заслуживала, он объяснял девушке, что с теми, в чьи силы особенно верит, ведет себя наиболее беспощадно.

Атайя улыбалась в ответ и думала:

Если это правда, то меня вы, должно быть, боготворите.

Хедрик направился к камину, края его темно-зеленой мантии мягко зашелестели по старым половицам. Прошептав какие-то слова, разжег огонь, поставил кипятиться воду, затем развязал перетянутый веревкой мешок в углу, извлек оттуда два пакетика селваллинского чая, положил их в небольшие чашечки и, когда чайник закипел, налил в них воды. Воздух наполнился приятным апельсиновым ароматом.

Атайя обхватила озябшими ладонями горячую чашку и уселась в обшарпанное деревянное кресло напротив Хедрика, искренне радуясь выдавшейся возможности передохнуть. Вот уже несколько часов они с учителем находились в заброшенной полуразваленной башне, тщательно занимаясь проверкой и тренировкой ее способностей применять погодные заклинания. В те времена, когда в Ат Луане еще не было замка Грендол, эта башня использовалась как обзорный пункт. Она располагалась на пустынной равнине к северо-западу от города и прекрасно подходила для проведения подобных занятий, ведь поблизости не было ни пашен, ни крупных поселений, за исключением крохотной деревушки. Проливные дожди, вызываемые время от времени учениками Хедрика, доставляли неудобства лишь ее нескольким жителям. Но старый учитель всегда заботился о том, чтобы после занятий на протяжении нескольких дней здесь светило солнце.

Теплый чай подействовал на Хедрика смягчающе: старик сложил руки на коленях и улыбнулся Атайе.

— По правде сказать, таких мощных грозовых заклинаний я не видывал за всю свою жизнь. В твоем возрасте даже я не способен был на подобное.

Атайя ничего не ответила. Редкие похвалы Хедрика всегда сопровождались отрезвляющей дозой критики. И этот случай не явился исключением. Вскоре улыбка исчезла с губ стари-

ка. Он затих и, прищурив взгляд, стал сосредоточенно рассматривать глиняную чайную чашку.

— Я знаю, ты нервничаешь в преддверии сегодняшнего вечера, Атайя, но с подобными чувствами должна справляться. Они мешают работе колдуна. А потенциальный враг никогда не будет ждать, пока ты успокоишься. Враг нападает внезапно. Научиться контролировать свои эмоции — одна из твоих основных задач.

— Не каждый день приходится представать перед самим Советом мастеров, — сказала Атайя, уставившись в чашку с чаем. — Не могу поверить, что вы так обошлись со мной — сообщили столь важную новость только сегодня утром!

— Что? Ты вообще потеряла бы способность концентрироваться, скажи я тебе об этом за несколько дней. Вспомни, что случилось по твоей милости с бедным деревом! Скорее я вообще не должен был ничего говорить тебе.

Плечи Атайи беспомощно опустились. Даже строгость и жесткость Хедрика во время занятий казались пустяками по сравнению с перспективой провести вечер под пристальным рассмотрением представителей Совета мастеров. Это собрание могущественных колдунов всегда представлялось девушке чем-то нереальным, неким мифом — о чем болтали многие, но чего практически никто не видел. Таким же она рисовала в своем воображении Господа Бога или Царствие небесное.

Она знала лишь одного члена Совета — Хедрика. Об остальных же можно было судить лишь по слухам. По-видимому, попасть в Совет очень непросто и крайне престижно. Колдун Родри видел вступление в ряды мастеров основной и единственной своей целью. Он пошел ради этого на совершение запрещенного обряда и собирался принести в жертву ее собственную жизнь и жизнь Джейрена, только это ему не удалось. Вот уже целых шесть месяцев его нет в живых, но Атайе никогда не забыть, как страстно он желал заполучить звание мастера.

— О чем они станут спрашивать меня?

Хедрик допил остатки чая и отставил чашку.

— Я уже сообщил, что ты планируешь в один прекрасный день вернуться в Кайт и начать работу по улучшению жизни лорнгельдов. Полагаю, тебя расспросят подробнее о твоих намерениях. И не стану скрывать от тебя, Атайя, — добавил Хедрик обеспокоенно, — один из членов Совета очень недоверчиво относится к твоему прошлому. Я имею в виду обстоятельства гибели Кельвина, а также Родри. Этот мастер не вполне уверен, что все произошло случайно.

Атайя почувствовала прилив жгучей ярости. Если бы чашка с чаем была изготовлена из стекла, то она просто раздавила бы ее, крепко сжав руку от злости и обиды.

— Бред какой-то! Да как ему могло прийти такое в голову? Он считает, что я специально все подстроила?

— Я знаю, все это просто смешно, — ответил Хедрик спокойным, ничего не выражавшим тоном. — Я сказал об этом лишь для того, чтобы тебя не застали врасплох. Я не раз становился свидетелем того, моя дорогая, как бурно ты реагируешь на неприятные для тебя вещи, выходишь из себя, теряешь контроль. Если подобное произойдет на собрании мастеров, то это никому не понравится. Большинство из представителей Совета настроены по отношению к тебе положительно. Я не хочу, чтобы мнение одного из них вызвало в тебе взрыв эмоций.

Атайя закрыла лицо ладонями и покачала головой, чувствуя, что волнение лишь возросло.

— Мне кажется, я не готова к такому испытанию. Нельзя ли отложить собрание еще ненадолго?

— Нет, Атайя. Это невозможно. Я и так уже слишком долго тяну время, и это не нравится Совету. Впервые они захотели увидеть тебя еще осенью, как только весть о смерти Кельвина достигла Рэйки. Но я понимал, что тогда тебе было бы не выдержать их расспросов. Прошло уже четыре месяца. Мастера начинают нервничать.

Атайя открыла было рот, но тут же закрыла его, прекрасно сознавая, что протестами ничего не добьешься. Когда-то она упрямо и раздраженно отказывалась обучаться магии. Как хорошо, что ее сумели переубедить.

Хедрик медленно наклонился вперед — скрип расшатанного дубового стула прозвучал как-то зловеще, напоминая хруст старых костей. Он еще не произнес ни единого слова, но Атайя почувствовала, как по спине побежали мурашки: сейчас старик затронет ту тему, которую оба они старательно избегали с самого утра.

— А как у тебя дела с другим заклинанием? Тем, что я просил подготовить к сегодняшнему дню?

Внезапно Атайе стало холодно, словно в маленькую комнатку кто-то специально напустил леденящего ветра. Руки покрылись гусиной кожей. Она поклялась, что никогда в жизни не будет применять это заклинание с того самого первого и единственного раза, когда к нему пришлось прибегнуть. Огненные зеленые ленты, появившиеся случайно из ее пальцев, оказались смертельными для Кельвина — как ужасающе отчетливо всплыли они в ее памяти: злобно обвивающие тело отца, потрескивающие, неумолимые, безжалостные, выпивающие из него все жизненные силы. Тогда она сделала это не сознательно и не знала, как остановить страшную силу. Поэтому просто вынуждена была наблюдать за корчившимся от боли отцом, умолявшим о пощаде. Если бы кто-нибудь рассказал ей, что делать! Заклинание нарушилось тогда благодаря ворвавшемуся в палату брату, но к тому моменту король уже находился на грани смерти. Не прошло и двух часов, как он скончался, а Атайя покинула замок с тяжелым камнем на сердце, камнем, который ей суждено носить всю оставшуюся жизнь.

Естественно, Дарэк не поверил ни единому ее слову, когда она попыталась все объяснить. Ведь это Кельвин напал на нее, на свою единственную дочь, напал в приступе неконтролируемого гнева. Он воспользовался смертельным заклинанием, желая отомстить властелину зла. В тот момент Кельвина уже начинала опутывать цепкая паутина сумасшествия, порожденного заимствованной им когда-то магией. Атайя должна была защищаться, но ей не хватало специальных знаний. В работу вступило подсознание, подсказавшее ей, каким заклинанием воспользоваться. Огненные ленты мгновенно приступили к выполнению задания...

Она не знала, каким образом остановить их.

У Атайи пересохло в горле.

— Мастер Хедрик, я уже говорила вам, что не хочу применять это заклинание. Пожалуйста, поймите... Меня мучают воспоминания... Я должна забыть... Мне страшно... — прошептала она.

— Для того-то тебе и следует сделать это — чтобы доказать самой себе, что ты можешь вызвать огненные ленты, не причиняя никому вреда. — Старик смотрел на Атайю с сочувствием, но его голос звучал твердо и неумолимо. — Я верю в тебя, Атайя. И Джейрен тоже. Тебе необходимо поверить в собственные силы.

— Но...

— Я специально на протяжении нескольких месяцев не просил тебя заниматься этим заклинанием. Полагаю, ты готова к подобному заданию. Кстати, Джейрен сказал мне, что ты прочитала об огненных лентах все, что только есть в учебниках. Может, тебе будет легче, если ты займешься заклинанием в присутствии Джейрена? — предложил Хедрик, обрадовавшись пришедшей в голову мысли. — Я могу послать за ним...

— Нет, — резко ответила она и тут же, желая смягчить ситуацию, попыталась улыбнуться. — Не стоит... беспокоить его.

Легче? — подумала Атайя, закрывая на мгновение глаза. — *Мастер Хедрик, лучше этого не делать.*

Учитель ободряюще взглянул на нее.

— Надеюсь, ты согласишься. Мы не вернемся в замок до тех пор, пока ты не попробуешь. — Он приподнял с пола пустую сумку. — А так как мы съели все, что брали на завтрак, то скоро изрядно проголодаемся, если ты задумала упрямиться целый день.

Атайя передернулась, как будто от прикосновения чьих-то невидимых ледяных рук к шее, и угрюмо кивнула. Она уже не раз пробовала перечить Хедрику, но он всегда одерживал победу.

Продолжать спор бессмысленно.

Ей очень не хотелось признавать это, но старик был не менее упрямым и настойчивым, чем она сама.

— Только позаботьтесь о том, чтобы я не причинила вам вред, — воскликнула Атайя и умоляюще взглянула в глаза Хедрику. — Бог свидетель, я обидела уже слишком много людей.

— Ты ничего мне не сделаешь. В конце концов, я сам — неплохой колдун, — небрежно заметил Хедрик. — Я смогу отвести твое заклинание, если возникнет такая необходимость. — Старик успокаивающе похлопал ее по руке. — У твоего отца на это не было ни малейшего шанса.

Он поднялся со стула, встал у нее за спиной и помассировал скованные от страха и напряжения плечи.

— Начни с малого, Атайя. Попытайся, к примеру, обвить лентами чайную чашку.

Она почувствовала, как на лбу выступили крупные бусины пота, когда вступила на тропы и сконцентрировала внимание на нужном заклинании. На протяжении вот уже долгого времени само сознание того, что внутри нее кроется огромный волшебный потенциал, что впереди ее ждет масса открытий, много нового и интересного, будоражило кровь и приятно волновало душу. Эти ощущения напоминали Атайе те времена, когда они с Николасом, будучи маленькими детьми, бегали на побережье и лазали по пещерам в надежде отыскать оставленный кем-нибудь много лет назад клад. Но случалось, особенно в те дни, когда речь на занятиях заходила о наиболее темных заклинаниях, способных покалечить или даже убить человека, что ей становилось страшно. Атайя сознавала, что, помимо удивительных и чудесных вещей, в ней заложены жуткие и опасные и что отделаться от них так же невозможно, как отделаться от сердца, костей либо крови, бегущей по жилам.

Атайя сосредоточила внимание на едва освещенных тропах, пробегая глазами по выведенным на стенах знакомым символам. Эти знаки разговаривали с какой-то частью ее мозга, передавая информацию подсознанию. Чем ближе подходила она к тому месту, где таилось ненавистное заклинание, тем больше нервничала. Вот перед ней выросла стена, и, глубоко вздохнув, чтобы набраться храбрости, Атайя прочла написанные на ней слова.

Когда огненные ленточки, подобно туманным струйкам визуальной сферы, стали появляться из кончиков пальцев, девушка больно закусила нижнюю губу. Хотя ничего неожиданного не произошло, по ее телу пробежала легкая дрожь, как от внезапного испуга, и зеленые ленты слегка заколыхались.

Атайя вспомнила, что рядом Хедрик, и постаралась успокоиться, приказывая огненным веревкам обвиться вокруг глиняной чашки. Те подчинились, и буквально через несколько мгновений чай закипел: гладкая темная поверхность покрылась булькающими пузырями.

— Отодвинься немного назад, Атайя, — прошептал Хедрик, обеспокоенно глядя на кипящий чай, и развеял руками образовавшийся пар. — Не надо так сильно стараться.

Атайя медленно кивнула и постаралась ослабить вкладываемую в зеленые ленты магическую мощь. У нее ничего не вышло. Огненные веревки, злобно извиваясь, двинулись дальше: стали спускаться по ножкам стола, обвивая их подобно ядовитым змеям. Пламя не обжигало — по крайней мере теперь, — но Атайя не переставала думать о безопасности — своей и Хедрика. А чем сильнее она волновалась, тем больше нагревались ленты.

— По-моему, они стали слишком горячими, — произнесла Атайя, чувствуя, что находится на грани истерики.

— Ты создала обычные веревки. Они не должны представлять собой опасность, Атайя. Постарайся не наполнять их энергией настолько интенсивно. Именно в этом заключается угроза.

Атайя попыталась последовать совету, но не смогла. Созданные ею диковинные ленты словно завораживали принцессу: отвести от них взгляд либо думать о чем-то постороннем было невозможно. Воздух в комнате сильно нагрелся, становилось трудно дышать. Вдруг у нее перед глазами возникла жуткая, невероятно реальная картина: извивающийся от ужаса и боли отец, обвитый огненными веревками. Он почти выбился из сил и вот-вот лишится рассудка. В последнее мгновение сознательной жизни он умоляет ее о пощаде.

С отрешенным любопытством она наблюдала за подползавшими к ее собственным ногам зелеными лентами. Через пару мгновений злобные веревки захватили ее ступни в созданную ею самой ловушку...

— Атайя, не теряй контроль. — Голос Хедрика прозвучал мягко, но она уловила в нем тревожные нотки. — Управляй энергией.

Краем глаза Атайя видела, как Хедрик приближается к ней, готовясь в случае необходимости противостоять ее заклинанию. Но, несмотря на все его заверения, она знала: учитель очень стар и утратил значительную часть способностей, какими обладал в молодости. Однажды при помощи именно этого заклинания ей удалось убить человека, гораздо более молодого, крепкого и энергичного, чем Хедрик. Умиравший молил о пощаде, но у нее не получилось тогда остановить злобный огонь.

Атайя попыталась, как и в прошлый раз, прекратить заклинание путем простого ослабления концентрации. Но вопреки тому, что говорил ей Хедрик, даже теперь, после нескольких месяцев тренировок, сделать это оказалось не так-то просто.

Охваченная страхом и отчаянием Атайя понеслась по нескончаемым лабиринтам мозга в поисках противодействующего заклинания. В поисках *спасения*. Она никогда себе этого не простит, если Хедрик, стремясь уберечь ее от ее же собственных сил, пострадает сейчас.

Продвигаясь все дальше, Атайя свернула в темный коридор и резко остановилась: прямо перед ней выросла стена. Наверное, надо было выбрать другую тропу. Как теперь выйти отсюда? В темноте она не могла найти дорогу назад. Паника и ужас комком желчи застряли в горле. Никогда в жизни ей не доводилось еще заходить по тропам настолько далеко.

Атайя прерывисто вздохнула и вдруг почувствовала нечто странное, похожее на порыв свежего ветра в знойный летний день. Волна невероятного облегчения окатила ее с головы до ног — она нашла способ противостоять заклинанию!

Знаки на стене говорили о спасении, о прекрасном полете, об освобождении от страдания, об убежище и спокойствии. Она ничего не могла видеть, кроме слепящей темноты, но вместо страха эта темнота вселяла надежду, как луч солнца в ненастный день.

— Начнем, Атайя, — послышался голос Хедрика, и ее голова неожиданно потяжелела.

Он собирался приступить к прерыванию ее заклинания.

Нет, не надо! — отчаянно кричал внутренний голос Атайи.

Будто воспоминания о кошмарном сне из детства перед глазами поплыли образы отца и Тайлера.

Не приближайтесь ко мне! Я лишь причиню вам вред. Я всем причиняю вред.

Если даже Хедрик и говорил ей еще что-нибудь, то Атайя все равно ничего уже не слышала. Лишь одна мысль билась в ее голове: о необходимости спастись и о том, что ей известен выход. Глубоко вздохнув, она прислушалась к раздавшемуся шепоту:

— *Hinc libera me...*

Последовал сильный толчок в спину, но Атайя почти не заметила его, как пьяница, напившийся до такой степени, что ничего не чувствует, когда падает и ударяется о каменную лестницу. Она уже не ощущала ни стула, ни пола под ногами, медленно уплывая в какой-то другой, нереальный мир, словно объятая мощной, безграничной силой, никогда до сих пор ей не ведомой. Ослепленная ярким светом, распространившимся вокруг, она кружилась в калейдоскопе красочных образов, но они проносились мимо так быстро, что их было невозможно разглядеть. В ногах и руках закололо, но через секунду тело как будто растворилось, исчезло. Остался лишь мозг, лишь сознание.

Тут последовал еще один удар. Окружавший мир завертелся быстрее, вызывая приступ сильного головокружения. В это же самое мгновение ее тело вернулось к ней, а с ним и прежние ощущения и эмоции. Атайя почувствовала себя новорожденным младенцем, только-только появившимся на свет, слишком ошеломленным и уставшим, чтобы плакать.

Через секунду все прошло. В воздухе пахло пчелиным воском и выделанной кожей. В носу щекотало, будто от попавшего в него песка. В камине горел огонь — дружелюбное потрескивание дров воздействовало успокаивающе.

Откуда-то издалека послышался странный звук: кто-то громко ахнул от удивления.

Глава 3

Атайя пребывала в странном состоянии, как будто в полузабытьи. Глаза болели, словно в них надуло песка, а в висках стучало, как с похмелья. Желудок сводило, к горлу подступала тошнота. Через несколько секунд в памяти отчетливо всплыли все события сегодняшнего дня. Она зажмурила глаза, с ужасом думая о том, что могла натворить при помощи своего заклинания, и сжала пальцы в кулаки, с облегчением сознавая, что они холодные и огненных веревок больше нет.

— Мастер Хедрик, — дрожащим, испуганным голосом позвала учителя Атайя. — Все в порядке?

Последовавшая тишина заставила кровь застыть от ужаса. В голове промелькнула страшная мысль: отвечать некому. Она отправила в мир иной при помощи своей жуткой магии еще одного человека.

В этот момент послышался шелест чьей-то одежды. Кто-то шумно сглотнул где-то совсем рядом.

— Хедрика здесь нет. — Голос говорившего прозвучал так же неуверенно. — Это я... Джейрен.

Атайя ничего не ответила, уверенная в том, что все это ей просто послышалось. Джейрен не может здесь находиться. Сегодня утром он сам ей сказал, что днем займется какими-то исследованиями в библиотеке Хедрика. В такую пасмурную, отвратительную погодку никто — даже Джейрен, который заявляет, что любит холод, — не отважится покинуть замок, если, конечно, не случится ничего непредвиденного.

Атайя слегка приподняла ресницы и, увидев обстановку хорошо знакомого ей помещения, тут же распахнула глаза и замерла от изумления и испуга.

Это галлюцинации, — подумала Атайя. — *Как еще можно объяснить подобное?*

Она сидела напротив Джейрена за большим письменным столом из орехового дерева в библиотеке Хедрика. Библиотеке, находившейся на расстоянии нескольких миль от той комнаты, где проходило ее занятие. Джейрен — или это было лишь видение — сидел боком в кресле, небрежно перекинув ноги через подлокотник. Свет лампы озарял его белокурую голову, создавая вокруг нее прозрачный ореол. У него на коленях лежала старинная книга с пожелтевшими страницами, на темно-синей тунике серели пятна осыпавшейся с переплета пыли. Лицо Джейрена выражало полное недоумение, и до тех пор, пока он не захлопнул раскрывшийся от удивления рот, Атайя думала, что ее друг не в состоянии двигаться.

Осторожно протянув руку, она пощупала край стола. Как ни странно, столешница оказалась самой что ни на есть настоящей.

Если это галлюцинация, — промелькнуло в ее голове, — *то очень уж правдоподобная.*

— Что ты здесь делаешь, — вымолвила наконец Атайя, но тут же поправилась. — О Боже! Что я такое говорю? Это я что здесь делаю?!

Джейрен глубоко вздохнул и растерянно пожал плечами.

— Понятия не имею. Ты просто... появилась. Я изучал карты троп и вдруг услышал... даже не знаю, как это описать... едва различимый звенящий звук. Сначала я решил, что это мне показалось, но затем увидел какое-то движение в воздухе, как раз в том месте, где ты сейчас сидишь, а через мгновение показалась ты. — Джейрен поежился, словно от холода, и с опаской наклонился к ней. — Над каким заклинанием вы с Хедриком работали сегодня?

Атайя поднялась с устланного подушечками кресла и принялась взволнованно расхаживать по полу, нервно разглаживая руками не нуждавшиеся в этом юбки.

— Хедрик велел мне заняться огненными лентами. Я не хотела, но, сам знаешь, он бывает упрям, как осел.

Джейрен усмехнулся и собрался было отпустить язвительный комментарий по поводу ее собственного нрава, но сдержался.

— Не могу рассказать точно, что случилось. Я стала терять контроль над этими чертовыми веревками и принялась искать способ остановить их. Но каким образом я очутилась здесь? Теперь у меня раскалывается голова, — ворчливо добавила Атайя и прижала пальцы к вискам.

Она чувствовала себя отвратительно. Грудь сдавливала тупая боль, руки и ноги стонали, как будто ей пришлось пробежаться бегом от полуразрушенной башни до самого замка.

Быстро утомившись от ходьбы, Атайя присела на лавку у окна и задумчиво провела рукой по бахроме вышитых подушечек.

— Я помню, что хотела убежать, так как очень боялась причинить Хедрику вред своим заклинанием, но куда конкретно убежать?.. Об этом я, по-моему, не думала...

— Тогда интересно, почему ты перенеслась именно сюда? — задумчиво произнес Джейрен, вовсе не ожидая получить ответ на свой вопрос.

Атайя хотела было сказать обычное «не знаю», но промолчала. Она уже привыкла к тому, что ее магия вытворяет совершенно неожиданные вещи, которые всегда каким-то образом связаны с различными гранями ее мозга. Стоило ей тщательно поразмыслить над тем или иным колдовским фокусом, произведенным ею же, и она находила разгадку.

Атайя внимательно осмотрела библиотеку, словно видела ее впервые: на полках умиротворенно покоились книги, покрытые слоем пыли. Наверное, волшебные силы не случайно перенесли ее сюда. Это помещение — само олицетворение умиротворения и защищенности.

Продолжая размышлять, Атайя перевела взгляд на Джейрена. Его белокурую голову по-прежнему обрамлял светящийся ореол. Совершенно неожиданно она все поняла. Нет,

ей захотелось очутиться не в этом тихом месте, ей захотелось оказаться рядом с Джейреном.

Почему я попала сюда? — повторила про себя Атайя. — *Потому что я всегда так поступаю. Я всегда бегу к тебе. Только ты можешь успокоить меня и утешить. Ты был рядом, когда умер отец и когда Тайлер... Ты готов прийти на помощь в любую минуту. С тобой я чувствую себя в безопасности...*

Атайя ощутила вдруг какое-то напряжение, непонятную тревогу, неуверенность и страх.

По крайней мере так было раньше: я всегда чувствовала себя с тобой в безопасности...

— Мне хотелось оказаться в каком-нибудь спокойном, защищенном месте, — произнесла наконец Атайя. — Библиотека — идеально подходящий уголок, тихий и уютный.

Она вовсе не солгала ему, просто искусно замаскировала правду.

В следующее мгновение в ее голове возник гораздо более актуальный вопрос.

— Интересно, что думает сейчас мастер Хедрик. Я ведь не предупредила его, что собираюсь исчезнуть.

— Тебе стоит сообщить ему, что с тобой все в порядке. Конечно, в это он не поверит, но хотя бы убедится, что ты жива. Наверное, бедняга места себе не находит.

Атайя кивнула, уселась поудобнее на подушках, вытянула руки перед собой ладонями внутрь и спокойно произнесла слова заклинания, приказывая сфере появиться. Ждать появления туманных струек пришлось необыкновенно долго, в какое-то мгновение Атайя испугалась, что они вовсе не покажутся. Прошло довольно много времени. Обычно к этому моменту ее сфера уже отлично работала. На этот раз ничего не получалось. Струйки тумана вяло повисли на ладонях.

— В чем дело? — бормотала себе под нос Атайя. — Я создавала сферу уже раз сто.

Сосредоточившись сильнее, она постаралась вложить в заклинание больше энергии. Но даже по прошествии нескольких минут белое туманное вещество, струившееся из ладоней,

так и не превратилось в шар, а беспорядочно окутывало пальцы Атайи.

Она, озадаченно нахмурив брови, смотрела на свои руки, словно видела их впервые.

— Что-то произошло. — Атайя отряхнула с пальцев скудные кусочки сферы. — Мои магические силы никогда еще не были настолько слабыми.

Джейрен поднялся с кресла, подошел к окну и сел на скамейку рядом с Атайей. Взяв ее руки, он ласково сжал их между своих ладоней.

— Не надо паниковать, Атайя. Какое бы заклинание ты ни применила, чтобы попасть сюда, ясно одно: оно очень сильное. Я могу посмотреть, что случилось, если не возражаешь.

Последовало неловкое молчание: ей хотелось придумать какое-нибудь объяснение для отказа, но желание узнать причину своей неудачи взяло верх над всеми остальными чувствами. Она несколько неохотно согласилась, и Джейрен осторожно коснулся ее лба кончиками пальцев.

Атайя уже привыкла ощущать в своем мозге его присутствие — легкую прохладу, как будто создаваемую порхающим перышком. Хотя в последнее время она чувствовала что-то еще, раньше подобного не случалось: теперь ей приходилось сознательно прилагать некоторое усилие, чтобы связь с Джейреном не нарушилась.

— Расслабься, Атайя, — успокаивающим тоном произнес Джейрен. — Ты ужасно напряжена... Постарайся расслабиться.

В последние дни Атайе становились все более очевидны переполнявшие душу Джейрена чувства по отношению к ней. Во время подобных контактов его бурные эмоции передавались ее мозгу с нескрываемой отчетливостью. Или она, обучившись теперь многим секретам колдовства, стала острее воспринимать Джейрена в своем сознании, или, что более вероятно, он сам уже просто не хотел — либо не мог — скрывать от нее свои переживания.

Поначалу, когда ее занятия с Хедриком только начинались, Джейрену это удавалось. Теперь же, даже если он и пытался замаскировать каким-то образом отношение к Атайе, у него

ничего не выходило. Тот факт, что Джейрен никогда не заговаривал с ней об этом, лишь усугублял неловкую ситуацию.

Атайя постоянно задавалась вопросом: почему чувства Джейрена так сильно беспокоят ее? И почему это происходит именно сейчас, по прошествии нескольких месяцев с того момента, когда ей стало о них известно? Это случилось еще до гибели Тайлера, кстати, именно Тайлер сказал ей впервые об отношении к ней Джейрена. Вместо того чтобы ощущать внутреннее спокойствие от сознания, что тебя любят, она ощущала почему-то возрастающий с каждым днем необъяснимый внутренний страх. Страх, до причины возникновения которого можно легко докопаться, если только захотеть.

Относиться подобным образом к человеку, который так много сделал для тебя, нельзя, Атайя знала об этом. Только благодаря Джейрену ей удалось остаться в живых во время их чудовищного переезда из Кайта в Рэйку — даже в самых страшных снах, мучивших ее в детстве, она не видела ничего подобного. По сей день, по прошествии уже нескольких месяцев после кошмарной поездки, Атайе все еще снились те жуткие ощущения: полное изнеможение, потеря сил, вынужденная необходимость передвигаться по ночам.

Они не могли продолжать свой путь днем — воины короля прочесывали побережье с особой тщательностью, не пропуская ни единой деревушки, расспрашивая у каждого прохожего о черноволосой женщине и ее рэйкском дружке. Переполошенным людям нельзя было показываться на глаза, поэтому приходилось останавливаться для отдыха в амбарах и полуразрушенных хибарах. Джейрен всегда находился рядом, заботился о ней, терпеливо выносил ее приступы отчаяния и гнева, истерики, то и дело вызываемые воспоминаниями об отце и Тайлере. В сердце сохранилось и еще кое-что: ощущение тепла и надежности, когда после ночлега они просыпались вдвоем. Она прижималась к Джейрену и спала с ним под одним одеялом, чтобы не замерзнуть в холодную октябрьскую погоду.

— Вроде бы все нормально, — воскликнул Джейрен, и Атайя почувствовала легкий толчок: он вышел из ее мозга. — Через некоторое время ты будешь в порядке.

По довольному выражению его лица Атайя поняла, что во время контакта сознания Джейрен не следил за направлением ее мыслей.

Ненадолго задумавшись, он сделал ей знак рукой и скрылся за дверью. Атайя слышала его шаги на винтовой лестнице башни — обиталища Хедрика, разговор внизу с охранниками. Через несколько минут Джейрен вернулся в библиотеку с улыбкой на губах.

— Я велел, чтобы к Хедрику отправили всадника. Скоро старику передадут, что ты в безопасности. Хотя он мог уже сам увидеть это — через сферу.

Ее сердце наполнилось благодарностью. Как он внимателен! Послал к Хедрику человека, а ведь мог просто воспользоваться своей сферой. Сейчас, когда у нее ничего не получилось, эта мелочь показалась для нее столь значительной и столь приятной.

— Итак, подождем возвращения мастера Хедрика, — продолжил Джейрен. — Возможно, он пояснит нам, что произошло. — Его глаза радостно горели. — Или попытаемся выяснить что-нибудь самостоятельно? — Джейрен поспешно вернулся к столу и схватил оставленную там книгу. — Я и не думал, что существует такое заклинание, при помощи которого можно перенестись из одного места в другое, — добавил он с улыбкой. — А теперь вижу, что таковое должно существовать.

Усевшись рядом с ней на скамейку — очень близко, отметила Атайя, — Джейрен открыл увесистую книгу и принялся перелистывать страницы.

— Я как раз занимался изучением карты троп в тот момент, когда ты... когда ты появилась. Может быть, нам удастся найти какое-нибудь подходящее заклинание в схемах мастера Кредони.

Атайя заглянула через плечо Джейрена на раскрытые страницы с изображенными на них лабиринтами. Каждая из пересекавшихся друг с другом троп имела свое название, но надписи были едва различимы. Она не раз видела подобные карты на занятиях. Хедрик объяснял, что, используя общий

план расположения троп в мозге колдуна, он может научить ее по возможности избегать тех участков, которые являются неизученными, и таким образом сократить количество неприятных сюрпризов, какие способна преподнести магия.

— Эти карты мастер Кредони составил когда-то, основываясь на устройстве собственного мозга. Им несколько сотен лет, но именно они наиболее точно отображают общую картину расположения троп. Кредони считается одним из наиболее могущественных колдунов, известных когда-либо миру, — исполненным уважения голосом отметил Джейрен. — Если кому-то и было известно что-либо о заклинании перемещения, то этим человеком, должно быть, являлся мастер Кредони.

Обрадовавшись возможности заняться чем-то полезным и интересным и отвлечься таким образом от неприятных мыслей, Атайя поднялась со скамьи и, достав с полки несколько томов древних работ Кредони, положила их на стол. Но возвращаться к Джейрену на скамейку у окна не стала. Когда он поднял голову и вопросительно и несколько разочарованно взглянул на нее, Атайя быстро повернулась к нему спиной, села на стул и уткнулась в книгу.

Приблизительно через час на двери щелкнул тяжелый замок, и на пороге появился мастер Хедрик. В этот момент Атайя чертила план расположения собственных троп, пытаясь установить то место, где нашла загадочное заклинание. Заметив у двери Хедрика, она отодвинула бумаги в сторону и поспешно вскочила на ноги, со страхом представляя себе, как он начнет читать ей нотации.

— В моей практике не раз встречались ученики, стремящиеся увильнуть от занятий, — добродушно проворчал старик, — но чтобы таким образом! До этого еще надо додуматься.

Щеки Атайи вспыхнули.

— Ужасно сожалею, мастер Хедрик, что все так вышло, но я вовсе не хотела...

— Не стоит извиняться, — ответил учитель, показывая жестом, что не нуждается в ненужных объяснениях. По его

виду можно было понять, что он совсем не сердится, а напротив, несказанно рад чему-то. — По правде сказать, ты можешь собой гордиться.

— Гордиться? — недоуменно повторила за Хедриком Атайя. — С чего бы это? Ведь я потеряла контроль над собой, поддалась панике...

— Я знаю, Атайя. Об этом мы поговорим позже, — добавил старик серьезным тоном. — Но потом ты повела себя весьма необычно.

— Вы знаете, что произошло?

— Конечно, — ответил Хедрик и махнул рукой в сторону сложенных на столе книг. — Мастер Кредони уже совершал нечто подобное. Ты, моя дорогая, можешь пользоваться заклинанием транслокации.

Атайя не успела и рта раскрыть, как к столу подскочил Джейрен. Он уставился на нее, как будто только что узнал, что в ее жилах течет королевская кровь. С таким благоговением и уважением на нее никто еще никогда не смотрел.

— Я вот уже на протяжении нескольких часов читаю работы Кредони, но нашел лишь краткое упоминание о чем-то похожем.

— Неудивительно, — спокойно ответил Хедрик. — Согласно всеобще принятому мнению, это заклинание — миф. Те мастера, которые принимали участие в разработке программы обучения для Школы колдунов, сочли заметки Кредони по данному вопросу чересчур эзотерическими и поверхностными, чтобы включать в базовый курс. Существует всего несколько драгоценных копий его книги. Одна из них находится у меня, но я не помню, где она. Надо поискать.

Атайя молча смотрела то на Хедрика, то на Джейрена. Теперь, когда ее научили при помощи дарованных ей способностей совершать множество необычных вещей, мысль о способности перемещаться из одного места в другое не казалась шокирующей.

— Значит... заклинание не очень распространено? — несмело спросила она.

— Конечно, нет, — ответил Хедрик. — В детских сказках колдуны постоянно проделывают подобные фокусы, но в реальной жизни это явление — большая редкость. Такими способностями обладал Кредони. Болтают, что еще один или два человека применяли на практике это заклинание. Но никто из состоящих в данный момент в Совете не в состоянии транслокироваться, они даже не слышали о существовании способных на подобное людей. Большинство членов Совета придерживаются того мнения, что Кредони написал об этом, когда был не в себе. Ага! Вот ты-то и докажешь им обратное, — воскликнул Хедрик, радостно сверкая глазами.

Атайя и без того боялась появляться перед Советом. Не хватает только, чтобы ее посчитали выскочкой! Но беспокоиться об этом раньше времени не имело смысла. Кроме того, она очень сомневалась в том, что сможет повторить заклинание, потому что совершенно не помнила, как это вышло у нее в первый раз.

— Но я не знаю, как у меня получилось осуществить эту... транслокацию.

— Ты *хотела* исчезнуть, сбежать. — Лицо Хедрика напряглось. Он пытался припомнить каждую мелочь. — Это последнее, что я успел заметить в тебе, а затем ты пропала.

Атайя кивнула.

— Я очень боялась. И мечтала куда-нибудь исчезнуть, уйти от всего... от заклинания огненных лент, от предстоящего собрания Совета... Все обрушилось на меня...

— Возможно, я не должен был оказывать на тебя давление, — признал Хедрик, немного помолчав. — Наверное, новость о планирующемся на сегодняшний вечер мероприятии взволновала тебя больше, чем я мог предположить. Сожалею, что так повел себя.

Джейрен ободряюще похлопал ее по плечу и ухмыльнулся.

— Не переживай. Вот увидишь, не такие уж они и страшные, эти мастера.

Легко давать советы другим в ситуациях, которые тебя не касаются! — обиженно подумала Атайя.

Хедрик приподнял кустистую белую бровь.

— Я рад, Джейрен, что ты настроен по отношению к Совету столь оптимистично, — одобрительно произнес он. — Мастера пожелали, чтобы и ты явился на собрание сегодня вечером.

Джейрен испуганно вскинул голову.

— Что? Но, мастер Хедрик... Я лучше займусь чем-нибудь более полезным. У меня столько дел... карты и все такое... — По невозмутимому взгляду учителя Джейрен понял, что спорить бессмысленно. — Но почему вы не предупредили меня раньше?

— Ты являешься моим ассистентом на протяжении целых пяти лет. Что-то не припомню ни одного случая, когда бы ты обрадовался возможности попасть на собрание Совета. Если бы я сказал тебе об этом заранее, тогда ты придумал бы какую-нибудь убедительную отговорку.

Джейрен растерянно опустился на стул.

— Если честно, дело вовсе не в Совете, а в его председателе. У меня такое ощущение, что я ему ненавистен.

— Ну, об этом переживать не стоит. Бэзил никого не любит. Меня он просто терпеть не может. Ты должен научиться относиться к нему спокойно.

Хедрик повернулся к Атайе и, не дав Джейрену возможности продолжить препирательства, обратился к ней.

— Над огненными лентами мы еще поработаем, — предупредил он. — Впредь будем действовать медленно и осторожно. Кстати, тебе удалось найти это заклинание самостоятельно и какое-то время удерживать ситуацию под контролем. Потом ты исчезла. Но в данный момент меня больше волнует другое — транслокация. Эта способность намного более полезна и очень пригодится тебе в будущем.

Мысли Атайи судорожно закрутились в голове. Неужели она сможет так запросто перемещаться, например, из Кайта в Рэйку и наоборот? Всего лишь прочитав заклинание. Тогда ей не придется больше мучиться в долгих и утомительных поездках.

— Значит, при помощи данного заклинания я могу отправиться, куда захочу? — спросила Атайя, не веря, что такое возможно.

Хедрик склонил набок седую голову.

— Теоретически. Кредони только начал исследовать эту область и вскоре умер. Поэтому мы имеем слишком мало материалов о заклинании транслокации. По словам Кредони, колдуны способны переноситься лишь в те места, которые они когда-либо видели, либо туда, где бывали прежде. Не стану утверждать, что он прав, но похоже, что это так.

— Тогда, если я смогу узнать, как точно работает данное заклинание, то должна буду все записать, — сказала Атайя, и от одной мысли, что она в состоянии пополнить новыми открытиями необъятные учения о колдовстве, у нее закружилась голова.

— Тебе необходимо быть крайне осторожной, Атайя, — предупредил Хедрик, размахивая перед ее лицом указательным пальцем. — Тебе повезло. Ты обнаружила заклинание в тот момент, когда страстно хотела очутиться в каком-нибудь безопасном, спокойном месте, таком, как эта библиотека. А если бы ты размышляла о пустыне в Круачи или, того хуже, о замке Делфар и своем брате Дарэке? Ты могла, чего доброго, попасть куда-нибудь, откуда потом и не выбралась бы. Ты ведь не знаешь пока, как воспользоваться заклинанием сознательно.

Атайя вздрогнула, как будто ей за шиворот бросили комок снега. И как она сама об этом не подумала! Меньше всего на свете ей хотелось бы так по-глупому попасться в лапы Дарэка, по случайности, по ошибке. А если силы так значительно ослабевают, то о спасении и думать не пришлось бы.

— Ты должна быть уверенной, что не перенесешься слишком далеко, если будешь продолжать заниматься этим заклинанием. И непременно сообщай о своих планах либо мне, либо Джейрену. — Хедрик плотно сжал губы, слегка выдвинул вперед нижнюю челюсть и очень серьезно взглянул ей в глаза. — Я уже говорил тебе: никогда не задирай нос, особенно если не знаешь, что делаешь.

Атайя покорно кивнула, на этот раз даже не собираясь вступать в спор.

— Кое-что об этом заклинании я уже знаю, — угрюмо сказала она. — Оно изрядно ослабило мои силы. Я попыталась создать сферу, как только очутилась здесь, но получила лишь несколько струек.

Джейрен немного наклонился вперед, ожидая, что скажет Хедрик.

— Возможно, это временная потеря энергии, как вы считаете?

— Надеюсь, что так, — ответил учитель, хмуря седые брови. — Уверен, что мастер Кредони не смог тщательно изучить это заклинание лишь потому, что находился на грани смерти. Но вероятно, на то имелись и другие причины. Атайя, попробуй-ка создать сферу еще раз! — быстро скомандовал он, пока никто из них не успел встревожиться. — С того момента, как ты попала сюда, прошло уже больше часа.

Атайя подняла руки, сосредоточивая внимание на заклинании визуальной сферы. Струйки тумана показались не так скоро, как обычно, но гораздо быстрее, чем в предыдущий раз. Через несколько минут она уже держала в ладонях белый шар — слишком прозрачный и не очень правильной формы, но он все-таки появился в отличие от прошлой попытки.

— Теперь сил больше, и я не чувствую себя такой разбитой, как час назад, — прошептала Атайя.

— Возможно, ты потратила на заклинание слишком много энергии, особенно если направила на него именно ту мощь, которую использовала для создания огненных лент. Временная потеря сил в данном случае — явление совершенно естественное.

Атайя приказала туманному шару раствориться, решив поберечь энергию для скорейшего ее восстановления.

— А я уже испугалась. Ведь поначалу струйки тумана и вовсе не хотели появляться. В моей голове пронеслось множество совершенно безумных мыслей. Я было подумала, что сделала нечто такое, что безвозвратно уничтожило мои способности или заблокировало их где-нибудь.

Атайя рассмеялась над своими глупыми страхами, но Хедрику, к ее удивлению, казалось, было совсем не до веселья. Он как-то странно смотрел на нее, словно раздосадованный чем-то.

Атайя замолчала, почувствовав себя неловко, как иностранный дипломат, сказавший что-то нелепое хозяину страны по причине плохого знания языка.

— Мастер Хедрик?

Учитель хмыкнул.

— Ну надо же так! — пробормотал он, обращаясь как будто бы к самому себе. — И как я забыл сказать тебе об этом?

— Что?

Старик хотел что-то добавить, но передумал и, резко отвернувшись, направился к книжным полкам.

— Боюсь, придется подождать, — сказал Хедрик через плечо, проводя пальцами по кожаным переплетам книг. — Сейчас трудно будет все объяснить, но это крайне важно. — Он указал рукой на дверь, в не очень-то учтивой форме прося молодых гостей оставить его. — Надеюсь, вы простите меня. Я должен кое-что найти.

Придвинув табурет, старик забрался на него и принялся просматривать книги на верхних полках.

— Я могу помочь вам, — предложил Джейрен.

Последовавший отказ мастера прозвучал твердо и жестко:

— Нет, Джейрен. Тебе это не по силам.

Джейрен отступил назад в полном недоумении. Атайя никогда еще не слышала, чтобы Хедрик разговаривал со своим ассистентом в таком тоне.

— Ступайте, — воскликнул учитель. — А то не успеете перекусить и переодеться перед собранием Совета. Ровно в восемь часов чтобы были у меня. Оба.

Наспех поужинав, Атайя направилась в свои покои и потратила целый час на то, чтобы подобрать достойный для предстоящего мероприятия наряд. Остановив свой выбор на темно-фиолетовом платье и изящной ниточке жемчуга — подарках Кати, дочери Осфонина, — она оделась и поспешила к

Джейрену. Настроение значительно улучшилось: элегантное одеяние очень шло ей. Но ее радость длилась недолго.

Как только Атайя вошла в тронный зал, то сразу заметила, что Джейрен не один. За столом, свободно развалившись на стуле, сидел принц Фельджин, наследник рэйкского престола. Над его головой, сантиметрах в пяти, висел светящийся красный шар. Фельджин задумчиво ударял по нему пальцем, как по игрушке, и шар раскачивался из стороны в сторону. По выражению лица принца было понятно, что он чем-то озадачен. Джейрен в черном бархатном камзоле и белоснежной рубашке стоял рядом.

Но Атайю взволновало вовсе не то, что она увидела их вдвоем. В зале присутствовал еще один человек — Иан Маклауд, герцог Улардский. Он возбужденно говорил что-то своему сыну, подняв вверх ладони, по-видимому, пытаясь доказать, что прав. Герцог был высоким широкоплечим мужчиной лет шестидесяти и выглядел так, как подобает выглядеть старому воину, четко знающему, по какому принципу должны решаться государственные дела, и нетерпимому к отличному от его собственного мнению. Джейрен явно не соглашался с тем, о чем говорил ему отец.

Он стоял, упрямо уставившись в пол, решительно сложив на груди руки, с нетерпением ожидая того момента, когда родитель наконец закончит свою пылкую речь.

— Да, я понимаю тебя, сын мой, — говорил герцог, чекання слова. — Я сам когда-то был молодым. Но только послушай, что говорят люди! Джейрен, выпить однажды кубок сарианского виски не так уж и страшно, но если пить его утром, днем и вечером? В кого можно превратиться?

Джейрен густо покраснел, его глаза яростно вспыхнули.

— *Отец!* Да как ты смеешь сравнивать ее с...

— Простите меня, лорд Иан, — спокойно прервал друга Фельджин, — но вы несправедливы к ней. Она не виновата в том, что произошло тогда.

— Мне все равно, кто виноват, ваше высочество. Ясно одно: эта особа доставляет всем нескончаемые неприятности.

И я не хочу, чтобы единственный из моих четырех сыновей, кого Господь наделил удивительным даром, связывался с ней.

Атайя вдруг поняла, что не должна слышать этот разговор, и медленно попятилась назад, надеясь уйти отсюда никем не замеченной.

— Я сам вызвался ехать с ней, отец, — сказал Джейрен. Его голос звучал враждебно и зло, Атайя никогда не думала, что он способен на подобное. — Кто-то должен был начать с ней тренировки. Хедрик слишком стар для столь длительной поездки. Если ты считаешь, что я смогу спокойно оставаться здесь, когда она, рискуя жизнью, отправляется выполнить то, во что верит...

В это самое мгновение Джейрен заметил Атайю, уже приближавшуюся к дверному проему, и его голос оборвался, а слова повисли в воздухе. Фельджин и лорд Иан резко повернули головы, и Атайя выругалась про себя: улизнуть теперь не удастся!

— Атайя! — Джейрен постарался окликнуть ее как можно более непринужденным голосом, но руки его были крепко сжаты в кулаки, и она просто не могла не заметить этого. — Ты уже давно здесь меня ждешь?

Атайя покачала головой, и он с облегчением вздохнул.

— Нам и в самом деле пора.

Джейрен спустился по лестнице с возвышения и приблизился к ней.

— Да. Уже почти восемь. Добрый вечер, Фельджин.

— Для меня этот вечер и впрямь обещает быть более добрым, чем для вас, — сострил принц, продолжая играть со светящимся шаром. — Только не позволяй старине Бэзилу запугать тебя, Атайя. Он всегда ведет себя напыщенно. На самом деле этот тип не так уж и плох.

— Насколько я понимаю, у вас с ним много схожего.

Принц небрежно вздохнул.

— Да, но что касается внешних данных, то он и наполовину не так красив, как я.

Атайя рассмеялась. Затем, желая отдать дань вежливости, она повернулась к отцу Джейрена и, склонив голову, произнесла:

— Лорд Иан, здравствуйте.

Герцог ответил сдержанным кивком и холодным приветствием:

— Здравствуйте, принцесса.

Атайя не стала делать даже попытки продолжить разговор. С того самого момента, когда отец Джейрена приехал в замок в январе на зимний Совет Осфонина, он невзлюбил ее и не скрывал своего к ней отношения. Не то чтобы лорд вел себя с ней невежливо, но и не старался быть особенно доброжелательным: всегда смотрел на нее с холодным равнодушием, как на обедневшего по собственной глупости родственника, и всем своим видом показывал, что осуждает и презирает ее.

Джейрен быстро почувствовал возникшее напряжение и взял Атайю за руку.

— Мы должны идти, отец. Сам знаешь, как сердится председатель, когда кто-то опаздывает.

Лорд Иан надменно кивнул. По его виду было ясно, что он прерывает беседу лишь потому, что речь идет о самом председателе Совета мастеров, и никогда бы не допустил подобного, если бы сын собирался отправиться на встречу с кем-нибудь другим.

— Мы закончим наш разговор позже, — заявил он не терпящим возражений тоном.

Джейрен бегло взглянул на Атайю и хотел было возразить отцу, но не стал этого делать, дабы избежать дальнейших споров в ее присутствии.

— Хорошо, — нехотя ответил он. — Я зайду к тебе в покои, когда вернусь с собрания.

Атайя попрощалась с Фельджином, тот махнул им вслед рукой, словно священник, благословляющий солдат перед битвой.

Джейрен стремительно зашагал прочь из зала. Атайя поспешила за ним.

Они прошли по длинному коридору, освещенному огнями факелов. Никто не проронил ни слова. Желая нарушить становившееся все более угнетающим молчание, Атайя указала рукой на камзол Джейрена и улыбнулась.

— Мне тоже следовало одеться во что-нибудь черное. Я чувствую себя так, будто собираюсь на собственные похороны.

В ответ он неохотно усмехнулся:

— Не бойся. Не так страшен черт, как его малюют.

Они уже подходили к старинной каменной лестнице в южной башне, где обитал Хедрик.

— Знаешь, меня очень встревожило то, что ты сегодня рассказал. Если этот Бэзил не любит тебя, то меня он возненавидит в первую же секунду.

Джейрен засмеялся.

— Не беспокойся. Я догадываюсь, почему Бэзил относится ко мне подобным образом: из-за того, что меня тренировал Хедрик, а его нет. Тем более что мой талант не представляет собой ничего особенного. Просто мой отец является другом Хедрика и Осфонина... Это политика, понимаешь? Бэзил никогда не говорил об этом прямо, но общается со мной так, что я чувствую себя виноватым. У меня такое ощущение, что он постоянно осуждает меня. Это действует на нервы.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. — Атайя пыталась говорить не очень резким тоном. — Я чувствую себя точно так же, когда встречаюсь с твоим отцом.

Настроение Джейрена еще больше испортилось, в голосе послышались нотки раздражения.

— Атайя, мы уже не раз разговаривали с тобой об этом. Не выдумывай...

— Он ненавидит меня. Ты — единственный человек, который не желает признать столь очевидный факт.

Она оперлась о поручень и быстрыми шагами стала подниматься по лестнице к кабинету Хедрика. Джейрен последовал за ней.

— Прошлой осенью ты чуть не погиб из-за меня, и ему все известно об этом.

— Ты ошибаешься, отец не ненавидит тебя.

Атайя резко остановилась и, обернувшись, укоризненно взглянула на Джейрена.

— Он сравнил меня с кубком дешевого виски...

Последовало неловкое молчание. По виноватому взгляду Джейрена она поняла: даже не стоит сомневаться в том, что речь в тронном зале шла именно о ней.

— Значит, ты все слышала.

— Лорд знает, что обо мне можно сказать и более ужасные вещи. — Она продолжала подниматься вверх по лестнице. — Единственное, что ему нужно от меня, так это чтобы я не общалась с тобой.

— Отец приехал недавно, Атайя. Когда вы познакомитесь поближе, он поймет, что ты совсем не такая, как о тебе говорят. Дай ему время.

Твоему папаше всей жизни не хватит, чтобы изменить мнение относительно меня, — подумала Атайя и тут же решила оставить эту тему.

Сегодня вечером ее ждет гораздо более важное испытание — собрание Совета мастеров. О том, как завоевать расположение герцога, если это вообще осуществимо, она подумает как-нибудь в другой раз.

Глава 4

Когда Атайя и Джейрен появились на пороге, Хедрик был в кабинете. Он сметал в угол накопившуюся пыль веником из прутьев. Повсюду горели свечи. Их сияние и свет от огня в камине создавали атмосферу уюта, дружелюбия и тепла, особенно в столь холодный зимний вечер. Хедрик кивком поприветствовал вошедших и жестом подозвал Джейрена, чтобы тот помог ему перенести стол из центра комнаты к стене.

— Когда они приедут? — поинтересовалась Атайя, оглядывая беспорядочно расставленные на полках кувшины и кипы разложенных тут и там бумаг.

При всем своем уважении к высокопоставленным коллегам-мастерам старик не счел нужным тратить много времени на уборку.

— Они не приедут. Мы обычно собираемся в другом месте. Разве я не говорил? — Хедрик осмотрел свое обиталище, удовлетворенно кивнул и отставил веник. — Мы встречаемся в палате Совета. Она находится в Теносе — небольшом городишке на северо-востоке страны. Чтобы туда добраться, нам понадобилось бы около недели. Это традиционное место, где проводятся собрания с того самого момента, как Школа колдунов стала частью расположенного там университета четыреста лет назад.

— Около недели? Я думала, встреча состоится сегодня.

— Ах да! Я ведь еще не объяснял тебе. Итак, Атайя, ты должна усвоить еще один урок. И быстро.

Хедрик засунул руку в карман и извлек оттуда плоский полированный камень с переплетавшимися друг с другом, образовывавшими причудливый узор прожилками золотистого и коричневого цветов. С одной стороны этот камушек напоминал обыкновенный агат, с другой же Атайя заметила нечто странное — мелкие знаки, напоминавшие те, что были выведены на стенах пещер в ее мозгу.

— Что это? — спросила она, крутя в руках таинственный камень.

Хедрик загадочно улыбнулся.

— Твой пригласительный билет.

Оставив Джейрена, который, по всей вероятности, знал, как обращаться с подобными вещами, Хедрик провел Атайю в центр кабинета, достал из кармана еще один камень и медленно провел пальцами по знакам, затем широко развел руки, словно раскрывая объятия навстречу ветру.

В считанные секунды из его ладоней стали появляться струйки тумана, такие же, как при создании визуальной сферы. Но вместо привычного шара туманное облако приняло какую-то продолговатую форму — форму прямоугольного дверного проема, в который с легкостью бы прошел Хедрик с разведенными в стороны руками. Прямо на глазах появившаяся туманная фигура затвердела, превращаясь в нечто похожее на оконное стекло, покрытое зимним морозным узором, через которое можно увидеть лишь белый снег и туман.

Хедрик повернулся к Атайе и поднял вверх камень.

— Это ключ, — пояснил он. — При помощи него человек может обеспечить себе доступ в палату Совета, тщательно закрытую защитным покровом. Этот прямоугольник — мы называем его панелью — напоминает по структуре визуальную сферу. Между ними, естественно, существует ряд технических различий, но основной принцип их создания один и тот же.

Хедрик стукнул по прямоугольнику подушечками пальцев, и послышался хрустальный звон.

— Если каждому приходится пользоваться такой панелью, то зачем тогда вообще нужна палата?

— Те члены Совета, которые имеют возможность лично явиться на собрание, просто приходят туда. Когда пользуешься панелью, быстро устаешь. Иногда заседания затягиваются, и это вообще сильно утомляет. Но сейчас зима. Подозреваю, что лишь Бэзил и Тоня будут в состоянии прийти на собрание. Бэзил живет в самом Теносе, а Тоня — из Уларда, который находится всего несколькими милями севернее. Она — друг семейства Джейрена, кстати сказать, — добавил Хедрик и подмигнул своему ассистенту. — Но довольно болтать. У нас в распоряжении всего несколько минут. Я должен удостовериться, что подготовил ключ правильно. И что ты сможешь активизировать его.

Атайя повторила все то, что пять минут назад проделал Хедрик: дотронулась до камня, чтобы заложенное в нем заклинание вступило в действие, затем развела руки, ограничивая таким образом необходимые рамки. Отдых и еда помогли восстановить потерянные во время транслокации силы, поэтому ей не составило большого труда добиться нужного результата. Через несколько минут перед Атайей уже стояла прямоугольная панель, похожая на разрисованное морозом стекло, такая же, как у Хедрика, отличаясь лишь размером.

Хедрик удовлетворенно кивнул, отошел к стене и уселся на свой любимый стул, всегда напоминавший Атайе старое крючковатое дерево.

— Ты можешь пока оставить свою панель. Когда председатель вызовет нас, мы установим визуальную связь с палатой.

Атайя вопросительно взглянула на Джейрена, который с того момента, как вошел в кабинет, не проронил ни единого слова, а так и стоял задумчиво у двери.

Наверное, все еще обдумывает разговор с отцом, — решила Атайя. — *Но почему он не создает панель?*

Словно прочитав ее мысли, Хедрик пояснил:

— У меня, кроме моего собственного, есть всего один ключ. Вам двоим придется воспользоваться твоей панелью, Атайя.

В этот момент свет в кабинете померк, прямоугольные стекла заметно потускнели. Атайя бросила на Хедрика взволнованный взгляд, но он успокаивающе кивнул ей и спокойно встал со стула, похрустывая старыми костями.

— Ничего страшного не случилось, моя дорогая. Просто они готовы принять нас, вот и все.

Атайя ближе подошла к своей панели, а Джейрен встал у нее за спиной.

Внезапно затуманенные поверхности обоих прямоугольников осветились ярким белым сиянием, напоминая вспышку молнии на ночном небосклоне.

Атайя вздрогнула и попятилась назад, но Джейрен остановил ее, крепко обняв за плечи.

— Да, да, мы идем, — проворчал Хедрик и приблизился к своей панели. — Они открыли доступ со своей стороны, Атайя. Дотронься ключом до прямоугольника, чтобы разблокироваться.

Последовав указанию Хедрика, Атайя коснулась затуманенного стекла той стороной камня, где были выведены знаки.

Послышался негромкий щелчок, и окутывавшая поверхность панели дымка растворилась. Атайя увидела перед собой изображение палаты с множеством стен. Простая красота помещения так ее очаровала, что на какое-то время она вовсе позабыла о том, насколько серьезное мероприятие ей предстоит пережить. Зал окружали стройные гладкие колонны из

песчаного камня. Крыша в виде купола поражала изяществом очертаний. Возле каждой колонны стоял необычной формы медный подсвечник. Единственным замысловатым элементом в палате являлся полированный пол из мрамора, в центре которого красовался инкрустированный крест. В тех местах, где перекрещивающиеся полосы заканчивались, было изображено по три сцепленных между собой кольца. Именно такой знак висел над дверью, ведущей в кабинет Хедрика.

Атайя недолго наслаждалась спокойными красотами зала, заметив вскоре панели остальных членов собрания между колоннами. Смутившись, она принялась рассматривать великих колдунов, о которых так много слышала, медленно поворачивая голову слева направо.

Все они выглядели весьма необычно: темнокожий гигант в желтом тюрбане, длинноволосая женщина с лицом оливкового цвета и соблазнительным взором, джентльмен с проницательным взглядом, попивавший что-то из фляги, и бледная седовласая дама, похожая на сосульку, обряженная в экзотические меха.

Мастера безмолвно глядели на Атайю, их лица ничего не выражали.

Тут она заметила фигуры еще двоих человек. Они сидели в центре круга и о чем-то переговаривались приглушенными голосами. Первой была женщина средних лет со спутанными волосами. Ее несвежее лицо, казалось, кто-то неумело вылепил из глины. Простого покроя платье, измятое в нескольких местах, свободно свисало с бесформенных плеч. Создавалось впечатление, что она просто не успела переодеться. Одежда мужчины, сидевшего рядом — синяя мантия с серебристым воротником, отороченная мехом куницы, — напротив, отличалась невероятной опрятностью и элегантностью. Его руки и лицо казались вырезанными из мрамора, волосы, хотя их у него осталось немного, были идеально уложены. Не нарушая царившую в палате тишину, он плотно сжал губы, повернулся к Атайе и окинул ее оценивающим взглядом.

Скорее всего это и есть председатель Бэзил, — взволнованно подумала Атайя.

Человек поднялся на ноги и направился в ее сторону, длинные полы синей мантии мягко взметнулись, как крылья диковинной птицы.

Атайя прекрасно знала, что он находится в другом городе, на огромном расстоянии от нее, но, испугавшись, отступила назад.

В его глазах светилось презрение и неодобрение. Ей в голову неожиданно пришла ужасающая догадка: по-видимому, этот тип и есть тот самый член Совета, который ставит под сомнение ее прошлое.

— Вы — Атайя Трелэйн, принцесса из Кайта, — произнес Бэзил, всем своим видом показывая, что она не произвела на него должного впечатления.

Атайя хотела было расправить плечи, но у нее ничего не получилось. Неуклюже передернувшись, словно от судороги, она ответила:

— Да.

— Я много слышал о вас.

Атайя нервно моргнула.

Могу себе представить, что ты слышал обо мне.

— Уверен, вы помните моего ассистента, Джейрена Маклауда, — поспешно вмешался в разговор Хедрик, и Атайя обрадовалась возможности перевести дух.

Бэзил взглянул на Джейрена.

— Да, — ответил он монотонным, ничего не выражавшим тоном, не одобрительным, но и не осуждающим.

Джейрен пробормотал слова приветствия. Бэзил безразлично кивнул в ответ и вновь сосредоточил все свое внимание на Атайе.

— Вы знаете, почему мы вызвали вас сегодня?

— Прошу прощения, лорд Бэзил, — опять заговорил Хедрик, — вам не кажется, что сначала стоит познакомить ее со всеми присутствующими?

Бэзил невозмутимо взглянул на Хедрика. Даже если замечание старика вызвало в нем раздражение, он никак этого не выразил, лишь крепче сжал пальцы.

— Как вам будет угодно, мастер Хедрик.

Когда Бэзил представлял Атайе каждого из собравшихся, Хедрик посылал ей свои собственные мысленные комментарии. Бэзил, догадываясь по выражению ее лица о том, что происходит, и прекрасно понимая, какого рода характеристики способен дать Хедрик, бросал в его сторону недовольные взгляды. Женщину же с растрепанными волосами это, напротив, забавляло. В те моменты, когда Бэзил поворачивался к ней спиной, она даже весело подмигивала Хедрику.

— Это мастер Сельга, — начал председатель, указывая рукой на женщину с белыми волосами и бледно-голубыми глазами, закутанную в меха.

— Довольно неплохая особа, но состоит в Совете недавно и несколько задается из-за своего таланта.

— Мастер Арзан.

Бэзил говорил о чернокожем человеке в тюрбане, сидевшем на подушке с кисточками.

— Выращивает лошадей в Круачи. Хороший колдун, но лишен воображения.

Бэзил пересек палату и приблизился к другой паре панелей.

— А это мастер Генеско...

— Торговец чаем. Держится на расстоянии, даже с близкими друзьями. Зато благодаря этому типу у меня всегда имеется чайный запас, несмотря на нескончаемые бандитские набеги на торговые пути.

— Мастер Кива.

Бэзил указал на знойную красотку с оливковой кожей.

— Ах да, мастер Кива. Никто не знает определенно, чем она занимается. Полагаю, чем-то нелегальным. Но, похоже, ей нравится сознавать, что нам о ней ничего не известно.

Вдруг голос Бэзила несколько смягчился.

— И мастер Тоня.

Хедрик тоже заговорил совершенно другим тоном, когда председатель повернулся к небрежно одетой женщине с глиняным лицом.

— Наверное, самая сообразительная из нас. Иногда бывает грубоватой, но, думаю, она делает это назло Бэзилу. Если ты

успела заметить, он частенько злоупотребляет своим положением.

Атайя засмеялась, но тут же, встретившись глазами с суровым взглядом Бэзила, притворилась, что кашляет.

Интересно, что бы было, если бы этот тип встретился однажды с ее братом Дарэком? Наверное, они потратили бы долгие часы на обсуждение ее недостатков и проступков.

Мастер Тоня поднялась с места, подошла к панели Атайи и, поприветствовав ее парой дружелюбных фраз, обратилась к Джейрену:

— Сколько времени прошло, милый мой! — Ее глиняное лицо расплылось в добродушной улыбке. — Я не видела тебя уже... около двух лет!

— Что-то вроде того. Как дела на ферме, мастер Тоня?

— Отлично, — весело ответила Тоня и прищелкнула языком. — Прошлой осенью я купила еще трех поросят и...

— Полагаю, вводная часть завершена, — воскликнул Бэзил, окидывая Тоню нетерпеливым взглядом. — Нам необходимо обсудить много вопросов. Вы не возражаете?

— Как скажете, — ответила Тоня, пожимая плечами.

— Друзья мои, — произнес Хедрик официальным тоном, обращаясь ко всем присутствовавшим, — вы попросили меня привести Атайю, чтобы она сама рассказала о том, что произошло прошлой осенью в Кайте. Я же, в свою очередь, прошу вас не делать поспешных выводов, пока не дослушаете ее до конца. Мне кажется, некоторые из нас заблуждаются, осуждая Атайю. Надеюсь, все недоразумения прояснятся.

Произнося речь, Хедрик не смотрел на Бэзила, да это было бы и ни к чему.

Атайя сглотнула, набрала в легкие воздуха и начала свой рассказ. Она поведала о том, как Хедрик впервые сообщил ей о заложенном в ней таланте, как долго эта новость представлялась ей пугающей и невероятной, как постепенно она осознала ценность и исключительность своего дара. Каких усилий ей стоило сохранить спокойствие, когда очередь дошла до описания жуткой сцены гибели отца, а затем столкновения с

Родри на его похоронах и последовавшем аресте. В заключение она рассказала о предложении Родри — отдать ему свою магию, его угрозе лишить жизни Тайлера в случае ее отказа и о том, как, желая уберечь любимого от гибели, она согласилась передать Родри свои силы.

— Вы говорите, этот ритуал убил его? — Колдун Генеско удивленно уставился на Атайю, но в его взгляде, к ее радости, не было и капли недоверия. — Он умер, приняв от вас магию?

— Да. — Атайя предпочла опустить подробности: жуткие воспоминания о разлетевшихся по камере кусках мяса и костей вызвали в ней приступ тошноты. — Если позволите, я не стану описывать детально, как это случилось.

Из панели в противоположной стороне зала послышался надменный голос Сельги:

— И как Родри не подумал о таком исходе? Неужели он рассчитывал на то, что Господь допустит нечто подобное?

— Прошу прощения! — воскликнул Бэзил и поднял руку вверх, требуя тишины, давая Атайе возможность завершить рассказ.

— Мне почти нечего добавить. После всего, что случилось, Джейрен помог мне вернуть свои силы, мы бежали из замка и приехали сюда. С тех пор я прохожу курс обучения с мастером Хедриком.

Бэзил еле заметно кивнул.

— Не будете ли вы так любезны, Джейрен, поведать нам о том, как именно вы помогли принцессе вернуть силы?

Атайя почувствовала, как Джейрен сжал в руке ее ладошку, но, когда он заговорил, его голос прозвучал на удивление ровно и спокойно.

— Силы восстановились в момент смерти Родри, но Атайя не могла ими пользоваться, пока не нашла доступ.

— Очень любопытно, — заметил председатель и задумался.

Прошло несколько минут, показавшихся Атайе вечностью, и Бэзил, глубоко вздохнув, вновь заговорил.

— Так, значит, вы не отрицаете, что король Кельвин погиб от воздействия на него вашей магии?

— Нет, не отрицаю, лорд Бэзил. Король был еще и моим отцом, и если бы я только смогла предотвратить его смерть... Я просто не знала, что делать.

— Вы утверждаете, что произошел несчастный случай. Но как вы можете это доказать?

То же самое сказал ей Дарэк!

Хоть Хедрик и предупредил ее о том, что нечто подобное может произойти во время собрания, она почувствовала прилив жгучей ярости. Спокойно принимать незаслуженные обвинения? Ну уж нет!

Еще немного, и с ее губ сорвалась бы непростительная грубость, но Джейрен вовремя остановил ее, шепнув ей на ухо пару убедительных слов.

Атайя вонзила ногти в ладони, чтобы не сорваться.

— Если вам нужны доказательства, можете проникнуть в мое сознание — прочесть мысли, заглянуть в воспоминания. Я не стану возражать.

— Поверьте, Атайя, я непременно бы сделал это, но мы находимся слишком далеко друг от друга. Возможно, в будущем я именно так и поступлю, но в настоящий момент у меня, к сожалению, ничего не выйдет. Конечно, этим мог бы заняться Хедрик, однако...

Бэзил не закончил начатую фразу, но всем было ясно, что он имеет в виду. Председатель не доверял коллеге, ведь именно его ученик совершил когда-то, несмотря на строгий запрет, ритуал передачи магических способностей.

— Если нужно, Бэзил, Атайя приедет к вам, тогда и почитаете ее мысли. — Глаза Хедрика озорно поблескивали. — Кстати говоря, она, по всей вероятности, в состоянии использовать заклинание транслокации — то самое, которое все считают мифом.

Ноздри председателя раздулись от изумления. Он резко перевел взгляд на Атайю и присвистнул, но тут же взял себя в руки и вновь натянул на физиономию маску безразличия.

— Глупости! — воскликнул Генеско и отхлебнул из фляги. — Детские сказки.

— Называйте это как хотите, но сегодня во время занятия Атайя исчезла из одного места и очутилась совершенно в другом, преодолев за считанные секунды расстояние в три мили! — заявил Хедрик. — Она не знает точно, как ей это удалось, но мы с Джейреном оказались невольными свидетелями ее чудесного перемещения.

Мастер Тоня набросилась на Бэзила.

— Ты что, не слышишь, о чем тебе рассказывают? Если это правда, то, выходит, Атайя обладает способностью применять редчайшее из заклинаний! Неужели ты намерен проигнорировать сей факт лишь потому, что не уверен в ее честности?

— Я ничего не собираюсь игнорировать, Тоня. Но сегодня мы должны обсудить ее прошлое и определить будущее, а не разглагольствовать о том, что произошло с ней на сегодняшнем занятии.

— Хорошо, — не унималась Тоня. — Почему ты ничего не ответил на предложение почитать ее мысли? Не хочешь узнать правду? Или предпочитаешь оставаться при своем мнении?

— Если позволите, мастер Тоня, — подключился к беседе Арзан, — я считаю, что чтение мыслей не даст желаемых результатов. С того момента, когда произошли трагические события, миновало слишком много времени. Принцесса могла убедить себя в том, что все случилось именно так, как она рассказала. Таким способом мы не докопаемся до правды.

Глаза Бэзила просияли, он с благодарностью взглянул на чернокожего коллегу.

— Признаю, что сегодняшнее открытие представляет собой особую важность, но мы собрались здесь совсем по другому поводу. Возможно, в другой раз, когда Атайе станет известно о заклинании нечто большее, мы обсудим и этот вопрос.

Хедрику явно не понравилось то, как была воспринята новость о редчайшем таланте его новой ученицы, но он не мог не согласиться с тем, что на настоящий момент говорить особенно не о чем, так как Атайя сама пока практически ничего не знала о заклинании транслокации, кроме того, что оно существует.

— Хочу отметить настораживающую закономерность, — воскликнула, вскидывая тонкие, идеальной формы брови, мастер Кива. — Почему именно ваши ученики постоянно ввязываются в столь серьезные неприятности, Хедрик? Сначала Родри, а теперь еще Атайя...

Было понятно, что она просто дразнит его, но Хедрик побагровел от возмущения.

— Позвольте напомнить вам, что вся ответственность за то, что содеял Родри, а также за то, чем закончились его эксперименты, лежит на нем самом. И если бы этот мерзавец не был одержим идеей доказать миру, что магию можно спокойно передавать рожденным без дара людям, то Атайя и Джейрен никогда не оказались бы в подобной ситуации.

Бэзил окинул Хедрика строгим взглядом.

— Ваше суждение о Родри необъективно. Свое личное к нему отношение советую вам оставить при себе. Кстати, когда-то вы явились единственным, кто проголосовал против его вступления в Совет. А между тем у нас нет ни малейшего доказательства того, что именно Родри ответственен за передачу магических сил королю Кельвину.

— Нет доказательств? — неожиданно выкрикнула Атайя, отказываясь верить своим собственным ушам. — Да он сам говорил мне об этом. В Кайте ни для кого не секрет, что Родри совершил когда-то обряд передачи.

— Кроме того, я получил от него письмо, в котором он во всем признался, — сказал Хедрик.

— Вы можете показать это письмо Совету? — спросил Бэзил, прищуривая взгляд.

Хедрик ответил не сразу. Выдержав паузу, он еле слышно выругался и медленно произнес:

— Нет. Я пришел в ярость тогда и тут же сжег его послание.

— Ага, итак, кроме рассказа Атайи о смерти Кельвина и Родри, мы ничего больше не имеем, никаких подтверждений и доказательств.

— Но ведь я постоянно находился рядом с ней, — воскликнул Джейрен. — Я все видел.

— Вы собственными глазами видели, как умирали Кельвин и Родри? Вы присутствовали при этом?

— Гм... нет... — Джейрен несколько растерялся. — Но я встретился с Атайей сразу после того, что случилось, и в первый, и во второй раз. Она не смогла бы выдумать такое, лорд Бэзил. У нее просто не хватило бы времени.

— Возможно. Но это лишь ваше мнение, но не доказательство.

— Да как вы смеете так настойчиво обвинять ее в совершении двух убийств? — не выдержав, возмутился Хедрик. — Вам должно быть известно, насколько неконтролируем *мекан* на поздних стадиях. Хотя... — с горечью в голосе добавил старик, — у нас в Рэйке людям не приходится сталкиваться с подобным явлением. Мы слишком надежно защищены. Но нельзя забывать о наших братьях лорнгельдах, проживающих в Кайте. И о существующих в этой стране жестоких правилах. То, что произошло с Кельвином, — несчастный случай. А что касается Родри... Да зачем бы ей, скажите на милость, понадобилось убивать его?

Глаза Бэзила зловеще сверкнули.

— Действительно, зачем? Давайте подумаем. Позвольте напомнить вам, Хедрик, что на свете есть люди, которые относятся к магии совсем не так, как мы с вами.

На мгновение Хедрик замер от неожиданности.

— Верно, — пробормотал он, гневно раздувая ноздри.

— Возьмем, к примеру, жителей острова Саре. Они, так же как и мы, считают магию божественным даром. Но полагают, что она дает лорнгельдам исключительное право повелевать другими людьми. Слава Богу, этих умников не так много, — добавил Бэзил и с отвращением фыркнул. — Насколько нам известно, кайтские короли, помимо прочих, обладают титулом «Лорд острова Саре», однако на самом деле им не принадлежит власть над населением острова. А что, если Атайе пришло в голову захватить в свои руки управление целым государством, включая Саре? В Кайте на настоящий момент не осталось ни одного колдуна. Для нее бы не составило большого труда...

— Довольно! — воскликнула Атайя таким тоном, каким только способна разговаривать воспитанная в королевской семье особа. Она долго терпела, спокойно выслушивала выдвигаемые обвинения, но вынести подобное была не в состоянии. — Мне совершенно ни к чему кайтская корона, лорд Бэзил. Заявить такое — непростительная наглость с вашей стороны. Я с таким же успехом могу обвинить вас в подготовке заговора с целью добиться председательства в Совете. Чем вы докажете обратное?

— Атайя! — вскрикнул Хедрик, совершенно ошарашенный развитием событий. — Атайя, замолчи!

Резкие слова учителя заставили ее остановиться. Тяжело дыша, пытаясь успокоиться, она опустила глаза.

— Мне кажется, мы опять отошли от основной темы, лорд Бэзил.

Хедрику было явно нелегко казаться спокойным.

Председатель выглядел задумчивым, глубокая складка, появившаяся у него между бровями, красноречиво говорила о том, что он сожалеет о сказанном: не стоило так открыто заявлять о своих подозрениях.

— Очень хорошо. Давайте вернемся к главной проблеме.

Бэзил приблизился к панели Атайи и сложил свои скульптурные руки на груди. Теперь, к немалому ее удивлению, он смотрел на нее с некоторым уважением, словно, взорвавшись, она сдала своеобразный экзамен.

— Итак, Атайя, в вашем прошлом многое остается для нас не совсем понятным и противоречивым, и никто из нас не в силах что-либо изменить. Давайте лучше перейдем к обсуждению ваших планов на будущее. Мастер Хедрик сообщил нам, что вы собираетесь заняться изменением существующей в Кайте ситуации. Совету интересно знать, что именно вы собираетесь предпринять. С чего вы начнете, когда вернетесь на родину?

Впервые за весь вечер в обращении к ней Бэзила не прозвучало высокомерных ноток, впервые он назвал ее по имени. И Атайя почувствовала себя более уверенно.

— Я буду тренировать людей, кого только смогу. Не думаю, что все пойдет успешно с самого начала, но если я обучу хотя бы нескольких лорнгельдов, то они, в свою очередь, займутся тренировкой кого-то еще. Первое время придется работать тайно, до тех пор, пока не соберется достаточное количество приверженцев моего движения. Я планирую разыскать единомышленников отца и обратиться к ним за помощью. Их не так много, но все они — люди достаточно влиятельные. Возможно, кто-то из них согласится пожертвовать деньги на открытие в Кайте Школы колдунов.

— Планы весьма грандиозные для молодой особы, — заметил не без иронии Бэзил, но Атайя почувствовала, что теперь он смотрит на нее с еще большим уважением, даже с восхищением.

— Я не собираюсь отправлять ее в Кайт одну, — отметил Хедрик. — Я уже связался с некоторыми людьми, которые, как мне кажется, смогут оказать ей поддержку. Кроме того, я получил послания от двух человек, узнавших о наших намерениях и желающих помочь.

— Я тоже, естественно, поеду с ней. — Джейрен придвинулся к Атайе и положил ей руку на плечо. Она вдруг почувствовала себя загнанной в клетку птицей. Спереди перед ней стоит панель, а позади — Джейрен, и нет ни малейшей возможности убежать, высвободиться... Атайе почему-то стало не по себе, но в это мгновение опять послышался голос Бэзила, и все ее внимание вновь переключилось на него.

— У Джейрена уже есть опыт преподавания. Он с этим неплохо справляется. А как насчет вас, Атайя? Вы уверены, что сможете тренировать других?

Атайя ответила не сразу. Вопрос председателя поставил ее в тупик. Заявить, что справится со столь сложным заданием, она не могла, так как не была в этом уверена.

— Я не знаю, лорд Бэзил. — Атайя спокойно и твердо взглянула председателю прямо в глаза. — Но приложу для этого все усилия.

Бэзил поднял брови, но, по всей вероятности, остался доволен ответом. Более того, на него ее слова произвели се-

рьезное впечатление, и, задумавшись на минуту, он одобрительно кивнул.

— Конечно, мастер Хедрик может научить вас преподаванию. Ему довелось обучить в своей жизни несчетное количество колдунов, и у него это отлично получается. — Атайя почувствовала, что, несмотря на существующие между ними трения, Бэзил искренне уважает Хедрика. — Но вы не должны забывать о понятиях этики, — предупредил он, поднимая вверх указательный палец. — Тренировать людей, чьи способности сравнимы с нашими, например, требует гораздо большего, нежели просто технических навыков.

— Я прекрасно знаю об этом, — ответила Атайя.

В том-то и заключалась грубейшая ошибка Родри: он использовал магические силы, игнорируя моральные аспекты их существования. Оказавшись жертвой его экспериментов, она поклялась никогда, даже в малейшей степени, не пренебрегать понятиями этики.

Бэзил отвернулся и поинтересовался у представителей Совета, желают ли они задать какие-либо вопросы либо готовы отпустить гостей. Мастера лишь молча переглянулись, и Атайя поняла, что им хочется обсудить произошедшее, но уже не в ее присутствии.

— Мастер Бэзил, — обратился к председателю Хедрик, — если позволите, я затрону еще один вопрос.

— Прекрасно. Что за вопрос?

Хедрик повернулся к соседней панели и обратился к ассистенту:

— Джейрен, ты можешь идти. То, о чем я хочу поговорить, относится к сфере секретной информации.

Джейрен, поколебавшись мгновение, нехотя кивнул учителю и, сжав ладошку Атайи, удалился. Она слышала, как за ним захлопнулась дверь.

Бэзил выглядел озадаченно.

— О чем вы хотите побеседовать?

— О заклинаниях Совета, лорд Бэзил.

Председатель метнул в его сторону предупреждающий взгляд.

— Хедрик, вы понимаете, что делаете? Вы верно поступили, попросив ассистента покинуть нас. Но если речь пойдет о секретных заклинаниях, то и Атайе следует уйти.

— То, о чем я хочу поговорить, связано именно с ней, Бэзил. Полагаю, ее нужно обучить одному из заклинаний Совета.

— Что? — прогремел возмущенный возглас мастера Генеско.

— Это невозможно, — заявила Сельга, откидывая назад прядь седых волос.

— Вам даже не стоило заговаривать об этом, Хедрик, — категоричным тоном произнес Бэзил.

— У меня есть на то веские причины, — настаивал Хедрик. — Могу я по крайней мере их изложить?

— Начинай! — воскликнула Тоня. — Очень любопытно послушать.

— Верно, начинайте, — поддержала ее Кива.

Бэзил закрыл глаза и махнул Хедрику рукой, позволяя ему продолжить свою речь.

— Атайя сможет защитить себя при помощи массы различных способов, когда вернется в Кайт. Но если ей будет угрожать реальная опасность... думаю, нам необходимо научить ее заклинанию блокировки.

— Его слова не лишены смысла, — задумчиво заметил Арзан. — Если бы мне довелось очутиться в стране, где к лорнгельдам относятся так, как в Кайте, то это заклинание было бы незаменимым.

Сельга возмущенно вскинула руки.

— И что с ней станет потом? Кто разблокирует ее?

— О чем это вы? — беспомощно воскликнула Атайя.

Она вообще не могла принять участие в споре, так как понятия не имела, о чем идет речь.

— О блокировке колдовских сил, Атайя. Сегодня днем, сказав, что очень ослаблена, ты напомнила мне об этом заклинании. С его помощью человек может заблокировать свою магию.

Атайя нахмурила брови.

— По-моему, это только послужит помехой...

— Наоборот! Окажет незаменимую помощь. В том случае, если тебе придется столкнуться с корбаловым кристаллом. Когда силы заблокированы, корбал не оказывает на колдуна никакого воздействия. Твоя реакция на него будет такой же, какой была до наступления *мекана*. И если поблизости не окажется другого лорнгельда, который сможет распознать в тебе магические силы, никто и не догадается о твоих способностях. Таким образом ты сумеешь избежать серьезных проблем и даже спасти свою жизнь.

— Вы непременно должны позаботиться о себе, — заявила мастер Кива, но по озорному блеску в ее глазах Атайя догадалась, что эта красотка просто дразнит ее.

Скорее всего она относилась к тому типу людей, кому нравится подливать масла в огонь, чтобы разжечь начавшийся спор.

— Но почему это заклинание считается секретным? — поинтересовалась Атайя.

Бэзил серьезно взглянул на нее.

— Некоторые заклинания, в том числе и заклинание блокировки, разрешено использовать только членам Совета по той причине, что они таят в себе ряд опасностей. Их в отличие от обряда передачи никто не запрещал. Видите ли, Атайя, — голос Бэзила стал еще строже, — заблокировать можно не только свои способности, но и способности других колдунов.

— Само существование этих заклинаний ни для кого не является тайной, — пояснил Хедрик, заметив, что Атайя все еще сильно озадачена. — Мы еще встретим упоминание о них в наших учебниках, но я не имею права объяснять тебе, как ими пользоваться. Если не получу на это разрешение Совета. — Он повернулся к Бэзилу и немного склонил голову. — Я официально обращаюсь к вам с вышеупомянутой просьбой.

Председатель углубился в раздумья, затем, после некоторого колебания, принялся беседовать с каждым из присутствовавших. Атайя напрягала слух, пытаясь уловить разговоры, но слышала лишь неразборчивый гул голосов. На опрос

мнений у Бэзила ушло около четверти часа. Наконец он повернулся к Хедрику и сказал:

— Хорошо, мастер Хедрик. Совет дает вам — правда, неохотно — свое согласие, принимая во внимание необычные обстоятельства. Но вы должны пообещать нам, что уделите особое внимание пояснению того, насколько опасным может оказаться данное заклинание.

— Спасибо, лорд Бэзил. Завтра же я расскажу Атайе обо всех возможных опасностях.

— Что вы имеете в виду? — спросила Атайя, совершенно не понимая, о чем говорят вокруг.

— Позже, Атайя, позже.

Хедрик махнул рукой, призывая девушку к молчанию.

— Уже поздно, а мы еще не все обсудили, — сказал Бэзил, повернулся к Атайе и уставился на нее своими голубыми глазами. — Сомневаюсь, что нам еще выпадет возможность встретиться до того момента, пока вы не вернетесь из Кайта, но знайте: Совет будет с нетерпением ждать от вас счастливых вестей. — Слова прозвучали вежливо, но по изгибу губ Бэзила Атайя видела, что вести просто обязаны быть счастливыми, в противном случае ей придется пожалеть о своей затее. — Мы будем наблюдать за вами.

Сначала ей ужасно не понравилась эта выходка, но, поразмыслив немного, Атайя поняла, что Бэзил боится ее. Не ее мощи, а того нового и неведомого ему ранее, что он увидел в ней, в ее характере, в ее намерениях.

— Вы как будто угрожаете мне, — сказала Атайя шутливым тоном.

Бэзил вперил в нее свой кошачий, неморгающий взгляд. Теперь жесткость и презрение в полной мере вернулись к нему. Расправив плечи, он медленно произнес:

— Именно это я и имел в виду.

Председатель отвернул голову, и в следующее мгновение панель Атайи погасла, превращаясь в черное пятно. Ей дали понять, что она свободна.

— Итак, вернемся к транслокации. Что за чепуху вы рассказали нам сегодня?

Из панели Хедрика вновь послышался голос Бэзила.

Атайя медленно вышла из кабинета и поплелась в библиотеку дожидаться Хедрика.

Поздно вечером того же дня Атайя сидела в библиотеке, читая перед завтрашним уроком имевшиеся у Хедрика материалы о заклинании блокировки. Спать не хотелось — после того, как ей сообщили, что она должна обучиться представлявшему собой крайнюю опасность заклинанию, у девушки возникло желание как можно быстрее ознакомиться с правилами по его использованию и предостережениями.

Атайя спокойно просматривала толстенные книги, радуясь возможности заниматься этим без Джейрена. Он, само собой разумеется, стал бы задавать какие-нибудь вопросы, и ей пришлось бы хитрить и изворачиваться. Хотя прочитать ему все равно ничего не удалось бы. Книжки, посвященные описанию заклинаний Совета, были защищены особым способом: если в них заглядывал человек, не получивший от Совета специального разрешения, то он ничего не мог разобрать, буквы искажались до неузнаваемости.

После собрания Хедрик зашел в библиотеку, прошептал над книгами какие-то слова, предоставляя Атайе возможность ознакомиться с описанием заклинания, и удалился спать, отложив все разговоры и обсуждения на завтра.

Когда глаза уже стали закрываться, и потянуло в сон, Атайя тоже решила отправляться в постель. Она понятия не имела, который час, но буквально несколько минут назад слышала чьи-то громкие шаги внизу — значит кто-то еще не спал.

Погасив свечи и потушив огонь в камине, Атайя вышла из библиотеки, спустилась по лестнице и, заметив чью-то темную фигуру в полумраке коридора, ахнула от неожиданности. Через секунду человек подскочил к ней и схватил ее за руку. Она вскрикнула и ринулась назад.

— Кто здесь?

— Ничего не спрашивай и следуй за мной, — торопливым, взволнованным шепотом произнес Фельджин и стал подниматься вверх по узкой лестнице, крепко сжимая в руке ее ладонь.

Он шел так быстро, что Атайя едва поспевала переступать со ступеньки на ступеньку.

— Но куда мы...

— Тс-с!

Он буквально втолкнул ее обратно в библиотеку.

— Жди меня здесь. И не вздумай выходить.

Атайя выдернула руку.

— Фельджин, ради Бога, объясни, что происходит.

Ее голос эхом отозвался в пустынном коридоре, и Фельджин сердито приставил к губам палец, показывая, что она должна молчать. Удостоверившись, что поблизости нет ни души, Фельджин пояснил:

— Несколько минут назад к нам пожаловали солдаты из Кайта. Вид у них не очень-то дружелюбный. И уверяю тебя, они приехали не с самыми мирными намерениями.

У Атайи перед глазами поплыли туманные пятна, и она схватилась за спинку стоявшего рядом кресла, чтобы не упасть.

— Что им нужно?

— А как ты думаешь? Они уверены в том, что ты здесь, и хотят, чтобы Осфонин передал тебя в их руки. Ты должна оставаться здесь до того момента, пока я не вернусь и не скажу, что можно выходить, поняла?

Не дождавшись ответа, Фельджин осторожно вышел из библиотеки и бесшумно закрыл за собой дверь. Атайя слышала, как он спустился по лестнице, затем его шаги растворились в ночной тишине. Она всегда знала, что Дарэк поймет, куда они с Джейреном направились, сбежав из Делфара, но никак не могла предположить, что братец пошлет за ней в Рэйку официальную делегацию. Наоборот, Атайе казалось, он будет только благодарен ей за добровольное исчезновение из страны. М-да, король Рэйки оказался в весьма затруднительной ситуации. У него есть два выхода: отдать ее солдатам Дарэка, предоставляя королю Кайта возможность самому распорядиться судьбой сестры либо солгать. Но если он выберет второе, то поставит под угрозу нападения собственную страну.

Атайя понимала, что Осфонин обязан в первую очередь думать о безопасности своего народа.

Время тянулось мучительно долго. Она вскакивала от каждого звука и даже не зажигала свечи, боясь, что ее обнаружат. Через окно струился лунный свет, наполняя темную комнату таинственным серебряным сиянием.

Атайя злилась на себя за то, что не могла унять дрожь, представляя, как поедет с солдатами Дарэка обратно в Кайт. Ничего, она теперь многое умеет и постарается сбежать. Вдруг откуда-то из-за двери послышались чьи-то голоса, и ее сердце, подпрыгнув, казалось, застряло в горле. Лязгнул замок, и дверь медленно отворилась, отвратительно поскрипывая.

Сначала Атайя разглядела лишь белые перья и блестящий шлем, но затем, когда человек подошел ближе, рассмотрела и его одежды — кольчугу и красный плащ.

— Так вот ты где! — сказал мужчина, не снимая шлема. — Бессовестная беглянка!

— Не приближайся, — предупредила Атайя, собираясь с духом и вспоминая слова заклинания защиты. — Предупреждаю...

Атайя замерла от неожиданности, когда из-за металлического шлема раздался до боли знакомый смех. Только сейчас она заметила вышитый на плаще вошедшего герб семьи Трелэйн. Он широко развел руки, словно ожидающий аплодисментов актер после представления.

— Можешь заколдовать меня любым заклинанием, сестренка!

Глава 5

Атайя была настолько поражена, что в первое мгновение, остолбенев, удивленно вглядывалась в вошедшего, который стоял перед ней уже без шлема, и не верила собственным глазам. Казалось, у нее начались галлюцинации. После столь

сумасшедшего денька и не такое примерещится! Человек улыбнулся, в его глазах запрыгали по-детски озорные огоньки. Атайя покачала головой, словно внезапно разбуженная посреди глубокой ночи.

— Николас!

С восторженным криком она бросилась в объятия брата. Он крепко обхватил ее за талию и, смеясь, принялся кружить по комнате.

— Откуда... то есть как ты...

В это мгновение из-за двери показалась голова Фельджина в темном капюшоне.

— Я вернусь за тобой приблизительно через час, — обратился он к Николасу и, не сдержав эмоций при виде милой парочки, разулыбался, но тут же вновь напустил на себя строгий вид, напоминая всем, в том числе и себе, об опасности ситуации.

— Потише здесь, поняли?

Когда Фельджин скрылся за дверью, Николас снял перчатки, положил их вместе со шлемом на стол Хедрика и сбросил с ног черные кожаные сапоги.

— Боже праведный, как же здесь холодно, Атайя, — воскликнул он. — И почему ты не решила сбежать в какую-нибудь из жарких стран?

Атайя шутливо фыркнула, подошла к камину, подбросила дров и, прошептав какие-то слова и дотронувшись до одного из поленьев, зажгла огонь. Николас следил за ее действиями широко раскрытыми глазами, буквально затаив дыхание. Для Атайи же эта процедура уже являлась естественной и даже успела порядком поднадоесть, так как входила в ее ежедневные обязанности.

Стряхнув с рукава сажу, Атайя взяла брата за руку, и они уселись на мягкий диванчик у стены. С ее губ не сходила счастливая улыбка.

— Я, кажется, пришла в себя. Теперь ты должен рассказать, каким ветром тебя сюда занесло.

— А тебе еще не сообщили о цели нашего визита? — спросил Николас, с отвращением скривил губы и провел рукой по

растрепавшимся волосам, тщетно пытаясь хоть немного привести их в порядок. — Я привез приказ о передаче тебя в руки посланников короля Кайта. Спасибо нашему братцу!

— Да здравствует его величество, — пробормотала Атайя поникшим голосом.

— Я дал ему обещание уговорить тебя вернуться.

Атайя резко выпрямила спину. Чем же, интересно, смог запугать Николаса Дарэк, чтобы заставить его решиться на такое? Но брат ухмыльнулся и взглянул ей прямо в глаза, и она поняла, что он вовсе не собирается выполнять обещание и не воспринимает всерьез приказ Дарэка.

Атайя с облегчением вздохнула и засмеялась.

— А для чего мне возвращаться домой? Чтобы меня там благополучно казнили?

— Не очень-то привлекательная перспектива, верно? — Николас махнул рукой. — Я сказал ему, что постараюсь убедить тебя. Только так я мог добиться его позволения поехать в Рэйку.

— Честно признаться, я вообще не понимаю, как он отпустил тебя. Не думаю, что твои обещания показались ему убедительными. Дарэк никогда тебе не доверял.

— О каком доверии может идти речь? — воскликнул Николас. — Для моей «защиты» Дарэк снарядил две дюжины солдат и самого капитана гвардии. — Он раздраженно усмехнулся и покачал головой. — Кроме того, официальную беседу с Осфонином буду тоже проводить не я. К счастью. Эту роль предоставили лорду Джессингеру. Старый безмозглый болван! Дагара до того замучила беднягу, что тот вынужден был согласиться. Сама понимаешь, больше бы не нашлось желающих... как выражается архиепископ Вэнтан, «отправиться в населенную еретиками страну и осквернить свою бессмертную душу».

— Просто не понимаю, как эти двое находят общий язык, — проговорила Атайя, оставляя при себе язвительный комментарий по поводу высказывания Вэнтана. — Дагара во все сует свой нос и старается по любому поводу высказать свое веское мнение, ее братец же — ни рыба ни мясо. И

какую пользу может этот лорд Джессингер принести королевскому совету, если он постоянно держится в тени и боится слово проронить?

Николас ухмыльнулся в знак согласия, вытянул ноги в шерстяных чулках и пошевелил пальцами.

— Джессингер и все остальные отправились к Осфонину. Его величество, узнав о нашем прибытии, особенно в столь поздний час, естественно, не пришел в восторг. Могу себе представить, что происходит сейчас в тронном зале: Осфонин убеждает делегацию, что не имеет ни малейшего представления о твоем местонахождении, а Джессингер с трудом подбирает слова, пытаясь дипломатически дать понять королю, что тот лжет. Скукотища! Я бы подобного не выдержал. Вот и решил сразу разыскать тебя: как раз встретил во дворе Фельджина. Поначалу он, конечно, прикинулся дурачком. Пришлось напомнить ему, что бежать из Делфархама вам с Джейреном помог именно я. Как странно! Я доверяю Фельджину, которого видел всего раз в жизни, и твоему другу-колдуну гораздо больше, чем собственному брату!

Атайя кивнула, прекрасно понимая, о чем говорит Николас.

— А если тебя хватятся? Как ты объяснишь свое отсутствие на переговорах?

Николас небрежно пожал плечами.

— Сомневаюсь, что обо мне кто-нибудь вспомнит. В случае чего просто скажу, что увлекся девушками или что-нибудь в этом роде. Дарэк считает меня легкомысленным идиотом. Его подчиненным положено думать так же. Кстати говоря, — добавил он, хитро поднимая бровь, — почему бы мне и впрямь не заняться девочками? Я уже приметил тут парочку очаровательных созданий.

С игривой улыбкой на губах Николас бесцельно поболтал ногами, преувеличенно показывая, что сама тема навевает на него тоску, затем тяжело вздохнул.

— Итак, как насчет поездки домой? Ты готова отправиться с нами?

Атайя печально покачала головой, пытаясь, чтобы не нарушить шутливую атмосферу разговора, сохранить улыбку.

— Нет, Ники. И не мечтай.

— Отлично! — воскликнул Николас, похлопывая друг о друга ладонями, словно отряхивая пыль. — По крайней мере Дарэк не сможет теперь обвинить меня в том, что я не выполнил своего обещания. — Он окинул взглядом многочисленные полки Хедрика. — Не найдется ли здесь чего-нибудь выпить?

Атайя рассмеялась, подошла к буфету и достала оттуда два оловянных кубка и кувшин с вином.

Мастер Хедрик не обидится за то, что я воспользовалась его запасами. У меня на то есть веские причины, — подумала она, наполнила кубки и протянула один из них брату.

Николас выпил вино одним глотком. Изысканный вкус напитка ему явно понравился. Его лицо вдруг напряглось и погрустнело, от обычно веселого расположения духа не осталось и следа. Что бы ни думал Дарэк, Атайя знала правду: Ники не глуп и не легкомыслен. Он отлично умеет скрывать свои истинные чувства и всегда старается оптимистично смотреть на жизнь, но, когда ситуация того требует, может подойти к делу с невероятной ответственностью и серьезностью. Она очень хорошо его знала и видела, что в данную минуту брат сильно обеспокоен чем-то: он нервно вертел в руках кубок, в глазах появилась тревога.

— Расскажи мне, Атайя, как ты тут поживаешь? Все в порядке?

— Для беглянки я чувствую себя просто превосходно. Занимаюсь тренировками с Хедриком. Он редко об этом говорит, но, по-моему, считает, что с заданиями я справляюсь очень неплохо. Не знаю, как благодарить Осфонина за то, что позволил мне остаться здесь. Не многие на его месте осмелились бы пойти на подобный риск.

Николас налил себе еще вина.

— А где Джейрен? Я его еще не видел.

— Понятия не имею, где он, — встревоженно ответила Атайя. Ей как-то и в голову не пришло сказать Фельджину, чтобы тот предупредил Джейрена о приезде кайтской делега-

ции. — Прошлой осенью, когда он отправился со мной в Кайт, солдаты отнеслись к нему крайне недружелюбно. Если сейчас Джейрен столкнется с кем-нибудь из них в темном коридоре... Думаю, ничего хорошего ожидать не придется...

— Полагаешь, Джейрен захочет отомстить? — усмехнулся Николас, уверенный в том, что при помощи своих колдовских способностей именно Джейрен выйдет победителем из любой подобной ситуации. — Я так рад, что с тобой рядом оказался человек, способный рисковать жизнью ради твоего спасения. Этот колдун поразил меня своей порядочностью. Между прочим, он к тебе неравнодушен, — добавил Николас и подмигнул сестре.

О, Ники, если бы ты знал, насколько это сложно! — подумала Атайя и неуютно поежилась.

— Расскажи, что происходит дома, — спросила она, желая сменить тему разговора.

Как и следовало ожидать, слухи о том, что на ее совести лежит смерть Кельвина и пожар в церкви во время его похорон, распространились по стране, подобно заразному заболеванию, достигнув в преувеличенном и искаженном виде самых отдаленных уголков. Наиболее влиятельные епископы Курии приложили все усилия для того, чтобы поспособствовать этому процессу, дабы еще раз убедить народ в порочности колдовства. Атайя с трудом сдерживала разгоравшуюся в душе ярость, слушая Николаса, но не стала выражать свои эмоции. М-да, теперь ее и без того испорченная репутация окончательно очернена в глазах жителей Кайта!

— И еще одно, — добавил Николас нерешительным тоном, напряженно наблюдая за ее реакцией. — Вэнтан отлучил тебя от церкви.

При любых других обстоятельствах подобная новость вызвала бы в ней невероятный, панический страх. Что может быть ужаснее, чем публичное обвинение в ереси, чем отлучение от святых таинств церкви, обещающих спасение души?

Если это освобождает меня от необходимости пройти обряд отпущения грехов, то я только «за», — подумала Атайя.

К великому удивлению Николаса, на ее губах появилась странная, почти умиротворенная улыбка.

— Я так и знала, что они поступят подобным образом. Но знаешь, Ники... — Ей было трудно подобрать нужные слова, она даже не знала точно, что должна выразить, но чувствовала, что это крайне важно. — Пусть Вэнтан говорит всем, что я сошла с ума. Но все то, чему меня учили с самого детства — молитвы, присутствие на службах, — не вызывало в моей душе никаких эмоций, кроме скуки, конечно. Я никогда не ощущала по-настоящему, что имею реальную возможность на спасение, на вечную жизнь. — Она криво улыбнулась, подняла голову и посмотрела куда-то вдаль ясным, чистым взглядом. — Теперь же, обучаясь магии, я начинаю искренне верить в то, что где-то на небесах действительно есть Бог. Он наблюдает за нами, помогает нам. Я не могу объяснить тебе. Даже не совсем еще уверена, что сама понимаю свои чувства, но во мне зародилось нечто...

Внезапно замолчав, Атайя рассмеялась.

— Прости меня. Я выбрала не совсем подходящий момент для рассуждений о духовном росте. Расскажи мне, что еще произошло дома за это время.

Она ужасно обрадовалась новости о беременности Сесил, а еще тому — как это ни странно, — что ее невестка какое-то время будет находиться вдали от Дарэка.

— Но по городу уже расползлись слухи, — добавил со вздохом Николас. — Сесил всегда пользовалась популярностью у народа, людям не нравится сложившаяся ситуация. — Он многозначительно взглянул Атайе в глаза. — Королева не случайно уехала из Делфархама, ты ведь понимаешь.

— Что ты имеешь в виду? — испуганно спросила Атайя.

Она знала, что у Сесил никогда не было врагов. Кому вдруг понадобилось удалить ее из замка?

— Выражаясь простыми словами, Дарэку не нравится то, что его жена все еще обеспокоена твоей судьбой. Вот он и отправил ее подальше, чтобы у нее появилась возможность пересмотреть ситуацию и свое отношение к тебе в спокойной

обстановке. Сомневаюсь, что он добьется этим положительных результатов. Но если Сесил в открытую заявит о том, что поддерживает тебя, то разгорится страшный политический скандал. Люди расценят это как оскорбление церкви, как оскорбление собственного супруга.

— Никогда не ожидала от нее такого, Николас. Мне так приятно, — с неподдельной радостью в голосе произнесла Атайя. — Тебе я тоже безгранично благодарна.

— Если бы ты только знала, как мне хочется помочь тебе, но я понятия не имею, что могу для этого сделать. Сидеть и выслушивать, как все кругом очерняют тебя, становится просто невыносимым. А эти речи Дагары о том, как ты позоришь семью... — Николас не закончил фразу, лишь многозначительно вздохнул. — Порой мне кажется, что это ее волнует больше всего на свете, даже по Кельвину она не очень-то убивалась. В тот момент все ее мысли сводились к пораненной во время пожара ноге. Роль невинной жертвы вызывала у нее настоящий восторг.

— Никогда не сомневалась в ее актерских талантах, — пробормотала Атайя. — Особенно хорошо ей удается разыгрывать сцены, когда поблизости находится столь увлеченный поклонник. Я имею в виду Дарэка. Кстати, как он? Наверное, пытается превратить твою жизнь в пытку.

— Не сказал бы. Он вообще мало обращает на меня внимания и почти не разговаривает со мной. Единственное, о чем постоянно спрашивает, так это почему я не женюсь и не уберусь с его глаз долой. А вот что касается смерти Кельвина... Полагаю, ему с этим смириться труднее, чем можно было ожидать. — Николас отрешенным взглядом уставился на игравшие в камине языки пламени. — Дарэк никогда по-настоящему не любил отца, но я очень сомневаюсь, что он готов возглавить страну, хотя при жизни Кельвина ему хотелось, чтобы все в это верили. Пока что ему удается пустить людям пыль в глаза: свою неуверенность и некомпетентность братец скрывает под строгостью и вспышками гнева. Но в глубине души он боится, что народ начнет сравнивать его с

Кельвином и увидит, что нынешний король во многом значительно уступает предыдущему.

— Просто Дарэку пришлось взойти на престол в достаточно сложный период, он не виноват в этом, — отметила Атайя, стараясь рассуждать дипломатично. — Любой бы после Кельвина показался слабым правителем. Отец был великим королем. Даже в Рэйке так считают.

Николас обеспокоенно взглянул на сестру.

— Думаю, именно по этой причине Дарэк и одержим идеей разыскать тебя. Если ему удастся, выражаясь его словами, «найти колдунью, убившую Кельвина», то люди не смогут обвинить его в бездеятельности и слабоволии.

Атайя неохотно кивнула в ответ. У нее не было ни малейшего желания содействовать королю, она была настроена на совершенно противоположное.

— Воины короля обрыскали все побережье и в конце концов напали на твой след. Все благодаря этому лицемерному мерзавцу, который занимает теперь место Тайлера... — Он резко замолчал. — Извини меня, Атайя, я не хотел расстраивать тебя...

— Не беспокойся, Ники. Моя боль уже немного поутихла. — Она взяла со стола кувшин, наполнила кубок вином и, задумчиво поболтав его, немного отпила. — Иногда мне кажется, что Хедрик специально так нагружает меня заданиями, чтобы у меня не было времени на тоску и воспоминания о случившемся... и, должна признаться, это помогает. Мне никогда не вернуть Тайлера. Здесь даже магия бессильна.

Атайя откинулась на спинку дивана, печально опустив глаза.

— Прошло всего шесть месяцев с момента его смерти, а у меня порой возникает такое ощущение, что дни, проведенные с ним, мне просто приснились... — Она не стала развивать свою мысль, подумав вдруг, что это может показаться жестокостью. Как будто, начиная оправляться от трагедии, и вовсе забываешь о том, что было... — Вероятно, это оттого, что я здесь, а не дома. Когда вернусь в Кайт, то уверена, воспоминания навалятся на меня с большей силой.

Николас резко выпрямился, и Атайя вздрогнула от неожиданности, роняя кубок с остатками вина на колени.

— Когда ты что? Атайя, о чем ты говоришь? Тебе нельзя там появляться.

— Я должна, Ники. Нет, конечно, не сейчас, — поспешно добавила она. — Мне нужно многое сделать. Именно в Кайте. Это невероятно важно. — Она придвинулась к нему, вкладывая свою ладошку в его руку. — Сейчас я не могу тебе ничего рассказать. Так будет лучше и безопаснее для тебя.

— Об этом нетрудно догадаться, сестренка, — ответил Николас и легонько сжал ее ладонь. — Ты собираешься вернуться и заварить новую кашу, так ведь? Хочешь обучать лорнгельдов, как пользоваться магическими способностями?

Атайя кивнула.

— Кто-то должен этим заняться.

Поднявшись с мягкого дивана, она медленно прошлась по комнате, задумчиво проводя рукой по расставленным и разложенным тут и там предметам, таинственно освещенным горящим пламенем: кувшинам, наполненным порошками и жидкостями, — об их назначении Хедрик никогда ей не рассказывал, — обрывкам пергамента с записями не до конца сформулированных мыслей и теорий мастера, многочисленным книгам в старинных переплетах, с содержимым которых она уже частично ознакомилась. Все это стало так дорого, так значимо для нее! Сколькому еще предстоит научиться.

Атайя взяла с полки «Книгу Мудрости» — величайший из трудов, известных когда-либо магической науке, наиболее почитаемый светилами колдовского искусства.

— Я просто не имею права не передать кому-либо свои знания. Многие люди остро нуждаются в них. Они нуждаются во мне. — Она провела пальцами по гладким старинным страницам. — Я должна сделать это во имя отца. Во имя Тайлера.

— Может, тебе стоит подождать того момента, когда страсти поулягутся?

Атайя решительно и спокойно взглянула на него.

— Каждый день ожидания уносит жизни ни в чем не повинных людей, потому что им некому помочь. Потому что в Кайте нет ни единого человека, способного научить лорнгельдов избежать страшных проявлений магии, способного показать им, как управлять заклинаниями.

От волнения у нее перехватило дыхание, и, сделав паузу, она с жаром продолжила:

— Способного уберечь людей, которых они любят, от увечий и смерти, ведь, когда способности начинают проявляться, они не понимают, что происходит, они теряют контроль над собой.

В глазах Николаса застыло недоумение. Он смотрел на сестру так, словно видел впервые в жизни или просто не узнавал, кто перед ним. Она смутилась.

— В чем дело?

На протяжении некоторого времени Николас не отвечал, напряженно и невероятно серьезно глядя ей в глаза. Наверное, Дарэку и в голову не могло прийти, что его брат способен на подобное. Затем он медленно поднялся на ноги, встал перед ней и тихо произнес:

— Ты очень изменилась, Атайя. Мне кажется, ты наконец-то повзрослела. Когда-то мне даже хотелось помочь тебе стать мудрее, но я не видел в этом смысла. — В его голосе промелькнула какая-то грусть, словно, увидев в младшей сестре столь значительные перемены, он понял, что детство безвозвратно ушло в прошлое. — Еще когда мы были совсем маленькими, я понимал, что тебе чего-то не хватает, у меня всегда создавалось впечатление, что ты сама не сознаешь, зачем постоянно ввязываешься в переделки. Мне хотелось защитить тебя, помочь найти верную дорогу. Теперь ты так уверена в себе, так спокойна. Я чувствую, что тебе удалось найти нечто такое, что ты всегда мечтала отыскать.

— Ты прав, — ответила Атайя, задумчиво обводя взглядом кувшины, книги и полупустые чернильницы, затем улыбнулась и подняла голову. — Но уверена, что мне еще не раз пригодится твоя помощь.

— Не сомневаюсь, — ответил Николас шутливым тоном, но было очевидно, что он всерьез обеспокоен за нее. — Отец гордился бы тобой. Ты больше всех из нас троих похожа на него, сестренка. Я понял это только сегодня.

Он обнял ее, но почему-то не так крепко, как бывало раньше, а бережно и как будто с уважением.

К горлу Атайи подступил ком, на глаза навернулись слезы. Никогда в жизни слова брата не звучали так уверенно, никогда еще они не вызывали в ней подобных эмоций. Какой же Дарэк идиот, что считает Николаса беспечным болваном! Николас — один из самых чутких, любящих и преданных людей, каких она когда-нибудь знала.

— Мне нужно выполнить данное отцу обещание. Я не могу до конца дней своих скрываться в Рэйке, да и не хочу злоупотреблять добротой Осфонина. Если Дарэк выяснит, что я здесь, что ему лгут, то может перейти к решительным действиям. До меня дошли слухи, что Вэнтан и Курия оказывают серьезное давление на Дарэка, убеждая его развязать войну против Рэйки. Ни за что на свете не хотела бы оказаться виновницей такого кошмара.

Николас тяжело вздохнул.

— К сожалению, это не просто слухи. Все гораздо серьезнее. Курия обратилась за поддержкой в церковное собрание. Дарэк еще не принял окончательного решения, но священнослужителей поддерживают сотни людей, все настроены весьма агрессивно.

— О Господи! Как тяжело сознавать, что именно я являюсь зачинщицей этого. Они считают, что у них есть веская причина для вторжения на территорию Рэйки. Хотят уничтожить лорнгельдов, стереть их с лица земли. Нельзя допустить подобного.

Николас поцеловал сестру в лоб.

— Поступай так, как подсказывает тебе сердце. Знай одно: я благословляю тебя.

Атайя искоса посмотрела на него.

— Ты даже не станешь пытаться отговорить меня от этой затеи?

— О нет, сестренка, — ответил Николас, и его глаза весело блеснули. — Я давно понял, что отговаривать тебя от чего бы то ни было не имеет ни малейшего смысла.

В тронном зале Грендольского замка, на противоположной стороне от башни Хедрика, лорд Мозель Джессингер неуклюже теребил, пытаясь развязать, красные ленты на вверенном ему его королем свитке. У него ушло несколько минут на распечатывание пергамента, а потом на протяжении еще какого-то времени он подносил послание к подслеповатым глазам и вглядывался в написанное. Природа наделила этого человека негромким голосом, поэтому всем собравшимся пришлось поднапрячь слух, когда Джессингер приступил к чтению письма.

— Премногоуважаемому его величеству, королю Рэйки Осфонину от его величества Дарэка Трелэйна, короля Кайта и лорда острова Саре...

— Переходите к главному, лорд, — громогласно проворчал Осфонин, поуютнее закутываясь в накидку.

Он знал, что должен учтивее разговаривать с гостем, но был не в настроении. Да и на что мог рассчитывать этот иностранный лорд, если появился в замке в полночь? В такое время король должен видеть десятый сон! Вместо этого ему приходится сидеть на жестком троне и выслушивать витиеватые указания Дарэка.

Осфонин давно ожидал подобного визита и лишь недоумевал, почему Дарэк так припозднился.

Король Рэйки нервно барабанил пальцами по резному подлокотнику трона, что вызывало еще большее смущение у несчастного лорда. Иногда бедолага зачитывал одно и то же предложение по два раза.

— ...желает напомнить вам о существующих в Кайте законах, запрещающих магию, и о тяжких преступлениях, совершенных нашей сестрой при помощи колдовства. В заботе о ее душе мы...

Осфонин, продолжая без особого внимания слушать бормотание Джессингера, взглянул сначала на Фельджина, рас-

положившегося справа от него, затем на лорда Иана Маклауда. Именно он первым услышал топот копыт во дворе и известил короля о прибытии гостей.

— ...пришли к заключению, что принцесса направилась к королевскому двору, и благодаря усилиям наших верноподданных мы имеем доказательства этому...

Когда лорд Джессингер достиг наконец самого главного, напряжение в зале достигло предела, казалось, его можно пощупать. При каждом шорохе, покашливании и вздохе кайтские солдаты хватались за то место, где по обыкновению у них висело оружие, позабыв о том, что, согласно принятым порядкам, они оставили его у входа.

— По-моему, они сильно нервничают, заметил? — прошептал Фельджин на ухо отцу и ухмыльнулся. — Быть может, им не по вкусу наше освещение?

Король, с трудом сдерживая улыбку, поднял сияющие глаза к каменному потолку. Там, наверху, расположенные по кругу, висели несколько красных светящихся шаров. Осфонин знал, что сын умышленно это сделал, но приказывать убрать волшебные светильники не стал, желая отомстить таким образом за позднее вторжение. Перепуганные члены кайтской делегации то и дело осторожно поглядывали на шары, боясь, наверное, что вот-вот из них появится чудовище, демон или сам ангел тьмы.

Джессингер на мгновение замолчал, несмело откашлялся и продолжил:

— Таким образом, мы требуем вернуть нашу сестру с целью призвания ее к ответу за убийство его величества короля Кельвина Трелэйна, и...

Осфонин, не выдержав, возмущенно фыркнул.

— И с каких это, интересно, пор в мою обязанность вошло разыскивать сбежавших родственников короля Кайта?

Сделав вид, что он не понял смысл язвительного замечания, Джессингер забубнил дальше:

— ...и считаем своим долгом предупредить, что если сопровождавший принцессу колдун вновь появится в Кайте, то он будет казнен.

В это самое мгновение гобеленовая занавеска слева от трона отодвинулась и в проеме двери показалась стройная мужская фигура.

— Полагаю, речь идет обо мне.

Джейрен медленно поднялся по ступеням, лишь мимолетно взглянув на отца, но успев при этом заметить возмущенно встревоженное выражение его лица.

— Сын, уходи отсюда, — обеспокоенно прошептал Иан. — Эти люди — твои враги.

Джейрен не спеша сошел вниз по ступеням и приблизился к кайтскому послу. Рассмотрев его, тщедушного и несмелого, он неожиданно радушно улыбнулся и протянул ему руку:

— Добрый вечер, лорд. Меня зовут Джейрен Маклауд.

Джессингер тупо уставился на протянутую кисть Джейрена, словно удивляясь тому, что у колдуна такая же, как у обычных людей, рука, а не какая-нибудь диковинная лапа. Затем, вероятно, испугавшись возможных последствий, решил не рисковать и ответил на приветствие нерешительным рукопожатием.

Из-за его спины с нескрываемой неприязнью на колдуна смотрел капитан Парр. Во взгляде Джейрена тоже светилась ненависть: перед ним, на этот раз у него дома, стоял человек, предавший когда-то Тайлера.

— Я вас прекрасно помню, лейтенант, — воскликнул Джейрен и окинул многозначительным взглядом медный знак на груди Парра. — О, насколько понимаю, вы стали капитаном! Браво!

Он произнес это снисходительным, насмешливым тоном, и Парр злобно сжал зубы.

— Уверен, король Осфонин позаботится о том, чтобы для вас приготовили более удобные комнаты, чем та, которую предоставили мне во время моего последнего визита в Делфархам, — продолжил Джейрен, и вонючая душная каморка с невероятной отчетливостью всплыла в памяти.

— Ты заслуживаешь худшего, — прошипел капитан. Никто, кроме Джессингера и Джейрена, ничего не услышал. — Дьявольское отродье...

Осфонин, почувствовав, что обстановка накаляется, поднялся на ноги.

— Джейрен, не мог бы ты объяснить господам, что принцессы Атайи здесь нет. Я уже сообщил им об этом, но, по-моему, мне не поверили.

— Конечно, ваше величество, — наигранно добродушно отозвался Джейрен, вновь поворачиваясь к Джессингеру и Парру. — Очень жаль вас расстраивать, но ничем не могу вас порадовать. Я не имею ни малейшего представления о местонахождении принцессы. Мы расстались с ней в прошлом ноябре, как только прибыли в порт Торвик. С тех пор больше не встречались. — Он беспечно пожал плечами. — Полагаю, она направилась в Селваллен.

Лорд Джессингер выдавил неуклюжее замечание, вежливое, но скептическое, а Парр сжал пальцы в кулаки, готовый наброситься на колдуна. Если бы в его руках оказался кинжал, то он, наверное, не сдержался бы.

— Ваше величество, — робко произнес посол, — если не возражаете, мы могли бы более подробно обсудить...

— Могли бы. Только не сегодня. Встретимся утром, всем не мешает хорошенько отдохнуть, — твердо ответил король, ясно давая понять, что на сегодня беседа окончена, и сделал знак стоявшему внизу у ступеней стражнику в кольчуге. — Ларс, позаботься о размещении гостей на ночлег.

С этими словами король решительно зашагал к выходу, Фельджин, Джейрен и Иан последовали за ним. Оглянувшись у порога, Осфонин едва не расхохотался: светящиеся шары разлетелись, подобно разбившейся люстре, и растворились в воздухе, приводя в ужас кайтскую делегацию. Смертельно перепуганные люди бросились врассыпную и прижались к стенам, боясь, что дьявольская магия затронет их каким-нибудь образом.

— Думаешь, тебе поверили? — шепотом спросил у Джейрена Фельджин, когда они проходили по коридору.

Тот лишь цинично усмехнулся в ответ.

— Тебе лучше не встречаться с Атайей, пока эти мерзавцы не уберутся, — продолжил мысль Фельджин. — Этот капитан при малейшей возможности будет следить за тобой.

Принц придвинулся ближе к Джейрену и едва слышно, чтобы не уловил Иан, добавил:

— Если ты, конечно, сможешь прожить без нее целых семь дней.

— Постараюсь. Кроме того, если все пойдет так, как я запланировал, скоро у меня появится возможность проводить с Атайей достаточно много времени. — Джейрен довольно улыбнулся. — Очень много времени.

Воинов кайтской гвардии разместили в сторожевом домике, в то время как для лорда Джессингера и принца Николаса — на случай если он объявится — отвели более комфортные места — комнаты в гостевой части замка. Двое из членов делегации отправились спать не сразу, задержавшись во внутреннем дворе, чтобы обсудить состоявшийся в тронном зале разговор. Они беседовали очень тихо, дабы рэйкские стражники, ожидавшие неподалеку, не услышали, о чем идет речь.

— Чертов Маклауд лгал нам, я уверен в этом. И глазом не моргнул, будь он проклят, — процедил сквозь зубы капитан.

С каждым словом на морозном воздухе из его уст вылетало облако пара. Казалось, если бы сейчас ему предложили исполнить заветное желание, Парр, не задумываясь, выпалил бы, что больше всего на свете хочет увидеть перед собой насаженную на штырь голову Джейрена.

Лорд Джессингер нерешительно кашлянул.

— Будьте осторожны. Этот человек — сын герцога и, что еще опаснее, колдун. С таким врагом не так-то просто справиться.

— Но, держу пари, ему *известно*, где скрывается Атайя! Не удивился бы, если бы узнал, что она где-нибудь поблизости, — бросил Парр, осматривая возвышавшуюся рядом крепость. — Если это не так, то куда, скажите на милость, так быстро исчез принц Николас?

— Потише, капитан, — предупредил лорд, хмуря брови, но его слова, как обычно, прозвучали слишком мягко. — Не очень-то мудро рассуждать вслух о действиях принца.

— Это, черт возьми, гораздо лучше, чем не иметь никакого мнения ни по одному вопросу! — резко ответил Парр, но тут же понял, что допустил ошибку: нельзя позволять себе резкостей в разговоре с советником Дарэка! Подобная неосторожность может в дальнейшем дорого стоить. — Примите мои извинения, милорд. Просто я очень нервничаю.

Джессингер лишь сконфуженно махнул в ответ рукой.

— Не понимаю, почему вы так одержимы идеей разыскать принцессу? Согласитесь, если бы не Атайя, вы до сих пор находились бы в подчинении у Тайлера Грайлена и оставались лейтенантом.

Парр окинул Джессингера злобным взглядом.

— Одержим? — повторил он раздраженно. — Да как вы можете спрашивать меня об этом? Атайя — колдунья! Это обстоятельство само по себе является страшным преступлением, даже если бы ее магия не убила Кельвина. А тот факт, что она отказалась принять любезно предложенный Вэнтаном обряд отпущения грехов, говорит о ее полном безумии.

Джессингер устало вздохнул.

— Гм-м... Может, вы и правы...

— Я не могу вернуться в Кайт ни с чем, милорд. Я должен хотя бы узнать что-нибудь важное. Добиться нынешнего звания мне стоило немалых усилий. Я очень старался, и король заметил это. Он возложил на меня огромную ответственность, и я не имею права подводить его. У меня много амбиций, и я не вижу в этом ничего плохого.

— Уже поздно, капитан. Я, пожалуй, пойду спать. Мы должны постоянно быть начеку, поэтому необходимо набраться сил. Спокойной ночи.

В сопровождении бдительного стражника гвардии Осфонина Джессингер отправился в ту часть замка, где обычно селили гостей. Капитан задумчиво зашагал по двору в направлении сторожевого домика, под ногами, подобно гравию под копытами лошадей, хрустел свежевыпавший снег. По пути он сорвал сосульку с крыши конюшни и принялся вертеть ее в руках.

Посередине двора Парр остановился и, повернув голову, внимательно осмотрел притихший замок, вглядываясь, прищурив глаза, в темные окна. Кругом царили покой и тишина, лишь иногда нарушаемые отдаленными звуками: негромким ржанием лошади, уханьем пролетающей мимо совы. Он чувствовал, что где-то совсем рядом таится то, за чем они приехали сюда...

— Я знаю, что ты здесь, принцесса, — пробормотал Парр себе под нос. — Как бы ни пытался этот чокнутый колдунишка убедить меня в обратном.

Он схватил сосульку обеими руками, злобно разломил ее на две половинки и с остервенением отбросил их в стороны, затем поднял голову к сиявшей на небе луне и произнес, словно клятву, приведя в недоумение все еще крутившихся неподалеку стражников:

— Король верит в меня. И я не собираюсь возвращаться в Кайт с пустыми руками.

Глава 6

Пока солдаты Дарэка находились в замке, Атайя оставалась в своих покоях совершенно одна, словно заключенная. Она не решалась выходить даже под невидимым покровом, опасаясь, что обученные Родри кайтские воины обнаружат ее при помощи зеркала или заметят отражение в отполированных стенках шкафов или буфетов. Можно было попробовать переместиться куда-нибудь посредством заклинания транслокации, но Атайя прекрасно помнила о предостережении Хедрика: случайно оказаться в совершенно неожиданном месте вовсе не хотелось. Пришлось покорно смириться на какое-то время со своей незавидной участью, и уже на второй день добровольного заключения она могла воспроизвести по памяти каждый цветочек орнамента на настенном гобелене, коврах, занавесках и покрывалах.

Через два дня после собрания Совета — о котором Атайя почти позабыла после волнительной встречи с Николасом — к ней в покои пришел Хедрик. Он принялся рассказывать о заклинании блокировки. Атайя прекрасно помнила, что мастера, упоминая о данном заклинании, говорили о какой-то серьезной опасности, поэтому слушала учителя очень внимательно, стараясь вдуматься в каждое слово.

— Скажу честно, заклинание может привести к летальному исходу, — сообщил Хедрик, нисколько не удивляясь ее реакции: глаза Атайи округлились, между бровей залегла складка. — Если твоя сила заблокирована, ты не сможешь пользоваться заклинаниями, даже тем, при помощи которого блокировка удаляется. Представь, что запираешься в комнате, а ключ остается снаружи. Только какой-то другой колдун — знающий, как пользоваться заклинанием, — в состоянии открыть дверь и выпустить тебя на свободу.

— Мне кажется, это лишь осложнит любую ситуацию. Вы так не считаете? — спросила Атайя и поудобнее расположилась на стуле с мягкими подушками, стоявшем у камина. — Все, что тебе остается, так это сидеть и дожидаться, когда появится кто-то, способный разблокировать твои силы.

Лицо Хедрика заметно помрачнело.

— Не надейся, что в твоем распоряжении окажется много времени, Атайя. Конечно, за несколько дней ничего страшного не случится. Возможно, и за несколько недель. Но если ты не будешь пользоваться магией на протяжении длительного времени, то она постепенно начнет скапливаться и давить на сознание, как во время *мекана*. Неминуемо возникнут изменения в мозге, но в данном случае у энергии не будет выхода, даже в страшных, разрушительных проявлениях. В конечном итоге человек сходит с ума, и в этот момент скопившиеся силы вырываются наружу.

Атайя шумно сглотнула.

— И что происходит потом?

— Ничего. Это последнее, что с тобой происходит в жизни. Очень скоро наступает смерть, вот и все.

У Атайи перехватило дыхание. Ей вдруг захотелось вовсе отказаться от заклинания блокировки, уж лучше терпеть воздействие корбала. С этим злом по крайней мере можно как-нибудь справиться — можно, к примеру, разбить кристалл или поместить его в затемненное место. Хедрик, почувствовав ее состояние, поспешил продолжить урок, не давая Атайе возможности увести его от темы.

— Запомни первое правило: для того чтобы заклинание заработало, необходим физический контакт.

Хедрик протянул ей руку, чтобы продемонстрировать на практике, как пользоваться заклинанием. Атайя приняла ее, но неохотно. Ей всегда становилось не по себе, когда учитель рассуждал о магии как о самостоятельном существе, пользующемся с ней одним и тем же телом и позволяющем прибегать к его помощи из благодушия и щедрости. Она была уверена, что сама распоряжается заложенными в ней силами, по своему собственному разумению, но порой девушке казалось, что магия гораздо сильнее ее.

— Просто постарайся не оказывать сопротивления, — предупредил Хедрик, — или эксперимент нам обоим покажется неприятным.

Атайя кивнула, но вскоре почувствовала, что расслабиться не так-то легко. Казалось бы, обучение заклинанию, к которому никто, кроме представителей Совета, не имел доступа, должно было вызвать в ней радость и восторг, вместо этого она нервничала и почему-то очень боялась. Когда Хедрик проник в ее сознание, Атайя вздрогнула и ощутила какой-то внутренний протест. Учитель, прошептав какие-то слова, немного успокоил ее, но неприятные эмоции не исчезли полностью. Вдруг Атайе стало больно: показалось, что кто-то крепко сжал мозг беспощадной, сильной рукой. Она пыталась избавиться от напряжения, прекрасно сознавая, что Хедрик не причинит ей зла, но ничего не получалось.

— *Obsera hanc potentiam.*

Сначала Атайя ничего не почувствовала, лишь незначительное давление на мозг, затем что-то мимолетно, но резко

и весьма ощутимо дернулось, где-то внутри головы. После этого неприятные ощущения исчезли, желание бороться испарилось. На смену им пришло неестественное, умиротворенное спокойствие, сравнимое с теми эмоциями, когда после долгого пребывания в шумном, суетливом городе попадаешь в тихий безлюдный лес.

— Ну? — спросил Хедрик. — Как ты себя чувствуешь?

— Мне кажется, что голова набита ватой, — пожаловалась Атайя, морща нос, словно собираясь чихнуть. — Мне не больно, но как-то непривычно. И еще... У меня такое ощущение, что я только что залпом выпила кубок вина. Голова идет кругом. — Она вновь сморщила нос.

— Это все? — продолжал расспрашивать Хедрик.

Атайя виновато опустила глаза.

— Прямо перед тем, как вы поставили блокировку, я почувствовала невероятный страх. Я старалась не сопротивляться вам, но ничего не могла с собой поделать.

— Не пугайся. Сработал защитный инстинкт, — заверил Хедрик. — Твоя магия почувствовала опасность и постаралась предупредить тебя. Это естественная реакция, она лишь говорит о том, что ты здорова.

Учитель легонько сжал руку Атайи и шепотом прочел заклинание обратного действия:

— *Aperi potentiam.*

Она ощутила прилив бодрости и свежести, как будто оправилась от болезни, ее силы вырвались из заточения, и по всему телу девушки пробежала приятная дрожь.

— Теперь лучше? — спросил Хедрик и одобрительно закивал, когда Атайя встала со стула и уверенной походкой прошлась по комнате.

При помощи карт троп мастера Кредони они определили местонахождение заклинания в ее голове. На протяжении последовавшего часа Атайя тренировалась блокировать силы Хедрика. Поначалу он жаловался на сильную головную боль: девушка прилагала к осуществлению своей задачи слишком много усилий. Но с каждым разом результат улучшался, и в конечном итоге Хедрик заявил, что вполне доволен ее успехами.

— Теперь попробуй заблокировать собственную магию, — сказал он. — Ведь именно так тебе придется поступать в случае возникновения опасности. Но помни: ты не должна терять ни секунды. Как только заподозришь присутствие поблизости корбалового кристалла, сразу читай заклинание. Если тропы начнут путаться, ты уже будешь не в состоянии что-либо предпринять.

Атайя послушно выполнила то, что велел сделать Хедрик. Заблокировав собственные силы, она почувствовала радость и одновременно ощутила сильный страх. Мысль о возможных осложнениях не выходила из головы, не давая покоя.

Словно прочитав ее мысли, Хедрик помрачнел.

— Только помни о том, что я рассказал тебе: очень важно не затягивать время.

Он серьезно взглянул ей в глаза, помолчал немного, затем продолжил:

— Существует один способ, при помощи которого можно отдалить момент наступления страшных процессов. Помнишь, я заставлял тебя выучить наизусть имена членов Совета и продолжительность их пребывания в нем? Я делал это умышленно. Такое упражнение используется для развития дисциплины, Атайя. Это закаляет ум, подобно тому, как физические упражнения закаляют тело человека. Дисциплинированный мозг позволяет гораздо быстрее сконцентрироваться на нужном заклинании.

Атайя встревоженно закусила губу, надеясь, что Хедрик не станет просить ее повторить заученное еще раз. Первые строчки бесконечных списков невольно всплыли в памяти.

Кредони, лорд первого Совета, двадцать шесть лет; Сидра, лорд второго Совета, одиннадцать лет; Малькон, лорд третьего...

Порой ей начинало казаться, что она сойдет с ума.

— Дисциплина контролирует мысли и не позволяет подсознанию одержать верх над осознанными действиями. Она также помогает дольше оставаться в норме при блокировке магии. Однако полностью защититься от наступления трагических последствий практически невозможно.

Это последнее, что с тобой происходит в жизни, — эхом отозвались в ее голове слова Хедрика. — *Очень скоро наступает смерть, вот и все.*

Учитель освободил ее магию, и Атайя вновь почувствовала прилив бодрости и сил. Откинувшись на мягкую подушку на спинке стула, она повернулась к огню.

— Послушай меня внимательно, Атайя. Заклинания Совета не должны использоваться никем, кроме мастеров. Тебе позволили обучиться блокировке магии, приняв во внимание исключительность твоей ситуации. Подобное случается крайне редко. Ты не должна рассказывать об этом ни единой душе — Фельджину и даже Джейрену. Конечно, им известно о существовании этого заклинания, но правила пользования им должны оставаться в тайне. Ты поняла меня?

Атайя послушно кивнула.

— Я все поняла.

— Это предупреждение важнее, чем предупреждение об ужасных последствиях, к которым может привести блокировка колдовства, — подчеркнул Хедрик. — Ты вправе забыть все, чему я научил тебя, но об этом обязана помнить. — Только теперь, впервые за сегодняшний день, старик улыбнулся. — Хотя не думаю, что ты посмеешь забыть о том, что я так старательно пытался тебе передать.

Хедрик дал ей задания для подготовки к следующему занятию и удалился. Атайя еще долго размышляла над тем, что удалось узнать сегодня. Теперь ей известен способ защиты от корбала. Хотя он представлялся довольно сложным и противоречивым, но лучше что-то, чем ничего.

Но чем больше девушка размышляла над новым заклинанием, тем более сильное отвращение к нему испытывала. Как будто сегодня ей показали один из наиболее изощренных способов совершения суицида.

По прошествии недели, когда Атайя уже не верила, что ее одиночеству когда-нибудь настанет конец, к ней явился один из пажей Осфонина в синей форменной ливрее и сообщил,

что король хочет видеть ее в личных приемных покоях. Обрадовавшись возможности хотя бы на время выйти из заточения, она проследовала за мальчиком по задним коридорам замка и вошла к Осфонину через редко используемую кем-либо боковую дверь. Время близилось к вечеру, и в уютной комнате, помимо огня в камине, горело множество свечей.

Король был не один, а в компании Фельджина, Джейрена, Николаса и Кати. Атайя с радостью отметила, что брат сидит на скамеечке из вишневого дерева рядом с молодой принцессой, причем на довольно близком расстоянии. Когда она вошла, все одновременно подняли головы, а Джейрен и Фельджин мимолетно, но многозначительно переглянулись. Скорее всего здесь только что разговаривали о ней.

— А, Атайя, входи. — Король указал рукой на удобный стул у камина. — Я позаботился о том, чтобы наши кайтские друзья были заняты сегодня вечером, а мы могли встретиться и чувствовать себя при этом в относительной безопасности. Мой капитан, Ларс, займет гостей играми в карты, кости, вином и... чем-нибудь еще, — тактично добавил Осфонин и осторожно взглянул на молодую дочь. — Твой брат якобы почувствовал недомогание и решил пораньше отправиться спать.

— Они ничего не заподозрят, — заверил присутствовавших Николас, заметив тревогу в глазах сестры. — После недельных поисков, наблюдений и вынюхиваний им стало понятно, что найти принцессу невозможно. Насколько я понял, солдаты Дарэка уже смирились с мыслью, что придется возвращаться домой с пустыми руками.

— Утром наши кайтские друзья отправляются в обратный путь, — с явным облегчением сообщил Осфонин. — Я постарался принять их по возможности дружелюбно, теперь эта ужасная неделя почти позади. Завтра я отправлю их в Кайт и передам Дарэку свои уверения в том, что с превеликим удовольствием помог бы ему, но не имею ни малейшего представления о твоем местонахождении.

Атайя глубоко вздохнула, словно сбрасывая с плеч тяжелейший груз.

— Вы так добры ко мне. Наверное, я подобного не заслуживаю.

— Дарэк, естественно, не поверит ни единому слову, но он не решает вопросы сгоряча, особенно настолько серьезные, — произнес Николас. — В этом отношении новый король Кайта похож на Кельвина. Дарэк не станет посылать войска в Рэйку, пока не убедится в том, что ему лгут.

— Несмотря на то что его епископы только и твердят об организации похода на нас? — медленно проговорил Фельджин. — Даже если у них нет доказательств того, что Атайя здесь, подозрения слишком сильны...

Атайя молчала, понимая, что не может возразить Фельджину. Как оказалось, она слишком плохо знала старшего брата. А что, если Дарэк на самом деле, желая доказать своему народу, что является достойным последователем отца, примет решение пойти войной на соседнее государство? Что, если под натиском церкви он поставит перед собой задачу уничтожить проклятую, по его мнению и мнению его священнослужителей, нацию?

Однако Николас был убежден в другом.

— Я уверен, что Дарэк не станет очертя голову ввязываться в столь рискованную игру. Что бы ни говорили епископы о...

Голос принца неожиданно оборвался. Наверное, ему в голову пришла какая-то мысль — его глаза радостно вспыхнули.

Атайя насторожилась. Она сотню раз видела брата в подобном состоянии. Его лицо приобретало подобное выражение, когда он задумывал как-нибудь разыграть ее. И ему это неоднократно удавалось.

— Ники, в чем дело? Я вижу по твоему взгляду, что ты собираешься что-то затеять.

Николас изобразил неподдельное удивление и широко раскрыл глаза.

— С чего ты взяла? Я просто подумал, существует ли такой способ, при помощи которого можно заставить Дарэка подождать с решительными действиями против Рэйки...

— Есть идеи? — с интересом спросил Осфонин. — Если да, то не тяни, поделись с нами своими соображениями.

Николас встал со скамьи и неторопливо прошел к камину, его губы все больше расплывались в улыбке.

— Мне у вас ужасно понравилось, ваше величество. Вы с Фельджином — невероятно гостеприимные хозяева. И Катя столь любезна и доброжелательна, — он подмигнул наматывавшей на палец локон рыжих волос принцессе, — что мне совсем не хочется уезжать.

Из уст Кати вырвался восторженный вопль, но она тут же смутилась и опустила глаза.

Николас торжествующе взглянул на сестру и, обрадовавшись, что сумел так удивить ее, продолжил:

— Мне было бы очень интересно познакомиться поближе с вашей страной. Я не выезжал за пределы Кайта на протяжении вот уже многих лет. Дарэк хоть и считает меня идиотом, но не сможет целенаправленно подвергать мою жизнь столь серьезной опасности. Итак, пока я буду находиться в Рэйке, мой брат не посмеет напасть на нее.

— К Атайе он, определенно, относится по-другому... — задумчиво произнес Осфонин, по-видимому, обдумывая слова Николаса.

— Совершенно верно, — согласился кайтский принц. — Дело даже не столько в ее магии. Дарэка всегда бесила ее неординарность. Атайя высказывает собственное мнение, а не бездумно повторяет чужое, то, которое от нее хотят услышать.

Атайя задумчиво смотрела в пустоту, тщательно анализируя задумку брата.

— Нет, ты не должен так поступать, — выпалила она наконец. — Дарэк расценит это как открытое неповиновение его воле.

— В этом-то весь смысл, Атайя! — воскликнул Николас, еле удерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Он велел мне поехать в Рэйку и поговорить с тобой, но ничего не упоминал о возвращении. Таким образом, ни о каком неповиновении не может быть и речи.

— Николас...

— Кроме того, в этом вопросе ты просто не имеешь права учить меня. Король издал приказ, согласно которому ты обязана вернуться домой. Но ты проигнорировала его. По-моему, данный поступок гораздо более непростителен, чем обыкновенное изменение планов путешествия.

Атайя раскрыла было рот, желая возразить, но не смогла подобрать слов. Все, что сказал брат, соответствовало действительности. Но она сомневалась в эффективности его затеи.

— Я очень благодарна тебе за предложение остаться, но почему ты уверен, что Дарэк не посмеет так обойтись с тобой? Я тоже когда-то понадеялась на его благоразумие и чуть не распрощалась с жизнью.

— Все довольно просто: я нужен Дарэку. По крайней мере до некоторых пор. Хотя бы потому, что я являюсь последующим наследником королевской короны. Перед тобой. У него всего один сын, и он здоров, но еще слишком мал. Возлагать надежды на единственного ребенка было бы с его стороны просто глупо. Наверное, наш братец каждый день молит Бога, чтобы Сесил родила еще одного мальчика. Понимаешь, Дарэк должен быть уверен в том, что, если с ним что-нибудь случится, после него останется несколько претендентов, способных помешать тебе взойти на престол. По его мнению, ты приведешь страну к полному кошмару, если в один прекрасный день станешь королевой Кайта.

Атайя почувствовала приступ раздражения и гнева. Как схожи опасения Дарэка с предположениями, высказанными ей на собрании Бэзилом!

— Я никогда не хотела быть королевой, и ты прекрасно знаешь об этом, — заявила она и сложила руки на груди.

— Я-то знаю, но что касается Дарэка... Архиепископ Вэнтан и Дагара убедили его в том, что, будучи колдуньей, ты непременно захочешь перехватить власть в стране в свои руки и отправишь всех к дьяволу, разрешив лорнгельдам обучаться магии. Архиепископ уверен, что когда это случится... — Николас замолчал на мгновение и, опустив голову, чтобы обра-

зовать двойной подбородок, изобразил Вэнтана, — ...тогда «гнев Господа обрушится на нас с невероятной силой, принося бедствия и смерть в наказание за наши грехи».

Атайя раздраженно закрыла глаза.

— А ему никогда не приходило в голову, что в его государстве нечто подобное происходит изо дня в день, и все потому, что лорнгельдов никто не обучает пользоваться магией? — закричала она.

— Мне ничего доказывать не нужно, Атайя, — воскликнул Николас. — Попробуй переубедить их.

— Именно этим я и собираюсь заняться. — Вскочив со стула, кайтская принцесса приблизилась к Осфонину. — Я безгранично благодарна за все, что вы для меня сделали. Я не заслужила столь доброго к себе отношения. Но злоупотреблять им не собираюсь. Как только лорд Джессингер и воины Дарэка отъедут на достаточное расстояние, я тоже отправлюсь назад, в Кайт.

Катя вскинула брови.

— О, Атайя! Может, поедешь куда-нибудь еще? В Кайте слишком опасно. Я буду сильно переживать...

— Катя, оставь ее, — мягким голосом прервал уговоры дочери король. — Атайя знает, что должна делать. Хедрик рассказал мне о твоих планах. — Он поднялся с места и взял ее за руки. — Я готов сделать все, что только смогу, чтобы помочь тебе в осуществлении задуманного. Хедрик на протяжении нескольких месяцев занимался поисками колдунов, которые пожелали бы отправиться в Кайт вместе с тобой. Вдвоем с Джейреном вам придется очень трудно.

Лицо Атайи вдруг напряглось, она ничего не ответила.

— Хедрик уже подобрал подходящих людей, — вступил в разговор Джейрен. — Пока Атайя находилась в так называемом заточении, мы с учителем связались с несколькими кандидатами. Я объяснил им, насколько сложна ситуация в Кайте и как велик риск, после чего многие испугались и отказались принимать участие в нашем мероприятии. Но двое из них остались. Очень опытные колдуны. Так как оба живут

недалеко от Теносе, мастер Тоня согласилась привезти их на следующей неделе в замок. Тогда мы обсудим подробнее наши планы и наметим сроки.

— Как бы мне хотелось хотя бы поприсутствовать при этом, — недовольно проворчал Фельджин. — Я целыми днями болтаюсь без дела по замку, в то время как вы двое пытаетесь изменить мир в лучшую сторону.

Осфонин окинул сына строгим взглядом.

— Мог бы заняться поисками супруги, ты давно уже должен был остановить на ком-нибудь свой выбор. Я прощаю этот грех твоему младшему брату, но ты являешься наследником престола и обязан жениться.

— Буду тебе крайне признателен, если научишь меня играм в кости. Чему-нибудь новенькому, — весело предложил Николас. — Я должен овладеть какими-нибудь приемами, о которых не знает Атайя. В картах и шахматах ее никогда не превзойти, но мне необходимо вернуть проигранные ей когда-то деньги.

— Отлично, — поддержал шутку Осфонин, стараясь не рассмеяться и казаться серьезным. — Ты можешь оставаться у меня в гостях столько времени, сколько потребуется на обучение. Но предупреждаю тебя, — добавил он и преувеличенно строго нахмурился, — обучение игре в кости — процесс длительный.

Сделав вид, что не обратил внимания на вспыхнувшие глаза Кати, Николас тяжело вздохнул.

— Надеюсь, я как-нибудь переживу это.

Позднее в тот же самый день Николас сообщил лорду Джессингеру и остальным членам кайтской делегации, что остается при дворе короля Рэйки в качестве гостя, чем буквально потряс своих соотечественников. Ни один из них, естественно, не поверил в то, что принц поступает подобным образом без особых на то оснований. Лорд Джессингер, прощаясь с Осфонином, пролепетал своим робким голосом, что Дарэк должным образом отреагирует на нанесенное ему оскорбление. В ответ король Рэйки добродушно дал ему ценный совет:

— Пусть Дарэк пополнит свое войско колдунами. Ведь в моей гвардии их предостаточно.

Подобные мысли, по-видимому, никогда не приходили Джессингеру в голову. Он замолчал и не произнес больше ни слова, оставляя при себе протесты и угрозы.

Разрядил ситуацию Николас, убедив кайтских воинов и лорда Джессингера, что остается в Рэйке лишь для того, чтобы обнаружить Атайю, в случае если в скором времени она появится в Ат Луане. Он заявил, что намерен выполнить долг перед собственным отцом и братом, поэтому приложит для этого все усилия. К счастью, безмозглый Джессингер попался на эту удочку. Глупец пообещал, что с радостью сообщит королю о том, что его брат пересмотрел свое отношение к сестре.

— Я был великолепен, — торжествующе воскликнул Николас, когда они с Атайей ужинали вдвоем в ее покоях. — Я устроил такое представление, даже Дагара позавидовала бы открывшемуся у меня таланту. Сказал, что сожалею о своем былом упрямстве, и настолько правдоподобно изобразил раскаяние и стремление все исправить, что даже слезы на глазах появились. Так хотелось расхохотаться этому недоумку в лицо, но я сдержался.

— Да уж, всем пришлось ломать комедию. Осфонин тоже поразвлекся.

— Наверное. Знаешь, мне кажется, все достойные короли — прирожденные актеры. Осфонин мне понравился, думаю, я неплохо проведу здесь время на протяжении последующих нескольких месяцев.

— Если вообще сможешь уехать от Кати, — заметила Атайя.

Николас подмигнул ей.

— Я же говорил тебе, что собираюсь поухаживать за девушками, пока нахожусь в Рэйке.

Николас надел сапоги, которые оставил в углу, как только пришел.

— А теперь, сестренка, боюсь, вынужден тебя покинуть. У меня крайне важная встреча.

— Само собой разумеется!

— Нет-нет, ничего тайного. И не смотри на меня так! Ты похожа на ревнивую жену. Я встречаюсь с Фельджином и Джейреном в тронном зале. Сыграем в кости. — Николас пощупал висевшую на поясе сумку. — Через несколько часов она значительно потяжелеет.

— Я прекрасно знаю, как ты играешь в кости, Ники. Советую вообще не брать с собой деньги, а не то к утру останешься ни с чем. — Она печально вздохнула. — С каким удовольствием я присоединилась бы к вам. Но Хедрик велел прочитать несколько очерков к завтрашнему занятию. Сейчас приступлю.

— Так будет лучше. Если бы ты пошла с нами, то лишила бы нас возможности посплетничать о тебе.

Он состроил рожицу и выскочил из комнаты, ловко увернувшись от запущенной в него диванной подушки.

Дело близилось к полуночи, а Атайя все еще сидела с учебником у камина, время от времени отхлебывая из кубка тягучее вино. За окном бушевала вьюга, и девушка, чтобы спастись от проникавшего сквозь невидимые щели в окне ветра, укуталась в шерстяное одеяло. У нее уже ушло целых два часа на изучение документально зафиксированного случая гибели колдуна от длительной блокировки магии. Наверное, даже чтение рассказов о привидениях не доставило бы ей столько неприятных ощущений. Неожиданно кто-то постучал в дверь, и она, испугавшись, подпрыгнула на месте.

— Открыто, — отозвалась Атайя, переводя дыхание, и поспешно отложила книгу в сторону.

Ее глаза настолько привыкли к окружающей обстановке, что Атайя, отвернув голову от огня и взглянув на дверь, сначала не могла рассмотреть, кто пришел, но через мгновение узнала знакомый силуэт Джейрена. Он тихо закрыл за собой дверь и сел рядом с ней у камина. Его наряд показался ей чересчур официальным для игры в кости и больше подходил для торжественного приема: синий бархатный камзол, кото-

рого она никогда не видела, отполированный до блеска колдовской знак на воротнике.

— Уже поздно, — пробормотала Атайя, видя, что Джейрен не собирается заводить разговор. — Почему ты еще не спишь?

— Николас сказал, что ты собираешься заниматься допоздна. — Он запустил руку в кожаную сумку на поясе и извлек оттуда пригоршню кайтских монет. — Твоему брату здорово не повезло сегодня.

Он высыпал монеты обратно, затем многозначительно взглянул на Атайю, как будто ожидал услышать от нее что-то важное, но она понятия не имела, что именно.

Сегодня Джейрен выглядел как-то необычно. Его глаза поблескивали, словно ему хотелось рассказать величайшую тайну, не известную ни единой душе на земле. Заинтригованная Атайя протянула руку за вином, но Джейрен опередил ее и учтиво подал ей кубок.

— Я так мало видел тебя за прошедшую неделю, — произнес он и опустился на коврик прямо перед ней.

Атайя пожала плечами.

— Меня практически никто не видел. Всю неделю я просидела взаперти, чтобы не попасться на глаза Джессингеру и солдатам.

Джейрен ничего не ответил, и она, чтобы продолжить разговор, спросила:

— А ты чем занимался все это время?

— В основном наблюдал за гостями. Единственный, кто из них разговаривал со мной, так это лорд Джессингер. И тот скорее всего из боязни, что я сотворю с ним что-нибудь страшное при помощи магии. А Парр и все остальные лишь с ожесточением поглядывали на мою шею, будто примеряли ее к петле.

— Надеюсь, ты не провоцировал их.

— Совсем немного. Но, признаюсь честно, я не должен был тратить на это время.

Последовала неловкая пауза. Джейрен водил пальцем по ковру, явно нервничая. На этот раз Атайя решила дать ему

возможность самому начать разговор, с которым он явился к ней. Вообще-то для него было нехарактерно скрывать от нее что-либо или бояться высказать свое мнение.

— Мы долго разговаривали с твоим братом сегодня вечером. Мы ближе познакомились с ним. Прошлой осенью в Делфархаме у нас просто не было такой возможности. Мы говорили о тебе.

— Не самая приятная тема, — заметила Атайя.

— По многим вопросам наши мнения сошлись.

Она нахмурила брови.

— Например?

— Например, мы оба поддерживаем тебя в намерении отправиться в Кайт и приступить к осуществлению задуманного. — Его лицо стало еще серьезней. — Самое главное, нам обоим хочется, чтобы ты была счастлива. Прошлый год оказался ужасным для тебя, Атайя. Надеемся, что этот принесет удачу.

— Я тоже надеюсь, — пробормотала она, переводя взгляд на угасающий огонь в камине.

Джейрен поднялся на ноги, взял у нее кубок и, поставив его на пол, протянул ей руку.

— Пойдем со мной.

Она смутилась, а он, как ей показалось, лишь обрадовался такой реакции. Они прошли к скамейке у окна, теперь едва освещенной догоравшим пламенем. За окном завывал ветер, напоминая крик дикого зверя, и, даже находясь под теплым одеялом, Атайя чувствовала его леденящее дыхание, а Джейрен ничего не замечал. Создавалось впечатление, что его согревает какой-то внутренний огонь.

Он сжал ее ладони в своих руках, и девушка ощутила, как холодная комната внезапно наполнилась теплом.

— Для тебя наверняка не секрет, как я отношусь к тебе, Атайя, — спокойно сказал Джейрен, опустив глаза. — Я никогда не заговаривал об этом открыто, но ты должна была все понять во время контакта сознаний.

Он не смотрел на нее, и Атайя внутренне благодарила его за это, так как не могла скрыть все больше и больше охваты-

вавший ее страх. Ей хотелось остановить Джейрена, но язык как будто онемел, а слова путались в голове.

— В последнее время я очень много думаю о тебе, — продолжил Джейрен. — О том, как изменилась моя жизнь с того самого момента, когда я встретил тебя в старой таверне. Мы многое пережили вместе, прошли столько испытаний... Если я был нужен тебе, я спешил на помощь и... я... Всегда хочу находиться рядом...

Он поднял голову, взглянул ей в глаза и еще больше растерялся.

— Просто не верится... Я репетировал на протяжении нескольких недель, а сказать не могу... — Джейрен нервно усмехнулся. — Я собираюсь спросить у тебя, Атайя... — Он крепко сжал ее ладони. — Хочу спросить, выйдешь ли ты за меня замуж... Окажешь ли ты мне такую честь... Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Его слова эхом отозвались в ее голове, подобно скорбному звону церковных колоколов в унылое зимнее утро — звону, не предвещавшему ничего нового, лишь говорившему о чем-то старом... Атайя почувствовала себя подвешенной во времени, заточенной в клетку, клетку, из которой не вырваться.

И ты считаешь, что этим осчастливишь меня. Наверное, мне полагается вскочить на ноги и воскликнуть, что только об этом я и мечтала, что буду любить тебя вечно, что от радости не знаю, что и делать.

Но в ее душе не зародилось ничего подобного. В глазах Джейрена радостно плясал отражавшийся огонь, но Атайя видела в них нечто страшное, ужасающее. В ее памяти почему-то всплыли картинки из приснившегося однажды сна: пожар в тронном зале Делфархама, извивающиеся от боли люди, их стоны, крик, мольбы о помощи. Потом вдруг вспомнился другой эпизод: осенний двор, окутанный сиянием луны, высокая башня и голова мужчины на штыре, первого и последнего мужчины, которого она любила в своей жизни. Это был уже не сон...

— Я что-то сказал не так, верно? — пробормотал Джейрен, сбитый с толку ее молчанием, зажмурил глаза и закрыл лицо руками, будто хотел провалиться сквозь землю. — Нужно было потренироваться на Кате. Я ведь никогда не делал никому предложение и просто не знаю, что должен говорить...

— Все в порядке, Джейрен, — постаралась успокоить его Атайя. — Ты все хорошо сказал.

Но ее голос прозвучал как-то напряженно и неестественно. Вряд ли такое утешение могло ему помочь.

— Я ведь пока не собирался заговаривать с тобой об этом. Но если мы поедем в Кайт, то там нам просто не найти будет священника, который согласится обвенчать парочку колдунов.

Он сильнее сжал ее руки, словно боясь, что она ускользнет от него.

— Я просто хочу быть уверенным в том, что мы по-настоящему принадлежим друг другу. Мы должны успеть насладиться совместным счастьем. Ведь может произойти... — он нервно сглотнул, — может произойти что-нибудь ужасное. Хотя бы с кем-то одним из нас.

Дрожащими руками он принялся расстегивать брошь на воротнике.

— Я хочу подарить тебе кое-что, потом я заменю это на колечко...

Атайя не дала ему возможности отстегнуть колдовской знак, остановив его руку.

— Джейрен, не надо. Пожалуйста.

Отведя взгляд, Атайя уставилась в пустоту. Ей казалось, она стоит на краю пропасти, окутанная густым туманом, прекрасно сознавая: один неверный шаг, и ей не миновать гибели.

— Я, наверное, напугал тебя. Надо было подготовить почву, заранее намекнуть о своих намерениях, дать понять... Просто у меня мало времени...

Его голос оборвался. Теперь он начал догадываться, что что-то не так.

— Атайя, в чем дело?

В чем дело? Ни в чем! То есть во всем! Зачем ты сказал все это? О Боже, я так боялась, что ты заговоришь со мной о подобных вещах! Теперь просто не знаю, как мне быть...

Медленно, как будто движения доставляли ей боль, Атайя поднялась со скамьи и прижалась к каменной стене, повернувшись спиной к Джейрену. Он оставался сидеть. В наступившей тишине она не слышала даже его дыхания.

— Мне очень жаль, Джейрен, но я не могу выйти за тебя замуж.

Атайя боялась смотреть на него, представляя, какие эмоции отражаются сейчас у него на лице. Неверие. Смятение. Оскорбленное самолюбие.

Следующую фразу он произнес очень тихо:

— Я не понимаю.

Она ничего не ответила, лишь крепче прижалась к стене, стараясь заглушить боль.

Послышался шорох одежд, через пару мгновений Атайя почувствовала, что Джейрен приблизился к ней.

— Это... это как-то связано с Тайлером? — нерешительно спросил он. — Я знаю, что никогда не смогу заменить его, даже не претендую на это. Просто хочу попробовать сделать тебя счастливой...

Атайя тряхнула головой, и черные волосы упали на лицо, скрывая его подобно густой вуали.

— Нет, дело совсем не в этом. Знаешь, еще совсем недавно мне казалось, что я никогда не смогу оправиться от смерти Тайлера. Но теперь понимаю, что рана затянулась. Я пришла в себя.

— Но... тогда... что тебе мешает?

В его голосе отчетливо слышалась боль, страх, что она никогда не сможет ответить на его чувства. Странно, но он никогда и не просил ее об этом. Или потому, что был уверен в себе, или, наоборот, не хотел слышать отказ.

Джейрен положил руки ей на плечи и стал рассеянно разглаживать складочки одеяла.

— Наверное, я поторопился. Нужно было подождать. Дать тебе время подумать. Давай поговорим об этом позже... Когда приедем в Кайт... Может быть, летом...

— Нет, Джейрен. Пожалуйста. — Теперь Атайя повернулась к нему и взглянула ему в глаза. — Я просто не знаю, как высказать тебе свою благодарность. За то, что учил меня магии, когда я вовсе не хотела тренироваться, за то, что был рядом, когда погибли отец и Тайлер... Это значит для меня так много. Но я просто не могу выйти за тебя замуж. — Она глубоко вздохнула, готовясь сказать следующую фразу. — И я не хочу, чтобы ты ехал со мной в Кайт.

Невозможно описать выражение его лица. Казалось, из его глаз исчезла жизнь, как будто кто-то только что доказал ему, что Бога, в которого он так верил, не существует.

Не веря своим ушам, Джейрен покачал головой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я очень долго над этим думала и пришла к выводу, что тебе лучше остаться здесь.

— Остаться здесь? — повторил он, повышая голос. — И позволить тебе ехать в Кайт одной?

— Джейрен, ты прекрасно знаешь, что я поеду туда не одна. Ты ведь сам сообщил об этом Осфонину.

Джейрен прижался к стене, как будто совершенно обессилев.

— И что мне теперь делать?

Атайя вернулась на то место у камина, где сидела, когда он вошел в комнату, чувствуя себя постаревшей на десяток лет.

— Просто вернись к своей нормальной жизни. К обычным занятиям и развлечениям. К тому укладу, каким он был в прошлом году, например. Каким он был, пока ты не связался со мной.

— Что? И ты думаешь, это возможно? Я люблю тебя... Ради Бога, Атайя. Я всего лишь попросил тебя *выйти за меня замуж*. Я не смогу забыть о тебе после всего, что мы пережили вместе.

— Никто не просит тебя забыть об этом, — ответила Атайя, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уравновешенно. — Просто мне кажется, что ты должен подыскать другую женщину, которая станет твоей женой. Однажды ты чуть не лишился из-за меня жизни. Я не хочу, чтобы нечто подобное повторилось. — Она перевела взгляд на горящие рубиновым светом угольки в камине. — Ты должен остаться, Джейрен. Ты нужен своим близким.

Как гаснущая от дуновения ветра свеча, в нем погибла последняя капля надежды.

— Только не тебе.

Атайя ничего больше не успела сказать, так как Джейрен выскочил из комнаты, чувствуя себя оскорбленным и униженным, не в состоянии продолжать разговор. Она слышала его звучные шаги в коридоре, но очередное завывание вьюги вскоре заглушило их.

С ужасающим спокойствием Атайя вновь взяла в руки книгу, которую читала до прихода Джейрена, и рассеянно пролистала страницы. Теперь, когда огонь почти погас, было слишком темно, чтобы читать. Почувствовав внезапный приступ ярости, она с силой швырнула учебник в стенку и с радостью наблюдала за разрывающимся переплетом и рассыпающимися подобно сухой осенней листве пожелтевшими страничками. Затем рванула к окну, раздвинула шторы и, оцарапав палец о металлическую задвижку, распахнула оконные створки. Под напором леденящего ветра они ударились о стену, стекла задребезжали. Слезы на ее щеках превратились в льдинки, щеки защипало от мороза. Но Атайя ничего не замечала. Сорвав с плеч одеяло и растрепав волосы, она закричала, подняв голову вверх:

— Что еще тебе нужно от меня? — Ее слова растворились в воздухе, сливаясь с ревом бушующего ветра. — Что *еще?*

На нее падал снег, кожу жгло от холода, платье промокло. Но Атайе этого было мало. В отчаянии она вызвала еще большую бурю, желая забыться в ней, желая замерзнуть до такой степени, чтобы ни о чем не помнить, чтобы не чувствовать боль.

Глава 7

— Боже праведный, что ты делаешь, Атайя?

Николас в четыре прыжка очутился возле окна и захлопнул створки, преграждая путь усилившемуся ветру. Схватив Атайю за руку, он потащил ее к камину. Угольки в нем лишь изредка вспыхивали перед тем, как окончательно погаснуть.

— Чего ты хочешь добиться? Убить себя? На улице мороз! Ты полюбуйся: на полу уже куча снега, а она даже не соизволила надеть тапочки...

На протяжении нескольких минут Николас суетился, как нянька, возле сестры, которая практически не обращала на него внимания. Атайя смотрела перед собой отсутствующим взглядом, словно утратив все чувства и эмоции.

Николас поднял с пола одеяло и заботливо накинул его ей на плечи, а на ноги надел тапочки из кожи оленя. Словно разгневанный отец, он велел сестре сесть, а сам опустился перед ней на колени и принялся растирать ее замороженные руки и щеки.

Немного приведя сестру в чувство, он встал на ноги и строго взглянул Атайе в глаза.

— Я думал, колдуны сходят с ума только во время этого *мекана*, о котором твердят все вокруг. Теперь вижу, что заблуждался.

Атайя, ничего не ответив, обвела взглядом комнату: ветер разметал страницы из учебника по всему полу.

Надо восстановить книгу, — пронеслось в ее голове, — *а то Хедрик придет в бешенство.*

— А что ты здесь делаешь? — устало спросила она и протерла глаза, как будто Николас казался ей иллюзией.

— Когда ты совершаешь крайне глупые поступки, Атайя, я всегда бываю рядом. Вот и теперь почувствовал, что должен находиться здесь.

— Если мне нужно открыть окно в собственной спальне, то я имею полное право это сделать, — проворчала Атайя и обиженно выпятила нижнюю губу.

Николас осуждающе покачал головой.

— Я не это имею в виду.

Она виновато вздохнула и сильнее закуталась в одеяло, начиная ощущать пощипывание на коже.

— Ты уже знаешь?

— Конечно, знаю! О чем, по-твоему, мы разговаривали с Джейреном, когда играли в кости? Я был настолько уверен, что ты ответишь ему согласием, что остался ждать в коридоре. Хотел сразу же поздравить вас обоих. Не знаю, что ты тут ему наговорила, но он выскочил из твоих покоев с таким видом, будто узнал о конце света.

Атайя закрыла глаза и тяжело вздохнула. Она уже давно не ощущала себя настолько несчастной.

— Теперь я буду думать, что сам во всем виноват, — простонал Николас. — Ведь Джейрен не собирался разговаривать с тобой сегодня. Это мы с Фельджином уговорили его не откладывать объяснение на потом. — Он взял кочергу и принялся ворошить угли в камине. — Кто тянул нас за язык?

— Вы с Фельджином тут ни при чем. Джейрен все равно завел бы этот разговор рано или поздно. К тому же сообщать ему, что я хочу ехать в Кайт без него, прямо перед самой поездкой было бы еще хуже.

В глазах Николаса отразился шок.

— Что?

— Что слышал. И не смотри на меня так, как будто перед тобой маньяк-убийца. Принять подобное решение было очень непросто для меня.

Николас отложил кочергу, медленно приблизился и встал позади нее, опершись руками о спинку стула.

— Ты уверена, что не ошибаешься?

— Да.

— Гм... Теперь я понимаю, почему так выглядит твоя книга.

— Николас, перестань надо мной издеваться! — закричала Атайя. — Оставь меня в покое.

— Оставить? Чтобы ты продолжила наслаждаться природой? Нет уж! Послушай, Атайя, я забочусь о тебе с самого

детства и не собираюсь отступать сейчас, когда ты задумала совершить наибольшую в своей жизни глупость.

Атайя съежилась от беспомощности. Вот бы знать, как пользоваться заклинанием транслокации! Тогда она перенеслась бы на другой конец света. Сегодня Николас был так настойчив, как никогда за многие годы, от этого ей становилось еще ужаснее.

Почувствовав, что Атайя замыкается в себе, Николас смягчился и, положив руку ей на плечо, спокойно заговорил:

— Если тебе требуется время, то так и скажи Джейрену. Он все поймет, я уверен в этом. В конце концов, прошло всего шесть месяцев со дня смерти Тайлера...

— Дело совсем не в этом, — поспешно ответила она. — Знаешь, иногда я чувствую себя очень виноватой... Все так несправедливо...

— Атайя, поверь мне, я не хочу преуменьшать те чувства, которые ты испытывала по отношению к Тайлеру. Я ведь тоже любил его. Но если ты увлечешься другим человеком, это вовсе не будет означать, что ты предаешь память о Тайлере. Он сам бы сказал тебе об этом, если бы мог...

Атайя тяжело вздохнула. Николас никогда не пытался на протяжении столь долгого времени переубедить ее в чем-либо. Сегодня она просто не узнавала его. Поэтому решила сказать правду, все объяснить.

— Хорошо, я признаюсь: это действительно в какой-то степени связано с Тайлером. Но не так, как ты думаешь. — Она выше подняла голову, стараясь скрыть боль и отчаяние. — По правде говоря, Джейрен мне небезразличен. Даже более того. Однако я не могу выйти за него замуж.

Николас недоуменно развел руками.

— Но почему?

— Знаешь, я могла бы влюбиться в него, если бы позволила себе, — созналась Атайя, вздрагивая, словно чувствуя при этом физическую боль. — Но я не имею права так поступать с ним. Один человек уже отдал Богу душу, и все потому, что совершил в жизни огромную ошибку — слишком сильно

увлекся мной. Честное слово, Николас, мне будет спокойнее, если Джейрен останется здесь, живой и здоровый, чем если поедет вслед за мной на верную погибель. — Она крепко сжала ладони, умоляя брата поверить ей. — Отказать ему было крайне сложно для меня. Но так он останется в безопасности. И мне от этого легче.

Николас долго молчал, но, как и предполагала Атайя, лишь потому, что подбирал слова для продолжения спора. Он ласково взял ее за руку и улыбнулся.

— Ты кое-чего недопонимаешь, так ведь?

Она нахмурилась.

— О чем ты?

— Может, я и согласился бы с тобой, если бы ситуация не казалась мне настолько серьезной. Если бы ты сама не была по уши влюблена в него.

Атайя смутилась и немного покраснела. Джейрен являлся лучшим другом, помощником, учителем для нее, как никто другой. Но она никогда не думала о том, чтобы по-настоящему влюбиться в него, только в том лишь смысле, что это привело бы к страшным последствиям. Эта мысль пугала и настораживала, поэтому Атайя всегда гнала ее прочь.

— Но ты не должна жить, постоянно боясь, что кто-то полюбит тебя. Такое все равно будет происходить, хочешь ты того или нет. Если будешь отталкивать людей, то лишь причинишь себе и другим массу страданий. Наверняка Джейрен подумал, что ты считаешь его недостойным тебя.

Атайя вздрогнула.

— Да нет же! Все дело во мне! Разве ты ничего не понял? Я обязана спасти его, пока все не зашло слишком далеко.

— Господи, Атайя! Человек влюблен в тебя, а ты говоришь об этом в таком тоне, будто он заразился страшным заболеванием.

— В моем случае это заболевание смертельно, — пробормотала она несчастным голосом.

— Давай теперь поплачем над собственной судьбой, — резко бросил Николас. — Жизнь иногда заставляет нас страдать. Но именно через страдания получаешь истинное счастье.

Атайя вскочила на ноги, внезапно почувствовав прилив ярости.

— И когда это ты страдал, Николас? — закричала она. — Наверное, один-единственный раз в жизни, когда проиграл двадцать крон в кости. Да как ты смеешь заставлять меня пойти на такой риск, если совершенно не понимаешь, что творится у меня в душе? Тебе и в страшном сне не снилось то, что приходится испытывать мне на протяжении последних шести месяцев!

Николас смотрел на сестру широко раскрытыми глазами, в которых она вдруг отчетливо увидела промелькнувшую боль и обиду.

— Я тоже потерял отца, Атайя. И Тайлера. — Он отвел взгляд. — И могу потерять тебя, я прекрасно сознаю это.

Щеки Атайи вспыхнули от стыда, она устало опустилась на стул, ощущая себя еще более несчастной.

— О Боже мой, прости меня, Ники, я не хотела...

— Знаю, — успокоил ее Николас. — Но, надеюсь, ты понимаешь, что на протяжении этих шести месяцев мне тоже было несладко. Что сейчас я ужасно переживаю за тебя и мог бы настоять на том, чтобы ты осталась здесь, в тепле и безопасности. Но я не имею на это права. Та миссия, с которой ты отправишься в Кайт, гораздо важнее моих эгоистичных мыслей, моих желаний относительно твоего благополучия...

Он присел на спинку стула и положил руку ей на плечо.

— Послушай меня, Атайя. Ты старалась в заботе о Тайлере сохранить в тайне свою принадлежность к роду лорнгельдов. Но его любовь к тебе оказалась настолько сильной, что он не позволил тебе отказаться от нее. Почему ты думаешь, что Джейрен не поступит так же? Не поедет за тобой, чего бы это ему ни стоило?

От волнения Атайя принялась обкусывать ноготь большого пальца. Доводы Николаса звучали все более убедительно и логично.

— А знает ли кто-нибудь еще о нашем с Джейреном разговоре?

Она хотела переключить беседу на другую тему.

— Кроме меня? Фельджин. Катя тоже начала подозревать что-то, но оставила свои догадки при себе.

— Пожалуйста, не говорите никому о том, что произошло. Джейрен и без того, наверное, ужасно себя чувствует, а если слухи расползутся по всему замку? И еще одна просьба: не рассказывай ему о моих признаниях тебе. Если ему станет об этом известно, он все равно поедет со мной, и тогда я не смогу заставить его остаться.

— Джейрен должен находиться рядом с тобой, Атайя.

Атайя вздохнула. Ей вдруг нестерпимо захотелось лечь в кровать и забыться сном, чтобы не думать больше об этом отвратительном вечере.

— Ники, иди, пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

К ее удивлению, Николас наклонился к ней и чмокнул в щеку. Затем направился к двери, но вышел не сразу, а, оглянувшись, добавил:

— Я пришел не для того, чтобы расстраивать тебя, Атайя. Я мечтаю, чтобы ты обрела счастье. Тебе его выпало немного.

— Я буду счастлива, — вновь запротестовала она. Сдерживать подступившие к глазам слезы становилось почти невозможно. — Я буду счастлива — если с Джейреном все будет в порядке. Если он не отправиться со мной на погибель.

— Понимаю, — ответил Николас. — Но позволь мне сказать тебе еще одну вещь. Ты едешь в Кайт, чтобы совершить революцию, Атайя. Все, кто последует за тобой, должны быть готовы рисковать ради тебя собственной жизнью и жизнью любимых людей.

Дверь тихо затворилась, а Атайя еще долго лежала, боясь шелохнуться. Метель все еще бушевала за окном, ветер беспощадно хлестал по стеклу. В завывании вьюги ей слышались слова Николаса. Они все настойчивее бились о стекло, стремясь проникнуть сквозь задернутые шторы прямо ей в сознание, укрепиться там и быть принятыми.

Через неделю после того, как Джейрен сделал ей предложение — за все это время они виделись лишь в присутствии посторонних и практически не разговаривали, — Атайя не-

рвно расхаживала по кабинету Хедрика в ожидании приезда гостей. Именно эти люди должны были отправиться с ней в Кайт. Полуденное небо, серое и недружелюбное, мрачно нависало над замком. Шел мокрый снег, выходить лишний раз на улицу совсем не хотелось. Атайя тайно надеялась, что ненастная погода помешает колдунам приехать. Страх, волнение, тревога буквально одолевали ее: она то и дело беспокойно расправляла ладонями складочки на юбке или наматывала на палец локон черных волос.

На мгновение остановившись, Атайя взглянула на стражника у входа в кабинет Кейла Эвана, служившего ранее в рядах кайтской королевской гвардии. Теперь же он являлся капитаном собственного военного отряда Атайи, в состав которого входил один-единственный человек — сам Кейл. Словоохотливостью Кейл никогда не отличался, но излучал добродушие и дружелюбие, поэтому всегда было приятно находиться с ним рядом. Он периодически застенчиво улыбался Атайе, больше напоминая в эти мгновения не опытного воина пятидесяти лет, а двадцатилетнего мальчишку.

— Ты представить себе не можешь, как я рада, что ты собираешься ехать со мной, Кейл, — сказала вдруг Атайя, нарушая царившее здесь вот уже на протяжении четверти часа молчание. — Попросить тебя об этом я бы не осмелилась. Как хорошо, что ты сам предложил свою помощь!

Стражник смущенно пожал плечами, будто ничего заслуживавшего особого внимания в своем поступке не находил.

— Я не очень уверен, что полностью разделяю ваши взгляды, принцесса Атайя, — произнес Кейл несколько извиняющимся тоном. — Магия — вещь хорошая... Но... Видите ли, меня учили другому. — Он говорил прерывисто, с трудом подбирая слова, так как не привык изъясняться витиеватыми фразами. — Но я знаю одно. Капитан Грайлен был отличным человеком. Я пошел бы за ним к самому черту на кулички, и столько раз, сколько бы потребовалось. Он верил в вас. А я готов разделить любое его убеждение. И готов служить вам верой и правдой.

Радостная волна окатила душу Атайи. И чем она заслужила подобное к себе отношение?

— Дарэк обвинит тебя в государственной измене и прикажет казнить, если ты попадешься ему в лапы, — предупредила Атайя.

Ей нужно было быть уверенной, что люди, решившие последовать за ней, полностью отдают себе отчет в том, на что идут.

Кейл еще раз застенчиво улыбнулся, как подросток, заметивший, что за ним наблюдает хорошенькая девушка.

— Я все понимаю. Капитан Грайлен в свое время не побоялся этого, — сказал он.

Атайя кивнула.

— Верно. — Подойдя к окну, она задернула шторы, чтобы не видеть удручающей картины, простиравшейся перед глазами, затем вернулась обратно в центр кабинета и с шутливой строгостью подняла вверх указательный палец. — Но не стоит напоминать мне об этом слишком часто!

Прошло еще несколько минут, и в коридоре послышались шумные шаги. Из библиотеки, находившейся рядом, торопливо выскочил Хедрик. Не успел он и рта раскрыть, чтобы произнести слова приветствия, как в кабинет, подобно порыву ветра, влетела мастер Тоня. Она бесцеремонно бросила свой промокший плащ на ближайший стул.

— И когда кончится этот отвратительный снег! Мне всегда везет с погодкой. — Тоня тряхнула редеющими, с прожилками седины волосами, примятыми под капюшоном. — Вот бы уметь транслокироваться в любое место, куда только захочешь! — добавила она и весело подмигнула Атайе. — Старина Бэзил еще не раз позеленеет от зависти, помяни мое слово.

Обменявшись приветственными фразами с мастером Тоней, Атайя перевела взгляд на приостановившихся у двери двух других гостей и в растерянности нахмурила брови. Ей сказали, что это будут воин и учитель, но пришедшие совершенно не походили на солдат, а один из них выглядел чересчур молодым, чтобы говорить не только о педагогике, а о какой бы то ни было профессии вообще.

Хедрик пригласил людей пройти и взял у них плащи, то и дело по-доброму и с явным интересом поглядывая на младшего из них.

— А что с Ранальфом? Он не приехал с вами? — спросил Хедрик у Тони, выглядывая в коридор.

— Ранальф скоро должен подойти. Ему на глаза попался какой-то пояс в витрине магазина, и он принялся торговаться с продавцом. Мы решили не ждать его — на улице жуткий холод. — Тоня уставилась на Хедрика и вопросительно подняла брови. — Долго нам еще трястись? Ты не хочешь предложить несчастным, например, подогретого вина?

Хедрик и Кейл удалились в соседнюю комнату, спеша выполнить столь любезно высказанную просьбу, а Атайя пододвинула к камину три стула и предложила гостям сесть, осторожно разглядывая мужчин, вернее, мужчину и мальчика. Старший был высок и мускулист, приблизительного одного с Фельджином возраста и, подобно принцу, всем своим видом являл пример утонченного аристократизма. Все в нем казалось идеальным: от аккуратно уложенных волос, плавно переходящих в ухоженную бороду, до безукоризненно обработанных ногтей и безупречной осанки. Темно-серая мантия, застегнутая спереди брошью в форме необычного знака, плавно спадала с плеч. Он постоянно прищуривал глаза, словно привык читать при плохом освещении.

Второй, долговязый и худой, напоминал молоденькое деревце, на вид ему можно было дать лет тринадцать, ни днем больше. Его руки и ноги выглядели непропорционально, казалось, они развивались и росли отдельно друг от друга. Атайя надеялась, что старший из гостей не обращает внимания на то, как мальчишка с нескрываемым восхищением уставился на нее, наверное, пораженный великолепием платья и украшений. Она ничего не имела против столь непосредственного проявления восторга, но подозревала, что с точки зрения благовоспитанного господина подобное поведение может показаться непростительной грубостью.

Через несколько минут, когда молчание начало несколько угнетать, Тоня вскочила со стула с мягкими подушками, куда приземлилась совсем недавно, и подбоченилась.

— Хедрик, чувствую, особенно не торопится. Придется мне самой заняться представлением вас друг другу, — провозгласила она.

— Эй, Тоня, ты у меня вообще сейчас не получишь вина! — послышалось из соседней комнаты добродушное ворчание Хедрика, слегка заглушаемое стуком медных кубков о металлический поднос.

Тоня усмехнулась и ничего ему не ответила.

— Это Дом Мэйзон Де Пьер, — воскликнула она, указывая на стройного мужчину в темно-серой мантии. — Преподаватель из Школы колдунов, Хедрик тебе уже говорил о нем. По словам членов правления, он является одним из лучших педагогов. — Тоня лукаво взглянула на Де Пьера и подмигнула ему. — Я знаю Мэйзона много лет, но никогда и вообразить себе не могла, что ему в голову может прийти настолько шальная идея — поехать в Кайт!

Преподаватель весело посмотрел на Тоню.

— Ваше воображение недостаточно развито, мастер Тоня, — шутливым тоном произнес он, повернулся к Атайе и вежливо кивнул. — Я преподаю теорию магии на протяжении пяти лет, ваше высочество. Моя специализация — иллюзорные заклинания. Довольно популярный факультет.

Мэйзон махнул рукой, и ковер под их ногами вдруг заколыхался и через несколько секунд превратился в воду. Стулья плавно закачались, как лодки на реке. Еще один жест — и видение исчезло.

— Неудивительно, что твой факультет пользуется популярностью, — заметила Тоня. — Этих оболтусов хлебом не корми, дай только подшутить над кем-нибудь да поозорничать. А ты как раз обучаешь всяким таким штучкам. — Она шаловливо улыбнулась.

Наверное, вспомнила свои студенческие проказы, — подумала Атайя и перевела взгляд на Мэйзона.

— А почему вы решили оставить школу и поехать со мной?

Дом Де Пьер сложил руки на коленях.

— Я люблю свою работу, принцесса, она доставляет мне немало радости и приносит удовлетворение. Но моя специализация предполагает обучение тех людей, которые уже пережили *мекан*, тех, кому не нужно заботиться о спасении, кто просто хочет познать что-то новое... познать нечто, относящееся к «декоративной» сфере магического искусства. Если я поеду с вами, то смогу принести пользу тем, кто в этом действительно нуждается. В Рэйке достаточно преподавателей-колдунов. Работать здесь — занятие безопасное и надежное. Мне же хочется большего, хочется помочь людям, не способным самостоятельно справиться с проблемами волшебства. Помочь тем, кому ваш король и ваша церковь запрещают жить.

— С радостью бы ответила вам, что это не мой король и не моя церковь, но я принадлежу к роду Трелэйнов, поэтому не могу себе этого позволить.

— Понимаю, мои доводы кажутся несколько идеалистичными, — сказал Де Пьер и отвел взгляд в сторону. — Любовь и стремление к преподаванию пробудились во мне давно, но я мечтаю не о том, чтобы занять место в Совете профессоров, а о том, чтобы принести миру реальную пользу, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему. — Он смущенно пожал плечами. — Думаю, каждый человек в какой-то период испытывает нечто подобное.

— Не бойтесь быть мечтателем, мой друг. Наверное, на свете не происходило бы ничего грандиозного, если бы среди нас не встречались люди, стремящиеся к свершению глобальных перемен. Мой отец всегда страстно желал объединить Кайт, и он этого добился. — Атайя с благодарностью взглянула в глаза преподавателю. — Я очень рада, что вы согласны ехать со мной.

Как только она договорила последнее слово, в коридоре послышался страшный шум: громкие шаги, чьи-то резкие голоса и отборная брань.

— Черт возьми, мне нет до этого дела! Говорю тебе, я приглашен! — прогремел незнакомый мужской бас, каким обладают обычно сержанты и чересчур ревностные священники. — Не зли меня, я тебя предупреждаю!

— А! — воскликнула Тоня и удовлетворенно кивнула. — Должно быть, Ранальф уже появился.

Но она даже не двинулась с места, словно хотела посмотреть, сколько времени у него уйдет на получение разрешения пройти внутрь.

Через несколько минут дверь в кабинет с шумом распахнулась, как будто от удара ногой, но Атайя никого не увидела. Кто-то шмыгнул носом, кашлянул, затем послышался странный звук — какой раздается, когда чешут затылок. Внезапно перед глазами присутствовавших из ниоткуда стал появляться человек — широкоплечий великан. Растрепанные рыжие волосы подобно сорняковой траве по весне беспорядочно покрывали его голову и подбородок. Одет он был в старые краги и овчинный тулуп, изрядно потертый на рукавах. Верзила громко фыркнул и провел под носом рукой, воспользовавшись ею вместо носового платка.

— Черт бы побрал этого коротышку! Не захотел меня впустить, — проревел он, скинул с плеч промокший тулуп и швырнул его на пол к стене. — Пришлось сделать вид, что ухожу, а потом вернуться под невидимым покровом.

В это мгновение в кабинет заглянул запыхавшийся стражник, по-видимому, услышавший, как хлопнула дверь, и поспешивший проверить, в чем дело.

— Прошу прощения, — вежливо обратился он к женщинам и гневно взглянул на рыжего великана. — Мне сказали, к мастеру Хедрику приедут лишь три гостя.

— Все в порядке, — ответила Тоня. — Хотите — верьте, хотите — нет, но этот парень с нами. Так получилось, что мы взяли с собой четвертого, просто не успели предупредить. — Она кивнула в сторону мальчика.

Ранальф, не обращая ни на кого внимания, скинул с ног сапоги, уселся на стул и вызывающе положил ступни на сто-

явший рядом столик. Рассерженный стражник поклонился и скрылся за дверью.

Бедняге пришлось бы попотеть, если бы возникла необходимость силой выдворять верзилу из башни, — подумала Атайя.

Тоня указала рукой на необычного гостя, с серьезным видом гревшего ступни у камина.

— Этого грязнулю, который без излишних уговоров чувствует себя как дома, зовут Ранальф Осгут. — По ее небрежному тону было понятно, что они давно и хорошо знакомы.

Услышав свое имя, Ранальф оторвал сосредоточенный взгляд от своих чулок и беспардонно, почти нагло уставился на Атайю. Ее настолько это поразило, что она прослушала часть того, о чем рассказывала в этот момент Тоня.

— ...родился на острове Саре. Обучался военному делу. Его наняли в кайтскую армию в тот период, когда Кельвин пытался прекратить гражданскую войну.

— С тех пор прошло почти двадцать лет, — воскликнул Ранальф и улыбнулся во весь рот, показывая всем, что передние два зуба у него отсутствуют. — Вы тогда, держу пари, под стол пешком ходили.

Атайя моргнула, пораженная фамильярностью гостя, но не обиделась. Она сама сотню раз отступала от правил приличия и не могла требовать вежливости от других. Поведение этого чудака скорее забавляло ее.

— Так, значит, вы служили в армии моего отца?

Ранальф неожиданно смущенно отвел взгляд.

— Не совсем так...

Он принялся сосредоточенно разглядывать пляшущие в камине языки пламени.

Охваченная дурным предчувствием, Атайя прищурила глаза.

— По-моему, Тоня упомянула о Кельвине и о гражданской войне...

— Верно, — ответил Ранальф и вновь взглянул на нее, на этот раз опять так же нагло. — Я воевал *против* короля, а не за него.

Он сделал паузу, затем добавил:

— Я был наемником графа Таселя и дрался под его знаменами.

Атайе показалось, что ее сердце на мгновение застыло от ужаса. Она как будто потеряла дар речи. Наемник? Враг Кельвина? Да о чем только думали Хедрик и Тоня, когда приглашали его сюда? Естественно, ей было известно это имя — граф Тасель. О нем знали все в Кайте. Человек, поднявший восстание, чуть не свергнувший Кельвина. Его казнили, обвинив в государственной измене. Она тогда была еще маленьким ребенком.

Потрясенная признанием Ранальфа, Атайя не знала, как реагировать, и очень обрадовалась, что в кабинет вернулись Хедрик и Кейл, переключив на себя внимание присутствовавших. Хедрик держал поднос с семью кубками, наполненными подогретым вином, а Кейл нес большое блюдо с красиво уложенными кусочками сыра разных сортов.

— Друзья мои, что случилось? — воскликнул Хедрик, почувствовав царившее напряжение. — Я ничего не слышал.

Он поднял бровь, безмолвно прося Ранальфа убрать ноги, и поставил поднос на стол. Атайя, хоть и не ощущала особенной жажды, схватила один из кубков и в мгновение ока ополовинила его.

— Ранальф только что поведал Атайе, на чьей стороне воевал во время войн в Кайте, — сообщила Тоня, всем видом показывая, что не одобряет его поспешного признания.

— Ах вот оно что, — пробормотал Хедрик и впился зубами в ломтик сыра. — Мы надеялись, что правда не всплывет так скоро. Возможно, я должен был предупредить тебя об этом заранее, Атайя, но не видел причин беспокоить тебя. Если бы Тоня не рассказала мне об этом человеке и не убедила в том, что он очень подходит для нашего мероприятия, я ни за что не согласился бы принимать его в твою команду. Но его прошлое не имеет никакого отношения к настоящему...

— Никакого отношения? — воскликнула Атайя. — Да ведь он...

— Был нанят на службу и получал за это деньги. Причем никого не предавал при этом. Сама вспомни: в тот период

Саре еще не входил в состав Кайта, а являлся отдельным государством и имел своего правителя. Приняв предложение Таселя, Ранальф не нарушил присягу на верность. Поэтому ты не должна ни в чем обвинять его.

Слова Хедрика не подействовали не Атайю, тем более на верного воина Кейла, обычно миролюбивое лицо которого выражало сейчас полное отвращение.

— Смогу ли я доверять вам? — прищурив глаза, спросила она у бывшего наемника, вопросительно взиравшего на нее.

Ранальф криво улыбнулся.

— Прежде чем плохо думать обо мне из-за того, что я воевал против короля Кайта, вспомните, зачем сами собираетесь вернуться на родину.

Фраза задела Атайю за живое, но он был абсолютно прав, напомнив ей об этом. Она, по крайней мере пока теоретически, планировала начать движение против существовавших в Кайте законов, а соответственно — и против короля. Верноподданные, законопослушные соотечественники не смогли бы оказать ей в ее деле никакого содействия. Поэтому осуждать человека, который в свое время тоже выступил на враждебной монарху стороне, было несправедливо.

— Если бы мне не помогли бежать из Кайта, ваше высочество, — добавил Ранальф, впервые употребляя титул в обращении к ней, — то меня двадцать лет как не было бы в живых. Мне «отпустили бы грехи», как они это называют.

Атайя задумалась. Постепенно она начинала смотреть на Ранальфа по-иному. Конечно, сомнения по поводу его прошлого оставались, но она понимала, что не имеет права судить о человеке, так мало зная о нем, опираясь только на догадки и предубеждения. А что, если жители Кайта будут воспринимать ее саму лишь как колдунью, убившую короля Кельвина, и не станут прислушиваться к объяснениям причин? Именно с этим она собиралась бороться — с ограниченностью и заблуждениями.

— А вы? — спросила Атайя, обращаясь к мальчику, сидевшему рядом с Мэйзоном. — Не думаю, что на рассказ о своей жизни вам потребуется много времени. Как вас зовут?

— Камерон, — с готовностью выпалил парнишка, вскочил на ноги и отвесил торопливый, точнее сказать, несколько неуклюжий поклон. — Сокращенно Кам. Я из Лефорта, что находится неподалеку от Эльсского леса под Кайбурном. — Атайя задумалась, но тут же, вспомнив название одной из кайтских деревень, кивнула. И каким только ветром занесло этого мальчишку так далеко от дома? — Однажды я ездил в Делфархам, — с гордостью воскликнул он. — Я видел вас там. На рыцарском турнире. Только в тот раз... — Кам сделал паузу и нахмурился. — Только тогда вы выглядели по-другому...

— Возможно, тогда я была одета примерно так, как наш друг Ранальф, — ответила Атайя, указывая рукой на изрядно потертые краги старого воина. — Боюсь, я являлась позором своего семейства в те дни. Итак, Кам, как ты попал сюда? Что привело тебя к нам? Хедрик не предупредил меня о твоем приезде.

— Не предупредил, потому что сам ничего не знал, — пояснил Мэйзон и окинул мальчика странным взглядом — взглядом, выражавшим одновременно возмущение и уважение. — Этот парень приехал с нами, потому что мы просто не смогли отделаться от него. Он увязался за нами еще в Теносе.

— И собираюсь сопровождать до самого Кайта, — уверенным тоном заявил мальчик, упрямо приподнимая подбородок.

— А ведь он — обыкновенный воришка, — воскликнул Мэйзон и добродушно рассмеялся. — Этот негодник стащил у меня кошелек, когда мы покупали все необходимое для поездки на рыночной площади в Теносе. Стащил и пустился наутек. Если бы Ранальф не заметил, куда он помчался, и не остановил его при помощи одного из заклинаний, то мы бы так и не поймали его.

Тоня понимающе взглянула на Кама.

— Ну, Мэйзон, не надо судить его строго. Парнишка сбежал из дома и должен чем-то питаться.

— Конечно, должен, только не на мои денежки, — пробормотал преподаватель, но в его голосе не слышалось ни капли злобы.

Атайя с любопытством взглянула на мальчика.

— Итак, Камерон, зачем ты приехал к нам? Надеюсь, не для того, чтобы обворовать короля и его свиту? И для чего собираешься ехать с нами в Кайт?

Лицо Кама помрачнело, глаза неожиданно превратились в глаза взрослого, повидавшего много горя человека.

— Я хочу присоединиться к вам и отправиться в Кайт из-за моего брата... — печально сказал он. — Четыре года назад его забрал священник, работающий в нашей деревне. Но я уверен, что Марк не являлся ребенком дьявола, как утверждал святой отец. Я испугался, что и меня заберут однажды и заставят принять смерть. Но я хочу жить, — оправдывающимся голосом произнес мальчик, словно был обязан объяснять всему миру свое столь естественное желание. — Мои родители считают, что поступили правильно. Но мне кажется, они допустили страшную ошибку... или... даже не знаю. Я не мог там больше находиться. Решил, что должен собственными глазами увидеть, как живется колдунам в других странах. Поэтому сбежал в Рэйку.

Он несмело взглянул на Мэйзона.

— Я иногда краду деньги, это верно. Но только потому, что мне нечего есть. Я не вор. В тот день, когда Ранальф поймал меня и привел к учителю, чтобы вернуть ему его деньги, я узнал, что эти люди собираются ехать в Кайт для спасения лорнгельдов. И я решил, что тоже обязан отправиться туда. — Он опустил глаза. — Мне хочется доказать, что святой отец был не прав тогда. Здесь никто не считает, что колдуны — люди проклятые. Они просто не могут быть проклятыми, если Марк являлся одним из них...

Атайя закрыла глаза, к горлу подступил ком. Однажды Тайлер сказал ей почти то же самое — если у тебя есть колдовские способности, то они просто не могут представлять собой зло. Сколько еще людей на ее родине шепчут те же слова тем, кого любят! Страшно подумать! Сколько несчастных обнаруживают, что внушаемая им на протяжении долгих лет истина обманчива, в тот момент, когда беда касается их

жены, ребенка, брата, когда их забирают у них, забирают, чтобы убить... Все кажется понятным и правильным, преступления, скрывающиеся под благородными толкованиями священнослужителей, не трогают, пока не свершаются против тех, кого любишь...

— Я понимаю тебя, Кам, — сказала Атайя и печально улыбнулась мальчику. — Сам ты не являешься колдуном, по крайней мере пока, — добавила она, прекрасно зная, что через шесть-семь лет, он, вполне возможно, пополнит их ряды, — но у тебя есть веские основания на вступление в нашу команду.

Атайя встала со стула, подбоченилась и оглядела свой отряд, одобрительно улыбаясь.

— Ученый, наемник и вор. *Названный* вором, — поправилась она, перехватив возмущенный взгляд Кама. — Добавляем сюда опальную принцессу и получаем три колдуна плюс Кам и Кейл. Не очень-то многочисленная армия, но это только начало.

— Четыре колдуна, моя дорогая, — сказала Тоня, ее глаза загадочно поблескивали. Заметив недоуменное выражение лица Атайи, она хрипло засмеялась. — Я тоже еду с вами.

Хедрик, до настоящего момента, державшийся необычно спокойно и молчаливо, чуть было не подавился сыром, который только что отправил в рот.

— Что? — воскликнул он, немного придя в себя, вытаращил глаза и, казалось, перестал дышать. — Тоня, ты, верно, шутишь. Или я ослышался?

Тоня гордо приподняла подбородок.

— А почему бы и нет? Ты ведь ездил в Кайт с миссией милосердия. Теперь моя очередь. Или хочешь, чтобы вся слава и благодарность достались только тебе?

— Н-нет, но...

— Или намекаешь, что я уже стара для совершения подобных поступков? Но я, черт возьми, гораздо моложе тебя и еще полна сил, понятно?

Тоня помахала перед его лицом поднятым вверх указательным пальцем. Видя, что недоумение Хедрика не прохо-

дит, она ударила себя ладонью по бедру и расхохоталась, довольная, что сумела так удивить его.

Атайя молча смотрела на Тоню, в голове нескончаемой вереницей пробегали совершенно противоречивые мысли. В первый момент эта новость ужасно обрадовала ее: было бы замечательно отправиться в Кайт вместе с такой опытной и веселой компаньонкой, как Тоня. В то же время она никак не могла отделаться от сомнений... от неприятного ощущения, что тебе что-то недоговаривают... Почему Тоня заявила о своем решении так внезапно? Почему не упоминала об этом раньше?

А может, для нее самой это явилось неожиданностью? Может, инициатива исходила вовсе не от нее, а...

Окончание фразы пришло в голову незамедлительно, и выражение лица Атайи тут же изменилось, превращаясь из растерянно-удивленного в возмущенное.

— Лорд Бэзил попросил вас отправиться со мной, не так ли? — сердитым тоном спросила Атайя, приходя в полное негодование от выраженного ей недоверия. — Он хочет, чтобы вы следили за мной и докладывали ему обо всех моих действиях? Боится, что я нарушу правила Совета, верно?

Тоня несколько виновато склонила голову набок.

— Не стану утверждать, что Бэзил не имеет к моему решению отправиться в Кайт вместе с вами никакого отношения, — призналась она. — Но я сама хочу поехать. Просто не смогу отпустить вас одних — такой маленькой, неопытной компанией. К тому же кто-то должен будет готовить на всех еду — держу пари, ни один из вас не отличит сковороду от чайника. Да и вообще вам просто необходима еще одна женщина. Кто, к примеру, станет штопать ваши одежды, если они прохудятся? Один из них?

Тоня указала рукой на мужчин и ухмыльнулась.

— Я займусь этим, — воскликнул Ранальф. — Вдруг понравится?

— Н-но... Вы ведь состоите в Совете мастеров, — растерянно пробормотала Атайя, не обращая внимания на шутку Ранальфа. — Поехать с нами и исполнять роль прислуги... Да разве такое возможно?

— Все мы прислуживаем кому-нибудь в этой жизни, — задумчиво и спокойно сказала Тоня. — Кроме того, несмотря на то что Хедрик уже многому обучил тебя, ты еще молода и неопытна. Мы долго разговаривали с Бэзилом и пришли к заключению, что с тобой должен поехать человек, знающий о магии гораздо больше, чем ты. Человек, изучивший не только техническую сторону колдовства, но еще и этическую. А на это уходят обычно долгие годы. Лишь по прошествии времени можно достичь полного понимания того, что позволено, а что запрещено совершать при помощи магических сил.

— Нет, я до сих пор не могу в это поверить, Тоня, — проворчал Хедрик. — Неужели Бэзил натолкнул тебя на столь безумную идею? Неужели это он убедил тебя решиться на подобное?

— Бэзилу никогда в жизни не удавалось убедить меня в чем бы то ни было, — заявила она. — Я сама хочу поехать в Кайт. На то есть еще одна веская причина. Не понимаю, почему никто из вас до сих пор не подумал об этом.

Атайя и Хедрик обменялись вопросительными взглядами.

— Да раскиньте же вы своими мозгами! — Тоня нетерпеливо всплеснула руками. — Рядом с Атайей должен находиться кто-нибудь, способный помочь в том случае, если ей придется воспользоваться... — она взглянула на других присутствовавших колдунов и понизила голос, — тем заклинанием, о котором мы разговаривали.

Атайе хотелось шлепнуть себя по затылку. И как ей сразу не пришло в голову! Как она могла забыть? Да уж, это заклинание принесет мало пользы, если для разблокировки магических сил ей придется отправляться назад в Рэйку.

— Ну что, собираетесь продолжать нападать на меня или закончим спор? — спросила Тоня. — Но учтите, мы можем проговорить впустую до самой поздней ночи.

— Не сердись на меня, — устало сказал Хедрик и потер глаза, словно почувствовал начинающуюся головную боль. — Бог свидетель, наша задумка благородна и полезна. Я сам убедил Атайю в том, что она обязана позаботиться о своем

народе. Если рассуждать логически, Тоня, нет ничего плохого в твоем решении принять в этом участие. Но если бы ты только знала, как я переживаю за Атайю... А теперь еще и ты... Я буду волноваться, вот и все.

Тоня широко раскрыла глаза.

— О Господи! Ты стал сентиментален, Хедрик Эльсон Макалиард.

Успокаивающе погладив старика по руке, она сразу перешла к другому вопросу: предложила составить список необходимых съестных припасов для предстоявшей поездки в Кайт.

В тот же вечер после ужина Осфонин устроил в честь мастера Тони и других гостей настоящий праздник, пригласив в замок лучших в Ат Луане музыкантов. До самого утра народ танцевал и веселился под звуки скрипок и флейт.

Атайя видела, что, поужинав, Джейрен сразу удалился из тронного зала. Она пыталась убедить себя, что у него на то имеются свои причины — усталость или незавершенные дела, — но в глубине души понимала: Джейрен просто избегает общения с ней. Хотелось броситься ему вдогонку и честно рассказать обо всем, объяснить, что она отказала ему только потому, что по-настоящему обеспокоена за его судьбу. Потому что он, как никто другой, небезразличен ей. Но это явилось бы для Джейрена лишь еще одним поводом возобновить разговор о поездке в Кайт.

Потанцевав с Мэйзоном, Ранальфом и Николасом, Атайя направилась в ту часть зала, где стояли столы с сыром, разнообразной выпечкой и элем. Села на свободный стул и, взяв с большого блюда пышную булочку с изюмом, принялась с аппетитом поглощать ее.

Присутствующие продолжали веселиться под задорные мелодии музыкантов. Атайя видела, как Фельджин пригласил на танец Тоню, затем еще нескольких придворных дам. По правилам приличия, ему следовало потанцевать и с ней, так как она являлась гостьей короля. Но Фельджин даже не смотрел в сторону Атайи и на протяжении всего вечера избегал встречи с ней взглядом.

Когда оживленная музыка сменилась лирическими балладами, принц поднялся на возвышение и сел за стол, чтобы отдышаться и перекусить. Атайя быстро, пока он не успел заметить ее и улизнуть, подкралась сзади и уселась на соседнее место.

— Ты сторонишься меня, — сказала она.

Фельджин даже не попытался ей возразить.

— Николас говорит, ты и с ним вот уже целую неделю разговариваешь мало и неохотно, — продолжала Атайя.

— Как бы тебе объяснить? — грустно ответил он и окинул ее беглым взглядом. Туника стального цвета очень шла ему и подходила его печальному настроению. — Джейрен для меня как брат, Атайя. Когда его обижают, мне тоже больно.

Фельджин взял кувшин с вином и наполнил кубок до самых краев. Потом, спохватившись, налил вина и Атайе.

Песенники запели заунывную балладу о двух возлюбленных, утонувших в море прямо перед свадьбой. Фельджин углубился в раздумья, а настроение Атайи совсем испортилось.

— Знаешь, какая мысль пришла мне сейчас в голову? — неожиданно сказала она. — Если бы не моя магия, то я сидела бы сейчас на этом же месте, но в качестве твоей жены.

Фельджин резко повернулся и поднял бровь. Скорее всего до настоящего момента он никогда не задумывался об этом.

— Ты права. — Отведя взгляд в сторону, принц пожал плечами. — Хотелось бы верить, что ты не рассматривала бы свое положение как наказание за все былые прегрешения.

Атайя молчала. Подумать только! Еще год назад она была готова на что угодно, только бы прекратить попытки отца убедить ее выйти замуж за сына короля Рэйки. Если бы кто-нибудь сказал ей тогда, что Фельджин понравится ей, принцесса расхохоталась бы этому типу в лицо.

— Ну, быть может, не как наказание... — ответила наконец Атайя и, задорно улыбнувшись, взглянула Фельджину в глаза.

Эта уловка подействовала: он как будто расслабился и смягчился, напряжение исчезло.

— Я могу понять, почему ты отказывалась выходить замуж за меня, Атайя. Никому не хочется вступать в брак с человеком, которого не любишь, только потому, что это нужно родителям. — Фельджин сделал паузу и покачал головой. — Но Джейрен... Он отличный парень. Я просто в толк не могу взять, что побудило тебя обойтись подобным образом с ним.

— Николас ничего тебе не рассказывал?

— О да, он поведал мне о твоих причинах, — несколько раздраженным тоном ответил Фельджин. — Полагаю, что увидеть в них хотя бы намек на здравый смысл может лишь один человек в замке — лорд Иан. Не беспокойся, самому Джейрену об этих глупостях никто не говорил. Пока что, — добавил он. — Но меня так и подмывает сделать это, Атайя. Кто-то должен сделать первый шаг на пути к спасению тебя от самой себя.

— Пожалуйста, ничего ему не рассказывай, — взволнованно протараторила она. — Я надеюсь, что по прошествии какого-то времени Джейрен просто потеряет интерес к безумной затее о поездке. И вернется к... к старой, нормальной жизни, займется обычными делами, какими занимался до того... как появилась я. Мне так хочется, чтобы у Джейрена все сложилось благополучно, Фельджин. Ты его друг, ты должен меня понять. Я не собираюсь еще раз подвергать его столь страшной опасности.

— Так, значит, ты еще не в курсе?

Атайя медленно опустила на стол кубок с остатками вина.

— О чем это ты?

— Джейрен все еще планирует ехать с тобой, Атайя. Он сообщил мне об этом сегодня утром.

Фельджин поставил локти на стол и положил подбородок на сцепленные в замок руки.

Атайе показалось, что выпитое вино за одну секунду прокисло в желудке, а музыка растворилась вдалеке, словно скрипачи и песенники удалились на огромное расстояние.

— Разбить его сердце и нанести ему ужасное оскорбление — с этим ты справилась превосходно, — вновь заговорил Фельджин. — Но Джейрен продолжает верить в твою мис-

сию, Атайя. Он уже договорился с Хедриком о предоставлении ему бессрочного отпуска и подыскал несколько кандидатов, жаждущих хотя бы временно поработать в качестве ассистента мастера. Скорее всего в данную минуту он сочиняет письма для них.

— Но почему? — вскрикнула Атайя.

Она прекрасно знала, почему Джейрен так повел себя, но не могла смириться с мыслью, что все идет не по ее плану.

— Я уже сказал тебе, он собирается помочь. И, конечно, надеется, что в один прекрасный момент к тебе вернется рассудок и ты согласишься выйти за него замуж. Знаешь, до настоящего момента я никогда не видел Джейрена влюбленным в кого бы то ни было. С любовью в нем проснулось и невиданное упрямство... — Фельджин огляделся и еле слышно добавил. — Странно одно: почему-то лорд Иан заметил это раньше, чем ты.

Атайя беспомощно обхватила лицо руками. Что она теперь будет делать?

— Ну, ведь должен существовать на свете такой человек, кого бы он послушал! — простонала она.

Неожиданно ей в голову пришла отличная мысль.

Конечно, должен! И об этом человеке Фельджин только что упомянул.

— Извини, — оживленно сказала Атайя и поднялась на ноги. — Мне нужно кое с кем поговорить.

Фельджин взял ее за руку.

— Он не передумает.

— Я собираюсь побеседовать совсем не с Джейреном, — воскликнула Атайя, уже направляясь к лестнице. Затем приостановилась и повернула голову. — Ты хороший друг, Фельджин. И не только для Джейрена. Просто хочу, чтобы ты знал об этом.

Лицо принца просияло, а Атайя стремительно зашагала к выходу.

Когда она вошла в личные покои лорда Иана, в душе возникли те же неприятные ощущения, какие ей не раз приходилось переживать перед беседами с отцом.

Слуга провел ее в ту комнату, где лорд сидел за письменным столом, заваленным бумагами с печатями, загадочными знаками и кляксами. Опустив перо в чернильницу, он медленно поднялся с места.

Одетый в длинный простой халат, без головного убора, Иан выглядел достаточно непривычно. Но его взгляд оставался по-прежнему холодным и недружелюбным. Атайя, почувствовав себя неуютно, сжала пальцы в кулаки.

— Спасибо, Брайс. Можешь идти, — сказал Иан слуге и, когда они остались вдвоем, вопросительно поднял бровь. — Вы хотели меня видеть?

Его звучный голос эхом отозвался в ее висках.

— Да, сэр. Надеюсь, я не помешала вам.

Иан с усталым равнодушием оглядел разложенные на столе бумаги.

— Не беспокойтесь. Я решил просмотреть старые счета и разобраться с документами. Уже собирался заканчивать.

Он жестом указал ей на стул, безмолвно приглашая сесть, но она предпочла стоять.

— Я пришла поговорить о Джейрене.

Герцог не шелохнулся, но в его глазах отразилась тревога, а лицо напряглось.

— Не знаю, милорд, известно ли вам об этом, но на прошлой неделе ваш сын предложил мне выйти за него замуж.

В первую секунду ей показалось, что герцог не услышал ее, но через пару мгновений вены на его висках вздулись, а щеки побагровели, и Атайя поняла, что Иан слышит о случившемся впервые.

— Упрямый мальчишка! Я запретил ему это делать. — Лорд долбанул кулаком по столу с такой силой, что из чернильницы на полированную столешницу выплеснулись остатки чернил. — Вот как он уважает отца! Самый талантливый из моих сыновей и самый своенравный! — орал Иан. — Я желаю ему только добра, пытаюсь помочь ему, а он...

— Я отказала ему, лорд Иан.

Более резкую перемену выражения лица трудно было бы себе вообразить. Герцог непонимающе моргнул и замер. За-

тем опустился на стул и принялся почесывать подбородок, совершенно обескураженный, но явно успокоившийся.

— Теперь я понимаю, почему у Джейрена всю неделю нет настроения, — задумчиво пробормотал он, поднял голову и, встретившись с ней взглядом, несколько смутился. — Простите меня, я повел себя недостойно. Мое мнение о вас далеко не лучшее, но я должен держать его при себе.

— Вы не единственный человек, кто относится ко мне подобным образом, — откровенно призналась Атайя. — Я уже привыкла слышать о себе нелестные отзывы. — Она устало опустилась на стул, который он предлагал ей ранее, и взглянула на него с мольбой. — Лорд Иан, ваш сын — добрый и самоотверженный человек. Он для меня многое значит. Я бесконечно ценю нашу с ним дружбу. И мне бы очень хотелось, чтобы Джейрен остался здесь — в безопасности и спокойствии, чтобы отказался от своей затеи принимать участие в моем... походе, наверное, это можно назвать именно так. Вот почему я ответила отказом на его предложение...

Глаза герцога озарились надеждой.

— Вам удалось убедить Джейрена остаться?

— Не совсем, — призналась Атайя. — Фельджин сообщил мне сегодня, что он все еще собирается следовать за мной в Кайт. Поэтому я и пришла к вам — чтобы просить о помощи... Может, вы попросите его съездить ненадолго домой, в Улард... Повидаться с семьей. — Она подняла руки ладонями вверх. — Я уверена, Джейрен послушает вас.

— Как же! — воскликнул Иан. — Буквально две недели назад я убеждал его в том, что он не должен просить вашей руки. Сами видите, чем все закончилось.

Как только последние слова слетели с его губ, герцог моргнул, виновато опустил голову и хотел было извиниться, но Атайя опередила его.

— Я все понимаю, лорд. И ни в чем не виню вас. Я впутала Джейрена в такую страшную историю, когда мы ездили в Кайт прошлой осенью. Неудивительно, что вы относитесь ко мне именно так. Теперь я готова пойти на что угодно, лишь бы уберечь его от новой опасности.

Герцог откинулся на спинку стула и задумался, похлопывая пальцами по подлокотнику, словно король, размышляющий над рекомендацией своего советника.

— Знаете, чем больше я думаю над вашими словами, тем крепче становится надежда. А что, если действительно попросить его съездить домой, якобы для того, чтобы повидаться с матерью и братьями перед этим вашим... походом? Напомнить о сыновнем долге, сказать, что в Кайте он может погибнуть и тогда никогда больше не увидится с семьей... И задержать его, хотя бы до лета.

— Было бы замечательно, — произнесла Атайя и почему-то погрустнела.

Глаза герцога неожиданно озарились радостным сиянием.

— Кажется, я придумал, как оставить его дома навсегда. — Его губы расплылись в лукавой улыбке. — Клара О'Фадден.

Атайя растерянно кашлянула. Такого поворота событий она никак не могла предвидеть.

— Кто?

— Дочь моего соседа. Клара и ее братья и сестры дружили с моими сыновьями с детства. Клара на несколько лет моложе Джейрена, но уже вдова... Произошел несчастный случай. Ее муж погиб, когда ему было всего лишь двадцать лет. Джейрену она всегда нравилась. Теперь, когда Клара вернулась к родителям, думаю, они могли бы опять встретиться...

По довольному тону Иана Атайя поняла, что он совсем не против возникновения между этой Кларой и его сыном более серьезных отношений.

— Неплохая мысль, — сказала Атайя, но выговорить эти слова удалось с трудом.

Лорд Иан обдумывал свои планы на протяжении еще нескольких минут, потом взглянул на гостью, на этот раз совсем по-другому.

— Наверное, я был несправедлив по отношению к вам, ваше высочество. Как выяснилось, мы стремимся к одной и той же цели, верно?

— Верно, лорд Иан. И я уверена, Джейрен еще поблагодарит нас с вами за то, что мы для него сделали.

А если и не поблагодарит, — добавила она про себя, — *то хотя бы останется жив и сможет до конца своих дней ненавидеть нас за это.*

Атайя покинула покои Иана с ощущением победы. Лорд должен уговорить Джейрена навестить родных, а потом он и сам не захочет возвращаться. Так будет лучше, даже если причиной его невозвращения станет дружба с другой молодой особой.

Прекрати! — скомандовала сама себе Атайя. — *Ты добилась, чего хотела, не правда ли?*

Внезапно она почувствовала, что ни о какой победе не может идти и речи, что разбита и подавлена, как проигравший битву солдат.

Свернув в освещенный факелами коридор, ведший к ее собственным комнатам, Атайя невольно вспомнила слова Фельджина. Он сказал ей это, когда она приезжала в Ат Луан впервые, когда впервые в жизни открыто признала тот факт, что никогда не сможет осуществить свою самую заветную мечту — выйти замуж за Тайлера.

«Пройдет время, и у тебя появятся новые мечты, — заверил ее в тот день Фельджин. — Мечты, которые когда-нибудь сбудутся».

Атайя в отчаянии ударила кулаком о перепачканную сажей стену.

А что делать, когда до осуществления желания рукой подать, но ты не смеешь этого сделать? Не имеешь морального права?

Только сегодня днем она убеждала Дома Де Пьера в том, что нельзя стыдиться собственных мечтаний, что ни одна из высоких целей в мире не была бы достигнута, если бы люди не стремились к осуществлению заветных желаний. А теперь... А теперь, стирая с озябшей руки черную сажу, она рассуждала совсем иначе: быть может, спокойнее и безопаснее и вовсе не мечтать, чем видеть, как все твои грезы исчезают одна за другой, так и не став реальностью...

Глава 8

Небольшой отряд солдат остановился на возвышении на приграничной бесплодной земле. Пушистые снежинки, бесшумно падая с неба, обильно покрывали все вокруг. Двадцать с лишним человек вели себя неестественно тихо, то ли от усталости, то ли под воздействием зловеще взиравших на них неприступных утесов — никто не мог сказать определенно. Предстоявшая ночь обещала быть менее морозной, чем шесть предыдущих, но было ужасно ветрено и слякотно. На дорогу от Ат Луана до кайтской границы у путников ушло целых семь дней вместо обычных четырех: непролазная грязь и затянутые льдом лужи на дорогах явились серьезной помехой для нормального путешествия.

Лорд Джессингер и остальные воины кайтской гвардии не решались требовать столь долгожданного отдыха, капитан тоже не говорил об этом вслух. Он молча оглядывал расположенную в долине деревушку, ветхую и убогую, слегка приукрашенную свежевыпавшим снегом.

— Выглядит ужасно, но у нас нет выбора, — пробормотал наконец Парр, выискивая глазами хибару покрупнее, в которой можно было разместить людей. Ледяной ветер трепал полы его дорожного плаща, и капитан, плотнее закутавшись в него, громко выругался. — Черт бы побрал это проклятое место, а вместе с ним и всю Рэйку! В конце марта уже не должно быть таких холодов.

— Мы находимся намного севернее Делфархама, — изможденным голосом сказал Джессингер и поежился. В своей отороченной мехом накидке он больше походил на потерянного, несчастного странника, чем на путешествующего герцога. — Дорога отсюда ведет как раз на юг, капитан. Завтра к полудню мы уже пересечем границу. — Выражение его лица на мгновение просветлело. — А это значит, что сможем наконец отделаться от солдат Осфонина, — добавил он, понижая голос и оглядываясь через плечо на кучку облаченных в си-

ние форменные одежды воинов, сопровождавших их до границы.

Парр тоже оглянулся, и выражение его лица стало холодным и жестким. Обменявшись многозначительным взглядом с одним из своих подчиненных, он вновь повернулся к Джессингеру и тихо произнес:

— *Вы* пересечете границу, лорд. Но не я. По крайней мере пока я не планирую этого.

Парр крепко сжал в руках поводья, будто почувствовал, что лошадь готова понести.

Джессингер, казалось, не поверил собственным ушам.

— Что вы имеете в виду, капитан? Объясните.

— Я отъехал на столь далекое расстояние лишь для того, чтобы ввести в заблуждение этих болванов, посланных сопровождать нас, а также тех, кто захочет шпионить за нами при помощи своих дьявольских штучек... по-моему, они называют их визуальными сферами. Теперь все успокоились, убедившись, что мы благополучно достигли границы. Как только солдаты Осфонина повернут назад, я сделаю то же самое.

Слова Парра застыли в морозном воздухе, последовавшее молчание нарушали лишь случайные звяканья упряжи да кашель простуженных солдат. Джессингер понимал, что к его распоряжениям никто не прислушается, и сознавал, что не в силах что-либо изменить.

— Вы не должны нарушать указания под воздействием изменения собственного настроения, капитан. Я настаиваю, чтобы вы ехали со мной.

Он вложил в свои слова всю строгость и суровость, на какую только был способен, и даже приподнял вверх подбородок, но нижняя его губа предательски дрожала, выдавая нервное состояние и внутренний страх.

Парр, уверенный в своем превосходстве, не посчитал нужным тратить время на споры.

— Я получаю приказы от короля, а король поручил мне найти принцессу Атайю. И я не собираюсь возвращаться, так ничего и не узнав о ней. — Он уставился на Джессингера

неморгающим взглядом, и тот, не выдержав, отвернулся. — Если хотите, спокойно поезжайте в Делфархам, а у меня еще есть здесь кое-какие дела.

Джессингер крепче закутался в накидку, представив себе, насколько рискованное мероприятие затевает Парр.

— А что, если вас заметят? — несмело предупредил он. — Люди Осфонина оставят на дороге наблюдающих. Если вас поймают, вы горько пожалеете о своем поступке — в гвардии Осфонина множество колдунов. Им-то и поручат разобраться с вами.

— Это они пожалеют, что связались со мной, — угрожающим тоном воскликнул Парр, сорвал перчатку с левой руки и с торжествующим видом поднял вверх указательный палец. На нем красовался массивный золотой перстень с крупным корбаловым камнем. — Король дал мне эту штучку, чтобы справиться с возможными осложнениями. — С неприятной улыбкой на губах капитан вновь надел перчатку на руку. — Полагаю, обнаружить нас будет достаточно сложно. Мы переоденемся во что-нибудь менее приметное и поедем по прибрежной дороге по направлению к Торвику, а там свернем на юг. Конечно, у нас уйдет на это больше времени, зато значительно снизится вероятность встречи с воинами Осфонина.

— Подождите... Вы сказали, «у нас»?

Герцог растерянно оглянулся и внимательно осмотрел лица солдат, надеясь понять по ним, кто конкретно пытается покинуть его. Но замерзшие люди взирали на него сурово и бесстрастно.

— Не беспокойтесь, лорд, с вами останется достаточное количество воинов, — сказал Парр скорее насмешливым, чем успокаивающим тоном. — Я уже разговаривал со своими людьми. Большинство из них готовы отправиться со мной, но я вынужден взять с собой лишь ограниченное количество человек, а именно троих. Если нас будет больше, это может показаться подозрительным.

Герцог нехотя кивнул:

— Согласен.

— Его величество останется нами доволен, лорд Джессингер, — пылко воскликнул Парр. — Что может быть важнее, чем передача убийцы короля Кельвина суду?

Не успел Джессингер выдавить из себя самый незамысловатый ответ, как капитан ударил поводьями и подал сигнал подчиненным спускаться за ним в долину. Воины послушно повиновались, объезжая лорда словно лежащее посреди дороги бревно.

Как отреагирует Дарэк, узнав о самовольных действиях нового капитана? И о решении брата Николаса остаться при дворе Осфонина? Внезапно очнувшись от мыслей, Джессингер пришпорил лошадь и поспешил вслед за остальными, сознавая, что должен сам позаботиться, пока не поздно, о собственном ночлеге.

Через неделю после весеннего равноденствия, накануне отъезда из Ат Луана, Атайя сидела в кабинете Хедрика, заставляя потрескивавшие зеленые огненные ленты выполнять то или иное задание согласно указаниям Хедрика. Учитель предупреждал ее, что к ненавистному ей заклинанию они обязательно вернутся. Она тщетно надеялась, что он позабудет о своем обещании. Но сегодня все происходило совсем не так, как в прошлый раз: не было паники, не было неожиданных транслокаций, и вскоре Атайе показалось, что ей вполне по силам стать настоящим специалистом по части зеленых лент.

— Хорошо, Атайя. Очень хорошо, — сказал Хедрик, удовлетворенно кивая. — Думаю, теперь ты научилась контролировать ситуацию.

Атайя приказала веревкам исчезнуть и с облегчением вздохнула.

— Я ненавижу это заклинание, мастер Хедрик. Теперь я могу спокойно им пользоваться, но буду его всегда ненавидеть.

— Знаю, — понимающим тоном ответил учитель. — Но я просто не имел права отпустить свою талантливую ученицу, не убедившись в том, что она усвоила все мои уроки. Даже если некоторые из них дались ей не так-то просто.

— Отпустить... — пробормотала Атайя, задумчиво глядя на пляшущие в камине языки пламени, и откинулась на спинку кресла-дерева. — Мне до сих пор кажется, что я не совсем готова... Даже после всего того, чему вы меня научили.

Хедрик добродушно усмехнулся.

— Никто никогда не бывает полностью готов к чему бы то ни было, Атайя. Признаюсь честно: чем дольше я живу на свете, тем больше понимаю, что еще очень многого не знаю.

— А я думала, вы знаете абсолютно все, по крайней мере о колдовстве. За исключением, возможно, заклинания транслокации. — Атайя лукаво улыбнулась. — В конце концов, магия — ваша профессия.

— У меня есть собственные теории относительно моих знаний. Я планирую написать несколько очерков для включения в основную программу обучения Школы колдунов. — Его глаза весело заблестели. — Студенты будущих поколений будут проклинать мое имя, зазубривая мои мудрые изречения накануне экзамена.

Хедрик засмеялся, заметив, как лицо Атайи приобрело сочувствующее выражение.

— Кстати, — Хедрик опустил руку в карман мантии, — у меня для тебя кое-что есть. — Он достал нечто округлое, размером с монету, вложил ей в руку и по-отечески похлопал ее по плечу. — Ты это заслужила.

Атайя раскрыла ладонь — там лежала золотая брошь в форме креста, украшенного драгоценными камнями, заключенного в круг. Она уже не раз видела подобные знаки. Эта вещица отличалась особым изяществом, о ее стоимости можно было только догадываться.

— Как красиво, — прошептала Атайя.

— Это символ нашего народа. Четыре вершины креста означают четыре стихии — огонь, воздух, землю и воду, а три камня на каждой из вершин — элементы человеческого существа — тело, разум и душу. Все заключено в круг... Возможно, это образное изображение нескончаемого выполнения задания — заставить все вышеперечисленное работать одновременно в согласии и гармонии...

Атайя покрутила брошь в руках, любуясь переливающимися в свете огня драгоценными камнями.

— Это означает, что обучение позади?

Мастер погрозил ученице пальцем и шутливо нахмурил брови.

— Нет. Когда речь идет о колдовстве, обучение длится бесконечно. — Его лицо вдруг просветлело, и он посмотрел ей в глаза мудрым, спокойным взглядом. — Запомни то, что я тебе скажу, Атайя. Моей главной целью было не просто научить тебя пользоваться заклинаниями, а пробудить в тебе интерес к собственному познанию магии, вечному поиску. Мне хотелось бы, чтобы и ты, тренируя своих учеников, внушила им то же стремление к развитию. Чем больше требуешь от обучаемого, тем больше он готов раскрыть перед тобой свои таланты. Если спрашиваешь с него лишь добросовестное выполнение задания, то только это и получишь в итоге. Когда ожидаешь совершенства, обнаруживаешь в человеке нечто великое, независимо от того, насколько мощными силами он наделен.

Атайя медленно пристегнула брошь к воротнику платья и, выдержав продолжительную паузу, смущенно спросила:

— А я? Я оправдала ваши ожидания, мастер Хедрик?

В первое мгновение, судя по выражению его лица, она подумала, что учитель хочет сказать ей какой-то комплимент, похвалить ее, но, вероятно, он передумал. К ее великому удивлению, вместо этого старик наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Да, моя дорогая, оправдала.

Хедрик обхватил ее своими худыми руками и неожиданно крепко обнял.

— Я буду скучать по тебе, Атайя. Ты даже не представляешь, как сильно я буду скучать.

На следующее утро — если это можно назвать утром, ведь до рассвета еще оставалась добрых пара часов, — во дворе было тихо и спокойно, на темном небе мирно поблескивали звезды. Легкий морозец, пропитанный туманным сиянием луны, обволакивал сонную землю. Хотя Атайя старалась сту-

пать осторожно, под ногами хрустел снег, эхом откликаясь в ночной тишине. Находясь в состоянии полудремы, она добрела до конюшни и, уютно закутавшись в толстую шерстяную накидку, прислонилась к дверному косяку. Тут и там велись активные приготовления к поездке. Ей казалось, что все, что происходит вокруг, ее не касается. Хотя ее тело находилось здесь, сознание еще сладко спало, свернувшись калачиком, на мягкой перине, набитой гусиным пухом.

Атайя терпеть не могла просыпаться так рано, в подобные моменты ее голова еще долго плохо соображала после сна. Набрав в легкие морозного воздуха, она постаралась проснуться. На дворе стоял апрель, но в Ат Луане все еще держались зимние холода. Единственное, чему можно было радоваться в связи с отъездом из Рэйки, так это тому, что, когда они приедут в Кайт, смогут отогреться под весенним солнышком.

Кейл и Мэйзон суетились в противоположном углу двора, привязывая к седлам кожаные сумки и укладывая провизию на повозку. Кам спал на сене в задней части повозки и выглядел таким безмятежным и умиротворенным, что никто не решался будить его, хотя лишняя пара рук совсем не помешала бы при сборах. Тоня, казалось, была повсюду, еще более энергичная в столь ранний час, чем обычно. Она проверяла, все ли взято, рассматривала карту, по которой они должны были двигаться в южном направлении, спорила с Ранальфом о том, по какой дороге лучше ехать.

Атайя услышала где-то совсем рядом шаги и, очнувшись от сладкой дремы, резко подняла голову. Прямо перед ней стоял Джейрен в теплом темном плаще с капюшоном. Он походил сейчас на монаха, идущего к заутрене, — со склоненной головой, спрятанными в противоположные рукава руками.

Джейрен оперся о стену конюшни рядом с ней и долго молчал, глядя на собиравшихся в дорогу людей. Создавалось впечатление, что он видит перед собой не тех, кто суетится сейчас во дворе, а картинки из прошлого или мечтает о будущем, которому никогда не суждено сбыться.

— Думаю, ты слышала о том, что я на какое-то время отправляюсь домой, — сказал наконец Джейрен. — Отец уезжает через несколько дней, а я поеду следом через пару недель. Надо найти человека в помощники Хедрику, кто смог бы заменить меня.

Атайя кивнула, не решаясь заговаривать с ним. Лорд Иан сообщил ей, что ему удалось убедить сына навестить домашних. Джейрен пока не догадывался о произошедшем между ними разговоре.

Боясь встретиться с ним глазами, она отвела взгляд в сторону.

— Я вышел, чтобы проводить тебя. — Джейрен придвинулся ближе к ней, но тут же, передумав, вновь отстранился. — В прошлый раз, когда ты уезжала из Ат Луана, ты хотела, чтобы я остался здесь, но я поступил так, как считал нужным. — Слова давались ему с трудом, но, сделав небольшую паузу, он продолжил: — Теперь я послушаюсь тебя.

Атайя зажмурила глаза, возвращаясь мыслями в тот далекий день. Тогда именно в этой конюшне она кричала Джейрену, что он должен остаться, запрещала ехать за ней следом, чтобы учить магии, и даже залепила пощечину за обвинение в том, что игнорирует людей, которых она обязана спасти. Тогда Атайе и в голову не приходило, что столь настойчивая забота о ней может обернуться для него страданиями и страшным риском. Теперь она вспоминала о том дне с трепетом и благодарностью. Он спас ей жизнь.

— И ты прекрасно понимаешь, почему я вынуждена была так поступить, так ведь?

Пожалуйста, Джейрен, — молила про себя Атайя, — *скажи мне, что все понимаешь, скажи мне то, что я хочу услышать. Или я не смогу спокойно жить на этом свете.*

Когда он наконец ответил, его голос прозвучал устало и печально:

— Я понимаю, Атайя, но это вовсе не означает, что я согласен с тобой.

Она ждала, что Джейрен продолжит говорить — объявит ей о своем намерении присоединиться к ней позже, после

непродолжительной поездки в Уларда, — но, как ни странно, он не сказал ничего подобного. Сердце Атайи сжалось в комочек. Возможно, лорд Иан уже упомянул про соседку... Клару О'Фадден?

— Я могу прислать тебе весточку через месяц или... просто сообщу о том, как у меня дела, — сказала Атайя.

Джейрен едва заметно кивнул. Он прекрасно знал, да и она тоже, что такими фразами всегда обмениваются при расставании, просто из нежелания взглянуть правде в глаза: признаться в том, что они, возможно, никогда больше не увидятся.

Неожиданно Джейрен повернулся к ней и окинул пылким взглядом.

— Я знаю, ты изменишь мир, Атайя. По крайней мере какую-то часть его. Я верю в тебя.

Поспешно, словно боясь, что любимая ускользнет от него, Джейрен наклонился к ней и поцеловал в щеку. Не успела она и слова произнести, как он уже повернулся к ней спиной и пошел прочь, не успев заметить, как Атайя инстинктивно протянула ему навстречу руки, безмолвно пытаясь удержать его.

Пройдя ярдов десять, он остановился, поднял к звездам голову, словно прося совета, затем печально опустил ее и закрыл глаза руками.

— Я все еще люблю тебя, Атайя, — тихим голосом, не оборачиваясь, сказал Джейрен. — Помни об этом всегда.

Поспешно, как будто стыдясь собственных слов, он зашагал ко входу в замок.

Атайя чувствовала, как к горлу подступил ком, готовый вот-вот вырваться наружу оглушающим криком: *Не уходи! Останься... едем со мной! Я выйду за тебя замуж, Джейрен, и мы проведем остаток своих дней вместе... только не оставляй меня сейчас!*

Она так и продолжала молча стоять у конюшни, обхватив лицо руками, закусив, чтобы не разрыдаться, нижнюю губу.

— Прекрати. Подумай о чем-нибудь еще, — пробормотала Атайя, обращаясь к самой себе. — Подумай о чем-нибудь другом.

Совершенно неожиданно, будто инстинктивно, она закрыла глаза и принялась читать зазубренные когда-то наизусть строчки, заставляя мысли направиться по другим каналам.

— Кредони, лорд первого Совета, двадцать шесть лет; Сидра, лорд второго Совета, одиннадцать лет; Малькон, лорд третьего...

Атайя продолжала читать до тех пор, пока боль не отступила, пока нестерпимое желание броситься вслед за Джейреном не ослабло.

На сердце залегла свинцовая тяжесть, а день, еще не начавшись, был безнадежно испорчен. Вдруг в комнате на первом этаже, совсем недалеко от конюшен, зажегся свет. Через мгновение окно раскрылось, и Атайя увидела Николаса. Высунувшись по пояс, он пожал ей руку и поцеловал на прощание. Она тоже поцеловала его в щеку и почувствовала небольшое облегчение.

Послышался крик Ранальфа, извещавший о готовности к отправлению. Буквально через несколько минут путешественники уже выезжали из главных ворот замка: Ранальф управлял повозкой, где сидели Мэйзон и Тоня и все так же мирно спал Кам. Кейл ехал следом, приглядывая за запасными лошадьми, а Атайя — позади всех.

Вот бы перенестись в Кайт при помощи заклинания транслокации, подумала она. Тогда не нужно будет тратить на утомительную поездку, во время которой не отделаться от мыслей о Джейрене и о близких, оставленных позади, столько дней и сил. И хотя в старинных трудах мастера Кредони она читала, что человек может транслокировать вместе с собой вещи и людей, находящихся с ним в физическом контакте, решила не рисковать: с пятью компаньонами, их вещами и провизией, наверное, не так-то просто справиться!

Они выехали на главную дорогу, ведущую из Ат Луана на юг, собираясь нанять судно в небольшом портовом городе Альравике и переправиться оттуда к восточному побережью Кайта.

Когда Грендольский замок уже начинал исчезать из виду, Атайя оглянулась и в последний раз посмотрела на отливаю-

щее серебром величественное здание, слегка освещенное теперь занимавшимся рассветом. Скоро оно оживет и наполнится суетой и повседневными делами, смехом и разговорами. Сейчас же все еще спали, спокойно и безмятежно, за исключением, наверное, одного человека — молодого мужчины, закутанного в теплый темный плащ с капюшоном, мужчины, который любил ее настолько, что смог отпустить.

Глава 9

— Николас не вернулся? Что, черт возьми, ты имеешь в виду? — заорал Дарэк, и его голос раскатистым эхом отозвался в затихавших к ночи коридорах замка Делфар. Усыпанная рубинами корона зловеще сверкнула, отражая сияние свечей, когда король вскочил с трона и гневно уставился на стоявшего перед ним, трусливо опустив плечи, седоволосого человека. — Ты хочешь сказать, что со спокойным сердцем уехал из Ат Луана, *оставив* его в этой проклятой Богом стране?

— Ваше величество, он...

— Только подумай, что эти сумасшедшие колдуны могут с ним сделать! В лучшем случае обратить в одного из них, так же, как когда-то Атайю. — Дарэк негодующе всплеснул руками, пораженный бестолковостью своего советника. — Ты хоть понимаешь, в какой *опасности* он теперь находится? — Король помахал перед лицом дрожащего герцога поднятым вверх указательным пальцем. — Знаешь, что я могу сделать с тобой за это? Назначить на место лорда-маршала в Саре вместо старого Де Брейси.

Джессингер побледнел при одной мысли об отправлении его на дикий, обдуваемый семью ветрами остров. Кому-то, быть может, такая перспектива показалась бы привлекательной, но все знали, что Кельвин в качестве наказания посылал туда лишь тех, чья служба не удовлетворяла его требованиям.

Звучно сглотнув, Джессингер опустил голову и съежился, словно мечтая с головой спрятаться под промокшим насквозь плащом. Он не успел переодеться с дороги и теперь стоял в лужице воды, стекавшей с его одежд. Король не обращал на его неудобство ни малейшего внимания, равно как Дагара и архиепископ Вэнтан, восседавший у камина у противоположной стены.

— Принц Николас сам пожелал остаться, ваше величество. Сомневаюсь, что кто-то принудил его принять подобное решение. Кстати, он... — Джессингер кашлянул, вероятно, оттого, что не решался договорить начатую фразу, но напряженный взгляд короля, устремленный на него, заставил его отбросить сомнения. — Его высочество, насколько я мог заметить, увлекся молодой дочерью Осфонина.

Дарэк шлепнул себя по лбу.

— О Господи! Я должен был это предвидеть. Его отправляют в другое государство с важной миссией, а он, вместо того чтобы заняться серьезным делом, флиртует с женщинами.

— Этот мальчишка никогда не повзрослеет! — воскликнула Дагара, злобно втыкая иголку в вышивание. — Дожил до двадцати двух лет, а ведет себя, как четырнадцатилетний подросток.

— Принцессу Атайю мы нигде не видели, — поспешил продолжить Джессингер, зная, что если сестра начала разглагольствовать о недостатках младшего сына Кельвина, то он запросто может простоять здесь до утра.

— Естественно, вы не *видели* ее, — раздраженно воскликнул Дарэк. — Они прячут эту мерзавку... Не исключено и другое: что она расхаживала прямо перед твоим носом под... Как они называют эти свои штуковины? Невидимым покровом, кажется. Колдуны прячутся под ними и становятся невидимыми.

— Именно таким способом принцесса проникла в собор Святого Адриэля на похороны Кельвина, — с важным видом заметил архиепископ.

Джессингер сжал зубы и чуть было не спросил, каким таким образом должен был обнаружить человека-невидимку,

но, увидев каменный взгляд короля, отказался от столь смелого поступка и продолжил свой рассказ.

— Не могу сказать, что король Осфонин встретил нас очень любезно. — Он вновь смущенно и нерешительно кашлянул. — Заявил, что не знает, где находится Атайя и что... в его обязанности вряд ли входит разыскивать сестру его многоуважаемого друга короля Кайта.

Лицо вдовствующей королевы осветилось праведным возмущением.

— Да как он смеет...

— Не нервничай, Дагара, — сухо сказал Дарэк. — Я ожидал услышать нечто подобное. Осфонин правит страной вот уже тридцать лет, а я ношу корону всего лишь шесть месяцев. Наверное, он посчитал себя вправе так со мной обойтись.

Король прошелся вокруг комнаты, взволнованно теребя короткую щетину, которую мечтал отрастить в бороду.

— А Парр, значит, вернулся, чтобы отыскать-таки Атайю, — удовлетворенно пробормотал он. — Хорошо. Очень хорошо. Я не ошибся, назначив его на должность капитана. Кстати! — Дарэк резко остановился и повернулся к Джессингеру. — Ты видел этого чертова колдунишку, который помог ей сбежать? Джейрен... какой-то там. По-моему, этот мерзавец является ассистентом любимца-колдуна Осфонина.

— О да, ваше величество. — Джессингер воспроизвел в памяти вечер приезда в Ат Луан и непродолжительный разговор с Джейреном. — Он сказал, что ничего не знает о местонахождении принцессы Атайи, но капитан Парр не поверил ему. Позже мне довелось побеседовать с колдуном Осфонина... Насколько я помню, его зовут Хедрик. Старик утверждает, что встречался с Атайей лишь в сентябре и больше никогда не видел, что она, по его мнению, обладает огромным талантом и что ее лучше не сердить.

Дарэк насмешливо фыркнул.

— Хороший совет. Если вспомнить, что произошло по ее милости с Кельвином...

Последовало напряженное молчание, нарушаемое лишь потрескиванием горящих в камине поленьев да стуком падающих с плаща Джессингера крупных капель.

Первой заговорила Дагара. Повернувшись с гневным видом к брату, она воскликнула:

— О, Мозель! Как же глупо ты поступил. Неужели тебе не пришло в голову, что Николас остался в Ат Луане именно из-за Атайи? Он привязан к ней с детства. Быть может, еще в младенческом возрасте она опутала его своими дьявольскими заклинаниями. Так поступила и теперь, пожелав, чтобы брат остался с ней. Все настолько просто!

— Вероятно, вы правы, ваше величество. Но нельзя быть полностью в этом уверенными. — Архиепископ Вэнтан поднялся с лавки у камина и, налив себе в кубок королевского вина, отпил немного. — Принц Николас ведет себя весьма странно с того самого момента, как принцесса сбежала из замка. Мы все заметили в нем много перемен: замыкается в себе, практически ни с кем не разговаривает — все это никогда не было ему свойственно. Конечно, можно подумать, что он скучает по сестре. А что, если причина в другом? Не исключено, что Николас чувствует себя покинутым и преданным, что начал осознавать всю серьезность положения Атайи. Что хочет убедить ее вернуться домой и принять священный обряд отпущения грехов, ведь он, как вы сами заметили, любит ее, поэтому-то и остался в Рэйке.

— Возможно, — нехотя ответил Дарэк. — Но сомневаюсь, что у Николаса на это хватит ума. К тому же в Ат Луане полно колдунов. Джейрен, Хедрик или даже сам принц Фельджин вполне могут убедить его в обратном, повлияв на его сознание своим колдовством. — Он взглянул на красовавшийся на пальце Вэнтана перстень с огромным бриллиантом, окруженным множеством маленьких камушков — корбаловых кристаллов. — Если бы я знал, что Николас собирается остаться там, то велел бы Парру передать ему кольцо, которое я предоставил ему для самозащиты.

Вэнтан печально кивнул.

— Ведь в Рэйке принцу не удастся достать подобную ценность. Там корбал встречается еще более редко, чем у нас. А так как у них колдовство не запрещено законом, этот камень вообще никому не нужен. Зато для нас он бывает незаменимым... — Вэнтан поднял руку к свету и с восхищением посмотрел на перстень, словно видел его впервые. — Если я правильно помню историю, король Фалтил в свое время опустошил государственную казну, потратив деньги на корбал.

Дарэк непонимающе нахмурил брови. Он сознавал, что тоже обязан помнить историю собственного государства, но ему было не до нее.

— Опустошил казну? Ты о чем это?

— Естественно, Фалтил был вынужден закупать кристаллы в Круачи. Там их видимо-невидимо, и стоят они вполовину дешевле, чем где бы то ни было. Но старый эмир прекрасно понимал, что Фалтил отдаст за камни любые деньги, и просил за них немало. Говорят, королевский замок в Капеше полностью позолотили в тот период, несказанно обогатившись. — Архиепископ прищелкнул языком. — Язычники.

Дагара отложила в сторону вышивание и непонимающе скривила губы.

— Отдавать столько денег за какие-то камни? Зачем?

— Для того чтобы обеспечить людей оружием, ваше величество, — ответил Вэнтан, фанатично поблескивая своими серыми крошечными глазками. — А каким еще способом он мог очистить страну от лорнгельдов? Когда корбал подносишь к свету, он так воздействует на колдунов, что у тех путаются мозги и теряется способность вытворять свои штучки. Помните, как мы воспользовались таким камушком, когда заточили Джейрена в темнице?

— Конечно, помню, — язвительным тоном ответила Дагара. — Он нам так помог, что колдун сбежал, прихватив с собой Атайю.

Не найдя, что сказать на ее замечание, Вэнтан продолжил вспоминать историю Фалтила.

— Король Фалтил приказал изготовить корбаловые ожерелья для себя и всех придворных, щедро одарил кристаллами

церкви, чтобы те могли защитить святилища от проникновения в них детей дьявола. Нельзя не упомянуть и о короне...

Дарэк устремил на архиепископа заинтересованный взгляд.

— О какой короне?

— Короне Фалтила. Через некоторое время после становления королем Кайта он приказал изготовить ему специальную корону — осыпанную десятками корбаловых кристаллов. Самый маленький из них имеет размер крупного желудя. Таким образом Фалтил демонстрировал своему народу, что его собственная магия — дар Господа, а не дьявола. Ему корбал не причинял ни малейшего вреда. М-да, эта корона представляет собой настоящее произведение искусства и является едва ли не самой большой ценностью в королевской сокровищнице.

Дарэк напряг память. Ни о чем подобном он ни разу не слышал за всю свою жизнь.

— Почему я никогда не видел ее?

— Все очень просто. Более двадцати лет назад, за год до появления на свет Атайи, корону заперли в тайной комнате по приказу Кельвина. На этом настоял Родри. Бедняга тоже никогда не видел эту вещицу, но при одной мысли о ней у него коленки дрожали.

Вэнтан сдержался, не рассмеялся. Но улыбнулся так широко, что глаза практически скрылись из виду за толстыми щеками.

— Но большинство кристаллов было использовано для украшения рукояток мечей и кинжалов.

— Интересно, что же случилось со всеми этими корбалами потом? — со всевозраставшим интересом спросил Дарэк.

— Когда работа Фалтила была выполнена, он раздарил кристаллы церквям в качестве награды за столь активное оказание ему помощи. А остальные камни... Кто знает? Наверное, до сих пор пылятся где-нибудь в рукоятках кинжалов. Те, кто принимал участие в военных операциях, наверняка передали оружие сыновьям. Держу пари, у многих из ваших воинов найдется дома меч с корбалами. Кельвин запретил носить такое оружие при дворе, чтобы не тревожить Родри. Со временем о нем, наверное, просто забыли...

Впервые за сегодняшний вечер Дарэк улыбнулся. Еще раз пройдясь по комнате, он резко остановился прямо перед советником, чем заставил беднягу подпрыгнуть от испуга и неожиданности, и повернулся к нему.

— Я намерен разыскать эти кристаллы, Мозель. — Дарэк помахал указательным пальцем у лица Джессингера. — Мои воины должны быть защищены от черных сил магии, чтобы достойно встретить любого из колдунов, кто осмелится ступить на нашу священную землю.

С невиданным ранее огнем в глазах король схватил со стола пергамент и принялся что-то писать.

— Даниэль, я хочу, чтобы ты и все остальные члены Курии отыскали все кристаллы, какие только имеются в церквях. Пусть об этом распоряжении узнают в провинциях, в самых отдаленных уголках Кайта. Корбалы должны быть переданы в самые мелкие приходы. Завтра я издам особый указ, а ты закрепишь его церковной печатью.

Вэнтан с готовностью кивнул.

— Если ни Николас, ни капитан Парр не найдут Атайю, я должен быть уверен в том, что она не натворит здесь новых бед своими чертовыми заклинаниями! — Дарэк оторвал взгляд от пергамента и поднял голову. — Ты можешь идти, Мозель. Если понадобишься, я пришлю за тобой. И сними с себя эти мокрые тряпки, — презрительно добавил он, словно только заметив, как выглядит одежда герцога. — Ты похож на утопленную кошку!

Лорд поклонился и удалился, за ним последовали Дагара и Вэнтан. Дарэк предпочел провести этот поздний вечер в одиночестве. Выведя еще пару строк, он отложил пергамент в сторону, сознавая, что не в состоянии ясно изложить роившиеся в голове мысли.

Опустив перо в чернильницу, король медленно подошел к окну и взглянул на простиравшееся перед глазами море. Дождь закончился, все в природе затихло и успокоилось. В воде загадочным серебристым неровным кругом отражался свет луны. На дворе уже стоял апрель, но по ночам бывало довольно свежо и прохладно.

В столь поздний час отправляться на поиски чудесной короны не имело смысла. Но завтра он во что бы то ни стало отыщет ее и вернет на надлежащее место. По праздникам можно будет даже появляться в ней в свете. Чтобы показать всем, что Дарэк Трелэйн не потерпит проникновения черных сил дьявола в свою страну. Чтобы никто не сомневался в том, что он достоин быть преемником короля Кельвина.

В этот вечер, глядя на безмятежные воды моря, Дарэк поклялся самому себе приложить все старания для спасения своего государства.

В тот же самый вечер, находясь на другом побережье моря, Атайя наклонилась, зачерпнула ладонью белый прохладный песок, поднесла его к лицу и с удовольствием понаблюдала, как налетевший ветер разметал желтые песчинки, возвращая их на место. Как было приятно вновь прикоснуться к родной кайтской земле.

Доставившее их судно плавно удалялось, приближаясь к горизонту. Им управлял друг Ранальфа — старый пират, как утверждала Тоня, хотя сам Ранальф пытался разубедить ее в этом. На протяжении долгих миль вдоль побережья простирались Эльсские леса, совсем неподалеку находился Кайбурн. Атайя выбрала этот город как отправную точку своей деятельности не только потому, что Кайбурн являлся одним из крупнейших центров Кайта и в нем можно было разыскать немало нуждавшихся в обучении людей, но и потому, что находился он на побережье, и в случае необходимости отсюда они легко возвратились бы в Рэйку. К тому же этот район хорошо знал Кам и мог помочь им сориентироваться.

Атайя стряхнула с ладони остатки песка и посмотрела на своих новых друзей и кучу выгруженных на берегу тюков с вещами и провизией. Кейл сидел на парусиновой сумке и выстругивал что-то из кусочка древесины, а Тоня приставала к нему с расспросами, интересуясь, что он делает. Бывший гвардеец кайтской гвардии был, как всегда, немногословен и отвечал, что пока не решил. Рядом с ними, на внушительных

размеров бревне сидел Мэйзон, рассказывая Каму о весенних созвездиях, изо всех сил пытаясь не обращать внимания на то и дело перебивавшего его Ранальфа.

Кам, все еще в красном шейном платке и большой серьге — подарках капитана корабля, — увлеченно рассматривал переливавшуюся различными цветами морскую раковину и почти не слушал лекции Мэйзона. Все эти люди, последовав за ней, отважились пойти на огромный риск. Атайе хотелось верить, что она сможет сделать для них нечто большее, чтобы помочь остаться в живых, чтобы не дать погибнуть.

Мастер Тоня, поняв наконец, что разговор с Кейлом завязать невозможно, взглянула на Атайю, стоявшую у самой воды в стороне от остальных, и тихо подошла к ней сзади.

— Все в порядке? — мягким голосом спросила она. — Сегодня ты ужасно молчаливая и задумчивая.

Атайя подняла с земли гладкий камушек, повертела его в руках и бросила в море.

— Все нормально. Просто размышляю о разных вещах. Знаете, я начала кое-что понимать, нечто такое, чего не понимала раньше.

— Это жизнь, Атайя. С возрастом и с опытом мы постоянно познаем что-то новое. И это не зависит от того, насколько ты умен или сообразителен.

Тоня ласково похлопала ее по плечу.

— Я все больше и больше думаю о нас. — Атайя повернула голову и посмотрела на остальных. — Не могу отделаться от мысли, что втянула вас в эту историю и подвергаю огромному риску.

Она опустила плечи, словно почувствовав внезапно всю тяжесть взваленного на них груза.

— Теперь я понимаю своего отца. Он сознавал, что не в состоянии добиться намеченных целей, не прибегая к военным действиям. Поэтому-то стал вспыльчивым и раздражительным и готов был оторвать голову любому, кто ему противоречил. Теперь я знаю, почему он так вел себя: потому что чувствовал огромную ответственность за людей и боялся за

них, отдавая себе отчет в том, что по первому его призыву сотни преданных ему человек ринутся в бой и сложат головы...

— Я, например, родилась на ферме, где беспокоиться можно лишь за грязных поросят да гусей, — ответила Тоня.

Атайя, испытывая искреннюю зависть, криво улыбнулась.

— Но мне кажется, ты не все принимаешь в расчет, — продолжила Тоня. — Люди готовы были броситься в бой за твоего отца не потому, что он приказал бы им так поступить, не потому, что он бы их заставил, а по собственному желанию. Так же и в твоем случае: у тебя не было необходимости заламывать нам руки, чтобы повести за собой. Мы сами решились на столь сумасбродный поступок. — Тоня довольно улыбнулась, увидев улыбку Атайи. — Кроме того, мы все в тебя верим, и не только мы пятеро, но и Осфонин, и Фельджин, и Хедрик, и Джейрен... — Тоня резко замолчала, поняв, что затронула больную тему. — Даже лорд Бэзил верит в твой успех, каким бы странным это тебе ни показалось.

— Теперь-то я понимаю, что вы преувеличиваете, — криво улыбнулась Атайя.

— Во время собрания Совета Бэзил разговаривал с тобой отвратительно, это верно, но он делал это умышленно — просто хотел сбить тебя с толку, проверить на прочность. И ты выдержала испытание, — с гордостью отметила Тоня. — Конечно, потом он еще долго возмущался по поводу твоей своенравности и упрямства, но, признаться честно, моя дорогая, Бэзил не возмущается только теми людьми, которые ему абсолютно безразличны. — Она обняла Атайю и повела к остальным. — Пойдем поужинаем и устроимся на ночлег. Нам не мешает хорошенько отдохнуть.

Несмотря на то что почва в этой местности была достаточно твердой, Атайя спала очень крепко, и рассвет, как ей показалось, наступил через мгновение после того, как она закрыла глаза. К моменту ее пробуждения мужчины уже убрали свои палатки и вновь упаковали вещи. Атайя быстро оделась и принялась завтракать.

Сегодня им предстояло решить одну важную проблему — найти постоянное жилище.

— Я знаю, куда можно пойти, — воскликнул Кам, проглотив последний кусочек хлеба. Он, по всей вероятности, ужасно хотел помочь, но почему-то сильно волновался. — Это место — какая-то старая церковь или что-то вроде того. Теперь там все развалено, но крыша есть.

— Тогда показывай дорогу, командир, — шутливым тоном сказал Ранальф, укладывая палатку Атайи. — Посмотрим на твои развалины.

— А вы не думаете, что там будет слишком опасно? Церкви строят обычно недалеко от города или вблизи дорог. Та, о которой ты говоришь, вряд ли располагается в чаще леса? — произнес Мэйзон.

Кам уверенно покачал головой.

— Она находится именно в лесу. И туда никто никогда не ходит.

— Конечно, никто. Если не считать тебя. — Мэйзон поднял бровь. — И неизвестно, сколько других любопытных мальчишек из вашей и остальных окрестных деревень.

— Все боятся туда ходить, — гордо заявил Кам. — Даже мои родители и священник. А я не боюсь.

— Если там располагалось когда-то что-нибудь вроде пристанища для монахов, — предположила Атайя, — тогда постройка действительно может находиться в безопасном, отдаленном месте.

— Давайте по крайней мере взглянем на эту церковь, — воскликнула Тоня, поднялась на ноги, стряхивая с колен хлебные крошки, и одобрительно кивнула Каму. — Если она нам не подойдет, то мы просто поищем что-нибудь другое.

Камерон принялся сосредоточенно осматриваться вокруг, пытаясь определить нужное направление.

— Нам надо идти на юг, вверх по той тропе, — воскликнул он наконец и, перешагнув через поваленное дерево, решительно двинулся в путь.

— А ты уверен, что помнишь дорогу? — спросил Мэйзон, определенно сомневаясь в том, что после четырехлетнего отсутствия в стране мальчик не забыл, куда идти.

— Я знаю эти места лучше, чем лесники, — крикнул через плечо Кам, даже не замедлив шаг.

— Думаю, нам нужно последовать за ним, — сказала Атайя. — Если ни у кого нет других предложений.

Она приподняла юбки, переступила через дерево и пошла за мальчиком. Остальные отправились вслед за ними.

Они проделали немалый путь в южном направлении от Ат Луана. Здесь зима уже закончилась. Осины и клены зеленели свежей листвой, земля была усеяна нежно-фиолетовыми фиалками. Атайя никогда не бывала в этой части страны, но слышала немало рассказов об изобиловавших дичью лесах, куда нередко отправлялся на охоту ее отец. Болтали также, что в этих местах полно бандитов, нападавших на несчастных путников на дорогах.

Атайя улыбнулась. Сейчас бояться нечего. Встретив на пути компанию колдунов, бандиты с ума сойдут от страха.

Время шло, и вскоре Атайя поняла, что память Кама все-таки подвела его. Они потратили почти целый день на то, чтобы отыскать описанную им церковь, и наткнулись на нее скорее по случайности. Зато многочасовые блуждания по лесу позволили им убедиться не только в том, что здесь полным-полно дичи, орехов и ягод, но и в том, что в случае необходимости они запросто найдут место для надежного укрытия.

Несколько заброшенных зданий располагались на лужайке недалеко от небольшой речушки. Камерон изрядно преувеличил, назвав их развалинами. Стены построек выглядели достаточно крепкими, хотя заросли плющом и сорняками, крыша, несмотря на то что нуждалась в срочном ремонте, была практически целой. Булыжная дорожка, огибая здания, вела туда, где когда-то, по всей вероятности, находилась кухня. Посередине лужайки возвышалась колокольня. К немалому удивлению Атайи, бронзовый колокол все еще лежал на месте, но веревка, при помощи которой в него звонили, истлела.

Мэйзон поднял с земли камушек и стукнул им по колоколу. Послышался глухой зловещий звук, как будто голос пробужденного от глубокого сна призрака.

— Раньше здесь действительно располагался монастырь, но похоже, уже лет сто никто не обитает в этих стенах, — задумчиво пробормотал Мэйзон.

— Там у них скорее всего была церковь, — сказала Атайя, указывая на самое крупное здание, находившееся в наихудшем состоянии. — Давайте осмотрим ее.

Они двинулись к святилищу. От внимания Атайи не ускользнуло то, как тихо и даже немного испуганно вел себя Кам: старался держаться вместе со всеми и не отходить от них ни на шаг, выглядел настороженным и серьезным. Атайя и сама чувствовала что-то странное в воздухе, будто где-то рядом витали души усопших. Она то и дело оглядывалась через плечо, внутренне напрягаясь при каждом звуке.

Двойные двери на проржавевших петлях в задней части храма были раскрыты. Атайя переступила через порог и взглянула на ведущий к алтарю центральный проход, густо покрытый налетевшими сквозь дверной проем и щели в крыше сухие листьями, палками и веточками. В углублениях неровного каменного пола блестела вода, в которой время от времени отражался свет поблескивавших на солнце осколков цветного стекла.

Атайя вздрогнула, но в первое мгновение даже не поняла от чего. Она ведь совсем не чувствовала холода. Внезапная догадка ужаснула ее: стены святилища разрушились не от времени, а были изуродованы намеренно. Людьми. Разрушения казались слишком уж полными, слишком методичными, чтобы произойти только по причине воздействия стихии.

Но для чего кому-то могло понадобиться совершать нападение на церковь? Никто на протяжении веков не слышал ни о чем подобном. Если...

Со страшным предчувствием она перешагнула через лужу и приблизилась к разбитой каменной плите в той части, где раньше находился алтарь. У основания некогда белый камень порос мхом, а верхняя его часть была обильно обляпана чем-то черным. Атайя содрогнулась, неожиданно поняв, что это такое: человеческая кровь, почерневшая от времени.

— Что еще тебе известно об этом месте, Кам? — спокойным голосом, не оборачиваясь, спросила Атайя.

— Н-не так много. Мама всегда запрещала мне ходить сюда. Говорила, в эту церковь являются демоны. По ее словам, это души... — Кам нервно сглотнул, — души живших здесь когда-то проклятых колдунов.

— Демоны? — усмехнулся Мэйзон. — Какие глупости!

Атайя положила ладони на холодный камень.

— Все логично. В этой стране, Мэйзон, людей с малых лет приучают к той мысли, что лорнгельды — дети дьявола, а их магия — его подарок им. Если этот монастырь являлся обителью монахов-колдунов, которые проходили здесь обучение и тренировку, то неудивительно, что народ так пугается этого места.

Кам подошел ближе к Атайе и опустил глаза.

— Поэтому-то я и пришел сюда впервые после смерти брата. Плевать я хотел на страшные истории, придуманные людьми. Я просто подумал... — теперь он говорил почти шепотом, — что если он тоже колдун, то, быть может, приходит сюда... Или его душа... Наверное, это глупо. Не знаю. Мне было всего девять лет. Мама пришла в ярость, когда узнала, куда я ходил. Сказала, что здесь витает старая магия, что это очень опасно.

— Мне кажется, в каком-то смысле твоя мама права. — Атайя отступила от алтаря и склонила голову набок, словно прислушиваясь к отдаленному крику. — Здесь ощущается что-то странное. Какое-то присутствие... Даже не знаю чего, может, старой магии. Это сравнимо с тем, когда чувствуешь запах затушенного несколько часов назад костра.

Она осмотрела храм, нахмурив брови, будто боясь, что у стен затаились духи колдунов, терпеливо выжидая подходящего для появления перед живыми людьми момента.

— Я нашел здесь несколько серебряных монет, — продолжил Кам. — Этого мне хватило, чтобы добраться до Рэйки. Сначала я не хотел их брать. — Он многозначительно взглянул на Мэйзона. — Я ведь не вор. Но потом подумал: если

эти деньги принадлежали таким же колдунам, как мой брат, тогда все в порядке.

— Ты вовсе не украл эти монеты, — поддержала Кама Атайя. — Если никто не явился за ними за столь продолжительное время, значит, они никому не нужны. Можешь считать, что это наследство... от твоего брата.

Кам и Кейл отправились осматривать окрестности, а остальные остались в церкви, надеясь разыскать здесь еще какие-нибудь исторические свидетельства. Они принялись разгребать листву и обвалившиеся балки, тщательно обследуя каждый уголок. Поначалу попадались лишь осколки посуды и обрывки ткани, по которым ничего нельзя было определить. Встречались и страницы из каких-то книг, но буквы поблекли и практически исчезли.

Внимание Атайи привлек небольшой металлический предмет, торчащий из лужицы с грязью. Она достала его и дрожащими руками тщательно протерла. То, что предстало перед ее глазами, окончательно развеяло сомнения о происхождении жителей обители: в ее ладони лежал колдовской знак, почти такой же, какой подарил ей Хедрик. Но самой ужасающей была следующая находка. Совсем рядом с тем местом, где она нашла брошь, лежали остатки человеческих костей и череп. Наверняка именно этому колдуну — одному из последних в Кайте — принадлежала когда-то брошь.

Не говоря никому ни слова, Атайя сложила все найденное на алтарь, как живое напоминание о вопиющей жестокости, и повесила над каменной плитой светящийся шар. Ей показалось вдруг, что она может почувствовать остатки переживаемых здесь много лет назад эмоций. Боль. Ярость. Беспомощность. Ужас утраты всего того, что являлось святым и дорогим. Но где-то между этим всем ощущалась вера, мощная и непоколебимая, способная пересилить даже страх смерти. Кем бы ни были эти погибшие люди, они страстно верили в своего Бога.

— Держу пари, прошло очень много времени с того момента, как здесь применяли магию, — заметила Тоня, подойдя к Атайе, и указала рукой на горящий колдовской шар.

Атайя провела пальцем по потемневшему металлическому знаку, а потом и по своей золотой броши, пристегнутой к воротнику.

— Теперь все изменится.

Почувствовав, что больше не в силах здесь находиться, она выбежала на улицу и с жадностью вдохнула свежий весенний воздух.

Через несколько минут из леса появились Кам и Кейл.

— Мы проверили дорогу на Кайбурн, — сказал Кейл. — Он находится в часе ходьбы отсюда. На расстоянии полумили отсюда в южном направлении тропа выходит к реке.

Атайя почесала подбородок.

— По твоему мнению, мы можем остановиться здесь на неопределенное время?

— Думаю, да. Мы достаточно глубоко в лесу и не очень далеко от города. Идеальное место.

Идеальное, — повторила мысленно Атайя. — *Если не принимать в расчет тот факт, что именно на этом месте произошла когда-то кровавая расправа с колдунами. Просто потому что они — колдуны.*

Атайя обсудила соображения Кейла с остальными, и вскоре, несмотря на страшную историю монастыря, все пришли к единому решению — лучшего пристанища им не найти.

— То, что люди до смерти боятся приходить сюда, нам только на руку, — сказала Атайя. — Можно особенно не беспокоиться, что нас обнаружат.

— А если мы еще защитимся кое-какими заклинаниями, проделаем пару иллюзорных трюков, то даже Бэзилу будет трудно определить наше местонахождение, — усмехнулась Тоня.

— Отлично! — воскликнула Атайя. — Думаю, новости о нашей деятельности распространятся по округе мгновенно. Кто-нибудь отважится прийти сюда и взглянуть, не появились ли в монастыре новые колдуны. Но если мы хорошенько замаскируемся, никто вообще ничего не увидит. Подумают, что старой обители монахов-колдунов вообще не существовало.

— Или что Господь стер ее с лица земли, — добавил Мэйзон.

Атайя искоса взглянула на него.

— Мы вовсе не собирались нанимать тебя в качестве адвоката дьявола, Мэйзон.

Она громко расхохоталась.

— Адвокат дьявола... Меня все уже именно им и считают.

Тоня велела Ранальфу и Мэйзону заняться установкой защитных покровов вокруг их нового жилища, а остальные принялись перетаскивать вещи в здание, где, по всей вероятности, жили предыдущие обитатели. Эта постройка находилась во вполне нормальном состоянии, и каждому из членов компании досталась отдельная комната. Атайе выделили самую просторную. Скорее всего она принадлежала когда-то самому аббату.

Атайя тут же занялась уборкой: вымела сухую листву и пыль, повесила на окно старое разорванное одеяло в качестве занавески и выпроводила кролика, обустроившегося в камине. Она смеялась и напевала, удивляясь тому, что впервые в жизни должна самостоятельно наводить порядок в своей комнате. Это ее не расстраивало, даже наоборот, забавляло и вдохновляло.

Позднее, когда небо на горизонте окрасилось в оранжевые тона, Атайя покончила с работой и выглянула в окно. Ранальф занимался костром у колокольни, а Тоня и Мэйзон резали лук и морковь и бросали их в котелок. Камерон чистил рыбу, которую сам же поймал в речушке. Рядом с ним стоял Кейл. Из кусочка древесины он решил сделать флейту и теперь проверял свое изделие, выдувая из него пробные нотки.

Время от времени до Атайи доносились смех и обрывки оживленных разговоров. Она не торопилась присоединяться к друзьям, а просто наблюдала за ними. Наверное, это последний мирный день, размышляла она. За ним последует трудное время. Завтра город будет взбудоражен. Что ожидает их впереди?

Атайя оглядела старинные постройки: кухню, колокольню, старую часовню — темные и заброшенные, лишь слегка

освещенные розовым светом румяного заката. Сколько радостных дней пережили здесь когда-то ее предшественники-колдуны. Они верили и мечтали, работали, строили планы на будущее... Теперь в этих стенах вновь зазвучали человеческие голоса. И пусть души погибших знают, что не все живущие проклинают их.

Она посмотрела на восток, представляя себе, что может разглядеть сквозь ветви деревьев густого леса шумный Кайбурн.

Наслаждайся спокойствием, город Кайбурн, пока у тебя еще есть такая возможность, — подумала Атайя, сбегая по лестнице. — *Завтра пробудятся привидения из колдовского монастыря, и на этот раз вам будет не так просто от них отделаться!*

Глава 10

Атайя остановилась у дерева и провела рукой по шершавой коре. Спустя несколько секунд на стволе стали появляться таинственные знаки, подобно изморози на стекле. В то утро, когда вся компания двинулась из лагеря по направлению к городу, Мэйзон пометил подобными символами все встречавшиеся по пути деревья для того, чтобы, возвращаясь, они без труда могли найти дорогу домой. Атайя попросила Мэйзона научить ее этому заклинанию. Но даже после того, как произвела волшебные знаки собственными руками, она не перестала восхищаться чудесным явлением.

Диковинные буквы горели красным светом и представляли собой искусно созданную иллюзию. Атайя дотронулась до одного из символов, и пальцы прошли сквозь него, словно сквозь туман.

Она повернула голову назад и взглянула на другие деревья. Обработанные Мэйзоном, все они так же красиво светились, горящие буквы напоминали раскаленный металл.

Атайя скептически скривила губы.

— Но... Они такие яркие...

— Для нас — да, — беззаботно ответил Мэйзон. — Но остальные люди, которые, быть может, забредут в этот лес, не заметят ничего необычного. Эти знаки видны только колдунам.

Кам, прищурив глаза, внимательно осмотрел деревья и уверенно покачал головой. Ни он, ни Кейл ничего не могли разглядеть. Именно поэтому Кейл оставлял за собой особые отметки: складывал в небольшие кучки камни и ветки, чтобы они, в случае если потеряются, имели возможность самостоятельно, без помощи колдунов найти дорогу назад.

Мэйзон заверил своих друзей, что горящие буквы не исчезнут на протяжении целого месяца, таким образом, не было необходимости заботиться о ежедневном их обновлении.

— Путь к нашему убежищу смогут найти лишь те лорнгельды, которых нам удастся обучить. Если среди них окажется кто-нибудь ненадежный... кто способен на предательство, тогда... — Учитель задумчиво поднял бровь. — Мы продумаем решение этого вопроса позже.

Город Кайбурн располагался в живописной холмистой местности в западной части страны и утопал в зелени, а окружен был плодородными сельскохозяйственными землями. Так как гражданские войны велись главным образом на севере и востоке, у жителей Кайбурна не было необходимости возводить вокруг города мощные крепости и ограждения. Аккуратные домики, побеленные известью, и магазинчики стояли ровными рядами по обе стороны прямых улиц. По реке Собонне, разделявшей Кайбурн на две части, умиротворенно двигались торговые баржи, паромы и покрытые позолотой прогулочные судна наиболее богатых жителей. Берега реки соединяли два элегантно изогнутых моста. Здесь всегда было людно: старики от нечего делать наблюдали за спокойным течением и судами, молодые влюбленные бросали в реку лепестки роз, загадывая желания о совместном счастливом будущем.

Когда Атайя и ее компания появились на улицах города, никто не обратил на них особого внимания, даже прогули-

вавшиеся вдоль стены стражники. Друзья позаботились об оружии: под легкими крестьянскими одеждами у каждого из них висел кинжал. Конечно, колдуны в этом не очень-то нуждались, но прибегнуть к магии в месте, где она запрещена законом, могли лишь в крайнем случае.

Достигнув вершины восточного моста, Атайя остановилась и, подбоченившись, осмотрела город.

— Предлагаю разделиться на две группы. Попробуем отыскать лорнгельдов в возрасте лет девятнадцати-двадцати — когда только начинает проявляться *мекан*. В таком крупном городе наверняка таковые найдутся.

— А если кто-то что-нибудь заподозрит? — спросил Мэйзон.

— Поспешных решений принимать не стоит. Но не надо и стыдиться своей миссии. Можно заговаривать о том, к чему мы стремимся, не напрямую, а намеками. Если все пойдет успешно, то рано или поздно о нас станет известно всем.

Атайя указала рукой на дальнюю часть города.

— Ранальф и Кейл, пойдемте со мной — мы отправимся на юг. А Тоня с Мэйзоном и Камом осмотрят северную половину города. Если где-нибудь на пути нам попадется корбал, то у нас и у вас будет по одному человеку, на которого он не подействует, который сможет трезво оценить ситуацию и помочь.

Кам и Кейл переглянулись и с гордым видом посмотрели на Атайю. Находясь среди колдунов, они тоже чувствовали себя значимыми и нужными.

Тоня повела свою компанию на север, а Атайя с Кейлом и Ранальфом двинулись в противоположном направлении. Южная часть города являлась более старой, ее населяли наиболее богатые жители. Шпили кайбурнского собора величественно возвышались над остальными постройками, напоминая поднятые к небу руки священника, просящего о милости. Когда друзья поднимались по мраморным лестницам, ведущим к святилищу, Атайя подняла голову к небу и помолилась про себя.

— Думаю, нам лучше пойти на рыночную площадь. В такое время большинство людей стекаются туда.

— Большинство людей, может, но что касается лорнгельдов... — произнес, почесывая затылок, Ранальф. — Когда я переживал период *мекана*, меня тянуло совсем в другие места...

Атайя медленно кивнула, сознавая, что с ней происходило то же самое, а Кейл недоуменно пожал плечами.

— Верно, но в столь ранний час... — пробормотала Атайя.

Лицо Ранальфа помрачнело.

— Мне было плевать на время. — Он приоткрыл кошелек, висевший у него на поясе, и уверенно кивнул. — Идите за мной.

Атайя и Кейл послушно последовали за Ранальфом. Встречавшиеся на пути здания становились все более грязными и обшарпанными, улочки — все более узкими и извилистыми. Время от времени Ранальф останавливал прохожих и что-то спрашивал у них. Через час они очутились в неприглядной трущобе в западном конце города. От тошнотворного запаха протухшей рыбы, навоза и несвежего пива у Атайи замутило в желудке.

Ранальф приблизился к куче ветхого тряпья на противоположной стороне дороги, затем достал из кошелька пару медных монет, и появившаяся из тряпок рука грубо выхватила их у него. Затем послышался чей-то хриплый мужской голос. Через минуту Ранальф с довольным видом вернулся к Атайе и Кейлу.

— Мы на правильном пути.

Они прошли по мрачной аллее, пинками отгоняя снующих под ногами крыс, и свернули на вонючую улочку, заканчивавшуюся тупиком ярдов через пятьдесят. Стоявшие здесь постройки выглядели настолько жутко, что даже убогими их нельзя было назвать. Лишь в единственном здании в самом конце улицы, похоже, кто-то обитал. Прошмыгнув мимо Атайи, Ранальфа и Кейла, туда вошли два тощих человека. Через несколько секунд оттуда, шатаясь, появился мужчина неопределенного возраста. Он поскользнулся, наступив в грязь, упал и приглушенно застонал.

От нестерпимой вони, некогда хорошо знакомой Атайе, кружилась голова.

Ранальф махнул рукой в сторону дальней лачуги.

— Мы пришли.

— В таком месте даже крысы не поселились бы, — пробормотал Кейл и с отвращением поежился. — Что это?

— Лока-притон, — ответила Атайя, напряженно глядя на жуткую хибару.

Человек, упавший в грязь, с трудом поднялся на ноги, шумно очистил желудок и поковылял назад.

— Они продают не только локу в подобных заведениях, но и снежный порошок, и семя пастлы... все, чем только можно затуманить мозг. Я частенько бегал в подобные места, когда думал, что схожу с ума, когда еще не знал, что всему виной магия. Дым помогал забыться на время, заглушить чертовы голоса... Страдающие от *мекана* нередко находят утешение именно в подобных этой «помойках», — сказал Ранальф и, нагнувшись, подобрал с земли несколько комьев засохшей грязи, улыбнулся и повернулся к Атайе.

— Что ты... Эй!

Не успела она опомниться, как он, размяв в руках грязь, обмазал ее щеки и лоб.

— А теперь постой вон там, от тебя слишком хорошо пахнет.

Ранальф кивнул в сторону ржавой канализационной трубы.

Атайя послушно выполнила его указания, морщась и гримасничая.

— Возьми. Здесь редко видят серебро. И веди себя как можно более естественно, просто повторяй все за мной. — Ранальф вложил ей в руку несколько серебряных монет, тоже измазался грязью и повернулся к Кейлу. — Тебе лучше остаться здесь. В такие заведения обычно не ходят компаниями. Не стоит привлекать к себе внимание.

Атайя заверила совершенно растерявшегося Кейла, что с ней все будет в порядке, и проследовала за Ранальфом в конец улицы. Они поднялись по расшатанной лестнице и вошли внутрь. Сидевшая прямо у порога женщина с несвежей кожей вязала шаль из грязных неровных ниток. Завидев новых посетителей, она отложила спицы и с отсутствующим

выражением лица показала им поднос с трубками, чашками и другими экзотическими приспособлениями.

Ранальф бросил на поднос три медные монеты и выбрал курительную трубку. Можно было подумать, что этой самой трубкой пользовался хотя бы по разу каждый житель Кайбурна, настолько неприглядно она выглядела. Женщина насыпала в пакетик локу, всунула его в руку Ранальфа и небрежно сообщила:

— Наверху не так людно.

Атайя тоже положила на поднос деньги и взяла трубку. В желудке еще сильнее крутило, но она старалась не выдать своих эмоций. Только Богу известно, сколько раз ей доводилось вдыхать сладковатый сизый дым локи, но теперь этот запах будил в ней страшные воспоминания о *мекане*, воспоминания, которые хотелось стереть из памяти.

Зажав в руке трубку и пакетик с табаком, Атайя вошла вслед за Ранальфом в задымленную комнату и замерла от ужаса. Если снаружи заведение выглядело отпугивающим и мерзким, то внутри вообще невозможно было находиться. Вдоль стен, составленные одна на другую, тянулись видавшие виды койки, устланные грязной старой соломой. Замызганный пол был заставлен ржавыми, наполненными блевотиной ведрами. От тяжелого, спертого воздуха голова шла кругом. Люди невидящими взглядами, скрючившись на кроватях, смотрели в пустоту.

Никто даже не заметил, что в комнату зашли двое новых посетителей. То и дело откуда-нибудь раздавался чей-то кашель, стоны или хриплый смех. Некоторые из присутствовавших были одеты в далеко не бедные одежды из хорошей ткани, но одежды эти выглядели ужасно: были перепачканы и измяты. Еще немного, и Атайя расплакалась бы от отвращения и жалости, но Ранальф вовремя взял ее за руку и потащил на второй этаж.

В комнате наверху они нашли себе место на койке и уселись рядом с другими посетителями, перепугав притаившееся в соломе тараканье семейство.

— Начнем искать, — шепнул Атайе Ранальф. — Но советую тебе зажечь трубку и сделать вид, что куришь.

Атайя вдохнула немного дыма и постаралась расслабиться. Затем напрягла мозг и попробовала пощупать сознание окружавших ее людей. От первого ощущения ей стало страшно: комната была наполнена измученными, изуродованными, искаженными человеческими существами, в чьих головах царили беспорядок, отчаяние и разрушение. Их мучили галлюцинации и бредовые мысли.

Ранальф осторожно подтолкнул ее локтем.

— Оказывается, помимо *мекана* на свете существует множество других видов сумасшествия, — тихим голосом произнес он. — Поищем все же тех, кто нам нужен.

Атайе казалось, ее окунули в безумие. Время от времени ей приходилось прерывать процесс, чтобы прийти в себя. Но намерение выполнить свою задачу каждый раз брало верх над отвращением и ужасом, и она вновь погружалась в работу. Ее окружали несчастные, доведенные до отчаяния люди, и было невероятно трудно оставлять их в их беде, ощущать, что ты не в силах им помочь.

Неожиданно, подобно лучу света из непроглядной темноты, возникло то, за чем они пришли сюда.

Атайя резко повернула голову и почувствовала боль — настолько сильную, что на мгновение у нее потемнело перед глазами. Она моргнула и посмотрела на Ранальфа.

— Формирующиеся тропы... — пробормотал он. — Я чувствую их, но не могу пока точно определить, откуда исходят сигналы.

Они попробовали еще раз, обследуя постепенно мозг каждого человека, стремясь найти тот, в котором начинают образовываться тропы.

Внезапно послышался душераздирающий крик, но никто, кроме Атайи и Ранальфа, не обратил на него внимания. Это был мужской голос, раздававшийся из затемненного угла комнаты. Медленно поднявшись с мест, Ранальф и Атайя направились туда.

Мужчине было лет девятнадцать, и если бы не грязь и вонь, то он, наверное, выглядел бы красивым. Волнистые черные волосы спутаны и провоняли дымом локи, под глазами жуткие круги. Его туника, как ни странно, отличалась изысканностью ткани. Атайя удивилась, что никто не позарился на крупные серебряные пуговицы. Ведь даже за одну из них можно было бы купить сколько угодно локи. Поразмыслив немного, она поняла: головы посетителей этого заведения настолько затуманены и заторможены, что не в состоянии соображать.

Парнишка неожиданно распахнул глаза и обезумевшим взглядом уставился в пустоту. Через секунду он схватил себя за волосы и, перекатываясь с боку на бок по койке, закричал:

— Замолчите, замолчите все! Хватит, хватит... *tacete, tacete! Procul estote... mentem mihi reddite!*

Бедняга заметался, как загнанный дикий зверь, теряя сознание. Когда Ранальф взял его за плечи и тряхнул, он даже ничего не почувствовал.

Атайя прикоснулась к его мозгу.

— Тропы почти сформированы, — прошептала она. — Но мы еще можем успеть. Нельзя терять времени.

Ранальф кивнул.

— А как мы вытащим его отсюда? — Атайя обеспокоенно нахмурила брови и склонила голову набок. — Это не покажется подозрительным?

— Ты шутишь? Большинство людей никогда бы не выбрались из этой дыры, если бы за ними кто-нибудь не приходил. Главное здесь — заплатить за курево, а что с тобой произойдет потом, это никого не волнует.

Ранальф просунул руку под спину несчастного и перекинул его через плечо, как мешок с картошкой.

— Иди вперед, — сказал он Атайе. — Проследи, чтобы я не вляпался в какую-нибудь гадость. Если что, предупреди меня.

Как только они вошли в нижнюю комнату, парнишка опять начал буйствовать, и Ранальф, потеряв равновесие, уронил его на пол, задев при этом ногой ведро с нечистотами.

— Они опять появились, — застонал бедолага. — Громче... теперь еще громче... Боже мой...

Он зажмурил глаза, подаваясь всем телом вперед, с размаху ударил Ранальфа по челюсти и прокричал:

— *Ignis confestim sit!*

Появившийся из его пальцев зеленый огонь подобно разряду молнии ударил по полу, рассыпанная солома тут же вспыхнула. В считанные секунды пламя перекинулось на рваный коврик.

Атайя, парализованная от ужаса, не могла двигаться. Даже одуревшие посетители почувствовали что-то неладное и рассеянно повернули головы.

— Не стой как вкопанная! Туши огонь, — проревел Ранальф, пытавшийся успокоить раскачивающегося из стороны в сторону парня.

Атайя очнулась и торопливо огляделась по сторонам в поисках воды или плотного одеяла. Не найдя ни того, ни другого, она, стараясь не дышать, схватила из угла наполненное ведро и вылила все его содержимое на пылавший коврик.

Если уж жидкость не затушит огонь, то его затушит убийственное зловоние, подумала она, переводя дыхание.

— Пойдем отсюда, — сказал Ранальф. — Нам здесь больше нечего делать.

Снова взвалив на плечо опять потерявшего сознание юношу, Ранальф двинулся к выходу. Атайя последовала за ним.

Заметив появившихся из-за двери друзей, Кейл поспешил им навстречу. Приблизившись, он сморщился: запах локи шибанул ему в нос, — но был явно рад видеть, что они целы и невредимы.

— А что, если кто-нибудь начнет выяснять, кто учинил пожар? — обеспокоенно спросила Атайя.

Но Ранальф не волновался.

— Атайя, люди в подобных заведениях настолько опустившиеся и обезумевшие, что никому до этого огня уже нет никакого дела. — Он снял юношу с плеча, приставил его к стене и похлопал по щекам. — Эй, ты слышишь меня? Очнись.

Парень приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл их и провалился в забытье, его голова безвольно упала на грудь, и он рухнул бы на землю, если бы Ранальф не поддерживал его.

— Что ж, мы сами попытаемся выяснить, кто ты такой, если отказываешься разговаривать с нами, — пробормотал Ранальф и засунул руку в карман незнакомца. — Явно не из бедных, — продолжал отпускать комментарии бывший наемник, вытаскивая из кармана пригоршню серебряных монет.

Положив деньги обратно, он достал еще кое-что — сложенный вчетверо пергамент.

— Это из Селваллена, — задумчиво произнесла Атайя, пробежав глазами по строчкам документа. В детстве она учила селвалленский — положение обязывало ее знать несколько языков, — но большая часть приобретенных некогда знаний улетучилась из ее головы много лет назад. — Слово «bevrio», насколько я помню, означает «шерсть». А этот столбец цифр, по всей вероятности, говорит о том, что этот документ — какой-то счет. Ой, взгляните, на обратной стороне написан адрес: «Джарвис & Джарвис. Петерсгейт, Кайбурн. Кайт».

— Петерсгейт. Держу пари, богатый район города, — пробормотал Ранальф, проводя пальцем по дорогим серебряным пуговицам на камзоле незнакомца. — Нам придется отвезти его домой. Только так мы сможем узнать о нем еще что-нибудь. — Он вытер с губы кровь, все еще струившуюся после нанесенного удара. — Наймем повозку. Не потащу же я его на плече через весь город.

Несмотря на то что они выглядели ужасно, а от одежды воняло едким табаком, нанять повозку оказалось совсем несложно, особенно после того, как Ранальф сверкнул серебряными монетами на углу соседней улицы. Извозчик не задавал лишних вопросов, только с удивлением оглядел своих пассажиров, когда те назвали адрес. Ранальф пообещал ему три монеты сверху, если тот «окажет любезность и заставит свою тощую кобылу быстрее шевелить копытами». Атайя тоже понимала, что нельзя терять ни минуты. Она чувствовала, что происходит в голове парня, и сознавала, что в любое мгнове-

ние он может впасть в буйство. Очень не хотелось, чтобы это происходило на глазах у прохожих.

Извозчик остановил повозку на одной из богатейших улиц города. Когда Кейл и Ранальф стаскивали парня на землю, он начал подавать признаки жизни: несколько раз кашлянул, что-то нечленораздельно пробубнил себе под нос и раскрыл глаза. Но его взгляд по-прежнему оставался невидящим и как будто стеклянным.

Атайя смотрела на него с возраставшей тревогой. Страшные процессы в мозге бедняги, казалось, усиливались.

— Придется стучать в каждую дверь, чтобы выяснить, где он живет, — сказала она и поморщилась, представив себе, как это будет неприятно.

Внезапно ей вспомнился отец. Впервые в жизни Атайе стало понятно, какое унижение и стыд он испытывал каждый раз, когда его стражники притаскивали его дочь из замызганных таверн.

Неожиданно ее внимание привлекло что-то ярко-желтое, и она повернула голову. По дорожке по направлению к ним шла молодая женщина в изысканном шелковом платье желтого цвета, явно из богатой семьи. Рядом с ней, весело насвистывая, семенила служанка с корзиной с покупками в руках. Хозяйка что-то оживленно рассказывала прислужнице, энергично жестикулируя.

Подойдя ближе, женщина резко замедлила шаг, а служанка раскрыла рот, увидев троих незнакомых ей людей в обшарпанных одеждах и еле державшегося на ногах, поддерживаемого с двух сторон парня. Изумленное выражение лица женщины сменилось испуганным, затем на нем отразился ужас.

— Кордри! — истерично закричала она и подскочила к несчастному молодому человеку, промелькнув перед глазами остальных присутствовавших ярко-желтым пятном.

Служанка с широко раскрытыми от страха глазами рванула к ближайшей калитке и принялась отчаянно колотить по металлическим прутьям забора и звать на помощь. Корзина выпала из ее рук, и по дороге рассыпались разноцветные кружева, жгуты и ленты.

Через несколько секунд из особняка выбежали двое мужчин-слуг в черных одеждах. Служанка махнула рукой в сторону хозяйки, и все трое поспешили к ней.

— Извините, — воскликнула Атайя, желая привлечь к себе чье-нибудь внимание. — Это...

— Прочь с дороги, — скомандовал один из слуг и оттолкнул Атайю.

Мужчины подхватили Кордри под руки и повели в дом, озираясь по сторонам. Ранальф, Кейл и Атайя, тут же позабытые всеми, проследовали за хозяйкой и слугами.

— Беги за сэром Джарвисом, быстро! — крикнула женщина в желтом своей служанке. — Скажи, Кордри опять стало плохо!

Зайдя в дом, слуги повели Кордри через длинный коридор и скрылись за дверью. Хозяйка поспешила туда же. Спустя некоторое время откуда-то из задней части особняка послышались дикие вопли, затем звон бьющегося стекла. Еще через пару минут в коридоре вновь появились слуги. Их лица были бледными и перепуганными, один из них что-то возбужденно бормотал себе под нос, поминая дьявола и его деяния.

Атайя, Кейл и Ранальф переступили через порог, собираясь выяснить, куда увели Кордри, но появившаяся откуда ни возьмись внушительных размеров особа в поварском чепце преградила им путь.

— Кто вы такие? — грозно спросила она и замахнулась на незваных гостей половником. — Ну-ка убирайтесь отсюда!

Атайя умоляюще протянула вперед руки.

— Мадам, мы — те люди, которые привезли Кордри. Мы нашли его у реки...

Она не успела вымолвить больше ни слова: Ранальф резко схватил их обеих за руки и толкнул к стене.

— Осторожно!

В следующее мгновение увесистая хрустальная люстра сорвалась с металлической цепочки и с оглушающим звоном рухнула на пол. Сотни осколков разлетелись в разные стороны.

Ранальф глубоко вздохнул.

— Я почувствовал, что это произойдет...

Атайя содрогнулась всем телом, взглянув на болтавшуюся на потолке цепочку и мысленно оценив вес люстры.

— Быстрее! Надо найти его и успокоить, пока он не разрушил весь дом.

Повариха все еще не могла прийти в себя, поэтому не препятствовала их намерениям. Атайя, Кейл и Ранальф пробежали через длинный коридор, распахнули дверь и очутились в просторной гостиной. Парчовые занавески на окнах были второпях задернуты, и из-за царившего здесь полумрака комната напоминала покои больного. В центре на широкой скамье, устланной подушками, сидел седоволосый мужчина, изо всех сил пытавшийся удержать бившегося Кордри. Рядом с ними, утирая слезы кружевным платком, стояла женщина в желтом платье, а в углу расхаживал взад и вперед тощий пожилой человек в старой тунике. Он то и дело раздраженно поглядывал на остальных, нервно сжимая и разжимая пальцы.

— Взгляните на вещи трезво, друг мой, — воскликнул он, медленно направляясь к скамье. — Я желаю вам добра, послушайте меня. Мы должны отправить кого-нибудь в собор. Нужно покончить с этим!

— Успокойся, черт тебя побери! — проворчал седоволосый. — Собираешься притащить сюда священника? Мечтаешь отдать его им в лапы?

— Сэр Джарвис, вы не должны так поступать. Все в городе уже узнали, что происходит с Кордри. Если вы будете продолжать вести себя подобным образом, то вас обвинят в укрывательстве.

Джарвис резко повернул голову, подобно разгневанной собаке, едва сдерживая ярость.

— Ты потерял жену, Джилберт, позволил убить ее. Но я не собираюсь так просто расставаться с единственным сыном!

Щеки тощего человека вспыхнули, но прежде, чем он успел подобрать нужные для ответа слова, Атайя стремительно вошла в комнату и склонилась над молодым колдуном, корчившимся от боли и страданий, мокрым от пота.

Оба мужчины изумленно уставились на нее, удивляясь больше ее ужасному виду, нежели тому факту, что она совершенно им незнакома.

— Кто, черт возьми...

— Отойдите и не мешайте, — отрезала Атайя.

Ее голос прозвучал так резко и по-королевски, что она сама удивилась. И обрадовалась полученному результату: мужчины, замолкнув, отступили, подчинившись ее распоряжению. Таким тоном с ней с самого детства нередко разговаривал отец, и мозг девушки подсознательно впитал каждую его нотку.

Только женщина в желтом продолжала стоять на прежнем месте. В ее светло-голубых глазах отражались страх и надежда.

Атайя жестом велела Ранальфу подержать Кордри за плечи, а Кейл крепко прижал к скамье его ноги. Молодой колдун стал еще больше сопротивляться. Атайя быстро зафиксировала его подбородок ладонями и попыталась заставить беднягу взглянуть ей в глаза.

— Послушай меня, Кордри... Так ведь тебя зовут?

Ответа не последовало, но молодая женщина энергично закивала.

— Кордри. Кордри Джарвис, послушай меня. Послушай и постарайся понять.

Атайя, не отводя взгляд, дотронулась до сознания Кордри, пытаясь вытянуть его мысли из бездны безумия. Через несколько секунд ей удалось ухватить его измученный мозг и сжать настолько крепко, чтобы не причинить вред, но и не дать возможность ускользнуть от нее. Кордри отчаянно сопротивлялся, испугавшись внезапного вторжения, но в его глазах вспыхнули искры надежды, как будто глубокое подсознание, зажатое в тиски сумасшествия, подсказывало ему, что она в состоянии помочь.

Когда он перестал метаться, Ранальф отпустил его и поднялся со скамьи.

— Я займусь установкой покровов, — спокойно сообщил он. — Если парнишка начнет непроизвольно читать заклинания, то покровы не пропустят их сквозь себя. Но нам надо

быть крайне осторожными. Его магия станет отскакивать от стены к стене, подобно попавшей в кувшин осе.

Слова Ранальфа вряд ли можно было назвать утешительными, но Атайя согласилась с ним, позволяя ему предпринять необходимые меры предосторожности. Ранальф прошел по кругу, обойдя койку, дотрагиваясь по пути до разных предметов: стола, стула, валявшейся на полу накидки. Таким образом он очертил границы установления покрова. Вскоре Атайя увидела появившуюся вокруг полупрозрачную стену, созданную как будто из утреннего тумана. Это заграждение могли рассмотреть только они с Ранальфом и еще, возможно, Кордри: это зависело от того, насколько обширно распространился в его мозге *мекан*.

Джарвис и женщина напряженно следили за действиями Ранальфа, но не препятствовали ему. Джилберт же ходил за ним следом, возмущенно качая головой и издавая громкие возгласы, до тех пор, пока колдуну это не надоело, и он не отвесил его сознанию хороший шлепок и мысленно не приказал ему отвязаться. Атайя, хоть и была очень занята, почувствовала, что произошло, и едва заметно улыбнулась, когда ошарашенный Джилберт ринулся обратно в угол и замер, не понимая, зачем он это сделал.

Как только Ранальф управился с покровами, послышался пронзительный визг, и контакт Атайи с мозгом Кордри, установленный с таким трудом, резко нарушился. Она повернула голову и увидела в проеме двери все ту же особу, которая пыталась помешать им проникнуть в дом. Лицо поварихи выглядело мертвенно-бледным.

— Колдуны! — заверещала женщина, отчаянно вцепившись в передник, как будто он являлся единственным ее спасением. — Господи, помоги нам! Убереги от колдунов! Боже, сжалься над нами! Пошли нам священников!

— Уведите ее отсюда и заставьте замолчать! — приказала Атайя.

Истеричные крики поварихи разрушили только-только начавшийся процесс возвращения Кордри в сознание. Атайе

пришлось энергично потрясти головой, чтобы привести в порядок свой собственный мозг и не позволить собственным тропам перепутаться.

— Меган, уведи Тесс на кухню, — обратился к женщине в желтом платье старший Джарвис.

Атайя видела краем глаза, как Меган обхватила повариху за плечи и повела прочь, бормоча слова утешения. Джилберт, оскорбленный тем, что его советы проигнорировали, раздраженно фыркнул и тоже удалился из комнаты, шумно хлопнув дверью. Джарвис с облегчением вздохнул и немного расслабился, явно радуясь его уходу.

— Я не знаю, кто вы и чем занимаетесь... — воскликнул он, обращаясь к Атайе, — и не уверен, что *хочу* это знать. Но если вы в состоянии помочь моему сыну, то сделайте это... Я умоляю вас.

У нее ушло несколько минут на то, чтобы восстановить нарушенную связь с Кордри. Постепенно сознание опять начало возвращаться к юноше. Его мозг с трудом поддавался ей, опутанный сетью бушующей магии, не способный понять, что с ним пытаются сделать. Но в глазах светилась мольба, он чувствовал, что Атайя поможет ему, хотя не знал, каким образом и зачем ей это нужно.

— А теперь внимательно послушай меня, Кордри, — произнесла Атайя спокойным, но решительным голосом. — Сейчас мы научимся кое-какому заклинанию. Оно простое и никому не причинит вред, ни тебе, ни окружающим. Заставив какую-то часть твоей магии работать, мы сможем значительно ослабить ту боль, которая мучает тебя. А потом поговорим.

Она убрала со лба Кордри растрепанные черные кудри и прижала пальцы к его вискам.

— *Ты слышишь меня?*— спросила Атайя, находясь уже внутри его сознания. — *Я здесь, с тобой. Сейчас я покажу тебе, откуда раздаются голоса...*

Осторожно, пытаясь не испугать своего подопечного, Атайя повела его по извилистым коридорам его мозга, кратко поясняя, что такое тропы и для чего их используют. Но моло-

дой колдун настолько сильно нервничал, что она чувствовала себя так, будто уговаривает ребенка, который до смерти боится темноты, спуститься в подземелье.

Пришедшую в голову идею познакомить его с заклинанием для создания светящегося шара Атайя тут же отбросила. Бедняга по-настоящему сойдет с ума, когда увидит подобную штуковину в своей ладони. Она решила остановить свой выбор на направляющих символах. Это заклинание ей самой показали недавно, но оно было достаточно простым, и найти его не составляло особого труда. На протяжении нескольких минут ей пришлось уговаривать Кордри попробовать свои силы, и в конце концов он сдался.

Подняв вверх руку, молодой колдун дрожащим голосом произнес-таки волшебные слова:

— *Locus signetur.*

В считанные секунды на спинке лавки появились ярко-красные диковинные буквы.

Атайя почувствовала, как заметно расслабился напряженный мозг Кордри. Позволив ученику немного передохнуть, она велела ему повторить заклинание несколько раз. Через полчаса работы он практически пришел в себя. Дикое, безумное выражение глаз исчезло.

— Это сделал я? — спросил удивленно Кордри, уставившись как зачарованный на таинственные символы.

Ему трудно было до конца поверить, что такое возможно.

Атайя одобрительно кивнула. Теперь работать с ним стало легче. Постепенно юноша начинал доверять ей. Шаг за шагом она подводила его к принятию своего таланта, к постижению тайн и смысла существования магии.

— А теперь попробуем создать светящийся шар. Полагаю, теперь ты уже готов к этому...

Внезапно Атайя почувствовала невыносимую боль, пронзившую ее со всех сторон сотней огненных стрел. Она слышала, как вскрикнул Ранальф, и видела, как резко он ринулся в сторону. Ей хотелось вырваться из объятий обжигающей боли, но руки и ноги не двигались, отказываясь слушаться. Было

невозможно даже думать о чем-то. Тщательно установленный контакт с сознанием Кордри разрушился в одну секунду, и она резко покинула его мозг, борясь за собственное спасение.

Кордри, страшно перепуганный, запаниковал. Атайя почувствовала, как бурно стали накапливаться в его мозге защитные силы. Парализованная ослепляющей болью, она была не в состоянии ему помочь. Ранальф успел вытащить ее за пределы покрова, в следующее же мгновение энергия Кордри вырвалась наружу мощным огненным ударом. Зеленое пламя с силой метнулось в туманную стену, но тут же отскочило от нее и ударило в противоположном направлении, едва не задев самого Кордри, охватывая лежавший на полу ковер.

— Кейл, кристалл! — заорал Ранальф. — Накрой его чем-нибудь, убери от света или разбей эту чертову штуку!

И как он нашел в себе силы? — поразилась Атайя.

Она тоже хотела предупредить Кейла, но чувствовала, что язык превратился в кусок разбухшей ваты. Откуда здесь появился кристалл? Кто принес его?

Атайя уже почти ничего не видела и не слышала, все, о чем она могла думать сейчас, так это о пронизывавшей все ее тело острой боли, боли, путавшей мысли и тропы, делавшей магию бессильной. Даже заклинание блокировки уже было бы не в состоянии ей помочь.

Глава 11

Последовавшие несколько секунд длились бесконечно, как в те моменты, когда до одури накуришься локи. Атайе показалось, что бросившийся к горящему ковру Джарвис тушил его при помощи шерстяного пальто на протяжении нескольких часов, а Кейл пробирался к возникшему в проеме двери черному пятну так медленно, будто брел по топкому болоту. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем в

черном пятне ей удалось узнать священника, облаченного в обычную для всех представителей кайтского духовенства рясу. В руке пастыря, торжествующе поднятой вверх, блестел золотой подсвечник, украшенный корбаловым кристаллом. Ахнув от неожиданности, Атайя хотела было рвануть ему навстречу, но вместо этого, ослепленная очередным приступом боли, беспомощно осела на пол.

Сквозь туманную пелену, возникшую перед глазами, она разглядела присевшего за спиной священнослужителя Джилберта, с ликованием наблюдавшего за работой корбала. Щеки сэра Джарвиса вспыхнули от ярости. Он никак не ожидал от друга, что тот поступит по-своему, не предупредив его. Но Джилберт делал вид, что ничего не замечает. Встретившись взглядом с корчившейся от мучений Атайей, мерзавец довольно улыбнулся.

Его радость длилась недолго. Кейл подскочил к священнику, снимая на ходу плащ, накинул его на подсвечник и без труда отобрал. Пастор попытался вернуть себе драгоценность, но, будучи слишком длинным и тощим, обладал крайне малыми силами, особенно в сравнении с бывшим воином королевской гвардии Кельвина. Обезоруженный, он в ужасе попятился к стене, нашептывая молитвы.

Задыхаясь от ярости, в комнату ворвался Джилберт. Но его мелкие кулачки не представляли для Кейла никакой опасности. Одним движением руки, доведенным до автоматизма, старый солдат обезвредил Джилберта. Тот без чувств повалился на пол.

Удостоверившись, что противник больше не причинит ему беспокойства, по крайней мере на протяжении ближайшего времени, Кейл тщательно завернул подсвечник в плащ.

Стук молотков в голове Атайи постепенно затих. Она осторожно поднялась на ноги, радуясь, что в состоянии это сделать, и, окинув Джилберта беглым презрительным взглядом, повернулась ко второму врагу. На лысеющей голове священника блестели крупные капли пота. Он походил сейчас на загнанного в угол кролика, испуганно переводил взгляд с

Атайи на Ранальфа, пытаясь угадать, кто из них первым начнет атаку.

Атайя указала рукой на завернутый подсвечник и обратилась к Кейлу:

— Унеси отсюда эту штуковину.

Несмотря на то что корбал был тщательно спрятан, она все еще чувствовала слабые постукивания в голове.

— Но вы не можете... — выкрикнул пастор, тараща глаза. — Этот подсвечник — собственность церкви. Вы не имеете права...

— Мы не воры, святой отец, — ответила Атайя, вспоминая при этом Кама. — Я намереваюсь вернуть вам вашу собственность. Кейл, попрошу тебя извлечь из подсвечника корбал и разбить его. А потом принеси эту вещь обратно и отдай ее отцу...

— Гресте, — подсказал свое имя священник, вероятно, он был с детства обучен в любой ситуации не забывать о правилах хорошего тона. — Но ведь этот камень...

— ...очень дорого стоит, — продолжила мысль Атайя. — Я знаю. Но ничего не могу поделать...

Кейл спокойно прошел мимо священнослужителя и скрылся за дверью.

Ранальф, хоть и выглядел подавленным и измученным, уже занимался Кордри, успокаивая его мозг и погружая тем самым в глубокий сон. Сэр Джарвис крутился рядом, осыпая его разнообразными вопросами, и, казалось, не замечал, что не получает ответа ни на один из них.

Когда Кордри крепко заснул, Ранальф приказал покрову раствориться, и туманная стена послушно рассеялась в воздухе.

— С ним все будет в порядке, — сказал колдун старшему Джарвису и потер виски — по-видимому, еще не совсем пришел в себя после пережитых мучений. — Он больше напугался, чем пострадал. — Ранальф повернулся к Атайе. — Думаю, его действия были вызваны страхом. Хотя, признаться, подобного я не ожидал. По-видимому, парнишка переживает среднюю стадию *мекана*, поэтому чертов корбал не причинил ему особого вреда.

Сбитый с толку комментариями Ранальфа святой отец приблизился к скамье, стараясь держаться подальше от колдунов, опустился на колени и проверил, действительно ли спит Кордри.

— Мне казалось, корбаловые кристаллы встречаются довольно редко, — пробормотала Атайя, прижимая к векам прохладные ладони, чтобы окончательно прийти в нормальное состояние. — Где вы его взяли, отец Гресте?

— В алтаре, в нашем соборе... — нерешительно ответил священник. — Там есть еще...

— Сколько еще? — резко спросила Атайя, представив себе на мгновение множество церковных подсвечников, чаш и тарелок, украшенных корбалами.

— Мы получили распоряжение от короля, — выпалил пастор, спеша переложить вину на чужие плечи. — Почти две недели назад. О, как он прав! Я сразу понял, что колдуны где-то рядом, когда в соборе разбились окна. Король прав... — приговаривал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Король? О каком распоряжении вы говорите? — нахмурившись, спросила Атайя.

Дарэк еще не должен узнать о ее прибытии в Кайт. Если бы ему стало об этом известно, тогда слова святого отца имели бы смысл. Неожиданно девушке в голову пришла тревожная мысль: священник относительно спокойно воспринял новость о появлении в стране колдунов после двухвекового отсутствия. Он был предупрежден...

— Его величество приказал достать из сокровищниц все реликвии, сохранившиеся со времен Фалтила. Он поклялся защитить народ от колдовства.

Отец Гресте нервно сглотнул, наверняка мысленно молясь о спасении собственной души.

— Это колдовство нуждается в защите, а не вы, святой отец, — тихо сказала Атайя. — Король просто не понимает этого.

Священник моргнул от неожиданности, растерянное выражение его лица сменилось негодующим.

— Хотите сказать, что вы имеете право ставить под сомнение суждение короля?

Атайя смотрела прямо в глаза пастору.

О да, святой отец, думаю, что я имею такое право, потому как знаю короля. Дарэку страшно даже представить себе на мгновение, что магия не является злом, ведь тогда пошатнутся все его представления о жизни, тогда ему придется задуматься об остальных своих поступках и решениях и признать, что он далеко не всегда бывает прав.

— Его величество тоже может ошибаться! — воскликнула Атайя, стараясь спрятать гнев под видом уважения. — Конечно, нельзя отрицать, что в какой-то степени им движет желание защитить свой народ, ведь он — сын Кельвина и должен был унаследовать от отца хотя бы малую часть характера. Но согласитесь, святой отец, король беспокоится лишь об ограниченном количестве людей. Лорнгельды — тоже жители его страны.

Сильно нахмурившись, пастор повернулся к Джарвису и гневно взмахнул руками.

— Что эта женщина делает в вашем доме, сэр? То, о чем она говорит, — чистой воды *богохульство!* Позвольте мне послать за епископом. Слухи... о вашем сыне уже давно дошли до него, и он с нетерпением ждет возможности оказать вам помощь...

Джарвис, все это время не проронивший ни слова, выглядел подавленным и измученным, то и дело переводя взгляд с Атайи на священника и на мирно посапывавшего сына. Устало вздохнув, он направился к буфету и достал оттуда кувшин.

— Давайте-ка выпьем вина, святой отец.

Глаза священника чуть не выскочили из орбит.

— Во имя всего святого ответьте мне: как можно спокойно попивать вино, когда в твоем доме *колдуны?*

Джарвис рассмеялся. Но в этом смехе не слышно было и капли веселья. Таким образом иногда пытаются скрыть боль и отчаяние.

— Даже вы не станете отрицать, что повод весьма серьезный, — наигранно беспечным тоном ответил он. — У жителей

Кайбурна не появлялось возможности выпить с колдунами на протяжении целых двух столетий!

Гресте не нашел подходящих слов, чтобы ответить на дерзость Джарвиса, но не стал сопротивляться, когда тот взял его под руку, провел к столу и всунул в руку кубок с вином. Сначала, правда, несчастный пастор даже не заметил посудину, но, увидев, тут же осушил ее.

Спустя несколько минут в комнату вернулся Кейл. Он поставил перед священником золотой подсвечник, в котором теперь не было корбала.

— Я отполировал его в том месте, где находился камень, святой отец, — произнес Кейл извиняющимся тоном.

— Я попрошу тебя еще кое о чем, — воскликнула Атайя, указывая рукой на распростертого на полу Джилберта. Казалось, он просто спит, будто, почувствовав усталость, устроился здесь, чтобы передохнуть. — Приведи его в чувство. Наверное, тебе известно, как это можно сделать.

Кейл принялся осматривать шишку, вскочившую на затылке бедняги Джилберта, а Гресте взял в руки подсвечник и, глядя на него, печально покачал головой.

— Епископ придет в ярость. Собору подарили пару таких подсвечников два столетия назад. Сразу после того, как было уничтожено убежище дьяволов.

Атайя нахмурилась.

— Уничтожено что?

— Убежище дьяволов. Я говорю о руинах в лесу, быть может, там уже ничего нет. И слава Богу! — Гресте с отвращением скривил губы. — Я слышал, чем они там занимались. Вытворяли жуткие, совершенно дикие вещи — жертвоприношения дьяволу, распутство, звериные танцы... — Его голос оборвался. — Безбожники! Но даже во времена моего прадеда о них знали уже только по слухам. Люди короля Фалтила благополучно расправились с ними.

— Фалтил расправился не со всеми, — гневно заговорила Атайя, вздрагивая при мысли о своем беспощадном предке и его деяниях. — Как вы считаете, его действия увенчались

успехом? Лорнгельды исчезли из Кайта? Нет! Они рождаются каждый день! Все, что он сделал, — так это жестоко убил людей, которые всего лишь знали, как пользоваться своей магией. Убил тех, к кому могли бы обратиться за помощью десятки несчастных, подобных Кордри. Время сумасшествия никогда и не заканчивалось, святой отец. Просто епископ Адриэль взял ситуацию под контроль, выдумав священный обряд отпущения грехов и убедив всех в его незаменимости.

Отец Гресте открыл было рот, желая возразить, но Атайя резко прервала его.

— Перед тем как вы пришли, Кордри пребывал в ужасном состоянии. Нам еще повезло, что все ограничилось лишь разбитыми кувшинами, упавшей люстрой и загоревшимся ковром. Он мог бы разрушить весь дом. Мы здесь для того, чтобы помочь ему, мы никому не причинили зла. — Она перевела взгляд на Джилберта. — Если не считать этого. Но вы сами видели, что он первый начал драку.

Священник смотрел на Атайю, прищурив глаза, наверное, обдумывал сказанное ею. Но было понятно одно: он не верил ей и слушал ее лишь потому, что в данной ситуации не имел другого выхода.

— Вы не знаете, как воспринимать мои слова? — продолжила девушка. — Я вас понимаю. С самого детства вы привыкли считать, что лорнгельды сумасшедшие и приносят только вред...

— И что они — пособники дьявола, — с горячностью продолжил ее мысль священник, и его глаза вспыхнули каким-то странным светом. — И вы пытаетесь скрыть свои истинные намерения под личиной сострадания и стремления помочь людям. Хотите сбить меня с толку?

Он резко повернулся к сэру Джарвису:

— Они хотят убедить вас в том, что способны спасти вашего сына. А ведь единственное, что им нужно, — это украсть его душу. Неужели вы не понимаете этого? Неужели вы не чувствуете *опасность?*

Джарвис, задумчиво уставившийся в кубок с вином, медленно перевел взгляд на спавшего сына.

— Я могу с уверенностью сказать вам, святой отец, что моему сыну стало гораздо лучше, чем час назад.

Гресте отчаянно всплеснул руками, черные рукава мантии взметнулись подобно крыльям ворона.

— Это обман! Ваш сын не излечится. Он лишь приблизится к проклятию Божьему. Эти колдуны уже поставили на нем свою метку. Его душа...

— В данный момент меня беспокоит только его жизнь! — рявкнул Джарвис, проливая на колени красное вино. — О его душе я позабочусь потом, когда почувствую, что мне это нужно.

Гресте набрал в легкие воздух и собрался было привести еще какие-то доводы в пользу мнения церкви, но его внимание переключилось на неожиданно прозвучавший громкий стон. Кейл привел Джилберта в чувства и поднял его на ноги.

— Что здесь произошло? — пробормотал пострадавший, крепко сжимая ладонями голову, словно боялся, что если отпустит руки, то она упадет с плеч и разлетится на части. — У меня такое ощущение, что по мне пробежало стадо оленей.

— Святой отец, думаю, вам лучше заняться Джилбертом. Проводите его до дома. Ему ваша помощь нужна сейчас гораздо больше, чем нам.

По решительному тону Джарвиса было понятно, что он не намерен продолжать спор. Злобно сверкнув глазами, пастор поднял с пола подсвечник и жестом указал на Кордри.

— Ладно. Но имейте в виду: я расскажу о вашем сыне, а также обо всем, что произошло сегодня в вашем доме, епископу Люкину. Все, кто должен пройти обряд отпущения грехов, непременно...

— Люкин? — переспросила Атайя. — И как же я раньше об этом не подумала?

— В чем дело? — поинтересовался Ранальф.

Лицо Атайи выглядело так, будто она только что съела лимон.

— Джон Люкин, наш многоуважаемый епископ Кайбурна. Этот тип являлся самым рьяным противником Кельвина, когда речь заходила о смягчении законов о лорнгельдах. Даже

архиепископ Вэнтан не решался так смело противостоять королю, смягчал свои высказывания и сглаживал острые углы. За проявленную Люкином наглость Кельвин даже собирался лишить его церковного сана. Дарэк, естественно, принял сторону Люкина, а потом они с Кельвином долгое время не разговаривали.

Королевские дела были настолько привычной для Атайи темой, что она, особенно не задумываясь, говорила о них как о чем-то обыденном. И не остановилась бы на этом, если бы Ранальф не метнул в ее сторону предупреждающий взгляд в тот момент, когда принцесса назвала брата по имени.

Джарвис нахмурил брови.

— Вы, насколько я вижу, неплохо информированы о положении дел Курии, — задумчиво произнес он, оглядывая потрепанное платье, вымазанное лицо и спутанные волосы Атайи.

— Вы отходите от темы, сэр Джарвис, — нервно заметил Гресте, и Атайя с облегчением вздохнула.

Лицо Джарвиса помрачнело. Ему крайне не хотелось возвращаться к больному вопросу, но он сознавал, что должен как-то выпутаться из затруднительного положения.

— Святой отец, я не думаю, что вы должны сообщать о случившемся епископу, — произнес Джарвис заметно более мягким голосом. — По крайней мере не сегодня. Я мог бы подарить собору значительную сумму в качестве пожертвования. А насчет моего сына... Давайте не будем торопиться. Мне нужно время, чтобы все хорошенько обдумать.

— Но это...

— Это не подкуп, мой друг, — заверил Джарвис пастора, кладя руку на его покатое плечо. — Дайте мне возможность позаботиться о сыне, и я преподнесу церкви приличные деньги, на которые она сможет помочь десяткам нуждающихся людей. Произойдет справедливый и благородный обмен, и каждая из сторон останется довольна. Вы согласны со мной?

— Речь идет о душе вашего сына, — мрачно напомнил священник.

Джарвис закрыл глаза, будто почувствовал головную боль.

— Я знаю. Обещаю вам, что если почувствую какую-то опасность, то немедленно сообщу вам. Но до этого момента прошу вас не говорить никому ни слова. По крайней мере на протяжении нескольких дней.

В конце концов священник сдался. Конечно, закон был на его стороне, но Джарвис обладал богатством и влиянием, поэтому мог выдвигать свои условия.

— Был бы признателен, если бы и ты хранил молчание, Джилберт. Твоя семья на протяжении долгих лет работала на меня. Вот увидишь, я отплачу тебе за эту услугу... Полагаю, нам пора пересмотреть твое жалованье.

По виду Джилберта было понятно, что голова у него идет кругом, тем не менее он прекрасно понял, о чем не должен никому рассказывать. Кивнув Джарвису, бедолага, шатаясь, направился за выходившим из комнаты пастором.

Как только они скрылись из виду, на пороге появилась Меган — молодая женщина в желтом платье.

— Тесс в порядке, — сообщила она. — Выпила три кубка бренди и заснула как убитая. — Ее обеспокоенный взгляд остановился на Кордри. — Сейчас он в безопасности?

Джарвис ласково взял Меган за руку и провел ее в комнату.

— В безопасности, — ответил он. — О нем позаботились наши гости. К помощи бренди прибегать не пришлось.

— Когда Кордри проснется, вряд ли вспомнит о том, что произошло, — сказала Атайя, изучая Меган. Судя по светлым волосам и голубому цвету глаз, можно было прийти к выводу, что она не принадлежит к семейству темноволосых Джарвисов. — Вы его жена?

— Почти, — с гордостью заявил Джарвис. — Они с Кордри знакомы с детства.

Он смотрел на нее с восхищением и наверняка уже любил, как собственную дочь.

Меган закрыла глаза и отвернулась, словно почувствовала приступ сильной боли.

— Мы должны пожениться в следующем месяце. Или по крайней мере должны были...

Меган сглотнула подступивший к горлу комок слез, а сердце Атайи сжалось от сострадания. Как ей знакомы эти жуткие ощущения! Когда любишь человека и мечтаешь выйти за него замуж, когда обстоятельства складываются совершенно по-другому, когда замираешь от ужаса, чувствуя, что любимый находится в двух шагах от смерти... Когда думаешь о будущей жизни и кажется, что она без него превратится в полный кошмар...

— Вы поженитесь, — воскликнула Атайя, отбрасывая роившиеся в голове печальные мысли. — Я обещаю.

Глаза Джарвиса озарились надеждой.

— Вы сможете вылечить его?

— Да, но только превратив его в колдуна, надеюсь, вы уже догадались об этом. И должна предупредить вас: у нас не так много времени.

Последовало напряженное молчание. Джарвис медленно приблизился к скамье, опустился перед сыном на колени и нежно погладил его по руке.

— Я обучил его своему делу, — заговорил он приглушенным голосом, не обращаясь конкретно ни к кому. — Я — суконщик, и, признаться честно, довольно преуспевающий. Но сейчас чувствую, что стал стареть, что должен уступить свое место более молодому. А Кордри... Он освоил все настолько быстро! У него масса идей и задумок и полно энергии. Прошлым летом мы выпустили новый вид сукна и добились еще большего успеха. И все благодаря ему. Кордри — моя единственная надежда, моя радость, мое будущее...

Глаза старика наполнились слезами.

— В последние недели с ним творится что-то ужасное. Иногда он смотрит на меня совершенно дикими глазами. В них я вижу страх и отчаяние. Наверное, ему известно, что я вынужден с ним сделать. Или был вынужден... — Джарвис сделал паузу, чтобы голос не сорвался. — Он смотрит на меня такими пугающими, нечеловеческими глазами...

Тут, будто очнувшись ото сна, старик вспомнил, что находится в комнате не один, и, отвернувшись в сторону, часто заморгал глазами, желая убедить присутствовавших в том, что

его слезы вызваны все еще ощущавшимся в воздухе запахом дыма.

Атайя приблизилась к старику.

— Какой-то частью своего мозга Кордри сознает, что с ним происходит. Это пугает его и заставляет вытворять безумные поступки. Волшебные способности вашего сына должны выразить себя, но Кордри не знает, что надо для этого делать. Если я не обучу его этому, то он разрушит дом, и не исключено, что уничтожит находящихся рядом людей. Я знаю, как это бывает, сэр Джарвис, — сказала Атайя, понизив голос. — Признаюсь честно: когда моя магия находилась в том состоянии, в каком пребывают волшебные силы Кордри, я лишила жизни человека.

— Значит, с ним именно то, чего мы больше всего боялись, — прошептала Меган. — Он — один из них... — В то мгновение, когда слова слетели с ее губ, она резко повернулась к Атайе. — Простите меня, я не хотела вас обидеть... Я давно подозревала, что случится нечто подобное, но Кордри запрещал мне заговаривать на эту тему, даже когда мы оставались наедине. Еще тогда я приняла решение: для меня это не будет иметь значения. Я люблю его, а все остальное не важно. Если вы способны помочь ему, то сделайте это, пожалуйста, мисс... — Щеки Меган слегка покраснели. — Простите, я не знаю, как вас зовут...

Атайя смутилась, а Джарвис медленно поднялся на ноги и отступил от нее на несколько шагов. Его лицо не выражало больше страдания и боли, оно напряглось и помрачнело.

— Ваше высочество, — произнес он уверенным тоном.

На протяжении последовавших нескольких секунд Атайе казалось, что все жители Кайбурна слышат, как громко колотится в ее груди сердце. Меган замерла в изумлении, не зная, как себя вести. Мысль о реверансе она сразу же отмела: в данной ситуации это выглядело бы просто глупо.

Нижняя челюсть сэра Джарвиса выдвинулась вперед.

— Вы так осведомлены о королевских делах... — воскликнул старик, рассуждая вслух и все больше убеждаясь в своей правоте. — А теперь еще заговорили о том, что кого-то убили...

Атайя даже не собиралась лгать ему или искать оправдание своим поступкам. Она сознавала, что на самом деле виновата перед кайтским народом, отобрав у них горячо любимого всеми короля, и должна ответить за причиненное им горе.

— Я очень сожалею о том, что произошло, и не стану отрицать своей принадлежности к королевской семье. Это оскорбило бы отца.

— Так, значит, слухи верны... о том, что вы сделали с ним.

Глаза Джарвиса вспыхнули, подобно молнии на летнем небе, и наполнились неподдельной болью. Было понятно, что он любил своего прежнего короля и до последнего оставался верен ему. При других обстоятельствах Атайя не потерпела бы столь явно выраженного в ее адрес гнева, но сейчас, понимая, что гнев этот вызван уважением к Кельвину, смолчала. Зато насторожился Кейл, приблизившись к Атайе, готовый в случае необходимости защитить ее.

Переполнявшие Джарвиса эмоции неожиданно выплеснулись наружу.

— Убирайтесь! — заорал он, давая волю накопившемуся за день напряжению. — Вон отсюда! Оставьте меня и моего сына в покое!

В порыве ярости старик схватил со стола последний стеклянный кубок, уцелевший после вспышек безумия Кордри, и швырнул его об пол. В воздух взметнулся фонтан прозрачных осколков.

— Седмонд, прошу вас. — Меган схватила его за рукав, желая успокоить. — Они хотят помочь.

Джарвис резко отдернул руку.

— Помочь? Она наверняка и бедному лорду Кельвину таким же образом пудрила мозги, обещая, что поможет! И в конце концов *убила* его! Я не собираюсь отдавать ей в лапы своего сына!

Кордри, встревоженный криками отца, приглушенно застонал, и Джарвис бросился к скамье и принялся нашептывать слова утешения.

— Я... я ужасно сожалею, — пробормотала Меган, обращаясь к Атайе и ее друзьям. — Простите его. Он очень устал. В последнее время Кордри часто пребывает в страшном состоянии. Его уже не раз привозили домой вонючим и грязным...

Она резко замолчала, внезапно подумав о том, что их гости выглядят не намного более прилично; ее щеки вспыхнули.

— Меган, перестань, — тихо сказал Джарвис. — Нечего перед ними извиняться за меня.

Но, взглянув на успокоившегося сына, он задумался и погрустнел, затем медленно поднялся на ноги и повернулся к Атайе. Его глаза не выражали больше ни зла, ни гнева, лишь усталость и боль.

— Я хочу, чтобы Кордри жил, принцесса. — Каждое слово давалось ему, по-видимому, с большим трудом. — Но не уверен, что готов вверить его судьбу в ваши руки...

— Если вы попросите меня уйти и не возвращаться, то я уйду, — спокойно, но очень уверенно сказала Атайя. — В Кайбурне найдутся десятки других людей, нуждающихся в моей помощи. Но вы ведь не готовы отдать его священникам. В противном случае не стали бы с такой готовностью покупать у Гресте молчание. — Ей не хотелось быть резкой, но другого выхода не было. Выдержав паузу, чтобы дать Джарвису возможность обдумать свои слова, она продолжила: — Быть может, нам стоит увезти вашего сына обратно в вонючую дыру, где мы нашли его? Священнослужители с радостью заберут его и оттуда.

— Нет! — вскрикнула Меган, умоляюще глядя на молчавшего Джарвиса.

Выражение лица Атайи немного смягчилось.

— Я убила отца лишь потому, что не могла контролировать свою магию. Тем не менее я собираюсь искупить вину. Поэтому-то я и вернулась в Кайт. Поэтому нахожусь сейчас в вашем доме. Я убила одного человека, это верно. Но намереваюсь спасти тысячи жизней, включая жизнь вашего сына, если вы позволите мне заняться им. — Она заметила, как

озарились в этот момент глаза Меган. — Мой отец мечтал изменить законы, чтобы спасти людей от смерти. В прошлом году он заявил Курии о своем желании отменить обряд отпущения грехов и разрешить лорнгельдам легально обучаться колдовству. Я лишь продолжаю начатое им дело. Если вы не верите мне, сэр Джарвис, тогда поверьте Кельвину.

Старик углубился в мысли, тщательно обдумывая сказанные ею слова. На его лице отображались все переживаемые им эмоции: то он размышлял о том, что обязан сохранить сына в живых, то сомневался в этом, вспоминая о священниках, а в следующее мгновение выглядел совершенно растерянным, не зная, как поступить правильнее. Взглянув на Меган, которая ни в чем не сомневалась, старик почувствовал уверенность.

— А вы убеждены, что сможете заниматься с Кордри? — Ему необходимо было высказать вслух все свои страхи и опасения. — Ведь король Дарэк...

— Послал людей, приказав вернуть меня домой! — гордо приподняв голову, воскликнула Атайя. — Мог бы не беспокоиться. Я сама приехала в Кайт.

— А что станет с душой Кордри, — уставшим голосом пробормотал Джарвис.

— Она в безопасности. Я всего лишь обучу его пользоваться дарованными ему Господам силами.

— Господом? — изумленно переспросила Меган, и ее милое лицо осветилось радостным сиянием, как лицо ребенка, которому впервые в жизни рассказали сказку.

— Кордри не проклят. Совсем наоборот, Бог избрал его из многих и одарил волшебным талантом.

На задумчивом лице Джарвиса промелькнула тень гордости, которая тут же сменилась новым испугом.

— Сэр Джарвис, прошу вас, — взмолилась Меган, обхватывая своими маленькими ладошками массивные руки Джарвиса. — Вы должны им поверить. То, что принцесса только что рассказала, не может не быть правдой. Разве столь любящий и порядочный человек, как Кордри, похож на дитя дьявола?

— Я согласен с тобой, Меган, дорогая, — пробормотал Джарвис. Затем, выпрямившись и глубоко вздохнув, повернулся к Атайе. — Я поверю вам, ваше высочество. Вам и вашему отцу. И не предам вас. Во имя Кельвина. Клянусь.

Атайя с благодарностью улыбнулась ему.

— Спасибо. Мы сделаем все, что в наших силах.

— Существует небольшая проблема, — подключился к разговору Ранальф. — Простите меня за прямоту, но не могу не сказать вам об этом. Несмотря на то что вы дали свое согласие на обучение Кордри и поклялись хранить молчание, мы не знаем, как отнесется к этому он сам. Поэтому не можем рисковать и везти его в нашу... назовем это штаб-квартирой.

— Но проводить занятия здесь вам тоже нельзя. Вас сразу обнаружат. — Джарвис задумался, но через пару минут вновь заговорил: — На окраине моего имения стоит старая овчарня. Кордри играл там, когда был маленьким. Купив прилежащий участок земли, я построил новый загон, а тот так и остался стоять на прежнем месте. Сейчас он в ужасном состоянии, развалина, одним словом. Я приношу вам свои извинения, но ничего другого предложить не могу. Если вы согласны воспользоваться овчарней, она в вашем распоряжении.

Не стоит извиняться, мой друг. Мы вполне привыкли к развалинам, — подумала Атайя.

— Итак, завтра я опять приду к вам, Кордри проводит меня в то место, и тогда мы посмотрим, какого колдуна я смогу из него сделать.

Джарвис кивнул.

— Только предупреждаю об одном, — поспешно пробормотал он. — Если кто-то начнет о вас расспрашивать, я скажу, что ничего не знаю. Если я потеряю свое положение в городе, свое состояние, у Кордри ничего не останется.

— У него останется жизнь, — воскликнула Атайя. — Но вы вправе поступать, как считаете нужным.

Выходя из комнаты, она весело подмигнула Ранальфу.

— Овчарня! Спорим, скоро нас станут называть пастухами, ведущими толпу несчастных по дороге в ад.

Ранальф фыркнул в ответ.

— Никогда не спорю, если уверен, что проиграю.

В то же самое время, находясь на улице совершенно другого города, четыре человека в простых одеждах бесцельно глазели на витрины магазинчиков и лавок с парусиновыми навесами, время от времени переводя взгляд вправо на Грендольский замок и любуясь им.

Капитан Парр и его люди прибыли в Ат Луан вечером предыдущего дня. По дороге не произошло никаких происшествий, если не принимать в расчет возникшей из-за сущей глупости драки в маленьком кабачке в Торвике.

Как и предполагал Парр, путешествие от границы до столицы Рэйки заняло у них вдвое больше времени, чем в прошлый раз. Весеннее равноденствие давно миновало, неделю назад наступил апрель. Даже при самых неблагоприятных погодных условиях Джессингер уже должен был прибыть в Делфархам. Парр по-прежнему не сомневался в том, что король поймет его поступок.

Покончив с завтраком, капитан стряхнул с губ хлебные крошки и повернулся к своему лейтенанту:

— Ты, Бернс, поедешь со мной, а Хью и Джеймс отправятся в противоположный конец улицы. Вечером встретимся здесь и посмотрим, что удалось вынюхать.

Хью по отработанной привычке приставил руку к виску, но тут же исправился: сделал вид, что убирает сбившиеся на лоб волосы.

— А что, если кто-нибудь спросит, зачем мы ищем ее? — спросил он.

— Придумай что-нибудь, — раздраженно ответил капитан. — Советую добавить немного правды — так ложь выглядит убедительнее.

Мужчины расстались. Берн и Парр неспешно побрели вдоль улицы, стараясь не вызывать никаких подозрений.

— Боже, храни нас! Они здесь повсюду, — пробормотал Бернс вполголоса, увидев очередной знак, на этот раз над дверью магазинчика кожевника.

Парр с отвращением покачал головой. Раньше он всегда считал, что разные города во многом похожи друг на друга, но в Кайте ни в одном из населенных пунктов нельзя было увидеть открыто рекламировавших свои товары и услуги колдунов. В Ат Луане же крестовидные знаки использовали даже для привлечения покупателей и клиентов — вывешивали их на самое видное место в витринах и на дверях. Здесь Парр видел эти символы не впервые. Король Дарэк позаботился о моральной подготовке своих воинов перед отправлением их в Рэйку, рассказав о наиболее распространенных колдовских штучках.

Неожиданно для самого себя Парр довольно улыбнулся.

— Кто может лучше, чем колдун, помочь нам разыскать колдуна?

Бернс нервно передернулся.

— Не хотите же вы сказать, что мы должны прибегнуть к услугам магии? — взволнованно пробормотал он. — Король казнит нас, если узнает, что мы ввязались в дьявольские делишки.

— Бог не разгневается, и его величество тоже, ведь у нас есть веские причины, — сухо ответил Парр. — Если ты хорошо учил историю, то припомнишь, что сам король Фалтил использовал колдунов, чтобы избавиться от колдовства. А *он* был святым человеком!

Бернс ничего не ответил, но последовал за капитаном с большой неохотой.

Кожевник — энергичный жилистый мужчина с темной, грубой, как его товар, кожей — встретил посетителей необыкновенно радушно, сразу отложил в сторону пояс, который простегивал, и дружелюбно улыбнулся.

— С добрым утром, господа! Насколько я понимаю, вы неравнодушны к хорошим, качественным изделиям. — Он быстро снял с полки другой пояс — аккуратно прошитый, украшенный дорогими серебряными гвоздиками. — Это одна

из моих лучших работ. Обратите внимание на стежки, необычное оформление, кожу...

— Неплохая вещь, — прервал его Парр. — Но мы пришли к вам, потому что нуждаемся в помощи колдуна. Я увидел знак на двери... — Капитан вопросительно поднял бровь, желая узнать имя кожевника.

— Вильям, — весело ответил хозяин магазина. — Вильям Бейн. Кожевник и колдун. Хотя, признаюсь честно, в первом я преуспел больше, чем во втором. — Он отложил в сторону элегантный пояс и опять улыбнулся. — Но постараюсь вам помочь. Чего вы хотите? Очаровать пару понравившихся красоток? У нас их немало! И кстати, некоторые очень увлекаются иностранцами.

— Нет, нам нужно совсем другое, — ответил Парр. Болтовня кожевника начинала действовать ему на нервы. Хотя, с другой стороны, подумал он, его чрезмерная разговорчивость может оказаться полезной: подобные типы знают обычно все и всех. — Мы ищем одного человека, обязаны срочно найти ее и передать важное сообщение.

Владелец магазина понимающе кивнул.

— Со сферами у меня никогда не бывало проблем. А у вас есть изображение этой женщины?

— Что? — переспросил Парр.

— Портрет... миниатюра.

Капитан покачал головой.

— Я мог бы описать ее...

— Боюсь, ничего не выйдет. Я должен точно знать, как она выглядит, чтобы различить среди тысяч других женщин Ат Луана, если, конечно, я уже не знаю ее...

Парр колебался. Стоило ли раскрывать кожевнику имя нужной ему особы? Поразмыслив немного, он решил рискнуть.

— Мы ищем кайтскую принцессу, которая остановилась в королевском замке в вашем городе. Мы очень ей преданны и приехали из самого Кайта, чтобы предупредить об опасности. Обратиться к самому королю не решаемся, вы ведь знаете, что отношения между нашими государствами довольно напряженные.

Кожевник задумался.

— Принцесса Атайя, — произнес он, кивая. — Насколько я знаю, она редко покидала замок, только когда выходила с мастером для обучения некоторым заклинаниям.

— Значит, вы никогда ее не видели?

— Нет. Но она была в Ат Луане, это я знаю наверняка. Колдунам о подобных вещах всегда становится известно, — с гордостью добавил кожевник. — Говорят, принцесса уже уехала. Направилась куда-то на юг в сопровождении каких-то людей. Болтают, будто они отправились в Кайт с некой миссией. Поэтому можете не беспокоиться: если за ней охотятся, то в Ат Луане ее точно уже не найдут.

Парр изобразил на лице радость и углубился в мысли. Он всегда знал, что принцесса скрывалась в замке, но теперь это уже не имело никакого значения. Если бы они рискнули и поехали от границы по главной дороге! Тогда, быть может, успели бы перехватить ее!

К счастью, его лейтенант не погружался в подобного рода размышления. Не теряя времени даром, он обратился к кожевнику с мольбой в голосе:

— О, Вильям, мы благодарны вам. Но, видите ли, тот человек, который преследует принцессу, — убийца, и не исключено, что едет сейчас за ней следом. Нам нужно знать, куда точно она поехала. Вы не можете нам в этом помочь?

Парр опять подключился к расспросам, отбрасывая навязчивые мысли.

— Хорошо бы было выяснить, где находится ее друг, этот... как его... Джейрен, Джейрен Маклауд. Он тоже колдун, как и вы.

Кожевник просиял.

— Как не знать? Маклауд! Замечательный молодой человек. Ассистент самого Хедрика. Наверное, его семья гордится им.

Парр закусил губу, чтобы не выдать отвращения, вызванного хвалебными речами.

— Может, вы определите, где он находится?

— О, конечно! Я прекрасно знаю, как выглядит Джейрен Маклауд.

Кожевник повернулся к ним спиной и сосредоточился. Когда в его ладонях появился туманный шар, капитан едва удержался, чтобы не проткнуть его кинжалом. Дарэк рассказывал, что эти сферы — штуковины довольно нежные.

Несколько минут спустя Вильям с радостью сообщил:

— Маклауд в замке. Пока еще. Я видел, как его отец выезжал две недели назад из северных ворот. Он отправился домой, в Уларда. А сын должен поехать вслед за ним. Скорее всего завтра. Мой друг служит в королевской охране, поэтому я так хорошо осведомлен.

— Где находится этот Уларда? — поинтересовался Парр.

— На приличном расстоянии отсюда. Дней семь-восемь езды, если не помешают дожди или что-нибудь в этом роде. Но вам ни к чему ехать туда. Идите к замку и попросите встречи с Маклаудом. Он не откажет вам. Особенно если принцесса в опасности.

Капитан усмехнулся про себя.

— Спасибо, Вильям. Ты нам очень помог. Сколько мы должны тебе?

Кожевник нахмурился, но тут же воскликнул:

— Ах да! Вы ведь иностранцы и, наверное, не знаете, что у нас не принято просить деньги за колдовство. Оно — Божий дар. Человек может дать столько, сколько сам считает нужным.

Парр достал из кошелька две золотые монеты и протянул их Вильяму, тот расплылся в улыбке.

— Бог вам в помощь! — сказал он вслед уходившим гостям. — Надеюсь, с принцессой все будет в порядке.

— С ней все будет в порядке, — ответил, не оглядываясь, капитан. — Пока я не доберусь до нее, — прошипел он сквозь зубы, уже выйдя на улицу.

Всю свою сознательную жизнь Парр подчинялся отданным приказам, а теперь должен был принять какое-то решение самостоятельно и не знал, что делать. В его голове крути-

лись совершенно противоречивые мысли и сомнения. А что, если кожевник солгал им? Быть может, всех колдунов в городе научили отвечать на расспросы незнакомцев именно так? Или если Атайя действительно уехала, то не отправился ли с ней чертов Джейрен? Кто знает, возможно, они уже начали революцию в Кайте?

— Сэр? — окликнул его Бернс, заметив странное состояние капитана.

Парр еще раз окинул ненавистным взглядом колдовской знак на двери кожевника.

— Черт бы побрал их всех, — проворчал он и стремительно зашагал вперед.

Лейтенант поспешил за ним.

Глава 12

— Разведи ладони шире, вот так, — сказала Атайя, раздвигая руки ученика. — При таком расположении сфера примет более правильную форму.

Кордри несколько недовольно вздохнул, но последовал указаниям. Затем произнес слова заклинания и приказал сфере появиться. Через несколько мгновений он держал между ладонями туманное облако, но по форме оно больше походило не на шар, а на уродливую тыкву. Мастер Тоня, расположившаяся на полу, приподняла бровь и чуть было не рассмеялась, но совладала с собой и не дала выхода эмоциям.

— Ты не стараешься, — нахмурив брови, проворчала Меган.

Она приходила в овчарню каждый день и внимательно наблюдала за процессом обучения возлюбленного, то и дело подбадривая его и поддерживая.

— Ты должен сконцентрироваться, Кордри, — сказала Атайя. — Создание визуальной сферы — заклинание достаточно простое.

Меган одобрительно кивнула.

— Слушай, что тебе говорят, любимый. Это ведь очень важно.

— Понимаю, — сердито ответил Кордри и приказал неудавшейся сфере исчезнуть. — Я должен быть уверен, что следующую партию товара успеют подготовить к отправке к концу месяца. Очень сомневаюсь, что Джилберт правильно произвел все расчеты, а отец считает...

— Может, забудешь про дела фабрики хотя бы на время? — Меган раздраженно сложила руки на груди, ее голубые глаза засверкали подобно драгоценным камням. — Речь идет о твоей жизни, ты понимаешь это? А у тебя голова занята одним вопросом — как бы погрузить старые никчемные одежды в лодку! Ты только об этом способен думать!

Кордри вытаращил глаза.

— *Никчемные?* А знаешь ли ты, дорогая моя Меган, что, если отгрузка задержится, то у нас не хватит денег на медовый месяц, не говоря уже о том, что...

Он с жаром принялся объяснять невесте, какая катастрофа ждет их обоих, если фабрика не справится с намеченными планами, а Атайя устало покачала головой и взглядом попросила Тоню взять ученика в свои руки. Хотелось на какое-то время уйти отсюда, подышать свежим воздухом, немного отвлечься. Меган и Кордри заводили этот спор каждый божий день, заканчивалось все тем, что в конце концов Меган убеждала жениха сосредоточить внимание на тренировках, покрывала поцелуями и тем самым значительно улучшала его настроение.

Сегодня Атайя почувствовала, что не вытерпит ни жалоб Кордри, ни заботливых уговоров Меган. Их близость расстраивала ее. Глядя на них, она постоянно вспоминала о том, что с ней рядом никого нет. Что некому поплакаться, не от кого ждать утешений. Самым неприятным являлось сознание того, что винить ей в этом можно было только саму себя. Не то чтобы она завидовала счастью Кордри и Меган, просто чувствовала бы себя лучше, не проявляй они свои чувства так открыто.

Выйдя на улицу из затемненной овчарни, Атайя зажмурилась, на мгновение ослепленная ярким солнечным светом. Опьянев от аромата свежей травы и диких фиалок, она спустилась с пригорка и направилась к расположенному неподалеку пруду.

Кордри, естественно, ничего не помнил о своем походе в мрачное заведение, о локе и о том, что произошло, когда его доставили домой. И не поверил бы рассказам отца, если бы появившаяся на следующий день Атайя не подтвердила его слова. Сначала юноша, конечно, был ошарашен необходимостью принять магию, ведь с самого детства слышал о ней только ужасающие истории, а также тем, что его отец, сам того не очень-то желая, стал союзником принцессы «вне закона». Но, поняв, что должен выбрать один из двух выходов — либо обучиться магии, жениться на Меган и продолжать жить, либо сойти с ума и принять обряд отпущения грехов, — Кордри, недолго думая, предпочел первое.

Он не отказался от предлагаемой ими помощи, но и не принял ее с распростертыми объятиями. Точнее, смирился с перспективой обучаться магии, как с неизбежной помехой на пути. И не потому, что находил колдовство опасным или страшным, просто был слишком увлечен делами фабрики. Он отметил, что светящиеся шары и визуальная сфера действительно могут оказаться полезными, но больше думал о том, по какой цене стоит продавать сукно высшего качества в Селваллене.

Атайя сбросила туфли и опустила ногу в воду. Гладкая поверхность заколыхалась и через несколько секунд снова выровнялась. Собственная магия явилась для Атайи смыслом жизни, указала путь, дала уверенность, которой раньше ей так не хватало. Только сейчас она поняла, что на свете бывают люди, у которых в девятнадцать лет уже есть устремления и определенные цели, для которых магия является лишь побочным, не важным явлением.

Это ненадолго, — утешала себя Атайя, стараясь принять ситуацию как есть. — *Когда он обучится основным заклинани-*

ям, может никогда ими больше не пользоваться. Зато останется в живых...

Она пожала плечами и прилегла на мягкую траву, оглядывая с улыбкой овчарню — «школу колдунов». Ранальф и Кейл быстро перестелили крышу и залатали дыры в стенах. Но на настоящий момент в школе обучался всего один ученик. Выполнением преподавательских обязанностей занялись Атайя и Тоня, а Ранальф, Мэйзон и Кейл целыми днями бродили по городу, распространяя слухи о том, что где-то на окраине группка колдунов дает уроки колдовства всем желающим. Таким образом они надеялись привлечь нуждающихся в помощи.

Наиболее удачными оказывались походы в местные пивные: там всегда бывало полно народу, новости и сплетни распространялись среди посетителей подобных заведений молниеносно. Камерон захотел навестить родных и ненадолго уехал в свою деревню. Ему поручили заодно разузнать, нет ли в их поселении молодых лорнгельдов. В случае необходимости он мог привезти кого-нибудь с собой.

Вообще-то для начала дела идут не так уж и плохо, — мысленно успокоила себя Атайя, прекрасно сознавая, что не все из запланированного ею ранее получается. После первой встречи с Джарвисом она поняла также, что обращаться к бывшим друзьям и единомышленникам Кельвина еще слишком рано. Если Джарвис так недружелюбно воспринял ее, то они и слушать ничего не захотят. Позже, когда удастся добиться успеха, когда можно будет привести реальные доказательства того, что ее устремления благородны и чисты, только тогда она обратится к ним за поддержкой.

А пока придется рассчитывать только на собственные силы и помощь своих соратников.

Неожиданно Атайя заметила вдалеке какое-то движение. Повернув голову и прищурив глаза, она увидела темное пятно на горизонте. Сначала было невозможно разглядеть, что это, но пятно приближалось и через несколько минут превратилось в толпу неприглядного вида людей. Человек двадцать мужчин в ветхих одеждах приблизились к подножию холма и

вот уже начали взбираться вверх. Некоторые из них держали в руках горящие факелы, другие — луки со стрелами, третьи воинственно размахивали пиками и огромными ножами. Один человек, хоть и находился еще на достаточно большом расстоянии, показался девушке очень знакомым и напомнил о чем-то неприятном.

Атайя рванула к овчарне.

— К нам пожаловали гости, — задыхаясь от волнения, выпалила она, вбежав внутрь. — По-моему, они замыслили недоброе. Тоня, нам стоит выйти им навстречу вдвоем.

Меган подошла к стене и выглянула в узенькую щель.

— Джилберт Аймс! Наверное, он проследил за мной. Я видела его сегодня в центре города.

— И почему этот тип причиняет нам столько неприятностей? — гневно пробормотала Атайя. — Я-то думала, он друг сэра Джарвиса...

— Джилберт — злобный и подлый человек! — отчаянно воскликнула Меган. — Тридцать лет назад его жену отдали в руки священников для «спасения души». С тех пор он страдает болезненной страстью — ходит на все обряды отпущения грехов, независимо от того, знал он человека или нет. Создается впечатление, что наблюдение за чужими страданиями приносит ему облегчение и удовлетворение.

Атайя повернулась к Кордри:

— Вы с Меган оставайтесь здесь. Джилберт не должен вас видеть.

Они с Тоней вышли на улицу и немного спустились с холма. Теперь толпа была уже совсем рядом: небритые, неряшливо одетые люди воинственно приближались к женщинам, переговариваясь между собой и смачно ругаясь.

— Вот об этом я тебе рассказывала, — шепнула Тоне Атайя, кивком указывая на предводителя. — Только бы ни у кого из них не оказалось корбала! Без Кейла и Кама нам с ним не справиться. Есть Меган, и она довольно стойкая, но не настолько, чтобы вступать в бой с двадцатью мужиками!

— Да кто из священников даст им такую драгоценность? Любой из этих оборванцев не задумываясь обменял бы крис-

талл на пиво на первом же углу, — подбоченившись, ответила Тоня.

Атайе хотелось этому верить, но страх до последней минуты не покидал ее. Вскоре толпа остановилась в нескольких шагах от них. Пытаясь выглядеть устрашающими, некоторые из людей все-таки с опаской оглядывались, вероятно, боялись, что колдуньи выкинут какой-нибудь фокус.

Джилберт сделал шаг вперед, размахивая горящим факелом, словно распугивая крыс в подвале.

— Эй вы, сумасшедшие, — рявкнул он. — Убирайтесь к дьяволу! Там вам только и место!

Толпа поддержала его беспорядочным гулом. Плотный мужчина в выцветшем жилете по правую руку от предводителя крепко сжал в руке здоровенный нож и хотел было броситься на Атайю, но стоявший с ним рядом парень с всклокоченной рыжей бородой удержал его и что-то возбужденно зашептал ему на ухо.

— Чего вы от нас хотите? — спокойным голосом спросила Атайя. — Вы сильнее нас, вас больше. Мы — всего лишь беззащитные женщины!

— Хватит морочить нам голову! — заорал лысеющий человек средних лет. — Мы не поверим ни единому вашему слову. Все это дьявольские уловки!

Противники подошли ближе. Атайя не собиралась демонстрировать перед ними без особой надобности свои колдовские способности, но теперь понимала, глядя в переполненные ненавистью глаза, видя злобно сжатые губы, что одними уговорами ей не обойтись. Некоторые из собравшихся уже приготовились стрелять из луков, целясь Атайе прямо в сердце.

Послышался звук натянутой тетивы и свист пущенной стрелы. Атайя отреагировала мгновенно: подняла вверх руки и что-то шепнула. В эту же секунду вокруг нее появилась защитная стена, и стрела, ударившись о невидимую преграду, засверкав синими искрами, разлетелась на мелкие кусочки и упала к ее ногам.

— Вам нас не победить, — воскликнула Атайя, надеясь сломить уверенность противника в собственных силах. — Но

мы и не собираемся с вами воевать. Уходите и оставьте нас в покое!

— Не видать вам покоя, дьявольские отродья! — выкрикнул кто-то из толпы, а остальные шумно поддержали его улюлюканьем и оглушительным свистом.

Несколько горящих стрел устремились в Атайю и Тоню, но все они, подобно первой, столкнувшись с защитной стеной, рассыпались в щепки.

Ладно, — подумала Атайя. — *Если не хотите договариваться по-хорошему, придется вас припугнуть.*

— Стоит мне только захотеть, — произнесла она решительным, властным голосом, каким нередко разговаривал Кельвин, — и я просто *заставлю* вас покинуть это место. Не вынуждайте меня прибегать к решительным мерам, а не то сильно пожалеете об этом!

— Мы не боимся твоих проклятых заклинаний, ведьма! — заверещал Джилберт. — С нами Бог!

Тоня насмешливо скривила губы.

— Все они так говорят. А потом идут и рвут на куски друг друга. Все во имя Господа!

В это самое мгновение Атайя заметила, как очередная огненная стрела пролетела сантиметрах в десяти над ее головой, минуя, таким образом, защитную стену и устремляясь к овчарне. Солома на крыше тут же вспыхнула оранжевым пламенем.

Послышались крики. Кордри и Меган выскочили на улицу, отгоняя от себя руками едкий дым.

— Вот он! — ликуя от радости, крикнул Джилберт. — Я говорил вам, что сын Джарвиса — один из них. И дочка Лоринга с ним заодно! Я так и знал!

Воодушевленное видом горящей овчарни и перепуганных Кордри и Меган собранное Джилбертом войско приготовилось нанести последний, решительный удар. С воинственными криками мужчины двинулись вперед.

Атайя соображала быстро и трезво. Причинять боль противникам не стоило, тем самым она только доказала бы им,

что магия действительно опасна. Но одного заклинания защитной стены было уже недостаточно.

На этот раз я не допущу глупых ошибок, мастер Хедрик! — сказала про себя Атайя и резко запрокинула голову, вспоминая каждую мелочь о погодных заклинаниях, заученную когда-то на занятиях.

— *Erumpat caelum!* — выкрикнула она, вкладывая в команду все свои силы.

Хедрик, будь он сейчас здесь, непременно возгордился бы ученицей. Результат последовал незамедлительно, ошеломляя всех неожиданностью и мощью. По приказу Атайи небо тут же почернело, сильнейший ливень в мгновение ока затушил крышу, горящие факелы и промочил насквозь всех, кто находился на улице. Многие из команды Джилберта рванули назад, но бежать становилось все труднее и труднее: сухая земля буквально на глазах превращалась в непролазную грязь. Звучные раскаты грома оглушали, а вспышки молнии казались необыкновенно зловещими и устрашающими. Вскоре все дружки Джилберта, не на шутку испугавшись, уносили ноги подальше от проклятого места.

— Трусы! — орал им вслед предводитель, топая ногами, словно разгневанный ребенок. — Жалкие трусы! Черт вас всех побери!

Джилберт повернулся к Атайе, порываясь в одиночку расправиться с ней, но понял, что у него ничего не выйдет. С потушенным факелом, до нитки промокший, без поддержки, он вдруг ощутил себя жалким и беспомощным. Выкрикивая проклятия, бедолага поплелся вслед за своим войском, увязая в грязи, гневно размахивая кулаками.

Только когда Джилберт скрылся из виду, Атайя остановила грозу. Темные тучи неестественно быстро рассеялись, небо просияло, опять ярко засветило солнце. Атайя вздрогнула от прикосновения теплых лучей.

А ведь ливень намочил не только противников, но и других, ни в чем не повинных людей, — размышляла она, вытирая с лица крупные капли.

— Ты, я сказала бы, даже перестаралась, — заметила Тоня, выжимая промокшие волосы. — Зато избавились от незваных гостей.

— Избавились хотя бы на время, — ответила Атайя. — А ты могла бы и помочь мне.

Она шутливо помахала пальцем перед лицом мастера Тони.

Та лишь пожала плечами.

— Конечно, могла бы. Если бы возникла такая необходимость.

Они вернулись в овчарню, где уже сидели Кордри и Меган. Дождь хлынул вовремя: огонь не причинил старому загону серьезных повреждений. В крыше зияла дыра, но совсем небольшая, все же остальное осталось нетронутым.

После визита Джилберта и его команды продолжать занятия было невозможно. Более того, этот визит вынудил Атайю принять важное решение, о котором, она надеялась, не придется жалеть в будущем.

— Полагаю, Кордри, теперь ты должен будешь на протяжении какого-то времени жить с нами в лесу, — задумчиво сказала Атайя, поворачиваясь к ученику.

Кордри поднял вверх голову, изображая храбрость.

— Зачем? Если я научусь вызывать такую же грозу, эти мерзавцы просто побоятся ко мне приближаться!

— Да, но что прикажешь делать своему отцу или Меган? Их непременно обвинят в укрывательстве тебя от церкви. Они не в меньшей, чем ты, опасности.

Меган, видя, что Кордри собирается возразить, положила ему руку на плечо.

— Милый, слушай, что тебе говорят. Принцесса права, там ты будешь в безопасности. — Она улыбнулась. — Твой отец может заявить, например, что ты сбежал, а я стану рассказывать всем, как дьявол забрал у меня любимого. Еще скажу, что сегодня приходила сюда для того, чтобы отговорить тебя заниматься магией. Пройдет какое-то время, и люди позабудут о тебе, появятся другие сплетни. А потом, когда ты

пройдешь обучение, мы... Тогда мы придумаем, как действовать дальше.

— И куда податься, — угрюмо добавил Кордри, уставившись в пол. — Мы должны будем начать новую жизнь совсем в другом городе, Меган. Джилберт разболтает всем о том, что случилось сегодня. И ни у кого относительно меня не останется уже ни малейшего сомнения. Конечно, ничего нельзя доказать, но скандал никогда не уляжется окончательно. И делом отца я не смогу уже заниматься, и твоей мечте о нашем венчании именно в соборе Кайбурна не суждено сбыться...

Меган раздраженно покачала головой.

— Знаешь, любимый, я согласна обвенчаться с тобой хоть в этой овчарне! — Она звучно чмокнула Кордри в щеку и подмигнула ему. — Только сначала отремонтируем крышу!

В этот же день два путника направлялись на север по главной дороге, ведущей из рэйкской столицы в Улард. Деревья еще стояли голые, унылая погода действовала угнетающе.

Ат Луан остался позади и темнел теперь вдалеке расплывчатым, затянутым туманом пятном. С того момента, как Джейрен выехал из северных ворот замка, он постоянно оглядывался назад и с каждым разом становился все более печальным. Не то чтобы ему не хотелось навестить родных, ведь с братьями и матерью они не виделись уже целый год. Но уезжая сейчас из Ат Луана, он словно бы разрывал последнюю тонкую нить, связывавшую его некогда с Атайей. А впереди ждало одинокое, безрадостное будущее...

— Похоже, небо немного прояснилось, — заметил Брайс, желая хоть как-то развлечь своего молодого господина, который за всю дорогу не проронил ни слова. — Если лужи высохнут, доберемся до дома без проблем.

Джейрен лишь угрюмо кивнул. Потом, спохватившись, повернул к нему голову и рассеянно улыбнулся. Брайс являлся для всех четырех сыновей сэра Иана чуть ли не вторым отцом и всегда был предан их семье. Он определенно не заслуживал такого к себе отношения.

— Прости, Брайс, сегодня мне не до разговоров. — Джейрен задумчиво взглянул вдаль. — Я все размышляю... кое о чем.

— Кое о чем? — переспросил Брайс, поднимая бровь и поглаживая бороду. — Или кое о *ком?*

Джейрен не ответил. Он уставился на слугу, прикидывая в уме, что ему может быть известно.

— Ни для кого не секрет, что вы чувствовали по отношению к ней, — дружелюбно сказал Брайс. — Вы с принцессой очень сдружились...

— Сдружились! — печально усмехнулся Джейрен. — Но мне хотелось не просто дружбы.

— Понимаю, — осторожно ответил слуга, боясь, что хозяин опять углубится в мрачную задумчивость. — Возможно, я не должен лезть не в свое дело, но я прекрасно знаю, что вы чувствуете. Я — ровесник вашего отца, но, поверьте, и нам, старикам, известны эти переживания: когда любишь кого-то, что ощущаешь, когда теряешь любовь.

Джейрен ухватился за незамысловатые слова поддержки, как утопающий за соломинку.

— Я надеялся, что она испытывает по отношению ко мне то же самое, Брайс. Думал, мы проведем остаток жизни вместе. Мечтал... — Он зажмурил глаза и отчаянно покачал головой. — Наверное, я сумасшедший.

— Колдуны время от времени сходят с ума, — добродушно пошутил Брайс. — Но если принцесса отказалась выйти за вас замуж, это еще не значит, что она вас не любит. Поверьте мне.

Джейрен недоверчиво взглянул на слугу.

— Но Атайя даже не попросила дать ей время на раздумья.

— Женщины — непонятные, непредсказуемые создания, мой друг. Ее отказ вовсе не означает, что принцесса не разделяет ваши чувства, я в этом уверен.

— Ты говоришь странные вещи!

— Я говорю о *женщинах.*

Джейрен хотел было что-то возразить, но вдруг нахмурил брови и изменился в лице.

— Подожди, а откуда ты знаешь, что я сделал ей предложение? Я делился этим только с Фельджином и Николасом.

Еще с мастером Хедриком, конечно. Он, естественно, заметил, что мы с Атайей сторонимся друг друга. Но все они поклялись мне, что никому не проболтаются.

Брайс уставился на дорогу и принялся усердно объезжать незначительную лужицу. Джейрен натянул поводья и остановился, молчаливо давая понять, что не сдвинется с места, пока не получит ответ на вопрос.

— Брайс?

Несчастный слуга сконфуженно поежился.

— Я услышал от кого-то...

— От кого? — не унимался Джейрен. — Если об этом каким-то образом стало известно всем в замке, то я больше никогда туда не вернусь.

— Не волнуйтесь, — пытался успокоить хозяина Брайс. — Это хранится в строжайшем секрете.

— Но кто мог сообщить об этом тебе?

— Ваш отец. — Брайс тяжело вздохнул.

Джейрен обеспокоился еще больше.

— Я говорил ему, что собираюсь сделать Атайе предложение, но о том, что уже разговаривал с ней, даже не упоминал. Тем более что она ответила отказом. Он замучил бы меня своим «я предупреждал тебя», — бормотал себе под нос Джейрен, затем, поразмыслив немного, резко повернул голову. — Ты определенно что-то скрываешь от меня! Кто сообщил отцу о нашей с Атайей беседе?

Брайс откашлялся, как собирающийся сообщить дурную новость вестник.

— Принцесса Атайя сама ему обо всем рассказала. Она очень разволновалась, узнав о вашем намерении последовать за ней в Кайт, и поэтому обратилась за помощью к лорду Иану.

Теперь Джейрену все стало понятно. Почему отец настоял на его поездке домой, почему был так настойчив, почему несколько раз упомянул о Кларе...

— Только не сердитесь на своего отца. Он любит вас, поэтому и поступил подобным образом.

Джейрен устало вздохнул.

— Я понимаю, Брайс, но разве можно так проявлять свою любовь?

— Они вместе придумали этот план. Принцесса Атайя попросила лорда Иана убедить вас поехать домой.

— Так вот почему она отказала мне... И не разрешила отправиться с ней в Кайт...

Неожиданно его лицо просияло. Все вокруг — земля, небо, даже голые унылые деревья — показалось ему вдруг ярким и выразительным.

— Атайя не безразлична ко мне, Брайс, — пробормотал Джейрен, обращаясь больше к самому себе, блаженно улыбаясь. — Она повела себя так лишь потому, что вбила себе в голову какую-то глупость: по ее мнению, я обязательно должен столкнуться со страшными неприятностями, как только переступлю через границу.

Он воодушевленно оглянулся назад. На дорогу обратно потребуется несколько часов. Нужно собрать вещи, сообщить о своих планах Фельджину и Николасу и прямиком — в Кайт. Ему известно, куда поехала Атайя. В Кайбурн. Такой крупный город разыскать совсем не трудно...

Брайс, будто прочитав мысли хозяина, помрачнел.

— Вы не можете так поступить. Вы обещали. Вас ждут дома.

Джейрен вернулся в реальную действительность.

— Верно. Надо съездить домой. Побуду там немного, потом поговорю с отцом и отправлюсь в Кайт.

Он задумался, потом добавил:

— Или лучше ничего ему не сообщать...

— Ему это не понравится, — проворчал Брайс.

— Я знаю, — ответил Джейрен. — Но когда-то мой отец должен понять, что его сыну уже не пять, а двадцать шесть лет, и что он вправе сам выбирать свою дорогу в жизни. Я уже ездил в Кайт. Съезжу и еще раз.

— Тогда вас не объявляли преступником...

— Пусть попробуют меня поймать!

— Но им уже удавалось поймать вас!

Джейрен махнул рукой.

— Ты не понимаешь меня, Брайс. И отец тоже. Я загорелся идеей помочь несчастным людям, я хочу внести в это свой вклад. Все в жизни давалось мне без особого труда. Я мечтаю принести кому-то пользу, добиться успеха.

Брайс угрюмо кивнул, не найдя подходящих слов, чтобы возразить на пылкие заявления и устремления молодого хозяина.

— А она не рассердится на вас? — спросил он спустя некоторое время.

— Атайя? О, конечно, рассердится! — ответил Джейрен, представляя, как пройдет встреча, и довольно улыбнулся. — Пошумит немного, но потом поймет, что я не намереваюсь упускать ее. Может, даже согласится еще выйти за меня замуж.

Брайс одобрительно кивнул.

— Надеюсь, все так и получится. Поверьте мне, я очень за вас переживаю.

Глава 13

Распространившиеся по городу слуху сделали свое дело: на следующей неделе в овчарню пришла молодая женщина по имени Джильда с темно-карими глазами и смуглой кожей, настолько испуганная и несмелая, что походила на загнанного в угол дикого зверька. Она почти не разговаривала и все время оглядывалась по сторонам, словно ожидала, что в любую минуту с ней может произойти здесь нечто ужасное. Атайя старалась вести себя как можно более доброжелательно и терпимо, но это не помогало. Джильда, казалось, все еще сомневалась, что предпочла обучение магии обряду отпущения грехов.

Как-то раз в середине апреля в пасмурный день Джильда сидела в одиночестве на лужайке с одуванчиками неподалеку

от овчарни. Оставив Кордри на попечение Тони, Атайя осторожно подошла к своей новой ученице. Ей было немного не по себе: когда Джильду представили виновнице гибели Кельвина, в ее глазах отразился ужас и презрение. Атайя никак не могла забыть этот взгляд, но старалась не выдать свои чувства. Джильда всегда держалась с ней настороженно и напряженно, опасаясь, наверное, что Атайя выберет ее в качестве очередной жертвы.

— Сегодня ты много занималась светящимися шарами. Устала? — спросила Атайя, дружелюбно улыбаясь.

Джильда не смотрела ей в глаза.

— Немного, — ответила она, еще больше опустив плечи, сорвала одуванчик и стала нервно крутить его в руках.

— Ты делаешь успехи, — похвалила ее Атайя. — Открою тебе один секрет: по сравнению с Кордри ты намного более способная ученица. Только не говори ему об этом.

Атайя надеялась, что на такие слова Джильда ответит ей хотя бы застенчивой улыбкой, но ничего подобного не произошло. Она еще больше напряглась, а по выражению ее лица можно было подумать, что ей хочется плакать.

— Мне еще долго придется ходить к вам? — еле слышно спросила Джильда.

Атайя нахмурилась и села на траву, поджав под себя ноги.

— Ты спросила об этом так, будто интересуешься, сколько дней ты еще проживешь на этом свете. Уверяю тебя, *мекан*, если его вовремя обнаружить и начать обучение, не смертелен. Еще несколько недель, и все будет в порядке.

Джильда едва заметно кивнула, но передернулась, будто почувствовала сильную боль. По всей вероятности, слова Атайи ничуть не порадовали ее.

— Что тебя тревожит? — спокойно спросила Атайя. — Создается впечатление, что ты находишься в постоянном напряжении. Боишься...

— Ничего я не боюсь! — воскликнула Джильда.

Атайя и не подозревала, что ее голос может звучать так уверенно и резко. Внезапная догадка ужаснула Атайю. Пове-

дение новой ученицы вызвано не робостью и нерешительностью, а отвращением. Атайя не раз наблюдала при дворе подобные картины: когда кто-то был вынужден улыбаться и кланяться тем, кого ненавидел.

— Почему ты пришла к нам? — спросила она.

Впервые с того момента, как они познакомились, Джильда взглянула Атайе прямо в глаза.

— У меня нет другого выбора.

Не очень вдохновляюще, но по крайней мере честно, — с грустью подумала Атайя.

— Я понимаю тебя. Обряд отпущения грехов...

— Я забочусь не о себе, — резко перебила ее Джильда. В ее темных глазах вспыхнули гневные искорки. — Я согласилась бы на обряд, если бы не... если бы не это. — Она положила руку себе на живот и с нежностью погладила по нему. — Этот ребенок... Он у меня первый. Я хочу подарить мужу сына.

От неожиданности у Атайи перехватило дыхание. Ей и в голову такое не приходило. По-видимому, беременность Джильды длилась недолго. Ее живот был плоским и упругим.

— Если священники забрали бы меня, они забрали бы и моего малыша, — продолжила она, с остервенением срывая еще один одуванчик. — Ради ребенка я готова на все, даже на обучение магии. Но я никогда не стану пользоваться тем, что вы показываете мне. Никогда. Все это неправильно и неестественно.

Атайя задумчиво смотрела в даль. Так вот почему Джильда так ведет себя! Да потому, что не верит в то, чем занимается, потому, что решилась на этот шаг, считая, что приносит себя — или даже свою душу — в жертву еще не родившемуся ребенку.

— А твой муж знает о том, что ты ходишь к нам?

— Нет, — твердо ответила Джильда. — И я не собираюсь рассказывать ему об этом. Я стараюсь все скрыть от него. Дурное настроение объясняю беременностью, забывчивость списываю на принимаемые лекарства. Он пока ни о чем не догадывается. Я не хочу, чтобы мой муж меня возненавидел, не хочу, чтобы узнал, что его жена — сумасшедшая колдунья!

На протяжении нескольких минут Атайя сидела молча. Разве могла она осуждать Джильду за нежелание открыться любимому человеку? Не прошло еще и года с того времени, когда самой принцессе объяснение с Тайлером о проявившихся у нее способностях представлялось немыслимым.

— Магию можно применять в разных целях, — сказала она наконец. — Возьмем, к примеру... светящийся шар. Он ведь, в сущности, почти то же самое, что и обыкновенная лампа. Если ты повесишь один такой светильник над кроваткой своего ребенка, чтобы он не боялся темноты? Что в этом плохого?

Джильда задумалась. Вероятно, эта мысль заинтересовала ее.

Атайя, приободренная такой реакцией, продолжила:

— Ты сама должна определить, что такое твоя магия. Для чего она дана тебе — для добра или зла. Господь наделил нас колдовством, равно как и всеми остальными способностями, а также и недостатками. Но распоряжаемся этим всем мы сами. Необходимо сделать правильный выбор.

На этом Атайя решила остановиться. Нужно было дать Джильде время на осмысление только что сказанных слов. Оставив ее на опушке, она задумчиво побрела по узкой тропинке, углубившись в нерадостные мысли. И Кордри, и Джильда обратились к ним за помощью лишь для того, чтобы остаться в живых. Сама магия нисколько не интересовала их, даже вызывала неприязненные чувства. По окончании тренировок оба махнут на свои способности рукой и никогда не прибегнут к помощи колдовства, и никто из окружающих их людей не узнает об их талантах. Если, не дай Бог, поблизости не окажется корбалового кристалла.

Ее внимание привлекли показавшиеся на дороге из города Кейл, Мэйзон и Ранальф. Атайя сразу поняла, что произошло нечто неприятное. Мэйзон шел позади, на расстоянии шагов пятнадцати от Кейла и Ранальфа. Шел не обычной легкой походкой, а устало брел, понуро опустив голову. Один раз он даже наступил на полу своей мантии и чуть было не упал, но устоял на ногах.

Атайя подскочила к приблизившемуся Ранальфу и кивком указала на Мэйзона.

— Что с ним?

Ранальф хотел что-то сказать, но передумал. Махнув рукой, он пошел дальше по направлению к овчарне, лишь пробурчал через плечо:

— Лучше спроси у него.

Через минуту к Атайе подошел Мэйзон. Подняв наконец голову, он взглянул на девушку так, словно собирался сообщить ей об исчезновении самого дорогого ее сокровища.

— У меня есть новость.

— Так и говори: плохая новость.

Никогда в жизни она не видела его в таком подавленном состоянии.

Мэйзон выпрямился и еще больше напрягся.

— Плохой ее назвать нельзя. Можно даже сказать, это хорошая новость. Смотря с какой стороны рассматривать. — Он наклонился и, сорвав длинную травинку, принялся рвать ее на мелкие кусочки. — Около недели назад мы проходили с Ранальфом мимо собора. Ему вдруг вспомнилось, как тот священник, что приходил к Джарвису, упоминал что-то о бьющихся в соборе стеклах.

Он сделал паузу, а Атайя уже сгорала от нетерпения.

— Не знаю, сколько времени я просидел в соборе, ожидая, что что-нибудь случится, — продолжил Мэйзон. — Было немного не по себе, опасался корбала, но все обошлось.

Он опять замолчал, пристально взглянув Атайе в глаза.

— И что же? — не вытерпела она.

— Наконец одно из стекол задребезжало и рухнуло на пол, я едва успел отскочить. Поблизости никого не было... Я нашел еще одного колдуна. Очень талантливого. Конечно, его способности не сравнить с твоими, тем не менее...

Его лицо на мгновение просияло, но тут же опять напряглось, глаза вновь потухли. Атайя ничего не могла понять. В ее школе обучались лишь два ученика. Найти третьего, кем бы он ни оказался, — большая удача.

— Мэйзон, это же замечательно! Где этот человек? Ты рассказал ему про нас?

— Н-нет. Я даже еще не подходил к нему. — Учитель смахнул с ладони изорванную травинку и отвел взгляд в сторону. — Сначала я хотел посоветоваться с тобой...

Страшное предчувствие сжало Атайе сердце, ее руки похолодели. Мэйзон вел себя слишком странно. Наверное, у него были на то веские причины. Что за колдуна удалось ему отыскать?

— Я знаю, кто он. Это не простой человек... Понимаешь, существует небольшое препятствие... — Учитель растерянно покачал головой. — Его зовут Алдус Монкарион. *Отец* Алдус Монкарион. Это новый помощник епископа Люкина.

Атайя вытаращила глаза и в первое мгновение хотела рассмеяться, восприняв услышанное за обыкновенную шутку, но тут же поняла: если Ранальф и способен на подобные выходки, то для Мэйзона они нехарактерны. Он терпеливо ждал ее реакции, но, так и не получив ответа, продолжил свой рассказ:

— Алдуса прислали на службу при соборе шесть месяцев назад, сразу после посвящения в сан. Из того, что мне удалось выяснить, он — человек одаренный. Прекрасно разбирается в теологии, отличный оратор. Ему всего двадцать пять, а это говорит о том, что у него выдающиеся способности, ведь остальные священники до тридцати с лишним лет являются дьяконами! Если *мекан* начинает проявляться в столь позднем возрасте, это означает либо что этот человек — личность весьма одаренная, либо что он не очень легок для обучения заклинаниям.

Атайя закрыла глаза и беспомощно всплеснула руками.

— Священник! — воскликнула она. — Разве возможно убедить священника отказаться от обряда отпущения грехов, Мэйзон?

— У нас еще есть время, — спокойно сказал учитель. — Насколько я смог определить, *мекан* у Алдуса только начался. До более страшных проявлений остается несколько недель.

Попробуем объяснить ему, что Господь уготовил ему несколько назначений...

— Священник... — повторила Атайя, все еще не веря в подобное.

Мэйзон улыбнулся, впервые за всю беседу.

— Вы мечтали убедить весь кайтский народ в исключительности колдовства. Вам представляется отличная возможность проверить свои силы на профессионале.

— Спасибо, Мэйзон, — ответила Атайя, поднимая бровь. — Ты подобрал нужные слова для поддержки...

— Вон он, — прошептал Атайе Мэйзон, когда на следующий день они заглянули внутрь собора через западную дверь. — Тот, что беседует с пожилой женщиной.

Погода стояла пасмурная, и в храме, освещенном лишь тусклым сиянием нескольких свечей, царил полумрак. До вечерней службы оставалось часа четыре, и в соборе было довольно пустынно. Несколько человек бесшумно молились, обращаясь к Господу. В заднем ряду сидел молодой мужчина в черной рясе. Он успокаивающе поглаживал руки женщины в черном платке, утиравшей морщинистое лицо серой измятой салфеткой. Время от времени священник бережно касался ее плеча, желая поддержать и утешить несчастную. Неожиданно он поднял голову и повернулся к двери. Атайя рассмотрела его лицо. Обрамленное темно-каштановыми кудрями, оно казалось нарисованным, настолько правильными и чистыми были его черты. Большие темные глаза излучали тепло и свет. Создавалось впечатление, что однажды этому молодому священнику посчастливилось увидеть самого Господа, и он несет свою радость людям, даря спокойствие и умиротворение одним только взглядом.

Атайя сняла промокший под дождем плащ и отдала его Мэйзону.

— Наверное, мне лучше пойти туда одной. А то решит, что мы задумали что-нибудь недоброе. Ты ведь здесь часто появлялся в последние дни.

— Я буду рядом.

Она осторожно, чтобы не поскользнуться в мокрых туфлях на гладком полу, прошла внутрь, села неподалеку от священника и женщины и, сложив руки перед собой, притворилась, что молится.

— Я не могу без него жить, святой отец. Мы были женаты сорок лет. Я не представляю, что мне делать одной, — говорила, рыдая, женщина.

— Вы не одна, дорогая моя, за вами постоянно наблюдает Господь. — Голос священнослужителя звучал ясно и ласково. — Вы должны радоваться тому, что душа вашего мужа вознеслась на небеса. Наступит день, и вы снова встретитесь с ним.

— Но почему вы так уверены в этом?

— Потому что я чувствую это. Я знаю, — добродушно ответил священник. — Это настолько же естественно, как то, что дождь когда-то заканчивается, что солнце садится вечером, а утром вновь восходит.

— А зачем мне ждать? — шмыгнув носом, спросила женщина. — Если у меня есть возможность опять встретиться с ним, я готова сегодня же умереть.

— Смерть — непременное событие в жизни каждого из нас, нам не стоит ее бояться. Но нельзя и желать ее преждевременного прихода. — Алдус пожал руку собеседницы. — Никогда не отказывайтесь от жизни. Это великий дар.

Женщина все еще колебалась, и священник продолжил:

— Никто не отнимает у вас права скорбеть по мужу, дорогая моя. Печаль и мучения составляют значительную часть нашей жизни. Не познав чего-то подобного, никогда не научишься по-настоящему радоваться и ценить все то хорошее, что имеешь. Вы испытываете безутешную боль, но Бог даст вам силы пережить ее, если вы позволите Ему. Доверьтесь Ему, и Он поможет.

Вдова успокоилась и, попрощавшись, направилась к выходу. Алдус проводил ее взглядом и благословил.

Когда женщина исчезла за дверью, святой отец, к великому удивлению Атайи, совершенно изменился в лице. В его

глазах появилась печаль и тоска, он опустил голову и сжал виски ладонями. Через пару минут его грусть сменилась полным смятением. Священник еще раз взглянул на дверь, как будто хотел догнать вдову и сказать, что солгал ей, что совершил ошибку, что просто хотел помочь, поэтому пытался убедить в том, во что сам не верит. Конечно, он не сдвинулся с места. Просто сидел на том же самом месте, отрешенно уставившись в каменную колонну.

— Отец Алдус?

Алдус резко повернул голову и увидел Атайю.

— Мы знакомы? — спросил он и вопросительно поднял бровь.

— Я слышала, как вы разговаривали с женщиной. — Атайя подошла к священнику и села рядом с ним. — Всего несколькими словами вы смогли поселить в ее сердце надежду, надежду, которой у нее никогда не было. У вас дар. И это не единственный ваш талант, — многозначительно добавила она.

— Я рад слышать это, мисс, но...

Голос Алдуса оборвался, и он отчаянно покачал головой.

— Пожалуйста, расскажите мне, о чем вы думаете, — ласково попросила Атайя. — Мне кажется, вам необходимо поделиться с кем-нибудь своими переживаниями. Я не священник, но у меня есть уши.

— Сейчас помочь мне можно, только выслушав, это верно... — угрюмо пробормотал Алдус. — Но, боюсь, со своей проблемой я должен разобраться сам.

— Вы говорите о женщине, которая только что приходила к вам?

— Не совсем... Понимаете, я должен вдохновлять людей, вселять в них уверенность в божественной силе. Мне нравится заниматься этим, но иногда... Иногда меня раздирают сомнения... Имею ли я право убеждать кого-то в том, в чем сам сомневаюсь?

Такие проблемы мучают не только тебя, мой друг, — подумала Атайя.

— Вы не верите в существование Бога? — спросила она.

— О нет! — с жаром ответил Алдус. — Подобных мыслей у меня никогда не возникало! В этом я уверен больше, чем в чем бы то ни было. — Его голос звучал уверенно и четко, но через мгновение появившиеся в глазах искорки вновь погасли. — Я убеждал женщину не бояться смерти. В этом-то и заключается мое внутреннее противоречие. В церковь я пришел не случайно, а по призванию. Я люблю свое дело... Но сама мысль о смерти страшит меня, и я чувствую себя шарлатаном. Я должен верить в то, во что прошу поверить людей.

— Мне кажется, умирать вам рановато. — Атайя сделала паузу, тщательно обдумывая следующую фразу. — Задумываться о смерти в столь раннем возрасте приходится лишь тем людям, которые становятся колдунами. Их лишает жизни обряд отпущения грехов.

Атайя заметила, что добилась желаемого результата: Алдус не смотрел на нее и ничего не ответил, но его дыхание участилось, а вены на шее вздулись от напряжения.

— Болтают, что где-то за городом появились колдуны, — продолжила Атайя. — Ходят разные слухи...

— И это не просто слухи, — взволнованно воскликнул Алдус и перекрестился. — Несколько дней назад группа мужчин пыталась прогнать их, но у них ничего не получилось. Колдуны сыграли с ними какую-то злую шутку при помощи магии.

Атайя пристально посмотрела Алдусу в глаза.

— А вдруг выяснится, что вы — один из них? — напрямую спросила она.

— Это невозможно, — выпалил священник. — Во-первых, я уже не в том возрасте, во-вторых, служу Господу. Дьявол не имеет надо мной власти.

— Дьявол тут ни при чем, как утверждают сами колдуны. Они считают свои способности божественным даром. — Атайя, не дав ему возможности возразить, решила перейти к открытому разговору. — В последнее время вы часто пребываете в каком-то смятении, у вас резко меняется настроение, я права, Алдус? Иногда вам кажется, что вы совершенно те-

ряете над собой контроль. В такие минуты вы, помимо своей воли, можете, например, разбить стекло. Вы не понимаете, что с вами, верно? А когда вы приближаетесь к тому подсвечнику, вон там, на алтаре, чувствуете слабую боль...

— Хватит! — вскрикнул Алдус, вскакивая с места. Он попытался скрыть свой испуг под видом гнева, но у него ничего не вышло. — Не говорите мне такие вещи!

— Почему? Все, что я сказала, соответствует действительности, не так ли? Вы испытываете страх?

— *Кто вы?* Что вам от меня нужно? — срывающимся голосом спросил Алдус.

Атайя тоже поднялась со скамьи и дотронулась ладонью до руки священника, но тот резко отдернул ее, словно от заразного больного. Девушка проникла в его мозг, проверяя, в каком состоянии он находится. Хотя тропы только-только начали формироваться, отчетливо чувствовалась сильная мощь.

— Пойдемте со мной, Алдус. Позвольте мне показать вам, насколько вы талантливы. Господь щедро одарил вас...

Священник остолбенел. На протяжении нескольких мгновений он, казалось, не мог дышать. Его руки сильно задрожали, а лицо на глазах побледнело.

— Отец Алдус, вы уже здесь?

Низкий мужской голос раздался так неожиданно и прозвучал так громко, что и без того перепуганный до смерти Алдус чуть не выскочил из сандалий. Он вытер рукавом проступивший на лбу пот и прошептал благодарственную молитву за своевременное прекращение жуткой беседы.

— Д-да, я здесь, епископ.

Епископ? Нет! Только не сейчас!

Атайя инстинктивно отпрянула назад.

Послышались торопливые шаги. Через несколько секунд здесь должен был появиться Люкин. Убежать Атайя не успела бы, но допустить столкновение с епископом не могла. Как член Курии прошлым летом Люкин провел в Делфархаме несколько недель, выслушивая длинные речи Кельвина о

необходимости изменения участи лорнгельдов и настойчиво отвергая их. Он, конечно, сразу узнал бы ее.

В момент, когда епископ появился из затемненного коридора, Атайя исчезла из виду, прячась под невидимым покровом.

В свои сорок один Джон Люкин являлся одним из наиболее молодых епископов Кайта. Черноволосый, со слегка посеребренными висками, он был высок и мускулист. Когда Атайя впервые увидела его, то подумала, что профессия воина подошла бы этому человеку гораздо больше. Однажды архиепископ Вэнтан предложил Люкину провести службу в соборе Святого Адриэля. Раскатистый, звучный голос епископа произвел тогда на Атайю неизгладимое и почему-то неприятное впечатление. По крайней мере, решила тогда она, прихожанам не захочется спать.

— А, вот ты где, Алдус. Я ищу тебя повсюду... Господи! Ты так бледен! Заболел?

Молодой священник растерянно поклонился епископу.

— Нет... Эта женщина... Она...

Алдус повернул голову, но, никого не обнаружив рядом, задрожал всем телом.

— Но ведь еще секунду назад я видел ее... Она стояла здесь...

Лукин сильно нахмурился.

— Кто?

Атайя затаила дыхание, когда Алдус стал всматриваться в воздух и нервно потирать глаза.

— Демон! Вот кто это был... — испуганно забормотал он. — Неспроста все болтают о колдунах.

— Отец Алдус, о чем это вы?

Алдус шумно сглотнул.

— Демоны! Мы в большой опасности, епископ!

Торопливо и сбивчиво Алдус принялся рассказывать епископу о случившемся с ним. На лице Люкина отражались то обеспокоенность, то гнев. Постепенно, сопоставив разгули-

вавшие по городу слухи со странным рассказом своего ассистента, он начал понимать, в чем дело.

— Подожди, как, ты говоришь, она выглядела?

Алдус еще раз кратко описал свою недавнюю собеседницу, и в глазах Люкина заиграли злобные огоньки.

— Мне кажется, я знаю этого демона, — медленно произнес он, поглаживая подбородок.

— Что, простите?

— Ничего, — твердым голосом ответил епископ. — Но, думаю, ты прав. По Кайбурну разгуливают дети дьявола. А сегодня одна из них попыталась завлечь в свои сети служителя Бога!

— Она хотела, чтобы я пошел за ней, но я не послушал ее...

— И правильно сделал. Ты пережил сильный шок, Алдус. Иди приляг. Я попрошу отца Гресте, чтобы заменил тебя сегодня во время вечерней службы.

Алдус обрадовался возможности прийти в себя. Поблагодарив епископа, он со всех ног бросился прочь и чуть было не сбил Атайю с ног, но она успела отскочить в сторону.

Несколько минут Люкин сосредоточенно размышлял о чем-то, затем направился к пожилому человеку в черной рясе, старательно протиравшему позолоченные чаши в дальнем углу. Атайя пошла за ним. В промокших туфлях ступать было неудобно, и она осторожно сняла их по пути.

— Отец, подойдите ко мне, — воскликнул Люкин. — Во-первых, мы должны срочно написать письмо королю. Во-вторых, моему помощнику нездоровится.

Старик с готовностью отложил в сторону тряпку и подскочил к епископу.

— Произошло что-нибудь неприятное?

— Нет, мой друг. Напротив. — Люкин злобно улыбнулся, обнажая белые острые зубы. Можно было подумать, что он ест ими не только мясо, но и разгрызает кости. — Попрошу тебя об одном: никому ни слова. Мне кажется, я обнаружил, где находится неуловимая сестрица его величества.

Епископ стремительно зашагал прочь, старик, потешно подпрыгивая, запутываясь в длинных полах рясы, поспешил за ним. Атайя, хоть до сих пор находилась под покровом, неуютно поежилась и побрела к выходу. Ей чудилось, что у двери ее уже ждут гвардейцы короля. Она сознавала, что это лишь игра воображения, но понимала, что очень скоро ее видения превратятся в реальность.

Через неделю после выезда из Ат Луана Джейрен и Брайс свернули с главной дороги на более узкую и извилистую, ту самую, которая к вечеру следующего дня должна была привести их в фамильное имение Маклаудов. Погода стояла пасмурная и дождливая, и вокруг не было ни души. Но Джейрен, казалось, не замечал уныния природы, потому что был слишком поглощен составлением планов на будущее. Он уже не сомневался в том, что отправится в Кайт независимо от того, благословит его отец или нет.

— Я познакомился с ней в таверне, — сообщил Джейрен Брайсу.

Если его верный слуга и устал от бесконечных рассказов об Атайе, то хорошо скрывал это. Во всяком случае, у Джейрена за семь дней поездки не возникло такого ощущения, и он с воодушевлением продолжал:

— В тот вечер на ней были старые одежды брата, она обыграла в карты какого-то Ральфа и выпила целый кувшин вина, прежде чем я подсел к ней. — Джейрен покачал головой и рассмеялся. — Таких женщин я не встречал ни разу в жизни.

— И не встретите. Она действительно совсем не похожа на остальных.

Узкая дорожка свернула в сосновый лес. На зеленых иголках висели крупные капли дождя, как маленькие сосульки. С востока подул сильный ветер, пронизывающий и слишком холодный для середины апреля. Но Джейрен лишь плотнее затянул пояс на плаще.

— С самого начала я знал, что Атайя рождена для великих дел. И мастер Хедрик был в этом уверен.

Они повернули налево. Лошадь Джейрена замедлила шаг и раздула ноздри, принюхиваясь, словно почуяла запах какого-то зверя. Он ласково потрепал ее по шее, шепнул что-то ей в ухо, и лошадь послушно продолжила путь.

— Пройдет какое-то время, и Атайе удастся изменить жизнь лорнгельдов Кайта, я в этом не сомневаюсь. И хочу ей помочь, больше всего на свете я хочу помочь ей, Брайс.

Послышался свистящий звук, а через секунду ногу Джейрена обожгла сильная боль, и он едва удержался в седле: у него из бедра торчала стрела.

Голову словно пронзила сотня острых игл, и в первое мгновение он ничего не мог понять, но, увидев сквозь появившийся перед глазами туман кольцо с белым камнем на узкой лопасти стрелы, догадался, в чем дело.

Безумную боль вызывал корбаловый кристалл. Послышался топот копыт, и из леса появились четверо всадников.

— Брайс! Уезжай отсюда! Быстрее! — из последних сил закричал Джейрен, но ответа не последовало.

Стиснув зубы от ослепляющей боли, он повернул голову. Стрела, предназначенная для Брайса, угодила в самое его сердце. Джейрен видел, как верный слуга, человек, подобно отцу, с самого детства находившийся рядом с ним, медленно падает с лошади, видел, как на его сером плаще возникает, разрастаясь на глазах, ярко-алое пятно. Ему хотелось закричать от ужаса и отчаяния, но в горле пересохло, а боль уже сводила с ума.

Джейрен хотел было, несмотря на раненую ногу, пришпорить лошадь и умчаться с этого места, но животное, почуяв запах крови, отказывалось слушаться. Всадники подступили ближе, заключая его в кольцо.

Один из них грубо выдернул стрелу из бедра Джейрена, явно ожидая услышать мучительный крик. Но Джейрен не издал ни звука. Двое других схватили юношу под руки, стащили с лошади и поволокли в глубину леса. Он почувствовал,

как в спину больно врезается сук, когда его швырнули к высокой сосне.

Наконец к нему приблизился предводитель компании. Он склонился над своим пленником, свирепо поблескивая совиными глазами. Его было хорошо знакомо Джейрену.

— Вот мы опять встретились, колдун, — прошипел капитан Парр, злобно улыбнулся и повертел в руке окровавленную стрелу, затем поднес ее ближе, радуясь отражавшимся во взгляде Джейрена приступам боли. — Я долго подбирал подходящее для беседы место, — вновь заговорил Парр. — Мы следовали за тобой из самого Ат Луана.

Джейрен молчал, прекрасно сознавая, что любое слово будет ему дорого стоить, и пристально смотрел на кристалл, будто пытался разбить его взглядом.

— Не ожидал повстречать нас здесь, так ведь? Я с тобой разговариваю, колдун проклятый! Отвечай, когда тебя спрашивают! — приказал Парр и с силой ткнул Джейрена кулаком в живот.

Тот окинул капитана ненавидящим взглядом, но продолжал молчать.

— Неужели ты подумал, что мы поверили твоей наглой лжи, колдунишка? К сожалению, Атайя уехала в Кайт без нас. Но и тебя почему-то оставила. А мне показалось, вы с ней довольно близки. — Он сделал паузу, ухмыляясь. — Впрочем, это не так важно. Теперь, когда она узнает, что ты у нас в руках, быть может, поступит как-нибудь необдуманно и тоже рано или поздно попадется нам на крючок.

Джейрен больше не мог сдерживаться и со всей силы пнул капитана по ноге, но такой реакции и ожидал от него Парр: с остервенелой ухмылкой он подал знак своим людям, и на Джейрена обрушился поток беспощадных ударов.

— Что это было? — спросил у Джейрена Парр, когда солдаты отступили от него. — Вступился за прекрасную даму? Так слабо? — Он отвратительно усмехнулся. — Что ж, принцессу мы не поймали, но вернемся в Кайт с ненамного менее желанной для его величества добычей. За последнее время

король немало узнал о ваших штучках. Об этих кристаллах, например. — Парр с восторгом посмотрел на камень. — Ваша боль напрямую зависит от размеров и формы корбала. У Родри мы обнаружили массу интересных записей. Все описано очень понятно и подробно.

На Джейрена это сообщение не произвело особого впечатления.

— Вот этот камушек нам прекрасно подойдет, — продолжил Парр. — Он достаточно крупный, чтобы не дать тебе возможности воспользоваться своими проклятыми заклинаниями, но в то же время у тебя останутся силы, чтобы доехать с нами до Кайта.

— Вас кто-нибудь обнаружит, — вымолвил наконец Джейрен. — Вас схватят.

— Об этом не беспокойся. Мы поедем безлюдными дорогами. Кстати, хочу предупредить тебя. — Он постучал по привязанной к седлу металлической фляге. — Тебе придется немало выпивать. Если у кого-нибудь возникнут какие-то вопросы, мы ответим, что мы — компания друзей. Помогаем перепившему парнишке добраться до дома. Здорово придумано, а?

Мерзкая улыбка исчезла с лица Парра. Он схватил Джейрена за шиворот и процедил сквозь зубы:

— Ведь у твоего папаши есть еще сыновья?

— Сэр, — прервал его один из воинов. — Пора отправляться в путь. На дороге где-то на расстоянии мили за нами следовал еще один всадник. Скоро он догонит нас.

Парр раздул ноздри, расстроенный, что ему не дали вдоволь насладиться беседой с захваченным в плен колдуном.

— Хорошо. Бернс, веди сюда их лошадей и привяжи к нашим. А ты, Хью, оттащи поглубже в лес тело и накрой его чем-нибудь. Думаю, когда его обнаружат, мы уже будем далеко. Подайте мне веревки.

Затем вновь повернулся к Джейрену.

— Мы едем с тобой в Кайт, ты и я. На этот раз убежать тебе не удастся.

Пленного крепко связали и, усадив на лошадь, двинулись в путь. Джейрен посмеялся в душе, изнывая от боли, над нелепостью ситуации. Целую неделю он мечтал отправиться в Кайт, целую неделю строил планы на будущее. Его мечта сбылась намного раньше. К сожалению, появиться в Кайте ему придется не в роли жениха, а в роли захваченного в плен преступника.

Глава 14

Через три дня после разговора с отцом Алдусом Атайя все еще пребывала в мрачном настроении. Она отказалась выйти к ужину, сидела у окна и рассеянно наблюдала за собравшимися у костра друзьями. В воздухе вкусно пахло тушеной крольчатиной, приготовленной Тоней, но принцессе не хотелось есть.

В глубине души Атайя сознавала, что не должна себя винить в неудаче, но никак не могла отделаться от угрюмых мыслей. Она заговорила с Алдусом, дала ему понять, что не один он знает о том, что с ним происходит, а потом покинула его в полном смятении, так и не убедив в непорочности магических сил. Позднее принцесса дважды возвращалась в собор, но его нигде не было видно.

Когда-то наступит момент, размышляла Атайя, и Алдус признается епископу в своих подозрениях. Они вместе назначат день для проведения церемонии отпущения грехов. На душе у нее становилось отвратительно, когда она думала о том, что дала Алдусу повод считать ее *демоном*. Защитный покров был ей в той ситуации необходим, иначе она не смогла бы спастись — или по крайней мере не успела бы придумать другой выход из положения, но понимание этого не очень-то помогало. Слухи о попытке «сбить Алдуса с пути истинного» за несколько дней облетят весь город. Епископу Люкину это только поможет.

Сейчас Атайе безумно хотелось обладать хотя бы половиной ораторских способностей отца. Кельвин мог при помощи нескольких точно подобранных слов настроить армию на победу, заставить целое государство верить своему королю и не сомневаться в его правоте. С самого детства она наблюдала за подобными явлениями, поэтому-то, наверное, так свято верила, что и у нее все получится гораздо быстрее, чем оказалось на самом деле.

Устремив взгляд в безоблачное небо, Атайя прошептала:

— Ты думаешь, что я преодолела недостаточно испытаний?

Неожиданно откуда-то из леса раздался приглушенный стон, и она вздрогнула.

Сидевшие у костра одновременно повернули головы, Ранальф и Кейл инстинктивно схватились за оружие. Через пару мгновений Тоня воскликнула:

— Кам, мы рады тебя видеть!

Ее фразу заглушили встревоженные возгласы остальных. Все повскакивали с мест и ринулись на окраину поляны.

Вернулись они с двумя другими людьми. По долговязой фигуре и взлохмаченным волосам Атайя сразу узнала Кама. А молодую женщину разглядела только тогда, когда та подошла ближе к костру и пламя огня осветило ее лицо. Даже из окна своей комнаты Атайя видела, что лицо бедняги покрыто синяками и перепачкано кровью, волосы перепутаны, а платье измазано грязью.

Атайя замерла от ужаса. Эта женщина была вовсе не новой колдуньей, приехавшей с Камом из Лефорта, это была Джильда.

Придя в себя после минутного оцепенения, Атайя рванула из своей комнаты и буквально слетела вниз по ступенькам, едва не сломав себе шею. Когда она подбежала к костру, Джильда уже сидела на бревне в плаще Мэйзона с тарелкой в руках. Ей, вероятно, совсем не хотелось есть, но она крепко сжимала деревянную посудину с тушеным мясом, словно боялась выронить ее.

Кам выглядел уставшим и серьезным и словно повзрослевшим на несколько лет.

— Я обнаружил ее на берегу реки, — угрюмо сообщил он Атайе. — Я и не думал, что она — одна из нас, но когда услышал от нее упоминание об овчарне, сразу понял, в чем дело.

— Наверное, вам с Кейлом следует подготовить для Джильды комнату. А Мэйзона и Ранальфа я попрошу осмотреть лес — вдруг кто-нибудь следил за Джильдой и Камероном?

Тоня отправила Кордри к ручью вымыть посуду после ужина, и, когда все разошлись, Атайя села на бревно рядом со своей ученицей.

— Не приближайся ко мне! — В глазах Джильды вспыхнула колючая ярость. — Все из-за тебя! — Резко отвернувшись, она склонила голову и замерла, погрузившись в свое горе.

Атайя озадаченно взглянула на Тоню. Та тоже подсела к Джильде и принялась ласково гладить ее по волосам.

— Ну, расскажи нам, что с тобой произошло, моя дорогая.

Джильда немного смягчилась, гнев и ненависть постепенно отступили от нее, уступив место безутешному страданию и безнадежности.

— Я размышляла над тем, что ты сказала мне в тот день. — Она немного повернула голову в сторону Атайи. — О том, как воспринимать свои колдовские способности — как зло или как благо. — В ее словах звучала обида и злость. — Я решила по твоему совету повесить светящийся шар над колыбелью, просто посмотреть, как это будет выглядеть. — Она замолчала, отчаянно покачала головой и еще больше опустила плечи. — Я даже не слышала, что он пришел! Никогда не забуду выражение его глаз: испуганное, презрительное... Он смотрел на меня так, будто я превратилась в самого дьявола. А потом... — Джильда громко всхлипнула, дотрагиваясь до опухшего лица. — Он кричал, что не хочет видеть нашего ребенка, что это будет исчадие ада, а не человек, что догадывался о

моем проклятии как только женился на мне, что вся наша жизнь вместе — ложь...

Она сделала глубокий вдох, чтобы продолжить свой рассказ.

— Я не могла воспользоваться заклинаниями, которым вы учили меня, ведь это мой *муж!* Но когда он ушел за священником, я поняла, что должна бежать. И теперь мне некуда идти. Если я вернусь домой, он убьет меня. Или отдаст на расправу в церковь... меня и моего малыша... — Не в силах вымолвить больше ни слова, Джильда закрыла лицо ладонями и беззвучно зарыдала, вздрагивая всем телом.

— Все будет в порядке! — Атайя положила руку ей на плечо. — Теперь ты в безопасности.

Джильда резко отдернулась.

— В безопасности? Вы во всем виноваты! Вы создаете столько проблем! Лучше бы я никогда не связывалась с вами!

В тот момент, когда гневные слова слетали с ее губ, огонь в костре вдруг взметнулся ввысь, увеличиваясь вдвое, достигая высоты старой часовни. Атайя отпрянула назад, боясь, что загорится юбка. Джильда истерично закричала, не то от страха, не то от сознания того, что виной неожиданному буйству огня является она сама.

— Ну-ну, только не это, — успокаивающим тоном пробормотала Тоня. — Не волнуйся так, а не то подожжешь весь лес.

Постепенно страх Джильды поулегся, тупо уставившись в пустоту, она обмякла, и казалось, вот-вот упадет без сознания.

Вскоре во дворе опять появился Кам.

— Комната готова, — сообщил он.

— Тогда пойдем. — Тоня взяла Джильду за руки и помогла ей подняться на ноги. — Сейчас я приготовлю тебе что-нибудь выпить, что-нибудь быстродействующее. И посижу с тобой, пока ты не уснешь.

Совершенно обессилевшая Джильда покорно последовала за Тоней, а Кам и Атайя остались вдвоем у огня.

— Она в ужасном состоянии, но раны и повреждения, к счастью, несерьезные, — сказала Атайя и устало потерла глаза.

Через несколько минут из леса вернулись Мэйзон и Ранальф.

— Никого не обнаружили, — сообщил Ранальф. — Но определить это было сложно. Наш многоуважаемый учитель спотыкался о каждую ветку и шумел, как стадо кабанов.

Мэйзон окинул бывшего наемника убийственным взглядом, но по тому, как торопливо он попытался перевести разговор в другое русло, можно было понять, что слова Ранальфа не лишены оснований.

— Как съездил в Лефорт, Кам? Домашние обрадовались?

Камерон замялся.

— Нельзя сказать, что обрадовались... Они... не знали, как себя вести. Мне показалось, что это место больше не является для меня домом. Когда я собрался уезжать, родители даже обрадовались... Им совершенно непонятно мое нынешнее занятие. Зато я кое-что нашел!

Он засунул руку в карман брюк, достал оттуда пригоршню медных монет и гордо протянул деньги Атайе.

— Опять нашел? — съязвил Мэйзон. — Наверное, заглянул в какой-нибудь церковный приход и решил, что медяки плохо лежат.

— Я не воровал их! — горячо воскликнул Кам. — В постоялом дворе, где я остановился на ночлег, произошла драка. Эти монеты выпали у кого-то и рассыпались по полу. Никто даже внимания на них не обратил, все продолжали наблюдать за потасовкой. Вот я и собрал их... Наверное, этим людям они нужны меньше, чем нам...

Атайя улыбнулась хитрости Камерона.

— Думаю, эти монеты нам скоро действительно понадобятся, — согласилась она, сознавая, что деньги, данные им Осфонином, на исходе. — Только, пожалуйста, не переусердствуй с «поисками», договорились?

* * *

— Я повторю свой вопрос, Кордри: что пишет мастер Сидра о методах создания защитных покровов?

— Что?

Кордри перевел обеспокоенный взгляд с двери на Атайю и виновато опустил глаза.

— Ты даже не заглянул в книгу, верно? — Она скрестила руки на груди и сердито покачала головой. — Самая страшная стадия твоего *мекана* позади, но это вовсе не означает, что ты можешь махнуть на занятия рукой.

— Я читал то, что вы задавали, — запротестовал Кордри. — Просто ничего не помню. — Он провел ладонью по потрепанному переплету учебника и пожал плечами. — Простите меня, но она не приходит вот уже целых две недели. Как я могу думать о чем-то другом? Вдруг с ней что-нибудь случилось?

Атайя тяжело вздохнула. С того дня, как Джилберт явился сюда с компанией вооруженных дружков, Меган больше не приходила. Кордри вот уже на протяжении двух недель ничего не знал ни о фабрике отца, ни о невесте, поэтому ужасно нервничал и не мог сосредоточиться.

— Сегодня ночью я отправлюсь в город. Узнаю, как дела у папы и Меган, и тут же вернусь.

— О чем ты говоришь? Твой отец рассказывает всем, что ты сбежал. Если тебя увидит хотя бы один знакомый, всем сразу станет известно, что Джарвис лжет. Меган поступает очень мудро, что не приходит.

— Но...

— Подумай об отце и о Меган! Джилберт наверняка разболтал по всему городу о том, что видел здесь. Держу пари, ваш дом и дом Меган находятся под пристальным наблюдением. Кстати, епископу уже и обо мне известно, — добавила она. — Любая новость о нас тут же будет доложена ему.

Кордри еще больше помрачнел. Атайя пообещала, что если Меган так и не появится до конца недели, то они отправят Кейла на разведку, только тогда он немного успокоился.

Она велела ученику перечитать заданное на сегодня, а сама медленно вышла из овчарни и взглянула на серое небо, пытаясь предугадать, пойдет ли дождь.

Сейчас ее заботили не только проблемы Кордри. Не давали покоя и тревожные мысли о Джильде. Ее ученица была в безопасности: Тоня, Кам и Кейл остались с ней в лагере. Атайю мучило другое — опасения, что разъяренный муж несчастной ученицы явится сюда с требованием вернуть ему жену. Она то и дело обеспокоенно поглядывала в сторону города, ожидая, что в любую секунду на горизонте покажется чья-нибудь незнакомая фигура. О том, чтобы не приходить в овчарню вообще, никто даже не думал: здесь всегда кто-то должен был находиться. Если слухи, старательно распространенные по Кайбурну Ранальфом и Мэйзоном, достигли кого-нибудь из лорнгельдов, желавших спасти свою жизнь, этих людей непременно надо встретить.

Заметив появившегося на дороге человека, Атайя вздрогнула. Сердце на мгновение замерло от страха, но буквально через секунду она узнала походку Ранальфа и с облегчением вздохнула. Он возвращался из города и выглядел очень обеспокоенно.

— У меня есть новости, — не поздоровавшись, воскликнул Ранальф, когда приблизился к Атайе. — Сегодня я был в Кайбурне. — Он нахмурил брови, всем своим видом давая понять, что сегодняшний поход в город оказался не самым радостным в его жизни, достал из кармана туники измятый пергамент, развернул его и протянул Атайе. — Посмотри-ка на это! Они развешаны по всему городу.

Окинув листовку беглым взглядом, Атайя выругалась. Хотя надпись была несколько смазана — по-видимому, автор очень торопился, стремясь быстрее ознакомить народ со своим произведением, — догадаться о смысле было нетрудно. На мягком пергаменте красовался вырезанный образ кайтской принцессы на фоне языков пламени. Лицо ее искажала дьявольская гримаса, на голове, окруженные взлохмаченными волосами, торчали рога. Руками она метала молнии, направ-

ляя их в извивающегося у ног человека. Рядом с ним была изображена королевская корона. Внизу располагалась надпись: «Вознаграждение».

Атайе нестерпимо захотелось плюнуть на землю, настолько отвратительно и обидно выглядел ее «портрет», но она сдержалась.

— По-видимому, письмо епископа Люкина благополучно дошло до короля. Это, насколько я понимаю, ответное послание.

— Придумано неплохо, — проворчал Ранальф. — Даже не умеющие читать все поймут. Знаешь, Атайя, тебе надо быть предельно осторожной. Весь город болтает только об этих листовках. А еще о том, что со дня на день в Кайбурне появятся гвардейцы короля.

Она еще раз взглянула на пергамент.

— Интересно, сколько они предлагают?

Ей в голову вдруг пришла тревожная мысль: как отреагируют на предложение короля ее ученики? Что ожидать от них? Вообще-то насчет Кордри можно было не волноваться. А вот Джильда, разъяренная из-за потери мужа, способна, наверное, на что угодно. Что, если она посчитает, что вознаграждение послужит достойной компенсацией за ее страдания? Впрочем, все эти мысли являлись пока лишь предположениями, и Атайя постаралась забыть о них.

— Должно быть, кому-то из королевских писарей пришлось немало потрудиться, чтобы изготовить столько листовок, — пробормотала она, свернула пергамент, чтобы не видеть своего жуткого изображения, и тяжело вздохнула, почувствовав внезапно, что совершенно вымоталась. — Знаешь, о чем я думаю на протяжении нескольких дней? Собираюсь отправиться в город и публично выступить перед людьми, подобно странствующему монаху в рыночный день. Сплетни и слухи работают неплохо, но должно же наступить когда-то такое время, когда мы перестанем быть для народа лишь ужасающими рассказами.

— Я бы не стал этого делать, — посоветовал Ранальф. — По крайней мере сейчас. Момент очень уж неподходящий.

— Но мы обязаны что-то предпринять, надо каким-нибудь способом бороться с этим! — Она гневно смяла пергамент. — Нельзя позволять епископу еще больше настраивать людей против нас.

По губам наемника скользнула загадочная улыбка.

— Оружие выбрали они. Нам остается отплатить им той же монетой. Из собственного опыта знаю, что этот способ всегда срабатывает.

— Организовать собственную пропаганду... Ты это имеешь в виду? — Глаза Атайи просияли. Идея Ранальфа ей очень понравилась. — Думаю, ты прав. Для открытых выступлений еще не настал подходящий момент.

Вечером по возвращении в лагерь они поделились своими соображениями с остальными. Мысль о распространении собственных листовок была воспринята всеми с одобрением. Мэйзон вынес чернила и скрученные в трубки пергаменты, которые они привезли с собой из Рэйки, а Кордри и Кейл очистили один из кухонных столов, подготавливая место для работы.

Для изготовления гравюр был избран Кейл. Он уже проявил себя как мастер резьбы по дереву, поэтому все единодушно решили доверить столь ответственное задание именно ему. Значительную часть следующего дня Кейл потратил на поиски подходящего инструмента — заостренной веточки или щепки, достаточно мягкой, чтобы выполнить гравюру, а вечером принялся за работу: выровнял пергаменты и приступил к главному. К середине ночи первая листовка была готова.

Атайя ничего не смыслила в подобных вещах, но даже она могла сказать, что гравюра получилась замечательно. На самом краю алтаря, наклонившись, стояла чаша с вином для отпущения грехов, украшенная драгоценными камнями. Ядовитая жидкость лилась на пол, образуя лужицу. От нее, завиваясь в кольца, поднимался дым. Внизу было выведено незамысловатое слово: «ЖИЗНЬ».

— Потрясающе, Кейл! — воскликнула Атайя, беря в руки красноватый кусок кедра. — Удивляюсь, что ты решил стать воином королевской гвардии, вместо того чтобы заняться прикладным искусством в одной из ремесленных мастерских. У тебя огромный талант!

— Пустяки... — смущенно пробормотал Кейл, почесывая затылок. — Какой там талант! Чаша получилась несколько неровной, а ножка немного длинновата.

— Только такой мастер, как ты, может заметить подобные мелочи, — ответила Атайя.

Когда все гравюры были завершены, оставалось лишь нанести на пергаменты надпись. К концу следующего дня на лицах и руках у всех красовались чернильные пятна.

— Завтра начнем расклеивать это по Кайбурну, — объявил Ранальф, проверяя первый пергамент, на котором чернила высохли почти окончательно. — Думаю, нам стоит заняться этим ночью. Мероприятие весьма опасное, даже если мы будем действовать под невидимыми покровами. Рисковать не имеет смысла.

Несколько дней спустя Ранальф сообщил товарищам, что в Кайбурне все только и делают, что болтают о скандальных листовках, расклеенных по городу.

— Наш план отлично сработал, — воскликнул он, согревая руки у горящего во дворе костра. — Несмотря на то что Люкин приказал своим пасторам уничтожать наши пергаменты. То же распоряжение было отдано воинам короля, наконец-то прибывшим в Кайбурн.

— Мы сделаем еще листовки! — решительно заявила Атайя. — И будем продолжать расклеивать их, чтобы люди успевали ознакомиться с нашими намерениями.

— А художества королевских писарей будем срывать, если увидим где-нибудь. — Ранальф подбросил дров в костер — под вечер становилось довольно прохладно, — затем поднял с земли свой лук и проверил тетиву. — Полагаю, пора подумать

об ужине. Что скажете насчет свежей оленины? В этих лесах оленей видимо-невидимо.

— Верно, но не все так просто, — предупредил его Кейл. — Эти леса — излюбленное место для королевской охоты. Если лесничий поймает тебя, то непременно передаст в руки его величества, и тебе не миновать виселицы.

— Ничего не бойся, Ранальф, — шутливо воскликнула Атайя, пытаясь казаться серьезной. — Если случится нечто подобное, скажи, что тебе позволила охотиться здесь родная сестра короля.

Ранальф звучно ударил себя по бедру и добродушно расхохотался.

— Спасибо за совет, ваше высочество. Но не думаю, что воспользуюсь им. Услышав подобное объяснение, они повесят меня гораздо быстрее.

Атайя деланно высокомерно откинула назад волосы.

— Как знаешь!

— Тс-с! — Ранальф резко прервал ее и насторожился. Лицо его напряглось, в глазах отразилась тревога. — Вы что-нибудь слышали? — Он немного склонил голову набок. — Кто-то идет...

Последовавшие несколько секунд тянулись мучительно долго. Неожиданно до Атайи донесся еле слышный хруст веток: по оленьей тропе, осторожно ступая между низким кустарником, шел по направлению к монастырю человек.

— Грабители? — прошептал взволнованный в предвкушении предстоящего события Кордри.

— Вполне возможно, — едва уловимо отозвался Ранальф.

— Может, это воины короля... — пробормотала Атайя, замирая от ужаса, недоумевая, каким образом, несмотря на густую защитную пелену, кто-то смог определить расположение их лагеря.

Джильда нашла дорогу сюда при помощи Камерона. Кроме нее, никто еще не появлялся здесь.

Кейл, подчиняясь солдатским инстинктам, неслышно скользнул в дом и через минуту уже вернулся с оружием в руках.

— Сколько их, по-твоему? — хладнокровно спросил он у Ранальфа.

— Затрудняюсь определить точно. Возможно, всего один, — спокойно ответил бывший наемник и оглядел товарищей. — Все останутся здесь. Сохраняйте спокойствие. Кам, держись рядом со всеми. Если у наших гостей окажутся корбалы, ты — единственный, кто в состоянии помочь. — Ранальф отдавал распоряжения четко и уверенно. Создавалось такое впечатление, что он никогда и не прекращал воевать. — Атайя, в случае возникновения опасности беги. Это приказ. Тоня, позаботься, чтобы ее высочество поступила именно так, как я говорю. В данной ситуации проявление героизма лишь навредит нам. Мы не отдадим принцессу в лапы гвардейцам короля. Кордри, ступай к Джильде и оставайся с ней. А ты, Мэйзон, пойдешь с нами, если, конечно, сможешь вести себя тихо.

— Спасибо за доверие, — пробормотал учитель, надевая кожаные туфли, которые недавно скинул с ног.

Мужчины неслышно двинулись в сторону разваленной конюшни и скрылись за ней. Через пару минут Атайя увидела, как Кейл приближается к лесу, а приглядевшись, заметила и два расплывчатых пятна рядом с ним — Ранальф и Мэйзон шли, укрывшись невидимыми покровами. Лишь Атайя благодаря своим способностям могла рассмотреть их. Вскоре они слились с темнотой, исчезая за деревьями.

Сердце Атайи учащенно колотилось в груди, отзываясь эхом в тишине ночи. При каждом звуке — потрескивании костра, шелесте листвы — она вздрагивала. Воображение то и дело отчетливо рисовало принцессе появляющегося из мрака человека в красной форменной ливрее королевской гвардии, беспощадного и неумолимого.

Неожиданно откуда-то из тьмы послышался торжествующий возглас Ранальфа:

— Попался, мерзавец!

Кто-то отчаянно вскрикнул, а через несколько минут Кейл, Ранальф и Мэйзон уже вывели из леса на лужайку нарушителя всеобщего спокойствия.

Лица человека не было видно: капюшон черной мантии полностью скрывал его. Поняв, что сопротивление бессмысленно, пленник успокоился, Кейл грубо подвел его к костру, усадил на бревно и крепко связал руки за спиной кожаным шнурком. Ранальф вытащил из-за пояса острый кинжал и поднес его к горлу незнакомца.

— Итак, что тебе здесь нужно? — грубо спросил он, хватая жертву за шиворот и притягивая к себе. — Решил ограбить нас? Или выслеживаешь кого-нибудь?

Резким движением бывший наемник зацепил кинжалом край капюшона и сорвал его с головы пленного.

Атайя широко раскрыла глаза и едва не вскрикнула от удивления. Мерцание огня, отражаясь диковинными бликами в блестящей стали кинжала, осветило правильные черты лица священника.

— Отец Алдус, — прошептала Атайя.

Глава 15

— Ты знаешь этого парня?

Ранальф повернулся к Атайе, вскидывая брови, нехотя опустил кинжал и что-то неразборчиво проворчал себе под нос.

— Это помощник епископа Люкина, тот самый священник, о котором рассказывал Мэйзон, помнишь? — поспешно сказала Атайя. — Кейл, быстрее развяжи ему руки!

Точным движением ножа старый воин разрезал кожаный шнур, связывавший кисти священника, и поднял голову к небу, вероятно, прося прощения у Всевышнего за столь грубое обращение со служителем церкви.

Мэйзон принялся извиняться перед Алдусом, а Ранальф медленно засунул кинжал в ножны, все еще с недоверием поглядывая на непрошеного гостя.

— Ты, надеюсь, пришел сюда один... — грозно поинтересовался он, окидывая святого отца пристально-угрожающим взглядом. — Не прячется ли где-нибудь в кустах сам епископ... или, быть может, воины короля?

Алдус моргнул, потирая руки в тех местах, где их стягивала жесткая веревка.

— Естественно, я даже не сказал никому, куда направляюсь. Если бы кто-нибудь узнал об этом...

Ранальф презрительно фыркнул, нахмурил брови и сложил на груди мощные руки.

— Кто знает... Почему мы должны верить тебе?

Мэйзон метнул в его сторону негодующий взгляд.

— Может, перестанешь вести себя как на допросе? Этот человек пришел к нам за помощью.

Ранальф задумчиво потрепал бороду и неожиданно резко повернулся к Атайе.

— Подожди-ка... — пробормотал он, прищуривая глаза. — А как этот парень нас нашел, черт возьми? Всем известно о местонахождении овчарни, так ведь? А вот насчет лагеря знают только Кордри и Джильда. Эй ты, отвечай!

Ранальф грубо схватил Алдуса за шиворот и с негодованием уставился на него. Было очевидно, что священник из последних сил старается сохранить самообладание.

— Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел меня возле вашей... школы... так вы, кажется, называете старую овчарню. Я решил разыскать вас втайне от всех... Мне сразу пришла в голову мысль, что вы скрываетесь в лесу, как все остальные люди, живущие вне закона.

В его голосе прозвучали нотки осуждения.

— И ты совершенно случайно нашел нас с первой попытки! Несмотря на защитные покровы и иллюзорные заклинания! — взревел Ранальф. — Не рассказывай нам сказки!

— Покровы? Я не понимаю, о чем вы говорите.

Алдус недоуменно пожал плечами.

— Как ты сюда попал?

— Да ведь вы сами указали дорогу! — крикнул священник, теряя терпение.

Последовало неловкое молчание. Первым, растерянно моргнув, заговорил Мэйзон:

— Конечно... Он имеет в виду светящиеся символы...

Атайя развела руками.

— А я думала, лишь обученный колдун в состоянии увидеть их... У Кордри это уже получается, но он тренируется у нас на протяжении вот уже нескольких недель. А Джильда еще ничего не замечает.

— Возможно, я недооценил его способности, — задумчиво пробормотал Мэйзон. — Или... его *мекан* находится уже на весьма поздней стадии, но благодаря высокому развитию мозга Алдуса сумасшествие все еще не проявилось в полной мере...

— Послушайте, если вы собираетесь меня убить, сделайте это сразу! — Гнев Алдуса превратился в страх. — Из того, что о вас рассказывают, можно понять одно: для вас подобные деяния являются обычными.

Атайя, заметив, что священник смотрит в ее сторону, внутренне напряглась и отвернулась.

— Ранальф, принеси нашему гостю кружку эля, — воскликнула Тоня, умело обходя назревающий спор. — Мне кажется, ему это сейчас не помешает.

Когда грозный здоровяк скрылся из виду, Алдус немного расслабился. Он молча сидел на бревне, вертя в руке кисточку собственного пояса, и, по всей вероятности, прекрасно сознавал, что все ждут от него объяснений. Тишина давила, но никто не задавал больше вопросов. Через пару минут он медленно достал из складок мантии измятый пергамент.

— Я увидел это... — пробормотал он, расправляя на коленях королевскую листовку с изображением Атайи. — Я понял, что видел в тот день не демона, а вас, ваше высочество.

Его лицо выглядело растерянным. Наверное, он сомневался, что быть колдуньей и убийцей намного лучше, чем быть самим демоном.

Вскоре во двор из кухни вернулся Ранальф с большой кружкой, до краев наполненной элем. Святой отец жадно отхлебнул. Его руки дрожали, поэтому он пролил часть прозрачной золотистой жидкости на мантию.

Заметив, что гость немного успокоился, Атайя присела рядом с ним на поваленном бревне.

— Почему ты пришел к нам, Алдус?

Священник сделал еще глоток эля и опустил плечи.

— Не знаю... Я почувствовал, что должен разыскать вас. Не понимаю, для чего. — Он тяжело вздохнул. — Может, чтобы просто поговорить...

— Мы готовы выслушать тебя, — спокойно ответила она.

Алдус кивнул, но даже не взглянул на нее.

— То, что вы говорили мне в тот день, ваше высочество, — чистая правда. Я действительно чувствую себя отвратительно в последнее время. Часто мне кажется, что я стою на самом краю пропасти и вот-вот сорвусь и полечу вниз... Я бью окна, ломаю разные вещи и не понимаю, как это происходит. Но самое страшное, — добавил он и склонил голову, — самое страшное в том, что я стал терять память... Ко мне приходят люди, а я тут же *забываю* их имена. — Лицо Алдуса исказилось мучительной болью. — А вчера ко мне в ризницу пришел епископ и попросил написать письмо. Представляете, я не смог вспомнить, как его зовут... Я пытался, но ничего не получилось!

Он закрыл лицо руками и задрожал всем телом, не в силах справиться с нахлынувшим отчаянием.

Все молчали, давая возможность Алдусу самому выбрать подходящий момент для продолжения разговора. Успокоившись, он устремил взгляд в темноту и вновь заговорил:

— Я мечтал быть священником всю свою жизнь и никогда не жалел о выбранном пути. И просто не понимаю, почему Он так поступил со мной. — Священник поднял голову к небу, словно надеясь найти ответ на свой вопрос среди мерцающих звезд. — Он доверил мне службу в церкви, но позволил другим силам завладеть моей душой.

Тоня тихо подошла к костру и пошевелила кочергой догоравшие поленья.

— Скажите мне, святой отец... В тот период, когда вы превращались из мальчика в мужчину, вы так же ненавидели свое состояние?

Алдус выпрямился.

— Конечно, нет! — воскликнул он несколько обиженным тоном.

— Но ведь с вами происходит нечто похожее. Ваша магия переживает период созревания, как ваше тело несколько лет назад. Вы не превращаетесь в другое существо, просто развиваетесь, становитесь несколько другим. Вот и все.

Столь простое объяснение поразило его, но он продолжал смотреть на Тоню с недоверием.

— Помнишь, ты говорил той женщине, что жизнь и все другие дары Господа нужно ценить и радоваться им? — сказала Атайя. — Магия — это тоже божественный подарок. Почему ты хочешь отказаться от него, вместо того чтобы с благодарностью принять и пользоваться им?

— Да, но...

— Что заставляет тебя выделять этот дар из всех остальных и бояться его?

Алдус напряженно смотрел в кружку с остатками эля.

— Тогда объясните мне, почему из-за этого «таланта» я ощущаю себя столь несчастным, почему он приносит мне столько страданий, почему я теряю контроль над собственной жизнью, над собственными действиями? Зачем меня мучают жуткие голоса? За все это я должен быть кому-то благодарен?

— Объяснить это не так просто, — спокойно сказала Атайя, вспоминая о том, сколько ей самой понадобилось времени, чтобы осознать свое состояние и принять магию, чтобы понять, что угроза сумасшествия — лишь преодолимое препятствие на пути достижения великого блага. — Приведу тебе один пример, Алдус. Жизнь — огромный дар. Но попытайся объяснить это женщине в тот момент, когда она в муках

рожает ребенка. На протяжении нескольких часов ей и слушать тебя не захочется. Осознание этого приходит позже, когда на свет появляется малыш. Вот тогда-то любая женщина с уверенностью скажет, что ради такого чуда стоило страдать.

Атайя взглянула на Алдуса. Священник сидел молча, задумчиво глядя на догоравшие угли.

На протяжении нескольких минут никто не произнес ни слова. Священник явно колебался, не зная, может ли доверять людям, к которым пришел за помощью. Но Атайю это не смущало. Хорошо уже то, что он пришел, что выслушал их и задумался над тем, что ему рассказали.

— Быть может, у тебя есть желание помолиться? Ты можешь сделать это в нашей церкви.

Алдус резко поднял голову:

— Церковь? У вас есть церковь?

Атайя улыбнулась:

— Конечно. Между прочим, в других странах, например, в Рэйке, магия и религия — это практически одно и то же.

Алдус опять задумался, затем медленно поднялся на ноги.

— Мне пора возвращаться в город. Но прежде... Я действительно хотел бы помолиться.

Тоня и Мэйзон проводили гостя к святилищу, а Ранальф повернулся к Атайе и недовольно фыркнул.

— Все же я ему не доверяю. Не исключено, что он прямиком побежит к епископу и доложит о нашем местонахождении.

— Конечно, мы не можем быть полностью уверенными в его порядочности, — согласилась Атайя. — Но сомневаюсь, что он пришел бы сюда один, если бы имел единственную цель — разузнать, где мы находимся. Кроме того, у нас есть еще Кордри и Джильда. Никто не гарантирует нам и их молчание. Поэтому обучение любого из лорнгельдов само по себе представляет собой большой риск. Остается лишь надеяться на лучшее.

Ранальф не стал спорить, но, пока заливал водой тлеющие угли, недовольно пыхтел.

Атайя сидела молча, погрузившись в раздумья. В этой стране лорнгельдов нещадно уничтожали на протяжении долгих лет. Опасения Ранальфа не напрасны...

Отец Алдус стал приходить в лесной лагерь каждый вечер. В соборе он говорил, что направляется к больному прихожанину, а так как подобные поступки были характерны для него, никто, даже сам епископ, ничего не заподозрил.

Несмотря на частые визиты в обиталище колдунов, Алдус все еще сомневался в божественном начале своих способностей. Заняться обучением священника Атайя попросила Мэйзона, надеясь, что с учителем богослов быстрее найдет общий язык. Хотя открыто Алдус ничего не высказывал, было понятно, что он и сам обрадовался: Атайя вызывала в нем массу опасений, по-видимому, из-за того, что сделала когда-то с Кельвином.

Кордри воспринял новость о появлении в их школе нового ученика с легкостью. Наличие у священнослужителя магических способностей послужило для него лишь еще одним доказательством того, что колдовство несет свет и не относится к темным силам дьявола. Джильда же была потрясена, как будто еще больше испугалась, удостоверившись в том, что ее талант не представляет собой ничего греховного. Когда первый испуг прошел, она стала приглядываться к Алдусу, и вскоре их уже связывали дружеские отношения. Нередко они вместе отправлялись в церковь и долго молились там, прося Господа указать им истинный путь.

Однажды прохладным вечером в конце апреля Атайя решила поинтересоваться, как продвигаются дела у Алдуса. На протяжении первой недели тренировок она держалась в стороне, не желая мешать.

Мэйзон сидел на дальнем краю лужайки, а Алдус стоял у высоких деревьев. Прочитав молитву, он приступил к заклинанию. В тот момент, когда Атайя подсела к учителю, строй-

ные стволы двух высоких дубов превратились в мраморные колонны. Священник справлялся с заданиями необыкновенно успешно, причем подходил к ним весьма творчески.

— У него отлично получается, — прошептала Атайя Мэйзону, боясь нарушить концентрацию Алдуса. — Но ты ведь планировал начать с ним с самых основ, а потом переходить к более сложному.

— Видишь ли, это единственное, чем он не боится заниматься. Мы попробовали создать светящийся шар, защитные покровы и визуальную сферу — я разве не говорил тебе, что Алдус уже способен работать со сферой? У него не возникло никаких затруднений. Но что касается моральной стороны... Ему пока сложно принять все это. Все, кроме иллюзорных заклинаний. — Мэйзон указал рукой в сторону восхитительного творения своего ученика. — Они в нем вызывают неподдельный восторг. Даже не знаю почему. Вероятно, Алдус видит в них то, о чем читает в священном писании...

Атайя взглянула на создание Алдуса и поняла, что объяснение Мэйзона вполне логично. Между мраморными колоннами красовались сейчас высокие резные ворота, изящно отделанные жемчугом и разноцветными драгоценными камнями. У основания чудесные строения окутывал прозрачный туман, придавая всей картине таинственный вид: казалось, что ворота и колонны плывут на лёгком облаке. Внезапно по бокам появились покрытые роскошными бутонами роз кустарники.

— Будь осторожен, — спокойным голосом предостерег ученика Мэйзон. — Иллюзия подобна карточному домику. Необходимо действовать крайне аккуратно, чтобы твое творение не разрушилось в считанные секунды.

На протяжении еще нескольких минут Алдус увлеченно продолжал совершенствовать свое творение. Затем отступил на шаг, чтобы полюбоваться им, полностью удерживая контроль над созданной иллюзией. Неожиданно раздался тревожный звон колокола, и прекрасные ворота расплылись, пре-

вращаясь в уродливое пятно. Кусты роз вспыхнули, и вскоре мраморные колонны уже окутывали огненные языки.

Атайя взглянула на Алдуса: он стоял, оцепенев от страха, белый как полотно.

— Только не поддавайся панике, — спокойно сказала она ему, а Мэйзон принялся читать противодействующее заклинание, с легкостью утихомиривая колокол и бушующее пламя. — По опыту знаю, что сразу ничего не получается идеально.

— Я уже практически закончил, когда вновь услышал голоса, — задыхаясь, признался Алдус. — В голове крутилась одна мысль, от которой я никак не мог отделаться: наверное, наши молитвы звучат для Господа точно так же, как эти голоса... — Он устало потер глаза. — Я почему-то настолько разволновался, что потерял контроль над иллюзией.

— Такие явления неизбежны. — Атайя ободряюще подмигнула ему. — Ты должен пройти полный курс обучения. Пока же будь готов к некоторым неожиданностям. Натренированной магией управлять не так сложно, но для этого нужно многому научиться. — Она рассмеялась. — Со мной однажды произошел совершенно невероятный случай: мои силы помимо моей воли унесли меня на расстояние трех миль. Представляешь себе: в считанные секунды я с окраины города попала в библиотеку замка.

Оживленно жестикулируя, она рассказала Алдусу о том, как открыла для себя заклинание транслокации.

Священник смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Вы способны на подобное? Способны переноситься на такие расстояния?

Атайя весело кивнула.

— Это случилось лишь однажды. С тех пор я больше не пробовала. Мне особенно не понравилось то, что это заклинание совершенно обессилило меня: сразу после появления в библиотеке я попробовала создать сферу — у меня ничего не вышло. Только по прошествии пары часов все нормализовалось.

Алдус слушал ее внимательно, но, когда она закончила, опять погрузился в какие-то размышления.

— Тебя что-то беспокоит? — осторожно спросила Атайя.

— Заклинания... — Он покачал головой и нахмурил брови. — Знаете, когда во время молитвы я ощущаю мощный прилив энергии и внутреннее спокойствие, у меня появляется такое ощущение, что я прикасаюсь к чему-то большему, чем даже собственная суть... — Его глаза наполнились тревогой и страхом. — Когда я читаю заклинания, особенно иллюзорные, я чувствую себя так же. — Лицо Алдуса еще больше напряглось. — Точно так же, — добавил он шепотом.

— Это пугает тебя?

Алдус тяжело вздохнул.

— Да... и нет. Это потрясает меня, поэтому и страшит. Мне кажется, что я ощущаю в себе божественную силу, что получаю ответ от Всевышнего на свои молитвы...

Мэйзон медленно кивнул, собираясь с мыслями.

— Полагаю, это чувство рождается потому, что магия дает нам возможность созидать, творить то, чего мгновение назад не существовало на свете. Это составляет сущность колдуна, именно это возвышает нас над остальными и приближает к самому Богу. Взгляни! — Мэйзон шепнул слова простого заклинания, и в его ладони засветился красный шар. — Точно так же, как создал сейчас я эту волшебную вещь, Господь сотворил когда-то нашу землю. — Он посмотрел на Алдуса и улыбнулся. — Можно сказать, что Господь — самый могущественный колдун.

Священник напряженно размышлял о чем-то, затем нервно рассмеялся.

— Епископа Люкина хватил бы удар, если бы он послушал вас!

— Не сомневаюсь. Но каким еще образом можно объяснить чудо сотворения? И не является ли все существующее вокруг нас волшебным и неразгаданным? Все это создано всемогущей рукой Господа, создано из ничего. Надеюсь, ты понял, что я имею в виду. Ты находишь магию и молитву

настолько схожими, потому что они действительно схожи. Они — отображение друг друга, различные стороны одной великой тайны. — Он положил руку на плечо Алдуса. — Уже поздно. Ранальф, Кордри и Кейл собираются в город, чтобы расклеить очередную партию листовок. Если хочешь, можешь дойти с ними до реки.

— Нет. — Алдус решительно покачал головой. — Если не возражаете, я пойду один.

Он медленно двинулся в путь, и вскоре его черная мантия слилась с темнотой ночи.

Мэйзон расстроенно вздохнул.

— У этого священника выдающийся талант. Но его до сих пор терзают сомнения. Каждый день, когда он уходит отсюда, я опасаюсь, что никогда больше не увижу его. — Учитель печально кивнул. — Да, переубедить человека в том, чему его учат на протяжении всей жизни, крайне сложно.

Если это вообще возможно, — мрачно подумала Атайя, но тут же отогнала нерадостные мысли.

Ей очень понравилось, как Мэйзон объяснил сегодня Алдусу природу магии и ее божественное начало. Оставалось лишь надеяться, что на священника его слова тоже произвели подобное впечатление.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Атайя почувствовала, что кто-то коснулся ее плеча. Она приоткрыла один глаз, все еще пребывая в сладких грезах, и, увидев Тоню, нехотя пробормотала:

— В чем дело?

— У нас крупные неприятности. Вставай!

Обеспокоенный голос Тони заставил ее мгновенно проснуться. Выскользнув из-под теплых одеял, принцесса надела шерстяной халат и вышла вслед за Тоней во двор. На лужайке, возбужденно переговариваясь, сидели Кейл и Ранальф. Приблизившись, Атайя заметила, что их одежды перепачканы и изорваны, а левый рукав Кейла вымазан потемневшей кровью.

— Кордри схватили люди короля! — выпалил Ранальф.

Атайе показалось, что ей в живот воткнули острый нож.

— Что? Как такое могло случиться?

— Он сам во всем виноват! Свалял дурака! За домом наблюдали, и, естественно, когда Кордри появился там, они тут же достали корбалы и без труда схватили этого ненормального.

— Почему вы отпустили его?

— Он же не младенец, чтобы не спускать с него глаз! — заорал Ранальф, но все понимали, что его эмоции вызваны не гневом, а переживаниями. — Естественно, он не сказал нам ни слова. Когда мы обнаружили, что его нет, то сразу догадались, где его искать, но было уже слишком поздно. Когда мы добрались до дома Меган, Кордри уже увели люди короля.

У Атайи подкосились ноги, и она медленно опустилась на сырое бревно.

— Куда его повели?

— К епископу Люкину. Мы не смогли ему помочь, — сказал Ранальф, предваряя следующий вопрос Атайи. — Стражников было много, некоторые из них держали кинжалы с корбалами в рукоятках. Мы хотели забраться в имение епископа по решеткам на воротах, но нас заметили и подняли тревогу. Убивать никого не хотелось, о нас и так болтают как о кучке убийц. Поэтому, отбившись от воинов, мы просто убежали.

Атайя потерла глаза, злясь на себя за то, что не послала Кейла к Меган, как обещала. История с Алдусом совершенно сбила ее с толку.

— Влюбленный идиот! — не унимался Ранальф. — Не побоялся подвергнуть опасности нас всех ради того только, чтобы разок взглянуть на девчонку, на которую собирался смотреть весь остаток своей жизни! Неужели ему было непонятно, что держаться от нее на расстоянии намного безопаснее в сложившейся ситуации?

— Трудно быть на расстоянии от того, кого любишь, — пробормотала Атайя, глядя в пустоту. — Даже когда знаешь, что так намного безопаснее.

Кейл поднялся на ноги и мрачно произнес:

— Церемония отпущения грехов назначена на послезавтра.

Атайя зажмурила глаза, желая еще раз проснуться и понять, что все происходящее — лишь страшный сон.

— А Меган и сэр Джарвис? Их...

— Нет, их еще не арестовали. Для этого ни у кого нет достаточных оснований, — успокоил ее Ранальф. — Но по окончании церемонии с них еще долго не будут спускать глаз. — Его лицо исказила печальная гримаса. — Это еще не все. Люкин собирается лично осуществить обряд. Якобы из уважения к древнему роду Джарвисов. Но я уверен, что он принял такое решение, потому что хочет держать ситуацию под контролем: опасается, что сама опальная принцесса явится в собор и помешает свершению таинства...

— Принцесса, несомненно, явится, — пробормотала Атайя, рассеянно срывая с земли пучок свежей травы.

Через несколько мгновений она резко вскочила на ноги, отбрасывая травинки в сторону. Ее глаза озарились надеждой.

— И я знаю человека, который окажет ей помощь!

— Нет, я не могу пойти на это!

Алдус в ужасе отпрянул от нее, качая головой, но Атайя практически не обратила внимания на его испуг. Такой реакции и следовало ожидать, но другого выхода у нее не было.

Она ниже опустила на лицо капюшон. Большой риск — появиться в церкви средь бела дня. Атайя чувствовала себя напряженно, а стоявшие на алтаре подсвечники с корбалами лишь усугубляли ситуацию, вызывая слабые покалывания в голове.

— Алдус, ты — наша единственная надежда. Только ты сможешь заменить ядовитую жидкость в чаше. Пойми, мы не можем вызволить Кордри из плена, его охраняют несколько человек, с него буквально не спускают глаз.

— А если вы попробуете... как это называется... транслокировать его? — Алдус страстно хотел придумать какой-нибудь выход, при котором его содействие не потребовалось

бы. — Вы ведь говорили, что способны преодолевать даже большие расстояния при помощи своего дара. Перенеситесь ночью туда, где находится сейчас Кордри, и таким же образом исчезните оттуда вместе с ним.

— Понимаешь, я никогда не бывала в имении епископа, поэтому не знаю, как оно выглядит. Чтобы попасть в какое-то место, я должна представить его. Если бы даже я смогла транслокироваться в то помещение, где держат Кордри, то после этого совершенно обессилела бы, я ведь тебе рассказывала. Все, чего можно добиться таким способом, так это самой попасть в лапы стражников.

Алдус принялся нервно расхаживать взад и вперед.

— Вы не совсем меня понимаете...

— Знаю, что риск крайне велик, святой отец, но мы обязаны пойти на этот риск, ведь на карту поставлена жизнь человека.

Священник остановился и на протяжении какого-то времени стоял неподвижно, наблюдая за мерцанием горящей свечи.

— Вы приказываете мне сделать это, ваше высочество?

Атайя вытерла вспотевшие ладони о шерстяную накидку.

— Нет! — помедлив, ответила она. — Я прошу тебя, как друга. Как человека, принадлежащего к моему роду. Кордри — тоже один из нас. Мы не имеем права оставить его в беде! Если мы не будем помогать друг другу, лорнгельды в нашей стране никогда не перестанут страдать!

— Я в любом случае не смогу помочь Кордри. — Алдус резко повернулся к Атайе, полы его мантии взметнулись черной волной. — Епископ выбрал в помощники меня, но я вынужден ответить ему отказом. В соборе во время церемонии будет слишком много корбалов, а я уже не в состоянии переносить ту боль, которую они во мне вызывают. Я просто не способен сделать то, о чем вы меня просите.

Атайю охватил ужас.

Нет! Я обязана найти какой-то выход!

Несколько минут царило напряженное молчание. Ничего не приходило ей в голову, кроме одного: обучить Алдуса запретному заклинанию блокировки, тому самому, о котором она клялась не рассказывать ни единому человеку, не принадлежавшему Совету мастеров. Если силы Алдуса будут заблокированы, никто, включая самого епископа Люкина, даже не заподозрит, что он — колдун.

Совет все поймет... Непременно поймет...

— Приходи в лагерь сегодня вечером, Алдус, — сказала Атайя. — Я что-нибудь придумаю.

Он не успел вымолвить ни слова, как она, опустив покрытую капюшоном голову, торопливо вышла из собора.

Я не собираюсь оставаться в стороне и позволить Кордри умереть. Нас так мало, мы не должны терять своих людей, — размышляла по дороге Атайя. — *Несмотря на все существующие правила, уважаемый лорд Бэзил!*

Глава 16

— Ты должна позволить мне, Тоня! — умоляла Атайя по возвращении домой. — Если Алдус не воспользуется заклинанием блокировки, епископ непременно догадается о его таланте. А другого способа спасти Кордри я не вижу.

— Тс-с! Говори потише. Не дай Бог, кто-нибудь услышит тебя! — воскликнула Тоня, замешивая тесто для хлеба.

— Алдус не проболтается, можешь быть уверена! Я кое-что придумала: скажу ему, что хочу исповедоваться, во время таинства все объясню, и тогда он обязан будет сохранять услышанное в строжайшей тайне.

Тоня всплеснула руками, и в воздух взметнулось белое мучное облако.

Придуманный Атайей план казался ей вполне логичным, но согласиться с ним представлялось практически невозможным.

— О Боже! Атайя, председатель отправил меня с тобой, чтобы я помогла тебе уберечься от беды, а вовсе не для того, чтобы усугублять опасность.

— Если у тебя есть другие предложения, я с удовольствием их выслушаю, — ответила Атайя. — Но, видит Бог, я продумала уже все возможные и невозможные варианты. Ничего более подходящего не приходит мне в голову. Мы могли бы собрать Совет и обратиться к нему за разрешением, но у нас слишком мало времени.

Тоня забормотала что-то неразборчивое, яростно разминая тесто, затем замолчала и с шумом бросила тягучую массу в сковородку.

— Так и быть! Я не могу ответить тебе отказом, потому что в этом случае буду ощущать себя убийцей. Но ни в коем случае ничего не рассказывай Бэзилу, а не то он сожрет мою печень на завтрак! — Тоня погрозила Атайе перепачканным мукой пальцем. — И помни: шутить с данным заклинанием крайне опасно, поэтому я сама должна проконтролировать обучение Алдуса.

Весь оставшийся день Атайя боялась, что священник не придет, и успокоилась, лишь когда тот, еще более обеспокоенный, появился под вечер в лагере, на этот раз на час позднее, чем обычно.

Алдус не на шутку испугался, когда услышал, что Атайя желает исповедаться перед ним, и согласился выслушать ее только после того, как она заверила священника, что речь пойдет вовсе не о том, что случилось между ней и Кельвином. Они уединились в церкви, расположившись в ближайшем к алтарю ряду. Как только Алдус закончил клятву о сохранении доверенных ему тайн, Атайя посвятила его в свои планы относительно спасения Кордри.

— Значит, существует заклинание, при помощи которого я смогу заблокировать собственную магию? — воскликнул Алдус, когда Атайя закончила говорить. — И тогда корбал не причинит мне боли?

Возможность освободиться от колдовства и от страданий, причиняемых корбалом, показалась Алдусу невероятно привлекательной.

— Нужно быть предельно осторожным, — предупредила Атайя. — Заклинание очень опасно. На протяжении некоторого времени ты действительно можешь не опасаться корбала, но твои таланты останутся при тебе. Более того, блокировка волшебства приводит к страшным последствиям, если ее не снять вовремя.

Она подробно объяснила ему, к какому ужасающему исходу способно привести данное заклинание. Глаза Алдуса постепенно расширялись. Сознание того, что нечто подобное кроется где-то в тайниках его мозга, все больше и больше устрашало его.

— Только никому не рассказывай о данном заклинании. Я тоже не имела права раскрывать тебе эту тайну, но у меня нет другого выхода.

— Теперь я понимаю, почему вы изъявили желание исповедаться, — обиженно-грустным голосом произнес Алдус. — Просто для того, чтобы я хранил молчание.

— Не подумай, что я тебе не доверяю, но о заклинании блокировки действительно не должна знать ни одна живая душа. Это невероятно важно. — Она немного помолчала. — Ты готов пойти на столь рискованный шаг?

Прошло несколько мучительно долгих минут, прежде чем Алдус ответил на заданный вопрос. Он закрыл лицо руками, словно испытывал боль, затем медленно опустил ладони на колени.

— Я готов, — еле слышно, будто каждое слово доставляло ему невероятные страдания, сказал священник. — Расскажите мне, что я должен делать.

Через некоторое время Атайя привела в церковь Тоню, и они приступили к обучению Алдуса секретному заклинанию. Священник усвоил урок достаточно быстро, но непривычное ощущение прохлады, появлявшееся в его голове в

тот момент, когда колдовство блокировалось, вызывало в нем неприятные чувства, о чем он каждый раз сообщал, морща нос.

— Это гораздо лучше, чем боль от воздействия корбалового кристалла, — воскликнула, передернувшись, Тоня и дотронулась до лба Алдуса, снимая блокировку. — Запомни еще одно: в момент произнесения заклинания избегай какого бы то ни было физического контакта с другими людьми. В противном случае заблокируются способности того, кого ты коснешься. Если, конечно, этот человек — колдун. А если нет... Даже не знаю, что произойдет... Наверное, ничего особенного. Но рисковать не стоит в любом случае.

— Не применяй заклинание раньше времени, — предупредила Атайя. — Вообще-то на протяжении нескольких недель можно ни о чем не беспокоиться. Страшные последствия наступают лишь по прошествии определенного времени. Но твое колдовство находится в стадии созревания, поэтому тебе стоит вести себя крайне осторожно. Сразу по окончании церемонии приходи к нам, мы разблокируем твое волшебство.

Алдус медленно кивнул, напряженно прокручивая в голове все, о чем только что услышал.

— А что потом? — мрачно спросил он. — Что мне делать потом, когда обряд завершится? Корбаловые кристаллы так и останутся в соборе, а мне с каждым днем становится все сложнее и сложнее переносить их присутствие...

Атайя и Тоня растерянно переглянулись. Обе не раз размышляли над этим вопросом, но пока что так и не нашли подходящего решения.

— Давай подумаем об этом, когда освободим Кордри. В данный момент необходимо поведать Меган и Джарвису о нашей задумке.

Атайя с надеждой взглянула в глаза святому отцу и по выражению его лица поняла: он догадывается, что она собирается обратиться к нему с еще одной просьбой.

* * *

Вечер следующего дня был душным и жарким и больше походил не на майский, а на августовский. Одежда Атайи неприятно прилипала к телу, а соломинки и комья грязи на ее платье вызывали тошноту. Дом Де Пьер был тоже раздражен, он то и дело нервно подергивался, а Тоня и Ранальф лишь весело посмеивались над своими товарищами-аристократами. Они ехали по Кайбурну во взятой напрокат повозке; предстоящее мероприятие волновало всех.

В конце узкой аллеи Кейл натянул поводья, останавливая лошадей, и кивнул в сторону собора.

— Люди уже заходят внутрь, — заметил он. — Вероятно, скоро все начнется.

Атайя внимательно рассматривала собравшихся жителей Кайбурна. Большинство из них были одеты изысканно и по-праздничному. Зазвонили колокола, торжественно оповещая народ о начале церемонии отпущения грехов Кордри Джарвиса.

Как и предполагала Атайя, епископ Люкин предпринял все необходимые меры предосторожности: не меньше двух эскадронов солдат королевской гвардии — наверняка получивших особое разрешение на внесение в святилище оружия — вошли в собор и примерно столько же остались на улице. Она заметила, что наряду с кинжалом и саблей каждый из воинов имел при себе небольшое зеркальце.

— Нам пора, — воскликнула Тоня, подавая сигнал Мэйзону. — Остальные останутся здесь до тех пор, пока звон колоколов не известит об окончании обряда. Тогда немедленно подъезжайте к восточным воротам.

Ранальф неохотно кивнул, расстроенный, что не сможет принять участие на самом интересном этапе операции. Алдус предупредил их, что вторым ассистентом Люкин избрал отца Гресте. Поэтому Ранальфу, Атайе и Кейлу нельзя было попадаться ему на глаза. Все трое должны были оставаться в повозке и в определенный момент подъехать к восточному выходу из собора, чтобы забрать Кордри.

Сейчас же все, что они могли себе позволить, так это наблюдать за происходящим при помощи визуальной сферы.

Ранальф уселся на солому рядом с Атайей.

— Я создам вокруг нас защитный покров, а ты займись сферой, — воскликнул он, хватая ее за руку, затем громко усмехнулся. — Наконец-то мне выдалась возможность оказаться в сене с хорошенькой девицей, но воспользоваться ситуацией не получится!

Атайя лишь безмолвно моргнула, пораженная грубой шуткой бывшего наемника. В считанные секунды создав визуальную сферу, она оглядела украшенный белоснежными цветами и освещенный множеством свечей собор.

— Надеюсь, Меган и сэр Джарвис не подведут нас...

Невеста и отец Кордри сидели в первом ряду. Глаза Меган опухли и покраснели от слез, а старик Джарвис выглядел совершенно подавленным и растерянным. Если они решились идти до конца, то можно смело назвать их отличными актерами.

Накануне вечером отец Алдус побывал в доме Джарвисов, а также в имении Лорингов, якобы для того, чтобы оказать поддержку близким людям Кордри. На самом же деле он собирался рассказать им о запланированной операции. По прошествии церемонии Меган и Кордри должны были встретиться в овчарне с Камом и Джильдой, а те отвели бы их в лагерь. Оттуда влюбленным легче уехать незамеченными куда-нибудь в другой город. Джарвис заявил, что останется в Кайбурне. Но о нем не стоило беспокоиться: даже если правда о Кордри вскроется, доказать причастность Джарвиса к организации побега его сына никому не удастся. Да и сам епископ не пожелает терять столь щедрого богача.

Церемония началась, и Атайя сконцентрировала все свое внимание на сфере. Хор стих, и на кафедру поднялся Люкин. Его звучный голос напомнил голос командира, подготавливающего к атаке построенных в поле солдат.

— Дети Божьи! Мы собрались сегодня под сводами этого храма, дабы воспеть славу Господу и выполнить его волю.

Один из нас явился сюда с тем, чтобы добровольно отказаться от дара, полученного им от ангела тьмы, и обрести вечную жизнь!

Боковая дверь, ведущая в ризницу, отворилась, и Атайя увидела отца Алдуса и отца Гресте в мрачных черных рясах. Они под руки вели облаченного в белую мантию Кордри. Бедняга еле передвигал ноги, его взгляд напоминал взгляд безумца: по-видимому, церковники щедро «угостили» свою жертву дымом локи.

Кордри опустили на колени у ног Люкина, и тот повернулся к прихожанам.

— Кто привел этого мужчину для свершения священного таинства отпущения грехов?

Сер Джарвис медленно поднялся с места, опираясь на длинную трость. Глядя на него, ни у кого не могло возникнуть и тени сомнения в том, что он видит сына в последний раз.

— Я, — ответил старик сдавленным голосом.

— Вы привели его сюда по доброй воле, из желания очистить его душу, освободить ее от тяжкого бремени, подаренного дьяволом?

Последовала продолжительная пауза. Лицо Джарвиса исказило отчаяние, и в какое-то мгновение Атайе показалось, что он не в состоянии ответить как подобает.

— Да, — прошептал отец Кордри.

Хор запел заунывную песнь, а Люкин подал сигнал отцу Алдусу. Атайя видела, как нервничает молодой священник: его руки слегка дрожали, когда он наполнял чашу, а передавая сосуд епископу, он даже пролил немного вина на вышитую золотом белую скатерть, оставляя на ней кроваво-красное пятно. Люкин недовольно сдвинул брови, а Алдус виновато взглянул на него, безмолвно прося прощения за допущенную неловкость.

Епископ поднял чашу и вновь повернулся к прихожанам.

— Отец наш небесный! Благослови эту чашу и того, кто собирается испить из нее, ибо, поступая так, он добровольно

отдает в Твои руки свою душу и просит принять его в Твое царствие.

Когда Кордри взял сосуд в руки, Джарвис вновь опустился на скамью и в отчаянии отвернул голову. Меган уткнулась в плечо сидевшей рядом молодой женщины, по-видимому, сестры. Остальные присутствовавшие затаили дыхание, казалось, можно было услышать, как колотятся их сердца. Солдаты расслабились, несколько разочарованные тем, что их услуги так и не пригодились.

Атайя ожидала, что Кордри просто забудется сном и мягко опустится на пол, а помощники епископа, как обычно, унесут его в ризницу. События развивались по-другому: лицо Кордри исказила судорога — именно так действовал на людей ядовитый *кахнил*, — он задрожал всем телом и заметался. Меган вскочила на ноги с ужасом и отчаянием обхватила голову руками.

— Меган, где ты? — едва различимо пробормотал Кордри, обводя святилище обезумевшим взглядом, пошатнулся и, обмякнув, опустился на пол.

Атайя напряженно следила за происходящим при помощи сферы.

Если ты убил его, Алдус, я собственноручно отправлю тебя в преисподнюю! — думала она.

Но священник, казалось, нисколько не удивился поведению Кордри. С невозмутимым видом он продолжал выполнять свои обязанности: накрыл выглядевшее безжизненным тело красивой простыней и помог отцу Гресте унести его в ризницу.

Как только они скрылись из виду, церковные колокола заиграли победную мелодию, и повозка, управляемая Кейлом, тронулась с места.

— Уже закончили? — поинтересовался Ранальф.

— Почти, — ответила Атайя. — Сейчас хор споет гимн, а потом епископ должен благословить прихожан.

Сообщать бывшему наемнику о своих подозрениях насчет предательства Алдуса она пока не намеревалась. Если бы тот

услышал нечто подобное, тут же ворвался бы в собор и свернул священнику шею.

— О всемогущий отец наш! — воскликнул Люкин, поднимая вверх руки. — Мы выполнили священный обряд в точном соответствии с Твоими божественными законами. Прими душу раба Твоего, даруй ему вечную радость.

Хор запел гимн, а Атайя переключила внимание на то, что происходило в этот момент в ризнице. Алдус склонился над Кордри, а Гресте подал знак двум другим священникам отправляться к епископу для завершения церемонии. Когда они остались одни, дверь, ведущая на улицу, распахнулась, и на пороге появились Тоня и Мэйзон в траурных форменных одеждах прислуги.

— Нас прислали за ним, святой отец. Повозка у ворот.

Гресте нахмурился.

— Кто эти люди? Какая еще повозка? О чем это они?

— Прошу прощения, — стараясь казаться спокойным, сказал Алдус. — Я совсем забыл вас предупредить. Сэр Джарвис пожелал забрать тело сына и держать его несколько дней дома перед похоронами.

Гресте с отвращением скривил губы.

— Неужели кто-то до сих пор придерживается этих мерзких традиций?

Алдус пожал плечами.

— Пожалуй, я сам разберусь с ними. Ступайте к епископу. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

Гресте удалился. В этот момент повозка остановилась в назначенном месте, и Атайя приказала сфере раствориться. Алдус открыл металлические ворота, а Тоня и Мэйзон вынесли Кордри, положили его на повозку и поспешно накрыли его шерстяными покрывалами.

— С ним все в порядке? — Атайя схватила Алдуса за рукав.

Священник пробормотал что-то неразборчивое и торопливо зашагал обратно. Она не могла понять, почему он так ведет себя: либо слишком нервничает, либо чувствует вину...

— Ты тоже накройся! — приказал Атайе Ранальф, бросая ей пропахшие сыростью и гнилью одеяла. — Не хватало только, чтобы сейчас тебя узнал кто-нибудь из гвардейцев короля!

Она послушно выполнила указание, стараясь не обращать внимания на жуткий запах от одеял.

По-моему, все получилось, — пронеслось в голове Атайи, но неожиданный возглас Тони заставил ее вновь насторожиться.

— Взгляните-ка! Там у стены разгуливают два гвардейца.

Последовала отборная брань Ранальфа и взволнованный шепот Мэйзона.

— Кейл, сверни здесь! Ах, черт! Слишком поздно... Они нас заметили, — взволнованно говорила Тоня.

— Если они заглянут под одеяла, нам крышка, — проворчал Ранальф. — Атайю они сразу признают, а объяснить, что тут делает Кордри в мантии для обряда отпущения грехов, будет вообще невозможно...

— У того, что слева, зеркало в правой руке, — заметил Мэйзон.

— О Боже праведный! Что нам теперь делать? — воскликнула Тоня.

Съежившись под вонючими одеялами, Атайя слушала ужасающие разговоры и чувствовала, как холодеют от страха руки и ноги. Если у солдат есть зеркало, то о применении невидимого покрова не стоит и думать. Тем более что Кордри, приняв значительную дозу снотворного — если Алдус напоил его именно им, — вообще не в состоянии позаботиться о себе.

— Тоня? — прошептала Атайя.

— Молчи и не двигайся! — приказала мастер. — Они уже совсем близко.

Атайя закусила губу. Рассчитывать можно было только на одно, других вариантов для спасения Кордри не существовало.

— Тоня, пожелай мне удачи! — едва слышно произнесла она, обхватила Кордри обеими руками и полностью сконцентрировалась на своих тропах, всем своим существом желая исчезнуть.

— Стой! — скомандовал грубый мужской голос. — Куда направляетесь?

Так далеко Атайе еще никогда не доводилось заходить. Она разыскала нужное заклинание и постаралась вложить в него всю свою энергию.

Последовал сильный толчок, затем в глаза ударил яркий свет. Замелькали разноцветные картинки, послышались отдаленные звуки, каждый из них, казалось, напоминал ей о чем-то. Через пару мгновений все исчезло, и принцесса отчетливо почувствовала на щеке ласковое прикосновение свежего весеннего ветерка.

Атайя открыла глаза. С ней рядом на влажной траве лежал, мирно посапывая, Кордри. Справа от нее возвышалась старая церковь.

— Я никогда не сомневалась в том, что ты на это способна, Атайя, но, когда увидела сегодня собственными глазами, как вы с Кордри исчезли с повозки, прямо-таки рот раскрыла от удивления. — Тоня покачала головой. Они сидели у костра в тот же самый вечер, обмениваясь впечатлениями о том, что произошло. — Кстати, я не думала, что транслокировать можно еще кого-то, не только самого себя.

Атайя скромно пожала плечами.

— Вообще-то я тоже никогда не пробовала это делать, но припомнила работу мастера Кредони. Он писал, что человек, находящийся с тобой в физическом контакте, тоже может быть перенесен туда, куда ты захочешь. Вот я и решила поэкспериментировать.

— Подходящий момент для экспериментов! — ухмыльнулся Ранальф. — Минуты через две после того, как вы исчезли, солдаты принялись обшаривать повозку. — Он подбросил в костер поленьев и с облегчением вздохнул. — Наше счастье, что у них не оказалось корбала, не представляю, что бы мы делали тогда.

В этот момент к костру, довольно поблескивая глазами, приблизилась Меган. Ее привели сюда Кам и Джильда, и

Меган вот уже целый час сидела рядом с Кордри в его комнате.

— Как он? — поинтересовалась Атайя.

— Думаю, с ним все будет в порядке. Пока что он слишком слаб, но уже пришел в себя. Начал бормотать что-то о создании собственной фабрики в Килфарнане, поэтому я и ушла.

Меган забавно скривила губы и покачала головой.

— Надеюсь, с нашим другом-священником не приключится ничего неожиданного, — сказала Тоня. — Я за него очень переживаю. Скорее бы настал завтрашний день. Хочу увидеть его и убедиться, что все нормально.

Они переглянулись с Атайей. Обе понимали, что опасаться стоило лишь епископа Люкина, если он что-то заподозрил. Заклинание блокировки за два дня никак не могло навредить Алдусу.

На губах Меган заиграла таинственная улыбка.

— Святой отец пообещал мне, что придет сегодня, — сообщила она. — Когда он появился вчера в моем доме, я попросила его обвенчать нас с Кордри. Кто еще согласится на подобное? Тем более здесь есть церковь! Лучшего места не придумаешь!

Алдус сдержал обещание, появившись в лагере примерно через час.

Тоня, как бы между прочим, коснулась ладонью его лба, снимая заклинание блокировки. Священник безмолвно поблагодарил ее взглядом. Атайя встретила гостя несколько смущенно: когда стало ясно, что Алдус выполнил все, что должен был сделать, принцессе стало ужасно стыдно за то, что она усомнилась в его порядочности.

— Я не могу оставаться здесь долго, — сдержанно, словно все еще сомневаясь в правильности своих поступков, сказал он. Его взгляд смягчился лишь в тот момент, когда остановился на расположившейся на траве Меган. — Но я пообещал обвенчать влюбленных.

Свадебная церемония прошла крайне скромно, но Меган это совершенно не смущало. Не смущал ее ни вид старой, требующей основательного ремонта церкви, ни белое одеяние жениха, все еще пребывавшего в полусонном состоянии. Около полуночи Алдус объявил молодых людей мужем и женой. Кордри поцеловал счастливую невесту и вновь заснул, не в силах противостоять сильнодействующему снотворному, действие которого еще до конца не прошло.

— Ничего страшного! — весело заявила Меган и нежно погладила по щеке новоиспеченного супруга, прежде чем Ранальф, Кейл и Мэйзон унесли его в кровать. Красноватый свет волшебных шаров красиво освещал ее милое лицо. — Теперь мы по-настоящему принадлежим друг другу. Это самое главное. Отныне нам ничего не страшно.

По спине Атайи пробежал неприятный холодок. Слова Джейрена эхом отозвались в ее висках. Он говорил тогда о том же самом: о единственном желании — всецело принадлежать друг другу. Неожиданно она почувствовала себя жалкой трусихой.

По окончании обряда епископ Люкин занялся обычными делами: расставил по местам подсвечники и чаши, вылил остатки ядовитого вина.

— Наконец-то сэр Джарвис понял, что вел себя просто глупо, — сказал Гресте. — А вот дочери Лоринга, по-видимому, трудно смириться с мыслью о потере жениха. Я разговаривал с ее семейством: по их словам, она никак не может принять факт, что Кордри оказался дьявольским отродьем.

Люкин ответил еле заметным кивком. Его совершенно не волновали переживания невесты колдуна. Болтали, будто несколько недель назад она даже пыталась сбить его с пути истинного. Теперь, когда парень мертв, забивать себе этим голову не имело смысла.

— Тело забрали для погребения? — деловито-безразличным тоном поинтересовался епископ.

— Нет, его увезли в дом Джарвиса, — доложил Гресте. — Сразу по окончании церемонии к собору подъехала повозка, и слуги унесли покойного. Старик захотел, чтобы родственники простились с его сыном.

Люкин нахмурил брови.

— Что? А почему никто не сказал об этом мне?

Гресте развел руками:

— Я тоже ничего не знал. Вероятно, договаривались с отцом Алдусом, а он решил не беспокоить вас по пустякам...

— Надеюсь, что так, — сердито отрезал Люкин.

Что-то тревожило его, хотя видимых причин для этого не было. Гвардейцы короля доложили, что во время проведения обряда не заметили никаких нарушений, на улицах города тоже сохранялось спокойствие. Все прошло благополучно, несмотря на многочисленные опасения. В глубине души он даже надеялся, что опальная сестра его величества появится в соборе, но надежды не оправдались, и это несколько раздражало его.

Теперь все в порядке, — успокаивал себя Люкин. — *Колдун мертв, значит, все идет по плану. Старику вздумалось поплакать над трупом, что с того?*

— Кстати, — обратился он к помощнику, — не забудь поменять скатерть на алтаре. Отец Алдус пролил на нее вино, *кахнил* — это кислота. Наверняка ткань уже разъело.

— Я уже убрал эту скатерть, епископ, — с готовностью сообщил Гресте. — Но с ней все в порядке. Пятно, я думаю, отстирается.

Лукин вновь нахмурился.

— Дай-ка мне взглянуть на нее!

Тресте протянул епископу аккуратно сложенную ткань.

Тщательно осмотрев пятно, епископ удостоверился, что Гресте прав, медленно взял в руки чашу, провел пальцем по ее краю и попробовал остатки жидкости краешком языка.

— Обыкновенное снотворное, — пробормотал он. Возможно, в вино добавили немного *кахнила*, но столь малое количество, что оно было совершенно непригодно для умерщвления

человека. — Где отец Алдус? — с видимым равнодушием осведомился епископ.

— Понятия не имею! — Гресте пожал плечами. — Он ушел сразу по окончании обряда.

— Ушел спать?

— Нет. В город. Наверное, к больному прихожанину. Какой-то старик не поднимается с постели вот уже больше недели.

— Да-да, я слышал об этом. — Люкин спокойно поставил на место чашу, пытаясь выглядеть совершенно невозмутимым. — Когда Алдус вернется, скажи ему, чтобы зашел ко мне. Во время церемонии он показался мне несколько расстроенным. Хочу убедиться, что с ним все в порядке. В последнее время ему нездоровится, — заботливо добавил епископ.

Гресте кивнул и, раскланявшись, удалился, а Люкин еще некоторое время неподвижно стоял у алтаря.

— Отец Алдус, — негромко произнес он. — Боюсь, вы поддались самому страшному искушению...

Глава 17

Джейрен открыл глаза. Было еще темно, но где-то на горизонте чернота уже начинала рассеиваться — до рассвета оставалось часа полтора. В нос ударил запах морской воды и гнилых водорослей. Легкую тряпичную дверь палатки трепал ветер, и Джейрен поежился от холода, чувствуя, что при каждом движении тело сотней острых игл пронизывает боль.

По крайней мере он мог воспринимать окружающую обстановку, вновь ощущал себя.

В это утро Джейрен впервые проснулся в сознании с того самого момента, как его три недели назад взял в плен капитан Парр. До самой кайтской границы гвардейцы короля Да-

рэка не спускали с пленника глаз и постоянно следили за тем, чтобы колдун находился в состоянии опьянения. Когда его желудок отказывался принимать кислое крепкое вино, к Джейрену подносили корбал, и тогда его голова разрывалась на части от резкой боли.

Голод, истощение, слабость, алкоголь и присутствие кристалла настолько измотали Джейрена, что он практически не приходил в себя на протяжении всего этого времени. Но в последние дни в моменты просветления, которые у него изредка случались, колдун стал замечать, что бдительность солдат заметно ослабла. Они прекрасно знали, что в этой стране, даже если ему удастся сбежать от них, его тут же разыщут. Гвардейцы короля уже не заботились о сохранении бессознательного состояния своего пленника и не дежурили теперь по очереди посреди ночи.

Джейрен сейчас мог чувствовать, как едва ощутимые потоки магии пробегают по его телу, и радовался этому, как радуется костру промерзший в зимнем лесу путник.

Конечно, он был сильно истощен и измучен. Камни под спиной больно врезались в кожу, голова казалась ватной.

Нельзя было терять ни минуты драгоценного времени. Его руки стягивала жесткая веревка, но не настолько крепко, как та, которой ему связали ноги. Он плотнее сжал запястья, а ладони расставил как можно шире, надеясь создать визуальную сферу.

— *Occulta me,* — негромко произнес Джейрен и едва узнал собственный голос.

Несколько минут напряженного ожидания показались ему вечностью: во рту пересохло, а сердце стучалось, как ему показалось, где-то в горле. Прозрачные струйки тумана появлялись весьма неохотно, а сформировавшаяся из них фигура мало походила на шар. Но предпринимать вторую попытку Джейрен не решился, побоялся, что на это у него и вовсе не хватит сил.

Сконцентрировав все свое внимание на желаемом образе, Джейрен напряженно уставился на сферу. Никогда в жизни

он так страстно не желал помощи волшебных сил. Кровь бешено стучала в висках, на лбу проступил пот.

Он едва не вскрикнул от восторга, когда долгожданная картинка стала медленно появляться перед глазами. Разноцветные расплывчатые краски лениво превращались в изображение различных предметов. Через несколько минут он уже мог рассмотреть комнату. Стены ее выглядели ужасно, на окне вместо занавесок висело рваное одеяло, посередине вместо столика вверх дном стояла рассохшаяся деревянная бочка. Но Джейрену показалось, что ничего более прекрасного он не видел никогда в жизни, потому что в углу комнаты, на соломенном тюфяке, укрывшись шерстяным покрывалом, спала Атайя.

Руки Джейрена дрогнули. Наконец-то ему удалось найти ее! Необходимо было сохранять спокойствие: не хватало только, чтобы сфера разрушилась. Он очень сомневался, что сможет повторно создать ее, к тому же неосторожное обращение со столь хрупкой вещью могло вызвать жуткую головную боль.

— Атайя!

Собравшись с силами, Джейрен попытался связаться с сознанием Атайи.

— Проснись, пожалуйста! У меня очень мало времени!

Изображение в сфере выглядело мутно и расплывчато, но он увидел, что она пошевелила головой, по-видимому, отвлекаясь от сладких сновидений.

— Атайя, ты меня слышишь?

Джейрену так нестерпимо хотелось, чтобы она услышала его, что трудно было сохранять спокойствие. Облизнув с губ соленые капли пота, он вновь обратился к ней:

— Атайя, умоляю тебя...

Атайя повернулась на бок и распахнула глаза.

— Джейрен?

В следующее мгновение его голову пронзила слепящая боль. Оправившись от внезапного шока, Джейрен взглянул перед собой: между ладоней вместо нежной туманной сферы поблескивал стальной кинжал.

Капитан Парр смотрел на него с отвращением, сверкая в темноте ночи белками глаз и оскалом белоснежных зубов. Беспощадным движением руки он приставил острое лезвие к шее колдуна и хладнокровно провел им по его коже. Джейрен почувствовал, как теплые струйки крови медленно потекли вниз.

— Сумасшедший... — прошипел Парр. — Проклятый сумасшедший колдун. Забудь свои идиотские штучки.

Джейрен почувствовал сильный удар по голове. Перед глазами замелькали звездочки, а потом наступила кромешная тьма.

— Джейрен?

Собственный голос показался ей каким-то странным. Атайя проснулась и огляделась по сторонам, словно ожидая увидеть кого-то — или по крайней мере призрачный образ человека, привидевшегося во сне, — в своей комнате. Осознав, что никого нет, откинула одеяло, опустила ноги на пол и потерла глаза.

Что-то сжалось в голове, но это ощущение тут же исчезло. С тех самых пор, как у нее прошел *мекан*, Атайе больше не снилось ничего настолько похожего на реальность, ничего, что могло разбудить бы ее посреди ночи. На душе было тревожно.

Несмотря на то что за окном еще царила тьма, Атайя не могла больше спать. Ощущение реальности произошедшего с ней несколько минут назад не давало покоя. Она сознавала, что проснулась не от страха, а от радости. Радостное чувство возникло в ней инстинктивно, на уровне подсознания. Ее трезвый разум спал, поэтому не смог вовремя напомнить о рациональных причинах, по которым она желала, чтобы *он* находился подальше.

Закутавшись в теплую шерстяную накидку, Атайя вышла из комнаты, спустилась вниз по лестнице и направилась к старой церкви.

Было тихо и темно, лишь свет луны, пробиваясь сквозь щели в крыше, озарял алтарь — место, где меньше шести часов назад Алдус обвенчал Кордри и Меган.

Атайя уселась на скамейку в первом ряду, поеживаясь от холода, грустно оглядывая темные стены, усыпанный сухими листьями пол. Даже в предрассветной умиротворенной тишине она чувствовала себя неспокойно. В голове теснились десятки противоречивых мыслей. Один внутренний голос уверял ее, что сделанный ею выбор совершенно правильный, но звучал и другой голос, возможно, голос ее подсознания, причем все более и более настойчиво, упрямо утверждая, что она допустила ошибку и что есть еще время, чтобы все исправить. Принцессе хотелось заглушить в себе этот мучительный спор, не обращать на него внимания, но ничего не получалось.

Атайя не заметила, как заснула, свернувшись калачиком на каменной скамейке. Когда она вновь открыла глаза, церквушка уже была залита приветливым солнечным светом, а рядом с ней стояла, весело улыбаясь, Тоня.

— Обычно люди засыпают в подобных местах только во время службы.

В глазах мастера плясали задорные огоньки. У Тони был один значительный недостаток: по утрам она пребывала в слишком хорошем настроении.

Атайя, еще не проснувшись окончательно, лениво поежилась и спрятала под накидку босые ноги.

— Я тебя везде ищу, — сказала Тоня. — Кордри и Меган уже собрались, хотят попрощаться с тобой. — Она хихикнула. — Кордри ужасно расстроен из-за того, что крепко проспал всю свою первую брачную ночь. Ничего страшного! Они наверстают упущенное.

Заметив, что Атайя все время молчит, Тоня подняла вверх бровь.

— Что-нибудь случилось?

Атайя вяло пожала плечами.

— Не знаю... Мне приснилось, что со мной разговаривает Джейрен, но я очень сомневаюсь, что это был всего

лишь сон... У меня такое чувство, что я на самом деле его *слышала*...

Тоня села на скамью рядом с Атайей.

— Сомневаюсь, что он стал бы связываться с тобой посреди ночи. Тем более из Уларда. Расстояние слишком большое, у него вряд ли получилось бы разговаривать с тобой. Возможности сферы ограниченны. — Тоня многозначительно улыбнулась. — Наверное, ты восприняла желаемое за действительное...

— Возможно...

Атайя искоса взглянула на мастера, пытаясь догадаться, как много об их с Джейреном отношениях ей известно, и внезапно почувствовала себя невероятно одинокой.

— Мне кажется, я допустила страшную ошибку, Тоня. Не знаю, слышала ли ты об этом... Джейрен сделал мне предложение незадолго до отъезда из Ат Луана.

Тоня склонила набок голову.

— Я догадывалась! Пробовала выведать о вас у Хедрика, но вытянуть из этого старого хитреца чей-нибудь секрет — все равно что пытаться рассмешить Бэзила. Упрямый осел. — Она наигранно возмущенно покачала головой. — Оба они такие.

— Я ему отказала, — пробормотала Атайя, и все те переживания, которые ей пришлось испытать в тот вечер, с новой силой нахлынули на нее. — Джейрен так обиделся, Тоня... Не удивлюсь, если он никогда в жизни больше не станет разговаривать со мной...

— Какие глупости! Я знаю этого мальчика с самого рождения. Мстительность совершенно несвойственна ему. Он слишком чувствителен, как и его отец, хотя в Иане это качество трудно рассмотреть под маской высокомерия и жесткости. — Тоня сложила руки на груди, веселое выражение ее глаз неожиданно превратилось в задумчиво-обеспокоенное. — Ответь мне на один вопрос, Атайя: ты любишь Джейрена?

Атайя тяжело вздохнула и подняла вверх голову, словно хотела увидеть какую-нибудь подсказку под затененным сводом храма.

— Мастер Тоня, я сама размышляю над этим вот уже на протяжении нескольких месяцев. Забавно, но все это время мне кажется, что я прекрасно знаю ответ... — Она сделала паузу, вспоминая разговор с Николасом в тот день, когда Джейрен сделал ей предложение. — Я чувствую себя такой сильной и защищенной в присутствии Джейрена, Тоня. Он и Николас — мои самые лучшие, самые преданные друзья. Даже не знаю, в какой момент в моей душе зародились иные чувства по отношению к нему... Но однажды это произошло... Это похоже на то, когда просыпаешься среди ночи и вдруг замечаешь, что за окном вот уже несколько часов кряду идет дождь. О том, в какой момент он начался, не имеешь понятия, знаешь только, что происходит сейчас...

Атайя подняла с пола сухой кленовый лист и принялась растирать его пальцами.

— Я сознаю, что долго боялась взглянуть правде в глаза. И понимаю почему: еще раз пережить подобный кошмар я просто не в состоянии.

— Именно поэтому ты и отказала ему?

— Я не хочу, чтобы Джейрен рисковал из-за меня жизнью, Тоня. После того, что случилось по моей милости с Тайлером... Хедрик тебе что-нибудь рассказывал об этом?

— Очень немного. — Тоня сцепила руки в замок. — Ответь мне: ты хотела бы, чтобы Тайлера вообще не было в твоей жизни?

Атайя вздрогнула.

— О нет! Воспоминания о Тайлере — то малое, что радует сердце.

Тоня ласково улыбнулась.

— Мне кажется, ты ответила на вопрос. — Мастер ненадолго задумалась, закусив нижнюю губу. — Знаешь, что с тобой происходит? Ты сознательно запрятала свои чувства в дальний угол своей души, подобно тому, как блокируют ма-

гию при помощи секретного заклинания. Но в данном случае освободить эмоции можешь только ты сама.

Атайя нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— У каждого из нас есть внутренний голос. Он правдиво говорит нам о наших желаниях и ощущениях, о том, чего каждому из нас по-настоящему хочется. Большинство людей, к сожалению, всю свою жизнь поступают наперекор истинным чувствам, потому как привыкли вести себя не как им *нравится*, а как *принято*. Если эмоции постоянно сдерживать, то они начнут причинять вред, подобно заблокированной магии, только вред этот не физический и тело не пострадает. Заболит душа, что в итоге приводит иногда к страшным трагедиям... — Тоня замолчала и неожиданно рассмеялась. — Чувствую, я похожу сейчас на занудного старца-философа. Я хотела сказать тебе одно: именно наши тайные желания часто несут в себе истину... Именно они бывают самыми верными...

— Но я не имею права становиться его женой, Тоня! — срывающимся голосом закричала Атайя. — Чтобы просыпаться каждое утро, замирая от ужаса, зная, что каждый последующий день может оказаться последним в его жизни? Я сама не вынесу этого. Я не настолько сильна. Когда-то мне хватило сил, но испытать нечто подобное повторно я не смогу...

— Ты сильнее, чем думаешь, Атайя. В противном случае не приехала бы сюда и не занималась бы тем, чем занимаешься сейчас, а затаилась бы где-нибудь в Рэйке и жила воспоминаниями, жалея себя и убиваясь.

Тоня обхватила ладонями руки Атайи.

— То, что я скажу тебе, возможно, покажется тебе страшной жестокостью, а я не хочу тебя обижать. Постарайся понять это. Чего ты боишься больше, Атайя? Того, что Джейрен погибнет, или того, какие страдания принесет его смерть *тебе?*

Жгучая правда обрушилась на Атайю столь неожиданно и беспощадно, что в первые мгновения она не могла вымолвить ни слова. Эгоистические мотивы ее поступка, в которых де-

вушке не хотелось признаваться даже самой себе, были ловко разгаданы. Ее щеки вспыхнули от стыда.

— Но человек, который знает, что такое обжечь руку, никогда не полезет в огонь второй раз! — в отчаянии, с трудом подобрав подходящие слова, воскликнула Атайя.

— Возможно. Но если этот человек, прекрасно сознавая, на какой риск идет, бросится в горящий дом, чтобы кого-нибудь спасти, то люди назовут его истинно отважным и смелым, верно?

Атайя притихла. Сотни мыслей роились в эту минуту в ее голове: безжалостных и мучительных, но в то же время дарящих надежду, указывающих верный путь. Меган не побоялась ради любимого человека поставить на карту все, не струсил и Алдус, согласившись спасти их обоих. Так почему же ей, их предводительнице, не хватило смелости?

— Я возвращаюсь обратно! — решительным тоном заявила вдруг Атайя, глядя в пустоту. — Я не должна терять времени, пока он не позабыл меня окончательно. Перенесусь при помощи заклинания транслокации в Ат Луан, а оттуда отправлюсь в Уларда...

Ее голос оборвался: впервые в жизни она позволила себе представить совместное с Джейреном будущее, и на душе от этого стало тепло и радостно.

— Не надо так торопиться, Атайя. Советую тебе хорошенько все обдумать. Если и завтра ты почувствуешь, что принимаешь правильное решение, тогда можешь отправляться в путь. Я благословлю тебя.

Тоня весело подмигнула Атайе и указала рукой на выход.

— Наверное, пора попрощаться с Кордри и Меган.

Когда они вышли на лужайку, молодожены ворковали, обсуждая планы на будущее. Джильда и Камерон складывали в кучу посуду после завтрака, а Мэйзон укладывал в сумку сыр, фрукты и хлеб, вероятно, для Меган и Кордри.

— Мы поедем на запад, — воскликнула новоиспеченная жена первого ученика Атайи. — Кордри собирается открыть новую фабрику в Килфарнане. — Она покачала головой. —

Денег, которые отец Алдус принес ему от отца, вполне хватит на это.

Глаза Кордри оживленно засверкали.

— Надеюсь, все получится. Река там быстрая, и...

— Умоляю тебя, любимый! Оставь эти разговоры. Сейчас нам надо попрощаться с друзьями.

Только теперь Атайя обратила внимание на то, что сумка, которую упаковывал Мэйзон, — его сумка. Перехватив ее взгляд, учитель несколько смутился.

— Прошу прощения, ваше высочество, я не предупредил вас раньше, потому что не было подходящего момента. Я решил поехать вместе с ними. Конечно, не потому, что им необходим компаньон. Кордри обучился лишь основам магии, по пути мы сможем продолжать тренировки.

— Ты вернешься?

— Не думаю, что это случится скоро. Я собираюсь распространить слухи о нас в той части Кайта. Люди подумают, что нас больше, чем есть на самом деле.

Ранальф добродушно ухмыльнулся.

— Советую тебе отправиться в лес. Ты способен шуметь за десятерых.

Мэйзон пропустил мимо ушей насмешку Ранальфа.

— Быть может, в скором времени мне удастся открыть в Килфарнане нечто подобное нашей овчарне. А лет через десять — кто знает? — превратить ее в настоящую школу колдунов.

— Грандиозные у тебя планы! — улыбнулась Тоня, но по ее голосу было понятно, что ей всем сердцем хотелось бы, чтобы планы Мэйзона осуществились.

— Я ведь говорил, что люблю мечтать. — Учитель вновь повернулся к Атайе. — Алдусом придется заняться кому-то другому. Но теперь, особенно после успешной операции по освобождению Кордри, думаю, он стал доверять даже *тебе*. А я постараюсь не пропадать надолго. Приеду хотя бы для того, чтобы посмотреть, какой колдун получился из моего ученика. Уверен, он добьется больших успехов.

Атайя печально кивнула, оглядывая тоскливым взглядом Меган, Кордри и Мэйзона, но тут же рассмеялась: Кам вытащил из кармана медные монеты, которые «нашел» по дороге из Лефорта, и добродушно протянул их учителю. Тот строго взглянул на него, но взял деньги и уложил их в сумку, пробормотав слова благодарности.

Пока Мэйзон и Ранальф изучали потрепанную карту, решая, по какому пути ехать, Кордри подошел к Атайе и поклонился ей.

— Спасибо вам, ваше высочество. Вы дважды спасли мне жизнь. — Он пожал плечами, безмолвно извиняясь. — Не могу пообещать вам, что стану великим волшебником. Магия для меня не так важна, как для вас. Но если бы не вы, меня уже не было бы в живых. И у меня не было бы Меган. Даже не знаю, как вас благодарить...

— Ты тоже можешь мне помочь! — Глаза Атайи вспыхнули. — Если будешь рассказывать людям о нашем существовании и о том, какую помощь мы оказываем лорнгельдам. Я буду тебе очень признательна.

Кордри уверенно кивнул:

— Я сделаю все, что в моих силах, ваше высочество. Обещаю вам.

— Я тоже должна поблагодарить вас кое за что. Вы двое помогли мне понять очень важную вещь, хотя сами даже не подозревали об этом. — По губам Атайи скользнула смущенная улыбка. — Видит Бог, ради друг друга вы преодолели немало трудностей. Вы должны быть счастливы вместе, вы заслуживаете этого.

Теперь моя очередь, — подумала она.

Вечером того же дня оставшиеся в лагере собрались на кухне, чтобы подготовить очередную партию листовок перед ужином. От запаха лукового супа и жареной крольчатины у Атайи посасывало в желудке, но она терпеливо выводила буквы на мягких пергаментах.

Джильда, сидевшая рядом с ней на скамейке, промокнула свежевыведенную надпись кусочком ткани.

— Как мне хочется, чтобы мой муж перестал бояться моей магии, чтобы понял, что я осталась прежней.

Еще несколько недель назад от Джильды нельзя было ожидать ничего подобного. Теперь же, после появления в их рядах священника и после удачного освобождения Кордри, отношение молодой женщины к колдовству сильно изменилось. Она наконец-то осознала сам смысл существования магии.

— Возможно, однажды он все поймет, — сказала Тоня, добавляя в суп капусту. — Соскучится по тебе, а потом еще увидит ребеночка.

— Так же думает отец Алдус, — мечтательно улыбаясь, ответила Джильда.

Атайя опять подумала об Алдусе. Священник не пришел сегодня, и она не раз возвращалась к мыслям о нем, пытаясь убедить себя, что беспокоиться не о чем: ему пришлось пережить вчера страшное испытание, к тому же вечером он сильно задержался, венчая Меган и Кордри. Наверняка сегодня решил как следует отдохнуть.

Разговор плавно перешел в обсуждение отъезда Мэйзона и молодоженов, а мысли Атайи вернулись к Джейрену и планам на завтрашний день. После сегодняшней беседы с Тоней она уже не сомневалась в правильности своего решения. Ей необходимо отправиться в Рэйку, встретиться с Джейреном, все объяснить ему, попросить прощения и рассказать о своей любви. Он поймет ее. Непременно поймет. Они будут вместе.

Атайя едва заметно улыбнулась, исполненная надежд и оптимизма. Все складывалось не так уж и плохо: Меган и Кордри в безопасности, Джильда и Алдус практически приняли магию, а Мэйзон собрался распространить слухи об обучении колдовству по всей стране! Почему-то она была уверена, что Джейрен не отвергнет ее и согласится поехать с ней в Кайт. Тогда отцу Алдусу придется венчать еще одну пару влюбленных...

Прозвучавший неожиданно где-то внутри ее мозга голос заставил ее вздрогнуть.

— Атайя, ответь мне!

— Джейрен? — вслух произнесла Атайя, вскакивая на ноги и роняя на пол пергамент.

Сердце бешено заколотилось в груди, голова закружилась. Через секунду она поняла, что голос не его.

Остальные резко прекратили разговор и испуганно уставились на нее. Тоня, быстро сообразив, в чем дело, подала знак не мешать. Атайя медленно опустилась на табурет в углу и расслабилась, готовясь принять сообщение.

— Атайя, прошу тебя, ответь! — отчаянно взмолился голос. *— Это Алдус. Мне необходима твоя помощь. Я попал в беду, в ужасную беду...*

— Что случилось, Алдус? Где ты?

— Я в той часовне, куда ты приходила ко мне в прошлый раз. Епископу все известно. Он догадался, что я не добавил яд в вино. Повсюду охрана. У каждого из них зеркало и корбал. Завтра утром меня повезут в Делфархам.

— В Делфархам? Зачем...

Она резко замолчала, догадавшись. Отпущение грехов духовного лица являлось событием особым и требовало специального указа архиепископа.

Но указ может быть запросто доставлен в Кайбурн курьером, — быстро соображала Атайя. Должно быть, его собирались везти в Делфархам для чего-то другого.

Король хочет лично поговорить с ним, — мелькнуло в ее голове. *— Чтобы выяснить, что известно этому священнику. И с кем он знаком.*

Атайя вытянула руки и приказала появиться сфере. В часовне, где находился Алдус, ей довелось быть всего лишь раз, но она могла представить ее и сконцентрировала на этом все свое внимание.

Алдус сидел на полу, согнувшись над собственной сферой в прозрачном свете нескольких свечей. Через дверной проем можно было увидеть четверых стражников, расхаживавших

взад и вперед по коридору. К ее счастью, епископа Люкина не было поблизости.

— *Епископ предоставил мне возможность всю ночь молиться*, — задыхаясь, продолжил рассказывать Алдус. — *Он приказал никому не входить сюда, как бы я ни уговаривал их.*

— *Понимаю*, — пробормотала Атайя. — *С твоими способностями ты в два счета смог бы заставить их отпустить тебя, они поверили бы во что угодно...*

— *Умоляю, спаси меня. Я не хочу умирать! Я не успел сказать тебе: я поверил вам, особенно после спасения Кордри. Я верю тебе!*

Неожиданно изображение в сфере сильно затуманилось, а голос Алдуса стал практически неслышен и вскоре совсем исчез.

Атайя замерла в ожидании, но через несколько минут приказала сфере раствориться.

Быстро пересказав друзьям о состоявшейся беседе, Атайя задумалась.

— Мы должны найти способ проникнуть в часовню до наступления утра.

Лицо Ранальфа помрачнело.

— Это невозможно, Атайя. Мне доводилось бывать в страшнейших переделках. Но когда я вижу, что ситуация безнадежна, я открыто говорю об этом. — Она открыла было рот, желая возразить, но Ранальф прервал ее: — Не подумай, что я поступаю так потому, что не очень доверяю Алдусу, а потому что понимаю: нам не пробраться незамеченными в часовню, окруженную солдатами с зеркалами и корбалами.

— Но мы не можем просто так бросить его в беде!

— Атайя, бывают такие случаи, когда приходится оставлять человека на верную погибель, потому что его спасение стоит десяток жизней. Кстати говоря, у Алдуса есть другая возможность: попытаться сбежать во время поездки в Делфархам. Поверь мне, у нас нет ни малейшего шанса вытащить его из часовни сегодня ночью!

— Ему предоставляется прекрасный случай попробовать, не способен ли он пользоваться заклинанием транслокации, — угрюмо пробормотала Тоня, склонившись над кастрюлей с супом.

Атайя вскочила на ноги.

— Транслокация! Я должна перенестись к нему. Это единственный выход.

Тоня махнула половником, словно оружием.

— Даже не думай об этом!

— Это мой долг. Больше ведь никто не способен на это.

— Тогда бери с собой меня, — заявил Кейл.

— И меня! — Ранальф стукнул по столу кулаком.

— Исключено, — спокойно ответила Атайя. — Я уверена, что перенести с собой одного человека я еще в состоянии, а что касается двоих, троих... Сейчас не время экспериментировать. После транслокации я теряю много сил, но до утра мне хватит времени восстановиться. Попрошу Алдуса, чтобы он спрятал меня под покровом, чтобы кто-нибудь не увидел меня...

— А если тебя схватят? — поникшим голосом спросила Тоня. — Как мы выручим тебя?

Атайя прошлась по кухне. Думать о столь неприятной перспективе просто не хотелось.

— Неужели жизнь Алдуса ничего не стоит? Он необыкновенно талантлив. Мы не имеем права терять такого человека.

Атайя побежала к себе в комнату за плащом и туфлями. Когда она вышла, друзья встретили ее мрачным молчанием.

— Не смотрите на меня, как на смертельно больную! Лучше покормите. Я вернусь через несколько часов.

— А если не вернешься?

Тоня смотрела ей прямо в глаза напряженно и очень серьезно.

Атайя застегнула на шее пряжку плаща.

— Тогда передай Джейрену, что я люблю его и глубоко сожалею, что отказалась выйти за него замуж.

Никто не успел произнести и слова. Атайя выбежала из кухни и направилась в церковь, чувствуя, что в этом тихом месте ей будет легче собраться с силами.

Темнота и умиротворение царили в старом святилище. Атайя прижала ладони к алтарю и постаралась расслабиться. Она уже хорошо знала, где находится нужное ей заклинание. Через несколько минут ее голова закружилась, и перед глазами замелькали краски и образы, зазвучали голоса, почва исчезла из-под нее, все закружилось в диковинном танце. Последовал сильный толчок, и Атайя почувствовала, что касается каменного пола. Через мгновение, не удержавшись на ногах, она упала и, раскрыв глаза, увидела склонившегося над ней Алдуса.

— Ты в порядке, Атайя? — заботливо спросил он.

— Все нормально, — прошептала она. — Мне понадобится часок-другой, чтобы восстановить силы. Может, ты создашь покров? Чтобы никто не увидел меня.

— Может... — ответил Алдус, но даже не пошевелился.

Атайя почувствовала, что в его голосе появилось незнакомое ей напряжение, оттенок сожаления. Создавалось впечатление, что он не очень-то счастлив видеть ее.

Внезапно огонь свечей заколыхался, и Атайя широко раскрыла от удивления глаза: ни она, ни Алдус не двигались с места. Чем было вызвано колебание воздуха?

— Благодарю вас, отец Алдус, — послышался низкий мужской голос откуда-то из-за ее спины. — Вы оказали Кайту огромную услугу. Эта колдунья не должна продолжать красть души несчастных людей.

Атайя, несмотря на ужасную слабость, резко повернула голову. У входа стоял облаченный в черные одежды епископ Люкин. Он с отвращением оглядел ее с ног до головы без капли опасения.

Наверняка он знает, что у меня нет сил... — ужасаясь, подумала она.

— Принцесса Атайя, — воскликнул Люкин таким тоном, что казалось, одно ее имя являлось для него страшным ру-

гательством. — В прошлый раз мы виделись с вами на похоронах вашего отца. Не думаю, что вы обратили на меня тогда внимание, ведь вы были слишком заняты: пытались спалить собор.

Атайя молчала, уставившись на дверной проем поверх плеча епископа, удивляясь тому, что не заметила его присутствия здесь через сферу.

Лукин, словно прочитав ее мысли, ехидно улыбнулся.

— Алдус назвал это покровом.

Атайя чувствовала, как медленно и мучительно ее охватывает липкий ужас, ужас сложившейся ситуации. Она гневно повернулась к Алдусу:

— Как ты посмел? Как ты мог так обойтись со мной?

Священник виновато опустил глаза.

— Не все из того, что он сказал вам, — ложь, ваше высочество, — издевательски усмехаясь, сказал Люкин. — Завтра мы действительно поедем в Делфархам. Причем все вместе. Ваш брат желает поговорить с вами.

О чем? — подумала Атайя. — *О том, где меня лучше похоронить?*

Они не виделись с Дарэком со дня похорон Кельвина. Атайя представила, сколько ненависти по отношению к ней скопилось в его душе, и у нее похолодели руки.

— У меня в этом городе много друзей, — как можно более храбро заявила Атайя епископу, мечтая поубавить его наглую уверенность. — Если я не вернусь вовремя, сюда явится целая толпа колдунов.

— Прекрасная ложь, ваше высочество! Должен вас разочаровать: отец Алдус уже сообщил мне о том, что вы — единственная колдунья, способная перемещаться в пространстве. Если вы мечтаете о появлении здесь своих приятелей, то, боюсь, вам придется слишком долго ждать.

Епископ хлопнул в ладоши, и в часовню вошли четыре солдата.

— Отец Алдус, я помню о нашем уговоре. Прошу вас.

Алдус двинулся к Атайе, и она попятилась назад, но вскоре была вынуждена остановиться: за ее спиной стояли гвардейцы короля.

Молодой священник осторожно положил ладонь на ее лоб. В его глазах отражались боль и отчаяние.

— Прости меня, Атайя... Для тебя это лучший выход. Учитель показал мне, как это делается...

Она почувствовала усиливающееся с каждой секундой давление на мозг и вскоре, поддавшись неведомой силе, опустилась на руки Алдуса, проваливаясь в темноту... Он отправил ее помимо ее воли в царство глубокого сна.

Глава 18

Первое, что увидела Атайя, очнувшись ото сна, был епископ Люкин, откинувшийся на шикарные подушки сиденья кареты. Он невозмутимо, даже нагловато смотрел на принцессу и, казалось, вовсе ее не боялся. Она быстро пришла в себя, хотя какая-то часть ее мозга все еще пребывала в некотором полузабытьи.

Атайя, несмотря на пристальный взгляд епископа, отдернула бархатные занавески и выглянуло в окно. На улице было темно, но разглядеть фигуры сопровождавших карету воинов не составляло труда: их дорожные камзолы, а также совершенно незнакомый ей пейзаж озаряло сияние луны.

Где бы они ни находились сейчас, Атайя поняла одно: Кайбурн остался далеко позади.

Проснувшись, она вспомнила все, что с ней случилось. Мысли, пугающие и зловещие, закружились в голове бесконечной вереницей. Сколько времени длился ее сон? Что с Тоней и всеми остальными? Живы ли они? Страшно думать о том, что рассказал епископу Алдус. Он вполне мог детально объяснить, где находится их лагерь, рассказать,

сколько колдунов скрываются в лесу, доложить их имена и возраст...

Следующая мысль отозвалась неприятной дрожью в спине.

— Где Алдус? — спросила Атайя.

Лукин беззаботно пожал плечами.

— Позади нас. Едет в другой карете. Я посчитал, что везти его рядом с вами не стоит. Вдруг вам в голову опять взбредет сыграть с ним какую-нибудь шутку?

— Почему вы так уверены, что я не сыграю шутку с вами?

Епископ снисходительно улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами в полумраке кареты.

— Отец Алдус заверил меня, что вы ничего мне не сделаете, вернее, не сможете сделать.

Видимая уверенность Атайи начала исчезать. Люкин вел себя слишком спокойно, по-видимому, он обладал немалыми сведениями о ней и ее колдовстве. Принцесса опустила занавеску и устало откинулась на подушки, напряженно размышляя. Епископ не мог находиться с ней рядом каждую минуту: рано или поздно ей должны были предоставить хотя бы несколько минут одиночества для умывания и справления личных нужд.

Необходимо связаться с Тоней!— стучало в ее висках. — *Нужно предупредить ее об опасности, сказать, чтобы они уходили из лагеря и были крайне осторожны...*

Неожиданно пришедшая в голову идея обрадовала ее.

А почему бы не воспользоваться для побега тем же способом, который она применила для перенесения к Алдусу?

Какая же ты глупая! Почему не додумалась до этого сразу?— воскликнула про себя Атайя.

Притворившись, что сдается, она устало опустила ресницы и сделала вид, что собирается вновь заснуть. Как все просто! Ей всего лишь требуется расслабиться и найти нужное заклинание. Через несколько минут епископ останется в своей карете один.

Даже если она проспала всего несколько часов, ее силы должны были восстановиться. Об этом даже не стоило переживать!

Извилистые коридоры встретили ее привычным полумраком. Атайя шла по ним уверенно, в деталях воспроизводя в воображении свою комнату в старом монастыре.

Найдя нужное заклинание, принцесса напрягла мозг, готовясь к волшебному полету.

К ее большому удивлению, ничего подобного не произошло. Открыв глаза, Атайя опять увидела перед собой епископа, который откровенно хохотал.

Ужасная догадка обожгла ее мозг, подобно вспарывающей темноту вспышке молнии в ночном небе. Сердце неистово заколотилось в груди, а на лбу проступил холодный пот.

Заклинание блокировки! Алдус сделал это, когда я спала!

— Вижу, вы обо всем догадались, — победно воскликнул Люкин и торжествующе рассмеялся.

Атайя стиснула зубы и вдавила ногти в ладони, изо всех сил удерживаясь от соблазна вцепиться в самодовольную физиономию епископа. По всей вероятности, Алдус рассказал ему обо всем...

— Так, значит, он поведал вам о том, что я доверила ему во время исповеди?

Лицо Люкина неожиданно напряглось и исказилось ненавистью и отвращением.

— Верно. Только в вашем случае, принцесса, речь не может идти о нарушении клятвы сохранения тайны. Священное таинство исповеди вообще не для вас! — Он удовлетворенно улыбнулся, показывая всем своим видом, что является победителем. — Я заговорил с Алдусом об обряде отпущения грехов Кордри Джарвиса. Сначала он все отрицал: что умышленно добавил в вино достаточное количество *кахнила*, что связался с вами. Я ему даже поверил, ведь во время церемонии у Алдуса в руках находился подсвечник с корбалом, который не причинил ему ни малейшего страдания. Слава Господу! Алдус вовремя осознал, что поддался силам дьявола, и во

всем признался. Мы беседовали на протяжении долгих часов, и в конце концов мне удалось полностью вырвать его из-под вашего пагубного влияния, из объятий Сатаны! — Епископ крепко сжал пальцы в замок и подался вперед. — Господь гораздо могущественнее проклятого Князя тьмы!

— Но Бог — мой...

— Алдуса спасла лишь истинная любовь к церкви! — бесцеремонно прервал Атайю епископ. — Его вера настолько сильна, что победила страшную силу ваших безумных учений. Говорите, магия — это дар? — Слова, сказанные когда-то ей самою в разговоре с Алдусом, прозвучали из уст Люкина пошло и отвратительно. — Вы смеете называть самого Всевышнего колдуном? — Он вытаращил глаза, жилы на его шее вздулись от возмущения. — Чего еще от вас ожидать? Скоро вы заявите, что являетесь Божьей посланницей и пришли в этот мир, чтобы спасти человечество?

Атайя крепче сжала кулаки, с трудом сдерживая негодование и боль. Вступать в теологический спор с епископом не имело смысла.

— Что вы собираетесь сделать с Алдусом? — спросила она, страстно желая сменить тему. — Даруете ему счастье, любезно предоставив услуги по отпущению грехов?

Лицо Люкина смягчилось.

— Нет. Этот человек — отличный, необыкновенно одаренный священник. Такие нечасто встречались в моей практике. Скорее всего мы сохраним ему жизнь, но при одном условии: если он будет исправно выполнять новые обязанности, которые церковь собирается ему поручить. Ему доверят защищать людей от вам подобных.

— Негодяй! — вырвалось у Атайи. — Хотите использовать его в своих грязных целях! И вам не жаль подвергать его страшной опасности — продолжать жить с магией?

— Ради всеобщего блага — не жаль! — хладнокровно ответил епископ. — Уверен, Господь поймет нас.

Самозванец! — раздраженно подумала Атайя. — *Да кто тебе дал право решать, что Он поймет, что нет?*

Она молча опустила голову на подушку, слишком уставшая, чтобы спорить.

Епископ, радуясь победе, достал из плетеной корзины булочку и принялся с аппетитом уплетать ее.

Атайя вспомнила вдруг тот день, когда Мэйзон рассказал ей о таланте Алдуса. Он говорил тогда, что в этом человеке заложен огромный потенциал...

Ты не ошибся, Мэйзон, — с грустью подумала она. — *Этот священник действительно способен на многое.*

После трех дней, проведенных в карете с Люкином, и трех ночей заточения в тесных монастырских кельях, где компания епископа останавливалась для отдыха, Атайя заметила, что пейзаж становится все более знакомым. Она узнала широкие поля, полоску густого леса вдали и приземистые холмы, окружавшие кайтскую столицу. Запах морской воды усиливался, а когда карета съехала с последнего холма, на горизонте показались дворцовые башни из известняка, почти белые на фоне тяжелого серого неба.

Об их приезде знали. Народ глазел на Атайю через окно кареты, люди толпились на тротуарах, показывали в ее сторону пальцами и перешептывались. Один храбрец выбежал на дорогу и крикнул:

— Убейте ведьму!

Окружающие замерли, напряженно ожидая ее реакции, но убедившись в том, что она не сделала ничего страшного, дружно поддержали смельчака.

— Долой отродье дьявола! — доносилось со всех сторон. — Уничтожьте ее! — орали люди, размахивая кулаками.

— Верните ее в ад! Туда, где она должна находиться!

Атайя, не выдержав, задернула занавески, но Люкин тут же опять отдернул их и приветливо помахал народу рукой.

Вскоре карета приблизилась к могучим воротам замка, оставляя возбужденную толпу позади. Они въехали во двор, и буквально через секунду до принцессы донесся металлический звон цепей и решеток. По-видимому, король основатель-

но приготовился к встрече гостьи и на этот раз был не намерен упускать ее.

— Добро пожаловать домой, — злорадно улыбаясь, произнес Люкин, но Атайя лишь окинула его презрительным взглядом.

Во дворе было всего несколько стражников. Атайя не могла знать, приказал ли Дарэк никому не высовываться в момент ее приезда, или произошло простое совпадение, но было даже приятно сознавать, что ее появление вызвало такой переполох. Выйдя из кареты, Атайя оглянулась, желая увидеть Алдуса, но и его прятали от нее.

Из главных дверей появилась тучная фигура в черном. Человек, переваливаясь с боку на бок, двинулся навстречу приехавшим. Узнав архиепископа Вэнтана, Атайя поморщилась.

— Ваше преосвященство, — заискивающим тоном воскликнул Люкин, опустился на колено и коснулся губами перстня Вэнтана.

Атайя знала, что перстень украшен мельчайшими корбалами, но сейчас она ничего не чувствовала.

— Рад тебя видеть Джон, — радушно ответил архиепископ, кашлянул и окинул беглым взглядом принцессу, не поздоровавшись с ней. — Король ждет ее немедленно.

Никто из людей, сопровождавших ее к приемным покоям короля, не проронил ни слова. Атайя и сама нашла бы дорогу, даже с закрытыми глазами. Сколько раз ей приходилось являться сюда, чтобы выслушать очередную порцию нравоучений и нотаций. Но сегодня ей предстояло встретиться не с Кельвином, как раньше, а с Дарэком. Отец всегда был строг, но справедлив. Дарэк же всегда оставался для нее непонятным и чужим, а сегодняшняя встреча с ним не предвещала ничего хорошего.

Брат находился в палате один. Он неподвижно стоял у окна и долго еще не двигался с места после того, как удалились стражники. Его серый камзол почти сливался с хмурым небом.

Когда он наконец повернулся, Атайя вздрогнула от неожиданности. Как сильно изменили его эти несколько месяцев! Лицо Дарэка вытянулось и постарело и казалось теперь еще более худощавым, несмотря на появившуюся на подбородке щетинистую бороду. Волосы заметно поредели и засеребрились на висках. Самым неприятным было разительное несоответствие: одеяния Кельвина сидели на его плечах как-то нелепо. Атайя почувствовала, что брат никогда в жизни не сможет стать достойной заменой отцу, а навсегда останется лишь его тенью.

И страх, который зародился в ней по дороге к приемной палате, улетучился. Она больше не боялась Дарэка. Не могла бояться.

Король прошел по комнате и, остановившись посередине ковра, оглядел сестру с ног до головы.

Атайя смущенно сжалась: вот уже на протяжении пяти дней она носила одно и то же простое шерстяное платье, забрызганное чернилами во время изготовления листовок. Волосы были грязными и взлохмаченными.

Оценив ее вид, Дарэк фыркнул.

— Ты, я вижу, остаешься верна своему старому стилю.

Ее подмывало ответить, бросить ему в лицо что-нибудь язвительное, но она промолчала.

Дарэк прошел к столу — столу Кельвина, — уселся на высокий дубовый стул и рукой указал ей на скамью.

Атайя сделала шаг вперед, и ужасающие воспоминания, навеянные самим воздухом, с невероятной отчетливостью всплыли в памяти. Перед глазами возник образ Кельвина, извивающегося от боли и страданий, молящего о пощаде. Ей казалось, она слышит его отчаянные крики.

— В чем дело, Атайя? Боишься привидений? — спокойно сказал Дарэк.

Она, ничего не ответив, окинула его дерзким взглядом и села на скамейку.

Брат пожал плечами.

— Хочу заметить, я не припомню, чтобы ты на протяжении такого долгого периода вела себя столь сдержанно и тихо. — Он подался вперед, отбрасывая в сторону ненужные формальности. — Я не собираюсь говорить тебе «Добро пожаловать домой!», эти слова прозвучали бы просто смешно, сама понимаешь. Тебя здесь теперь никто не ждет, Атайя. Это больше не твой дом.

Она едва заметно улыбнулась. Брат не сказал ей ничего нового.

— Ты сам приказал привезти меня сюда. Если тебе не нравится мое здесь присутствие, отправь меня обратно.

Дарэк хотел было что-то ответить, но, по-видимому, передумал. Откинувшись на спинку стула, он прищурил глаза.

— Итак, ты хочешь что-нибудь сказать?

Атайя выдержала длинную паузу, неторопливо оглядев стены, мебель, брата, вызывая в нем тем самым невероятное раздражение.

— Тебе не идет борода, Дарэк, — заметила она.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! — вскрикнул король и схватился рукой за край стола, словно боясь, что тот ускользнет от него. — Ты всю жизнь являлась позором нашей семьи, и уже этим мы были сыты по горло. Теперь ты срамишь всю страну... — Его голос сорвался, он злобно стиснул зубы. — На этот раз ты зашла слишком далеко.

Атайя цинично смотрела ему прямо в глаза.

— В прошлый раз ты говорил мне то же самое, — спокойным голосом отметила она.

— Я думал, что на убийстве отца ты остановишься! — взревел Дарэк. — Но тебе этого оказалось мало! Ты вернулась в Кайт и затеяла совершить переворот! Ты собираешься развалить страну... уничтожить ее достоинство, ее славу. Я не позволю этого! — Он с силой долбанул кулаком по столу, сбросив на пол чернильницу. — *Слышишь, не позволю!*

Его ярость насторожила принцессу. Кельвин никогда не позволял себе терять самообладание, Дарэк же не в состоянии владеть своими эмоциями.

— Чего ты боишься, Дарэк? — спокойно спросила Атайя.

— Боюсь? Какой вздор! Я просто хочу помешать тебе развалить мое государство и имею на это полное право!

— Я и не думала разваливать Кайт. Совсем наоборот: я собираюсь воссоединить его, — уверенно и четко ответила Атайя. — И если ты отбросишь свои предрассудки, ты поймешь меня. Между прочим, эта страна принадлежит не только *тебе.* Она принадлежит *всем.* Включая тех людей, которых вы со священниками нещадно истребляете. Эти несчастные — тоже твой народ.

Дарэк закатил глаза.

— Ты напоминаешь мне отца.

Атайя почувствовала, как за одно мгновение накопившаяся в душе ярость и враждебность испарились.

— Для меня это прозвучало как комплимент, хотя знаю, что ты не хотел этого. Кельвин понимал лорнгельдов, Дарэк. Просто он не успел добиться лучшей жизни для них.

— А кто виноват в его смерти? — с горечью в голосе спросил король. — Тот факт, что у тебя хватает наглости по прошествии шести месяцев после его смерти разглагольствовать о чудесах магии, служит еще одним подтверждением того, что ты полностью находишься под пагубным влиянием колдовства.

— Если бы ты понял сущность магии, то не стремился бы так упорно истребить ее.

Дарэк медленно покачал головой, делая вид, что не расслышал ее слов.

— Самым ужасным во всей этой истории является то, Атайя, что ты используешь имя Кельвина как знамя своей кампании. Ты вызываешь во мне жалость, — процедил он сквозь зубы. — Человека, который на протяжении всей своей жизни был тебе безразличен, ты превратила вдруг в героя и пример для подражания!

Атайя почувствовала, как напрягается каждая мышца ее тела, так обидно прозвучали брошенные братом слова. То, что Дарэк сказал ей, на самом деле соответствовало действи-

тельности, но лишь частично. Кельвин всегда являлся для нее идолом, но привлечь к себе его внимание она смогла, лишь став для него бесконечной проблемой.

— Я всегда его любила, Дарэк, — тихо произнесла Атайя. — Если ты думаешь по-другому, значит, ошибаешься. А сейчас я еще и понимаю его, знаю, к чему он стремился... Могу вообразить, каким представал Кайт в его мечтах. Не обвиняй меня, раз сам не в состоянии прочувствовать это.

Лицо Дарэка вспыхнуло, но Атайя продолжала, не обратив на это внимания:

— Отец завершил одну гражданскую войну и был близок к завершению другой — войны между теми, кто не наделен магией, и теми, кому даны колдовские способности. Он хотел объединить и примирить свой народ. Задумайся об этом, Дарэк. Усвой этот урок. Если ты не собираешься прислушиваться к моему мнению, вспомни Кельвина. До тех пор, пока вы не станете заботиться обо всех своих подданных, ваше величество, — подчеркнула она его титул, — вы никогда не будете настоящим королем, настоящим человеком, таким, как Кельвин.

Дарэк вскочил на ноги так неожиданно и резко, что Атайя не успела среагировать. Она поняла, в чем дело, лишь почувствовав на щеке обжигающую пощечину. Его дыхание превратилось в прерывистые вздохи, он сцепил руки за спиной, чтобы не показывать ей, как они трясутся.

Неожиданно в памяти Атайи возник их разговор с Николасом.

«В глубине души Дарэк боится, что народ начнет сравнивать его с Кельвином и увидит, что нынешний король во многом значительно уступает предыдущему», — сказал тогда он.

Как верно подмечено, — подумала Атайя и поняла, что допустила сейчас ужасную ошибку, задев Дарэка за живое.

Она повернулась к окну и взглянула на свинцово-зеленое небо, готовое с минуты на минуту обрушить на землю поток воды.

— Что ты хочешь от меня, Дарэк? — беззлобно спросила Атайя.

— Я хочу, Атайя, чтобы ты прекратила свой нелепый поход! На протяжении долгих лет люди Кайта страдали от кровопролитной гражданской войны, и теперь, когда им представилась возможность спокойно вздохнуть, появилась ты со своими безумными идеями. Я намерен остановить это сумасшествие, пока дело не зашло слишком далеко.

— Именно этим я и занимаюсь! — с жаром воскликнула Атайя. — Останавливаю сумасшествие. Пытаюсь сделать так, чтобы его контролировали и не давали развиться.

Дарэк моргнул.

— Я не собираюсь играть с тобой словами. Хочу только, чтобы ты разумно взглянула на вещи.

— Нет, Дарэк. Ты хочешь, чтобы я взглянула на вещи так, как смотришь на них ты...

— Довольно. Не стоит терять время на пустые разговоры. Они ни к чему не приведут. — Он указал пальцем на одну из бумаг на столе. — Завтра утром ты предстанешь перед судом по обвинению в убийстве короля и распространению ереси в Кайбурне.

Для Атайи это заявление не являлось неожиданностью, и Дарэк был несколько разочарован ее спокойной реакцией.

— Зачем тебе понадобился суд? И так все ясно. Уверена, выступить в мою защиту никому не предоставят возможности.

— Уверена? А про Николаса ты забыла?

Атайя смутилась, чуть было не угодив в ловушку.

Дарэк рассмеялся.

— Можешь быть спокойна: твой любимый братец все еще в Рэйке. Наверняка решение о продолжении его визита было принято не без твоего участия. Но сейчас это не имеет значения. Когда Николас вернется, твоя судьба будет решена.

Другими словами, я буду мертва, — мрачно подумала Атайя.

— Я намерен кое-что выяснить. А именно: кто действует с тобой заодно и где они скрываются.

На этот раз Атайя удивилась по-настоящему, хотя сумела не выказать свои эмоции. По всей вероятности, король не знал о местонахождении лагеря колдунов и о соучастниках движения, организованного его сестрой.

Неужели Алдус все-таки рассказал не обо всем? Или просто не успел? — размышляла Атайя.

— И каким же образом ты собираешься выяснить это? — спросила она.

Дарэк самодовольно улыбнулся. Слишком самодовольно.

— Я последую примеру Фалтила. Пущу в ход специальное оружие. Ты наверняка заметила, что теперь практически каждый из моих воинов имеет при себе корбал? В свое время Кельвин приказал спрятать кристаллы, но я поступил иначе. Кстати, у меня есть кое-что весьма интересное...

Он повел ее в дальнюю часть палаты, к нише в стене. Там, на высоком табурете, под богато расшитым покрывалом, лежал какой-то предмет округлой формы. Физиономия Дарэка расплылась в довольной, гордой улыбке. Резким движением он отдернул скатерть, и Атайя в ужасе отшатнулась.

Корона... Украшенная несчетным количеством корбалов.

— Один-единственный камушек доставляет колдуну невероятные страдания. Интересно было бы взглянуть, что случилось бы с ним, окажись он рядом с этой чудесной короной, — мечтательно пробормотал Дарэк, проводя рукой по перламутровым кристаллам. — Я могу попросить Алдуса снять твою блокировку и провести эксперимент с тобой... Или попробовать на нем самом...

У Атайи закружилась голова. Она вспомнила, какую дикую боль испытала от воздействия того корбала, что принес к Джарвису отец Гресте. Представить себе мучение, усиленное во сто крат, казалось невозможным. Эта корона — смертельный удар для любого колдуна, источник мгновенного сумасшествия и гибели. Даже сейчас, когда ее магия находилась в

заблокированном состоянии, Атайя ощущала слабое покалывание в висках.

— Красиво, не правда ли? — со зловещим упоением произнес Дарэк. — За последнее время я узнал много интересного о корбаловых кристаллах: о том, как они воздействуют на мозг колдуна, о том, где их добывают. У Родри в книгах я нашел немало полезного... Сам святой Адриэль писал о корбале как о «самом священном из всех драгоценных камней, ниспосланных Богом на землю для защиты ее от детей дьявола».

Атайя в ужасе попятилась назад.

Дарэк удовлетворенно улыбнулся, подобно коту, лениво раздумывающему, что делать дальше с полузадушенной птицей в когтях, и бережно накрыл корону покрывалом.

— Насколько я понимаю, таким будет мой приговор: умереть от воздействия этой короны, а не от руки палача?

Дарэк неспешно вернулся к столу.

— Церковный суд решит, как тебя наказать. Если, конечно, признает тебя виновной, — небрежно добавил он.

По спине Атайи пробежала колючая дрожь. Оставалось только надеяться, что она не выглядит настолько перепуганной, насколько ощущает себя. Ее страшило не то, какая участь ожидает ее саму, а намерения Дарэка наполнить страну корбалами, развернуть настоящую войну против колдовства.

Еще более пугающей казалась мысль об Алдусе. Если он согласится использовать магию в борьбе против лорнгельдов — а теперь ему не оставалось ничего другого, — то превратится в страшнейшее оружие для подавления едва зародившегося движения, в оружие, которое Атайя помогала создавать собственными усилиями. Со временем Алдус может превратиться в нечто подобное Фалтилу — заявит, что и магия, и право защищать людей от колдунов даны ему самим Богом.

Когда по приказу Дарэка за ней явились стражники, Атайе казалось, что она не чувствует почвы под ногами.

Глава 19

Подниматься с постели на следующее утро ужасно не хотелось. С настоящей постели, пуховой перины и мягкой подушки, не с бугристой земли и не с жесткого соломенного тюфяка. В первые мгновения после пробуждения Атайе показалось, что прошедшего года вовсе не было в ее жизни. В ее комнате все оставалось по-прежнему: те же атласные покрывала голубого цвета, тот же буфет с царапиной от запущенного в него в приступе гнева кубка, то же добродушное фырканье лошадей под окнами... Она представила на мгновение, что детство еще не закончилось, что сейчас ей предстоит позавтракать с семейством, потом не избежать скучных занятий с учителями, зато после обеда можно будет поездить верхом...

Реальность неумолимо и беспощадно навалилась на Атайю, как только она открыла глаза. Вспомнился прошедший год, образы знакомых людей один за другим возникли в воображении: сначала Кельвина, Родри, Тайлера, Джейрена, Хедрика, потом Тони, Мэйзона, Ранальфа, Алдуса...

При воспоминании о суде она резко выпрыгнула из-под теплых одеял и стала собираться.

Стражники явились за ней часов в одиннадцать. В двух из них Атайя узнала бывших подчиненных Тайлера. Все шестеро смотрели на принцессу безмолвно, с явным осуждением, словно желая, чтобы с ней побыстрее разделались.

Приблизившись к залу суда, она услышала оживленные разговоры. Советники короля обменивались мнениями относительно предстоящего дела. При появлении подсудимой голоса резко стихли, члены Совета суетливо расселись по местам и замерли в ожидании короля.

Атайю провели к дальней скамье без спинки, предназначенной для арестованных. Она медленно оглядела присутствующих, их неумолимые, напряженные, презрительные лица, с ужасом сознавая, что среди них не найдется ни одного, способного выступить в поддержку лорнгельдов.

Через некоторое время дверь с шумом распахнулась, и в зал торжественно вошли архиепископ Вэнтан и епископ Люкин, оба в белых рясах с кроваво-красными воротниками. Они не случайно появились здесь сегодня именно в этих одеяниях, являвшихся традиционными для церемонии отпущения грехов. На шее у каждого из них красовался медальон с изображением святого Адриэля.

Дарэк пришел последним. Если наряды верховных представителей духовенства вызвали в ней раздражение, то вид короля и вовсе выбил из колеи. На голове его величества, переливаясь в струящемся сквозь окна свете, сияла корона Фалтила. Он величественно прошествовал к трону, и Атайя, несмотря на заклинание блокировки, почувствовала неприятное ощущение в висках.

Усевшись на законное место, Дарэк взглянул на сестру и был явно разочарован: по всей вероятности, он ожидал вновь увидеть ее в крестьянском наряде и собирался показать придворным, до какого уровня опустилась королевская дочь. Атайя выбрала для сегодняшнего мероприятия неброское черное шелковое платье, украшенное лишь нитью жемчуга, поэтому даже Дарэк был вынужден отметить, что она выглядит вполне достойно.

Король подал знак седовласому старику на задней скамье членов Совета.

— Лорд-канцлер, можете приступать к оглашению списка обвинений.

Канцлер поднялся с места, почтительно поклонился его величеству и развернул скрученный в трубку длинный пергамент, даже не глянув в сторону Атайи. Ее раздражение нарастало: происходившее вокруг напоминало дешевую комедию. Необходимо было держать себя в руках.

— Во-первых, ее высочество Атайя Чэндис Тейя Трелэйн, дочь покойного короля Кельвина, обвиняется в том, что по собственной воле стала обучаться магии, — заговорил канцлер.

По собственному желанию? — удивленно повторила про себя Атайя, вспоминая, с каким отвращением относилась по-

началу к собственному дару. — *Вы не знаете и половины правды, милорд!*

— Во-вторых, она отказалась от проведения священного обряда отпущения грехов...

Грехи отпускаются, когда они есть у человека. Я совершила их в своей жизни немало, но вы говорите совсем о другом...

— В-третьих, она использовала свое колдовство для жестокого убийства своего отца, короля Кельвина...

Атайя почувствовала, как в ее жилах закипает кровь.

Убийства? Нет же! Я защищалась от сумасшествия!

— В-четвертых, она применила магию для убийства помощника и учителя Кельвина Родри...

Если бы это можно было назвать преступлением! — отчаянно кричал ее внутренний голос. — *Он пытался забрать у меня мои способности! Его убила непомерная жадность, а не я!*

— В-пятых, она отказалась предстать перед судом и занялась распространением ереси в городе Кайбурн, подвергая тем самым страшной опасности церковь и корону...

Всегда неприятно, когда кто-нибудь открыто заговаривает о том, о чем все боятся говорить...

— В-шестых, она принудила служителя святой церкви помешать совершению обряда отпущения грехов другого колдуна, заставив их обоих рисковать потерей души...

Их души и так в опасности, оттого что они были вынуждены отказаться от данного Господом дара...

Закончив читать, канцлер передал список королю. Тот внимательно пробежал по строкам глазами, будто желая удостовериться в том, что ничего не пропущено, затем поднял голову и кивнул епископу Люкину.

По залу распространился звучный голос Люкина.

— В дополнение к шестому пункту хочу приложить заявление, заверенное личной подписью отца Алдуса Монкариона. В нем подробно изложено, как принцесса Атайя убеждала его в непорочности магии, как обещала нормальную жизнь на земле, жизнь с колдовством. — Епископ поднял пергамент вверх, показывая его, словно дорогостоящую икону, всем

присутствующим. — Здесь же отец Алдус перечисляет все содеянные им грехи и клянется отныне неукоснительно повиноваться всем указаниям светских и духовных наставников во имя Господа и благополучия Кайта.

Атайя метнула в сторону Люкина уничтожающий взгляд.

Уверена, что этот трактат был написан под вашим чутким руководством, епископ, — злобно подумала она.

— Хотите что-нибудь добавить? — официальным тоном спросил Дарэк.

Епископ кивнул.

— Еще мне кажется необходимым обсудить вот это. — Он поднял вверх помятый пергамент, держа его двумя пальцами за самый краешек, словно горящее письмо. Атайя мгновенно узнала изготовленную Кейлом листовку. — Ее высочество обещает жизнь проклятым! Вы что, считаете себя самим Богом?

— Они вовсе не проклятые, мой лорд...

— Атайя, тебе не давали слова! — строго предупредил Дарэк.

— Вы полагаете, что мудрее самой церкви? — язвительным тоном продолжил Люкин. — Откуда такая уверенность?

— Меня обучали люди гораздо более набожные и благочестивые, чем вы, милорд. Люди, которые не используют религию, чтобы доказать кому-то свое превосходство в этом мире.

— А вам не кажется, что *вы* занимаетесь именно этим?

— Довольно! — раздраженно воскликнул Дарэк. — Мы собрались здесь не за тем, чтобы разводить теологические дискуссии. Но раз уж ты так желаешь высказаться, Атайя, прошу ответить на предъявленные тебе обвинения.

Атайя поднялась со скамьи и сцепила руки в замок.

— Я согласна со всем, что так любезно прочел нам лорд канцлер, но все эти деяния — не преступления, я уверяю вас. Если, согласно вашим законам, они таковыми являются, то, значит, законы неверны.

Прежде чем Дарэк успел вымолвить слово, Люкин закатил глаза.

— Ее высочество собирается поведать нам всем, что такое справедливость, подобно тому как выступает перед людьми, обещая им вещи, которые не может им дать!

— Я ничего им не обещаю, просто пытаюсь убедить их в том, чтобы они не стыдились самих себя. — Атайя взглянула Люкину прямо в глаза. Его высокомерие придало ей уверенности. — Магия может не нравиться вам, милорд, может быть неудобной для вас, а мне, например, не нравитесь вы. Но я не стану по одной этой причине созывать Совет и устраивать спор по поводу вашего права *жить* на земле. Мой отец погиб лишь потому, что мне было запрещено обучаться использовать те способности, которые дарованы мне от рождения. Если вы оставите лорнгельдов в покое, епископ, если позволите им следовать их предназначению, то сами убедитесь, что они не причинят никому вреда.

Епископ хотел было ответить, но Атайя продолжила, обращаясь ко всем членам Совета:

— Кто из вас помнит из истории то, что происходило в нашей стране до наступления «времен сумасшествия»? Когда люди еще не знали об обряде отпущения грехов? В Кайте было множество колдунов, обученных колдунов, и все они спокойно жили со своей магией. Пока Фалтил не затеял захватить в свои руки всю власть, пока Адриэль не изобрел законного метода уничтожения лорнгельдов...

— Святой Адриэль разговаривал с самим Господом, это Он рассказал ему, как уберечься от зла, — воскликнул архиепископ Вэнтан.

Его голос по сравнению с голосом Люкина показался комариным писком.

— От зла, которого ранее не существовало? — Глаза Атайи вспыхнули, как яркие угли. — Я пытаюсь вернуть Кайт в прежнюю мирную жизнь, я хочу, чтобы лорнгельды не погибали больше из-за жуткой ошибки, совершенной однажды священником. Кельвин тоже стремился к этому, вы ведь знаете. Я не мечтаю о мести, о могуществе, ни о чем похожем... У меня есть одно желание: продолжить дело, начатое когда-то

отцом. А что касается заявления отца Алдуса... — Атайя бросила гневный взгляд на пергамент в руке Люкина. — Почему бы вам не пригласить сюда его самого? Боитесь, что он расскажет правду? Что...

Совершенно неожиданно она почувствовала, что мысли спутались в ее голове. На мгновение перед глазами потемнело, а голова пошла кругом, и она моргнула, едва удерживаясь на ногах.

— Что дальше? — нетерпеливо поторопил ее Дарэк.

Атайя в растерянности осмотрела зал и всех в нем присутствовавших.

Что это за место? Кто все эти люди? Что я тут делаю?

Что-то подсказывало Атайе, что этот момент — один из важнейших в ее жизни, но память отказывалась работать...

— Тебе есть, что добавить? — еще более раздраженным тоном спросил у нее король.

Атайя посмотрела на него, затем на усеянную корбалами корону, красовавшуюся на его голове, и вдруг все вспомнила. Ее руки задрожали от страха: такого не случалось с ней с тех пор, как закончился *мекан.*

Заклинание блокировки, — с замиранием сердца подумала она. *Кратковременная потеря памяти — первое проявление жутких последствий...*

Набрав в легкие побольше воздуха, подсудимая, стараясь выглядеть как можно более спокойно, с достоинством приподняла подбородок и ответила:

— Я могла бы еще долго говорить, но стоит ли? Это в любом случае уже не поможет мне.

Последовало напряженное молчание, а через минуту Дарэк подал сигнал стражникам. Они повели Атайю в крошечную камеру без окон и оставили там дожидаться вынесения приговора.

Как ни странно, сознание того, что в настоящий момент кучка людей занимается решением ее судьбы, не очень ужасало принцессу.

Всю свою жизнь она была обязана представать перед тем или иным судом. Отец с самого рождения осуждал ее, бес-

престанно сравнивая с ее матерью и неизменно находя в дочери недостатки и изъяны. Собственная магия Атайи подвергла ее серьезному испытанию, прежде чем она научилась ею пользоваться. Совет мастеров выразил ей недовольство за нарушение его правил... А теперь Дарэк предъявляет ей массу обвинений, называя ее еретичкой...

Стражники явились за ней быстрее, чем можно было ожидать.

Когда Атайя вновь появилась в зале, ей сразу стало понятно, что ничего хорошего она не услышит. Лишь немногие осмеливались взглянуть ей в глаза, Дарэк и Люкин выглядели неестественно самоуверенными, а Вэнтан нервно барабанил пальцами по медальону с изображением святого Адриэля.

На этот раз никто не предложил ей сесть. Канцлер вышел на несколько шагов вперед и, откашлявшись, обратился к подсудимой:

— Атайя Трелэйн, принцесса Кайта, вы признаетесь виновной по всем выдвинутым вам обвинениям.

Атайя и глазом не моргнула.

Какая неожиданность! — с иронией подумала она.

— Основываясь на этом, суд определил вам меру наказания — сожжение заживо на костре. Приговор будет приведен в исполнение через три дня.

Атайе показалось, что ее окатили ледяной водой. На протяжении нескольких секунд она не дышала. По неумолимому выражению лица Дарэка было понятно, что он настроен решительно.

— Данная форма наказания в отношении людей благородного происхождения применяется лишь в исключительных случаях, — продолжил канцлер. — Но в вашей ситуации, как решил Совет, эта кара вполне справедлива.

Он направился к своему месту, его шаги барабанной дробью отозвались в голове Атайи.

Ей хотелось закричать от ужаса, но язык превратился в вату, а губы пересохли. Шелковое платье прилипло к вспотевшему телу. В памяти всплыли картинки из отвратительно-

го сна, мучившего ее во время *мекана:* языки пламени, обнимающие мечущихся людей, последние взгляды переполненных ужасом глаз, крики и стоны, кипящая кровь. И палящая, невыносимая жара...

Она пристально уставилась на короля — на собственного брата, уносясь мыслями в далекое детство, где они вместе играли в песке, где ссорились из-за сущих пустяков.

Как же мы дошли до подобной жизни?— размышляла Атайя.

— Я предлагаю тебе еще одну возможность, — заявил король и выдержал многозначительную паузу. — Ты можешь отказаться от своих слов. Публично отказаться от того, что говорила, и признать свои выходки в Кайбурне ересью.

Она долго молчала, наконец заставила язык двигаться.

— А что, если я этого не сделаю?

— Тогда приговор будет приведен в исполнение быстрее, чем обещано.

Атайя вспомнила вдруг, как однажды ей уже предлагали променять жизнь на магию. Это был случай с Родри...

— Ты все равно убьешь меня, Дарэк. Зачем же мне бессмысленно отказываться от своих убеждений?

Дарэк снисходительно улыбнулся:

— Ты ошибаешься. Я позаботился бы о том, чтобы тебе нашли местечко в монастыре Святого Джиллиана. Там ты остаток дней своих молила бы Господа о прощении за содеянные злодеяния. Если твою магию заблокировать, ты не представляешь опасности для окружающих. Поэтому я согласен на подобную милость.

Атайя слышала об этом монастыре, расположенном на северо-западном побережье Кайта в пустынном, забытом богом месте. Туда ссылали заключенных — членов королевской семьи, тех, кому по счастливой случайности удавалось избежать смерти. Ее там никто не найдет...

Даже если кто-нибудь и доберется туда, чтобы вызволить ее, будет поздно.

Однажды она видела собственными глазами, что может произойти со скопившейся в большом количестве магией. От воспоминаний о разлетевшемся на куски теле Родри по спине пробежала дрожь. Хедрик предупреждал ее, какую опасность представляет собой заклинание блокировки. Пройдет еще какое-то время, и колдовство сведет ее с ума. А потом наступит смерть.

Единственное, чего Атайя не знала, — как это будет выглядеть: тихо и незаметно или как в случае гибели Родри. Представив на мгновение, что ее голова разлетается на куски, как ударившаяся о скалу тыква, Атайя поморщилась.

— Ты принимаешь мое предложение?

Голос Дарэка прозвучал неприятно милосердно. Если Алдус рассказал им, к каким последствиям приводит продолжительная блокировка магии, то ему известно, что смерти Атайе не избежать. Все, что он предоставлял ей, так это небольшую отсрочку кончины. Тем не менее, заполучив еще несколько дней, она могла подумать о возможных способах побега...

— У меня нет другого выбора, так ведь? — спросила она, изображая повиновение королю.

— Очень хорошо! — Король энергично кивнул. — Завтра на рассвете мы отправимся в Кайбурн. Господа, прошу считать заседание Совета закрытым.

Оставшись одна в своих покоях, несмотря на то что радоваться было нечему, Атайя поблагодарила Господа за то, что никого не взяла с собой к Алдусу, за то, что несет ответственность лишь за свою судьбу и никого больше не подвергла опасности.

Она упала на кровать, уткнувшись лицом в голубые покрывала.

О, Джейрен! Как хорошо, что тебя нет рядом, что ты не видишь весь этот кошмар.

Небо на горизонте уже окрасилось в оранжево-розовые тона, а отец Алдус все еще просматривал книги в кабинете колдуна Родри. Он находился здесь с самого утра, подчинив-

шись указанию епископа изучить все имевшиеся здесь материалы.

— Еще одна, и ухожу, — пообещал себе Алдус, устало потер глаза и поднял голову, рассматривая пыльные книги.

Вообще-то ничего особенно интересного ему пока не удалось обнаружить. За несколько часов Алдус нашел пару наспех начерченных карт троп, потрепанную книгу магии и многочисленные заметки и трактаты о визуальных сферах, особенностях их функционирования и прочих банальных вещах. Хотя, как отметил король, в нужную минуту само знание могло выступить в роли оружия.

Алдус зажмурил глаза: голова неприятно побаливала. Около полудня он почувствовал резкую боль в затылке, но к вечеру она ослабла.

Снимая с полки очередную, последнюю на сегодня книгу в старом коричневом переплете, Алдус случайно смахнул на пол сложенный вчетверо тонкий пергамент.

То, что он увидел в нем в первое мгновение, поразило его и вызвало в нем приступ любопытства: исписанный мелким почерком листок пестрел тут и там именем «Атайя».

Алдус принялся читать, чувствуя все большее волнение.

— О Боже!

Он не заметил, как в палату вошел епископ Люкин, и обратил внимание на его присутствие, лишь когда увидел тень на стене.

— Дорогой мой, вы выглядите так, будто перед вами привидение! — ухмыльнулся Люкин.

Алдус схватился за сердце, словно хотел проверить, что оно все еще бьется. Потом растерянно пробормотал:

— Простите, епископ, я не заметил, как вы появились здесь. — Он рассеянно глянул на зажатый в собственной руке пергамент. — Заседание окончено?

— О да! Я и не думал, что на это уйдет много времени.

— Если позволите узнать, каково решение? — озабоченно сдвинув брови, поинтересовался молодой священник.

— Принцессу приговорили к сожжению на костре...

Алдус ахнул.

— Вы ведь говорили мне, что ее отправят в отдаленный монастырь, дадут возможность молиться о спасении души!

— Вы не позволили мне закончить! — сердито заметил Люкин. — Ее не сожгут, если она публично отречется от своих убеждений. Кстати, завтра мы отправляемся в Кайбурн. — Люкин довольно потер руки. — Нелепый поход будет завершен, а затем король отошлет свою сестрицу в монастырь Святого Джиллиана, тогда нам нечего опасаться.

Алдус кивнул, немного успокоившись. Он согласился помочь епископу заманить Атайю в ловушку только при условии, что ей сохранят жизнь и она сможет вымолить у Бога прощение за содеянные грехи. О губительной силе заклинания блокировки ему было известно, но он надеялся, что молитвами добросердечных монашек свершится чудо и Атайя не погибнет.

Лукин строго взглянул на Алдуса.

— Надеюсь, вы не изменили принятого решения?

— Н-нет-нет...

— Замечательно. Я пришел сообщить вам о еще одном задании короля. Капитан гвардии только что вернулся из Рэйки и привез с собой другого колдуна... с иностранной фамилией... Маклауда! Его величество желает, чтобы вы заблокировали и его магию. Думаю, трудностей не возникнет. Он в неважном состоянии.

Алдус задумчиво кивнул.

— Тогда пошли!

Только когда Алдус наклонился к лампе, чтобы погасить свет, он вспомнил о найденном им пергаменте.

— Кстати, епископ, я обнаружил здесь нечто такое, что непременно должно заинтересовать его величество и, возможно, изменить его решение относительно судьбы Атайи. — Он протянул пергамент Люкину. — Родри пишет, что почувствовал, как король Кельвин первым применил против Атайи

одно из заклинаний, а она лишь защищалась, причем действовала инстинктивно. Здесь упоминается также о дне похорон Кельвина, о том, что Атайя явилась в собор для того только, чтобы попрощаться с отцом.

Лицо Люкина помрачнело, и чем дальше он читал, тем больше хмурился.

Алдус отступил назад, подозревая, что епископ в ярости швырнет пергамент в огонь.

— И что меняет эта писанина, отец Алдус?

— Эти записи служат доказательством того, что Атайя не убивала отца намеренно... — растерянно ответил Алдус.

Епископ стиснул зубы.

— Мне кажется, вы все еще сохраняете верность этой еретичке. Учтите, что ваше положение тоже слишком зыбко. Если архиепископ найдет вашу преданность церкви недостаточной, то сразу же подпишет приказ о проведении церемонии отпущения *ваших* грехов. И настоятельно советую вам забыть о том, что вы прочли, — добавил зловещим тоном Люкин, с остервенением смял пергамент и швырнул его в огонь.

Алдус почувствовал, направляясь к двери вслед за епископом, как к щекам прилила кровь. Он оглянулся на быстро чернеющую, скручивающуюся со всех сторон записку Родри и невольно представил, как огонь охватывает человеческое тело.

Выйдя из палаты покойного колдуна, Алдус надел капюшон, скрывая под ним отражавшееся на лице смятение. С того самого момента, когда им было принято решение предать Атайю — для ее же блага, естественно, для спасения ее души, — он страстно просил Бога, не просил, умолял, наставить его на путь истинный, указать верную дорогу.

Вспоминая о найденном документе, от которого теперь не осталось ничего, кроме кучки пепла, Алдус с ужасом понимал: он обнаружил этот пергамент не случайно. Это сам Господь ответил на его мольбы...

Глава 20

Когда они ехали в Кайбурн, ее охраняло еще большее количество солдат, чем по дороге в Делфархам. Атайя злорадно улыбалась: Дарэк предпринял все возможные меры предосторожности и хотел, чтобы мероприятие «отречения» прошло без неприятных неожиданностей.

На горизонте уже показались приземистые домишки окраин Кайбурна, а Атайя еще не знала, что скажет народу. Все это время она напряженно искала пути побега, но ничего не приходило в голову. Если бы ей дали возможность увидеться с Алдусом, можно было уговорить его снять блокировку с ее колдовства, но на эту просьбу ей отвечали отказом с того самого дня, как арестовали девять дней назад.

Девять дней? Или больше? А может, меньше?

Атайя нахмурила брови, пытаясь точнее вспомнить, как долго она находится в неволе, но сознавала, что некоторые эпизоды из недавнего прошлого выпали из памяти — скапливавшаяся в мозге магия давала о себе знать. Первые признаки происходивших в ее голове процессов пока не представляли собой ничего страшного, и принцесса старалась убедить себя, что ее забывчивость — результат утомительной поездки и эмоционального перенапряжения. Ей необходимо было подумать сейчас о гораздо более важных вещах.

Слухи о приезде в Кайбурн короля давно распространились по городу. На улицах процессию встречали толпы народа. Впереди ехала украшенная задрапированной дорогой тканью, отделанная золотом карета его величества. За ней — экипажи епископа Люкина и Алдуса. В третьей карете ехала Атайя, а в последней — какие-то люди короля. Замыкал шествие эскадрон гвардейцев в малиновых ливреях, возглавляемых капитаном Парром.

Почему Парр не присутствовал на суде? — задумалась вдруг Атайя.

Человек, занимающий столь высокий пост, непременно должен был оказать поддержку королю и принять участие в вынесении приговора... Лишь обстоятельства крайней важности могли заставить его пропустить столь значительное мероприятие...

Процессия приостановилась, и по поднявшемуся шуму Атайя догадалась: Дарэк вышел из кареты и пересел на лошадь, чтобы показаться своему народу. Это был его первый визит в Кайбурн в качестве короля. Люди свистели и восторженно кричали, встречая нового правителя.

— Да здравствует король Дарэк! — доносилось из толпы. — И смерть колдунам! Долой детей дьявола!

Атайя задернула занавески и устало откинулась на подушки. Даже погода в этот день выдалась под стать состоянию ее души: было пасмурно и прохладно.

Наконец карета остановилась, и у принцессы сжалось сердце. Выглянув в окно, она узнала место: ее предположения оказались верными, король с епископом решили привезти «еретичку» на центральную площадь города перед Кайбурнским собором. Сегодня здесь собралось невероятное множество людей.

Когда король слез с серого пятнистого жеребца, епископ Люкин и отец Алдус вышли из своей кареты. Епископ передал двум стражникам какую-то коробку. На рукоятках кинжалов воинов были надеты кожаные чехлы: Алдус мог не опасаться воздействия корбалов.

Наконец очередь дошла до нее. Солдаты открыли массивные металлические засовы на дверях кареты, и Атайя ступила на подножку. Почувствовав приступ головокружения, она чуть было не упала, но вовремя схватилась за дверцу и удержалась на ногах.

Это от волнения, — заверила себя принцесса.

— Убийца! — рявкнул кто-то пронзительным голосом где-то совсем рядом. — Это она убила нашего Кельвина!

Атайя не повернула головы, чтобы увидеть, кто кричит, лишь крепко стиснула зубы и проследовала за стражниками.

Если бы не они, то разъяренная толпа в два счета разорвала бы ее на куски.

На лестнице, ведущей к главному входу в собор, людей собралось особенно много. Подойдя ближе, Атайя поняла, в чем дело.

Рядом с нижней ступенью был установлен грубо отесанный столб с вмонтированными в него посередине металлическими наручниками. У подножия столба лежала целая вязанка сена. Она не заметила свежих листьев в заготовке для погребального костра, с ужасом сознавая, что это сделано неспроста: свежие листья, охваченные огнем, обычно окутывали жертву удушающим дымом. В таком состоянии легче переносить адские мучения, когда пламя начинает жечь кожу. Для нее же уготовили самую страшную смерть — сожжение заживо, без каких бы то ни было поблажек.

У нее вновь закружилась голова, а ноги одеревенели, на этот раз явно не от воздействия заблокированной магии. Атайя повернулась к Дарэку и, собрав все свое мужество, чтобы не выказать внутреннего страха, спросила:

— Ты совершенно не доверяешь мне?

— Ты дала мне для доверия хоть малейший повод? — холодно осведомился он. — Я был вынужден подстраховаться. Грубость и крайние меры — кажется, это единственное, чем можно заставить тебя действовать разумно.

С отвращением отвернув голову, Атайя взглянула на собравшихся людей. Лишь немногие лица выражали сочувствие, некоторые выглядели даже печальными, но большинство горожан жаждали ее смерти.

— Насколько я понимаю, ты пообещал народу осуществление казни. — Она вновь повернулась к брату. — Как ты объяснишь им ее отмену, если я отрекусь от своих убеждений?

Дарэк беспечно пожал плечами.

— Я — король. Мне не придется объясняться с этими людьми.

Ты обязан объясняться перед ними, как никто другой! — подумала Атайя.

Но промолчала. Он все равно пропустил бы подобный совет мимо ушей. Тем более совет, исходящий от нее.

Когда к ним подошли епископ Люкин и отец Алдус, король взошел вверх по старинным ступеням и поднял вверх руки, требуя тишины. Но люди не унимались еще несколько минут. Он терпеливо ждал, затем улыбнулся и торжественно выкрикнул:

— Жители Кайбурна, я приветствую вас! Я безмерно рад, что в этот замечательный день мы собрались на этой площади, чтобы навсегда уничтожить страшное зло колдовства в нашей стране.

Атайя уставилась на уродливый столб на фоне одного из самых замечательных сооружений своего государства и углубилась в свои мысли, не слыша слов Дарэка.

Если подобное возможно, — размышляла она, — *то стоит ли продолжать надеяться на изменение участи лорнгельдов, на свое собственное спасение?*

Король закончил приветственную речь, а Атайя даже не заметила этого. Лишь когда чьи-то грубые руки с силой толкнули ее вперед, она поняла, что слово предоставляется ей.

— Осторожнее выбирай слова! — строго шепнул ей Дарэк, когда поравнялся с ней, спускаясь по лестнице.

Поднявшись наверх, Атайя осмотрела простиравшуюся перед глазами картину и потеряла последнюю надежду на спасение. Площадь плотным кольцом окружали воины, каждый из них наверняка имел при себе корбал. Ее друзья-колдуны не смогут прийти сюда. А Кейл и Кам, даже если появились бы сейчас здесь, были бы просто не в состоянии противостоять толпе и многочисленным стражникам. Бессилен и сэр Джарвис при всем своем богатстве...

От печальных мыслей Атайю прервали брошенные кем-то в нее гнилые дынные корки. Она резко повернула голову и увидела удовлетворенно хохочущего мальчишку.

Начиная нервничать из-за затянувшегося молчания сестры, Дарэк метнул в ее сторону гневный взгляд. Атайя закрыла на мгновение глаза, собираясь с силами.

Отец, помоги мне, — мысленно взмолилась она, обращаясь одновременно и к Богу, и к Кельвину.

— Жители Кайбурна! — начала Атайя несмело. — Я — Атайя Трелэйн.

Послышался свист и насмешки, гул усилился, отзываясь в ее висках барабанной дробью. Кто-то швырнул к ее ногам переспелый помидор.

— И я не стыжусь этого! — быстро, громко и очень уверенно добавила она.

Шум заметно поубавился, многие удивленно замолчали, не ожидая от принцессы такого смелого поступка.

— На протяжении последних нескольких недель все вы наверняка слышали о моем присутствии, а также о присутствии моих друзей в вашем городе, и о наших намерениях. Вы знаете, каковы наши убеждения относительно лорнгельдов, и видели развешанные нами листовки.

Она сглотнула, переводя дыхание. Несмотря на прохладный ветер, ей было тепло, даже жарко...

— Его величество — мой брат — пожелал, чтобы я заговорила с вами о своих поступках. Он хочет, чтобы я сказала вам, что была не права. — Атайя немного склонила голову, изображая покорность и повиновение. — Чтобы публично назвала лорнгельдов проклятой расой и себя вместе с ними. Чтобы превознесла обряд отпущения грехов для подобных мне как единственный способ избавления от зла. Это пожелания моего брата.

Атайя сжала пальцы в кулаки, гордо вскинула голову, в последний раз демонстрируя всем свою непоколебимость.

— Я отказываюсь исполнять его волю!

Сотни людей замерли в изумлении, а она быстро, пока не прошел первый шок толпы, продолжила говорить, не говорить, а кричать, так громко, что ее голос, казалось, достигал небес.

— Магия — подарок Творца, и если вы с пренебрежением отвергаете ее, то отвергаете самого Бога! Те из вас, кто потерял мужа, жену, сына, потеряли их в результате жестокой

лжи! Но не все еще потеряно. Присоединяйтесь ко мне. Объединившись, мы сможем избавиться от абсурда и положить начало новой эре мирной жизни на земле. Не позволяйте подобным людям дурачить себя! — Она указала на перекосившегося от гнева епископа Люкина, стоявшего рядом с королем. — Они боятся вас. Боятся потому, что вы более талантливы, вы — избранники Господа!

Слова лились из ее уст уверенно и складно до тех пор, пока пара чьих-то рук не заткнула ей рот, пока люди в форменных одеждах не окружили ее со всех сторон. Грубо и бесцеремонно принцессу повели к королю.

Атайя закрыла глаза, переводя дыхание.

Она это сделала. Неизвестно откуда в ней появилось для этого достаточно храбрости. Это лучшее, что можно было успеть. Предпочесть смерти жизнь, исполненную мучениями от осознания того, что игра проиграна, что она подвела Кельвина, Тайлера, что подвела всех тех, чьи родственники и любимые погибли от рук священников, казалось ей невыносимым.

Люди молчали, создавалось такое впечатление, что они даже не дышали: их рвение заглушила мощной волной сила сказанных Атайей слов. Отец Алдус, походивший сейчас на едва заметную тень, стоял рядом с Люкином, сгорбившись и дрожа, словно речь Атайи тяжело ранила его, заставила заглянуть в собственную душу и ужаснуться от увиденного в ней. Ее торжество длилось недолго. Она осмелилась посмотреть на брата: его лицо побагровело, а пальцы сжались в кулаки. Он готов был наброситься на нее и придушить собственными руками.

— Это был твой последний шанс, Атайя, — тихо, почти шепотом, сказал Дарэк. — Ты поймешь, что допустила ужасную ошибку.

Отвернувшись от сестры, он подал сигнал стражникам, столпившимся у четвертой кареты.

До нее донесся едкий запах дыма: уже подожгли факел, готовясь к казни. Атайя вытерла вспотевшие ладони о юбку. В душе теплилась последняя надежда: что Алдус сжалится над

ней и усыпит при помощи магии, чтобы избавить от тяжких мучений. Она тщетно пытался встретиться с ним взглядом. Алдус неподвижно стоял рядом с Люкином, плотно закрыв лицо руками, точно пытался спрятаться от самого Господа.

Атайя повернулась к брату и проговорила неестественно спокойным голосом:

— Знаешь, я даже благодарна тебе, Дарэк. Ты дал мне возможность выступить перед столь многочисленной толпой народа, какую мне удалось бы собрать за несколько месяцев, не меньше. Возможно, ради этого *стоит* умереть.

На губах Дарэка заиграла отвратительная улыбка.

— Ты сделала свой выбор, Атайя. — Он выдержал паузу. — Знаешь, я не собираюсь превращать тебя в глазах людей в великомученицу. Меньше всего на свете мне хочется дать тем немногим, кого ты успела переманить на свою сторону, повод продолжить начатую тобой отвратительную миссию. Своим выступлением ты вынудила меня подвергнуть тебя более серьезному наказанию. Если бы ты не вела себя так, то я не заставил бы тебя наблюдать вот это.

Он щелкнул пальцами, и столпившиеся у четвертой кареты воины двинулись вперед. Среди малиновых камзолов мелькнуло чья-то обнаженная грудь и взлохмаченные светлые волосы...

Когда люди отступили и она увидела пленника гвардейцев, кровь ударила ей в голову, обжигая и слепя.

— Джейрен! — закричала Атайя и рванула вперед, но тут же была схвачена цепкими руками стражников.

Магия, заблокированная в потайном уголке ее мозга, закипела от напряжения, приходя в бешенство от беспомощности. В какое-то мгновение перед глазами Атайи вспыхнул свет и замелькали образы, как во время транслокации. Она чувствовала, что почва ушла из-под ног, что неведомая сила забирает у нее тело, оставляя лишь невесомую душу...

Сначала Джейрен не видел ее. По отрешенной походке и залегшим складкам вокруг глаз можно было понять, что он знает, куда его ведут. Ему не сказали, что Атайю тоже привезут сюда, наверняка не сообщили даже, что это за город.

Когда он услышал ее голос и увидел, что Атайя совсем рядом, его взгляд наполнился ужасом и тревогой.

— Атайя! — Из последних сил Джейрен рванул вперед, пытаясь высвободиться из железных оков. Капитан Парр, державший в руках цепи его наручников, резко дернул их, пресекая тщетную попытку пленника. — Атайя, что бы они тебе ни предлагали, не соглашайся ни на что!

Капитан ударил его по голове, приказывая замолчать.

Джейрена подвели близко к ней, ужасающе близко. На нем были лишь бриджи из грубой шерсти и сандалии. На белой спине краснели уродливые темно-красные полосы — следы от ударов бичом. Но взгляд его был ясным, не затуманенным дымом локи. Дарэк пожелал, чтобы он умирал в полном сознании.

— Капитан Парр превзошел все мои ожидания! — Король удовлетворенно кивнул в сторону своего офицера. — Не найдя в Ат Луане тебя, он выследил и поймал этого колдуна. Благодаря отцу Алдусу его магия сейчас тоже заблокирована, подобно твоей. На этот раз ему от меня не убежать!

Дарэк довольно потер руки.

— Боже мой, Дарэк, откуда в тебе столько жестокости? — вырвалось у Атайи. — Почему ты так поступаешь с ним? Разве он заслужил подобное? Его ведь даже не судили...

Дарэк пожал плечами.

— В своем послании в Рэйку я предупреждал, что убью этого колдуна, появись он в Кайте.

— Но Джейрен направлялся в Улард! Капитан Парр бессовестным образом похитил его!

До нее донеслись зловещие звуки позвякивавших цепей: с Джейрена снимали кандалы и надевали другие, те, что были укреплены на столбе.

Задыхаясь, она повернулась к Алдусу и окинула его уничтожающим взглядом.

— Вы удовлетворены, отец Алдус?

Ее голос дрожал, исполненный гнева и отчаяния.

Алдус виновато опустил голову, его лицо выглядело серым, как пепел.

— Я... Я думал, что его отправят в монастырь... В этом меня заверил епископ... Я посчитал, что так будет лучше, что там он сможет молиться о прощении грехов.

— Ему не за что просить прощения! — выпалила Атайя, морщась от отвращения. — Это вам следует вымаливать пощаду, *вам!* Теперь вы ничем не отличаетесь от них. — Она вскинула руки, указывая на переговаривавшихся о чем-то приглушенными голосами Люкина и Парра. — Может, вам позволят самому зажечь погребальный огонь? Ну же, ступайте к столбу!

Атайя собиралась продолжить, но поспешно подскочивший к Алдусу епископ схватил его за руку и повел прочь, в чем-то настоятельно убеждая. Он испугался, что разговор с ней опять пошатнет его убеждения, и пытался предотвратить это.

В этот момент зазвучал голос Дарэка, вновь поднявшегося по лестнице наверх, чтобы обратиться к народу.

— Жители Кайбурна. — Он указал рукой на прикованного к столбу мужчину. — Этот человек — колдун. Колдун, обучивший мою сестру ужасающим уловкам колдовства. Сегодня ему суждено умереть. Запомните этот день, как великий день освобождения Кайта от черных сил дьявола.

Джейрен взглянул на Атайю и едва заметно кивнул ей. Он всегда был готов рисковать жизнью ради нее, ради достижения ее благородных целей и не отказывался от своих убеждений даже сейчас. Именно этот человек пытался внушить ей когда-то, что ради освобождения Кайта стоит идти на любые жертвы, и она усвоила этот урок.

Атайя знала, что не в состоянии связаться с ним, но всем сердцем желала, чтобы он угадал сейчас ее мысли.

Джейрен, я хочу выйти за тебя замуж! — отчаянно кричала ее душа. — *Я мечтала об этом все это время, но боялась подвергать тебя опасности... Такой опасности...*

Ей в голову вдруг пришла страшная мысль: если бы Джейрен поехал с ней и находился сейчас в Эльсском лесу, ничто не угрожало бы ему...

Дарэк, успешно исполнив свою роль, махнул рукой Парру, и тот с неумолимо жестокой улыбкой на губах двинулся к

столбу, держа в руке горящий факел, явно наслаждаясь всеобщим вниманием. Толпа молчала, в зловещей тишине слышалось лишь потрескивание языков пламени.

Глаза Атайи заволокло туманом. Ей казалось, она наблюдает за происходящим откуда-то со стороны, что все нереально, обманчиво. Сознавать, что Джейрен так близко и в то же время так далеко от нее, походило на приближение к сверкающим вратам рая, вратам, которые никогда не откроются.

Когда Парр уже начал склонятся к сложенному под ногами Джейрена сену, она подумала: если цена ее магии так велика, то, быть может, Хедрик был прав, назвав ее избранной, достойной для роли великой спасительницы своего народа.

Глава 21

— Прошу вас, подождите! — послышался голос Алдуса. Он повернулся к королю, умоляюще сложив ладони. — Позвольте мне благословить его. Он — колдун, ваше величество, но давайте отправим его в мир иной не с проклятием, а с молитвой!

— Вряд ли этот человек заслуживает такой милости! — пробасил Люкин, с нетерпением ожидавший начала расправы.

— Ваше милосердие не знает границ! — презрительно скривив губы, крикнула Атайя. — И вы смеете считать себя служителем Бога?

— Подождите, Парр! — обратился к капитану Дарэк. Идея Алдуса показалась ему довольно привлекательной. Подобный жест лишь приблизил бы его к народу. — Думаю, в этом нет ничего плохого.

Если бы эти слова исходили не от короля, а от кого-то другого, Люкин наверняка закатил бы глаза и сказал бы что-нибудь недостойное его положения. Сейчас же он просто вздохнул, хотя и несколько раздраженно.

— Хорошо, Алдус. Но поторопись. Капитану Парру не терпится привести приказ в исполнение.

Отец Алдус поспешно пошел к жертве, громко шлепая сандалиями, а Джейрен в изумлении уставился на него.

Атайя затаила дыхание. Внезапная догадка пронзила ее сердце: Алдус хочет убить его раньше, чем пламя, чтобы уменьшить его страдания. Так же страстно, как одна часть ее души желала, чтобы святой отец оказал ему такую милость, другая надеялась, что он не сделает этого. Она мечтала о каком-нибудь чуде, в последнюю секунду способном спасти Джейрена.

Алдус пробормотал слова молитвы, сделал паузу, затем приложил пальцы к сердцу, ко лбу и, наконец, протянул руку к Джейрену для благословения. Он коснулся его виска и удерживал там ладонь чуть дольше привычного времени, затем многозначительно взглянул ему прямо в глаза, как будто безмолвно сообщая что-то. Атайя заметила, как по телу Джейрена прокатилась еле заметная дрожь, как от струйки холодной воды на спине. Через мгновение в его глазах отразилось удивление.

— Да смилостивится Господь над твоей душой, — сказал в заключение Алдус ясным ровным голосом, повернулся к Джейрену спиной и направился назад, устремив взгляд на Атайю.

В его глазах она увидела силу и уверенность и неожиданное умиротворение, как будто сам Господь дотронулся до него своей божественной рукой, указав верный путь. Теперь ей все стало понятно: он попросил «благословить» Джейрена, чтобы снять с него заклинание блокировки, а теперь направлялся к ней с целью проделать то же самое.

Всего одно прикосновение, святой отец, — задыхалась от нетерпения Атайя. — *Одно прикосновение, и я унесу нас троих из этого проклятого места!*

Она нахмурила брови, размышляя, возможно ли это — транслокировать себя и двух других человек одновременно, и на что вообще способна ее магия после девяти дней заключения.

Дарэк поднял руку, подавая знак капитану зажигать огонь. На этот раз Парр бросился выполнять приказ еще более энергично, боясь, что что-нибудь опять помешает ему выполнить столь приятную миссию. Он что-то пробормотал жертве, по всей вероятности, что-то подлое, судя по гневному выражению лица Джейрена, и коснулся факелом сена.

У Атайи на лбу появились крупные капли пота: Алдус все еще шел к ней, а Джейрен напряженно следил за ним. Если он раскроет секрет «благословения» раньше времени, Алдусу не дадут возможности приблизиться к Атайе. Но ждать долго он не мог.

Быстрее, Алдус, — молилась Атайя.

Священник находился от нее на расстоянии каких-то нескольких ярдов, когда к нему обратился Дарэк, заставив приостановиться.

Король поблагодарил святого отца за преданность церкви и проявленное великодушие. Священник слушал, изображая смирение, пытаясь сохранить внешнее спокойствие. Сердце Атайи разрывалось на части: она с содроганием смотрела, как разгорался огонь, поднимаясь все выше и выше. Вот уже язык пламени скользнул по руке Джейрена, и тот, понимая, что больше не может ждать, приказал металлическим оковам выпустить его из своего плена и выскочил из костра.

— Матерь Божья, он убегает! — Люкин всплеснул руками и вытаращил глаза. — Капитан, не упустите его!

Парр уже отдавал распоряжение воинам хватать беглеца. Его глаза горели, подобно огню, устремившемуся ввысь, охватившему уже почти весь столб. Вдруг его лицо исказилось жуткой гримасой, он, сотрясаясь от злости, указал рукой в ту сторону, куда рванул Джейрен, но не на него, а на человека, вынырнувшего к нему из толпы и помогавшего теперь расчищать путь.

— Это Кейл Эван! — завизжал Парр. — Он с ними заодно! Хватайте его!

Неожиданно Атайя увидела еще одно знакомое лицо: сэр Джарвис, преграждая путь стражникам, как будто по неосто-

рожности опрокинул свой набитый серебром кошелек. Блестящие монеты, весело позвякивая, рассыпались по ступеням, и народ, не обращая ни малейшего внимания на приказы капитана разойтись, набросился на них, подобно голубям, слетевшимся на усыпанный хлебными крошками тротуар.

Освободившись от заклинания блокировки, Джейрен быстро создал невидимый покров, но его силы были значительно ослаблены, поэтому невидимая пелена то и дело растворялась, то скрывая, то представляя всеобщему взору своего владельца и Кейла. Так они и бежали вверх по лестнице, устремляясь к пустынным западным воротам собора.

Сообразив, что произошло, Люкин с остервенением повернулся к Алдусу:

— Это ты освободил его! Будь ты проклят! Ты предал нас!

— *Нет!* — крикнул, уверенно глядя на короля и епископа, Алдус. — Я предал не вас, а себя в тот момент, когда отрекся от признания своих способностей. Я чувствую Бога в себе, и это невиданное блаженство!

Его глаза искрились внутренней радостью. Наконец он понял, что его магия — не противоречащее церкви зло, а лишь другая грань чудесной тайны.

Быстро оглядевшись по сторонам, Алдус отметил, что стражники заняты погоней за Джейреном и Кейлом, и зрительно измерил расстояние до Атайи. Это не ускользнуло от внимания епископа.

— Держите ее, — неистово заорал он. — Не подпускайте к ней священника!

В мгновение ока вокруг Атайи образовалось плотное кольцо воинов, готовых предотвратить любую попытку приблизиться к ней.

То, что произошло в следующее мгновение, сбило с толку всех присутствовавших.

— *Figuram visionibus praesta!* — крикнул Алдус, подняв голову к небу, вытянув руки, подобно крыльям. Каждое из слов было наполнено радостью и казалось хвалебной песней, воспевающей Творца. — *Turmam angelorum mihi praebe!*

На главную площадь города опустился густой туман. Он кружился, как визуальная сфера, до тех пор, пока в воздухе не появились странные создания: светящиеся, с прозрачными, узорчатыми, точно кружевными крыльями.

— Кто они? — послышались со всех сторон перепуганные крики.

Атайя с удивлением отметила, что вскрикивают обычно непробиваемые гвардейцы короля. Некоторые падали на колени и начинали отчаянно молиться, прося прощения за все содеянные прегрешения.

Слепящее сияние ослабло, и Атайя смогла рассмотреть удивительных существ. Их лица, обрамленными золотистыми кудрями, ни женские, ни мужские, были созданы как будто из мрамора, словно старинные статуи святых из собора неожиданно обрели крылья и поднялись в воздух. Неестественно большие горящие глаза смотрели вниз, бросая на одних божественные и одобрительные, на других строгие и осуждающие взгляды.

Неожиданно все создания одновременно захлопали крыльями, поднялся сильный ветер, в воздухе распространился аромат роз.

По невидимому сигналу они разделились на группы. Первая устремилась на окружавших Атайю солдат, вторая — на стражников, гнавшихся за Джейреном и Кейлом. Третья подлетела к перепуганным королю и епископу. Те пустились бежать и в полном смятении укрылись в одной из карет.

Атайя тоже приготовилась к побегу, но одно из существ, заметив это, спустилось к ней и отвесило ей почтительный поклон.

— Никуда не уходи, — произнесло оно. — Он не забыл про тебя.

Тут она заметила, что странное создание даже не шевелило губами, и поняла: сказанные им слова отзывались эхом где-то в ее голове.

Атайя перевела взгляд на Алдуса и поразилась произошедшей в нем перемене. Ничто не напоминало в нем того

жалкого, сгорбленного человека, каким он был всего полчаса назад. Теперь она видела перед собой само олицетворение уверенности, решительности и умиротворенности.

Иллюзорные заклинания... — догадалась Атайя, отмечая, однако, что ничего подобного созданному Алдусом ей не доводилось видеть ни разу в жизни.

В памяти неожиданно всплыл разговор с Мэйзоном: он сказал ей однажды, что Алдус обладает феноменальным талантом к иллюзорным заклинаниям, и подчеркнул, что в своих творениях священник воплощает в жизнь нарисованные фантазией образы из священных писаний.

Она пристальнее пригляделась к творениям священника, и неожиданная мысль молнией пронзила ее сознание: а что, если эти существа вовсе не иллюзия, а нечто такое, чего еще не видывал мир, особое создание этого талантливого священника-колдуна?

Вокруг творилось нечто невообразимое. Некоторые люди усердно молились, стоя на коленях, другие, расталкивая толпу, стремились убежать с площади.

— Этот священник — колдун! — истерично кричал кто-то. — Лорнгельды проникли в церковь. Мы пропали!

— Нет! — орал другой голос. — Им руководит сам Господь. Ты что, не видишь? Даже ангелы спустились с небес, чтобы помочь ему!

— Еретик!

Возбужденные выкрики в считанные минуты вылились в ссору, завязалась драка, распространившаяся вскоре по всей площади. Какой-то мужчина поджег от костра длинную палку и принялся ожесточенно размахивать ею, доказывая кому-то, что явившиеся существа вовсе не ангелы, а дьяволы. Многие горожане, пользуясь моментом, полезли грабить окрестные магазинчики и лавки, другие опустошали свисавшие с поясов незнакомцев кошельки.

Воины короля прилагали все усилия, чтобы прекратить беспорядки, но толпа значительно превосходила их по численности, да и сила духа солдат была значительно подорвана

появлением волшебных существ. В суматохе никто не обратил внимания на то, как заметно устал Алдус. Летающие создания слетелись в стаю и постепенно исчезли.

Атайя посмотрела туда, куда убежали Джейрен и Кейл, но никого не увидела. Они скрылись из виду, как будто улетели в облака вместе с чудесными ангелами Алдуса.

Прежде чем люди успели заметить, что существа испарились, Алдус решительно шагнул к Атайе.

— Дай мне руку! — сказал он твердым, уверенным голосом.

В этот же момент она услышала истеричный вопль брата.

— Остановите его! — орал Дарэк, обращаясь к своим воинам. — Не дайте ему приблизиться к принцессе!

Гвардейцы мешкали. Никто не желал связываться с человеком, способным вызвать с небес непонятных созданий. Но один из них все же подбежал к Алдусу, преграждая ему путь. Священник спокойно прошел мимо, создав вокруг себя защитный покров.

Атайю схватили две пары грубых рук, и стражники потащили ее к одной из карет.

Алдус приблизился, и воины, соприкоснувшись с невидимой стеной, отскочили в разные стороны, визжа от боли. Он протянул Атайе руку, и она крепко сжала ее.

— Сейчас все будет в порядке, — прошептал священник, собираясь с силами.

Атайя молилась, чтобы у него оказалось достаточно энергии после применения иллюзорного заклинания.

Благослови меня, святой отец. Так, как благословил Джейрена! — стучало в ее висках.

В это мгновение Атайя заметила, как Дарэк с епископом поспешно развязывают веревки на той загадочной коробке, которую привез с собой Люкин. Король с победным видом откинул крышку и вытащил корбаловую корону.

— Да покарает тебя Господь, Алдус! — взревел Люкин. — Священные камни расправятся с тобой.

Атайя почувствовала, как рука Алдуса мгновенно ослабла в ее ладони. В первую секунду он не мог даже кричать, пара-

лизованный от шока. Его глаза остекленели, лицо побледнело. Послышался душераздирающий крик, наверное, так кричат лишь самые грешные души в глубоких подземельях ада. Люди замерли, прекращая драки, ссоры и грабеж. Кое-кто испуганно поднял голову к небу, боясь, что оттуда вновь появится что-нибудь сверхъестественное.

Алдус метнулся в сторону, стремясь уйти от короны, избавиться от невыносимой, невиданной пытки, дико воя и стеная. Атайя с ужасом сознавала, что корбалы уничтожили саму его сущность, оставляя лишь оболочку.

Оставляя ее магию заблокированной.

Добредя до пылающего костра, Алдус на мгновение приостановился, затем бросился в огонь, спасаясь от безумной боли.

Его мантия зловеще полыхнула, раздался пронзительный стон, сменившийся через мгновение булькающими звуками. На землю хлынула кровь. Она видела, как в небо устремились две обгоревшие руки — те самые руки, которые несколько минут назад смогли вызвать ангелов.

Над костром поднялся черный дым, в воздухе распространился едкий, тошнотворный запах паленой плоти.

В какое-то мгновение дым принял очертания человека с крыльями, затем рассеялся, устремляясь ввысь.

Раздраженно и злобно Дарэк протянул корону своим людям.

Те с готовностью уложили ее обратно в коробку и опять перевязали веревками.

Король, бледный, злобно раздувая ноздри, оглядел площадь. Смерть Алдуса лишь усугубила ситуацию: вокруг творилось настоящее безумие. День превратился в полный кошмар, и это страшило и удручало его величество.

В ту минуту, когда он повернул перекошенное от злобы лицо в сторону Атайи, чья-то тонкая, белая рука высунулась между ног стражников и схватила с сиденья кареты коробку с короной.

— Корона! — крикнул один из воинов. — Хватайте мальчишку! Вор!

Терпение Дарэка лопнуло. Стремительными шагами он приблизился к епископу и ткнул его кулаком в грудь.

— Люкин! Это твой проклятый, ничтожный город! Если мне не вернут корону, если тот, кто ее украл, не будет пойман... — Его голос сорвался.

Глаза Люкина растерянно забегали. Он начал осознавать, что попал в весьма незавидное положение. Когда король отвернулся и зашагал в сторону, епископ с облегчением вздохнул.

Дарэк направлялся к Атайе.

На протяжении нескольких секунд они пристально смотрели друг другу в глаза, не решаясь заговорить.

Интересно, — думала она, — *осмелится он придушить меня здесь или дождется момента, когда вокруг не будет свидетелей...*

— В карету! — процедил сквозь зубы Дарэк, толкнул ее внутрь и залез сам.

По его сигналу стражники задвинули тяжелый засов. Через минуту они уже неслись по улицам Кайбурна, спеша покинуть это место. Извозчик с остервенением хлестал лошадей, и люди разбегались с дороги.

Атайя, чтобы не смотреть в лицо брату, отдернула занавеску на крошечном заднем окне. Представшая перед глазами картина заставила ее содрогнуться. Народ бил стекла в магазинах и грабил их, повсюду дрались и жгли костры. Город полностью вышел из-под контроля.

Вдалеке уже догорал погребальный костер. В воздух поднимались, закручиваясь в кольца, темные клубы дыма.

Люди хотели увидеть, как умирает колдун.

Им было на что посмотреть сегодня.

Глава 22

— О, Тоня! Мне больно! — воскликнул Джейрен и отдернул руку, но резкое движение доставило ему еще большую боль, чем темно-серая мазь, которой мастер заботливо намазывала обширный ожог.

Они сидели в углу кухни, прохладный вечерний ветерок наполнял помещение, проникая сквозь открытое окно, свежим запахом дождя и яблоневого цвета. Солнце заходило, окрашивая землю в теплые желтые тона.

— Ты уверен, что все в порядке? — озабоченно спросила Тоня.

Молодость помогла Джейрену достаточно быстро прийти в себя после получения многочисленных физических травм, но ее волновало другое: последствия заклинания блокировки. Она тщательно проверила его мозг, убеждаясь, что тропы целы и что магия беспрепятственно проходит по ним.

Джейрен вяло пожал плечами.

— Я пока не могу сказать, как себя чувствую... Ощущаю какую-то пустоту... — Он зажмурил глаза, потом медленно раскрыл их и глубоко вздохнул. — Все, что со мной происходит, кажется каким-то нереальным. Не исключено, что завтра осознание случившегося и боль обрушатся на меня тяжким бременем...

— Я приготовила еще мазь, как вы просили, мастер Тоня. — В кухню вошла Джильда, вытирая руку о старенький передник, и поставила на стол горшок с мазью. — Пойду поищу чистые тряпки для перевязок.

— Как хорошо, что эта девочка осталась сегодня здесь, — сказала Тоня, когда Джильда вышла. — Оказывается, утреннее недомогание иногда может даже помочь!

Она хихикнула, пытаясь разрядить нависшее над ними тяжелое напряжение.

Через несколько минут на пороге появились Кейл и Ранальф, смертельно уставшие, перепачканные грязью. На плече Ранальфа лежала лопатка. Следом за ними в кухню, опустив голову, вошел Кам.

— Мы разобрали камни в полу старой церкви и запрятали туда коробку с короной, — сообщил Ранальф, поставил лопатку к стене и уселся на стул. — Забьем щели песком, заложим камнями, и никто никогда не отыщет проклятую штуковину.

Тоня одобрительно кивнула.

— Кам, ты совершил настоящий подвиг! Ты рисковал жизнью, воруя эту корону! Мы тобой гордимся.

— Уверен, даже наш правильный Де Пьер на этот раз восхитился бы твоим поступком, — усмехнулся Ранальф.

Кам лишь угрюмо кивнул.

— Жаль только, что это не помогло Атайе... — пробормотал он поникшим голосом.

Воцарилось гнетущее молчание. Мальчик заговорил о том, о чем на протяжении нескольких часов никто не осмеливался упоминать. Сначала Тоня не хотела рассказывать друзьям о заклинании блокировки, но потом, когда Камерон рассказал о мгновенном сумасшествии священника от воздействия короны с корбалами и все раскрыли рот от изумления, удивляясь спокойной реакции Атайи, ей не оставалось ничего другого, как во всем признаться. Она взяла со всех клятву хранить молчание и еще раз помолилась о том, чтобы слухи не дошли до Бэзила.

— Я всегда знал, что доверять Алдусу не стоит, — проворчал Ранальф. — Он во всем виноват!

— Этот священник никому не желал зла и натворил столько бед ненамеренно, — возразил Джейрен. — У него было мало времени, но после того, как ему удалось освободить меня, он признался, что долго просил у Господа указать ему путь и в конце концов понял, что совершил ошибку, отказавшись от магии. — Джейрен устало опустился на спинку стула. — Все это время Алдус поступал так, как считал правильным, думая, что это угодно Богу. Не стоит осуждать его, даже если в чем-то он явно заблуждался...

Услышав подобное от человека, который едва не лишился жизни, Ранальф устыдился своих слов и не стал продолжать начатую тему. Помолчав немного, он беспомощно ударил здоровенным кулаком по столу, заставив подпрыгнуть горшок с мазью.

— Это невыносимо, Тоня! Если бы мы только могли подобраться поближе к ней, тогда бы, может, что-нибудь придумали!

— Мы сделали все, что было в наших силах.

— Все! Но какой, черт возьми, от этого толк?

— Выходит, вы оба ходили в город?

Ранальф всплеснул руками.

— Мы с Тоней подошли к площади на такое расстояние, где еще не чувствовалось влияние корбалов из рукояток кинжалов охраны. Хотели придумать какой-нибудь план, но нас, как назло, заметил этот идиот Джилберт Аймс. Он наслал на нас эскадрон солдат.

— Тот тип, который работает на суконной фабрике, помнишь, я тебе рассказывала, — пояснила Джейрену Тоня.

— Делать было нечего, единственное, что мы могли предпринять, так это спастись бегством. Когда погоня отстала, на площади уже начались беспорядки. Но Джилберту я отомстил! — Ранальф гордо поднял голову. — Позднее мы опять с ним встретились. Думаю, он навсегда запомнит заработанные сегодня синяки.

— А я навсегда запомню головную боль, — воскликнула Тоня. — Мы находились на приличном расстоянии от площади, однако влияние короны почувствовали сразу. Мне показалось, что мой череп готов взорваться.

— А как ты это выдержал? — спросил у Джейрена Ранальф.

— Наверное, мы с Кейлом достигли уже к тому времени самой окраины города. Когда появились эти... не знаю, как назвать эти создания... мы вбежали в собор и выскользнули из другого выхода. В какой-то момент я тоже почувствовал небольшую боль в голове, но списал ее на заклинание блокировки. — Он повернулся к Кейлу и едва заметно улыбнулся ему. — Ты помогаешь мне избежать расправы короля второй раз, Кейл. Сначала в октябре, при побеге из Делфархама, теперь сегодняшний случай...

— Хотелось бы спасти и Атайю, как в прошлый раз...

Старый воин печально опустил глаза.

— Ты тот самый парень, за которого Атайя хотела выйти замуж? — бесхитростно спросил Джейрена Кам.

— Это я хотел жениться на ней, — тихо ответил Джейрен.

Тоня встала со стула, убрала мазь и принялась доставать из буфета посуду, чтобы готовить ужин.

— Представь себе, какого шурина ты заполучишь, когда женишься на ней! Дарэк дважды пытался тебя убить.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к Ранальфу.

— Почему бы вам с Кейлом не постирать свою одежду в ручье? Неплохо было бы, если бы вы еще поймали пару кроликов к ужину. А ты, Кам, помоги Джильде наполнить элем кувшины. Конечно, мы с вами можем бесконечно пребывать в горе, но давайте хотя бы наполним желудки!

Все с радостью отправились выполнять порученные им задания. Когда занимаешься делом, легче переносить душевную боль.

Оставшись наедине с Тоней, Джейрен расслабился, позволяя себе выглядеть несчастным и давая волю чувствам.

— Не могу поверить, что ее нет рядом, Тоня. И во всем виноват я сам! Выскочил из огня раньше времени, не дав возможности священнику дойти до нее...

— Перестань, прошу тебя!

— Алдус велел мне бежать, сказал, что с Атайей все будет в порядке, что мы встретимся в лагере в лесу... Боже мой, я даже не оглянулся на нее, Тоня! Ко мне подскочил Кейл, затем воздух наполнился этими... существами. Когда мы подбежали к собору, ко мне подлетело одно из них и шепнуло, чтобы за Атайю я не беспокоился. Я даже не посмотрел на нее...

Тоня отставила в сторону сковородку и села рядом с Джейреном.

— Послушай, ты ничего не смог бы сделать! На площади находилось не меньше полка солдат, а когда они вытащили эту корону, ты просто сошел бы с ума.

— Но что с ней? — закричал Джейрен, выплескивая наружу всю скопившуюся в душе боль. — Я не знаю даже, жива ли она!

— Жива, не волнуйся. Я уже взглянула на нее через сферу. Они едут куда-то в карете. С братом. В сопровождении кучи солдат.

— Тогда почему мы тут спокойно сидим? Надо что-то делать!

— Успокойся, Джейрен. Что мы можем сделать сейчас, когда никто из нас не знает точно, где она? Я всего лишь увидела карету, а куда они держат путь, неизвестно.

— Но мы должны что-нибудь придумать! Ее убьют!

— Король сделал бы это сегодня, если бы действительно намеревался убить ее. Полагаю, он ее боится. — Тоня смахнула со лба прядь седых волос. — Но каковы именно его планы относительно сестры? Этого я, к сожалению, не знаю.

Джейрен склонил голову и медленно произнес, почти шепотом:

— Даже если Дарэк оставит ее в живых, она умрет от блокировки магии...

— Знаю, — ответила Тоня. — У нас еще есть время. Немного, но тем не менее есть.

Отвернувшись, она принялась резать лук. Джейрен неподвижно сидел на стуле, угрюмо наблюдая за исчезавшим за горизонтом солнцем. Когда молчание стало неприятно давить, Тоня отложила нож и, потирая глаза, медленно заговорила:

— Атайя просила передать тебе, что любит тебя, что совершила ошибку, отказавшись выйти за тебя замуж. Она хотела ехать в Рэйку, чтобы самой сообщить тебе об этом.

Искра радости вспыхнула в глазах Джейрена, но тут же погасла.

— Даже не знаю, радоваться мне или плакать, Тоня... Мы были так близко...

Его голос оборвался. Выдержав продолжительную паузу, Джейрен продолжил:

— Я хотел сам приехать в Кайт, независимо от того, как бы к этому отнесся отец. Я сказал бы ей, что не намерен отступать, что жизнь вместе, пусть непродолжительная, стоит

любого риска. Теперь я никогда больше не получу такой возможности.

— Что за разговоры? Что значит «никогда»? — воскликнула, грозя ему пальцем, мастер. — Я слышу это от человека, который заявляет, что влюблен? — Она наклонилась к нему и обняла его за плечи. — Тебе нужно отдохнуть. Денек у тебя был просто адский. Мы обязательно найдем Атайю, Джейрен. Ради тебя, ради Кайта — мы найдем ее. Обязаны найти.

Карета с королем и его сестрой замедлила ход, лишь удалившись на приличное расстояние от взбунтовавшегося города Кайбурна.

Еще не стемнело, но солнце уже почти зашло за горизонт, окрасив его красно-желтыми красками. Атайя, несмотря на духоту и усталость, была слишком взволнована, чтобы спать. А Дарэк мирно дремал, свернувшись калачиком, подобно утомленному ребенку, на бархатных подушках. Его шелковая мантия измялась, белое перо на шляпе смешно повисло. Каждый раз, когда карета наезжала на кочку, он недовольно постанывал и устраивался поудобнее.

Атайе хотелось бы ехать отдельно от брата, чтобы иметь возможность спокойно поразмышлять в одиночестве, но она понимала, что Дарэк ни при каких обстоятельствах не отпустит ее от себя до тех пор, пока карета не прибудет в монастырь, пока ее не запрячут за его высокие стены.

Думаю, святая обитель — гораздо более достойное пристанище, чем подземелье... или могила, — размышляла Атайя, представляя, как кроткие монашки примут знаменитую преступницу. — *Но о каком монастыре, собственно, идет речь...*

Она нахмурила брови, понимая, что не в состоянии вспомнить название, хотя знала, что ей сообщили его, и резким движением задернула занавеску.

Внезапно пришедшая в голову мысль заставила ее вздрогнуть: теперь, когда Алдус мертв, в Кайте остался единственный человек, кто способен ей помочь, — Тоня. А Тоне неизвестно, куда ее везут.

Я и сама этого не знаю, — мрачно подумала Атайя.

Однажды ей уже пришлось пережить все неприятности *механа*, допустить повторения она не желала. Даже если Тоня и остальные разыщут ее, необходимо, дожидаясь этого момента, собрать все свои силы, чтобы противостоять заклинанию блокировки, не дать ему возможности стать причиной сумасшествия. Нужно появиться в монастыре в здравом уме, чтобы монашки не организовали для нее проведения обряда отпущения грехов.

Несмотря на самовнушение, Атайя понимала: незначительные провалы в памяти — лишь предвестник того, что последует дальше. Даже сейчас она периодически ощущала, как ее силы пытаются вырваться.

Помнишь, я заставлял тебя выучить наизусть имена членов Совета и продолжительность их пребывания в нем? — В голове Атайи отчетливо прозвучали слова, сказанные когда-то Хедриком. — *Я делал это умышленно. Такое упражнение используется для развития дисциплины, Атайя. Это закаляет ум, подобно тому, как физические упражнения закаляют тело человека. Дисциплинированный мозг позволяет гораздо быстрее сконцентрироваться на нужном заклинании.*

Атайя откинулась на подушки и закрыла глаза.

Кредони, лорд первого Совета, двадцать шесть лет; Сидра, лорд второго Совета, одиннадцать лет; Малькон, лорд третьего...

Так она перечислила всех членов Совета, дойдя наконец до самого Бэзила, лорда двадцать восьмого состава Совета мастеров. По спине пробежали мурашки, когда ей представилось гневное лицо председателя. Если ему уже известно о грубом нарушении правил, то он считает, наверное, что нависшая над ней угроза — вполне заслуженное наказание.

Об одном Атайя думала с радостью — о том, что Джейрен в безопасности. Какое-то странное спокойствие внутри давало ей веру, что это именно так. Оно появилось раньше, чем капитан Парр догнал процессию и злобно сообщил, что его пленник сбежал.

Атайя посмотрела на Дарэка, беспомощного во сне. Он спал все более беспокойно, вздрагивая и поскуливая, а она лишь удовлетворенно улыбалась, предполагая, что ему снятся колдуны.

— Ладно, Дарэк, — сказала вслух Атайя. — Ты выиграл... пока что.

Король фыркнул, но не проснулся.

— Ты не победил меня. Пока еще нет, — продолжила Атайя. — Можешь запрятать меня за десяток самых высоких стен, но я до последнего буду продолжать бороться. Я не позволю заклинанию уничтожить меня. Не позволю, черт возьми! На этот раз мне очень нужно остаться в живых. На этом все не закончится! — предупредила она спящего короля. — Мы положили начало великому делу, а сегодняшние события в Кайбурне лишь помогли нам. Вскоре волнения распространятся по всей стране, и к нам придут еще ученики.

Я знаю, ты изменишь мир, Атайя, — сказал ей при расставании Джейрен. — *По крайней мере какую-то часть его. Я верю в тебя.*

— Тогда сохрани эту веру, Джейрен, прошу тебя, — прошептала Атайя. — Мне она очень необходима.

Вместо отчаяния ее охватила вдруг невероятно сильное, светлое чувство — надежда!

Весьма своеобразные ощущения по дороге в тюрьму, — подумала Атайя, по ее губам скользнула улыбка.

Уверенность в том, что ее найдут и вызволят из плена — Тоня, Джейрен или кто-то другой, — возрастала с каждой минутой. И если к тому моменту она сумеет противостоять страшной силе заклинания блокировки, то в один прекрасный день вернется в Кайбурн и продолжит начатое дело.

— Я не подведу тебя, Джейрен, я никого из вас не подведу!

Перед ее глазами проплыли образы друзей, которые, рискуя жизнью, приехали с ней в Кайт, потом лица тех, кто доверился ей, — Джарвиса, Меган, Кордри, Джильды и, наконец, Алдуса. Когда-то их ряды разрастутся, превращаясь в

десятки, сотни, тысячи людей, людей из разных городов и деревень Кайбурна. Она чувствовала в себе невероятные силы, готовность бороться и жажду жить.

— Они придут за мной! — бросила Атайя в лицо посапывавшему королю, зарывшемуся в мягкие подушки. — Ты слышишь, Дарэк?

Она отдернула шторы и выглянула в окно. Тучи лениво обволакивали появившуюся на небе луну.

Атайя снова принялась читать заученный когда-то урок, теперь с довольной улыбкой на губах.

Кредони, лорд первого Совета, двадцать шесть лет; Сидра, лорд второго Совета, одиннадцать лет; Малькон, лорд третьего...

А карета несла ее дальше, продвигаясь к отдаленному и пустынному северному побережью Кайта.

Содержание

Зов безумия 5
Посланники магии 367

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец. Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Смит Джулия Дин

Зов безумия
Посланники магии

Сборник

Редакторы Я. Смирнов («Зов безумия»), О. Пчелин («Посланники магии»)
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: С. Клещев
Технический редактор О. Панкратина
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Говорят — дар к волшебству дается человеку при рождении, дремлет в нем двадцать лет и, проявляясь, отнимает у «волшебников поневоле» разум.

И лишь в далекой Рэйке, обители Совета магов, смогут великие мастера чародейства обучить носителя «дикой магии» СОЗНАТЕЛЬНО пользоваться своим даром...

Нелегко в этом мире девушке Атайе, чудом спасшейся от «зова безумия» — и теперь отправившейся из Рэйки в королевство, где магов считают одержимыми дьяволом, где любому «приспешнику сатаны» одна дорога — на костер. Снова и снова пытается Атайя спасти ни в чем не повинных обладателей дара, пытается, еще не зная, что люди Церкви уже ведут охоту НА НЕЕ САМУ...

ISBN 5-17-025020-7